А.И. Подберезкин

СОВРЕМЕННОЕ МИРОУСТРОЙСТВО, СИЛОВАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

МГИМО
УНИВЕРСИТЕТ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

ЦЕНТР ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Кафедра всемирной и отечественной истории

А.И. Подберезкин

СОВРЕМЕННОЕ МИРОУСТРОЙСТВО, СИЛОВАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Москва
Издательский дом
«Международные отношения»
2021

УДК 327(100-87)
ББК 66.4(0)'6
П44

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
по проекту № 21-114-00011, не подлежит продаже

Подберезкин, Алексей Иванович.

П44 Современное мироустройство, силовая политика и идеологическая борьба / А.И. Подберезкин; [редактор О.Е. Родионов]. — М. : ИД «Международные отношения», 2021. — 790 с.

ISBN 978-5-906367-98-3

Книга известного ученого-международника А.И. Подберезкина посвящена фундаментальным основам анализа современного мироустройства, а также исследованию взаимосвязи и взаимовлияния силовой политики и идеологической борьбы на развитие международной и военно-политической обстановки. Автор считает, что в интересах стратегического планирования в России необходимо своевременно и по возможности максимально точно определять современное состояние международной обстановки и наиболее вероятные сценарии ее развития, которые лежат в основе формирования сценариев военно-политической обстановки. Эта оценка должна чутко реагировать на внешние изменения, которые происходят очень быстро именно в последние годы.

Книга может быть полезна тем, кто изучает современные международные отношения, политологию, историю России и зарубежных стран.

The book by the well-known international scholar A.I. Podberezkin is devoted to the fundamental foundations of the analysis of the modern world order, as well as to the study of the relationship and mutual influence of power politics and ideological struggle on the development of the international and military-political situation. The author believes that in the interests of strategic planning in Russia, it is necessary to timely and as accurately as possible determine the current state of the international situation and the most likely scenarios of its development, which are the basis for the formation of scenarios of the military-political situation. This assessment should be sensitive to external changes that have occurred very quickly in recent years.

The book can be useful for those who study modern international relations, political science, history of Russia and foreign countries.

УДК 327(100-87)
ББК 66.4(0)'6

ISBN 978-5-906367-98-3

© Подберезкин А.И., 2021

Оглавление

Предисловие **9**

Глава I. Особенность современного мироустройства и его влияние на национальную безопасность России **53**

1.1. Новое мироустройство и новый миропорядок 61

1.1.а). Структура и взаимосвязь факторов, формирующих международную и военно-политическую обстановку 64

1.1.б). Современное состояние международной обстановки и ее влияние на военно-политическую и стратегическую обстановку 82

1.1.в). Смена парадигм развития международной обстановки: непосредственные последствия для военно-политической и стратегической обстановки 88

1.1.г). Основной сценарий международной обстановки и варианты его развития на «переходный период» до 2035 года 103

1.1.д). Перспективы развития международной обстановки после 2035 года 111

1.1.е). Основные особенности «переходного периода» базового сценария развития международной и военно-политической обстановки для стратегической обстановки 117

1.2. Современные тенденции развития и деградации международной обстановки применительно к последствиям изменения стратегической обстановки, войн и военных конфликтов 132

1.2.а). Сущность современного этапа развития международной обстановки с точки зрения последствий развития стратегической обстановки в мире: главные особенности и основные тенденции 138

1.2.б). Главные тенденции и приоритеты мирового развитияв «переходный период» с точки зрения последствий для стратегической обстановки 148
1.2.в). «Переходный период»: главная особенность эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2020–2035 гг.) 172
1.2.г). «Переходный период»: силовое информационно-когнитивное «форматирование» правящих элит субъектов военно-политической обстановки 182
1.3. Система современной национальной безопасности России и перспектива ее трансформации в условиях нового состояния международной обстановки в мире 190
1.3.а). Стратегическая стабильность и национальная безопасность России 196
1.3.б). Военная сила в «переходный период» в политике западной коалиции и национальная безопасность России 204
1.3.в). Внутренняя «интровертность» России, импортная независимость и безопасность страны 218
1.4. Национальные интересы как основа деятельности Российского государства в XXI веке и их влияние на формирование международной обстановки 225
1.4.а). Национальные интересы в системе различных интересов субъектов международной обстановки 226
1.4.б). Место национальных интересов в системе интересов и ценностей правящей элиты России 233
1.4.в). Правящая элита и национальные интересы: взаимоотношение объективных и субъективных факторов 236
1.5. Национальная идея как фундамент обеспечения национальной безопасности России 249
1.5.а). Усиление попыток уничтожения национальной идентичностии суверенитета России со стороны Запада 255
1.5. б). Национальная идея как система стратегического прогноза и планирования развития и безопасности России в «переходный период» (нормативное и сценарное планирование) 259

1.5.в). Средства и методы информационно-когнитивной борьбы против России со стороны западной военно-политической коалиции ... 276
1.5.г). Средства информационно-когнитивной борьбы и новый миропорядок ... 287
1.5.д). Будущее российской цивилизации и идеологическое противоборство ... 296
1.6. Новое состояние международной обстановки в мире: современные формы межгосударственного противоборства и их влияние на безопасность государства и формирование стратегической обстановки ... 308
1.6.а). Виртуальная политика и формирование стратегической обстановки как средства влияния на современное развитие международной обстановки ... 314
1.6.б). Изменение условий формирования военно-политической обстановки во втором десятилетии нового века как стимул изменения форм противоборства ... 327
1.6.в). Политика сознательного силового искажения реальности: борьба за информационный суверенитет ... 338

Глава II. Развитие военно-политической обстановки как следствие формирования стратегической обстановки, войн и военно-технической политики России ... 359
2.1. Главные особенности в оценке современной военно-политической обстановки, влияющие на военную политику России ... 369
2.1.а). Новые аспекты в политике военно-технической безопасности государств ... 374
2.1.б). Военная политика: современные средства и меры силового противоборства субъектов стратегической обстановки ... 382
2.1.в). Диалектика развития взаимосвязи сценариев международной, военно-политической, стратегической обстановок и войн ... 384
2.1.г). Силовые средства внешней политики ... 394

2.1.д). Военно-технические средства и меры: современное значение и место в политике государств 400
2.1.е). Национальная безопасность и военно-техническая политика 410
2.2. Влияние развития мер и средств силового противоборства на современный сценарий военно-политической обстановки 416
2.2.а). Наиболее вероятный вариант сценария развития военно-политической обстановки и российские реалии 418
2.2.б). Перспективы развития стратегической обстановки в отдельных регионах 425
2.2.в). Адекватность оценки наиболее вероятного сценария развития военно-политической обстановки в России как условие эффективной политики в области военного строительства 432
2.3. Неизбежность смены стратегии развития и национальной безопасности России в условиях развития современного сценария военно-политической обстановки 440
2.3.а). Новая Стратегия: «Сосредоточься на враге» 441
2.3.б). Главные положения Стратегии национальной безопасности России в новых условиях формирования военно-политической обстановки 454
2.3.в). Повышение эффективности современного силового противоборства субъектов военно-политической обстановки 457
2.4. Значение национального человеческого капитала и его институты как альтернатива военно-техническим средствам политики 466
2.4.а). Значение национального человеческого капитала и его институтов для безопасности субъекта военно-политической обстановки 469
2.4.б). Наиболее эффективные силовые средства внешней политики — выбор стратегии военного строительства 485
2.4.в). Исключительная роль институтов развития гражданского общества и национального человеческого капитала 491

2.5. Наиболее эффективные силовые военно-технические средства: институты национального человеческого капитала, средства воздушно-космического нападения и средства воздушно-космической обороны 504
2.5.а). Влияние военно-технических средств и способов развития стратегической обстановки на формирование военно-политической обстановки 509
2.5.б). Военно-промышленная политика России 513
2.5.в). Значение потенциала средств воздушно-космического нападения 547

Глава III. Значение современных средств силового противоборства для формирования стратегической обстановки 551
3.1. Составные части и факторы формирования современной стратегической обстановки 560
3.1.а). Новые условия развития международной и военно-политической обстановки как оценка отношений между субъектами стратегической обстановки 572
3.1.б). Выбор стратегии противоборства России как политический и нравственный выбор оценки стратегической обстановки правящей элитой 583
3.2. Значение средств воздушно-космического нападения и обороны для формирования стратегической обстановки и обеспечения безопасности России 593
3.2.а). Современная стратегическая обстановка в мире: национальные интересы и военная сила 598
3.2.б). Особенности современной стратегической обстановки и роль воздушно-космических сил 607
3.2.в). Перспективы развития военно-политической обстановки в мире: значение воздушно-космических сил 620
3.2.г). Выбор стратегии силового противоборства России 645
3.2.д). Значение воздушно-космических сил и вероятный характер войн и конфликтов 649
3.2.е). Соотношение воздушно-космических сил и средств: реальное и желательное 655

3.3. Основные угрозы возможного воздушно-космического нападения на Россию 664
3.3.а). Развитие средств воздушно-космического нападениязападной коалиции и развитие средств противодействия Россией. 675
3.4. Влияние усиления глобального военно-силового противоборства и ограниченного сотрудничества на состояние военно-политической обстановки в мире. 684
3.4.а). Новые особенности военно-силовой политики Запада 691
3.4.б). Возможные направления военно-политического сотрудничества 705

Понятийный аппарат 717

Источники и литература 779

Предисловие

В среде исследователей военных
и военно-политических процессов пока нет
единого понимания сущности
военно-политической обстановки[1]
В. Махонин, профессор

Главная задача работы — попытаться проанализировать и проиллюстрировать *влияние* частных, порой не самых важных и даже незначительных, факторов и конкретных примеров в развитии стратегической обстановки (СО)[2], характере современной силовой политики и войн **на принципиальные и более широкие по своим масштабам процессы формирования военно-политической и международной обстановки (ВПО и МО).** Это означает высокую вероятность того, что придется *скорректировать* (уточнить, либо даже при необходимости отказаться вообще) некоторые положения авторской концепции развития основных сценариев МО и ВПО, описанных подробно в других работах на основе развития дедукции — анализа от общего к частному, — используя в этих целях уже метод индукции, — т.е. анализа *от частного к общему*. Например, влияния развития стратегической обстановки в отдельных регионах, войн и конфликтов, а также современной политики США[3] и их основных союзников в области вооружений на

---

1 *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 2011, № 4, с. 4.

2 Здесь и далее: Стратегическая обстановка (СО) рассматриваются как частный и конкретный вид военно-политической обстановки в определенный (также конкретный) период времени в ходе определенного конфликта или войны с участием конкретных субъектов и акторов ВПО. Как правило, в отдельном регионе. Она характеризуется волне конкретными особенностями, масштабом и ходом военных действий, возможностями и условиями их ведения и прекращения, а также другими факторами, влияющими на их ход и результаты

3 См. подробно, в частности: Подберезкин А.И. Политика стратегического сдерживания России: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 808 с.

стратегическую стабильность в мире[4] и в целом на формирование глобальной ВПО и МО[5].

Иными словами, я исхожу из предпосылки, что проделанная преимущественно дедуктивными методами работа по анализу и прогнозу развития МО и, как следствие, ВПО (конкретизированная в сценариях и их вариантах развития) должна быть *существенно, в деталях* дополнена методом самой широкой индукции, когда множество факторов дополняют, либо опровергают сделанное предположение. В итоге может получиться относительно достоверный и вполне *конкретный вариант сценария развития ВПО*, который обоснован как с помощью методов дедукции — от общего к частному, — так и уточнен методами индукции — от частного к общему. В конечном счете, именно такой конкретный вариант сценария ВПО, уточненный и детализированный, — нужен большинству специалистов и экспертов, когда они занимаются анализом современного состояния и перспектив развития МО и ВПО.

Метод индукции анализа ВПО и СО вполне сопоставим с историческим методом или военной историей, который многими ведущими военными теоретиками рассматривался как наиболее реальный. Так, К. Клаузевиц в своей работе «О войне» писал «Исторические примеры проясняют все, давая при этом познавательный опыт и являются лучшими доказательствами»[6]. С этим выводом во многом согласны и другие военные мыслители — от Наполеона до Е.И. Мартынова оставляя за стратегией и политикой главное — разработку «руководящей идеи»[7].

Значение субъективных факторов в формировании как МО и ВПО, так и СО огромно, но оно отнюдь не отрицает общетеоретической и исторической подготовки тех лиц, которые фор-

4 **Стратегическая стабильность**: зд.: такое состояние ВПО, при котором сложившееся соотношение сил не позволяет государству (коалиции) добиться превосходства над другим государством (коалицией) силовыми методами.

5 См., например: *Хряпин А.Л., Сосновский М.Е.* Ядерная политика США и стратегическая стабильность // Проблемы национальной стратегии, 2019, № 2, сс. 113–123.

6 Цит. по: *Фрайтаг-Лорингхофен, Гуго, фон.* Полководческое искусство. М.: АСТ, 2019, с. 23.

7 *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003, сс. 18–21.

мулируют и реализовывают политические решения в военной области. Совсем наоборот. Опыт генеральных штабов свидетельствует, что чем скрупулезнее проделана подготовительная работа по военному планированию, тем полнее и быстрее реализовываются дальнейшие решения, вытекающие из неизбежных изменений в СО и ВПО.

Задача исследователя и аналитика заключается в максимально полном и конкретном анализе ВПО и СО, который ляжет в основу будущей стратегии. К сожалению, оба этих метода (дедукции и индукции анализа ВПО), как мы увидим, достаточно затратны, прежде всего, с точки зрения времени. Поэтому при анализе необходимо будет попытаться по возможности ограничить количество факторов формирования МО и ВПО, чья численность может быть фактически не ограничена. Так, если говорить о количестве факторов и тенденций, формирующих современную МО, то можно с уверенностью называть их численность в сотни тысяч. Например, при анализе состояния только околоземного космического и воздушного пространства в режиме «онлайн» постоянно мониторят более 150 000 объектов. Если же говорить об анализе других театров военных действий (ТВД) и всего спектра факторов, влияющих на формирование ВПО и МО (экономических, социальных, политических, других), то речь может идти о миллионах факторов и тенденций. Достаточно сказать, например, что на состояние ВПО с каждым днем сильнее влияют многочисленные негосударственные организации и объединения, чья численность в мире превысила несколько сотен тысяч, а численность их членов — сотен миллионов.

Поэтому в нашем анализе последуем принципу: «Вы можете получить все это, но не все сразу». Или «чтобы стать победителем, нужно беречь свое время». По словам автора работы «Книга пяти колец» японского стратега и гениального фехтовальщика 17 века Мусаси, «вы не должны «делать ничего бесполезного», т. е. вы должны максимально сосредоточиться на решении *главной задачи*, рассматривая любые свои действия в качестве шага, приближающего к его решению. Тогда и только тогда у вас будет время и энергия,

чтобы заниматься тем, что сделает вас на шаг ближе к жизни вашей мечты». Нашей «главной задачей», повторю, является *анализ состояния современного сценария развития ВПО в его наиболее вероятном и конкретном варианте*. Имея постоянно ввиду, что основа любой стратегии, как писал военный теоретик Е.И. Мартынов, «руководящая идея»[8].

В результате работы среди десятков сценариев МО и ВПО бы отобран и предложен в качестве наиболее вероятного конкретный **вариант развития ВПО, который был назван «Усилением военно-силового противоборства» в регионах и на отдельных ТВД.**

Мы рассматриваем формирование ВПО в мире и в отдельных регионах с конкретных позиций, под влиянием развития СО, войн, конфликтов и многочисленных частных факторов методом индукции. Это означает, что ***множественные проявления в реальном состоянии вооруженного противоборства — СО, войнах и военных конфликтах — позволяют нам более точно понять реальную сущность и состояние развития конкретных сценариев и их вариантов ВПО.*** В данном случае, как уже говорилось выше, важны конкретные, в том числе исторические примеры влияния формирования СО на ВПО и МО.

Естественно, что акценты и сами оценки ВПО политиками периодически меняются или, как минимум, корректируются в зависимости не только от объективных условий, но и потребностей внутренней политики и иных обстоятельств. Тем не менее важно пытаться максимально точно отследить эти нюансы. Так, например, выступление В. Путина на Давосском форуме в январе 2021 года весьма системно описало состояние МО в тот период. В частности, он говорил, что: «некоторые эксперты — я с уважением отношусь к их мнению — сравнивают текущую ситуацию с 30-ми годами прошлого века. С такой ситуацией можно соглашаться, можно не соглашаться. Но по многим

8 *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. Издательский дом «Финансовый контроль», 2003, с. 18.

параметрам, по масштабу и комплексному, системному характеру вызовов, потенциальных угроз определенные аналогии все-таки напрашиваются. Мы видим кризис прежних моделей и инструментов экономического развития. Усиление социального расслоения: как на глобальном уровне, так и в отдельных странах. Об этом мы и раньше говорили. Но это в свою очередь сегодня вызывает резкую поляризацию общественных взглядов, провоцирует рост популизма, правого и левого радикализма, других крайностей, обострение и ожесточение внутриполитических процессов, в том числе в ведущих странах»[9]. Президент дал политическую комплексную оценку развитию современного сценария МО, сопоставив его с состоянием сценария накануне Второй мировой войны.

Ниже он конкретизировал развитие этого сценария МО с точки зрения сценария развития ВПО следующим образом: «Все это неизбежно сказывается и на характере международных отношений, не добавляет им стабильности и предсказуемости. Происходит ослабление международных институтов, множатся региональные конфликты, деградирует и система глобальной безопасности… противоречия закручиваются, что называется, по спирали. Как известно неспособность и неготовность разрешать подобные проблемы, по существу, в XX веке обернулись катастрофой Второй мировой войны.

Конечно, сейчас такой глобальный «горячий» конфликт, надеюсь, в принципе невозможен. Очень на это надеюсь. Он означал бы конец цивилизации. Но, повторю, ситуация может развиваться непредсказуемо и неуправляемо. Если, конечно, ничего не предпринимать для того, чтобы это не случилось. Есть вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии, чреватым борьбой всех против всех, с попытками разрешить назревшие противоречия через поиск «внутренних» и «внешних» врагов, с разрушением не только таких традиционных ценностей (мы в России доро-

9 *Путин В.В.* Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021 / president.org/27/01/2021.

жим этим), как семья, но и базовых свобод, включая право выбора и неприкосновенность частной жизни»[10].

Эта характеристика современного сценария развития МО и ВПО президентом России, данная в январе 2021 года, вполне совпадает с характеристикой ранее предложенного мною конкретного сценария развития ВПО «Усиления военно-силового противоборства» в его наиболее вероятном конкретном варианте — региональном. При том понимании, что даже конкретные сценарии развития СО, войн и конфликтов в регионах составляют единый замысел «главную идею», — развала России, лишение ее суверенитета и национальной идентичности.

Важно при этом, что именно субъективное восприятие множества факторов в исторической ретроспективе в наибольшей степени отражает реальность. Эта мысль К. Клаузевица позже была подчеркнута основателем военной историографии Гуго фон Фрайтаг-Лорингховеном, который считал, что именно исторический опыт, позволит «застраховать от однобокости оценок»[11]. Подчеркну, что такая работа может быть сделана при одном обязательном условии, а именно: если у вас уже существует вполне определенное видение процессов развития международной и военно-политической обстановки[12]. В противном случае вы, как и большинство наших политологов, окажитесь в плену многочисленных и часто ложных, противоречивых, туманных и, в конечном счете, субъективных оценок и предположений. Именно поэтому предлагается коротко вернуться к некоторым теоретическим положениям.

В политике, как правило, именно так и происходит. Анализ конкретного состояния ВПО вытекает из более общих заключений относительно состояния МО. В самом общем виде такое видение

---

10 *Путин В.В.* Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021 / president.org/27/01/2021.

11 *Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон*. Полководческое искусство. М.: АСТ, 2019, с. 23

12 Именно на это я не раз обращал внимание, прежде, в различных работах, опубликованных в период 1992–2020 годов. См., например, *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с.

представляет достаточно регулярно, например, президент РФ В.В. Путин в своих посланиях и публичных выступлениях[13]. В частности, на расширенном заседании коллегии министерства обороны России 21 декабря 2020 года он ясно обозначил существующий алгоритм разработки и принятия политических решений следующим образом, начинающийся с анализа состояния МО и ВПО: «Безусловно, мы *детально анализируем текущую геостратегическую и военно-политическую ситуацию, прогнозируем возможные варианты ее развития*[14]. В частности, он констатировал, что «в 2020 году завершилось планирование обороны государства на ближайшие пять лет. В ходе этой работы учтены все существующие и прогнозируемые угрозы безопасности России, а также растущие боевые возможности нашей армии и флота». *Итог, который подвел президент, таков:* «Главный вывод очевиден. Будем и дальше активно и качественно развивать Вооруженные Силы, повышать их боеготовность и эффективность».

Иными словами, на основании анализа МО и ВПО был сделан важнейший политический вывод о необходимости продолжения работы по укреплению военной безопасности, который отнюдь не является в наших реалиях автоматическим[15]. Этот политический вывод был им конкретизирован в постановке нескольких наиболее приоритетных задач, а именно: «В этой связи поручаю, — сказал Президент России, — сосредоточиться на решении следующих **ключевых задач**». Эти «ключевые задачи» (приоритеты), коротко, выглядят следующим образом.

---

13 Как правило, такие же послания или ежегодные выступления делают и лидеры других государств, в частности, США и Великобритании. Так, в США после выступления президента о состоянии национальной безопасности, как правило, следует выступление о состоянии военной политики, а затем — обзоры ядерной политики и регулярные обзоры положения в отдельных областях и видах вооруженных сил.

14 *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании коллегии министерства обороны России 21 декабря 2020 г. / kremlin.ru /21/12/2020.

15 Надо сказать, что в разное время разными руководителями СССР и России в аналогичных условиях делались и другие выводы и предлагались иные приоритеты, например, Н. Хрущевым (сокращение ВС), М. Горбачевым (односторонние уступки), Б. Ельциным (фактическое разоружение).

«**Первое —** это поддержание высокой боеготовности *ядерных сил.* Развитие всех составляющих ядерной триады.

Второе — столь же важно укреплять *потенциал сил неядерного сдерживания, прежде всего высокоточного оружия.*

Третье — это дальнейшее продолжение ритмичного переоснащения армии и флота на *современные вооружение и технику*, то есть четкое и своевременное выполнение заданий гособоронзаказа. Подчеркну, в стратегических силах у нас уже создан серьезный научно-технический задел по образцам вооружения и техники, не имеющим мировых аналогов. В том же направлении должны развиваться и силы общего назначения

Четвертое — техническая модернизация армии и флота требует *внедрения новых форм и способов действий войск, а для этого нужно развивать военную науку. Не только изучать опыт современных вооруженных конфликтов и локальных войн, но и делать прогнозы на будущее, в том числе учитывать появление в армиях ряда зарубежных государств оружия на новых физических принципах.* Мы знаем об этом, **работаем над этим**, но надо держать это постоянно в поле нашего внимания.

Пятое — в ходе боевой учебы следует более активно осваивать, «обкатывать» вооружения и технику с элементами искусственного интеллекта, только совсем недавно обсуждали это на Совете Безопасности, в том числе — роботизированные комплексы, беспилотные летательные аппараты, автоматизированные системы управления»[16].

Таким образом, на высшем политическом уровне В.В. Путин практически продемонстрировал алгоритм подготовки и принятия политического решения — от оценки МО и последующего вывода о перспективе развития ВПО, до общего определения вектора политики в области безопасности и постановки конкретных задач в области военной политики и военного строительства, включая специальный акцент на совершенствовании военного искусства.

16 Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии министерства обороны России 21 декабря 2020 г.//kremlin.ru /21/12/2020.

К сожалению, как нередко это бывает, он забыл сформулировать главную («руководящую»[17], как писал Е.И. Мартынов) политическую идею России.

Очевидно, что для политического уровня, который был на расширенной коллегии министерства обороны в декабре 2020 года еще большей конкретизации не требовалось. Подобная конкретизация основных установок происходит регулярно от встреч В.В. Путина дважды в год с руководителями оборонно-промышленного комплекса (ОПК) и высшим командным составом, до работы по укреплению внутриполитической стабильности и правопорядка в стране, т.е. ежедневной работы по решению задач по укреплению внешней и внутренней безопасности страны, которые, однако, находятся в рамках общей стратегии, подтвержденной им на расширенной коллегии МО РФ.

В рамках данной работы происходит аналогичный процесс, когда анализ МО и ВПО ведет к разработке конкретного варианта сценария развития ВПО, который, в свою очередь, корректируется конкретными фактами, событиями и тенденциями, происходящими в СО, на отдельных ТВД и в отдельных аспектах политики безопасности государств.

17 Мартынов Е.И. Политика и стратегия. Издательский дом «Финансовый контроль», 2003, с. 18.

Вместо введения: некоторые вопросы методологии анализа формирования стратегической обстановки, войн и военных конфликтов с точки зрения их влияния на формирование международной и военно-политической обстановки

Прежде всего в анализе ВПО я исхожу из того факта, что необходимо максимально шире проанализировать **любые события и тенденции в военно-политической области** на уровне не только конкретных СО и войн, но и МО и ВПО для того, чтобы дать точную характеристику состояния современного сценария развития ВПО[18]. Такое уточнение и корректировка абсолютно необходимы потому, что, как минимум, все три основных метода оценки — научно-объективный, субъективный и учета влияния энтропии[19], — о которых говорилось выше, дают неточные, а порой даже искажающие реальность, более того, прямо противоположные, оценки и прогноза развития ВПО сигналы.

Я также изначально исхожу из того положения, что существующие традиционно методы анализа ВПО и СО малоэффективны и могут быть только вспомогательными, дополнительными. Рассмотрим их коротко.

Так, наиболее популярные и традиционные методы (количественные методы) «объективного научного анализа» военной

18 См., например: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с

19 **Энтропия в ВПО** — зд.: мера неопределенности появления какого-либо неизвестного фактора (либо превращение незначительного в значимый фактор) и их влияния на формирование ВПО.

мощи[20] очень часто не отражают, например, не только качественные параметры военной мощи — доли ВВСТ, готовой к применению, ее качественных характеристик, степени подготовки личного состава, уровень политического управления и военного искусства и т. д., но и другие важнейшие факторы силовой политики государств, например, качество и количество институтов развития человеческого капитала (НЧК). Это делает подобный анализ изначально неверным, а не просто неточным, ибо искажает соотношение сил в мире и основные процессы развития МО и ВПО[21].

Тем не менее эти оценки и исследования до настоящего времени находятся в эпицентре внимания экспертов, в особенности, когда они используют количественные методы анализа больших информационных массивов с применением различного рода индексов и коэффициентов[22]. Этот «Минобороновский» подход остается основным при анализе МО и ВПО, хотя, повторю, существовало немало попыток его изменить. Он восходит исторически к временам Наполеона (и Мольтке), который считал, что «Нет никаких определенных правил; все зависит от замысла генерала, от боеспособности его войск, времени года и тысяч прочих факторов.»[23].

Другой подход, как правило, относится к субъективным решениям политического руководства, ярким примером которого стал М.С. Горбачев и МИД того времени (а также отчасти ЦК КПСС и

---

20 **Военная мощь государства (ВМГ)** — зд.: совокупность постоянно задействованных материальных, интеллектуальных и духовных сил государства, которые оно способно мобилизовать для вооруженной борьбы. ВМГ не равноценная военной мощи нации, которая представляет собой более широкое понятие, включающее не только ресурсы государства, но и всей нации, ее институтов, в т.ч. и за рубежом.

21 Надо признать, что в последние годы ряду ученых, в частности ЦНИИ №46 МО РФ, удалось отчасти избежать подобных упрощений в интересах военного планирования. См. подробнее специальную работу, подготовленную ЦНИИ № 46 МО РФ, «Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации». М.: Издательский дом «Граница», 2018, 512 с.

22 См., например: *Дегтерев Д.А.* Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира: монография / Дегтерев Д.А. М.: РУСАНС, 2020, 214 с.

23 Цит. по: *Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон.* Полководческое искусство. М.: АСТ, 2019. с.29.

институты АН СССР). Он был, как правило, сведен к привычному «экспертному» анализу, который в действительности бы субъективным мнением отдельных личностей — от Н. Хрущева до Г. Арбатова и пр. академиков от гуманитарной науки. Для многих такой анализ политических и военных намерений был простым субъективным подходом («как сказал…»), который изначально был даже не просто субъективен, но и мог носить заведомо искажающий действительность характер. Яркий пример — один из лидеров СССР А. Н. Яковлев, который, как и Э.А. Шеварнадзе искренне и настойчиво боролся против своей страны.

В последние десятилетия мы наблюдаем очевидную инфляцию политических авторитетов, норм международного права и значения политико-дипломатической деятельности в целом, которые уступают свое значение и место заявлениям в социальных сетях, быстрой смене политического курса и росту политической безответственности. Это делает анализ состояния СО в мире и его влияния на развитие ВПО такими методами наименее точными, а прогноз военно-политических отношений и действий на этой основе — сомнительным[24]. Тем не менее анализ субъективных представлений политических и военных деятелей, оценки экспертов и ученых позволяет в значительной степени уточнить и скорректировать анализ, основанный на изучении соотношения сил и развитии объективных процессов и факторов. Наши и зарубежные СМИ изобилуют такими «прогнозами» и «оценками», за результаты которых, как правило, никто никогда не отвечает.

Третий подход, — **системный сценарный анализ**, основанный на анализе всех основных групп факторов и тенденций, формирующих МО и ВПО, отчасти учитывающий **нарастающую энтропию** в международных делах, к сожалению, пока что не привел к появлению апробированных научных методик: понимания влияние хаоса и энтропии, влияния случайных и незначительных факторов.

---

24 **Военно-политические отношения —** зд.: результат взаимодействия и формирования системы отношений широкого спектра акторов, субъектов и различных тенденций в ВПО.

Мы можем, используя разные методики, выстраивать долгосрочные и вполне реалистические тенденции развития МО и ВПО, в том числе и отдельных сценариев. Другое дело, что подобная работа требует огромных ресурсов, в том числе человеческих, которых в России явно мало.

Мы, пока что, не научились использовать эти знания. Тем не менее уже сегодня мы видим, как минимум, что:

— энтропия в формировании МО и ВПО нарастает стремительно. Порой частный и незначительный внешний фактор превращается в ложную тенденцию, дестабилизирующую МО и ВПО, как это произошло, например, в 2020 году с пандемией коронавируса;
— энтропия становится следствием *сознательной политики части правящей элиты США* и их союзников в отношении дестабилизации ВПО и внутриполитической обстановки целого ряда государств. Главная цель — суверенитет государств и независимость их правящих элит, включая собственные. Именно *сознательное формирование энтропии в мире* стало целью объединения «демократов» против Д. Трампа в 2020–2021 годах, когда «глобалисты» выступили силовыми методами против «националистов».

Самыми разными способами ликвидируется или сокращается контроль государства, что особенно явно было видно в противостоянии американского президента Д. Трампа и СМИ.

Это влияние можно увидеть на множестве примеров, особенно, например, в Казахстане и вокруг него, где иерархические функции по тем или иным причинам сокращаются.(см рис. 1). Достижения искусственного интеллекта (ИИ)[25] и развитие больших баз

25 **Искусственный интеллект** в военной области (ИИ) — зд.: (англ. artificial intelligence, AI) — свойство интеллектуальных систем выполнять творческие функции, которые традиционно считаются прерогативой человека, например наведение боеголовок в полете, выбор приоритетных целей и т. д.; область науки и технологий создания интеллектуальных ВВСТ, особенно интеллектуальных компьютерных программ.

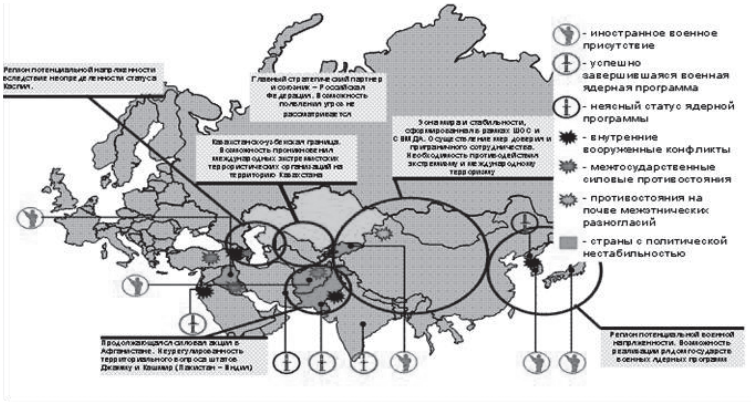

Рис. 1. Военно-политическая ситуация вокруг Казахстана

данных (ББД)[26] позволяют предполагать, что движение в этом направлении будет достаточно быстрым. Так, например, ББД позволяют оперативно получать качественно новую информацию, обрабатывать ее и передавать исполнителям. Большие данные — это общее название для больших массивов данных и методов их обработки. Такие данные эффективно обрабатываются с помощью масштабируемых программных инструментов, которые появились в конце 2000-х годов и стали альтернативой традиционным базам данных и решениям. Анализ больших данных проводят для того, чтобы получить новую, ранее неизвестную информацию. Подобные открытия называют инсайтом, что означает озарение, догадку, внезапное понимание.

Анализ «от частного к общему» (метод индукции) во многом аналогичен методу применения ББД. Он позволяет скорректировать эти неточности и недостаток информации, субъективизм, которые неизбежно присутствовали при построении авторской концепции развития ВПО методом дедукции. Естественно, что подобные коррективы имеют огромное практическое значение для

26 **Большие базы данных (ББД)** в военных целях — зд.: структурированные и не структурированные большие базы данных и технологии их обработки, используемые для оперативного получения новой информации.

Таблица 1. Разница основных подходов[27]

Традиционная аналитика	Big data аналитика
Постепенный анализ небольших пакетов данных	Обработка сразу всего массива доступных данных
Редакция и сортировка данных перед обработкой	Данные обрабатываются в их исходном виде
Старт с гипотезы и ее тестирования относительно данных	Поиск корреляций по всем данным до получения искомой информации
Данные собираются, обрабатываются, хранятся и лишь затем анализируются	Анализ и обработка больших данных в реальном времени, по мере поступления

понимания сути процесса формирования ВПО и его результата. Метод применения ББД, апробированный в Центре военно-политических исследований МГИМО-Концерна ВКО «Алмаз-Антей» при работе над обоснованием системы исходных данных для гособоронзаказа, показал, что использование для анализа тысяч факторов и сотен тысяч параметров вполне возможно, даже эффективно[28].

Кроме того, там, где это возможно и необходимо, в результате оценки данных СО в мире и в отдельных ТВД предполагается скорректировать эти положения или даже существенно их изменить, если конкретные условия и примеры будут вступать в принципиальные противоречия с предлагаемой концепцией развития ВПО, которая выступает объектом анализа относительно более частного предмета такого анализа — СО.

Этот метод индукции крайне важен для исследования состояния и перспектив развития ВПО потому, что детали, даже вполне субъективные, в политике и военной области играют чрезвычайно

27 Существует масса определений, подходов и оценок среди которых на данном этапе требуется обозначить принцип: любая информация, в том числе не структурированная и из разных источников используется для описания СО, войн и конфликтов

28 См. подробнее специальную работу, подготовленную ЦНИИ № 46 МО РФ, «Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации». М.: Издательский дом «Граница», 2018, 512 с., ил.

важное, порой решающее, значение. Нередко эти частные и субъективные моменты в политике и военном искусстве даже пересиливают значение объективных факторов, что позволяет порой говорить об отсутствии возможности изучения и научного анализа политических процессов, а тем более военного искусства. Примеров таких решений в политике и военной области множество. Достаточно обратиться практически к любым мемуарам политиков и военачальников, например, бывшего директора ЦРУ Дж. Тенета, который подчеркивал огромную роль в развитии мирового терроризма книги султана Б. Махмуда «Судный день и жизнь после смерти: вера в конец Вселенной, как она представлена Священным Кораном»[29], которая стала «научным обоснованием» мировоззрения терроризма.

Иными словами, используя на первом этапе огромную совокупность данных и факторов, опыта и интуиции, которые легли в основу авторской концепции развития военно-силового сценария ВПО в мире, на втором этапе исследования необходимо как можно чаще обращаться к частным примерам и деталям с тем, чтобы учитывать, вносить коррективы, а при необходимости и исправлять общую авторскую концепцию. Так, например, описывая технологическое лидерство и ставку США на военно-техническое превосходство, которые представляются не просто очевидными, но и доминирующими принципами внешней и военной политики США в мире[30], нельзя упускать из виду, что в других странах и локальных человеческих цивилизациях (ЛЧЦ)[31], прежде всего Китае, склады-

29 *Тенет Дж.* В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. М.: ИД «Коммерсант», 2008, с. 308.

30 См., например: The National Military Strategy of the United States of America 2015, Wash., 17 p., где, в частности говорится: «Наш успех в возрастающей степени будет зависеть от того, насколько хорошо наши военные инструменты смогут обеспечить поддержку другим политическим инструментам…» (p. I.).

31 **Локальная человеческая цивилизация** (ЛЧЦ) — зд.: цивилизационно-политическая общность ряда государств и акторов, как правило, во главе с лидером, которая является основой для формирования военно-политической или иной коалиции, «удобный инструмент, чтобы отличить знаковое событие от рядового». См. подробнее: Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016, с. 38.

ваются альтернативные центры технологического лидерства, которые смогут в будущем выступить серьезными конкурентами США и всей западной ЛЧЦ[32].

В этой связи можно привести пример из той области, где США безусловно лидируют сегодня, и где эта ставка на военно-технологическое превосходство наиболее очевидна, — сеть интернет[33]. Именно в интернете, интернет СМИ и социальных сетях, в настоящее время заключается один из важнейших элементов доминирования США в мире и силовых возможностей[34]. Однако, КНР, создав систему эффективной защиты («золотой щит»), обезопасила себя от таких силовых действий практически полностью. Важно, что подобные технологии КНР могут использоваться и в России (так же, как и в Китае преимущественно российские технологии раннего предупреждения о ракетном нападении — РСПН). Иными словами, даже та технологическая область, где доминируют США, не является гарантией того, что принцип сохранения технологического превосходства, лежащий в основе военной политики Вашингтона и важнейшее условие развития ВПО, обеспечит реализацию более общей концепции. В данном случае, очень важная частная поправка может полностью скорректировать сценарий развития ВПО в будущем. Также, впрочем, как в свое время, неожиданное для США создание в СССР технологий производства ядерного оружия и баллистических ракет (которые долгое время всерьез не оценивались) радикально повлияли на политику США.

В данной части подтверждается главный вывод относительно характера основного сценария развития ВПО: очевидное и резкое обострение ВПО во втором десятилетии XXI века продолжает, и еще больше усиливает тенденцию предыдущих лет, которая стала очевидной после войны с Грузией 2008 года. Западная коалиция

32 The National Military Strategy of the United States of America 2015, Wash., pp. 2–3.

33 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2019. 462 с.

34 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2019. 808 с.

фактически приступила к реализации заключительного этапа — уничтожения России через ее внутриполитическую дестабилизацию, ограничение суверенитета и территориальный развал. Разные конкретные варианты этого базового сценария, которые рассматривались в качестве основных, требуют уточнений как с точки зрения развития МО и ВПО, так и с точки зрения конкретных особенностей развития СО, имеющих место в настоящее время и в будущем, военных конфликтов и войн[35].

В частности, сверхамбициозные цели в отношении России не являются фантастикой, если к ним относиться с определенным прагматизмом и стремлением избежать крайних рисков, характерных для современной стратегии США. Так, на первом этапе реализации подобной стратегии находится внутриполитическая дестабилизация и развал страны — предварительные условия внешнего прямого вмешательства. Как это было уже не раз в современной истории — в Югославии, Ливии, Ираке, Афганистане, на Украине. Это предполагает сохранение СО в приграничных районах России максимально напряженной, более того, нарастание активности союзников США, граничащих с Россией по всему периметру, а также мобилизацию всех акторов и создание новых антироссийских акторов самой широкой политической гаммы и специализации — от религиозных, научно-образовательных до военно-спортивных институтов, враждебных России.

Не случайно в дискуссии по Конституции в 2020 году территориальная неделимость России стала одной из ведущих тем. Издание Fort Russ, например, помимо Курил, называет еще две проблемных точки: Калининград и вернувшийся в Россию Крым. «На данный момент утвердилось мнение, что пока Путин во главе государства, сценарий отчуждения территорий от России не может начать развиваться, но при более слабом лидере, как в ситуации в 1990-х годах, движение в этом направлении вполне может начаться», — рассуждает автор издания, добавляя, что предотвратить по-

35 См., например: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с

добный сценарий как раз сможет внесение изменений в Конституцию. В другой публикации Артура Эванса все в том же издании Fort Russ, он замечает высказывание К. Уигэнд из американского Центра наук по глобальной безопасности, которая расценила вносимые в Основной закон РФ изменения, как то, что «Москва не хочет играть по общепринятым в мире правилам игры»[36]. Это означает, что попытка навязать России «демократические» правила потери суверенитета и территориальной целостности под предлогом «универсальных ценностей» будут продолжаться.

Таким образом, главная задача этой работы заключается в том, чтобы рассмотреть, как, каким образом, силовые, прежде всего военно-силовые, средства внешней политики США, формирующие СО в мире, смогут повлиять на реализацию военно-силового сценария.

Опыт силовых и военных действий США в мире в последние десятилетия говорит в пользу того, что спектр таких силовых средств и способов их применения постоянно расширяется. Они так или иначе проявляются при развитии войн, военных и иных конфликтов и СО в целом, что позволяет рассчитывать на их полноценный анализ. Влияние изменений, происходящих в СО в мире, на состояние и перспективы развития ВПО и МО требует отдельного рассмотрения. Странным образом, но именно это влияние, т. е. влияние стратегической обстановки — СО — (т. е. конкретных изменений и результатов военной деятельности) на военно-политическую обстановку не изучается системно и регулярно. За исключением, может быть, некоторых частных аспектов или даже случаев, когда такое влияние оказывается радикальным и масштабным. Например, когда в ходе октябрьского (1962 года) Карибского кризиса быстрая эскалация развития СО почти привела к глобальной коалиционной войне. На мой взгляд, это объясняется определенным разрывом между политиками и военными, поли-

36 *Журавлев К.* Поправки к Конституции: месседж Путина для Запада – территория России неотчуждаема / «Газета ру», 17.02.2020 / https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/17_ a_12964675.shtml.utm_source=smi2&utm_medium=exchange&es=smi2

тологами и военными экспертами в исследовании самого объекта — политики считают, что военно-стратегические аспекты не являются предметом их исследований, а военные — что политические аспекты находятся за пределами их компетенций.

Между тем в военном искусстве положение о том, что сумма военных побед в отдельных сражениях ведет к победе в войне и политическому результату, никто не отменял и не исключал. Влияние СО, войн и военных конфликтов на формирование ВПО, безусловно, не исчезает, но, на мой взгляд, существенно меняется. Надо иметь ввиду, что в настоящее время даже сумма военных побед не гарантирует политической победы. Другими словами, анализируя влияние СО и войн на ВПО, необходимо понимать, что новые особенности применения военной силы в качестве политического инструмента требуют самого внимательного обобщения и анализа предыдущего опыта человеческой цивилизации. Рассуждения по этому поводу в общем виде ярко суммировал О. Егоров, приведя несколько исторических примеров в качестве доказательства: «Можно говорить как угодно и что угодно, но и Первая мировая, и Вторая мировая (особенно на начальном этапе) принесли славу германскому оружию и германской военной технике. Однако и та, и другая война для немцев завершились полным и разгромным поражением», — считает он.

«Вот это и создает такой вполне определенный парадокс, — продолжает О. Егоров, — такой вот «когнитивный диссонанс»: немцы воевали великолепно, но по итогам проиграли» (в действительности, если и согласиться с этим мнением, то необходимо добавить, что с 1943 года РККА и ее командиры воевали не хуже, а с 1944 года — лучше немцев — *А.П.*). «В принципе, — продолжает О. Егоров, — данный результат не является беспрецедентным: легендарный Ганнибал, например, одержал серию блистательных побед в сражениях с римской армией, и ни до него, ни после него никому против римлян повторить подобное не удавалось, однако вторую пуническую он проиграл вчистую. Нестыковочка такая возникает в голове тех, кто пытается изучать историю: блистательные победы на полях сражений — и полный и окончательный разгром по ито-

гам. Более того, легендарный Наполеон Бонапарт славен практически тем же: длинная серия блистательных побед на европейских полях сражений, после чего — бесславный крах империи. И надо честно (положа руку на сердце) признать, что наполеоновская армия была лучшей в Европе»[37].

Конечно, «нестыковочка» возникает в головах тех, кто не может, как О. Егоров, разделить понятия «политика» и «война», которые давным-давно описаны в литературе. Тем не менее для нас и сегодня важно, что сами по себе военные победы могут привести к *разным политическим результатам*, но один результат будет всегда: военные победы или поражения, как и любые военные действия, *меняют стратегическую обстановку, а та, в свою очередь, меняет ВПО и порой даже МО.*

То же самое и во внутренней политике, где роль и влияние военной силы на внутриполитическую ситуацию в гипертрофированном виде представляли преторианцы Рима (а позже в России — гвардия). На самом деле современная история многих государств во многом напоминает историю Древнего Рима в части захвата и покупки власти. Так, преторианцы оставили яркий след в истории Древнего Рима, поскольку активно участвовали во внутренней политике. В 41 г. н.э. трибун преторианцев Кассий Херея убил Калигулу. Следующим императором при их поддержке стал Клавдий. Впоследствии таких случаев было немало, наиболее показательным стал 193 год, когда после убийства Коммода преторианцы сперва сделали императором, а потом устранили другого императора, правившего меньше трех месяцев. После этого преторианцы выставили должность императора на аукцион. Тит Флавий Сульпициан предложил каждому из них по 20 тыс. сестерциев. Однако его соперник, сенатор Дидий Юлиан, перебил эту цену, пообещав 25 тыс. сестерциев. Он и стал следующим императором Рима, правда, всего на два месяца.

37 *Егоров О.* Потерянные победы и победы бессмысленные // Военное обозрение, 1 мая 2018 г. / www.topwar.ru/2018/01/05

Ситуация иногда напоминает недавнюю ситуацию в некоторых российских регионах или ведомствах, где должности покупались у правящей элиты федерального центра. Но где гарантия того, что такие же должности не будут покупаться в будущем? Или использоваться в корыстных целях?

Выше, в первой части работы, уже коротко говорилось, что доминирующая в анализе логика развития международной обстановки «от общего к частному» — от МО к ВПО и далее к СО и конкретным войнам и вооруженным конфликтам — не исключает, но, наоборот, предполагает и обратное влияние, своего рода «реверс», когда ход и исход войн и конфликтов оказывают сильное воздействие не только на формирование СО, но и как неизбежное следствие (в разной степени) на формирование ВПО, и даже МО. Как это было, например, в декабре 1941 года в сражении под Москвой, повлиявшем не только на формирование ВПО, но и на формирование МО (позицию ряда государств, в частности, направление агрессии Японии).

Эта закономерность существует и в настоящее время. Наиболее классический, даже традиционный подход, когда сумма тактических побед в военных столкновениях выражается в некоем победоносном сражении (сражениях), имеющих стратегическое значение, которое, в свою очередь, может изменить ВПО, а в некоторых случаях и даже МО. Такой классический пример — действия российских ВКС в Сирии с осени 2015 года по настоящее время. Яркая иллюстрация: успешные воздушно-ракетные удары постепенно сократили потенциал и территорию, контролируемую боевиками, изменив СО, которая затем достаточно быстро эволюционировала в *новое качество ВПО,* когда сирийская армия контролировала уже не 15%, а 90% территории.

Постепенно изменение ВПО сказалось и на состоянии МО: антиасадовская (антисирийская) коалиция становилась все менее активна, а проправительственные силы внутри страны и за рубежом усиливались. Более того, после начала военной операции Турции против курдов изменилась и международная обстановка, в частности, не только на уровне региона, но и на глобальном уровне, поставив под сомнение даже прочность НАТО.

Подобная логика требует, чтобы взаимосвязь между состояниями МО — ВПО — СО была исследована глубже. Как и «международная обстановка» (МО), «военно-политическая обстановка» (ВПО)[38], «стратегическая обстановка» (СО)[39] объединяются единым понятием **«обстановка»,** когда переход к более общему, высшему понятию, требует и большего обобщения. И в первом, и во втором, и в третьем случае в настоящее время происходят исключительно быстрые изменения, порой качественные, которые могут радикально отражаться как на отношениях между различными субъектами и акторами ВПО, так и на состоянии обстановки более высокого уровня или более низкого уровня. Эти изменения, таким образом, происходят во всех четырех основных группах, формирующих МО-ВПО-СО:

— во-первых, в самих **субъектах и факторах,** формирующих по отдельности каждую МО, ВПО и СО;
— во-вторых, в **отношениях** между ними, которые меняются, в том числе, и в зависимости от этих изменений (например, во внутренней политике);
— в-третьих, в **состоянии** как субъектов, так и акторов и отношений между ними, которые влияют на формирование ВПО[40].

Наконец, **в-четвертых**, в главных мировых тенденциях, влияющих на формирование МО и, соответственно, ВПО. Именно эти, во многом непонятные и неисследованные тенденции, которые молодые либеральные политологи любят называть «трендами», стали основными причинами нарастающей мировой энтро-

38 **Военно-политическая обстановка (ВПО)** – зд.: состояние и перспективы развития военно-политических и иных аспектов МО: субъектов, акторов, их отношений между собой и состояния этих отношений.

39 Здесь и далее: **Стратегическая обстановка (СО)** рассматриваются как конкретный вид военно-политической обстановки в определенный (конкретный) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов и акторов ВПО. Она характеризуется конкретными особенностями, масштабом и ходом военных действий, возможностями и условиями их ведения и прекращения, а также другими факторами, влияющими на их ход и результаты.

40 *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 2011, № 4, с. 3–10.

пии в 2020-2021 годах — от пандемии до восстания и беспорядков в развитых странах. Как заметил авторитетный западный исследователь Марк Узан, «Существует только одно равновесное решение — экономическое бездействие до полного исчезновения опасности», — именно так Джейсон Фурман, бывший председатель Совета экономических консультантов и профессор Гарвардского университета, резюмировал нынешнее уникальное состояние мировой экономики.

Когда в Китае вспыхнула пандемия, никто и предположить не мог, что мировая экономика остановится почти полностью на фоне множественных потрясений, происходящих одномоментно и с одинаковой силой, что совершенно беспрецедентно в мировой истории. Вот лишь некоторые из этих потрясений. Шок в производстве и торговле с разрывом цепочек поставок, действующий по принципу домино, привел к блокировке глобальных цепочек поставок.

Цены на сырьевые товары упали до уровня начала 1970-х гг. (нефть по 25 долларов), что вызвало неожиданную и массовую остановку потоков частного капитала на развивающиеся рынки, более серьезную, чем та, с которой им пришлось столкнуться во время истерической реакции рынков в 2013 году»[41].

Отсюда следует неизбежный вывод: чтобы понять характер, особенности и масштаб влияния СО на ВПО и МО, необходимо, во-первых, рассмотреть состояние всех (или, как минимум, большинства) **основных факторов**, субъектов и тенденций, формирующих СО, и, во-вторых, их **отношения друг с другом,** а затем уже, в-третьих, **влияние всей СО,** как системы (или подсистемы, если речь идет о региональной СО или ТВД) на ВПО. Так, например, после начала Турцией военной операции против курдов в Сирии в октябре 2019 года (которая во многом стала следствием развития внутриполитической ситуации в стране) СО стала решительно меняться для всех участников конфликта, и не только из-за

41 *Журавлев К.* Поправки к Конституции: месседж Путина для Запада — территория России неотчуждаема / «Газета ру», 17.02.2020 / https://www.gazeta.ru/politics/2020/02/17_a_12964675.shtml.utm_source=smi2&utm_medium=exchange&es=smi2

участия турецких ВС и курдов, но и в силу целого ряда иных обстоятельств. В том числе и для военных подразделений США, которые оказались «зажаты» между армией турок и сирийцев, но также и для российских ВКС. Изменения в региональной СО вело к тому, что конфликт неизбежно приобретал новые военно-политические черты. Иными словами, на севере Сирии стала быстро меняться не только региональная СО, но и вся ВПО, включая все приграничные районы, где действовали авиация не только Турции и Сирии, но и РФ и США.

Следующий шаг анализа — сценарный анализ развития СО, войн и конфликтов и их влияние на сценарии и варианты развития ВПО. Напомню, что, с точки зрения формальной логики анализа ВПО это означает, что методом дедукции изначально создается некая авторская концепция и набор сценариев (и их более конкретных вариантов) развития МО и ВПО, из которых отбираются наиболее *вероятные сценарии и их варианты*, ложащиеся в основу сценариев и вариантов развития СО и будущих войн. Таким образом «обстановка» (МО и ВПО) анализируется не абстрактно, а в зависимости от развития того или иного сценария и его варианта, т. е. в действительности делается анализ 3–4 «обстановок» сценариев и 9-12 их вариантов (поэтому их число и не может быть слишком большим), в формировании которых, как уже говорилось, участвуют тысячи факторов[42]. Повторюсь, в формировании которых участвуют тысяч факторов. С точки зрения организации и возможностей современной науки — вполне решаемая задача, ведь существует же система мониторинга за состоянием сотен тысяч воздушно-космических объектов в реальном масштабе времени.

Как правило, однако, наличие таких сценариев сознательно ограничивается численностью в 3–5, а каждого из них в ограниченном числе вариантов (также не более 2–3), причем вероятность их реализации определяется по-разному, но чаще всего (очень условно и субъективно) на уровне от 10% до 75%. В итоге получается,

42 *Егоров О.* Потерянные победы и победы бессмысленные // Военное обозрение, 1 мая 2018 г. / www.topwar.ru/2018/01/05

что методом дедукции отбираются *12–15 наиболее вероятных вариантов развития тех или иных сценариев ВПО.* Критерием отбора, как правило, служит личный опыт, большой объем информации и интуиция автора, т. е. формирование сценариев происходит по принципу дедукции достаточно субъективно.

Совершенно другой порядок существует, когда используется метод индукции, «от обратного», — анализа использования достаточно большого количества частных, иногда даже незначительных фактов, тенденций и факторов. В нашем случае влияющих на формирование того или иного варианта сценария развития СО, которые дополняют варианты и сценарии, созданные на основе формальной логики и авторской концепции, иногда внося в нее существенные коррективы, особенно на самых нижних уровнях, где роль субъективных факторов не просто высока, но, порой, может быть даже сильнее объективных показателей более высокого порядка.

Бывает и так, что конкретные события, факты и тенденции «не вписываются» в разработанные сценарии даже с учетом возможных корректив — настолько радикально живая политическая и материальная — экономическая, финансовая, научно-технологическая — ткань отличается от формальных теоретических схем. В этом случае подобные сценарии радикально пересматриваются или разрабатываются принципиально новые варианты их развития. Как правило, это происходит в периоды революционных изменений, так называемых «фазовых переходов» от одного качественного состояния МО и ВПО к другому[43]. Так, например, сценарий развития ВПО (в той или иной мере существовавший во всех генеральных штабах коалиций) в Первой мировой войне, еще в 1916 году вряд ли кто-нибудь предполагал, что через несколько месяцев революционные перемены в России, а затем и в Германии и Австро-Венгрии полностью изменят не только ход, но и конечный период войны.

---

43 **Военно-политическая обстановка (ВПО)** — зд.: состояние и перспективы развития военно-политических и иных аспектов МО: субъектов, акторов, их отношений между собой и состояния этих отношений.

Но и в «обычное» (относительно мирное) время развитие СО трудно прогнозируется и тяжело соответствует намеченным сценариям, прежде всего из-за сильного влияния субъективных факторов — воли, случайностей, совпадений и т. п., а также влияния энтропии и неизвестных факторов на формирование таких крупных систем как глобальная СО или даже СО на отдельных ТВД.

Кроме того, субъективный фактор в военном деле всегда имел сильное влияние. Хорошо известно, что ни один конфликт или война не соответствовали полностью даже самым добросовестным и детальным сценариям, что порой вело к совершенно неожиданным результатам. Так, значительно более слабые армии Гай Юлия Цезаря и Александра Суворова, например, не раз побеждали, более того уничтожали, более сильные армии противников, полностью меняя СО и даже ВПО в регионе. Это происходило даже вопреки доминированию более общих сценариев развития МО, более того, доминирующим тенденциям развития всей цивилизации. Так, победы А. Суворова и Ф. Ушакова, в конечном счете, привели к переформатированию антинаполеоновской коалиции, а Цезаря — к созданию доминировавшей в мире Римской империи, т. е. фактически формированию новых ВПО и МО.

В этой связи показателен пример с диктатором Луцием Корнелием Суллой, который смог многочисленными и самыми удачными победами над врагами в разных регионах не только радикально изменить стратегическую обстановку в Риме и в регионах, — от Африки до Испании и Малой Азии — но и добиться неограниченной военной и политической власти и стабилизировать внутриполитическую ситуацию в Риме, который несколько десятилетий раздирали противоречия и войны, остановив на время доминировавшую тенденцию отстранения от власти аристократии и нарождение монархии. Сулла — пример очень удачного субъективного поведения и высокой эффективности политики, противоречащей доминирующим тенденциям. Не случайно он получил прозвище «счастливый». Он жестоко расправлялся с неугодными, но кровавый террор на время принес свои плоды, изменив общий ход развития. Рим окреп, волнения утихли. Наведя порядок, Сулла около 79 г. сложил

с себя все полномочия и поселился в имении, где через год скоропостижно скончался от непонятной болезни, до последних дней сохраняя свое влияние и власть, и гарантируя внутриполитическую стабильность.

Таким образом, вопреки доминировавшим в то время тенденциям в Риме, Сулла смог на какое-то время навести порядок и восстановить деградировавшую вокруг и внутри Рима СО, а через нее и ВПО (не только на юге и на востоке, но и на севере и, прежде всего, на территории самого римского союза), вопреки более общим тенденциям развития экономики и социальной жизни именно в силу своего военного и административного таланта. Правда, подобное спокойствие после смерти Суллы продолжалось недолго — через десять лет загнанные вглубь объективно существовавшие проблемы дали вновь о себе знать.

Иными словами, для более точного анализа состояния и прогноза развития ВПО желательно максимально подробно рассмотреть влияние на формирование ВПО не только общих тенденций в развитии человечества, сценариев развития МО и их вариантов («сверху», логически, методом дедукции), но и таких факторов, которые развиваются и находятся в процессе формирования СО, развития отдельных войн и военных конфликтов. Такая «индукция» позволяет скорректировать формально-логические умозаключения развития ВПО как части и следствия развития того или иного сценария МО, сделанные на основании общей информации, эрудиции и интуиции.

В нашем случае в предыдущих работах мы исходили именно из такой формальной логики, которая путем размышлений и сопоставлений позволила изобразить следующую картину, где «Вариант № 2» «Сценария № 3» развития МО представляется нам наиболее вероятным на перспективу следующего десятилетия до конца 20-х годов нашего столетия. В данном примере основной сценарий развития ВПО представлен в качества варианта сценария развития МО, что вполне допустимо, учитывая, что ВПО — часть и следствие развития МО. В данном случае сценарий № 3 МО и вариант № 2 ВПО — идентичны потому, что я взял состояние МО-ВПО-СО

укрупнено: мне важно было показать, как из сценария МО получаются сценарии развития СО.

Эта схема была дана в предыдущих работах, в которых, повторю, акцент делался преимущественно на **логическом анализе развития сценариев МО и ВПО, основанном на информации, опыте и интуиции автора.** Детали и отдельные сценарии (тем более их варианты) ранее подробно не рассматривались. Важно было определить основное направление развития событий в мире, т. е. *наиболее вероятный сценарий развития МО* и, как следствие, — наиболее вероятный сценарий развития ВПО в нескольких его конкретных вариантах. Этот сценарий в том или ином виде предлагался в различных НИР и даже открытой печати с 2015 года[44].

Для очень многих в 2015 году он выглядел излишне пессимистическим, даже неприемлемым. Но, как показала впоследствии практика, к сожалению, он подтверждался год за годом. Похоже, что его развитие, описанное мною в 2015 году[45], где я прогнозировал «2016–2021 годы как период непосредственной подготовки к глобальной войне в условиях уже ведущейся сетецентрической войны»[46], также подтверждается в наихудшем варианте.

Это означает, что наиболее вероятными сценариями развития СО в среднесрочной перспективе до 2025 года, т. е. конкретными видами (вариантами сценариев ВПО), будут следующие сценарии, которые нам и следует рассмотреть в этой работе:

— **Сценарий развития СО — «Сценарий № 1»,** характеризующийся преимущественно силовым (невоенным) глобальным противоборством России с западной военно-политической

44 Здесь и далее: **Стратегическая обстановка (СО)** рассматриваются как конкретный **вид** военно-политической обстановки в определенный (конкретный) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов и акторов ВПО. Она характеризуется конкретными особенностями, масштабом и ходом военных действий, возможностями и условиями их ведения и прекращения, а также другими факторами, влияющими на их ход и результаты.

45 *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 2011, № 4, с. 3–10.

46 *Узан М.* Важнейшее событие XXI века // Россия в глобальной политике, 2021, № 1, с. 21.

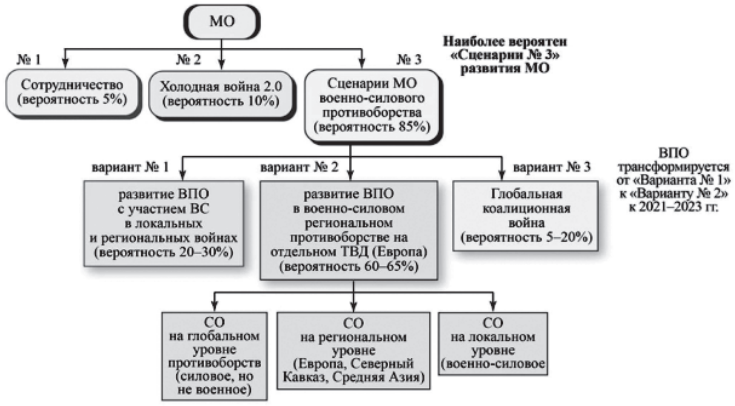

Рис. 2. Оценка состояния и перспектив развития военно-политической обстановки

коалицией во главе с США. Основные действия охватывают такие области, как:

— экономика;
— торговля;
— финансы;
— информационно-когнитивное противоборство;
— кибер-операции.

По существующей в США логике, именно в этих областях США абсолютно доминируют, а их силовая политика в отношении других стран несет наименьшие издержки и наименее рискованна. Это означает, что силовое противоборство делает акцент на невоенных средствах и способах ведения войны, т. е. СО формируется преимущественно невоенными силами и средствами.

— **Другой сценарий** политики «силового принуждения», допускаемый в США и их коалиции, это сценарий развития СО, характеризующийся силовым глобальным противоборством и военным противоборством на региональных ТВД и в отдельных регионах. Этот сценарий может быть назван **«Сценарий № 1+».** В дополнение к первому сценарию он предполагает при определенных условиях ведение региональных войн

и участие в региональных конфликтах. Прежде всего там, где «невоенная сила» не дает ожидаемого результата. Этот сценарий, как показала война в Ираке, очень дорого обходится экономике США, а его риски достаточно высоки. Именно поэтому прибегать к нему США в ближайшие годы будут достаточно осторожно, в крайнем (но отнюдь не исключительном) случае. Именно этот сценарий был основным в политике администраций США до Д. Трампа и, видимо, станет таким же при Дж. Байдене.

— **Сценарий развития СО («Сценарий № 2»),** характеризующийся **прямым военно-силовым противоборством** с Россией, Китаем и другими странами на региональном уровне, без перерастания в масштабную глобальную войну (например, на Украине, в Закавказье, Средней Азии). Этот сценарий также рассматривается в качестве вероятного, но нежелательного, прежде всего, из-за риска неуправляемой эскалации. Следует, однако, отметить, что его **вероятность увеличивается к середине 20-х годов** по мере развития потенциала первого удара и создания эшелонированной системы ПРО-ПВО.

— **Сценарий развития СО («Сценарий№3»),** военного противоборства в локальных войнах, который представляется наиболее вероятным хотя бы потому, что он уже реализуется фактически без перерывов с 1945 года, т.е. после окончания Второй мировой войны. Надо отметить, что последний вариант СО во многом совпадает с более общим «Вариантом № 2» развития ВПО. Он может стать вполне закономерным этапом его развития. Также как при определенных условиях вариант развития СО («силового, но невоенного противоборства») может перерасти в «Вариант № 3» сценария развития ВПО.

Надо понимать гипотетичность этих формальных сценариев, предложенных в наших предыдущих работах. Поэтому огромное значение имеет именно конкретный анализ состояния СО, который влияет на развитие ВПО, делает формально-логическую схему более реалистичной. Так, прежде всего, надо понимать, что состояние СО, как наиболее **конкретный вид** ВПО в **конкретный период**

времени, — наиболее динамично меняющаяся обстановка. Это означает, что мониторинг и анализ СО должен проходить постоянно. Только в этом случае он имеет смысл. И именно это происходит в центрах анализа управления стратегических наступательных вооружений, которые сегодня существуют уже не в единственном числе. Но это же необходимо и для анализа СО на конкретных ТВД, конфликтов и войн.

Можно проиллюстрировать эту мысль следующим примером: если ВПО в целом на советско-германском фронте в 1943 году была относительно стабильна и понятна, характерна как временное равновесие военных сил, то СО менялась, причем радикально, несколько раз — с окончанием Сталинградской битвы, после Орловско-Курского сражения, после форсирования правобережья Днепра. Была освобождена территория, на которой прежде проживало более 20 млн. человек, а в некоторых местах советские войска вышли на государственную границу. Более того, как результат этих побед стала меняться и МО. Как отмечает В.Д. Успенский, «Достигнутые нами успехи резко изменили не только стратегическую, но и мировую военно-политическую обстановку. И нам, и нашим друзьям стало понятно, что Советский Союз может своими силами полностью разгромить Германию вместе с ее сателлитами»[47].

Еще быстрее СО меняется в наши дни. С появлением стратегических вооружений достижение политических результатов стало возможно непосредственно с использованием ЯО, добиваясь непосредственно стратегических целей, минуя этапы тактических и оперативно-тактических изменений. Именно это стало возможно уже в 50-е годы, когда ядерные потенциалы СССР и США и средства их доставки достигли определенного количественного и качественного уровня. Можно сказать, что Берлинский и Кубинский

47 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2018, 1596 с.

кризисы стали своего рода маркерами в развитии влияния СО на состояние мировой ВПО и даже всей МО.

Но и в других случаях, а именно когда не предполагалось использование ЯО, в развитии СО возможна очень быстрая динамика, когда политические цели войны достигаются в течение недель, как это было в Югославии, Ливии, Ираке. Однако, это совсем не означает, что так есть и будет всегда: существуют и другие примеры, в частности длительная (почти 20 лет) война США в Афганистане и почти такая же по продолжительности в Ираке. Иными словами, СО (с точки зрения изменения ее динамики) может меняться по-разному — и очень быстро, в течение часов, и медленно, в течение месяцев и даже лет. Никаких жестких границ по времени и закономерностей для этого нет, что означает для ВС России необходимость быть готовыми к любым формам военных конфликтов любой продолжительности.

Рассмотрим подробнее в качестве иллюстрации известную в истории СО, которая сложилась в мире и в регионе вокруг Кубы в 1962 году. Ее главной характерной чертой стало размещение ракет средней дальности (РСД) США и СССР, что практически привело к началу вооруженного конфликта, который мог бы перерасти в ядерную войну с применением этих ракет.

История такова: в 1958 году в Великобритании были размещены первые жидко-топливные ракеты средней дальности «Тор» (пик развертывания — 60 ракет — был в 1960 году), которые могли нести ядерный боезаряд (мощностью в 1,4 Мт.) на расстояние более 2000 км, а в 1959 году было достигнуто соглашение США с правительством Италии о размещении на территории страны двух эскадрилий — 865-й и 866-й, — ракет средней дальности (2400 км.) «Юпитер».

Для размещения ракет была выбрана авиабаза «Джиойя дель Колле» в южной Италии. Два эскадрона, каждый в составе 15 ракет, были направлены в Италию в 1959 году. В состав каждой эскадрильи входило 15 боевых ракет, разделенных на пять стартовых батарей — примерно 500 человек персонала и 20 машин оснащения на каждую ракету. Ракетные батареи регулярно меняли места

дислокации. Для каждой из них, в 10 находившихся поблизости деревнях были подготовлены склады горючего и жидкого кислорода, регулярно пополняемые и обслуживаемые. На карте хорошо видны сроки развертывания ракет.

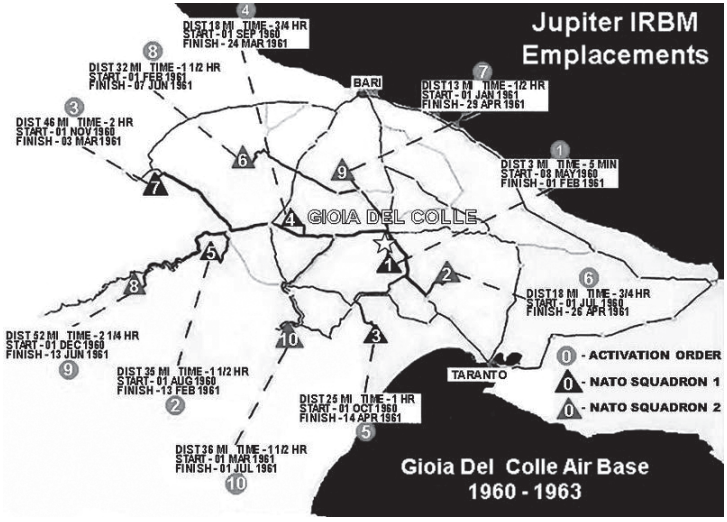

Рис. 3. Размещение ракет средней дальности «Юпитер»
на авиабазе «Джиойя дель Колле» в южной Италии.

Кроме того, 15 тех же ракет были расположены на 5 позициях вокруг Измира в Турции в 1961 году с февраля по июнь. Также, как и в Италии, турецкий персонал осуществлял обслуживание ракет, но ядерные заряды контролировались и снаряжались офицерами США[48]. Первый учебно-боевой пуск БРСД итальянским персоналом был выполнен в **апреле 1961 года.** Первый учебно-боевой пуск БРСД турецким персоналом был выполнен в **апреле 1962 года.** Таким образом, к середине 1962 года батареи «Тор» в Великобрита-

48 См. подробнее: серия работ по «фазовому переходу», опубликованная в журнале «Обозреватель» в 2018–2019 годах в соавторстве и лично. В частности, *Подберезкин А.И.* «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2. // Обозреватель, 2019, № 5, сс. 5–21.

нии и «Юпитер» в Италии и Турции были готовы в случае войны к использованию против СССР и его союзников. На практике это означало, что 60 ракет в Великобритании и 45 в Турции и Италии, обладавшие дальностью порядка 2400 км и моноблочными боеголовками в 1,4 мгт. (в 50 раз мощнее бомбы, сброшенной на Хиросиму), могли уничтожить более 100 городов в СССР.

Можно сказать, что с размещением БРСД США в этих трех странах, для СССР с апреля 1962 года сложилась качественно новая СО, которая изменила всю ВПО обстановку в мире: СССР принял ответные меры. Таким образом, «Кубинский кризис» октября 1962 года стал естественной реакцией на эти действия. СССР попытался сделать ровно то же самое, что и США, поставив их под удар тех же ракет средней дальности (трех полков Р-12 и двух полков Р-14, всего 40 ед.) с примерно такими же боеголовками по своей мощности. Именно в такой последовательности. Когда в марте 1962 года в Италии, Великобритании и Турции ракеты были уже размещены, в том же марте 1962 года на совещании в Политбюро ЦК КПСС, по воспоминаниям советского дипломата и разведчика Александра Алексеева (Шитова), Хрущев спросил его, как прореагирует Фидель на предложение установить на Кубе наши ракеты. «Мы, сказал Хрущев, должны найти столь эффективное средство устрашения, которое удержало бы американцев от этого рискованного шага, ибо наших выступлений в ООН в защиту Кубы уже явно недостаточно. Поскольку американцы уже окружили Советский Союз кольцом своих военных баз и ракетных установок различного назначения, мы должны заплатить им их же монетой, дать им попробовать собственное лекарство, чтобы на себе почувствовали, каково живется под прицелом ядерного оружия»[49].

Таким образом, резкое изменение СО в регионе Кубы привело к еще более резкому изменению СО в глобальном масштабе, а затем и ВПО, и МО, поставив мир на грань мировой войны. В огромной степени это повлияло именно на всю ВПО в мире потому, что

49 См., например: *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 165 с.

в конфликте оказались задействованы практически все вооруженные силы сторон и союзников.

Более того, последствия этого кризиса, как считается, в конечном счете, благоприятно отразились на дальнейшем развитии МО. Некоторые политики и ученые полагают, что разрядка и процесс ограничения вооружений стали следствием того, что политики смогли трезво посмотреть на последствия ядерного конфликта.

Возвращаясь к теме влияния СО на ВПО в современный период, я остановился на логически отобранных трех сценариях развития ВПО, которые неизбежно будут конкретизироваться в десятках вариантах развития СО, войн, военных операций и военных конфликтов. С точки зрения военно-политического анализа важно вовремя определить **«доминирующий»** и **«наиболее вероятный»** сценарий развития ВПО, конкретизация которого в СО может меняться быстрее, чем пишутся статьи[50].

При этом, под **«доминирующим» сценарием** развития ВПО понимается такой сценарий, который уже реально существует достаточно длительное время, обладает определенной энергией и инерцией, включает в свою орбиту множество сил и именно в силу этого является вполне объективной реальностью, которой (и это тоже важно) необходимо дать соответствующую адекватную оценку в правящей политической и военной элите. Сразу оговорюсь, что такая точная оценка правящей элитой дается отнюдь не всегда.

«Наиболее вероятный» сценарий развития ВПО — это тот сценарий, реализация которого в ближнесрочной и среднесрочной перспективе наиболее реальна. Этот сценарий может не совпадать с «доминирующим» сценарием именно потому, что СО или МО могут быстро поменяться. Так, «доминирующим сценарием» развития ВПО в 30-е годы была возможность нападения на СССР со стороны Великобритании (которая даже в период советско-финского конфликта готовила экспедиционный корпус), а «наиболее вероятным» оказалась агрессия гитлеровской Германии.

---

50 См.: *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО-Университет, 2015. 325 с.

В 70-е и 80-е годы прошлого века таким «доминирующим сценарием» в отношении СССР был сценарий «холодной войны», который по ошибочному мнению советского руководства был сменен на сценарий «разрядки» в развитии МО, тогда как в реальности сценарий «холодной войны» был скорректирован только в декларативно-информационной области — те небольшие результаты (Договор по СНВ, по ПРО и РСМД), как оказалось в реальности, мало чего стоили за исключением некого пропагандистского личного успеха М.С. Горбачева. Как известно, США быстро отказались не только от этих соглашений, но и от всей созданной системы международной безопасности.

Именно поэтому, с точки зрения оценки вероятности развития того или иного конкретного сценария ВПО и СО, требуется точная субъективная политическая оценка этой объективной реальности, которая уже существует и развивается порой по своим собственным законам, а не следование политико-идеологическим пожеланиям руководителей.

Естественно, что в работе не рассматриваются другие сценарии развития МО и ВПО, хотя их вероятность и сохраняется. Тем более не анализируются новые сценарии развития МО и ВПО, которые, конечно же, могут появиться. Необходимо просто иметь ввиду, что это развитие очень возможно и к нему следует быть готовым заранее. Так, например, совсем не исключается «Сценарий № 3» развития ВПО «Глобальная коалиционная война» между западной военно-политической коалицией (насчитывающей более 60 государств), с одной стороны, и коалицией ряда исламских государств, или китайской (индийской, российской и т. п.) коалициями или даже несколькими коалициями, антиамериканской направленности. Их вероятность невысока, однако мировой опыт показывает, что вооруженный конфликт быстро втягивает в свою орбиту другие государства.

В любом случае целью работы является доказательство того, что при оценке и прогнозе развития ВПО и МО необходимо рассмотреть, как характерные черты, так и особенности развития СО, войн и военных конфликтов с точки зрения их влияния на развитие современной ВПО в режиме, который сейчас называют «on-line».

Именно поэтому важно изучение специфических и характерных черт и отличительные особенности формирования СО, войн и военных конфликтов с точки зрения их влияния на развитие МО. «Война — это война, все знают, как она начинается, но никто не знает, как она закончится», — справедливо как-то заметил Яков Кедми, израильский политик.

Поэтому в ранних моих работах, посвященных анализу формирования современного сценария ВПО, как следствия развития наиболее вероятного сценария МО в одном из его наиболее вероятных вариантов «Эскалации военно-силового противоборства», основной акцент делался на наиболее характерных чертах формирования современных сценариев развития МО и ВПО. В новом веке их особенности, проявившиеся в конкретном и наиболее вероятном конкретном варианте сценария развития ВПО, т. е. используемый метод основывался на процессе дедукции, ориентированном на поисковом прогнозе, когда логика размышлений развивалась от самых общих представлений к более конкретным и частным — от состояния отношений между локальными цивилизациями и основными субъектами, от общего состояния МО — к состоянию ВПО и его конкретному военно-силовому варианту сценария.

Такого рода стратегические прогнозы, как правило, достаточно точны в долгосрочной перспективе, но могут иногда существенно отличаться не по своим сценариям, а по их конкретным вариантам. В частности, такие методы использовались не раз для прогноза развития сценария ВПО с 2013 года в серии работ, которые нашли практически полное подтверждение в дальнейшем, а также в частных прогнозах и исследованиях, например, перспективах развития национального человеческого капитала и оборонно-промышленного комплекса (ОПК) России.

Этот опыт относится к истории развития МО и отношений между государствами. Так, например, общий сценарий развития МО в конце 30-х годов неизбежно вел к войне Германии и ее союзников (причем в очень широкой коалиции, в которой фактически участвовали все европейские страны) против СССР, но конкретный вариант этого сценария ВПО сформировался только в декабре

1940 года в «Директиве № 21» («План Барбаросса», получивший название «Вариант Барбаросса»), предусматривавший, в частности, «разбить Советскую Россию в ходе кратковременной кампании, еще до того, как будет закончена война против Англии».

При этом в целях маскировки намерений стратегическое развертывание предполагалось «только за восемь недель до намеченного срока начала операции», а «приготовления, требующие более продолжительного времени, если они еще не начались, следует начать сегодня и закончить к 12.5.41 г.», т. е. эти некоторые военные приготовления начались до принятия политической директивы. В частности, еще 6 сентября 1940 года был издан специальный приказ начальника штаба ОКВ о маскировке всех мероприятий, связанных с подготовкой «восточного похода». Приказ, в частности, требовал:

1. Маскировать общую численность немецких войск на востоке, по возможности распространением слухов и известий о якобы интенсивной замене войсковых соединений в этом районе. Передвижение войск обосновывать их переводом в учебные лагеря, переформированием и т. п.

2. Создать впечатление, что основное направление в наших перемещениях сдвинуто в южные районы генерал-губернаторства, в протекторат и Австрию и что концентрация войск на севере сравнительно невелика.

3. Распространять соответствующим образом подобранные сведения для создания впечатления, будто после западного похода противовоздушная оборона на востоке серьезно усиливается и что зенитные средства всех важных объектов укрепляются за счет трофейной французской техники.

4. Работы по улучшению сети шоссейных и железных дорог и аэродромов объяснять необходимостью развития только что завоеванных восточных областей, ссылаясь при этом на то, что они ведутся нормальными темпами и служат главным образом экономическим целям.

В СССР знали и готовились к подобному развитию событий с начала 30-х годов. Таким образом, сценарный прогноз развития МО, существовавший в СССР в форме политического прогноза еще с

30-х годов, где говорилось о неизбежной войне с Германией и ее союзниками, подтвердился, хотя его конкретный вариант в части развития ВПО, а тем более СО (можно с уверенностью говорить об этом только с декабря 1940 года) был воспринят с опозданием в несколько недель, что повлекло за собой катастрофические последствия для РККА — потерю почти 2 млн. военнослужащих пленными и почти всей авиации и танков, т. е. поражение с оперативной точки зрения. Нередко это поражение РККА описывается слишком односторонне, без учета использования в эти месяцы СССР огромных ресурсов ВВСТ, накопленных в предыдущие годы. Например, именно в те месяцы произошли крупнейшие танковые сражения, а использование авиации принимало самый массированный характер.

Вместе с тем, с точки зрения стратегической, т. е. состояния МО и ВПО, Германии не удалось реализовать план быстротечной войны и нанести поражение СССР до зимы 1942 года. Война приняла затяжной характер. Более того, после Сталинградской битвы в Германии уже не рассматривали состояние МО в мире как предпочтительное и пытались найти из него выход. Именно так объясняют, например, некоторые генералы вермахта основную причину будущей Курской битвы, в результате которой они безосновательно рассчитывали достичь компромисса с СССР. Как известно, МО с 1943 года, в особенности после встречи в Тегеране, развивалась уверенно в антигерманском направлении, более того, принуждало союзников рейха покинуть коалицию. Именно поэтому ВПО со стороны Германии приобрела тотальный и фактически односторонний характер, когда один за другим из коалиции выходили союзники Гитлера.

В настоящее время существует быстро увеличивающееся количество сценарных прогнозов как за рубежом, так и (значительно меньше) в России. В частности, обращают на себя внимание стратегические прогнозы РЭНД-корпорации, которые нередко доказывают свою обоснованность. В качестве примера можно привести прогноз, подготовленный в июле 2020 года в отношении развития КНР, где предлагались несколько сценариев. Ключевые результаты этого исследования выглядят следующим образом: любой из четырех проанализированных сценариев — триумфальный Китай, вос-

ходящий Китай, застойный Китай или распад Китая — возможен через три десятилетия, — считают в РЭНД.

«Торжествующий Китай» является наименее вероятным потому, что такой результат предполагает небольшой запас для ошибок и отсутствие какого — либо серьезного кризиса или серьезной неудачи между 2020 и 2050 годами.

«Взрывается Китай» — вряд ли возможен потому, что на сегодняшний день, китайские руководители оказались квалифицированы в организациях и планировании, адепт в преодолевающих кризисах, и ловкий при адаптации и приспособления к изменяющимся условиям.

К 2050 году Китай, скорее всего, испытает смесь успехов и неудач, и наиболее вероятными сценариями станут «Восходящий Китай» или «Застойный Китай». В первом сценарии Китай в значительной степени преуспеет в достижении своих долгосрочных целей, в то время как во втором сценарии Китай столкнется с серьезными проблемами и в большинстве случаев не сможет реализовать свою великую стратегию.

Естественные практические задачи нормативного прогноза всегда ставились в разных странах и, естественно, освящались в различных моих публикациях, в связи с пониманием необходимости корректировать действующую Стратегию национальной безопасности России. Этой проблеме было посвящено несколько работ, среди которых особенно я бы выделил монографию «Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России», публикованную в 2018 году и другие работы 2017–2020 годов, прежде всего, работу, посвященную анализу современного сценария развития МО и ВПО, вышедшую в самом начале 2021 года.

Важно отметить, что оба метода прогноза — сценарный и нормативный — позволяют в итоге решать и оба типа прогнозных задач: построение нормативного и поискового прогноза развития МО-ВПО и СО, а также возможных шагов по повышению эффективности внешней политики и, отчасти, военного строительства. Таким образом, на стадии выбора метода у нас имеется четыре основных альтернативы, которые в той или иной степени используются, но в одном случае акцент делается на поисковом прогнозе

развития МО и ВПО методами дедукции (от развития Мок ВПО и СО), то в другом случае, наоборот, методами индукции (От особенностей СО, войн и конфликтов к особенностям ВПО и МО).

Методы, реализующие поисковое и нормативное прогнозирование, не конкурируют и не заменяют друг друга, а взаимосвязаны между собой. Например, перед разработкой нормативного прогноза военной политики, в частности, особенностей развития ВВСТ, необходимо составить поисковый прогноз развития наиболее вероятного сценария МО и ВПО, последствий для развития СО в мире и в регионах, а также возможных действий в области внешней и военной политики, чтобы определить предварительную возможность достижения устанавливаемой цели.

Эта работа в основном посвящена процессу индукции, т. е. каким образом развитие конкретных сценариев и их вариантов СО, военных конфликтов и войн влияет на формирование сценариев более высокого уровня — сценариев развития ВПО и МО, а также нормативному прогнозу развития необходимых и наиболее эффективных ВВСТ и невоенных средств силового противоборства, которые в последние десятилетия стали играть решающее значение. Так, если ввод 40-й армии в Афганистан в 1979 году потребовал дополнительной мобилизации 50-ти тысяч человек и 8 тысяч автомашин двух военных округов СССР, а также последующих боевых действий в течение 10 лет, то нападение США на Афганистан в 2001 году потребовало участие нескольких сотен агентов ЦРУ и сотрудников ССО, а также применения ВТО и стратегической авиации в течение двух месяцев, но сопровождалось целым спектром невоенных силовых методов принуждения — «бомбардировками» долларов, подкупом, шантажом и активным привлечением сил вооруженной оппозиции против талибов.

В первом случае, как видим, использование традиционных средств и методов сопровождалось антисоветской шумной кампанией и мобилизацией огромных сил против СССР на протяжении многих лет, а во втором случае — применением имеющихся у США ресурсов, созданием международной антитеррористической коалиции (а не противоборством в МО) и скоротечностью боевых действий при ми-

нимальных потерях со стороны ВС США. Таким образом, как по средствам, так и по способам вооруженной борьбы война в Афганистане со стороны СССР и США была принципиально разная.

Принципиально разными для этих стран стали и последствия в МО и ВПО: М. Горбачев и С. Ахромеев ошиблись в своих прогнозах относительно того, что США не введут войска в Афганистан, хотя именно это и было главным мотивом ввода войск в декабре 1979 года. Прошло всего несколько лет и США это сделали. Тем более они не думали о том, что США останутся там более, чем на 20 лет. Но если для США присутствие в стране в целом означает незначительные политические издержки, когда даже заявленный, но откладываемый без конца вывод войск не ведет к серьезным последствиям, то для СССР катастрофичность внутриполитических последствий и негатива в МО и ВПО (во многом искусственно преувеличенных), в отношениях с целым рядом государств не вызывает сомнений. Более того, именно в начале нулевых в США была официально озвучена программа «Большого Ближнего и Среднего Востока» Буша младшего, а затем и несколько измененная программа «Нового Ближнего и Среднего Востока» Кондолизы Райс, суть которых сводилась к массовой смене режимов в этих регионах.

Более того, участие СССР в войне привело к значительным внутриполитическим осложнениям, на которых охотно спекулировала так называемая «демократическая оппозиция». Например, как военные действия и развитие СО в Афганистане повлияло на состояние ВПО и МО в мире и на внутриполитическое положение в СССР. Эта проблема в последние три десятилетия освещалась, на мой взгляд, очень предвзято, заведомо преувеличивая негативные последствия и преуменьшая позитивные результаты ввода войск СССР в Афганистан в декабре 1979 года. Так, например, присутствие войск западной коалиции в Афганистане более 20 лет (по сравнению с 10 годами присутствия войск СССР) отнюдь не всегда и не всеми в мире, и в США рассматривается как негативное явление, хотя по сравнению с деятельностью советских войск и специалистов, которые занимались в том числе восстановлением народного хозяйства Афганистана, это присутствие выглядит гораздо менее привлекательным.

К сожалению, опыт войны в Афганистане не получил должного внимания ни в СССР, ни в России до настоящего времени. Сказалась не только инерция военного мышления, но и глубочайший кризис в СССР и России, а также изначальное негативное отношение ко всему, что происходило в Афганистане и в СССР в те годы. Это в последующем очень больно ударило по Вооруженным силам России, которые воевали в Чечне и на всем Кавказе, включая конфликт с Грузией. Только после переоценки ВПО в правящих кругах в России во втором десятилетии нового века Военно-политическое руководство России стало делать (не всегда бесспорные, на мой взгляд) выводы, ориентированные, прежде всего, на опережающее развитие ВВСТ и ВС. В этой области, как известно, в 2010–2020 годы удалось добиться впечатляющих успехов, которые, однако, не компенсировали полностью развал ВС с конца 80-х годов.

Таким образом, анализ взаимосвязи и взаимовлияния наиболее вероятного сценария развития МО на сценарий развития ВПО и конкретные варианты развития СО (метод логической дедукции и построения авторской концепции сценария), с одной стороны, и, обратный процесс — влияние особенностей развития военных конфликтов, войн и СО на эволюцию сценариев ВПО и МО, с другой стороны, имеют широкие перспективы для практических целей, прежде всего, повышения эффективности анализа развития наиболее вероятных сценариев ВПО и СО. В этом заключается суть авторской концепции работы.

Кроме того, такой анализ является неизбежным и обязательным предварительным этапом для разработки внешней и военной политики России, в особенности военного строительства, в том числе обоснования нормативного стратегического прогноза развития Стратегии национальной безопасности, развития ВВСТ и военного искусства.

Глава I. Особенность современного мироустройства и его влияние на национальную безопасность России

Чем менее развито общество, тем большую важность
для него приобретает военная деятельность
и поэтому, казалось бы, тем больше там должно
было бы появляться военных гениев[51]
К. фон Клаузевиц

Современное мироустройство[52], включая существующий миропорядок[53], как состояние глобальной международной и военно-политической обстановки и отношения их отдельных компонентов в военно-политической, финансово-экономической и информационно-когнитивной областях, радикально отличается по целому ряду принципиальных особенностей от мироустройства второй половине XX века. Настолько сильно, что, когда стараются апеллировать к прошлым реалиям, например, «признанным нормам международного права», не вполне отдают себе отчет в принципиальной разнице того, что было в прошлом и что стало в мире в новом веке. И, прежде всего, непризнание того, что — хотим мы этого или нет — мир превратился в принципиально **новую систему**

---

51 *Клаузевиц К. фон*. Принципы ведения войны / Пер. с англ. *Л.А. Игоревского*. М.: Центрполиграфпром, 2020, с. 12.

52 **Мироустройство** — *зд.:* современная научная картина мира (НКМ). В философском смысле — существующий порядок, взаимосвязь всех объектов мира, космоса. В политическом смысле — система экономических, военных и политических взаимоотношений между всеми государствами в мире, часть международной обстановка, которая включает все другие ее важнейшие элементы (отношения акторов, тенденции и пр.).

53 **Миропорядок** — *зд.:* международно-правовая система отношений между субъектами международных и военно-политических отношений (МО и ВПО), являющаяся частью *мироустройства*.

взаимоотношений новых факторов — ЛЧЦ, государств, центров силы и тенденций, — радикально меняющих мироустройство, а, значит, как следствие, и нового миропорядка. К сожалению, угрожающего, о чем откровенно сказал В.В. Путин в январе 2021 года на Давосском форуме.

Традиционно существовавшие миропорядки в новейшей истории условно делились на Вестфальскую (1648–1815 гг.), Венскую (1815–1871 гг.), Версальскую (1918–1939), Ялтинско-Потсдамскую (1945–1991 гг.), Постсоветскую, которая рассматривалась ее оптимистическими сторонниками как идеальная, даже «конечная» система, не подлежащая совершенствованию. Более того, признание этой системы миропорядка в качестве единственно возможной становилось последние десятилетия навязываемой нормой мировой политики и права. Ее основными принципами декларировались следующие:

— многообразие политических режимов;
— отказ от принужденного навязывания институтов (в том числе и насаждения демократии);
— признание стабильности, порядка, легитимности и отказ от инициирования внутренних революций;
— строгое ограничение и регулирование использования санкций;
— запрещение на использование глобальных экономических, финансовых, рейтинговых, информационных и иных инструментов в качестве орудий национальной внешней политики;
— гарантии границ государства;
— отказ от навязывания новых этических и правовых стандартов.

Как достаточно быстро оказалось, однако, все эти принципы получили свое, прямо противоположное развитие и толкование уже в самые первые десятилетия ее существования: бомбардировки Югославии, войны в Афганистане и Ираке, многие другие события сделали саму возможность существования такого «справедливого» миропорядка абсурдной: реально существующий миропорядок **прямо противоположен этим декларациям.** Более того, гро-

зит еще большим осложнением. С помощью такого миропорядка формируется не только новое *мироустройство,* главными действующими игроками которого являются уже не национальные государства и их коалиции, а международные объединения, — политические, информационные, финансовые, иные, — нередко прямо выступающие **против государственных институтов, —** но и соответствующий этому мироустройству новый реальный правовой миропорядок, основанный не на международных законах и нормах, а на «своих» нормах, правилах, принципах. События в Европе и в США 2020-2021 годов показали, что некие опасные новые тенденции этого мироустройства активно начинают формировать свой миропорядок вопреки даже федеральному американскому и другим национальным правительствам[54].

Прямым следствием такого нового миропорядка становится резкое обострение международной и военно-политической обстановки.

Ее негативную оценку регулярно озвучивает президент РФ В.В. Путин. Например, на итоговом расширенном заседании коллегии Минобороны 21 декабря 2020 года он дал следующую характеристику состояния военно-политической обстановки: «Мы видим, что военно-политическая обстановка в мире остается сложной. Высоки риски обострения ситуации в Закавказье, на Ближнем Востоке, в Африке, других регионах мира. Не прекращается военная активность блока НАТО. Продолжается деградация, к сожалению, системы контроля над вооружениями. Под надуманными предлогами США уже вышли из договоров по ПРО, РСМД и по открытому небу. Нет определенности и в отношении договора о СНВ, срок действия которого, как известно, истекает в феврале 2021 года…. Безусловно, мы детально анализируем текущую геостратегическую и военно-политическую ситуацию, прогнозируем возможные варианты ее развития»[55].

54 См., например: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с

55 *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании коллегии министерства обороны России / kremlin.ru/21/12/2020.

Этот анализ, о котором говорит президент России, основан на анализе огромного числа факторов и тенденций, из отношения которых формируется современное мироустройство и вытекающий из этого миропорядок, лежащий в основе современной международной обстановки и, как следствие, военно-политической обстановки.

В настоящее время происходит *сознательная хаотизация и дестабилизация международного порядка,* целью которой является ослабление и подчинение государств и их институтов силам, контролирующим глобализацию. И в этом его главная опасность для национальных государств, стремящихся сохранить свою идентичность и суверенитет, а также независимые институты.

Наступил новый этап в развитии человеческой цивилизации, который неизбежно будет сопровождаться процессом формирования новых «миропорядков». Происходит то же, что происходило на протяжении тысячелетий с человеческой цивилизацией — смена мироустройства ведет к смене миропорядка. Как, например, в древних Микенах, которые около 1500 г. до н. э. завоевали весь известный на то время в Европе «цивилизованный мир» — от Крита до материковой Греции — и начали создавать свои колонии на берегах Эгейского моря, на островах Родос и Кипр. Торговля велась по всему Средиземноморью, в частности с Финикией, Египтом и Италией. Согласно мифологической традиции в XIII веке до н.э. Микены были сильнейшим государством материковой Греции и, возможно, их правители возглавляли конфедерацию пелопонесских царств, подобных микенскому, т.е. были лидерами локальной человеческой цивилизации. Аналогичными лидерами были в этот период и некоторые государства в Китае, Индии, Латинской Америке. Не случайно в идеологической основе лидеров КНР отчетливо звучат идеи «возвращения» китайского лидерства, «пространственного расширения» и т.п. Эти миропорядки, однако, уступали место другим миропорядкам, в основе которых находилось новое мироустройство — имперское Древнего Рима, Китайской империи, феодальной раздробленности и последующим миропорядкам, основанным на суверенитете государств.

В 90-е годы прошлого века смена мироустройства в странах Социалистического содружества и целом ряде других государств привела к смене миропорядка, точнее — превращению этого миропорядка в американо-центричный мир. Проблема, однако, в том, что мы не знаем и нам трудно прогнозировать такого рода глобальные сценарии развития мироустройства и вытекающих из этого процессы «формирования новых миропорядков». Нам, как и многим другим государствам, заинтересованным в сохранении идентичности и суверенитета, ничего не остается другого как опираться на собственные возможности и ресурсы некоторых потенциальных союзников для формирования собственного миропорядка, основанного не на чужих нормах, а на нормах международного права.

Вариантов развития самого разного рода опасных сценариев множество. Как правило, рассматриваются только некоторые из них, наиболее очевидные. Но существуют и иные возможности, которые можно назвать нетрадиционными. Например, если допустить, что не государства-субъекты МО объединяются в широкую коалицию (коалиции), а только часть их правящих элит. В частности, например, либеральные элиты США, Китая, Индии, Европы и ряда других стран, которые по некой договоренности формируют новую, уже неформальную глобалистскую коалицию против национальных государств и новое мироустройство, из которого будет вытекать новый миропорядок, новое состояние МО и ВПО, не говоря уже о региональных и частных состояниях стратегической обстановки, войн и конфликтов.

Очевидно, что за последние 20 лет правящая элита США сознательно дестабилизировала государства в Азии, Африке, Европе и Латинской Америке, в том числе и те, где режимы были вполне лояльны к США и их союзникам. Более того, публично уничтожались лидеры, инфраструктура и политические элиты, что началось, вероятно, еще в Румынии и Югославии. Ответ на вопрос о том, какова была политическая цель, может быть только один — дестабилизация и разрушение с тем, чтобы спокойно захватить контроль над этими государствами. Самый яркий пример — Украина, где США добились именно того, что хотели.

Следующие неизбежные этапы на постсоветском пространстве — Белоруссия и Казахстан, а также попутно Армения и Грузия (где эти цели уже фактически достигнуты). Именно поэтому представляется необходимым вновь рассмотреть вопрос о формировании нового миропорядка и противодействии России с целью защиты своего суверенитета и идентичности, своих институтов, прежде всего государственных. Причем добиться этого посредством договоренностей маловероятно. Наиболее вероятен военно-силовой сценарий формирования нового миропорядка. Гениально чувствующий политическую конъюнктуру С. Караганов написал по этому поводу, отражая запросы части правящей российской элиты в условиях нарастающего хаоса миропорядка: «Длительность предстоящего периода многоуровневого кризиса, остроконфликтного хаоса, жесткого соперничества предсказать невозможно — от нескольких лет до десятилетия и более. Но одно очевидно — нельзя рассчитывать на долгосрочные внешнеполитические и внешнеэкономические договоренности, устойчивые успехи. Вероятны провалы. Один гигантский для всех — упомянутая эскалация до мировой войны. Обострениями меньшего масштаба угрожает любое глубокое вовлечение в формирующуюся на наших глазах сверхподвижную конфликтную мировую среду»[56].

Правда, как и всегда, основная идея была спрятана далеко в глубине его предположений, а именно — свертывание Россией политической и особенно внешнеполитической активности в мире: «Физическое вовлечение в такой внешний мир все больше становится фактором уязвимости. Даже оперативно-тактические выигрыши, видимо, становятся невозможными или преходящими. А ресурсы — политические, экономические, управленческие, потраченные вовне, — обречены на растрату. (При этом как-то забывается, что подобное сокращение внешней активности, предательство союзников, разгром на 80% армии и ОПК в 90-е годы, к чему также призывали либеральные демократы, отнюдь не дали нам никакого положительного экономического эффекта. Совсем наоборот). И

56 *Караганов С.А.* Очистительный кризис // Россия в глобальной политике, 2021, № 1, сс. 18–19.

еще более противоречиво звучит его призыв «о временном неоизоляционизме, работе на стратегическую перспективу», который он каким-то образом пытается совместить с признанием того, что «В мире предстоит период борьбы не за «новые правила», а за военно-политические, экономические, морально-культурные плацдармы, опираясь на которые эти правила будут устанавливаться» [57].

Короче говоря, опять сумятица и сумбур в головах либеральных демократов, которые сами того не желая оставляют В.В. Путину простую мысль, повторяемую им все чаще и чаще: «Надеяться надо только на себя и на собственные вооруженные силы». Собственно говоря, эта не очень оригинальная мысль, как правило, лежала в основе политики безопасности всех государств[58], а уж России тем более. В очередной раз за историю самого древнего из ныне существующих государств Европы (как минимум, сложившегося в IX веке) ему предстоит отразить нападение широкой западной коалиции, состав которой удивительно напоминает Великую армию Наполеона, нашествие стран гитлеровской коалиции (к которым всегда так или иначе примыкают нейтральные и оккупированные европейские государства).

1.1. Новое мироустройство и новый миропорядок

План Лисандра был рассчитан не столько на уклонение от боя,
сколько на непрямые действия, на удары по противнику
тогда и там, где шансы были целиком на его стороне[59]
Бэзил Лиддл Гарт, военный теоретик

Почти в 30-и летней войне Афин и Спарты, командующий спартанским флотом Лисандр всячески избегал прямого военного

57 *Караганов С.А.* Очистительный кризис // Россия в глобальной политике, 2021, № 1, 19 с.
58 См., подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с.
59 *Лиддл Гарт, Бэзил.* Стратегия непрямых действий. М.: Издательство АСТ, 2018, с. 34.

столкновения с более мощным военным флотом Афин, но сумел блокировать подвоз продовольствия (наложил санкции) и уничтожил вражеский флот, когда ему стало это удобно в течение одного часа. Это — типичный прием непрямых действий, когда ставка на военную силу в прямой форме себя не оправдывает. Он очень похож на современную ситуацию в отношениях западной военной коалиции и России, которая описывает состояние *современного сценария ВПО «Усиления военно-силового противоборства»:* непрямые враждебные действия направлены на полную и откровенную победу Запада без риска глобальной ядерной войны. Эти враждебные действия по внутриполитической дестабилизации и расколу правящей элиты России сочетаются с откровенными военными провокациями и наращиванием потенциалов в соседних с Россией регионах — от Норвегии и Прибалтики до Закавказья и Средней Азии.

Ставка делается на «игре в долгую», когда политическая стратегия должна поступательно и постепенно усиливать давление на Россию и ее правящую элиту, контролируя степень угрозы в нужном для себя направлении, но постоянно добиваясь результатов по мере ее реализации. Новый миропорядок предполагает, что основные субъекты МО и ВПО будут подчинены тем нормам и правилам, которые утверждают западные страны, посредством политики «силового принуждений» и внутриполитической дестабилизации.

Но если речь заходит о прямом военном противоборстве не на глобальном уровне, то Запад, как в случае с Югославией, Афганистаном, Ираком, Ливией и другими странами, пытается использовать свою подавляющую мощь в средствах воздушно-космического нападения (СВКН) и практически недееспособные средства воздушно-космической обороны (СВКО) своих оппонентов[60] для

60 Авиация Ирака в 2003 году практически не участвовала в боевых действиях, а средства ПВО использовали примитивную тактику, которая делала упор на мобильные ЗРК. См. подробнее: Авиация США в войне с Ираком в 2003 году // Грозное небо. Авиация в современных конфликтах / под ред. *В.И. Болдырева*. М. Центр анализа стратегий и технологий, сс. 75–77.

военного поражения и публичного уничтожения политического руководства противника. В этом случае используется весь спектр прямых и не прямых военных действий в зависимости от обстоятельств.

Поэтому возвращаться к пониманию того мироустройства и состояния МО, которое существовало до конца прошлого века, целесообразно только для того, чтобы пытаться аргументировать (но отнюдь не защищать в реальности) сохранение заведомо устаревших и отживших представлений о состоянии МО. Так, когда мы пытаемся отстоять реалии ялтинско-потсдамской системы мира, то мы заведомо игнорируем все те глобальные изменения, которые произошли к началу нового века в его мироустройстве, прежде всего, доминирования коллективного Запада в мире и, естественно, формировании прозападного мироустройства, норм, процедур и правил. С точки зрения международного права и абстрактной справедливости, защита сложившейся во второй половине прошлого века системы МО, может быть, и правильна, и справедлива, но с точки зрения существующих реалий уже политически бессмысленна: мироустройство и соответствующий миропорядок к началу нового века уже претерпели качественные изменения. Мир, а не только главные субъекты МО и ВПО, уже вступил в этап формирования нового мироустройства, который станет следствием эффективности использования субъектами и акторами всего набора военно-силовых мер и средств борьбы. Возможности политико-дипломатических средств практически исчерпаны. Поэтому новое мироустройство, как результат борьбы, станет, в конечном счете, итогом борьбы за сохранение цивилизаций, систем национальных ценностей и суверенитетов.

1.1.а). Структура и взаимосвязь факторов, формирующих международную и военно-политическую обстановку

Каждый народ в известную эпоху
имеет свой политический идеал.
Эти идеалы так же разнообразны,
как бесконечно разнообразны условия
жизни отдельных государств,
потребности и вкусы населения[61]
Е. Мартынов, военный теоретик

Новое мироустройство и вытекающий из него миропорядок во многом станет результатом развития сценария МО и ВПО, доминирующего в настоящее время, следствием множества внутренних и внешних процессов. Оно не появится «из ниоткуда», но, как и прежние мироустройства, станет следствием развития огромного числа факторов и тенденций. Во многом оно станет следствием нового миропорядка, который оформит эти процессы в новую систему отношений в МО и ВПО.

Авторская гипотеза работы[62] предполагает, что особенности современного мироустройства, прежде всего, особенности развития современного сценария международной обстановки[63], охватывают очень широкий круг проблем, только некоторые из которых с полным основанием можно отнести к области *силовых, а тем более,*

---

61 *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. Издательский дом «Финансовый контроль», 2003. 448, с. 15.

62 **Авторская гипотеза работы** — *зд.:* авторская гипотеза, являясь основной идеей работы, представляет собой авторское видение способа достижения цели, поставленной в работе. В настоящей работе она заключается в необходимости точного анализа и прогноза развития наиболее вероятного сценария ВПО как важнейшего условия разработки эффективной Стратегии национальной безопасности и развития России, основанной на приоритетах развития национального человеческого капитала

63 **Современный сценарий развития МО** — *зд.:* характерные особенности развития МО — ***состояни****е* субъектов и основных акторов, тенденций и других факторов, а также ***отношения*** **между ними.**

военных, отношений между субъектами и акторами[64] *МО, что* и является, собственно говоря, объектом настоящего исследования. Другими словами, анализируя постоянно военно-силовые факторы, необходимо иметь ввиду, что существуют и другие, не силовые факторы и тенденции, влияющие на формирование МО и ВПО, которые, как правило не учитываются в специальных работах, посвященных анализу ВПО в мире.

Огромное значение для состояния, структуры и процесса формирования МО имеют в настоящее время, например, демографические тенденции или процессы, связанные с развитием на базе локальных человеческих цивилизаций[65], как глобалистских, так и антиглобалистских — национальных, мировых и региональных — форм сотрудничества, которые, по своей сути, противодействуют глобальной тенденции формирования военно-политических коалиций.

Эти тенденции оказывают огромное влияние на формирование как мироустройства, так и миропорядка. Они в последнее время проявляются в самых разных формах и в разных странах. Так, например, отношения в «треугольнике» США-Индия-Китай, как оказывается, трудно правильно оценить только исходя из имеющихся межгосударственных противоречий этих стран. В январе 2021 года США сознательно рассекретили стратегию противостояния Китаю в Индо-Тихоокеанском регионе, которая основывается на «противодействии» либерализму со стороны КНР, которое ожидается от нынешнего руководства Китая[66]. Стратегия призвана

64 **Акторы** МО — *зд.:* и далее в работе имеются ввиду негосударственные участники формирования МО и ВПО, которые в полной мере — политически и юридически — не могут считаться субъектами МО и ВПО, но практически оказывают на их формирование сильное, а иногда и решающее влияние. Их влияние и возможности носят самый широкий спектр оценок — от виртуально-идеологических до подкрепленных так или иначе международным признанием.

65 **Цивилизационные факторы влияния на формирование МО и ВПО** — *зд.:* субъекты, акторы, а также объективные и субъективные средства и меры, влияющие на формирование МО и ВПО с учетом интересов и ценностей ЛЧЦ.

66 США рассекретили стратегию противостояния Китаю в Индо-Тихоокеанском регионе // Федеральное агентство новостей, Вашингтон, 13 января 2021 г.

не позволить Китаю создать «антилиберальные сферы влияния». В этих целях предполагается содействовать ускорению темпов экономического роста Индии, а также оказание помощи по дипломатическим, военным и разведывательным каналам, чтобы Нью-Дели мог справиться с трудностями в регионе, включая территориальный спор с Китаем.

В целом пространственные глобальные концепции становятся обязательным атрибутом внешнеполитического и военного планирования в мире. В частности, примечательно, что в начале января 2021 года Военно-морское министерство США специально обнародовало стратегический план «Голубая Арктика», в рамках которого Вашингтон планирует «бороться» за беспрепятственный доступ к Северному морскому пути и право добычи природных ресурсов на шельфе Северного Ледовитого океана.

Иными словами, процессы развития существующего сценария миропорядка и МО существенно шире спектра процессов развития ВПО, а тем более частных процессов формирования глобальных и региональных СО, не говоря уже об особенностях конкретных войн и военных конфликтов[67]. Более того, даже сама попытка составить их перечень и выстроить этот перечень процессов в приоритетном порядке вызывает многочисленные дискуссии. Этой теме уделяется специальное внимание, которое в нашем случае носит очень ограниченный характер[68]. Важно иметь ввиду, что как глобальные, так и антиглобальные процессы оказывают усиливающееся влияние на формирование миропорядка и развитие современного сценария МО.

---

67 Для таких явлений в области СО характеры совершенно новые особенности, связанные с феноменом **singularity** (англ.) — *зд.:* понятие, означающее уникальное в своем роде событие с крайне **особенными последствиями**. Это слово используется математиками для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой все больше приближается к нулю. Характерно для процесса развития СО, войн и военных конфликтов.

68 Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

С точки зрения влияния процессов, происходящих в формировании современной СО[69], войнах и военных конфликтах, программах ВВСТ и совершенствования способов их использования, т. е. военного искусства, сказанное означает, что развитие МО и ВПО, т. е. именно военно-политические отношения и установки, остаются **тем доминирующим фактором, тем «социальным заказом», который выступает главным мотивом и стимулом военно-технической политики отдельных государств и коалиций,** т.е. международная политика, как и прежде, оказывает решающее влияние на формирование ВПО.

Такой вывод отнюдь не всегда очевиден для политиков и особенно военных потому, что неизбежно вступает в противоречие с несколькими подходами, которые, как традиционно считается, предопределяют развитие военно-технической политики субъектов ВПО — государств и военно-политических коалиций[70]. Суть таких подходов определяется доминированием значения военно-технических аспектов в формировании политики, в особенности, когда речь идет о военно-технологическом соперничестве или так называемой гонке вооружений[71].

Это базовое утверждение настоящей работы о приоритете процессов в МО над процессами в ВПО и СО, например, противоречит устоявшемуся положению о военно-технической политике в России, которое трактует диалектику развития ВВСТ следующим об-

---

69 **Стратегическая обстановка** (СО) — *зд.:* конкретный вид военно-политической обстановки (ВПО) в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты.

70 Относительно самостоятельную военно-техническую политику могут проводить и некоторые крупные не государственные акторы, обладающие значительными ресурсами, например, ХАМАЗ, ИГИЛ, Джабхад-ан-Нустра и другие организации, способные создать некое подобие собственной военно-технической базы.

71 Подобные подходы достаточно подробно рассмотрены в специальной работе: *Подберезкин А.И.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020. 610 с.

разом: «Движущей силой процессов строительства и развития ВС является *диалектика развития военного искусства и средств вооруженной борьбы, которая выражается во взаимном влиянии процессов развития форм и способов применения войск (сил) и появления новых, все более совершенных образцов вооружений*. Процесс развития вооружения и военной техники (ВВСТ) реализует целевые установки военно-технической политики (ВТП), которая является частью государственной внутренней и внешней политики, направленной на разработку и реализацию мер по поддержанию, развитию, технического оснащения и других войск РФ, развитие научно-производственной базы для создания вооружений и военной техники, военно-техническое сотрудничество с другими странами»[72].

Иными словами, по мнению авторов, на развитие ВВСТ, прежде всего, влияет «процесс развития форм и способов применения войск», т. е. военное строительство и военное искусство — стратегия, оперативное искусство и тактика. Эксперты ЦНИИ № 46 МО России конкретизируют эту диалектику следующим образом: «На практике реализация основных положений ВТП осуществляется через разработку и выполнение целой совокупности федеральных целевых и государственных программ оборонного значения, где центральное место отводится государственной программе вооружения (ГПВ) — среднесрочной программе, разрабатываемой каждые 5 лет на 10-ти летний период»[73].

Другая разновидность преувеличения значения военно-технологических аспектов развития МО и ВПО — положение о том, что некие военно-промышленные круги стимулируют «саморазвивающийся» процесс гонки вооружений ради получения прибылей, который был популярен не только в СССР, но и в других странах, например, в США потому, что снимает ответственность с полити-

72 Цит. по: Сборник терминов, понятий и категорий в области военно-технического обеспечения военной безопасности Российской Федерации. М.: Минобороны, 1996.

73 Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях. Монография. Под общ. ред. проф. *С.Ф. Викулова*. М.: АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2020, 438 с., сс. 271–272.

ческой части правящей элиты за военный психоз и военные расходы. Идея доминирования в политике представителей ВПК, на которую ссылаются со времен Д. Эйзенхауэра, получила широкое распространение не только в пропагандистских и политических целях[74], но и как некое научное обоснование необходимости развития обрабатывающей промышленности. В действительности на долю ОПК в развитых странах приходится порядка 1–2% численности занятых в экономике.

Существует еще несколько подходов, объясняющих решающее влияние того или иного фактора развития ВВСТ и, как следствие, военного искусства на сценарии развития ВПО и МО. На мой взгляд, решающей группой факторов является все-таки группа политических факторов, которая реализуется в развитии того или иного сценария МО и его трансформации в конкретный вариант сценария ВПО[75]. Так, развитие бронетанковой техники накануне Второй мировой войны и эволюция военного искусства, в частности, использования крупных масс танков (в корпусах и даже армиях) произошло, прежде всего, под влиянием экспансионистских *политических установок* Германии и запоздалых попыток Англии, Франции и России нейтрализовать эту тенденцию, а не в результате развития военного искусства: танки традиционно рассматривались как часть пехотных соединений, не играющих самостоятельной роли. Только с появлением «политического заказа» — возможности проведения военных «блиц-операций» в Европе, основанного на неудачном опыте ведения позиционной Первой мировой войны, в конце 30-х годов возникла сама возможность массированного использования танковых корпусов и дивизий.

Также, как это произошло с развитием ВМС Великобритании, которые господствовали более 200 лет на море в мире, обеспечивая морскую торговлю островов Великобритании. Иначе говоря, —

74 Надо признать, что и автор участвовал в этом, публикуя в 80-е годы некоторые свои работы в соответствии с такой концепцией. См., например: *Подберезкин А.И., Бурсов А.В.* Лоббисты катастрофы. М.: «Московский рабочий», 1988 г.

75 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

это был *политический интерес*, который правящая элита Германии трансформировала в политическую цель.

В самом общем виде доминирование политического начала при формировании того или иного сценария развития МО можно изобразить на следующем рисунке[76]. На рисунке, в частности, видно, что формирование МО зависит от состояния, тенденций и перспектив развития 4 основных групп факторов, а также отношений между ними. Эта формализация, естественно, носит условный характер. На самом деле таких групп и тенденций может быть любое количество — все зависит от подхода того или иного автора. И данная тема не является предметом исследования в том числе и потому, что она рассматривалась в других работах. В данном исследовании она приводится для того, чтобы акцентировать внимание на политическом приоритете. Иначе говоря, миропорядок — *это* ***состояние*** *субъектов, акторов и* ***отношений*** между субъектами, акторами и текущими тенденциями в МО, которые предопределяют основной сценарий развития МО и, как следствие, — ВПО.

В свою очередь, ВПО, как часть МО, является **производной** от состояния МО. В этом смысле сценарий развития ВПО является **частью сценария** развития МО, а не самостоятельным явлением и процессом. Другими словами, как минимум, сценарий развития ВПО ни в одном из своих вариантов не может противоречить доминирующему сценарию развития МО. Наконец, сценарии развития глобальной и региональной СО, ситуаций на ТВД и в отдельных регионах, а также в основном войн и конфликтов, ***не могут*** противоречить в целом сценариям развития ВПО и МО. Это условие анализа необходимо было повторить, но сам по себе предмет исследования — состояние ВПО и СО — является отдельной темой.

---

76 Эту схему я не раз использовал в своих работах, начиная с 2018 года, где она доказала свою полезность. См., например: *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

Поэтому, на мой взгляд, прежде всего базовые основы развития того или иного сценария ВПО и даже его конкретного варианта следует искать в развитии общих сценариев МО и отношений между главными субъектами и акторами. Как видно из рисунка ниже, с 2010 года мною и коллегами прогнозировалось, что развитие базового сценария ВПО будет идти по следующему наиболее вероятному сценарию, названному «Сценарием усиления военно-силового противоборства», что полностью подтвердилось позже (хотя изначально и вызвало, как всегда, критику). В 2014–2020 годах этот сценарий развивался попеременно по одному из своих конкретных вариантов (не отличавшихся существенно друг от друга), который окончательно сформировался к 2020 году в «Вариант № 2» — «Усиление военно-силового давления». Ожидается, что этот вариант пройдет качественную точку «бифуркации» в период 2021–2025 годов, т. е. «переходный период», когда наиболее вероятным вариантом станет «Вариант № 2.2» — «Войны и конфликты на отдельных ТВД».

Другое дело, что каждый «нижестоящий» в своей иерархии сценарий и его варианты могут отличаться некими конкретными особенностями от «вышестоящих» по иерархии сценариев. Это отличие проявляется в конкретных вариантах. Так, например, сценарий силового (но невоенного) противоборства в развитии МО и ВПО не противоречит в деталях военному противоборству (с помощью не летального оружия, использования ССО, поставок ВВСТ и пр.), реализуемого в одном из вариантов сценария развития СО против России на Украине, Северном Кавказе или в Средней Азии.

В самом общем виде рисунок дает представление о подходе к исследованию, в котором интересует самый «нижний» уровень отношений — состояние СО, т.е. конкретное состояние ВПО в регионах и на ТВД, реальные войны и военные конфликты и их влияние на формирование основных вариантов развития базового сценария ВПО в мире. В том числе и их влияние на смену политических парадигм в развитии МО и ВПО, которое ощущается сильно в связи с углублением Мирового кризиса и хаоса.

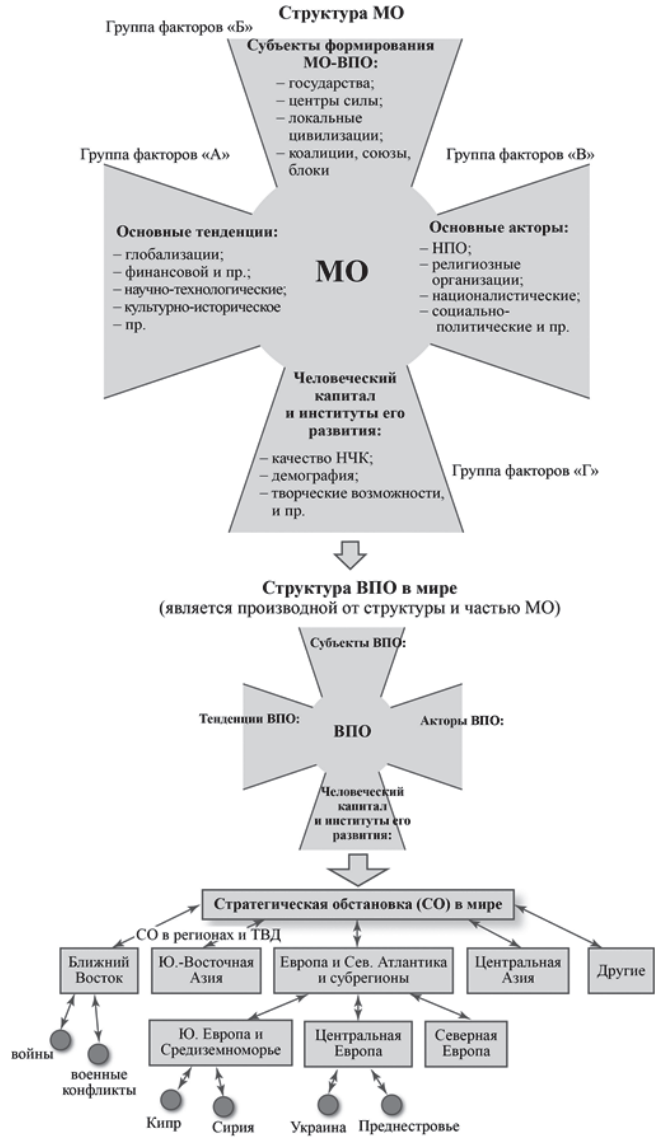

Рис. 4. Авторская концепция (гипотеза) анализа развития структуры МО и ВПО в работе.

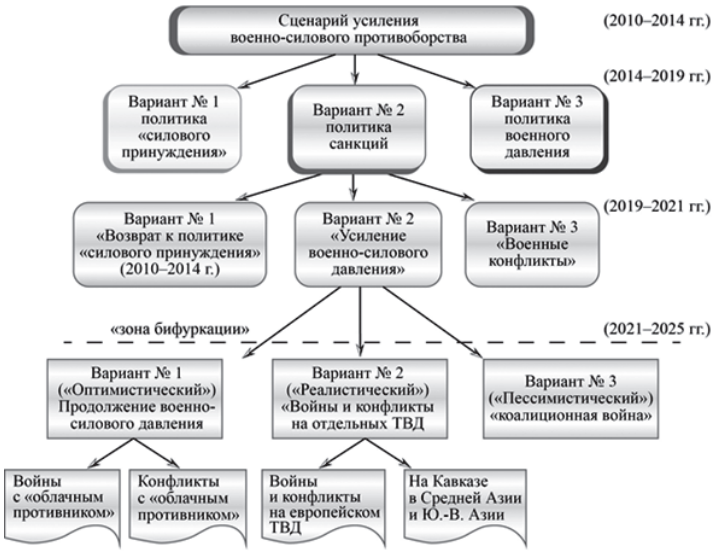

Рис 5. Развитие сценариев ВПО и их вариантов в «переходный период» (2010 – 2025 гг.)

Сказанное означает, что в период 2021–2025 годов уже не только возможны, но и вероятны станут военные конфликты и войны с западной коалицией на нескольких потенциальных ТВД и стратегических направлениях — от юго-западного (Украина) и северо-западного (Белоруссия) до южного (Закавказье). Напомню, что подобные сценарии были нами прописаны в серии работ и НИР, в том числе опубликованных[77], когда о конфликтах в Белоруссии и в Нагорном Карабахе еще многое не говорилось.

Учитывая, что подробно это было сделано в предыдущих работах, в данной части я просто исхожу из описанного выше сценария МО, который представляется наиболее вероятным в настоящее время и на перспективы, а именно — «Эскалация военно-силовых

77 См., например: *Подберезкин А. И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО, 2014; *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО, 2015, 325 с. и др.

отношений между западной военно-политической коалицией и другими странами и центрами силы».

Этот сценарий МО реализуется в наиболее вероятном сценарии развития ВПО и его конкретных воплощениях в сценариях развития СО, что видно на следующем рисунке. Именно эта часть, о которой прежде не говорилось, становится основной в данном исследовании.

«Вариант № 2» развития ВПО на 2019–2021 годы — «Усиление военно-силового давления» — был конкретизирован в минимальной степени потому, что основной акцент делался на реализации того или иного сценария ВПО и его вариантов до «переходного периода». В данной работе акцент изменен. В «переходный период» наиболее вероятным, на мой взгляд, будет вариант развития ВПО № 2.2. Поэтому конкретизация «Варианта № 2.2» должна быть описана подробнее. В том числе и потому, что «перспектива 2021» года уже наступила. Этот год стал реальностью, т. е. отсчет «переходного периода» начался параллельно с наступление вероятного периода региональных и локальных войн.

При этом особо отмечается, что при реализации этого сценария ВПО в его наиболее вероятном конкретном варианте — «Варианте № 2.2» — влияние военно-силовых аспектов внешней политики — военной политики, ВВСТ, военного искусства, развития ОПК и пр. аспектов, относящихся, как правило, к оценке состояния ВПО и СО[78], характере войн и военных конфликтов, — имеет **возрастающее влияние на современный сценарий развития и формиро-**

78 **Стратегическая обстановка (СО)** — *зд.: конкретный вид* военно-политической обстановки (ВПО) в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты. **СО** также — совокупность факторов и условий, в которых осуществляется *подготовка и ведение военных действий*. **СО** определяется ВПО и характером военно-силового противостояния международной обстановки (МО). Характеризуется применяемыми военно-силовыми (военными и невоенными) средствами, ВВСТ, группировками и характером противоборства, решаемыми задачами и условиями ТВД (СН).

вание МО, требуя отдельного внимания. Именно этому посвящается данный раздел работы.

Этому не противоречит тот факт, что в США постоянно разрабатываются и другие ***варианты этого сценария***. В частности, после прихода к власти в США в 2021 году новой администрации, РЭНД подготовила специальный доклад о внешней и военной политике страны в глобальном мире и в отдельных регионах, имеющий самое прямое отношение к «Варианту 2.2» предлагаемого в работе сценария. В нем, в частности, говорится о том, что «Соединенные Штаты сталкиваются с рядом проблем национальной безопасности, в то время как федеральный бюджет испытывает давление из-за кризисов в области общественного здравоохранения и инфраструктуры. В ответ на эти вызовы растет общественный интерес к переосмыслению роли США в мире. Согласно одному варианту — реалистичной великой стратегии сдерживания — Соединенные Штаты примут более согласованный подход к другим державам, уменьшат размер своего военного и передового военного присутствия, а также прекратят или пересмотрят некоторые из своих обязательств в области безопасности»[79].

Авторы доклада РЭНД считают, что, как правило, сторонники сдержанности будут больше полагаться на дипломатию для урегулирования конфликтов интересов, поощрения других государств к лидерству и сохранения военной мощи для защиты жизненно важных интересов США. Конкретные последствия этой «Большой стратегии» *варьируются, также, в зависимости от региона в зависимости от уровня интересов США и риска того, что одна-единственная держава может доминировать в регионе.*

Сторонники сдержанности стремятся *к более согласованному подходу с нынешними противниками США, такими как Россия и Иран*. Основная область разногласий среди сторонников сдержанности — стратегия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

79 *Miranda Прибе , Bryan Rooney , Натан Beauchamp-Mustafaga , Джеффри Martini.* Изменения в региональной политике безопасности США для реализации реалистичной глобальной стратегии сдерживания // RAND Report, 23 Jan. 2021. / https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA739-1.html 2/4

Сторонники сдержанности утверждают, что возвышение единого могущественного государства в Восточной Азии, Европе или Персидском заливе поставит под угрозу жизненно важные интересы США, но пока не предложили директивным органам указаний о том, как узнать, что такая угроза возникает[80].

Иначе говоря, новый возможный вариант «Сценария 2.2» может отличаться от существующего двумя особенностями: во-первых, долей силовых невоенных средств и мер, и различиями в региональной политике и приоритетах. Во многом этот вариант вызван именно различиями военно-технического характера в военной политике США в том или ином регионе или в военной политике страны, что, впрочем, всегда было нормой в современной военной истории, если вспомнить, например, опыт наполеоновских войн или войны за независимость в США[81].

Таким образом, если зависимость процесса формирования СО от сценариев развития МО и ВПО — известна, даже очевидна, принципиальна и носит определяющий характер[82], то не менее важно также заметить и влияние обратного процесса: как развитие СО, конкретных военных конфликтов и войн определяет процессы формирования не только ВПО, но и МО. В особенности, когда речь идет об острых фазах развития этих систем, как, например, это происходит в настоящее время в целом ряде регионов планеты. Так, развитие СО в Сирии, на Южном Кавказе и Юго-Востоке европейской части России в настоящее время прямо и буквально ежедневно сказывается на формировании ВПО и даже МО на Среднем

80 *Miranda Прибе , Bryan Rooney , Натан Beauchamp-Mustafaga , Джеффри Martini*. Изменения в региональной политике безопасности США для реализации реалистичной глобальной стратегии сдерживания // RAND Report, 23 Jan. 2021 / https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA739-1.html 2/4

81 См., например: *Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон*. Полководческое искусство. - М.: АСТ, 2019, СС. 44-47.

82 Собственно этому посвящена вся первая часть работы — «Анализ и прогноз развития ВПО», где основное внимание было уделено формально логическому процессу дедукции влияния формирования того или иного сценария МО на сценарии и варианты развития ВПО. Также, см. подробнее: *Подберезкин А.И*. Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

и Ближнем Востоке, в Закавказье и на Юго-Востоке Европейской части России. Успехи операции России в Сирии достаточно заметно повлияли, в частности, на состояние МО не только в этом регионе, но и на отношения России с Западом в целом.

Иными словами, хотя отношения субъектов при формировании МО и ВПО выходят далеко за границы силовой, а тем более военно-силовой политики, охватывая такие не силовые области отношений как цивилизационные, гуманитарные, научно-образовательные, культурно-духовные и иные, *возрастающее значение в последнее время имеют именно силовые и военно-силовые аспекты, которые требуют специального анализа*[83]. При том понимании, что значительные области этих отношений могут и имеют все возрастающее значение с точки зрения силовой (не военной) политики, т. е. являются частью ВПО и даже СО[84]. Так, сознание и развитие гражданских НКО, которые могут при необходимости стать участниками силовой (и даже военно-силовой) политики, — имеет, как известно, прямое отношение к формированию не только МО, но и ВПО и даже СО (если речь идет, в частности, о создании оперативного резерва или ЧВК). Именно так происходило в последние десятилетия во многих государствах и на многих территориях, например, бывшего СССР, когда создание изначально вполне мирных организаций постепенно превращалось в процесс их стремительной эволюции в агрессивные и военизированные структуры, оснащенные не только гражданским оружием, но и даже современным тяжелым вооружением. Их эволюция особенно наглядно проявилась в 80-е годы в Армении и Азербайджане, в Таджикистане и Киргизии, Грузии, Абхазии, наконец, Чечне и на Украине, а в последнее время и в Белоруссии.

83 Граница между не силовыми отношениями («мягкая сила») и силовыми — не военными («сила принуждения») и силовыми военными («жесткая сила»), впрочем, достаточно условная. Особенно, учитывая, что, как правило, все эти средства применяются комплексно. Тем не менее такая граница существует и в интересах сохранения мира государства должны ее выделять.

84 См., например: *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 462 с.

В данной работе акцент делается, однако, преимущественно на тех **силовых (военных и невоенных) аспектах в политике субъектов СО**, которые имеют прямое отношение, прежде всего, к военно-силовым отношениям субъектов и отдельных акторов в формировании МО и ВПО. В частности, например, на значении информационно-когнитивного и цивилизационного силового противоборства, влияющих на формирование СО в России и на постсоветском пространстве, где контроль (с официальной точки зрения США, над постсоветским пространством со стороны России) должен, по их мнению, быть **окончательно потерян**[85]. Так, например, в этих целях западная военно-политическая коалиция,[86] создаваемая на базе западной локальной человеческой цивилизации (ЛЧЦ)[87], делает ставку на разжигании русофобии в бывших советских республиках, создавая, как на Украине, очаги национальной напряженности искусственно. Отрицать организованный и управляемый характер подобной политики в отношении России со стороны более 60 субъектов МО бессмысленно (хотя это и делается). Так, например, 9 декабря 2020 года Генассамблея ООН приняла резолюцию «Проблема милитаризации Автономной Республики Крым и города Севастополь, Украины, а также районов Черного и Азовского морей» на пленарном заседании 74-й сессии организации. Документ поддержали 63 государства, 19 высказались против и 66 стран воздержались**.** Этот пример — наглядная иллюстрация как сплоченно действует западная военно-политическая коалиция в мире. «Распределение сил» в мире происходит примерно в соответствии с таким водоразделом.

---

85 Эта задача откровенно провозглашается, например, Демократической партией США, но она является, по сути, консенсусом для всего американского истэблишмента.

86 **Западная военно-политическая коалиция** — *зд.:* широкая коалиция, в которую кроме стран-членов НАТО входят развитые нейтральные государства, Япония, Австралия и целый ряд других стран, имеющих тесные двусторонние военно-политические соглашения с США и их союзниками.

87 **Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ)** — *зд.:* главный субъект, который рассматривается в качестве смысла, веса, важности, ценности для всего процесса развития МО.

Другой пример связан с действиями австралийского спецназа. Австралия направила воинский контингент в Афганистан в 2001 году, в течение 13 лет его численность составляла в среднем 1500 военнослужащих. В декабре 2013 года военная база Тарин Кот в провинции Урузган была закрыта, а служившие там солдаты вернулись домой. С 2014 года в Афганистане остались порядка 300 австралийских солдат и офицеров, дислоцированных на международных базах близ Кабула. Главные обвиняемые — элита ВС Австралии — военнослужащие специальной эскадрильи авиадесантной службы (Special AirService, SAS). Они служили в составе многонациональных сил, дислоцированных в Афганистане, но вместо обещанного мира принесли на эту землю нечто совсем другое. По словам командующего вооруженными силами Австралии генерала Ангуса Кэмпбелла, в ходе расследования было «абсолютно достоверно доказано», что австралийские спецназовцы совершили по меньшей мере 39 убийств и участвовали в эпизодах запугивания и унижения безоружных людей. Преступления, как заявлено, были совершены в период с 2005 по 2016 год. Расследование, итогом которого и стал отчет, началось в середине 2016-го и длилось чуть менее четырех лет, до конца 2019 года[88].

Действия широкой проамериканской коалиции в мире направлены, прежде всего, против России. Так, например, в декабре 2020 года нейтральная Швейцария поддержала санкции США и ЕС против России из-за Крыма. Примеров такой политики русофобии множество, но важно подчеркнуть, что эта политика — один из **принципов коалиционной политики Запада в отношении России** последних десятилетий, которая является высшим приоритетом по отношению к России. И она находит свое современное подтверждение в действиях западной коалиции по отношению ко всем постсоветским странам — от Белоруссии до Киргизии.

К сожалению, далеко не всегда такая политика встречает своевременную и адекватную реакцию со стороны России, что ведет к

88 *Аркаева А.* Австралия: шок после публикации доклада о преступлениях спецназовцев в Афганистане // ТАСС, 9 декабря 2020 г.

ограничению ее влияния на постсоветском пространстве и наносит ущерб русскому населению[89]. В частности, если в конце 80-х в Киргизии проживали около 1 миллиона этнических русских (и больше 100 тысяч украинцев, которых тут тоже все считали русскими), то по переписи 2018 года осталось уже 350 тысяч — чуть больше 5% населения. Более того, отчетливо просматривается тенденция «выдавливания» их из страны в будущем. Нынешние «киргизские русские» стараются держаться подальше от политики. В парламенте Киргизии, который сейчас избрался — на 120 человек всего 3 депутата со славянскими корнями. В ходе проходившего 14 октября 2020 года митинга сторонников премьера Садыра Жапарова, например, «одни спикеры призывали убираться из страны тех, кто не говорит на кыргызском», а другие «возмущались работой журналистов «нетитульной национальности».

В любом случае феномен силового (но невоенного) влияния развития СО, войн и военных конфликтов на формирование ЛЧЦ и их коалиций[90], на структуру МО и сценарий развития ВПО, имеет огромное, но далеко не всегда признаваемое, значение. Если в прежней истории человечества войны создавали и разрушали государства, то в современной истории войны и военные конфликты стали частью более общей силовой политики, когда невоенные силовые меры и средства оказывались более эффективны, чем военные средства и меры, хотя они формируют в такой же степени новую реальность СО. Именно так произошло на Украине, а до этого в Грузии, в Румынии, Киргизии и целом ряде других стран. По этому пути может пойти развитие социальных конфликтов в развитых странах — США, Франции, России. Как показали выступления

89 В отличие от политики СССР, когда, например, Л. Брежнев жестко ответил президенту США на его заявление о вмешательстве в дела Афганистана «о неумеренности тона в отношении СССР». См. подробнее: *Громов Б.* Ограниченный контингент. М.: Яуза-каталог, 2019, с. 101. 84 с.

90 **Современная военно-политическая коалиция** — *зд.:* достаточно широкий о составу и обязательствам союз, в котором его члены могут иметь разные по своему характеру обязательства друг с другом — от тесных взаимно обязывающих военно-политических гарантий (как, например, ст. № 5 Североатлантического договора) до размытых двусторонних соглашений о политико-дипломатическом союзе

в России в январе 2021 года, самые новые, в том числе неожиданные, формы противоборства могут (и наверняка станут) практикой в отношениях Запада с Россией в будущем. Не случайно, например, что наиболее организованные выступления произошли в Екатеринбурге и Владивостоке, где очень активную работу вели Генеральные консульства США.

Эта современная особенность развития МО очевидно пока недооценивается, в частности, когда речь идет о долгосрочном цивилизационном влиянии, которое вытеснило идеологическое влияние в мире и на постсоветском пространстве СССР и России, а в настоящее время усиленно проявляется во влиянии западной, китайской, исламской и индийской ЛЧЦ. Именно цивилизационное влияние может проявиться, прежде всего, в силовых и невоенных формах конфликтов, которые позже трансформируются из качественно новых СО в новые ВПО и МО[91]. Новая «цивилизационная» СО, например, сформировалась на Южном Кавказе, где Армения и Азербайджан вступили в военный конфликт, но только этим конфликтом новая СО отнюдь не ограничена — факторы Турции, Ирана, с одной стороны, и США, и Великобритании, с другой, продолжают усиливаться.

91 Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др*. М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

1.1.б). Современное состояние международной обстановки и ее влияние на военно-политическую и стратегическую обстановку

сетевые структуры можно использовать не только
для освобождения общества, но и для укрепления
централизованного контроля[92]
Б. Макконнелл,
старший вице-президент
Института «Восток-Запад»

Состояние МО с начала второго десятилетия нового века представляет собой «Переходный период» в развитии наиболее вероятного конкретного варианта сценария МО в 2020–2035 годы — «эскалация военно-силового противоборства», — который уже в ряде случаев приобрел нетрадиционные формы иррегулярной войны[93] между основными мировыми субъектами — ЛЧЦ, их коалициями, государствами и наиболее влиятельными акторами. Он достаточно подробно описан в предыдущих частях и характеризуется в главном тем, что отношения между этими субъектами во все возрастающей степени в последнее десятилетие характеризуются, во-первых, нарастающим силовым соперничеством, во-вторых, минимальным сотрудничеством даже внутри коалиций, что существенно, радикально отличает такие отношения от отношений между ними в прошлом веке. Наконец, в-третьих, процесс глобализации и усиления всеобщей взаимосвязи и растущей взаимозависимости, характерный для большинства субъектов МО в последние 50-70 лет, постепенно ***вытесняется процессом силового противоборства,*** *в основании которого находятся национальные и корпора-*

92 *Макконнелл Б.* Сетевое общество и роль государства // Россия в глобальной политике. Март–апрель 2016 г., № 2, с. 131.

93 **Иррегулярная война** — *зд.:* современная форма силового противоборства, в которой используются любые силовые — военные и невоенные — силы, меры и средства против главного объекта противника — его правящей элиты и общества.

тивные интересы. Воспринимается в настоящее время это по-разному. В частности, в КНР существует такое представление[94]:

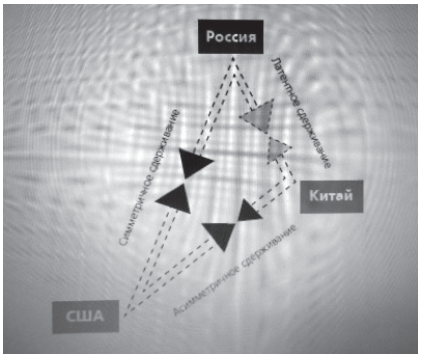

Рис. 6.

Это **силовое противоборство** — главная особенность развития современного сценария МО, которая реализуется в форме иррегулярной войны — войны, в которой участвуют не только государства и их институты, но и негосударственные образования, прежде всего, институты развития человеческого потенциала: НКО, университеты, СМИ, др. и отдельные граждане, представляющие собой главную силу развития современного общества и экономики — творческий класс[95]. В фокусе операций в иррегулярной войне находится население и правящая элита страны — объекта нападения. Стратегическая цель направлена на то, чтобы захватить и удержать контроль над правящей элитой, населением через использование политических, психологических, информационных и экономических средств и методов. В ходе иррегулярной войны ВС США используют непрямой подход с целью разложить власть, подорвать ее влияние и волю и лишить власть поддержки народа.

94 *Шитов А.В.* Тектоника стратегического треугольника // Официальный сайт ЦВПИ. 08.01.2021. / Eurasian-defence.ru/08.01.2021

95 См. подробнее: *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняю будущее. М.: «Классика XXI», 2005, 421 с.

Стратегия современной иррегулярной войны, которую ведут США в глобальном масштабе, была закреплена в наставлении по ее ведению, разработанном Пентагоном еще в мае 2010 года. В последующие годы спектр средств, мер и методов иррегулярной войны расширялся как за счет увеличения традиционных силовых и военных средств, так и не традиционных силовых, невоенных средств и методов ведения противоборства.

Частной формой иррегулярной войны стали гибридные войны, имеющие ограниченный по месту и средствам использования, характер. «Когда дело доходит до политических целей, гибридные войны, скорее всего, примут вид иррегулярной войны, где ее практики стремятся подорвать легитимность и авторитет правящего режима», — пишет известный политолог Л. Савин[96].

Таким образом, современный сценарий развития МО — сценарий развития силового противоборства, эскалация которого ведет с высокой степенью вероятности к его переходу в военно-силовую фазу, исключающую в качестве основ политики формы мирного сотрудничества.

Это характерно для всех основных субъектов МО, но, прежде всего, западной ЛЧЦ и военно-политической коалиции, которая ставит своей задачей **сохранить сложившуюся военно-политическую и финансово-экономическую систему на будущее с помощью всего спектра инструментов силовой политики**.

Во многом аналогичную цель ставит и руководство КНР, и китайской ЛЧЦ. Так, применительно к КНР и китайской ЛЧЦ и военно-политической коалиции, в этом случае возможно, строительство отношений в МО нового типа — новая редакция старой теории «трех миров» Мао Цзэдуна: на современной международной карте существует три мира: бедные страны, богатые страны и Китай. Китай должен, непрерывно решая собственные противоречия в социально-экономическом развитии, выполнять историческую миссию — быть стабилизатором мировой политики и экономики,

96 *Савин Л.* Новые способы ведения войны. Как Америка строит империю. СПб.: Питер, 2016, с. 114.

движущей силой реформы глобального управления и маяком (навигатором) будущего развития бедных государств.

Возможно, эта инициатива становления международных отношений нового типа, как полагают индийские аналитики, формирует новую версию древней китайской философии политического управления, называемую «тянься» (tianxia). Она подразумевает **управление народами с различными культурами и из разных географических мест одним правителем**[97].

Похожую цель преследует также исламская ЛЧЦ, где пока еще не определился главный центр силы, но общий сценарий — силового противоборства с другими ЛЧЦ и центрами силы — просматривается вполне определенно на примере контртеррористической операции (КТО) России на Северном Кавказе, а также очень хорошо представляет собой политика Турции, как одного из потенциальных лидеров этой силы.

Наконец, аналогичные цели преследуют и другие ЛЧЦ — индийская, бразильская, индонезийско-океаническая и другие, которые неизбежно будут проявлять свои внешнеполитическим амбиции по мере экономического и демографического развития. Особенно по мере развития национального человеческого капитала этих ЛЧЦ и мощных социально-политических изменений, вытекающих из ускоренного роста потенциала «креативного класса»[98].

Эти изменения формируют крайне опасное состояние СО, обостряют кризисы, провоцируют войны и т. д., что очень хорошо видно на примере развития человечества в последние 30 лет. В любом случае развитие сценария МО в среднесрочной перспективе не представляется оптимистическим: прежние романтические представления о глобализации сменяются на вполне консервативные и традиционные воспоминания о национальных интересах и системах ценностей, которые существовали тысячелетия до Новейшего времени. В их основе лежали военно-силовые отношения между

97 *Мокрецкий А.Ч.* Курс Китая на строительство международных отношений нового типа, М. АДВРАН, 2016, 296 с., с. 12.

98 *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика XXI, 2005, сс. 12–13.

субъектами, когда войны становились главными инструментами политики.

К сожалению, значительная часть правящих элит России и экспертного сообщества не воспринимает в полной мере остроту этих угроз. В качестве одного из примеров, своего рода маркера, можно привести ежегодный доклад «Международные угрозы», подготовленный большим коллективом исследователей ИМИ МГИМО в январе 2021 года, в котором рассматривается очень широкий спектр таких угроз — от «поляризации политической жизни США» до «курса ЕС на «зеленую сделку» и оценки перспектив политики Китая[99]. Главные выводы доклада, которые вызывают сомнения, следующие:

— В 2021 году будет *доминировать тенденция «Больше государства»*, которая, по мнению авторов, «станет лейтмотивом наступившего года». «Чтобы сохранить свои позиции на международной арене, государствам нужно не только продемонстрировать эффективность системы здравоохранения, но и сохранять последовательный геополитический курс и избегать давления конъюнктурных мотивов части политической элиты при выработке и проведении такого курса».

«Возвращение государства» — та тенденция, которая последние годы борется с глобализацией — от Брекзита до действий либеральных либералов по всему миру, — проигрывая пока что действиям международных либеральных институтов. На мой взгляд, предстоит самая серьезная силовая борьба уже в 2021 году, который станет ничем не лучше предыдущих лет наступления глобалистов.

— «В условиях сильной поляризации общества: - считают авторы *США не удастся определиться с внешнеполитическим курсом в 2021 году*». — Уверен, что будет не так: вся практика действий администраций США показывает, что уже в первые месяцы своего правления, максимум, до года, принимаются важнейшие концептуальные решения.

---

99 Эксперты МГИМО назвали главные международные угрозы года // Сайт МГИМО. 13.01.2021.

«Москва может ожидать реалистичный подход новой администрации к вопросам контроля над вооружениями», - считают авторы, хотя ровным счетом никаких предпосылок для этого нет. Не только Д. Трамп, но и до него руководители всех предыдущих администраций сознательно уничтожали систему ограничения и сокращения вооружений, созданную в 70-80-е годы прошлого века.

«Информационная война», по мнению авторов, «продолжится, как и провокации против России». Такой констатации мало. Следует признать, что эта информационная война уже переросла в силовую политико-психологическую войну, а ее следующий этап — силовые и военные действия.

— «Для Китая администрация Дж. Байдена будет передышкой перед новыми конфликтами — пусть Д. Трампу и приходится покинуть Белый дом, «трампизм» от Вашингтона не отступит», полагают авторы, - «Китай остается достаточно хрупкой сверхдержавой и в интересах сохранения динамики своего глобального подъема и спокойствия внутри страны должен более тщательно оценивать вероятные риски и реагировать на них», — подчеркивают авторы доклада.

С таким прогнозом нельзя согласиться потому, что не будет ни «передышки», ни пассивности со стороны ни США, ни Китая.

— «В Брюсселе будут праздновать возвращение США в Парижское соглашение, а стратегический курс ЕС будет заключаться в стремлении превратить регион в климатически нейтральный континент к 2050 году посредством «зеленой сделки», которую продвигает Германия».

Уверен, что в ЕС и особенно Германии проблемы отношений с США не ограничатся экологией: назрел достаточно глубокий конфликт, который Байден будет пытаться урегулировать на многосторонней основе, но, главное, опять будут использовать страны ЕС в качестве инструментов силового давления на Россию.

— «Другими важными направлениями, за которыми следует следить в 2021 году, будут риски вторичных санкций, климатическая миграция в Африке, цифровое развитие и прогресс вакцинирования населения планеты, — полагают авторы

доклада. С этим утверждением трудно не согласиться, но к нему можно добавить еще длинный перечень актуальных вопросов и угроз.

Этот пример доклада, на мой взгляд, свидетельство того, что в российском правящем классе существует очевидное расхождение как в оценке масштабов, так и актуальности внешних угроз, а, значит, и готовности им противодействовать.

1.1.в). Смена парадигм развития международной обстановки: непосредственные последствия для военно-политической и стратегической обстановки

Борьба лежит в основе всего живущего.
Все силы природы находятся в постоянной борьбе….
Вот почему войны были всегда и будут[100]
А. Снесарев, военный теоретик

Смена политических парадигм всегда в человеческой истории приводила к радикальным изменениям в ВПО и СО. Но далеко не всегда на это обращалось внимание, хотя зависимость «смена парадигм — обострение ВПО — война» почти всегда подтверждалась.

В основе политики основных субъектов МО в истории человечества лежали некие идеи, цели и интересы, которые могли быть неверны, во-первых, либо просто отсутствовали, во-вторых, основные из них оформлены в некие парадигмы[101], которые на определенных отрезках времени доминируют в общественном сознании правящих элит. Эти парадигмы или идеи — неверные, либо их отсутствие — во многом предопределяли развитие МО и ВПО. Не-

100 *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003, с. 8.

101 **Парадигма** — *зд.:* наиболее общие фундаментальные научные, общественные и политические представления об основных закономерностях и особенностях развития системы или объекта, воспринимаемых и разделяемых в обществе.

известно, что хуже. В соответствии с этими политическими парадигмами используется и военная сила, которая является не более чем их инструментом. Смена парадигм — прямо и непосредственно отражается на военной силе и ее использовании государством. Военный теоретик Е.И. Мартынов приводил пример с политикой русской императрицы Елизаветы, которая втянулась в семилетнюю войну[102] в Европе, растратив огромные ресурсы, не имея какой-то «руководящей идеи» (или парадигмы мировой политики), и, наоборот, — политика Екатерины II, которая имела «руководящую идею» — национальную парадигму — последовательно отодвигала границы Польши и Турции для естественного геополитического и географического продвижения России[103]. В первом случае «война ради войны» в Европе, а во втором — ради национальных интересов.

Развитие человечества и его части — ведущих государств и акторов — вело к смене сценариев развития МО и, как следствие, ВПО. Особенно в случае возникновения войн, военных конфликтов и прочих силовых сценариев развития силовых отношений между субъектами МО, как это было, например, после Великой французской революции в Европе или появления в ней амбициозной Турции или Пруссии в XVIII веке.

Такой военно-силовой сценарий перехода одного *качественного состояния* отношений субъектов МО и ВПО, а также всего объекта (в данном случае МО) в другое качество сопровождается не только изменениями в его структуре, основных факторах формирования и степени их влияния, но и в **неизбежной смене парадигм**[104], как наиболее общих представлений об особенностях и закономерностях развития общества, государства и экономики.

102 **Семилетняя война** — *зд.:* Война коалиций во главе с Англией и Францией в Европе за колонии и усиление Пруссии в 1757–1767 годах, которая для России означала только сдерживание Пруссии и опыт, но принесла огромные издержки: цели не соответствовали потраченным средствам.

103 *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003, сс. 17–19.

104 **Парадигма** — *зд.* наиболее общие фундаментальные научные, общественные и политические представления об основных закономерностях и особенностях развития системы или объекта, воспринимаемых и разделяемых в обществе.

Именно этот процесс наблюдался в Европе в конце XVIII века, когда не только революционные идеи Франции, но и амбициозные идеи Пруссии, России и Польши привели к смене парадигм и развитию следующего этапа МО — войнам и Венскому миру 1815 года.

Смена парадигм произошла и в 30-е годы XX века после Мирового кризиса и развития фашизма, который был не только германским явлением. Новая Мировая война стала сменой классических буржуазных парадигм и появления новой социалистической парадигмы, которая просуществовала в качестве равноправной парадигмы империализму длительное время и не исчезла и сегодня. После нее была сознательно сформирована, на какое-то время, на рубеже нового века парадигма мироустройства во главе с США. Ее максимально пытался реализовать Д. Трамп в идее «Америка — самая первая».

Нарождение новых парадигм в условиях мирового кризиса и пандемии наблюдается и сегодня, когда происходит процесс полного перерождения известных представлений и норм в политике и общественной жизни в нечто новое, как правило, неизвестное, чему нередко даже затрудняются дать определения[105]. Именно это невыясненное до конца определение в развитии новых парадигм смущает современных политиков и исследователей. Складывается ощущение нарастающей хаотизации в развитии миросистемы и, как следствие, — хаотизации в сценариях и основных тенденциях развития МО и ВПО. Ясно, что мировая политическая парадигма «Америка — первая» пересматривается, но какая будет новая — вопрос времени, а, главное, какими средствами эта новая «главная идея» будет реализована. На мой взгляд, это будет новый вариант пересмотра форм силового применения насилия в политике. На это раз — в пользу уже не общественных, а гибридных, государственно-общественных форм насилия.

105 Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

После «штурма Капитолия» в США 6 января 2021года бывший советник президента России А. Илларионов, например, опубликовал в «Живом журнале» материал, после чего он был уволен из института Катона (где ему гарантировали свободу высказывания собственного мнения). Обращает на себя внимание часть его публикации, имеющая прямое отношение к политике либералов по насильственной деформации государственных институтов, т.е. появления новой политической парадигмы — не только использования институтов гражданского общества в качестве силовых инструментов политики, но и *государственных институтов против таких инструментов* (против чего долгое время категорически выступали на Западе). Это подтверждает диалог А. Илларионова:

«**11.** Вопрос: нарушили ли манифестанты, вошедшие в здание Капитолия 6 января, Конституцию США?

Ответ: безусловно, нет.

12. Вопрос: имеются ли аналогичные случаи захвата здания парламента (проникновения в здание парламента) в других странах лицами, протестовавшими против официальных результатов оспариваемых выборов?

Ответ: Да.

«В последние два десятилетия произошло несколько захватов зданий парламентов (проникновения в такие здания) лицами, оспаривавшими официальные итоги президентских или парламентских выборов:

Югославия, 5 октября 2000 г. — Бульдозерная революция;

Грузия, 22 ноября 2003 г. — Революция Роз;

Киргизия, 24 марта 2005 г. — Тюльпановая революция;

Молдова, 7 апреля 2009 г. — Сиреневая революция;

Киргизия, 6 апреля 2010 г. — Дынная революция;

Молдова, 20 января 2016 г. — Хризантемовая революция.

В большинстве этих случаев после таких захватов действовавшие в этих странах власти (избирательные комиссии, верховные/конституционные суды, парламенты, президенты), либо «уточняли» первоначальные результаты выборов, либо назначали новые выборы, либо назначали новое голосование второго тура выборов,

как это произошло, например, в ходе Оранжевой революции в Украине 26 декабря 2004 г. По отношению к этим случаям в настоящее время существует консенсус, что первоначально объявленные результаты выборов в этих случаях были сфальсифицированы. Ни один из этих случаев захвата зданий парламентов манифестантами не признавался и не признается криминальным актом или признаком (актом) государственного переворота».

Иными словами, на протяжении, как минимум, 20 лет происходил *силовой пересмотр политических результатов с помощью хорошо организованных институтов гражданского общества,* что вполне **соответствовало западной политической парадигме применения политических средств насилия** вместо прямого использования военной силы.

И, наоборот, применение государством защитных мер воспринималось в рамках этой парадигмы как «авторитаризм» и даже международное преступление. На это прямо указывает ответ А. Илларионова:

13. Вопрос: имеются ли случаи отказа со стороны действовавших властей в других странах в проведении расследования фактов фальсификации/искажений оспариваемых результатов голосования несмотря на массовые протесты граждан?

Ответ: Да.

«Вот некоторые из таких случаев:

Беларусь — 2006, 2010, 2015 гг., август 2020 г. — январь 2021 г.

Иран — июнь 2009 г.

Азербайджан — 2011 г.

Россия — 2011-2012 гг.

Венесуэла — 2018-2019 гг.

Казахстан — июнь 2019 г.

«Во всех этих странах власть находится у авторитарных диктатур, главной целью которых является удержание этими режимами государственной власти безотносительно к фактическим результатам голосования граждан.

Теперь к этому списку стран, руководство которых отказывается от расследования оспариваемых официальных результатов вы-

боров и назначения новых выборов, *добавились США в ноябре 2020 г. — январе 2021 г.».*

Другими словами, США, когда речь зашла о сохранении собственной системы, отказались от парадигмы, которую они насаждали 20 лет.

Не случайно, что А. Илларионов специально уточнил:

14. Вопрос: применяли ли манифестанты в Вашингтоне 6 января оружие против полицейских/своих оппонентов?

Ответ: Нет.

«Доклады полицейских чиновников Вашингтона недвусмысленны — не зарегистрировано ни одного случая применения манифестантами против их оппонентов/полицейских огнестрельного или холодного оружия».

Таким образом, в правящих кругах Запада, а не только США (потому, что массовые выступления проходили регулярно в 2020-2021 годах во всех развитых странах) пришли к необходимости очередной смены парадигм относительно силовой защиты государством своей системы ценности и своих институтов от общественных институтов.

Примечательно и то, что 1 февраля 2021 года в Юго-Восточной Азии, в Мьянме, произошел «полу-переворот» с участием военных, который, на мой взгляд, свидетельствует, что смена парадигмы на силовую гибридную форму защиты своей системы является не только чисто западным явлением[106].

Отстранение от власти госсоветника До Аун Сан Су Чжи и ее команды стало итогом затяжного политического кризиса, охватившего страну после очередных парламентских выборов, прошедших в ноябре 2020 г. По данным союзного избиркома, на этих выборах Национальная лига за демократию подтвердила доверие избирателей, вновь набрав большинство голосов. Оппозиция не признала победу правящей партии, утверждая, что при проведении выборов были допущены грубые нарушения и фальсификации. Финальным

106 *Ефремова К.* Военный переворот в Мьянме: причины и последствия // Сайт МГИМО МИД РФ. 1.02.2021 / www.mgimo.ru /01/02/2021.

аргументом оппозиционных сил, пользующихся поддержкой военного истеблишмента, стала апелляция к 417-й и 418-й статьям Конституции 2008 года, предусматривающим введение президентом (или лицом, его замещающим, таким, как первый вице-президент) чрезвычайного положения и передачу всей полноты власти верховному главнокомандующему.

Таким образом, формально сегодняшние события в Мьянме нельзя считать военным переворотом, поскольку они разворачиваются в правовом поле, определенном действующей конституцией. Однако, по сути, арест высших должностных лиц и принудительная отмена результатов выборов выходят за рамки демократического процесса в общепринятом понимании, и могут иметь далеко идущие политические последствия.

С точки зрения последствий изменений парадигм мирового развития для ВПО и СО можно говорить, на мой взгляд, следующее:

Во-первых, исчезает граница между «демократическими» и недемократическими средствами силовой политики, которую искусственно создавали в последней трети прошлого века как альтернативу военно-силовым средствам сохранения контроля СССР над ситуацией в странах Социалистического содружества и СССР под названием «доктрины Брежнева». Следует откровенно признать, что такой отказ сначала в Польше, а затем и в других странах привел к распаду ОВД и СССР, поражению режима Афганистана и в ряде других государств мира. Фактически произошел односторонний отказ СССР от защиты, созданной им системы МО, которая в полной мере оказалась под влиянием западной силовой политики (внешне не связанной с военной силой).

Во-вторых, когда после разрушения «советского мира» возник Мир по-американски, то в нем уже использовались все средства силовой политики — как силовые невоенные, так и силовые, военные (в Югославии, Румынии, Афганистане, Ираке, Сирии, Ливии и т.д.). Более того, в отношении собственной внутренней оппозиции стали применяться средства военного насилия, что наглядно показали столкновения во Франции, Германии и США в 2020–2021 годах.

Наконец, **в-третьих,** в отношении бывшего СССР и постсоветских республик была принята та же стратегия гибридного военно-силового давления. Сначала на Северном Кавказе, затем в Средней Азии, а позже и в Украине, и в Белоруссии.

Смена парадигм мирового развития отражается непосредственно на формировании сценариев ВПО и СО самым негативным образом, милитаризируя средства и меры использования силовых средств. Прежде всего, с точки зрения максимально широкого использования тех социальных слоев и групп, которые относятся к «креативному классу». Этот процесс намного глубже, чем даже изменения, связанные с НТР потому, что охватывает не только области технологий и экономики, но и всю социально-политическую область, прежде всего, вытекающие из нарождения нового класса — «креативного» или творческого класса, — развитие которого является в настоящее время *решающим элементом в развитии экономики, общества и политики*[107]. Там, где удалось максимально интенсифицировать этот процесс, как в Китае и Индии, а также в США, где сотни миллионов человек превратились в представителей «творческого класса», там за последние 30 лет удалось добиться наиболее выдающихся успехов в экономике, науке и политике. Там удалось сформировать *новые цивилизационные центры силы*. Но не только. Там же сформированы новые системы ценностей и новые интересы. И там же возникли новые военные центры мощи и влияния, а именно — в США, Китае и Индии. В некоторой степени и в других странах, где этот процесс стремительно набирает силу.

Таким образом, главные условия формирования новых парадигм — системы ценностей и новые социальные группы, их институты — уже созданы и находят свою конкретную политическую самоидентификацию и самореализацию в самых различных институтах, которые пока что не поддаются осмыслению. Ясно, например, что движение «Черные жизни значат многое» — не просто

107 *Флорила Р.* Креативный класс: люди, которые меняю будущее. М.: «Классика XXI», 2005, 421 с.

радикально этническое движение, но в нем концентрируется и социальная несистемная мощь. Она формирует совершенно новые условия внутриполитической стабильности в США и ряде других стран.

Формирование новых политических парадигм происходит под влиянием самых разных обстоятельств, но именно новые парадигмы создают и новые средства силового противоборства — от социальных сетей до кибернетических средств ведения войны.

Именно этот процесс наблюдается с начала второго десятилетия нового века в международной обстановке, когда радикально меняются все представления о ее структуре, основных факторах формирования и тенденциях, средствах и способах политики и многом другом. Соответственно происходит и изменение всех прежних способов оценки и прогноза состояния МО и, как следствие, ВПО, методик и способов формирования эффективной политики безопасности, требуемых новых инструментов, «измеряющих цену политических решений в количественном и даже денежном»[108], но, прежде всего, качественном (политическом) выражении[109].

К сожалению, научная мысль — политическая и военная — в современной России еще только приблизилась к пониманию этого нового качества состояния МО и ВПО, выраженного *в смене парадигм*. Дискуссии в этой области носят редкий и формальный характер, как правило, очень далекий от реальной политики, хотя перед политиками и учеными России стоят проблемы огромного политического, даже цивилизационного, значения. В частности, например, исследователи ЦНИИ № 46 МО РФ выделяют следующие группы факторов, которые говорят о необходимости практически ***полной переоценки*** *состояния и прогноза развития МО и полити-*

108 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: ИД «Граница», 2018, с. 23.
109 Примечательно, что именно на этот политический аспект (качественных изменений) менее всего обращается внимание в области безопасности и военного строительства потому, что традиционные оценки исходят (как и в ЦНИИ № 46 МО) из количественных оценок потенциалов и угроз. Между тем, «переходный период» — период качественных изменений, когда количественные (и денежные) оценки уже не играют главной роли.

ки России только в военно-технической области обеспечения национальной безопасности:

1. Военно-политического и стратегического характера военных угроз… на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

2. Военно-политический характер невоенных угроз….

3. Прогноз изменения боевых возможностей ВС РФ….

4. Возможностей государства по техническому оснащению ВС РФ…

5. Возможностей государства по ресурсному обеспечению потребностей строительства ВС РФ[110]

Таким образом, в развитии МО произошли и в еше большей степени произойдут в период 2020–2035 годов решительные изменения**,** прогнозировать которые с точки зрения последствий для ВПО и СО практически невозможно, за исключением того, что эти изменения будут отражать рост дальнейшей эскалации военно-силовой политики и ограниченность сотрудничества, т. е. усиление военно-силового противоборства. Вопрос в том, какие именно будут эти изменения, в каких областях и как они отразятся на конкретном состоянии СО, ведения войн и развития военных конфликтов, как, в конечном счете, они повлияют на формирование ВПО и МО в мире.

Мир в 20-е годы XXI века уже стал качественно другим, чем даже во второй половине прошлого века, но складывается впечатление, даже уверенность, что в мире вот-вот произойдут еще более радикальные изменения. Как писал автор книги «Креативный класс» Р. Флорида, изменения конца XX — начала нового века более значимы чем за первую половину всего XX века[111]. Связывал эти изменения он не столько с технологическими и информационными революциями, сколько с появлением и стремительным развитием «креативного класса». Действительно, за последние 30 лет только в КНР и Индии более 300 миллионов человек в каждой из этих стран

110 Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: ИД «Граница», 2018, с. 23.

111 *Флорила Р*. Креативный класс: люди, которые меняю будущее. М.: «Классика XXI», 2005, сс. 12–13.

получили высшее образование, а в целом на планете за этот короткий отрезок времени национальный человеческий капитал развивающихся стран вырос в несколько раз, достигнув по целому ряду показателей уровня развитых государств. Именно эти изменения легли в основу изменений, которые произошли и происходят в МО, но которые практически не учитываются при традиционном анализе: в лучшем случае говорят об общих демографических изменениях, росте ВВП, успехах в экономике и технологиях, но качество ЧК и его институтов учитывается в минимальной степени.

Между тем именно в этой связи происходит ***смена парадигм общественно-политического развития,*** прежде всего, в развитии МО и ВПО, экономики, промышленности, общественно-политическом устройстве. Так, общественно-политические изменения в СССР и странах Социалистического содружества стали той фундаментальной основой, которые привели к развалу СССР и ОВД-СЭВ. Такие же изменение привели к стремительному росту могущества КНР и Индии, а также целого ряда других стран в мире.

Это, в свою очередь, неизбежно и радикально отражается на всей внешней и военной политике субъектов ВПО — государств и других акторов, т. е. **требует существенных изменений** в политике и стратегии субъектов ВПО, прежде всего, «срединных государств» и их коалиций.

Однако сами эти изменения часто запаздывают. Так, например, США, особенно с приходом к власти администрации Д. Трампа, открыто взяли курс на уничтожение сложенной за последние 70 лет системы международной безопасности и сотрудничества, прежде всего, институтов и соглашений, регулирующих развитие военных потенциалов и военной деятельности, — от Договора по ПРО, ДРСМ, ДОН, СНВ -3 и других, до отказа от участия в работе важнейших международных институтов, либо откровенном саботировании их деятельности в случае, если их позиция (как в случае с санкциями Совета безопасности ООН по Ирану) «не совпадала» с представлениями руководства США[112].

112 *Кьеза Дж.* Цугцванг для человечества. М.: Книжный мир, 2019, с. 4.

Однако, российская внешняя политика (как и китайская) существенно отставали от подобных западных переоценок. Они носили и носят до настоящего времени рефлексивный характер, стремясь уйти от каких-либо инициатив и ответных акций. По сути дела, Россия «ушла в глухую оборону», не реагируя вообще, если это возможно, на резкие антироссийские инициативы США. Это говорит о том, что инерционность во внешней политике страны, как и в ее социально-экономической политике, сохраняются и носят традиционный для последних 35 лет характер.

Очевидное начало такого процесса «переходного периода» в развитии ВПО и его базовом сценарии мы наблюдаем примерно с 2010 года, который я обозначил как условное начало «переходного периода» в современном состоянии ВПО. Именно тогда западная коалиция во главе с США открыто, даже демонстративно, взяла курс на военно-силовое противодействие нарастающим попыткам изменений в доминировании США в системах, сформировавшихся к тому времени в мире в финансово-экономической и военно-политической области, хотя отдельные демонстрации такой политики происходили и ранее. К ним, например, можно отнести бомбардировку Югославии в 1999 году, интервенцию в Афганистан, войну в Ираке 2003 года и ряд других военно-силовых актов.

Тем не менее открытое провозглашение военно-силовой политики в качестве внешнеполитического курса Запада произошло при Б. Обаме, которому удалось сформировать широкую военно-политическую коалицию против основных потенциальных противников — «ревизионистских держав», — которые были против открытой гегемонии США в мире. Следующий этап начался с 2014 года, когда посыпался град санкций — политико-дипломатических, экономических, иных, который сопровождался открытой информационно-пропагандистской войной, но, главное, был публично заявлен курс на передел влияния на постсоветском пространстве от Украины, Молдавии и Белоруссии до Армении, Казахстана, Узбекистана и Таджикистана, а также заявлена стратегическая установка на внутриполитическую дестабилизацию Рос-

сии, которая проявилась в силовых акциях после выборов 2011 и 2012 годов.[113]

Фактически к началу 2020 года Россия, Китай и целый ряд других стран встали перед новой реальностью, — третьим этапом «переходного периода», когда США и их союзники сформулировали задачу уже не простого ослабления влияния России, и даже не ограничения ее суверенитета и размывания идентичности, но ***ликвидации той общности, которая столетиями формировалась на территории Российской империи и СССР, превращение ее (включая территорию собственно РФ) в набор зависимых территорий***. События в августе 2020 года в Белоруссии наглядно продемонстрировали очередной этап этого сценария.

Этот сценарий окончательного развала постсоветского пространства, нового (после развала ОВД и СССР, дезинтеграции Югославии и Чехословакии) качественного перехода означает «переходный период», который развивается в настоящее время и вариант которого, вероятно, будет развиваться до 2025 года, но существенные коррективы будут внесены во второй части этого периода

113 **Ревизионистское государство** (англ. *Revisionist State*) — *зд.:* термин предполагает прямую корреляцию между реальным местом и положением государства в мире и его положением в качестве государства, сохраняющего существующее статус-кво или не признающего это статус-кво, т. е. «ревизионистского государства». Попавшие в последнюю категорию страны недовольны своим местом в международной системе, и стремятся изменить действующую конфигурацию МО и ВПО. Под этим термином стали обозначаться государства, которые не согласны с системой доминирования США в МО и ВПО. Появление этого термина означало смену приоритетов в политике Запада с борьбы с международным терроризмом на борьбу с «ревизионистскими государствами». Формально это понятие появилось летом 2015 года, когда объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США выпустил национальную военную стратегию, где Россия, Иран, Китай и КНДР названы «ревизионистскими государствами» и главной угрозой международной безопасности наряду с ИГИЛ. В частности, к РФ предъявляются претензии в неуважении к суверенитету соседних стран и готовности применить силу для достижения своих целей. В тексте упоминается техника «гибридной войны» в контексте отторжения Крыма от Украины, авторы стратегии обвиняют вооруженные силы РФ в подрыве региональной безопасности напрямую и через третьи силы. Все это, по их мнению, нарушает «многочисленные договоренности, которые подписала Россия и в которых она обязалась действовать в соответствии с международными нормами, включая Устав ООН, Хельсинкские соглашения, Основополагающий акт Россия — НАТО, Будапештский меморандум и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности».

в 2025–2035 годы.[114] Именно тогда должны, на мой взгляд, произойти окончательные изменения в состоянии МО и ВПО в Европе, Евразии и в мире. Эти изменения должны быть внесены уже не только с помощью силы вообще, но и военной силы, в частности. Собственно, «переходный период» это период качественного перехода от силовой политики Запада и его коалиции в отношении России и других стран к военно-силовой политике, когда силовая политика будет опираться не только на угрозу, но и на прямое применение военной силы. Первые шаги такой политики были апробированы в Югославии, Ливии, Ираке, Сирии и на Украине. Тогда же удалось либо нейтрализовать влияние России, либо минимизировать его до ограниченного уровня, как это было в Косово и Сирии.

«Переходный период» это новый этап, когда Россия объявляется открытым врагом Запада, с которым не допустимы соглашения и компромиссы. Именно поэтому спешно ликвидируются все прежние договоренности и институты, а оставшиеся откровенно используются в интересах Запада. К 2020 году именно такое положение и сложилось: Россия в результате массированной информационно-психологической обработки превратилась из «партнера» во врага, против которого консолидировано выступило практически 100% западной элиты, а созданные институты международной безопасности и оставшиеся соглашения фактически уничтожены. Это означает, что практически все препятствия для вооруженных действий устранены[115].

В результате таких изменений к 2035 году должны появиться новые структуры и модели МО и ВПО, отличающиеся от

114 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1. Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2019, № 4 (351), сс. 5–25; *Подберезкин А.И.* «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 5 (352), сс. 5–21; *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* «Переходный период»: главная особенность — «милитаризация политики». Часть 3. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 6 (353), сс. 57–72.

115 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

нынешних, которые пока что характеризуются достаточно простой политикой силового доминирования западной военно-политической коалиции. Проблема, однако, в том, как, каким образом и по какому сценарию пройдет этот второй, заключительный, этап «переходного периода». На мой взгляд, теоретически этот переход может произойти по следующим сценариям в период 2025–2035 годов:

1. Под контролем и силовым давлением со стороны Запада в целом в том виде и такими же средствами, пролонгацией в развитии современного варианта сценария развития ВПО.

2. В результате серии региональных и локальных столкновений с Западом других ЛЧЦ и коалиций, которые могут привести к неожиданным (как и во всех войнах) результатам, в частности, к поражению западной коалиции, например, от китайской или исламской коалиции.

3. Как следствие глобальной войны между западной коалицией, китайской, российской, исламской или индийской коалиции.

4. Как результат успешной политики военно-силового принуждения Западом к капитуляции правящих элит других субъектов ВПО.

5. Как результат информационно-когнитивной победы Запада над другими ЛЧЦ и центрами силы.

6. Наконец, как внутриполитический кризис, который может привести к расколу как внутри западной коалиции, так и внутри стержневых государств-лидеров других ЛЧЦ.

Таким образом, на мой взгляд, существует несколько разных сценариев развития ВПО, из которых я выделил один, **наиболее вероятный сценарий** и вариант его развития ВПО, а именно — первый по порядку и значению — который будет *продолжением развивающегося в настоящее время (2010–2025 гг.) варианта сценария «Усиления военно-силовой эскалации» развития ВПО.*

1.1.г). Основной сценарий международной обстановки и варианты его развития на «переходный период» до 2035 года

В период 2020–2024 годов России предстоит
решить задачу уже не просто опережающего
социально-экономического развития,
но национального выживания в условиях
резкого ухудшения международной
и военно-политической обстановки[116]
Подберезкин А.И., директор ЦВПИ

Сценарий развития ВПО в период с 2010 года по настоящее время реализуется в своем варианте, обозначенном как «**Вариант № 2» — «Усиление военно-силового давления»,** который, по моим оценкам, будет развиваться до середины 2021 года и трансформируется в более военно-силовую форму **«Варианта № 2.2» (я его назвал также «Реалистическим») — «Войны и конфликты на отдельных ТВД», —** после преодоления в 2021 году «зоны бифуркации». Другими словами, произойдет очередная трансформация в рамках одного и того же сценария МО и ВПО от силового «невоенного» к силовому более «военному» варианту[117].

Вероятность перехода к вариантам № 2.1 («Оптимистическому») и № 2.3 («Пессимистическому») развития того же сценария ВПО сохраняется в период 2021–2025 годов, но она, на мой взгляд, минимизируется по мере развития нынешнего варианта сценария. В этой связи напомню, что этот сценарий до 2025 года может развиваться по **3 наиболее вероятным вариантам**, о которых я писал выше (но в *период 2025–2035 гг. эти варианты могут быть существенно скорректированы в случае резкого обострения ВПО в сторону усиления прямого военного противоборства),* а именно:

---

116 *Подберезкин А.И., Родионов О.Е.* Человеческий капитал и национальная безопасность: Учебное пособие. М.: Прометей, 2020, с. 7.

117 См. подробнее Главы № 2 и № 3 настоящей работы.

— «оптимистическом» — «Варианте № 1» (Сохранении инерции военно-силового давления сценария ВПО до 2021 года);
— «реалистическом» — «Варианте № 2» («Войны и конфликты на отдельных ТВД»);
— «пессимистическом» — «Варианте № 3» («глобальной коалиционной войны»).

Развитие МО и ВПО в мире в 2010–2020 годы вполне объективно развивалось таким образом, что сменились важнейшие условия, определяющие основы развития человеческой цивилизации: в начале второго десятилетия XXI века в мире произошли радикальные качественные изменения, которые позволяют говорить о «переходном периоде» из одного состояния ВПО в мире в другое и от одного алгоритма в политике государств к другим, что в итоге ведет к смене всей парадигмы развития человеческой цивилизации именно в период 2020-х 2030-х годов, в частности:

— в экономике новый технологический уклад и 4-я промышленная революция произвели переворот, который был равнозначен по своим масштабам промышленной революции начала XX века;
— в научно-технологической области произошла информационная революция, которая привела к еще более радикальным изменениям в управлении и связи, а в военной области — к военно-технической революции;
— в политической и социальной областях произошли не менее радикальные изменения, последствиями которых стали кризисы традиционных идеологий и политических систем.

Во втором десятилетии нового века эти и другие революционные изменения привели к кризису в области международных отношений, когда одна сторона — лидеры развитых капиталистических государств во главе с США — поставили в качестве своей сверхзадачи сохранение своего финансово-экономического и военно-политического контроля в новых условиях, что объективно противоречит процессу изменения в соотношении мировых сил и формированию новых парадигм развития. Этот кризис обострился со второго десятилетия нового века, когда стало уже можно го-

ворить о наступлении «переходного периода» от одного состояния МО и ВПО к другому, иногда называемого переходом от однополярности к многополярности[118].

Именно такой период состояния МО и ВПО переживает сегодня человечество, который связывается, как правило, с переходом структуры МО от однополярности к многополярности, экономики — к новому технологическому укладу, а общественно-политического устройства и идеологии — от либерально-демократической модели к иной, не известной и не принимаемой пока что в человеческом обществе[119].

«Переходный период»: современное состояние

Предлагаются, например, следующие особенности и их различия, которые отличают «переходный период» от предыдущих этапов.

Таблица 2.

1990 г. «постмодерн»:	2010–2035 гг. «переходный период»:
– «однополярность»	– «многополярность»
– господство либерализма и социальных идей	– отход от традиционных идеологий
– завершение информационного этапа НТР	– начало нового (4-го) этапа промышленной революции
– завершение периода создания и развития традиционных ВВСТ	– начало нового этапа в создании ВВСТ («роботизация», «сетевитизация» и пр.)
– завершение традиционных (классических) войн	– создание концепций «асимметричных» войн
– изменение социальной структуры общества в развитых странах	– развитие новой (сетевой) структуры общества
– перенос конфликта между субъектами МО из области национальных интересов в область систем ценностей	– борьба за продвижение национальных систем ценностей
– главные субъекты МО и ВПО государства уступают свою роль ЛЧЦ	– главная роль принадлежит ЛЧЦ и их коалициям

118 *Подберезкин А.И.* Переходный период» к военно-силовой парадигме развития сценария военно-политической обстановки в 2018–2025 годы. Эл. ресурс: «Виперсон». 07.03.2019 / www.viperson.ru

119 Достаточно подробно это состояние было мною описано в целом ряде работ, например: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные перспективы военно-политического развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018, 1599 с.

Вместе с тем следует признать, что научные представления о современном периоде военно-политического развития человечества еще только формируются на основе попыток изучения реальных процессов в этой области[120]. Большинство исследователей и политиков, начиная с 2014 года, признают, что весь период 2014–2021 годов представляется как *очень нестабильный и кризисный отрезок истории в развитии международных отношений, который характеризуется с военно-политической точки зрения, прежде всего, резкой и усиливающейся постоянно эскалацией военно-силового противостояния западной военно-политической коалиции с другими мировыми центрами силы.*

Этому периоду наращивания напряженности предшествовал период до 2010 года, который, на мой взгляд, можно отнести еще к завершающему периоду относительно мирного развития МО, когда элементы сотрудничества и договоренности 90-х годов **еще влияли на состояние и формирование МО и ВПО**. Во многом это вызвано инерцией политического мышления правящих элит, некоторыми международными и личными обязательствами, но, главное, общим пониманием того, что «новый порядок» в МО, утвердившийся после многочисленных деформаций 90-х годов, находит понимание и готовность следования ему у абсолютного большинства мировых правящих элит.

По мнению правящей элиты Запада, те элиты, как в Афганистане и Ираке (а до этого в странах Восточной Европы и других государствах — Ливии, Ираке и т. д.), которые не готовы соблюдать этот порядок, будут строго наказаны. Демонстративные преследования лидеров государств именно тогда достигли своего пика. Интервенция стран НАТО и союзников в Ливии в марте 2011 года стала реальной демонстрацией новой системы ВПО, сложившейся в мире ко второму у десятилетию нового века. Можно сказать,

120 См. подробнее о методологии политических исследований: *Боришполец К.П.* Методы политических исследований. 2-е изд., испр. и допол. М.: Аспект Пресс, 2010, сс. 13–31.

что с 2010 года начался реализовываться сценарий «Усиления военно-силового противоборства» развития ВПО в мире, который одновременно означает и начало «переходного периода» в развитии МО и ВПО, период *окончательного отказа от элементов сотрудничества в пользу откровенно силовых и военных мер применительно политики государств западной военно-политической коалиции относительно широкого круга других государств. Эта политика также предполагала самое грубое использование СМИ и средств формирования массового сознания в образовании, науке, литературе.*

Таким образом, МО и ВПО резко обострились уже в начале второго десятилетия и развивались по эскалации силовой политики до начала 20-х годов по «Варианту № 2» — «Оптимистическому» — («Усиления военно-силового противоборства», который стал переходить в свое новое качество на рубеже 2020–2021 годов («Вариант № 2.2»), условно обозначенном как «зона бифуркации», когда теоретически оставалась возможность сохранения динамики и особенностей развития предыдущего варианта в условиях «переходного периода» (который стал бы уже не вполне соответствовать происходящим изменениям), либо к двум другим вариантам — «Реалистическому» и «Пессимистическому».

Общая логика развития всех этих вариантов в рамках одного и того же сценария ВПО, развивающегося в период 2010–2025 годов, может быть представлена на рис. 7.

При этом, повторю, период 2025–2035 годов пока что только «просматривается» как *еще большее обострение военно-силовой активности западной коалиции 2020–2025 годов*.

Понятно, что предлагаемый рисунок, как и прежде, отражает только самую общую логику и содержание развития процесса формирования основного сценария развития ВПО и его вариантов, которая требует пояснений и комментариев, часть из которых уже была сделана выше, а часть, относящаяся, прежде всего, к будущему сценарию и его вариантам, предлагается в следующих разделах. Они акцентируются на двух этапах «переходного периода» —

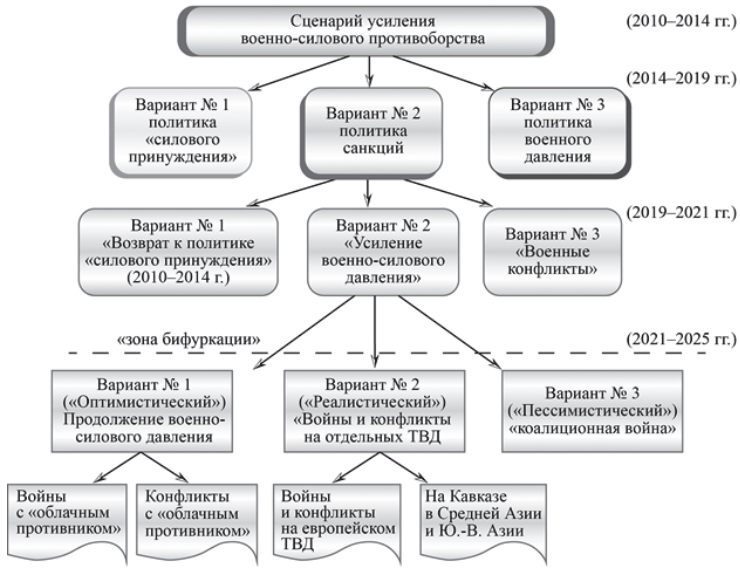

Рис. 7. Развитие сценариев ВПО и их вариантов
в «переходный период» (2010 – 2025 гг.)

2021–2025 годов и 2025–2035 годов, — которые уже имеют, на мой взгляд, предпосылки для существенных различий[121].

Наиболее вероятным конкретным вариантом сценария ВПО на период до 2025 года я считаю «Реалистический», **«Вариант № 2»,** этого сценария. Он акцентирует внимание на региональных и локальных конфликтах, которые будут возникать по инициативе западной военно-политической коалиции по всему миру. С одной существенной оговоркой: в отличие от предыдущих военных конфликтов с государствами «второго» и даже «третьего» порядка в военном отношении, этот вариант ВПО предусматривает военно-силовое противоборство со всеми без исключения (включая лидеров

121 См. подробнее: Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

ЛЧЦ) региональные и локальные конфликты, что резко увеличивает риск войны, в т. ч. глобальной.

Очень примечательно то обстоятельство, что военный бюджет США в 2020 и 2021 ф.г. предназначен именно для *всего спектра силовых*, а не только военных действий. Он отражает особенности всех трех вариантов развития сценария ВПО до 2021 года и закладывает материальную и политико-административную основу для внешней и военной политики США «переходного периода». Причем также для всех видимых трех вариантов сценария «Военно-силового противоборства», который останется доминирующим в «переходный период» до 2025 года. Д. Трамп, добившись принятия такого бюджета, значительно увеличил свою поддержку в рядах генералитета и военно-промышленных кругов, показав, что способен добиваться высокого масштаба финансирования военных проектов.

Примечательно и то, что в военном бюджете США, во-первых, учитываются расходы, являющиеся сугубо военными. Во-вторых, это — оборонные расходы по линии самых разных министерств и ведомств, например — по Министерству энергетики. В-третьих, *в бюджете обороны США прописаны траты и на невоенные меры сдерживания*. Речь идет о тех механизмах, с помощью которых США может сдерживать недружественные государства, не прибегая к прямой военной конфронтации или гонке вооружений, прежде всего, финансовых и экономических санкциях. Так, в качестве важных мер сдерживания России предусмотрены санкции против новых газопроводов «Северный поток-2» и «Турецкий поток». В Вашингтоне рассматривают эти газопроводы как важнейшие инструменты усиления российского экономического и политического влияния в Европе. Кроме того, СП-2 и «Турецкий поток» прямо препятствуют попыткам США нарастить объемы поставок американского сжиженного природного газа на европейский рынок, то есть мешают американским финансовым интересам[122].

122 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

Причем санкции могут быть назначены не только против России, но и против стран и компаний, которые с ней работают. Ведь у России есть определенный иммунитет против санкций, а по какой-нибудь немецкой топливной компании они ударят очень сильно, и она просто откажется от такого «счастья» как участие в том или ином сомнительном проекте. В то же время санкции должны привести к тому, что Россия сохранит значительные масштабы транзита газа по уже существующим трубопроводам. Понятно, что речь идет об украинской газотранспортной системе. Ведь она сегодня — один из основных кормильцев Украины и в Киеве панически боятся прекращения транзита российского газа через территорию страны.

В военном бюджете США также содержится прямой запрет на признание Крыма российской территорией. Вашингтон однозначно принципиален по данному вопросу и рассматривает Крым как аннексированную Россией территорию. Естественно, США продлевает и запрет на военное сотрудничество с Россией для американского военного ведомства.

В военном бюджете на 2020 годы предусмотрены внушительные средства на слежение за деятельностью Китая в Антарктике и Арктике, за созданием китайской стороной новых видов вооружений. Арктические инвестиции Китая также будут под особым контролем со стороны США.

Таким образом, структура военного бюджета США на 2020 и 2021 ф.г. полностью соответствует сценарию развития ВПО и всем трем его вариантам на «переходный период».

1.1.д). Перспективы развития международной обстановки после 2035 года

Наличие стратегии предполагает способность
заглядывать дальше, чем в ближайшую перспективу,
и, что еще важнее, обращаться к причинам,
а не симптомам — иными словами,
видеть за деревьями тот самый лес[123]
Л. Фридман,
автор одной из лучших работ по стратегии

Рассуждая о будущем сценарии развития ВПО и «переходном периоде» к возможной новой парадигме МО и ВПО после 2025 года, нам не избежать необходимости «заглянуть» несколько далее, на перспективу, как минимум, до 2035 года потому, что не только тенденции «переходного периода» сформируют условия дальнейшего развития МО и ВПО, но и сами эти перспективы будут неизбежно оказывать влияние на наши намерения и планы, прежде всего, стратегию в настоящее время и в среднесрочной перспективе, к которой относится перспектива «переходного периода».

Здесь может быть полезным опыт таких попыток, применявшийся прежде, как с точки зрения позитивных, так и негативных результатов. В частности, в 2014–2018 годах[124] я попытался «заглянуть за горизонт» развития ВПО после 2035 года, т. е. после «переходного периода» или на его последней стадии[125]. В настоящей работе вариант («Вариант № 2.» и «Вариант № 2.2») «переходного периода» ограничен вариантом развития ВПО до 2025 года, но

123 *Фридман Л.* Стратегия: Война, революция, бизнес / Пер. с англ. *И.Д. Голыбиной*. М.: Кучково поле, 2018. 768 с., с. 7.

124 Одна из самых первых попыток была сделана в 2015 году. См.: *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015, 169 с.

125 Это было сделано мною в большой работе под названием «Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке». М.: ИД «Международные отношения», 2018, 1596 с.

требуется, на мой взгляд, посмотреть на более поздний этап этого периода, который, вероятнее всего, продлится до 2035 года. Эта попытка сегодня, а именно через 3 года, может быть признана как вполне допустимая и послужить дополнительным примером построения варианта базового сценария развития ВПО на основе метода простой дедукции. Уточнения, которые затем последовали за 2018–2020 годы, можно ограниченно использовать как пример применения метода индукции сценарного прогнозирования.

Полезно, на мой взгляд, в настоящее время прокомментировать прежние дедуктивно-логические построения сегодня, исходя из современных реалий, т. е. по прошествии трех лет[126]. Для того, чтобы отделить текст 2018 года от текста 2020 года я буду использовать разный шрифт.

В 2018 году развитие событий после 2025 года я назвал «Вариант № 2 «Сценария № 2» развития России в 2025–2050 годы»[127]. Этот, более конкретный, даже частный, вариант «Сценария № 2» предполагал, что:

— во-первых, *сохранится нынешняя парадигма* мирового развития, ВПО и России, т. е. развитие после 2025 года будет происходить по инерционному сценарию в рамках известной парадигмы стремления США и их союзников сохранить контроль над созданными военно-политическими и финансово-экономическими системами в мире;
— во-вторых, по времени нарастание военно-силового противоборства с Россией *будет затягиваться, превращаясь в некую стратегию «удушения» России после 2025 года в том случае, если до этого российская политическая элита не капитулирует и не примет условия Запада, т. е. перестанет быть «ревизионистской».*

126 См.: *Подберезкин А.И.* Усиление военно-силового противоборства //Источник: сайт ЦВПИ. 20.08.2020 / http://eurasian-defence.ru/?q=node/47436

127 *Подберезкин А.И.* «Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке». М.: ИД «Международные отношения», 2018, сс. 1417–1503.

При этом я предполагал в 2018 году, что «*характерная для последнего десятилетия инерционность социально-экономического развития* (России*) сохранится* (что полностью подтвердилось в наихудшем варианте — за 2018–2020 гг. социально-экономическое положение России существенно ухудшилось*).*

Но на будущее это положение неизбежно изменится. Я писал, что: «*На мой взгляд,* ***после 2025 года*** *развитие этого* (инерционного) *сценария для России уже не представляется слишком вероятным по следующим причинам:*

– Во-первых, характерная для 2011–2018 годов стагнация в развитии России, в случае ее сохранения до 2025 года, неизбежно приведет к катастрофическим социально-экономическим последствиям. Кризис может продолжаться несколько лет, но, когда он затягивается на десятилетия, он неизбежно выливается в социальные потрясения, — ни общество, ни правящая элита не могут существовать (стагнируя) даже в самом авторитарном режиме управления долго.

– Во-вторых, инерционное ухудшение МО и ВПО не может быть слишком долгим, растянутым. Если за 2014–2018 годы против России было предпринято более 200 враждебных действий (санкций, акций, ограничений и пр.), то, даже допуская (сохранение) инерции до 2025 года, трудно предположить, что такая политика «силового принуждения» сможет сохраниться. ***Она неизбежно должна будет трансформироваться в ту, либо иную сторону*** *(Либо в сторону нормализации отношений, либо их качественного ухудшения).*

Поэтому, разрабатывая стратегию национальной безопасности России после 2025 года, следует иметь ввиду, что она не может быть в будущем инерционной, по аналогии с периодом 2011–2018 годов, — для этого у нее просто не останется возможностей. Она, **вероятнее всего, будет еще более подвержена внешнему силовому давлению, чем до 2018 года**, **которое может продлиться, может быть, до 2025 года, но потом неизбежно перейдет в вооруженную фазу»**[128]**.**

128 *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 808 с

Надо признать, что в этой части мой прогноз оказался справедливым, более того, еще до 2025 года, в 2019–2020 годах, до начала пандемии, В. Путин попытался в очередной раз сменить инерционный сценарий развития России на инновационный, как и прежде, неудачно. Не удалось ему и заставить изменить политику США и Запада в целом, отказавшись от силового давления на Россию: США и их союзники пошли по пути эскалации силового давления, а не простого инерционного развития ВПО. Все это свидетельствовало о приближении перехода от силового противоборства к военно-силовому противоборству в отношениях с Западом в 2018–2020 годы. Я подчеркивал не только необходимость изменения стратегии развития, но и смены военной и политической стратегии: «*Важно помнить при этом, что возможность и вероятность победы в будущей неизбежной войне во многом предопределены современным состоянием военного искусства, прежде всего, военной стратегии в стране*»[129].

На основании этого я делал вывод, что «Важно уже сейчас признать, что *этот вариант означает фактическую войну, ведущуюся нашей страной с Западом* пока что преимущественно невоенными средствами, но без официального объявления войны и непосредственного участия ВС США и НАТО. При этом также вероятно, что *в 2025–50 годы в политике США и их коалиции усилятся именно невоенные силовые средства*[130]*, а также стремление США использовать своих союзников и партнеров в тяжелой и длительной войне на нескольких ТВД*. Приход к власти Д. Трампа полностью подтвердил этот вывод относительно стратегии США, который до этого я сформулировал следующим образом:

«*Планируя социально-экономическое развитие и безопасность России на стратегическую перспективу в условиях враждебной ВПО,*

129 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с.

130 Я использовал предположения и наработки работы, опубликованной незадолго до этого: *Подберезкин А. И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. *М. М. Лебедевой*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017, сс. 36–53.

необходимо учитывать, что, как и в Первую, и во Вторую мировые войны, США будут максимально стремиться ограничить:

– вовлеченность собственной материковой территории в военные действия попытками перенесения их на удаленные ТВД — в восточную Европу, Среднюю Азию и на территорию АТР;

– ограничить участие собственных сухопутных сил, используя ВВС и ВМС в качестве основных средств ведения боевых действий;

– максимально использовать свои военно-технологические преимущества, в особенности в новейших областях ВВСТ;

– массово использовать социально-политические технологии, дестабилизирующие внутриполитическую обстановку в России».

В настоящее время уже не раз озвучивались подобные сценарии со стороны США, связанные, прежде всего, с попытками обвинить Россию «во вмешательстве в выборы в США, означающее фактическую войну», «публикацию секретных документов» и т. п. Это означает, как минимум, что подобный вариант Сценария будет всегда использоваться Западом, когда будет необходимо усилить негативную внешнюю обстановку для России. Другими словами, **после 2025 года Запад будет продолжать политику силового принуждения в отношении России и других стран, сочетая невоенные меры силового характера с расширением собственно военных мер прямого вооруженного противоборства, стремясь максимально ограничить возможность неконтролируемой военной эскалации, с одной стороны, и активного применения военной силы при минимизации собственно рисков для США, — с другой.**

России, при разработке своей стратегии национальной безопасности следует исходить из того, что будет происходить резкое усиление неблагоприятных внешних условий ее развития как с точки зрения социально-экономической и сохранения внутриполитической стабильности, так и возможностей противодействия таким силовым мерам с помощью силовых невоенных и военных инструментов политики.

Таким образом, рассматривая подобный, крайне неблагоприятный для России, вариант сценария развития ВПО после 2025 года, необходимо исходить из того, что вероятность его реализации

после 2025 года представляется очень высокой потому, что к тому времени, т. е. завершению «переходного периода» инерционный сценарий развития России себя окончательно изживет: либо правящая элита избавится от стагнации и удастся, наконец, перейти к инновационному или мобилизационному сценарию (эволюционный путь), либо общество избавится от правящей элиты путем революции, переворота или с помощью внешних сил.

Сохранение нынешнего сценария развития ВПО (на конец 2020 года) будет наиболее оптимистическим вариантом, но ухудшение сценария развития ВПО в «переходный период», а, тем более, после 2025 года, — в этих условиях неизбежно, что будет в крайней степени осложнять развитие России, делая его, по сути дела, постоянно кризисным[131].

Подытоживая, можно сказать, что пессимистический взгляд и оценки, высказанные мною в период 2015–2018 годов (которые отражали позицию явного меньшинства экспертов и рассматривались большинством как алармистские), оказались в итоге даже излишне оптимистическими с позиций 2020 года. «Реалистический» вариант развития ВПО оказался на самом деле «Пессимистическим», что доказывает необходимость рассмотрения в рамках одного и того же сценария, во-первых, самых разных вариантов его развития, а, во-вторых, постоянного мониторинга и корректив рассматриваемых вариантов, т. е. обязательности применения индукции.

131 Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

1.1.е). Основные особенности «переходного периода» базового сценария развития международной и военно-политической обстановки для стратегической обстановки

В современном политически пробудившемся мире,
наше осознание особенностей различных цивилизаций
требует от нас ориентации на межцивилизационные
коалиции, на взаимное уважение и сдержанность
в стремлении управлять другими нациями[132]
З. Бжезинский, политолог

В определенные исторические периоды развития МО и ВПО значение собственно военных факторов начинает стремительно возрастать, компенсируя отчасти те или иные недостатки факторов, определяющих мощь государства и его военные возможности. Именно так происходило, например, в первой половине 30-х годов, в Германии, когда та пыталась избавиться от ограничений по Версальскому миру. По признанию Г. Гудериана, «компенсировать эту слабость (количество и качество ВВСТ — А.П.) нам приходилось превосходством в организации и управлении». В частности, в концентрации немногих бронетанковых сил в дивизии и корпуса[133]. Именно в 1935 году были сформированы первые три танковые дивизии Германии, которые сыграли в самом ближайшем будущем огромную политическую роль при оккупации Рейнской области, Австрии и Чехии, а позже и войне с Польшей и Францией в условиях, когда промышленное, военное и экономическое превосходство противников было неоспоримо.

Период 2021–2025 годов, как уже говорилось, будет периодом, когда произойдет массовое переоснащение ВВСТ основных госу-

132 *Бжезинский З.* Предисловие к книге *С. Хантингтона* «Столкновение цивилизаций» / *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016, с. 5.

133 *Гудериан, Гейнц.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945. - М.: Центрполиграф, 2020, с.34.

дарств качественно новыми типами и системами оружия, которые *существенно изменят способы его применения*. И неизбежно скажутся на состоянии не только ВПО, но и МО в мире. Именно развитие ВС, а также ВВСТ в этот период может радикально повлиять на изменения в МО.

Это связано не только с долгосрочными программами РФ и США, но и практически всех остальных государств-центров силы, способных концентрировать у себя качественно новые ВВСТ в значительных количествах[134]. Сегодня это видно на примере использования БЛА в Ливии, Сирии и Нагоном Карабахе, но в действительности качественные изменения произойдут не только в ВВСТ, но и на всех уровнях военного искусства — от тактики и оперативного искусства до стратегии, а, главное, **на уровне военно-политическом, —** где военно-технические последствия будут иметь наибольшее политическое значение. Очень напоминающие те, которые произошли во второй половине 30-х годов в Европе, когда создание бронетанковых и механизированных корпусов, авиационных соединений в Германии и России намного опередило развитие в других странах и повлияло непосредственно на военно-политическую и международную обстановку в мире.

Развитие новых видов и систем оружия в «переходный период» 2021-2025 годов за очень короткий период времени может привести к аналогичным изменениям в мире. Эти изменения самым серьезным образом отразятся на процессах формирования ВПО и МО в мире[135].

Главной особенностью «Реалистического» варианта сценария развития МО до 2025 года я считаю резкое обострение развития военно-силового сценария ВПО, которое выражается, прежде всего, в **повышении вероятности региональных и локальных конфликтов** не только с традиционными противниками — западной военно-политической коалиции и исламской ЛЧЦ**,** но и лидера-

134 *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 808 с.

135 *Кьеза Дж.* Цугцванг для человечества. М.: Книжный мир, 2019, с. 4.

ми других ЛЧЦ и коалиций, а также центрами силы, представляющими самостоятельное военно-политическое значение, например, Ираном или Турцией или Пакистаном, но, прежде всего, теми, которые смогут использовать в своей антироссийской политике США — Украиной, Польшей, прибалтийскими государствами. То, что после Второй мировой войны в мире произошло более 90 войн и конфликтов делает это явление обычным и традиционным событием в политике и отношении между государствами (особенно в результате распада Югославии и СССР), а эскалация военно-силового противоборства со стороны Запада неизбежно приведет к росту численности и увеличению масштабов таких конфликтов в будущем[136].

Развитие СО, войн и конфликтов потребует от России радикального изменения отношения к этим явлениям. В том числе с военно-технической точки зрения, когда потребуется значительное количество ВТО, неядерного оружия, военной техники и боеприпасов. Если старых советских запасов может быть и достаточно, то для качественно новых систем и видов ВВСТ необходимы, как показал опыт локальных войн, в частности, войны в Карабахе в 2020 году, большие стратегические запасы боеприпасов и ВВСТ.

Не секрет, что к войне в Афганистане в 1979 году СССР оказался не готов, хотя готовился более года, проводя частые учения основных участников — 5-ой и 108-й дивизий, отдельных бригад и полков, а также 103-й десантной дивизии, когда призывались более 50-ти тысяч военнослужащих запаса и резерва, проводились командно-штабные учения и т. п. Но в целом войска и техника оказались не готовы к ведению боевых действий и набирались опыта уже в процессе военных действий.

Опыт, который приобретался быстро на практике, серьезно отличался от представлений прошлого. Так, малоэффективными в условиях горной местности оказались бронетанковые соединения, но резко возросла потребность в артиллерийских и авиационных

136 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с

корректировщиках (как и позже в Чечне и на востоке Украины) и т. п. К сожалению, как признавал позже командующий 40-ой армией Б.В. Громов, этот опыт, доставшийся дорогой ценой, плохо изучался и осваивался. В Чечне в 94-м году, во многом пришлось все начинать сначала — от ввода в Грозный танков до не точного использования авиации и артиллерии[137].

Если в отношении первого предупреждения покойного З. Бжезинского — политика, процитированного в эпиграфе, правящих кругов США во втором десятилетии XXI века подтверждается, то относительно «уважения» к нациям и государствам и «сдержанности» очевидно нет. Именно после 2010 года, то есть с началом «переходного периода» в политике США все быстрее исчезают как уважение, так и сдержанность не только по отношению к другим ЛЧЦ и государствам, но и своим союзникам по коалиции. При Д. Трампе этот процесс приобрел не просто ускоренный, но и публичный характер. «Переходный период» 2010–2025 годов характеризуется качественным, «фазовым» переходом, который существенно отличается от предыдущих периодов в развитии МО и ВПО, когда принципиально меняются как общие, так и многие частные характерные черты и отличительные особенности развития МО и ВПО. На мой взгляд, прежде всего, следует рассмотреть *особенности развития ВПО* по всем четырем основным группам[138]:

– субъектам;

– акторам;

– тенденциям;

– когнитивным особенностям развития НЧК и его институтов.

Но в самом начале можно говорить и об общих чертах «переходного периода» для всего сценария развития МО-ВПО и всех 4-х групп факторов и тенденций, которыми являются:

Первое. Консолидация на двусторонней основе под эгидой США широкой прозападной военно-политической коалиции, ко-

137 *Громов Б.В.* Ограниченный контингент. М.: Яуза Каталог, 2019, сс. 118–158.

138 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

торая стала открыто противопоставлять себя остальным членам мирового сообщества и другим ЛЧЦ — от китайской ЛЧЦ и российской ЛЧЦ до исламской, латиноамериканской и других ЛЧЦ и центров силы.

Второе. Постепенное увеличение военной составляющей среди других силовых средств политики на всем спектре их возможного применения — от ускоренного развития сил специальных операций (ССО) до создания качественно нового потенциала СВКН и СВКО, ВТО и стратегических наступательных и оборонительных вооружений;

Третье. Ликвидация многосторонних и двухсторонних институтов и систем сотрудничества во всех областях (исключая некоторые, специально оговоренные и выгодные США области). Практически к началу 2021 года был создан универсальный и очень широкий фронт конфронтации и противоборства, включающий все возможные области потенциального сотрудничества, — от спорта и науки до совместного экологического сотрудничества;

Четвертое. Выход из системы и договоров по ограничению вооружений и военной деятельности, сложившихся в результате компромиссов 70-х–90-х годов. Фактически к началу 2021 года осталось несколько старых договоров и Договор СНВ-3, переговоры, по продлению которого при Д. Трампе так и не были начаты.

Пятое. Развитие силовых — военных и невоенных — средств и мер силового принуждения до уровня, обеспечивающего военно-силовое превосходство западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ и центрами силы. Эта стратегическая установка Запада не ставилась под сомнение, а, значит, изначально не предполагала сотрудничества в критически важных областях, например, стратегической стабильности[139].

Шестое. Возможный переход к массированным военно-силовым действиям против основных противников на отдельных ТВД и в отдельных регионах мира к 2025 году[140].

139 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 808 с.

140 *Подберезкин А.И.* роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

Седьмое. Как итог — эскалация применения мер и средств силового принуждения до уровня, характерного перехода к качественно новым отношениям (по сути — откровенно военным) и прямо враждебным в политико-дипломатической, финансовой и экономической областях. Именно это фактически стало реальностью в 2021 году. Можно в целом согласиться с выводами коллектива военных авторов, сделанными в 2020 году, о том, что «развязывание (эскалация) информационно-психологической борьбы — наилучшая для США форма межгосударственного противоборства в условиях безусловного обеспечения Россией своей безопасности за счет стратегических сил сдерживания»[141].

Но с важными оговорками: во-первых, этот вывод не относится ко всем региональным конфликтам и потенциальным кризисам, а, во-вторых, «безусловное» обеспечение безопасности за счет СНВ не является в будущем таким уж безусловным.

До 2025 года просматривается достаточно поступательное увеличение масштабов военного финансирования создания ВВСТ в США, что вызвано, во-первых, огромными и без того расходами, превышающими расходы всех других государств, которые задали инерцию НИОКР и программам создания ВВСТ в период правления Д. Трампа; а, во-вторых, приоритетами администрации и в целом правящей американской элиты, восстановление в целом промышленного лидерства и перспективных НИОКР, которые связаны со сменой технологического уклада и очередным витком в промышленной революции.

Это видно, как минимум, в заявленной к настоящему времени политической и военной стратегии США еще при администрации Б. Обамы, а тем более Д. Трампа и их союзников[142], — с Россией, Китаем, Ираном и целым рядом других стран[143]. Вплоть до 2026

141 Военно-технические и военно-экономические аспекты итогов и уроков Второй мировой войны. Коллектив авторов под ред. проф. *Викулова С.Ф.* М.: АПВЭи Ф, Канцлер, 2020, с. 6.

142 The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash., June 2015, pp. 3–5.

143 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., January 18.

года ожидается достаточно медленная динамика в модернизации СЯС США. Так, в 2021 ф. г. финансовый запрос Пентагона вырос незначительно: на 2020 год было востребовано 704,6 млрд. долл., на следующий 2021 год аппетиты военных остановились на уровне в 705,4 млрд. долл. Увеличение не превысило и одного млрд.

По основным направлениям финансовые запросы распределены следующим образом. На модернизацию ядерной триады отводится 28,9 млрд. Из них 7 млрд. долл. потратят на обновление программного обеспечения, развитие системы управления, контроля и связи. На НИОКР и строительство нового стратегического бомбардировщика B-21потратят 2,8 млрд. долл.; на доводку и производство вооружения атомной субмарины — ракетоносца класса Columbia выделят 4,7 млрд. долл. На НИОКР и производство новой ядерной крылатой ракеты воздушного базирования большой дальности LRSO (Long Range Standoff) потратят 474 млн. долл. Разработка новой системы ядерного сдерживания Ground Based Strategic Deterrent (GBSD) обойдется американскому бюджету в 1,5 млрд. долл.

Одним из приоритетов Стратегии национальной обороны США является глобальная программа противоракетной обороны (ПРО). На ее развитие в 2021 году потратят 2,3 млрд. долл. Корабельные комплексы ПРО SM-3 IIA и IB обойдутся бюджету в 619 млн. долл. Развитие и поддержание системы перехвата межконтинентальных баллистических ракет (МБР) AEGIS оценили в 1,1 млрд. долл. На комплексы ПРО THAAD и Patriot потратят соответственно 916 млн. и 780 млн. долл.

Россия планирует продолжение подготовки инфраструктуры ракетных войск стратегического назначения (РВСН) для размещения комплексов МБР «Ярс», «Сармат», «Авангард». Активно ведутся работы по интеграции системы связи РВСН в единое информационное пространство Вооруженных сил Российской Федерации. На грядущий период запланированы работы, связанные с дальнейшим развитием и применением инфокоммуникационных технологий для существующих и перспективных систем связи, контроля и управления. Продолжится перевооружение войсковых частей

РВСН на комплексы «Авангард», «Ярс». ВМФ РФ получит новые стратегические субмарины класса «Борей-А». Возможно, сроки постановки межконтинентальной баллистической ракеты «Сармат» на боевое дежурство будут несколько скорректированы из-за сложившихся обстоятельств.

Россия продолжит развитие системы ПВО/ПРО страны. На 2021–2027 годы запланирована передача Воздушно-космическим силам РФ 12 дивизионных комплектов новейших зенитных ракетных систем С-350. Продолжится поставка в войска ЗРС С-400 «Триумф». Так, в 2020 году только в Центральный военный округ было поступление двух полковых комплектов данной системы. Еще несколько дивизионов было создано для экспорта.

Талица 3. Планируемые мероприятия по перевооружению СНС США[144]

Годы:	Мероприятия
2026	Начало серийного производства ядерной боевой части типа W80–4 для перспективной КРВБ большой дальности (всего до 1000 ед. к 2031 г.)
	Начало серийного производства перспективного ТБ В–21 «Рейдер» (всего 80–100 ед.)
	Сертифицирование ТБ В–21 «Рейдер» как носителя ядерного оружия
	Начало серийного производства перспективной КРВБ большой дальности, оснащаемой ядерной и обычной боевой частью.
2028	Начало серийного производства МБР нового поколения с дальностью не менее 13 тыс. км
	Принятие на вооружение перспективного стратегического ракетного комплекса наземного базирования с МБР нового поколения
	Начало постановки на боевое дежурство МБР нового поколения
2031	Ввод в строй первой ПЛАРБ* нового поколения типа «Колумбия» с модернизированной БРПЛ «Трайдент-D5»
2035	Завершение перевооружения наземного компонента СНС на МБР нового поколения
2041	Завершение перевооружения морского компонента СНС на новое поколение ПЛАРБ типа «Колумбия» (12–14 лодок по 16 БРПЛ)

144 *Евсюков А.В., Сосновский М.Е., Хряпин А.Л.* С опорой на ядерное оружие // Национальная оборона. 2018. № 6 (147), сс. 4–9.

Таким образом, программы строительства ВВСТ в США, как и у их союзников, запланированы на долгосрочную перспективу. В основе такой политики Запада находится, как уже говорилось, категорическая установка на сохранение американского контроля над финансово-экономической и военно-политической ситуацией в мире в новых условиях при помощи инструментов насилия, получивших название «политики силового принуждения»[145]. Таким образом политика западной военно-политической коалиции откровенно вступает в силовое противоборство с целым набором объективных мировых тенденций и факторов, что неизбежно ведет к эскалации этой силовой политики в военно-силовую политику.

Пока что, этому отчасти препятствует состояние военно-стратегического равновесия, установившееся еще в 70-е годы между СССР и США, которое обеспечивает стратегическую стабильность. Причем не только в узком понимании этого значения (как стабильность в области ядерных вооружений), но и в широком понимании, как неспособность военной силой обеспечить достижение политических целей, что и стало одним из немногих предметов переговоров во времена Д. Трампа в 2020 году.

Во многом это связано с сохранением рисков применения СЯС обеими сторонами и продолжающимися (хотя, как правило, мало известными) инцидентами. В частности, военно-стратегическое равновесие предполагает, что процесс принятия решений об использовании ЯО требует времени. Так, своего рода «график» принятия такого решения президентом США в ответ на применения СЯС РФ американские эксперты описывают следующим образом[146]:

— 0 минут — запуск МБР России
— 1 минута — обнаружение спутниками США запуска
— 2 минута обнаружения запуска РЛС США
— 3–4 минута передача информации в центр НОРАД
— 4 минута тревога в Белом доме

145 *Gompert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce. Cal., RAND, 2016, pp. 3–41.
146 Strategic Consequences of Hypersonic Missile Proliferation. Report NSRD RAND. Wash., 2019, p. 16.

— 5 минута первая детонация БРПЛ (уничтожение АПЛ)
— 7 минута — 8 минута (максимум) обсуждение с президентом и его советниками проблемы
— 13 минута — принятие политического решения
— 15 минута — передача решения о запуске
— 20 минута подтверждение, расшифровка и идентификация
— 23 минута завершение процесса запуска
— 25 минута — взрыв российских МБР

Этот процесс, как видно, трудно нарушить если не прибегнуть к новым процедурам и использованию новых систем оружия, способных нанести «обезглавливающий» или «разоружающий» удары при гарантированной защите ПРО. Для этого нужны массированные и качественно новые решения не только в военно-технической области — создании гиперзвуковых систем, новых систем СЯС и ПРО, но и политико-дипломатические и иные силовые (невоенные) способы поражения противника. Попытка противодействовать силой нарождающимся новым условиям и факторам формирования МО и ВПО со стороны США неизбежно ведет к военному конфликту. В той или иной форме. Собственно говоря, и сам «переходный период» это период перехода от силового противоборства к военно-силовому, который можно условно обозначить по времени периодом 2014–2025 годов.

В мире формируются новые условия и факторы, которые, безусловно учитываются в политике разных субъектов, но не всегда в порядке приоритетности и полностью. Так, эти новые условия вытекают, прежде всего, из изменений в соотношении сил и усиления военно-силового противоборства между локальными человеческими цивилизациями[147] и их военно-политическими коалициями, а также глобальных тенденций в развитии человечества (демографических, технологических, экономических). Они достаточно часто и определенно прогнозируются в навязываемом Западом сценариях

147 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Александров М.И., Родионов О.Е.* и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография. М.: МГИМО-Университет, 2018, сс. 39–81.

развития ВПО, которые будут неизбежно вести к эскалации и провоцировать международную напряженность, сознательно расширять спектр силовых средств и мер их применения, а также инспирировать (нередко искусственно) военные конфликты[148].

Эти изменения отражаются и на внешней политике и политике безопасности ведущих государств-лидеров ЛЧЦ и их коалиций. Так, существовавшая долгое время политика стратегического сдерживания к началу «переходного периода» себя уже исчерпала — она не давала США возможность в полной мере применять военную силу, а России эффективно обороняться, вынуждая ее постоянно уступать своим оппонентам.

Главная цель США и их союзников до «переходного периода» (1945–2000 гг.): создать финансово-экономическую и военно-политическую глобальную систему МО-ВПО, которая находилась бы под их полным контролем. Развал СССР и Социалистического содружества, ОВД и СЭВ, фактическая ликвидация суверенитета большинства других государств завершилась войнами против Ирака, Югославии, Афганистана и других государств и акторов, которые выступали в различных силовых формах борьбы против западной коалиции (международного терроризма, гуманитарных катастроф и т. д.).

2000–2010 годы — период завершения формирования проамериканской коалиции, контролирующей все политические и финансово-экономические процессы в мире в условиях противодействия СССР–ОВД и национально-освободительного движения и фактическое утверждение системы МО-ВПО, подконтрольной США и их коалиции.

Особенностью «переходного периода» в реализации главной цели США и членов широкой коалиции под их руководством, как показала история, стало последовательное разделение этого периода на два этапа — «подготовительный» и, собственно, сам, «переходный период»[149]:

148 Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберезкин и др.* М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017, 357 с.

149 *Подберезкин А.И.* роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

На первом, — «подготовительном этапе» (2000–2010 гг.) к «переходному периоду» фактически завершилось «расставание» с двухполярным миром и ялтинско-потсдамской системой МО, когда нужно было некоторое время, чтобы государства привыкли (точнее — «приучить») к новой мировой системе и МО. Прежде всего, с точки зрения информационно-когнитивной, когда международное право заменялось «общепринятыми нормами и правилами».

В эти годы произошла трансформация МО де-факто, которую США и их союзники закрепляли де-юре (игнорируя, например, мнение Совбеза ООН) и применяя «силу принуждения» информационно, а также политико-дипломатическими средствами. В это время нужно было закрепить создание «однополярного мира» и МО-ВПО на условиях «победы» западной коалиции. Этот аспект заметил и публично озвучил В.В. Путин на Мюнхенской конференции в феврале 2007 года, которая, по сути, зафиксировала несогласие России с развивающимся процессом.

В силу целого ряда международно-правовых, политических (обязательства) и когнитивных причин западной коалиции требовалось какое-то время для перехода от достаточно популярного в общественном мнении сценария ограниченного международного сотрудничества, существовавшего до 2000 года, к сценарию силового противоборства и «силового принуждения», к которому следовало подготовиться.

Сценарий «силового противоборства» в развитии МО начался, по моему убеждению, почти официально в 2010 году с решений США и НАТО по дальнейшему расширению коалиции и перевооружению, но еще до этого войны США против Югославии, Афганистана и Ирака на рубеже 2000-х годов должны были публично показать, что в мире осталась единственная сила — западная военно-политическая («международная») коалиция во главе с США, которая способна управлять развитием МО и ВПО. Так на Лиссабонской встрече 2010 года 28 членов НАТО, присутствовало более 30 руководителей государств и правительств стран, которые не яв-

ляются членами НАТО[150], что свидетельствовало о реальности существования широкой военно-политической коалиции, созданной на базе блока.

Была принята Стратегическая концепция НАТО 2010 на «будущие 10 лет», где формально провозглашены новые цели НАТО и направления эволюции Альянса в числе которых:

— предотвращение кризисов
— урегулирование конфликтов
— открытость НАТО к вступлению новых членов

Сформулированы три ключевые задачи НАТО:

1). Безопасность на основе сотрудничества.
2). Кризисное регулирование.
3). Коллективная оборона.

Определены условия безопасности и основные угрозы в XXI веке:

— распространение ядерного оружия и другого ОМП
— терроризм
— экстремизм, торговля наркотиками, работорговля, кибератаки
— охрана торговых путей и коммуникаций

Обосновано вмешательство НАТО в конфликты за пределами Альянса. Определен оптимальный способ регулирования конфликтов. Подтвержден факт того, что пока в мире сохранится ядерное оружие, НАТО останется ядерным союзом[151].

Таким образом в 2010 году США и их союзники по широкой коалиции в целом завершили этап развития сценария не только МО, но и ВПО, который подводил черту под возможности договоренностей и совместных действий. После 2010 года политика США приобрела диктаторско-авторитарный характер.

На втором, последующем этапе (2010–2025 гг.), началась фактическая реализация сценария развития ВПО «Усиления военно-силового противоборства» изначально в одном из своих вариантов — «Варианте

150 В качестве участников сессии были и президент России Д.А. Медведев, что, на мой взгляд, подчеркивает только завершение предыдущего периода относительно мирного развития ВПО.

151 См. подробнее: URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_82705.htm?selectedLocale=ru

№ 2» («Политики санкций»), который был связан с военным конфликтом России на Северном Кавказе «08.08.2008», а затем и в варианте политики «Силового принуждения». Этот вариант трансформировался быстро в вариант «Усиления политики «силового принуждения», который стал в период 2019–2021 годов **базовым вариантом сценария развития ВПО в мире для США и их союзников.**

Иными словами, в среднесрочной перспективе до 2021 года этот вариант сценария был доминирующим, что оставляет открытым, по сути дела, единственный вопрос о том, **когда и будет ли переход к прямому варианту военно-силового развития ВПО**[152]**.** В 2019–2020 годы Д. Трамп избегал прямой военной конфронтации с Россией, более того, подчеркивал, что обострение силового противоборства «не должно вести к увеличению военных рисков», но одновременно следует признать, что подобная политика противоречит стратегическому курсу, цель которого реализация военно-силового варианта сценария развития ВПО. В основе этого сценария, как уже говорилось, стала установка на то, чтобы сохранить и укрепить контроль над фактически созданной системой МО-ВПО в новых условиях растущей мощи других центров силы и ЛЧЦ, прежде всего Китая, России, Ирана и других «ревизионистских» государств[153], которые (как стало ясно к этому времени) не будут соблюдать «нормы и правила», установленные западной коалицией. «Переходный период» — период не только массированного военного строительства, но и переформатирования западной

152 Военно-технические и военно-экономические аспекты итогов и уроков Второй мировой войны. Коллектив авторов под ред. Проф. *Викулова С.Ф.* М.: АПВЭи Ф, Канцлер, 2020, с. 6.

153 «**Ревизионистские государства**» — *зд.:* термин, который стал использоваться в США по отношению к странам и лидерам, не согласившимся на новую систему в МО, установленную после 2000 года, где господствует гегемония США. Летом 2015 года объединенный комитет начальников штабов Пентагона выпустил национальную военную стратегию за текущий год, где Россия, Иран, Китай и КНДР названы ревизионистскими государствами и главной угрозой международной безопасности наряду с ИГИЛ. При этом в документе подчеркивается, что вышеуказанная четверка не представляет прямой военной угрозы США и их союзникам, однако ее действия вызывают серьезную озабоченность. РФ предъявляются претензии в неуважении к суверенитету соседних стран и готовности применить силу для достижения своих целей.

коалиции в широкий блок под полным контролем США в условиях развития новых центров силы. Эта идея не только Д. Трампа, но всей стратегии США в «переходный период», когда преимущественно коалиционная, формально многосторонняя политика коалиции превращается в политику лидера США. В этом смысле политика Дж. Байдена — прямое продолжение не только политики Б. Обамы, но и Д. Трампа.

В этой связи становится особенно актуальным анализ, оценка и прогноз развития ВПО в мире и политики основных субъектов и акторов[154], формирующих международную обстановку, которые во многом могут опираться, на мой взгляд, на характеристику этапа 2010–2025 годов, который в моих работах получил название «переходного периода»[155]. В том числе их политики, способов и средств силового принуждения, в особенности тех, которые создаются или еще только будут созданы[156] в будущем.

Среди таких средств политики «силового принуждения», которые дали толчок развитию всей политики новой публичной дипломатии, исключительно важное значение приобрели информационно-коммуникационные и иные когнитивно-идеологические средства, основанные на новейших технологиях, прежде всего, интернет-технологиях. Важнейшими из них в начале нового века стали социальные СМИ и интернет-ресурсы, перед которыми была поставлена наиболее приоритетная цивилизационная задача — изменить национальную идентичность и представления о системе ценностей и национальных интересов в качестве важнейшей и самой главной цели политики. Этот процесс начался достаточно давно: еще в 2005 году автор известной работы и термина «креативный класс» Ричард Флорида писал о поколениях с новой системой

154 Подробнее о прикладном анализе см.: Введение в прикладной анализ международных ситуаций: Учебник / под ред. *Т. А. Шаклеиной*. М.: Аспект Пресс, 2014, 256 с.

155 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета, 2018, № 6 (63), сс. 142–144.

156 *Подберезкин А.И.* Военная сила и политика новой публичной дипломатии // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer», 2016, № 12, сс. 15–25.

ценностей[157]. В 2020-2021 годах это поколение стало претендовать на власть не только в США, но и в России. Надо признать, что ему уже многое удалось не только с цивилизационной, но и с политической точки зрения.

1.2. Современные тенденции развития и деградации международной обстановки применительно к последствиям изменения стратегической обстановки, войн и военных конфликтов

Радикальные перемены в истории
происходят удивительно внезапно,
а иногда еще и довольно спокойно[158]
У. Перри, бывший министр обороны США

Уже не раз выше говорилось о влиянии развития глобальных тенденций в МО и ВПО на СО, войны и военные конфликты в постсоветский период 1990-2020 годов[159], которые в своей основе имели во многом объективный характер. Признавать или не признавать масштаб этих изменений во многом означает признание необходимости серьезных изменений в силовой политике в мире не

157 *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика, 2005. 421 с.
158 *Перри У.* Мой путь по краю ядерной бездны.- М.: Политическая энциклопедия, 2017, с. 121.
159 Это классическое, традиционное влияние политики на войну — аксиома, которая, однако, конкретизируется в своих деталях в обратном влиянии — войны и СО на формирование ВПО и МО. См. подробнее в одной из последних работ: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. - М.: ИД «Международные отношения», 2020.- 312 с.

только в США, но и в Китае, России и в других странах. Что предопределяется, в свою очередь, мужеством политической элиты. Как писал Г. Гудериан, «В политике никогда не следует прятаться от опасности, как страус, головой в песок, но именно такую стратегию слишком часто выбирал Гитлер, так же как его влиятельные политические, экономические и даже военные советники».[160] Именно признание или не признание таких опасных реалий становится первым шагом к изменению в политике безопасности в государствах в третьем десятилетии нового века. Оно начинается с признания самых опасных глобальных тенденций, которые системно сказываются на безопасности государств.

Политики и военные США, например, выделяли 3 таких важнейших тенденции[161]:

— глобализации, охватившей всей сферы человеческой деятельности, ставшую «катализатором» экономического и социального развития, соперничества — из-за ресурсов, социальной напряженности и политической нестабильности;
— демографическую, изменившую во многом не только соотношение сил в мире между ЛЧЦ и регионами, но и создавшую угрозы неконтролируемой эмиграции и социально-политической напряженности;
— неконтролируемого распространения технологий, что (особенно в военной области) ведет к радикальным изменениям в соотношении сил и военной мощи.

Не трудно заметить, что за последние три десятилетия влияние военной силы на формирование МО и ВПО существенно изменилось в сторону ее усиления. Войн и военных конфликтов стало больше, а их издержки — выше[162]. Прежде всего, из-за военно-

160 *Гудериан, Гейнц.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945. - М.: Центрполиграф, 2020, с.209.

161 The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash., 2015, June, P.I.

162 Считается, например, что в 2019-2021 годах в мире существовало порядка 30 войн и военных конфликтов, а потери в некоторых локальных войнах, таких как в Ираке, Афганистане и Сирии превышали несколько сотен тысяч человек.

политических последствий ликвидации основного конкурента западной коалиции — СССР и ОВД. Но не только. Быстрое военно-технологическое развитие США и их союзников предоставило им качественно новые средства ведения войны — ВТО, БПЛА, средства связи, разведки и управления[163], которые существенно, качественно повышали боевую эффективность ВС и ВВСТ.

Это привело к изменению способов использования ВВСТ, т. е. всего военного искусства, включая военную стратегию, которая превратилась для Запада, по сути, в безнаказанное убийство своих противников. Разница хорошо видна на примере войны в Афганистане и в Ираке. Если, например, ввод ограниченного контингента советских войск в Афганистан в декабре 1979 года можно было назвать традиционной (даже последней традиционной военной операцией ВС в XX веке) операцией сухопутных сил[164], то интервенция Международной коалиции в 2001 году в Афганистан и в 2003 году в Ирак стала, по сути, совершенно новой формой применения военной силы, когда ВВС и ВТО, а также координация деятельности ЦРУ с оппозицией сыграли решающую роль[165].

В Югославии в 1999 году произошла, по сути, первая попытка такой военной операции, когда с помощью нанесения ВТО ударов с воздуха и КРМБ была достигнута политическая цель военного поражения европейской армии крупного государства без участия сухопутных сил.

Иначе говоря, *влияние новой формы развития СО и новых способов ведения вооруженной борьбы на формирование ВПО и МО в мире*

163 *Подберезкин А.И., Мунтян М.А., Харкевич М.В.* Долгосрочное прогнозирование сценариев развития военно-политической обстановки: аналит. доклад. М.: МГИМО-Университет, 2014, СС. 17–44.

164 Ввод ОКСВ в Афганистан потребовал предварительного доукомплектования около 100 частей и организаций, призыв из запаса более 50 тыс. военнослужащих, развертывания управления 40-й армии, трех мотострелковых дивизий, отдельных бригад и мобилизации из народного хозяйства более 8 тысяч автомобилей. См.: *Громов Б.* Ограниченный контингент. М.: Яуза Контент, 2019, с. 87.

165 За два месяца США фактически использовали только несколько сот специалистов ЦРУ и ССО, стратегическую авиацию и ВТО, а также огромное количество денег для подкупа оппозиции. См.: *Тенет Дж.* В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. М.: Эксмо, 2008, сс. 217–240.

радикально изменилось[166]. Война для западной военной коалиции стала вполне приемлемой и допустимой акцией, а формирование МО в новом столетии шло под влиянием этой парадигмы[167].

Это, естественно, не могло ни отразиться на формировании конкретных сценариев развития ВПО и МО, которые достаточно быстро переходили из стадии преимущественно силовых в преимущественно военно-силовые в своем развитии. Таким образом, известная доминирующая сила влияния развития того или иного сценария МО на ВПО в мире на состояние СО, а также конкретных военных конфликтов и войн, *усложнилась обратной тенденцией — влияния особенностей и характера войн и военных конфликтов, конкретные особенности развития СО и войн стали существенно влиять на состояние и развитие ВПО и МО.* Это стало особенно видно на примере интервенции США и их союзников в Афганистане, где минимальное использование сухопутных ВС коалиции сопровождалось мощными усилиями по формированию «антитеррористического фронта», с одной стороны, и переносом акцентов на применение ССО и нанесение ударов ВТО, — с другой.

При этом нельзя, конечно же, говорить, что конкретные войны и их результаты, а, тем более, формирование СО в конкретном регионе не сказывались прежде на формировании ВПО и МО. Война в международных отношениях нередко оказывалась самостоятельным фактором. В принципе влияние развития СО, войн и военных конфликтов, как и средств (ВВСТ) и способов ведения войны на формирование ВПО и МО, всегда существовало и было сильным. Но именно в нашем веке произошло превращение войны в способность развитых государства быстро решать **стратегические цели политики с ее помощью.** Войны против Югославии,

166 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019, сс. 423–523.

167 *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «международные отношения», 2018. 1596 с.; *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника. Вестник МГИМО-Университет, 2018, № 6, сс. 141–168.

Афганистана и Ирака занимали несколько недель, приобретая для тех, кто их начинал, политическую победу. Подобное прежде, например, в XX веке было возможно только в случае массированного применения ядерного оружия, когда отпадала необходимость в достижении промежуточных — оперативных и тактических — задач. «Война — это последствие американской глобализации: вместо консенсуса — дубина»[168]. — очень точно сказал бывший сенатор ЕС Дж. Кьеза.

Другое последствие развития военной области в XX веке, это предсказуемость политических результатов войн. До XXI века, даже в войнах XX века в Корее и во Вьетнаме такой заданности получения результата не было, потому, что война всегда носила традиционно непредсказуемый характер. По этому поводу еще К. фон Клаузевиц писал, что «Война является областью неопределенности; три четверти того, на чем должен производиться расчет всех военных действий, спрятано в облаках великой неопределенности…. Война есть область риска»[169]. Но в XXI веке развитие силовых военных и невоенных силовых средств политики приобрело особенное значение, которое фактически гарантировало политический «позитивный» результат нападающему государству-члену западной коалиции. Даже в таких сложных случаях как война в Афганистане.

Иными словами, в XXI веке в МО и ВПО сложилась такая ситуация, когда западная коалиция *может обеспечить себе достижение политической победы практически над любым субъектом МО, исключая до определенного времени немногие страны, обладающие ОМУ*, но и по отношению к ним могут быть использованы эффективные невоенные силовые средства, разрушающие их суверенитет и национальную идентичность.

Так, среди невоенных силовых средств и мер политики особенное (подчеркнуто приоритетное) значение приобрели следующие средства разрушения национальной идентичности и подрыва национального суверенитета — информационные, политико-дипло-

168 *Кьеза Дж.* Цугцванг для человечества. М.: Книжный мир, 2019, с. 4.
169 *Клаузевиц К. фон*. Принципы веления войны. М.: Центрполиграф, 2020, с. 16.

матические, культурно-образовательные, научно-технологические. Кстати, когда США озаботились отражением вероятной ответной враждебной силовой реакцией террористов на военную экспедицию против талибов в Афганистане, в том же сентябре 2001 года, т. е. также формами военно-силового, преимущественно террористического, воздействия, то на первом месте в списке возможных целей в США были поставлены не военные объекты, а «символы американской культуры» — киностудии, парки развлечений, центральные узлы глобальных коммуникаций и т. д.[170]

Иными словами, силовые военные и силовые невоенные средства политического влияния получили на Западе мощное развитие именно под воздействием **политической установки** на сохранение системы военно-политического и финансово-экономического доминирования США в мире, т. е. это стало политической установкой, «социальным заказом», а не случайной тенденцией в политике США и их союзников во втором десятилетии нового века[171].

С другой стороны, надо признать, что развитие ВВСТ и военного искусства в странах западной военно-политической коалиции превратило войну в реальный и эффективный инструмент внешней политики, т. е. вернуло влияние военной силы в международные отношения, которое было на какое-то время ослаблено с появлением военно-стратегического равновесия и модной политической риторикой последней трети прошлого века.

170 См.: *Тенет Дж.* В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. М.: Эксмо, 2008, с. 231.
171 Этой проблеме я не раз уделял внимание в своих работах 2014-2021 года. См., например: *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. Монография - М.: ИД «Международные отношения», СС.110-135.

1.2.а). Сущность современного этапа развития международной обстановки с точки зрения последствий развития стратегической обстановки в мире: главные особенности и основные тенденции

Изменение взглядов достигается более легко
и быстро посредством спора, в котором
инстинктивное сопротивление оппонента
преодолевается обходным путем
Б. Лиддел Гарт, военный теоретик

Содержание и сущность СО в мире и в отдельных регионах планеты - от Арктики до Персидского залива и Восточной Европы — качественно отличаются друг от друга. В каких-то регионах идут войны или развиваются военные конфликты, а в других СО характеризуется ее военным силовым противостоянием или нарастающей внутриполитической нестабильностью. Вместе с тем, можно говорить о некой общей, характерной для все регионов черте, характеризующей в них СО - нарастающей военно-силовой компоненте в политике западной военно-политической коалиции. Она видна как на примере создания искусственных трудностей для трубопровода «Северный поток-2», так и усиления военно-политического сотрудничества Запада с Индией, имеющего явный антикитайский и антироссийский характер. Более того, в наиболее опасных формах СО в отдельных регионах, таких как Украина и Закавказье, носит вполне определенный военно-провокационный характер.

Это позволяет говорить, что практически у всех региональных СО и войн есть некий «общий знаменатель», который является стратегической линией всей западной военно-политической коалиции, в которую входят не только традиционные уже члены НАТО, но и Япония, Австралия, а также фактически нейтральные государства — Швейцария, Швеция, Финляндия и др.

Сущность интересов основных социальных групп, лежащих в основе политики государств-членов западной военно-политической коалиции, — обеспечение **сохранения контроля над существующими финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире** в условиях изменения соотношения сил. **Это основная тенденция в развитии современного сценария МО,** которая непосредственно и сознательно отражается на формировании СО и военной подготовки[172]**.**

Применительно к России эта установка сформулирована еще жестче: подобный всеобъемлющий контроль возможен только при условии уничтожения суверенитета и территориальной целостности, а также национальной идентичности России, ее разделе на несколько автономных (желательно враждебных) территориальных образований по примеру развала СССР.

Соответственно и военное строительство в США и на Западе ориентировано подобным образом[173]. В частности, например, ВС в возрастающей степени ориентируются не на разгром противника, а на контроль над его правящей элитой и обществом при помощи создания политико-психологического состояния военного превосходства, когда невоенные силовые средства используются в режиме «силового принуждения». Так, например, быстрое развитие получили ССО США и их союзников, например, Сухопутных сил США («зеленые береты»), которые ориентированы, прежде всего, на организацию антиправительственной деятельности на территории противника, а не на диверсионные и другие операции.

При необходимости «береты» могут выступить в роли десантно-штурмовой группы, но командование перед ними таких задач старается не ставить. Для этого существуют, например, рейнджеры или ударные части морской пехоты. Как пишут некоторые источники, в спецназе сухопутных войск «стреляй-бей-беги» — далеко

172 *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 808 с.

173 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 462 с.

не самая приоритетная задача. Главное, чем они заняты, — *нетрадиционные действия ведения войны*, помощь вооруженным силам другого государства, партизанская и контрпартизанская война, специальная разведка, информационные операции. «Береты» чуть ли не с момента создания были предназначены, чтобы служить своеобразным «повышающим коэффициентом». Заброшенное в тыл врага отделение «спецназа» может сформировать, подготовить и руководить батальоном местного ополчения. А также завоевать «сердца и умы аборигенов» до такой степени (построив, например, мост и соорудив больничку), что всякая нехорошая диктатура просто не сможет справиться с распропагандированными массами. Именно так произошло в Афганистане в 2001 году.

Кроме того, в их задачи входят и гуманитарные миссии. Так, в 1991 году всего лишь 50 «зеленых беретов» в Северном Ираке организовали доставку продовольствия для 100 тысяч курдских беженцев, остановив хаос, разбив временные лагеря и медпункты (даже роды принимать пришлось).

Такая установка в отношении СССР и России, как видно из современной истории, не менялась десятилетиями: но если после Второй Мировой войны такая система создавалась и была в целом создана к началу 90-х годов для уничтожения крупных геополитических противников, то последние 30 лет интересы этих групп на Западе концентрировались на повышении эффективности политики сохранения созданных экономических и военно-политических систем[174].

Подобная устойчивость, видимая при всех сменах администраций и правительств в странах Запада, не означает неизменности данного качества государства и всей коалиции. Как и другие основополагающие характеристики политики государства и коалиции — содержание, форма, сущность под влиянием различ-

174 *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть I и Часть II // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 4, № 5, сс. 5–28 и сс. 5–31, а также: *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* «Переходный период»: главная особенность — милитаризация политики. Часть III // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 6, сс. 57–72.

ных процессов, факторов может изменяться. Как правило, такие изменения происходят в рамках одной политики и одного сценария развития МО и ВПО. Так, смены внешнеполитических и стратегических концепций в США со времен Г. Трумана и Д. Трампа происходили в рамках единой политики формирования системы МО и ВПО, опирающейся на финансовую, экономическую и военную мощь США при абсолютном доминировании в информационной области и мощной идеологической конкуренции с силами социализма.

Но менялись ВВСТ, а вслед за ними и способы, и концепции их применения — политические, идеологические и военные — от «массированного возмездия» до «контролируемой эскалации». Надо признать, что некоторые из них сохранили не только политическое, но и оперативное значение и сегодня. В частности, концепция «эскалации» осталась в качестве принципа развития военного конфликта на отдельном ТВД или стратегическом направлении.

До поры до времени эти изменения в сущности политики государств могут не обнаруживать себя, и лишь по мере накопления качественных черт, отличительных особенностей, возможен переход от сущности одного уровня к сущности иного качества и содержательной наполненности. Так, после того как отдельные социальные группы и слои осознали уникальность государственной организации общества и попытались использовать ее в своих целях, произошло изменение сущности государства, когда оно перестало быть инструментом всего общества. Оно было приспособлено выражать интересы отдельных социальных сил и групп, стоящих у власти и использующих эту власть.

Именно так происходит и в «переходный период», главная черта которого, выражающая его сущность, заключается в том, что очень узкие социальные группы, контролирующие политику ведущих государств западной военно-политической коалиции, сформулировали своей главной целью сохранение контроля не только над национальными, но и над всеми мировыми ресурсами посредством военно-силового контроля над сложившимися к началу столетия

финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире[175].

Именно поэтому в принципе в настоящее время политические и научные оценки делятся на те, которые характеризуют «переходный период» как качественный переход к военно-силовому сценарию развития ВПО, и на оценки политиков и политологов (большинства, к сожалению), которые не считают, что после 2010 года произошли такие качественные изменения.

По мере развития современного сценария ВПО к настоящему времени последние оценки становятся все менее актуальными, а их авторы менее активными. Очевидные изменения в МО и ВПО демонстрируют, что военно-силовая направленность развития ВПО по инициативе Запада приобретает **все более выраженную военно-силовую направленность, что становится трудно отрицать самым явным сторонникам Запада в России.**

К сожалению, признание этой сущности «переходного периода» далеко не всегда присутствует в разных политических и экспертных оценках сегодня. Особенно хорошо это видно на примере российских представителей правящей элиты и науки, которые вплоть до 2014 года категорически не хотели замечать происходящих негативных перемен. Более того, даже после 2014–2019 годов, периода откровенного усиления военно-силового давления на Россию, остались еще влиятельные лица, агитирующие за «взвешенный подход» к политике США и их союзников, под которым понимается, по сути, политика уступок и, в конечном счете, капитуляции.

Так, я уже приводил примеры удивительно оптимистических высказываний, характеризующих ВПО в период 2010–2014 гг. (и даже вплоть до 2020 годов) некоторых российских политологов, но, главное, поражает их «безнадежный оптимизм» в расчете на со-

175 *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Влияние санкций Запада на политический курс и экономику России. Часть II // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018, № 12, с. 7–26.

трудничество с Западом даже в условиях эскалации односторонних враждебных действий[176].

Этот не обоснованный оптимизм свидетельствует только об одном: границы, до которых готовы пойти часть представителей российской правящей элиты, могут отодвигаться до пределов ликвидации суверенитета и национальной идентичности. Не случайно В.В. Путин весной 2020 года заговорил о необходимости внесения в Конституцию страны поправок, связанных с суверенитетом (границами) и идентичностью, а в конце 2020 года были внесены поправки в УК об иностранных агентах. К сожалению, Статья № 175 об антигосударственной деятельности не используется на практике против тех, кто откровенно борется с национальной идентичностью и суверенитетом России.

В этой связи можно сказать, что главным последствием развития СО для формирования МО и ВПО становится сознательная внутриполитическая дестабилизация СО и государств, которые рассматриваются в качестве потенциальных противников Запада. Это, естественно, негативно отражается не только на региональной, но и глобальной МО. **Таким образом, происходит сознательное обострение развития МО как с точки зрения сценария развития всей глобальной МО посредством искусственного обострения, так и с точки зрения более частных аспектов внутриполитической дестабилизации СО**. Так, применительно к России этот процесс выглядит следующим образом: на уровне глобальной МО создается широкая враждебная антироссийская коалиция, которая искусственно нагнетает напряженность, а на уровне СО в регионе и в мире формируется новая военно-стратегическая реальность, которая граничит с состоянием войны — террористические и диверсионные акты, провокации и подготовка сил дестабилизации.

На мой взгляд, применительно к основным военно-политическим свойствам и особенностям, главная сущность «переходного

176 Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [*А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.*]. М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль. 86 с.

периода» определяется, прежде всего, неизбежностью эскалации политики военно-силового принуждения со стороны западной военно-политической коалиции, которая к 2025 году может достигнуть критической черты, а именно: возможности использовании военной силы на отдельных ТВД и в отдельных регионах планеты против основных противников западной коалиции. Кроме того, сущность «переходного периода» характеризуется следующими чертами[177]:

С точки **зрения трансформации мирового устройства структур МО** и ВПО, происходит процесс ускоряющейся трансформации прежних систем в новые, до конца пока еще не понятые и не осознанные, который упрощенно называется «переходом от некой однополярности к многополярности». Мироустройство постепенно переходит в новое качество, когда оно характеризуется влиянием не одной, а нескольких ЛЧЦ. Этот процесс охватывает самые разные области международных отношений — от финансов и международной торговли до идеологии и продвижения вовне систем ценностей.

Он характеризуется по-разному, но, как минимум, большинство обозревателей согласны, во-первых, с тем, что этот процесс носит глобальный и системный характер, во-вторых, что он охватывает все сферы жизнедеятельности человечества, в-третьих, что он далек от своего завершения, т. е. находится в состоянии «переходного периода». Вот как его описывают, например, М. Узан и Я. Лисоволик: «Система глобального управления, долгое время способствовавшая экономическому росту и развитию всей мировой экономики, переживает фундаментальную трансформацию — переход к многополярному устройству. Бреттон-Вудский порядок под руководством США уступает место новой конфигурации глобальной силы, новым коалициям стран, новой системе управления и новым институтам. Катализатором этого во многом становятся сами США, провозгласившие отказ от принципов глобализации. …

177 *Подберезкин А.И.* Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2016. 456 с.

В то время как глобальное регулирование теряет централизованный характер, национальные государства вновь начинают утверждать свое влияние.

Последние десятилетия прошли под знаком нарастающего «регионализма» и теперь уже региональная интеграция становится символом альтернативного экономического порядка. Ответом на эти вызовы могут стать многосторонние платформы сотрудничества, наподобие БРИКС+ или ШОС+, на базе интеграции и кооперации между региональными блоками, банками развития, суверенными фондами. Подобная модель глобализации может оказаться более устойчивой и инклюзивной в сравнении с парадигмой «центр — периферия».

Сказанное означает, на мой взгляд, что наступило время широких политических, экономических и военно-политических коалиций и новых центров силы, которые формируются на региональной и межрегиональной основе с сильной национальной спецификой стержневых государств, отражающей особенности локальных человеческих цивилизации и национальные черты. Это не простое «возвращение к государству», это — возвращение к национальным интересам и системам ценностей, которые в конце прошлого века предсказывали некоторые известные политологи, например, С. Хантингтон и А. Тойнби. Эта парадигма, которая, по мнению С. Хантингтона, «обеспечивает довольно простую и ясную систему понимания мира, позволяет определять узловые моменты многочисленных конфликтов и предсказать возможные пути развития будущего…»[178].

С точки зрения **развития глобальных тенденций,** «переходный период» характеризуется быстрым переходом к новому технологическому укладу и стремительному развитию новейших технологий, которые радикально меняют не только экономические, но и социально-политические условия существования человечества. По разным оценкам (сделанным еще несколько лет назад), этот переход может занять 10–15 лет.

178 Цит. по: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

С точки зрения лидеров западной ЛЧЦ и их союзников по широкой военно-политической коалиции, «переходный период» в этой области означает возможность сохранения с помощью новейших технологий военно-технического превосходства над остальными субъектами ВПО, а, следовательно, и контроля над существующей и будущей финансово-экономической и военно-политической ситуациями в мире.

Опираясь, прежде всего, на информационно-коммуникационные технологии, эта концепция предполагает возникновение синергетического эффекта, возникающего при трансформации преимуществ, присущих отдельным информационно-коммуникационным технологиям, в общее конкурентное преимущество за счет объединения в единую устойчивую сеть самых различных информационных систем, включая социальные сети, разведывательные комплексы, и пр.

С точки зрения **военно-политической**, 2010–2025 годы, можно назвать «переходным периодом» от противостояния государств к противостоянию широких военно-политических коалиций и отдельных ЛЧЦ, когда резко повышается степень вероятности, что подобный сценарий ВПО будет развиваться по нарастающей военно-силовой эскалации, которая стремительно усиливает внешние угрозы и вызовы самому существованию России.

Так, в операциях западной военно-политической коалиции в Ираке и Сирии на разных стадиях участвовало более 40 государств. Как правило, в одной из трех форм:

1. Непосредственного участия на территории Ирака — США, Австралия, Бельгия, Великобритания, Дания, Нидерланды, Франция; а на территории Сирии — США, Бахрейн, Иордания, Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ.

2. Вторая форма — финансовая, разведывательная, материально-техническая и иная поддержка коалиционным силам (Австрия, Албания, Венгрия, Израиль, Люксембург и др. страны.

3. Наконец, третья форма — политическая поддержка — Египет, Греция и пр. государства.

Характер новых угроз в «переходный период», как правило, вытекает, прежде всего, из увеличения экономического и технологического отставания России, растущего отставания России в научно-техническом развитии и качестве и количестве НЧК.

Более того, если полагать, что «переходный период» в МО и ВПО не просто (как любят говорить, «турбулентный»), но и кризисный, причем системно-кризисный, то Россия оказалась внутри этого общего кризиса в своем собственном системном кризисе, который затронул все основные стороны[179]:

— экономику;
— социальную область;
— идеологию;
— политическую систему;
— ценностную систему общества;
— кризис государственных институтов.

Поэтому проход через этот «переходный период» осложняется для России многократно. Он требует ясной идеологии, социально-экономического долгосрочного прогноза и планирования, способности правящей элиты к эффективному управлению. Президент В. Путин в очередной раз сформулировал эти приоритеты в своем послании Федеральному Собранию РФ 1 марта 2018 года, потребовав от правительства 7 мая подготовить принципиальный план развития России до 2024 года. Такой план (без учета внешних реалий) был подготовлен к концу сентября и также, как многие другие планы, прочно забыт.

Поэтому, с точки зрения **политического и социально-экономического развития России, этот «переходный период» станет решающим этапом**, от результатов которого будет зависеть само будущее государства и нации. Он не просто совпадает с президентским сроком В. Путина, но и его очередной не выполненной амбициозной программой, выдвинутой 1 марта 2018 года, которая в

179 *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Влияние санкций Запада на политический курс и экономику России. Часть II // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018, № 12, сс. 7–26.

случае ее реализации, позволит качественно сократить отставание в развитии России от наиболее передовых государств.

1.2.б). Главные тенденции и приоритеты мирового развития в «переходный период» с точки зрения последствий для стратегической обстановки

Полдюжины человек, создавших свои технологические империи», определяют свои действия только корпоративными нормами и ни в грош не ставят Конституцию своих государств. Запад очень быстро утрачивает терпимость к многообразию и это вызывает серьезную озабоченность[180]
С. Лавров, министр иностранных дел России

Под сущностью любого явления в политике понимается совокупность наиболее важных и устойчивых, глубинных связей, отношений, присущих данному явлению и определяющих его главные черты и тенденции развития. Применительно к государству его политике, оценке ВПО, определить его сущность — значит установить, в чьих интересах сосредоточена государственная власть, чьим интересам она служит, чью волю выражает. В нашем случае я исхожу из того, что решающими интересами выступают интересы правящей элиты США и стран-союзников, которые концентрируются в узких социальных группах, контролирующих национальные и международные ресурсы. В том числе зарубежных стран, включая Россию. Об этом свидетельствуют, например, тысячи финансируемых организаций из-за рубежа и десятки тысяч отдельных граждан, получающих прямую финансовую выгоду от такого сотруд-

180 Пресс-конференция по итогам работы МИД РФ в 2020 году. С.В. Лавров, министр иностранных дел России / Russian.rt.com/world/18/01/2021.

ничества. Эти интересы могут и нередко прямо противоречат не только общечеловеческим, но и национальным интересам. В этом смысле процесс формирования МО и ВПО — непосредственное следствие политики в области силового обеспечения интересов этих узких социальных групп.

Именно поэтому сущность «переходного периода» в развитии МО и ВПО в мире 2010–2025 годов (т. е. развитие главных свойств и качеств конкретного сценария МО и ВПО в одном из его конкретных вариантов), сложившихся после 2010 года, в России оценивается разными политиками и учеными по-разному, причем, как правило, *достаточно противоречиво и субъективно*. Во многом в зависимости от политической и идеологической точки зрения и профессиональной принадлежности.

Очевидно существование, как минимум, двух лагерей — последователей политики М. Горбачева и Б. Ельцина, которая в своих основных чертах ориентируется на «вхождение России в западную цивилизацию» на любых условиях (в том числе противоречащих национальным интересам и системе ценностей), — и широкого спектра политиков и ученых, составляющих, однако, меньшинство в правящей элите страны, ориентированных на самостоятельное развитие России. Именно разница в понимании интересов отличает оценки этих групп политиков и ученых[181].

Так, напомню, что предложенный мной выше вариант сценария развития ВПО в 2010–2021 годы, **(«Вариант № 2 — Усиления военно-силового давления») в настоящее время трансформируется в «Вариант № 2.2»)** предполагает неизбежный переход к стадии военных конфликтов в регионах и против отдельных стран. Важной особенностью этого периода является ликвидации как единого целого (девальвация институтов СНГ, ОДКБ, ЕврАзЭС), остатков постсоветского пространства и неизбежная дезинтеграция собствен-

181 Примечательно, что водораздел между ними проходит во многом по профессиональной принадлежности — гуманитарии РАН и вузов, как правило, ориентируются на Запад, а естественники- на свою страну, хотя внутри этих групп есть своя оппозиция — и в ВШЭ, и в МГИМО, и в ИМЭМО, представленная, однако, меньшинством.

но России, как единого субъекта МО и возможного будущего ядра евразийской интеграции.

Другая точка зрения, как всегда, пытается инициировать очередные компромиссы и односторонние уступки со стороны России, аргументируя такую политику «сохранением пространства для сотрудничества», «сохранением институтов сотрудничества» и т. п. даже ценою принципиальных уступок в области суверенитета и национальной идентичности.

Поэтому оценка и прогноз развития ВПО по тому или иному сценарию в будущем во многом являются следствием **субъективного отношения** («позиции») к сущности «переходного периода» и интересов отдельных социальных групп и внешних сил. Это хорошо видно на примере многочисленных работ, подготовленных в этих учреждениях, организациях и неформальных коллективах.

Главная особенность и тенденция развития человечества — быстро растущий «творческий» («креативный») класс, как по численности, так и по его влиянию в социально-политической, экономической и военной деятельности государств. Так, его численность выросла за последние 30 лет в ряде стран в 5–7 раз, а в развивающихся странах стремительно догоняет показатели развитых государств.

Институты развития НЧК и критерии развития «креативного класса» сегодня определяют уровень государственной и военной мощи, в том числе и эффективность его силовой (военной и невоенной) политики.

К началу нового века уровень технологического развития государств стал главным критерием развития человечества на фоне усреднения других критериев, — экономических, демографических и пр., а также завершения в основном оформления глобальных тенденций. От него, в конечном счете, стали зависеть основные критерии развития государств и их перспектив в будущих системах МО и ВПО. Именно такая оценка лежала в Послании Президента России В. Путина ФС РФ 1 марта 2018 года, когда он говорил о том, что «Отставание — вот главная угроза и вот наш враг». Растущее технологическое отставание стало, таким образом, главным объектом

для действий правительства, который Президент России обозначил в своем первом указе 7 мая 2018 года, где он потребовал разработать до 1 октября того же года план основных мероприятий по ускорению развития России.

Это же технологическое отставание наиболее ярко выразилось в отставании России в развитии информационных технологий. Такое отставание сложилось во многом еще во времена существования СССР. Т. е. оно уже исторически закрепилось в развитии советской и российской экономики ко второму десятилетию нового века. Но главная опасность заключается в том, что нынешний этап развития мировой экономики — информационно-технологический — охватывает все области и сферы деятельности. Т. е. является своего рода «интегральным показателем» уровня экономического и технологического развития, который, в свою очередь, является решающим фактором в развитии обществ и государств. Поэтому отставание России в области информационно-коммуникационных технологий, которое началось с последней трети прошлого века, имеет не только технологическое и экономическое, но и гораздо более широкое значение: военно-политическое и даже культурно-цивилизационное значение, отражающее глубокий системный кризис российского общества и его идентичности.

Это отставание во многом стало причиной глубокого экономического и социально-политического кризиса в СССР, но оно же продолжает оставаться во многом первопричиной низких темпов развития России сегодня. Таким образом, «круг замыкается»: отставание России на информационном этапе развития человечества ведет к неизбежному отставанию в темпах развития экономики и общества, что в военно-политической области выражается в отставании в создании средств и разработке способов силового (включая военное) насилия. В полной мере это относится к информационным средствам насилия, включая такие средства, как СМИ и сетевые ресурсы, которые до недавнего времени не относились к категории средств политического, а тем более силового принуждения.

Все эти закономерности в полной мере находят свое выражение в политике «силового принуждения», которая стала сутью

современной политики западной военно-политической коалиции во главе с США. В этой политике исключительно важную роль в последние десятилетия стали играть сетевые СМИ и другие интернет-ресурсы, контроль над которыми в настоящее время практически находится у США и их союзников. Так, уже в ходе войны в Ираке в 2003 году США активно использовали социальные сети для агентурной «противоповстанческой» работы, направленной на уничтожение очагов сопротивления.

Другая важная тенденция в развитии МО, связанная с усилением силового противоборства в международных отношениях в последнее десятилетие, ведет к стремительному нарастанию со стороны Запада политики **силового информационно-политического воздействия на Россию,** которое нередко приобретает откровенно агрессивные и даже одиозные формы. Нередко экстремистские и террористические организации выступают проводниками и исполнителями такой политики, как это видно на примере Сирии и Украины.

Традиционный акцент на противоборстве международному терроризму, который присутствовал в международной и российской политике с 2001 года, сменился на противодействие угрозам международной и национальной безопасности в области информатики, СМИ и кибербезопасности. По сути дела, это обстоятельство по-новому сформулировало для России проблему информационного суверенитета во втором десятилетии нового века, в частности, когда западные популярные сети и интернет-ресурсы стали откровенно цензурировать российские источники информации, пытаясь регулировать информационные потоки. Так, только в 2020 году по разным причинам были блокированы ведущие СМИ России, включая государственные каналы.

Таким образом, в области информации в мире сложилась ситуация, когда фактический монополизм Запада стал регулятором информационной деятельности в мире, навязывая свои нормы, правила и ценности остальным субъектам международных отношений. В этом контексте борьба с экстремизмом и международным терроризмом стала одним из аспектов более широкой поли-

тики противодействия враждебному информационному влиянию и укреплению информационного суверенитета.

В международной области, по понятным причинам, наша политика носит достаточно ограниченный характер, концентрируя внимание на противодействии международному терроризму, экстремизму и киберпреступности. Даже в этих областях она далеко не всегда находит поддержку у медийных монополистов Запада, которые рассматривают свое превосходство в этой области в качестве очень эффективного средства политики «силового принуждения».

Поэтому основной акцент в правовой деятельности по противодействию враждебного информационного влияния был сделан в области национального законодательства, которое за короткий период динамично прошло достаточно большой путь от игнорирования медийного влияния из-за рубежа до разработки мер по его противодействию. В частности, модернизация конституционных положений, в рамках которой информация, информационные технологии и связь, а также обеспечение безопасности личности, общества и государства при применении информационных технологий, обороте цифровых данных включены в сферу ведения Российской Федерации, отражает поступательное развитие отношений по реализации государственного суверенитета в информационном пространстве.

Предпринимаемыми нашим государством мерами продолжается формирование системы международной информационной безопасности. В конце декабря 2019 г. Генеральной Ассамблеей ООН поддержана инициатива Российской Федерации по разработке международной конвенции о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях (далее — Конвенция). Начало подготовки нового всеобъемлющего документа стало результатом длительной дипломатической работы.

С военно-политической точки зрения основным содержанием «переходного периода» к новой парадигме развития ВПО в 2019–2025 годы будет ускоренное развитие силовых, вообще, и военных, в частности, возможностей США и всей западной ЛЧЦ. Если говорить просто, даже упрощенно, то в период 2019–2025 годов

западная ЛЧЦ попытается добиться увеличения силового вообще и военно-технического превосходства, в частности, над другими ЛЧЦ и центрами силы, до такой степени, которая позволит ей **контролировать дальнейший процесс развития** не только МО и ВПО, но и других ЛЧЦ посредством проведения политики их «силового принуждения»[182].

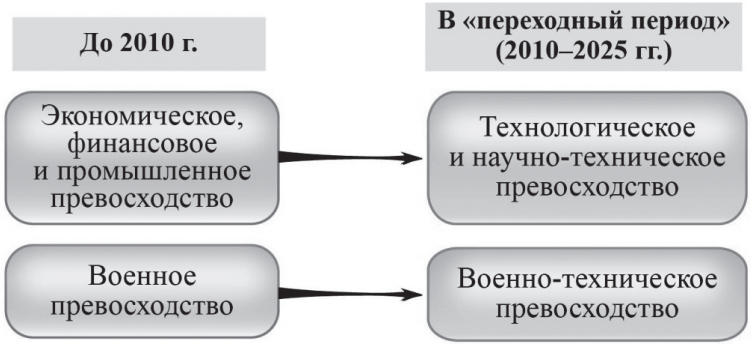

Рис. 8. Приоритеты США и их союзников в период формирования «однополярного» мира в «переходный период».

Кроме того, именно при Д. Трампе произошло органическое смыкание ставки на военно-технологическое превосходство и лидерства США на новом этапе (4-м) промышленной революции. В 2017–2018 годах по его прямому поручению была разработана долгосрочная программа развития военных технологий в сочетании с новыми военно-промышленными возможностями. В частности, возможностями развития систем ПРО и гиперзвукового оружия[183].

В этом смысле приход к власти в США Д. Трампа отнюдь не случайное явление. Как и его подход к быстрому наращиванию военных расходов, которые в 2019 ф.г. составили 719 млрд. долл. (не

182 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Информационно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018, № 4 (339), сс. 22–25.

183 Strategic Consequences of Hypersonic Missile Proliferation. Report NSRD RAND. Wash. 2019. 133 p.

считая скрытых статей) без учета роста военных расходов союзников США по военно-политической коалиции, от которых США также требуют наращивания военных расходов. Простой прогноз предполагает, что к 2025 году, т. е. завершению «переходного периода», военные расходы коалиции (включая Японию, Саудовскую Аравию, Австралию и другие страны) существенно превысят 1700 млрд. долл. Это будет в 20–25 раз больше чем расходы России и в 3–4 раза больше, чем у КНР, что должно не только сохранить, но и увеличить военное превосходство западной коалиции[184].

Вместе с тем, неизбежные риски усиления военно-силового противостояния, в особенности, связанные с сознательной военной эскалацией, требуют, чтобы политических целей добивались силовыми, но, по возможности, невоенными средствами и способами. Война США в Афганистане и Ираке (а до этого во Вьетнаме и Корее) дорого обошлась экономически и демографически стране, что, к сожалению, уже забывается у части американской правящей элиты, которая уже «отошла» от «вьетнамского и «корейского» синдромов. Но, главное, новые технологические возможности, прежде всего в области информатики и связи, предоставляют, как считают в США, качественно новые средства политического и военного насилия. Эти новые средства насилия, основанные на технологическом (прежде всего, информационном) превосходстве Запада, значительно расширяют силовые возможности политического влияния[185].

При этом в основе такой установки на силовое превосходство находится оправданная точка зрения, в соответствии с которой будущее соотношение сил в мире будет определяться, прежде всего, соотношением сил в области науки и технологий[186].

184 *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: МГИМО-Университет, 2018, сс. 230–272.

185 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Информационно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018, № 4 (339), с. 25.

186 Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. *А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина*. М.: Издательство ЛКИ, 2014, сс. 7–60.

Это соотношение в последние несколько десятилетий стремительно меняется в пользу США во многом именно благодаря их технологическому, стремительно нарастающему лидерству, которое трансформируется в политическое и экономическое влияние практически в течение нескольких лет. Если посмотреть, например, на график капитализации крупнейших технологических компаний США за последние 15 лет, то легко увидеть, как растет это влияние. По сути, одновременно с ним растет и влияние военно-политической коалиции, созданной США в конце прошлого века потому, что западная цивилизация основывается на использовании своей технологической мощи[187].

На мой взгляд, темпы роста наиболее крупных наукоемких компаний США свидетельствуют о том, что они быстрее других стран-лидеров переходят к новому технологическому укладу, получая огромные политические и военные преимущества перед другими центрами силы. Действительно, самые первые по капитализации мировые компании — это американские наукоемкие кампании, чья капитализация в 2018 году превысила 1000 млрд. долларов, превосходящие в несколько раз такие российские гиганты как «Газпром» и «Роснефть». Достаточно посмотреть на темпы капитализации только четырех наукоемких компаний, чей совокупный ВВП уже превосходит национальный ВВП России. (Рис. 9)

Вместе с тем считается, что в последние годы, по мере усиления «многополярности», усиливается и влияние антиамериканского блока, в который кроме России, КНР, Ирана, КНДР и нескольких других стран входят ряд акторов. А. Афанасьев, например, пишет, что «Антиамериканский блок получается довольно мощный, с пятой колонной в НАТО, и остановить его развитие у США без войны — скорее всего не получится. Проще всего договориться с Китаем — но это только на первый взгляд. Китай наиболее опасен в

187 См. подробнее об особенностях развития МО: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберезкин и др.* М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017, сс. 34–44.

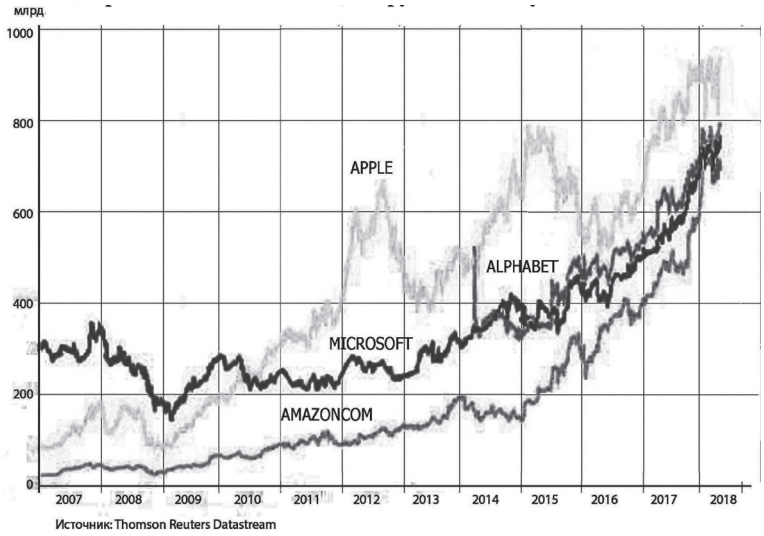

Рис. 9. Рост рыночной капитализации крупнейших наукоемких компаний.

долговременном плане и США договоренность с Китаем нужна меньше всего. Трамп, кстати, прозорливо попытался начать разрушение антиамериканского блока с России — но Конгресс поломал ему всю игру и тем самым кардинально ухудшил геополитическое положение США»[188], что является, на мой взгляд, заведомым преувеличением. Иными словами, стремительно растущая технологическая мощь США компенсирует их объективное и неизбежное относительное отставание от новых центров силы в экономике.

«Переходный период» до 2025 года покажет насколько технологическая мощь США сможет компенсировать растущую экономическую мощь КНР. Не случайно то, что Д. Трамп объявил самой главной угрозой для США планы КНР стать мировым технологическим лидером к 2025 году. Акции США в отношении КНР в 2018 году во многом были мотивированы именно стремлением США

188 *Афанасьев А.* Как рухнут США. Эл. ресурс: «Международные новости». 16.08.2018 / URL: http://x-true info/72955

ограничить утечку технологий и затруднить для КНР технологическое развитие. Этим же объясняется и подлинный смысл санкций против России, которая, по мнению правящей элиты США, должна технологически закрепиться среди отсталых государств, что автоматически ликвидирует ее военно-политические амбиции.

Правда, следует оговориться, что некоторые эксперты, в т. ч. А. Афанасьев, считают, что этот стремительный технологический рост не подкреплен реальным ростом экономики, что он базируется на трех вещах:

1. Моде.

2. Возвратом в США большого количества долларов с мировых рынков.

3. Байбеками.

Но именно эти три «вещи» и являются двигателями наукоемкой экономики.

Надо сказать, что Д. Трамп именно с таких позиций рассматривает возвращение США экономического лидерства — через опережающее промышленно-технологическое развитие и НИОКР. Таким образом, опережающее технологическое развитие США и ряда их союзников означает, что они используют самый мощный и динамичный фактор современного развития экономик и государств, который намного важнее чем прежние факторы роста — демография, ВВП, природные ресурсы.

При этом сознательная и принципиальная ставка на технологическое превосходство стала приоритетом американской политики уже достаточно давно (в очередной раз подтвержденная Б. Обамой), превратившись в основной принцип, на котором публично эта политика основывается[189]. Преемственность в этой области, как и в области опережающего финансирования НИОКР, сохраняется особенно настойчиво с начала «переходного периода», совпадающего с временем правления Б. Обамы.

Это означает, в конечном счете, ничто иное как будущую политическую победу западной ЛЧЦ над другими ЛЧЦ и центрами

189 См., например: The National Security Strategy of the US of America. Wash., 2015, jan.

силы, которая может быть достигнута посредством решения следующих задач в области развития технологий в «переходный период»[190]:

— в «переходный период» характерно применение самого широкого спектра силовых средств и способов политики «новой публичной дипломатии», в основе которых лежат новейшие технологии. По сути дела, технологическое превосходство гарантирует США превосходство когнитивно-информационное, в навязывании другим субъектам ВПО ложных ценностей и норм, которые ведут к их внутриполитической дестабилизации. Фактически США контролируют, по оценке Б. Обамы, более 90% СМИ и интернет-ресурсов, что позволяет им с**оздавать необходимую информационно-когнитивную среду и использовать это превосходство в качестве инструмента политического насилия.**

Использование СМИ и интернет-технологий, прежде всего, социальных сетей, создание киберкомандования США и специального командования по руководству операциями против России, огромные дополнительные инвестиции в эти области администрации Д. Трампа, превысившие в 2019 ф.г. 900 млрд. долл., наконец, расширение полномочий войск киберкомандования — эти и многие иные шаги свидетельствуют о том, что политические установки «силовой политики» получили новые огромные технологические возможности;

— в «переходный период», по мнению правящих кругов США, опережающее технологическое развитие на новой фазе экономического и промышленного развития, сделает возможным **пересмотр, во-первых, сложившейся системы международных и военно-политических отношений,** отказа от достижения равноправных договоренностей и компромиссов, а, во-вторых, обеспечит им **слом сложившейся системы международной безопасности и институтов, формирование новой**

190 *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018, сс. 71–118.

МО и ВПО, ориентированной на интересы США и их широкой военно-политической коалиции;

— наконец, технологическое превосходство, как правило, автоматически трансформируется не только в военно-техническое превосходство, которое связано непосредственно с использованием военной силы в качестве инструмента решающей политической победы, но и в превосходство в государственной мощи, общее соотношение сил[191]. Подобная логика неизбежно толкает на эскалацию в развитии военно-силовых сценариев ВПО, которая оставляет нерешенным единственный вопрос — сохранение эффективного контроля над эскалацией, в крайнем случае, когда остальные силовые инструменты политики оказываются не эффективными[192].

Именно поэтому невоенные силовые инструменты политики (прежде всего когнитивно-информационные) самого широкого спектра начинают играть исключительно важную роль: добиться с помощью силовых инструментов политической цели без перехода к открытому военному конфликту, — это одна из самых древних и эффективных стратегий человечества, о которой писал еще великий китайский ученый Сунь Цзы.

Среди таких силовых невоенных инструментов, которые способны решить стратегические задачи политики, огромное значение приобрели средства массовой коммуникации и информации, прежде всего, социальные сети. Причем не только потому, как считают российские специалисты, что они традиционно использовались в качестве средства влияния и убеждения[193] (т. е. «мягкой силы»), но и потому, что они активно используются в целях обмана, откровенной дезинформации и политического принуждения. «Фейки»,

191 Законы истории: Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития / отв. ред. *А.В. Коротаев, Ю.В. Зинькина*. М.: Издательство ЛКИ, 2014, сс. 7–60.

192 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: учебно-методический комплекс. В 2-х т. Т. 2. М.: МГИМО-Университет, 2017, сс. 64–83.

193 *Зиновьева Е.С.* Цифровая публичная дипломатия как инструмент урегулирования конфликтов / В монографии: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание / под ред. *М.М. Лебедевой*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017, сс. 54–69.

вброшенные в массовом порядке через социальные СМИ, стали, например, отличительной чертой поведения политической и общественной элиты Украины, которая ежедневно по нескольку раз воспроизводит «новости» нередко нелепого и абсолютно бессмысленного содержания.

Но не только. В США и Великобритании, да и в ряде других стран, именно в 2010–2020 годы стало нормой использование в сетях заведомо ложной и даже абсурдной информации, которая, как правило, никогда не находила подтверждение, либо изначально сознательно искажала действительность. Так было, например, при обвинении России в уничтожении пассажирского «Боинга» над Украиной, «спортивными скандалами», «делом Скрипалей» и другими масштабными «фейками».

Вместе с тем, не только в целях дезинформации и обмана, но и реального продвижения политического курса, социальные сети стали влиятельным личным инструментом многих политических лидеров, включая Д. Трампа, который ежедневно размещает в них по нескольку новостей. «Личная», «Твиттерная», дипломатия привела, в частности, как минимум, к двум последствиям:

Личные публикации во многом позволяют не только быстрее, но и «гибче», даже сознательно безответственнее, относиться к внешнеполитическим демаршам, используя ложные и сознательно «ошибочные» инициативы для проверки реакции партнера, либо введения его в заблуждение. Кроме того, политика все дальше отдаляется от дипломатии, оставляя для нее место в масштабе протокола.

Это означает, прежде всего, что в США пересматривают отношение к военной мощи и ее роли в будущей МО и ВПО, что не может не означать открытой милитаризации, внешней политики, которая, однако, будет стремиться избегать применения грубых военных форм насилия до тех пор, пока это будет возможно. Не из-за гуманистических, а сугубо из практических соображений.

В целом, мы видим, что формирование военно-силовой политики западной коалиции в «переходный период» происходит под влиянием противоположных тенденций, которые требуют поиска

новых, не стандартных решений от Запада, что выливается в особенный военно-политический курс западной коалиции, отличающийся от наступившего «переходного периода». Очень упрощенно этот новый курс, формирующийся под влиянием противодействующих тенденций, можно изобразить следующим образом:

Таблица 4. «Переходный период»: противоречия в развитии западной военно-политической коалиции

Тенденции снижения значения роли западной ЛЧЦ в МО и ВПО:	Тенденции усиления значения роли западной ЛЧЦ в МО и ВПО:
– количественные демографические изменения, которые компенсируются наращиванием высокого качества человеческого капитала	– военно-политическая коалиция, основанная на общих интересах и системе ценностей, превращается в обязывающий союз, основанного на двусторонних отношениях с США
– изменения в доли ВВП стран-участниц западной коалиции, которые компенсируются качество и ВВП и новейшими технологиями;	– закрепление военно-технологического превосходства;
– изменения в промышленном производстве, которые сознательно стимулируются (в т. ч. и через ВПК) опережающими темпами промышленного развития;	– ускоренный рост военных расходов;
– развитие «среднего класса», НЧК и институтов в новых центрах силы, которые пока что отстают от тенденций на Западе	– ослабление потенциальных противников посредством санкций и внутриполитической дестабилизации
– снижение доли Запада в мировой торговле	– опережающий качественный рост НЧК и его институтов

Таким образом, Россия стоит перед периодом радикальных перемен в МО и ВПО, вызванных усилением военно-силового противостояния, который открыто угрожает самому ее существованию как государства и ее идентичности, как нации. Ему, по всей вероятности, будет предшествовать очень короткий период (2019–2024 годов), ко-

торый я бы назвал «переходным периодом» «фазового перехода» к новому качеству МО и ВПО, когда сложится их новая структура[194]. Таким образом, вероятно, что этот период будет иметь отсроченный переходный характер, когда изменения в соотношении сил проявят себя более качественно и выразятся в радикальном изменении в соотношении сил, которое, в свою очередь, приведет к формированию новой структуры МО и ВПО после 2025 года.

Так, можно ожидать, что демографически между КНР и Индией это произойдет после 2025 года. На рисунке ниже показано, что демографические потенциалы КНР и Индии количественно сравняются к 2025 году, а качественно — многое будет зависеть от усилий правительств. В КНР, например, за последние десятилетия высшее образование получило более 400 миллионов граждан. В это же время — экономически и в военном плане — могут произойти аналогичные перемены. Очевидно одно: будущая структура ВПО в мире будет радикально отличаться от нынешней, что, однако, не означает, что все эти изменения будут происходить автоматически.

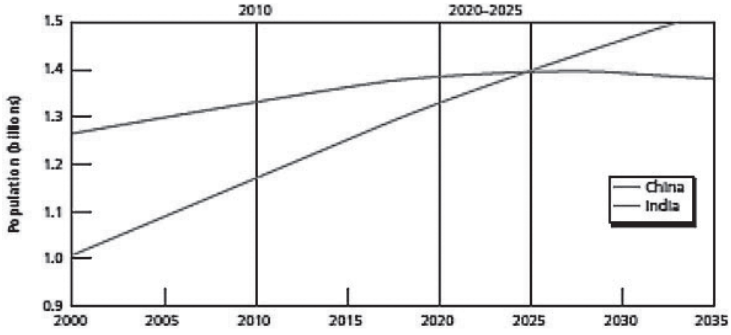

Рис. 10. Тенденции демографического развития КНР и Италии [195]

194 *Подберезкин А.И., Александров М.И., Родионов О.Е.* и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография. М.: МГИМО-Университет, 2018, сс. 41–47.

195 China-India in 2030: A Net Assessment, p. 16 / URL: http://www.defence.gov.au/ ADC/Publications/Commanders/2012/01_India%20-%20China%20NA%20-%20Full%20Paper%20v16%20-%2015%20Dec%2011%20-%20final.pdf

Кроме того, развитие новых силовых средств противоборства, прежде всего в области информатики, связи и социальных сетей может привести к началу 2020-х годов к качественным изменениям в отношениях между ЛЧЦ, обострив их до состояния полномасштабных военных действий. Первые признаки наблюдаются уже сегодня, когда атаки на сети потенциального противника измеряются сотнями тысяч. До прямого и открытого противоборства дело не дошло, хотя к нему уже призывают открыто как в США, так и среди их союзников.

Пока что стратегия США укладывается в классическую формулу:

а) планирования операций;

б) переход в доминирующую операцию;

в) победа;

г) операция по стабилизации;

д) закрепление результата.

Если эта формула уже не раз использовалась в Югославии (стадии «а» — «в»), Афганистане, Ираке (стадии «а», «б» и «в»), то применительно к крупным участникам мировой ВПО — России и КНР — эта формула реализуется пока что только на этапе «а)» и «б)». Опасность прямого военного столкновения хорошо иллюстрирует отношения между военными России и США в Сирии, но обращает на себя внимание, что аспекты стратегического военного противоборства стали частью публичной риторики. Так, примечательно в этой связи недавнее исследование, подготовленное в РЭНД, которое посвящено анализу последствий различных по масштабу войн США и КНР с использованием ЯО.

Особое значение, которое в будущем развитии МО и ВПО будет иметь период 2019–2025 годов, может заключаться в переходе к новой силовой (открыто военной) парадигме противостояния западной ЛЧЦ с некоторыми ЛЧЦ и центрами силы, прежде всего, российской ЛЧЦ[196]. Такой переход возможен, даже вероятен, пото-

196 Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [*А.И. Подберезкин* (рук. авт. кол.) и др.]. М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль, 86 с.

му, что сами по себе изменения в экономике и демографии не ведут к изменениям военно-политическим, которые можно отложить, либо даже игнорировать, опираясь на военную силу[197].

Опасность заключается в том, что развитие кибернетического оружия, РЭБ, сетевых средств массовой информации и интернет-ресурсов (переход к веб 2.0 и веб 3.0 технологиям) может достигнуть в «переходный период» некой критической точки, когда их системное и массовое применение может показаться эффективным с точки зрения установления контроля над государственными и общественными институтами потенциального противника. Либо с точки зрения смены политической элиты и внутриполитической дестабилизации, что стало главной целью США по отношению к России в последние годы. Именно в «переходный период» США радикально сменили традиционные цели использования военной силы на цели внутриполитической дестабилизации и замены правящей элита России.

Строго говоря, собственно огневая мощь и вооруженные силы в этом случае могут и не использоваться. Вполне достаточно может быть этих ресурсов для того, чтобы правящая элита противника признала свое поражение и отказалась от суверенного права на управление. Эта новая модель ведения вооруженной борьбы без собственного оружия может быть условно названа как «информационно-когнитивный вариант», когда противник постепенно, но в течение нескольких лет признает чужую систему ценностей и интересов в качестве своей. Примерно так, как это произошло в 1988–1991 годы в СССР и в 2004–2014 годы на Украине.

В этой связи огромное значение приобретает точный анализ и прогноз развития возможных сценариев развития МО и их вариантов на новых этапах существования человеческой цивилизации, и развития науки и техники, когда будут доминировать уже новые технологические и социальные парадигмы. Особенно после 2021–2022 годов, когда очень велика, даже неизбежна вероятность

197 Об этом я предупреждал еще в 2014 году. См., например: *Подберезкин А.И.* Вероятные сценарии развития международной обстановки. М.: МГИМО-Университет, 2015.

изменения всей парадигмы мирового технологического и экономического развития, появление возможности создания принципиально новой политической картины мира. Эти перемены в МО могут быть вполне сопоставимы с переменами после Второй мировой войны, когда в мире появились два бесспорных противостоящих друг другу центра силы. Прогнозировать возможность такой смены парадигм даже в среднесрочной перспективе (до 10 лет) крайне трудно, но необходимо, ведь от них, в конечном счете, зависит вся будущая МО и ВПО[198].

Таким образом, в течение короткого периода времени 2022–2023 годов характер развития сценариев МО и особенно ВПО может радикально измениться, хотя соотношение сил и потенциалов противостоящих сторон за этот же период времени изменится незначительно, либо даже вообще останется на прежнем уровне. Это означает необходимость учета новых рисков принципиального характера, не предусмотренных в прогнозах нашей экстраполяции развития сценариев МО и их вариантов не только до 2040 года, но и даже более раннего периода. Вероятность такой смены технологических парадигм остается для 2021–2023 годов и ее необходимо учитывать при планировании.

С точки зрения обеспечения безопасности страны, подобное отставание России на фоне ускоренного развития других центров силы в мире (например, в августе 2018 года некоторые международные рейтинговые агентства заявили, что Шанхай по объему своих научно-технических разработок уже обогнал район Калифорнии) для России чрезвычайно опасно, более того, несет в себе опасность цивилизационной угрозы, по нескольким фундаментальным причинам:

— Усиление военно-силового противостояния и ставка на политику «силового принуждения» со стороны Запада тем эффективнее, чем ниже темпы технологического и социально-экономиче-

198 *Подберезкин А.И., Александров М.И., Родионов О.Е.* и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография. Под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова*. М.: МГИМО-Университет, 2018, сс. 30–31.

ского развития России потому, что позволяет разрабатывать и использовать **самый широкий набор силовых** инструментов — от собственно военных до информационно-пропагандистских, — которых нет у другой стороны (например, в области кибероперациий и РЭБ) для силового принуждения противника к действиям, противоречащим его интересам, более того, способных привести к его военному поражению.

Развитие новейших технологий вновь поставило перед Россией задачу своевременной и эффективной защиты от прорывных военно-технических результатов, как это уже было в годы изобретения ядерного оружия и ракетной техники, угрожающих, прежде всего, информационной безопасности, обществу и государству[199];

— Растущее отставание России неизбежно сказывается на внутриполитической стабильности в России и суверенитете ее правящей элиты, способности принимать адекватные решения. Относительно невысокий рейтинг НЧК и его институтов, низкие доходы огромного числа граждан и стимулируемая извне напряженность неизбежно ведут к внутриполитической нестабильности. Так, санкции 2014–2018 годов привели к скачку инфляции, расширению слоя бедных и нищих в стране, обесцениванию рубля и другим последствиям, хотя и не вызвали ожидавшегося на Западе роста протестных настроений, которые должны были привести к замене элиты.

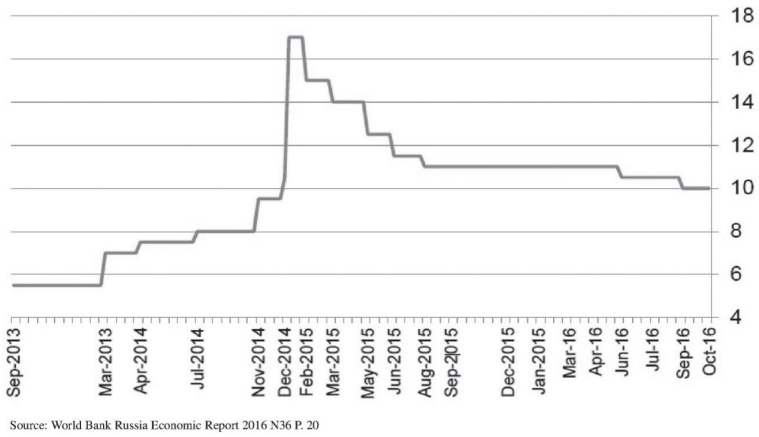
К 2018 году в США и в странах Западной Европы[200] было общепринято (и вполне справедливо) считать, что последствия для России политики санкций в 2014–2017 годах привели к тому, что:

— ускорилась инфляция, в особенности в области продовольственных товаров и услуг;
— на 50% обесценился рубль по отношению к доллару;

199 **Информационная безопасность** — *зд.:* состояние защищенности общества и государства от угроз суверенитету, ценностям и развитию (См. подробнее: Президент РФ В.В. Путин. Указ 3646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации»).

200 *Nelson R.M.* U.S. Sanctions and Russian Economy. Congressional Research Service. February 17, 2017.

— заметно увеличилась численность бедных и нищих;
— сократился импорт и экспорт порядка 30%;
— сократился до отрицательного рост ВВП в 2014–2016 годы;
— был создан дефицит бюджета (до 3,5%) и сократились золотовалютные резервы (более чем на 150 млрд. долл.);
— несколько раз повышалась ставка рефинансирования, что привело к банковскому кризису, что хорошо видно на следующем графике:

Source: World Bank Russia Economic Report 2016 N36 P. 20

Рис. 11. Ключевая ставка (рефинансирования), %

— а также другие экономические и социальные последствия.

Вместе с тем, на Западе признают, что:

Во-первых, была не достигнута главная, внутриполитическая, цель — ухудшение социально-экономической ситуации в России радиально не повлияло пока что на уровень политического доверия к руководству страны. Т. е. на внутриполитическую стабильность.

Во-вторых, ухудшение социально-экономической ситуации в стране вызвано разными причинами, что хорошо понимают граждане: трудно сказать наверняка, что негативные явления в экономике и торговле в 2013–2018 годах полностью стали следствием

санкций. Так, падение стоимости экспорта некоторых стран, по отношению к которым санкции не применялись, в эти годы также сократилась.

К началу 2018 года ситуация в российской экономике исправилась и вышла на скромный, но устойчивый рост, — отмечает рейтинговое агентство Fitch: «Долгосрочный кредитный рейтинг страны в иностранной валюте аналитики подтвердили на инвестиционном уровне «BBB» с «позитивным» прогнозом, краткосрочный — на уровне «F3». Позитивный прогноз «отражает продолжающийся прогресс в укреплении экономической политики, основанный на более гибком валютном курсе, твердой приверженности инфляционному таргетированию и устойчивой бюджетной стратегии»[201].

Вместе с тем этот устойчивый рост равносилен растущему экономическому и технологическому отставанию, которые неизбежно отражаются на внутриполитической стабильности в России. Учитывая, что именно российская правящая элита — основная цель политики «силового принуждения»[202], против которой используется весь спектр средств насилия, это обстоятельство становится решающим в вопросе обеспечения национальной безопасности;

— Отставание России в социально-экономическом и научно-техническом развитии неизбежно будет вести к дальнейшему отставанию в технологической области, национального человеческого капитала[203] и институтов его развития, которые в настоящее время, в свою очередь, в решающей степени определяют темпы развития нации и экономики, и характер «переходного периода» от одного уровня технологического уклада к другому[204].

201 Fitch отметило устойчивость российской экономики к санкциям США. Эл. ресурс: «ТАСС». Подробнее на РБК: URL: https://www.rbc.ru/economics/18/08/2018/5b7738449a794737af02361a

202 *Gompert D., Binnendijk H.* The Power to Coerce. Cal., RAND, 2016, pp. 3–41.

203 *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО. Т. 3. 2011.

204 Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. Под ред. *М.М. Лебедевой*. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017, сс. 42–46.

Это, в свою очередь, означает, что весь спектр развития средств и способов «силового принуждения»[205] современной политики западной военно-политической коалиции — от новейших ВВСТ до СМИ и средств массовой коммуникации, — социальных сетей, технологий развития когнитивных способностей и т. д. в России будет неизбежно отстающим. Так, например, если до начала 2020 годов в основном российские ВВСТ будут характеризоваться модернизированными (иногда глубоко) системами и видами, то новые поколения оружия и техники, разработанные на основе последних достижений фундаментальных наук и современных НИОКР, появиться если и смогут, то с огромным трудом и в ограниченных областях.

При этом исключительно важное значение среди этого набора силовых инструментов политики «силового принуждения» приобрели средства массовой коммуникации и информации, интернет ресурсы самого широкого профиля и социальные сети, а также средства кибервойны. Уровень их развития — в ВВСТ, системах управления, в гражданских областях и в целом в обществе — отражает общий уровень информационно-технологического развития России.

Рост их значения в 2014–2018 годы уже привел к тому, что они превратились в мощный политический инструмент, который, как известно, в кампании Д. Трампа 2016 года играл даже более важную роль, чем электронные СМИ.

И, наоборот, в организации «сопротивления» тому или иному режиму, против которого готовились акции силового принуждения США, социальные сети выступали в качестве инструмента организации беспорядков и внутриполитической дестабилизации. Особенно в террористических и экстремистских организациях. Такой «информационный джихад», как правило, осуществлялся в трех основных формах:

1). Социальные сети, блоги и форумы (профили «Имарат Кавказ» в сетях «Facebook», «ВКонтакте», «Одноклассники», в «Живом

205 Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. Под ред. *А.И. Подберезкина.* М.: МГИМО-Университет, 2015. Т. 1. Теоретические основы системы анализа, прогноза и планирования внешней и оборонной политики. –2015, сс. 112–123.

журнале», но особенно в сервисах Twitter, а также на специализированных исламских форумах «независимых» информагентств («спаляф-форумах») и агентств «Джаамат» и др.

2). Сайты «вилаятов» «Имарата Кавказ» и пр.

3). Чаты (Kavkazchat, IRV).

С точки зрения организационно-политической, возможности социальных сетей и форумов широко использовались для сбора средств на финансирование (по некоторым оценкам, до 80%) и вербовки наемников. В частности, на платформах «Одноклассники» и «Вконтакте» присутствуют тематические группы для сбора средств и «пожертвований» для «братьев по вере». Для перечисления средств боевиками используются системы «Яндекс. Деньги», номера мобильных телефонных карт, карт Сбербанка, Россельхозбанка и других.

Следует подчеркнуть, что деятельность в социальных сетях организована на высоком профессиональном уровне программистов, дизайнеров, контент-редакторов. В особенности в Ираке и в Сирии, где проявилось «творчество» в демонстрации актов террора и публичного уничтожения не только военных, но и гражданского населения. Широко известен случай, когда террористы публично сожгли (и показали в сетях) иорданского летчика, водителей грузовиков, учителей и даже священнослужителей.

При этом используются социальные сети как самостоятельно, так и для дублирования других СМИ, в том числе печатных. Террористические организации в Сирии, например, ежедневно работают в интернете в любых форматах, которые удобны читателю, — pdf, Word, Epub, Fb2, Ibooks и т. д. Но что самое главное — среди подписчиков и участников различных групп в социальных сетях проходит первый этап отбора и вербовки будущих участников. Канал Telegram, например, используется не только в качестве СМИ (в самых разных тестовых и видео–формах), но и для распространения инструкций, приказов, призывов и т. п., а также методичек для изготовления бомб и других диверсий.

Наконец, третий аспект — внедрение вирусов и сбор информации с помощью социальных сетей — превратилось в глобальную супероперацию США, осуществляемую СНБ и специальным Отде-

лом специализированного доступа, который к 2010 году уже имел свои разведывательные устройства почти в 100 000 компьютерных системах более 85 государств.

В любом случае кибероперации, частью которых стало использование социальных сетей с 2000 года, стали политическими инструментами, которые при необходимости используются в военных целях. Как использование социальных сетей, так и кибероружия стало с начала первого десятилетия специальным решением, принимаемым в США только на уровне президента. «В этом смысле оно имеет много общего с ядерным оружием», — писал известный автор Шейн Харрис. В этой связи обращает на себя внимание, например, решение Д. Трампа, принятое в августе 2018 года, о расширении полномочий Военного компьютерного командования США, в котором недавно был создан специальный Отдел по противоборству с Россией.

1.2.в). «Переходный период»: главная особенность эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2020–2035 гг.)

В прошлом военная подготовка и военная теория строились на основе тщательногоизучения всего лишь одной или двух кампаний. ... В физической области единственным неизменным фактором является то, что средства и условиянепрерывно меняются[206]

Бэзил Лиддл Гарт, военный теоретик

Главное отличие «переходного периода» от других периодов в развитии военно-политической обстановки в мире (накануне Первой мировой и Второй мировой войн, в годы холодной войны и «однопо-

206 *Бэзил Лиддл Гарт*. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, 2018, с. 25.

лярного мира») заключается в том, что это своего рода «точка бифуркации»[207], когда происходит чрезвычайно быстрая и качественная смена политических, военных и моральных представлений о возможностях применения военной силы и поколений ВВСТ и, как следствие, способов их использования, которое создает иллюзию (а, может быть, отчасти, даже и реальность) того, что с помощью прямого, физического, применения военной силы можно решить накопившиеся международные проблемы — быстро и радикально, но, главное, *относительно безопасно.* Военная политика США в новом столетии именно вследствие такого перехода стала ясно ориентироваться на прямое использование военной силы против широкого круга государств, включая «технологически развитых и обладающих военной мощью»[208].

Условно, начало этому процессу было положено с исчезновением ОВД и СССР в начале 90-х годов, которое означало радикальное изменение в соотношении военных сил. Так, появление и быстрое развитие качественно нового состояния ВПО в этом направлении привело к первой послевоенной бомбардировке европейского государства — Югославии, — обеспечило победу США в Афганистане за 2 месяца, а в Ираке и в Ливии — за 1 месяц.

Использование ВКС России в Сирии фактически подтвердило эту закономерность как достаточно универсальное явление, плодами которого, однако, стали пользоваться, прежде всего, США. Приход к власти в США Д. Трампа закрепил эту тенденцию, сделав ее безальтернативной, — технологическое лидерство в военной области, всегда бывшее приоритетом в политике США (даже при старой политике сохранения стратегического сдерживания), стало формально закрепленной целью внешней и военной политики[209].

---

207 **Бифуркация** — *зд.:* разделение на две («би» — два) ветки чего-либо, что обозначает два качественно отличных варианта развития предстоящих событий. Применяется для определения происходящих изменений, перестроек, метаморфоз. Например — бифуркация рек — разделение устья реки на две ветви.

208 *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель, 2018. № 11, сс. 7–8.

209 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университет, 2018, № 6, сс. 142–143.

Так, в новой концепции развития ПРО, озвученной в декабре 2018 года, стратегическое сдерживание не упоминается вообще ни разу, а ядерные силы достаточно откровенно ориентируются на нанесение первого «разоружающего» удара.

Такой «технический» результат вновь поставил не новый классический вопрос[210] о соотношении основных понятий «война» и «политика», которые, как казалось многим в 80-е годы прошлого века были решены достаточно определенно в пользу «бессмысленности применения военной силы», чему были посвящены в те годы тысячи работ. Модная тогда мысль о том, что «военная сила потеряла свое значение», повторялась многократно и на всякие лады самыми разными политологами, которые забывали, что она была справедлива при определенных условиях, которые, как говорил Бэзил Лиддл Гарт, «непрерывно меняются».

Именно такое очередное изменение внешних условий произошло в XXI веке, когда ВПО стала формироваться во многом под влиянием одного из лидеров, превратившихся в новом столетии в безусловного военно-технологического лидера — США. При этом общее правило военной науки, когда средства и способы военных действий зависят от уровня развития экономики (и технологий) и общества, — в полной мере проявляются и в настоящее время: мы ежедневно становимся свидетелями бурных достижений военно-технической революции, которые качественно меняют наши представления о средствах ведения войны и способах ведения войн и конфликтов (только за последнее десятилетие появились КР большой дальности и точности, гиперзвуковые ЛА, ударные беспилотники, роботизированная бронетехника и т. д.)[211]. Но это общее правило во многом реализуется именно под влиянием

210 См., например: *Шапошников Б.М.* Мозг армии. М.: Общество сохранения литературного наследия, 2015, с. 653.

211 Естественно, что США беспокоит возможность использования этих новейших систем третьими странами, что иногда формально приводит к поддержке инициатив, например, об ограничении некоторых систем и видов ВВСТ, которые не выгодны США. См.: Strategic Consequences of Hypersonic Missile Proliferation. Report NSRD RAND. Wash. 2019, 133 p.

США и их союзников, которые заняли лидирующие позиции в наращивании военных потенциалов в новом столетии, «задавая темп» производством и торговлей ВВСТ (более 75% мирового производства и торговли).

Известно, что при самом лучшем стратегическом планировании остается до конца недооцененное влияние двух групп факторов[212]:

— во-первых, объективных факторов и тенденций, а,
— во-вторых, субъективных, личностных факторов. Так, среди объективных факторов наиболее влиятельным выделяется технологический фактор.

Например, как считает PW, среди объективных факторов могут быть следующие пять ведущих, основных, которые окажут неизбежно влияние на развитие политики отдельных ЛЧЦ, центров силы, их коалиций и отдельных государств:

— развитие технологий;
— демографические изменения;
— сдвиги в расстановке экономических сил;
— изменения в области климата и ресурсов;
— процессы урбанизации.

Не ясно влияние экологического фактора на развитие ВПО, хотя предположений, в т. ч. футуристических, — множество. Очевидно также, что появление технологий гиперзвука и БЛА откровенно провоцирует государства на ведение военных действий. Не менее провокационны и изменения в соотношении экономической мощи, которые ведут к радикализации не только экономических, но и торговых, и политических отношений: «торговые войны» Д. Трампа в 2018 году с КНР и другими странами прямо провоцируют обострение политических отношений в мире.

Но важны также и субъективные, в особенности информационные и когнитивные особенности, подготовки и принятия политических решений. Так, если речь идет об информационных технологиях

212 *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018, сс. 461–562.

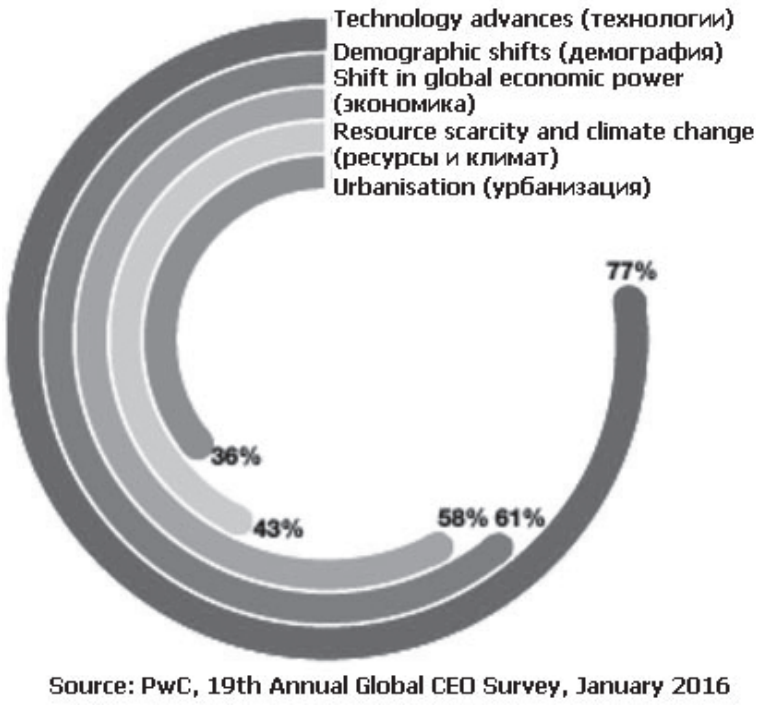

Рис. 12. Пять наиболее важных трендов, которые будут влиять в мире. [213]

и социальных сетях, то яркие примеры — попытки обвинить Россию во влиянии на выборы в США и Германии, в поддержке радикальных групп и пр. действия в киберпространстве, — стали фоном всей внешней политики США и Запада в 2016–2018 годы.

Следует особо отметить, что во всех возможных вариантах предложенного сценария отношений западной ЛЧЦ с другими ЛЧЦ усиливается силовой (в особенности информационный и кибернетический) и военно-прикладной компонент, доля которого среди

213 Tech breakthroughs megatrend: how to prepare for its impact / Tech breakthroughs megatrend.pdf / www.pwc.com/gx/en/issues/technology/tech-breakthroughs-megatrend.html, p. 1 / URL: https://docviewer.yandex.ru/view/35247875/?

других средств взаимодействия неуклонно растет. Это хорошо видно даже на краткосрочной динамике отношений США с Россией и КНР в 2018 году. Достаточно привести примеры с регулярными попытками США обвинить российских и китайских хакеров во «взламывании» информационных ресурсов, публикации «специальных» докладов и пр. информационных действиях.

Информатизация экономики и политической жизни привела к тому, что именно эта тенденция стала отражать, прежде всего, общую направленность развития МО и ВПО в мире, которую можно коротко охарактеризовать как «эскалацию» информационной политики «силового принуждения» США[214]. Эта силовая политика постепенно легализовалась в политике «новой публичной дипломатии», где собственно политико-дипломатические меры зачастую заменяются информационно-силовыми и даже информационно-военными[215].

Информационно-силовая политика изменила и свой пространственный охват. В последние два десятилетия отмечается резкий всплеск военных конфликтов низкой и средней интенсивности, которые несут в себе не только потенциальную угрозу перерастания в крупные, глобальные конфликты. Примечательно, что все без исключения международные конфликты и войны последних лет имели перед своим началом фазу «информационных войн». Особенно заметным впервые это стало перед бомбардировкой Югославии, когда США и НАТО создали специальный комитет по информационной подготовке к войне. В дальнейшем эта практика стала принципом действий западной военно-политической коалиции, выделяя следующие подготовительные этапы, которые отчетливо прослеживаются во всех конфликтах США:

214 См.: *Подберезкин А.И.* Раздел «Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России» / В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. Под ред. *М.М. Лебедевой*. М.: «Аспект Пресс», 2017, сс. 36–53.

215 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университет, 2018, № 6, сс. 144–145.

— этап критики правящего режима;
— этап поддержки недовольных;
— этап официальной информационно-пропагандистской поддержки;
— этап информационно-политической поддержки (включая международные организации);
— наконец, этап военно-информационных действий.

Все эти этапы, например, хорошо видны на примере политики США по отношению к Венесуэле и ее законному правительству, когда самый последний этап начался с провокаций на границе и нарушений деятельности электрических сетей. Это, естественно, отразилось на общем состоянии в мире, когда ВПО стала характеризоваться наличием большого числа постоянно существующих и новых конфликтов и войн. Так, в докладе немецкого института «Глобальный барометр. 2012», например, подтверждаются следующие тенденции, из которых видно, что конфликты «низкой» и «средней» интенсивности существенно увеличились в последние годы[216].

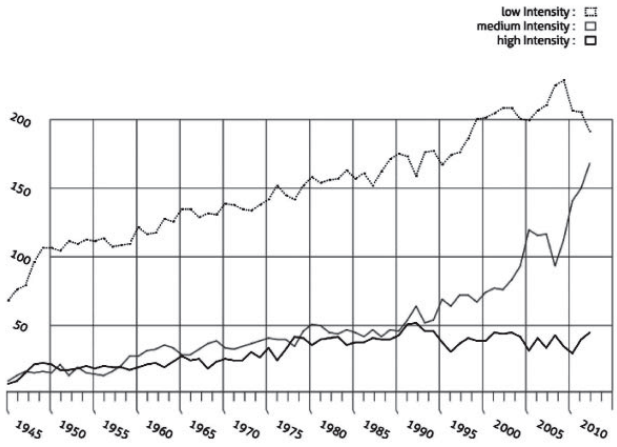

Рис. 13. Глобальные конфликты низкой, средней и высокой интенсивности с 1945 по 2012 год.

216 Conflict Barometer. 2012. / Heidelberg Institute for International Conflict. 2013, p. 2.

Разрастание численности, интенсивности и длительности конфликтов резко увеличилось после 1990 года, когда, как казалось, закончилась холодная война, исчезли идеологические противоречия и мир превратился в «однополярную» структуру, которую полностью контролировали США.

Умиротворения и всеобщего благоденствия, как и отказа от политики силы, не произошло. Произошло обратное: господство США усилило напряженность и интенсивность применение военной силы. Более того, перенесло эту напряженность из области идеологии в область межцивилизационных отношений, о которых еще С. Бжезинский говорил, как о более конфликтных и бескомпромиссных. По сути дела, современная политика в мире, но особенно в Евразии это больше цивилизационно-ценностное мировое противоборство, все более приобретающее уже не только силовые, но и вооруженные черты, а не простое соперничество государств, о котором в свое время говорили достаточно много[217].

Не случайно и то, что число конфликтов «высокой» интенсивности «растет медленнее», чем другие конфликты. Военные и экономические риски становятся в XXI веке слишком высоки, а их эффективность — сомнительна. Поэтому, предпочтение отдается «гибридным» войнам — прежде всего, сетевым и сетецентрическим, «proxy», войнам, когда собственно агрессор скрывается за спиной управляемых им субъектов МО — как государств, так и негосударственных акторов. Кроме того, относительное равновесие военных сил в мире, сложившееся еще в XX веке, оказывало сдерживающее влияние на политику США. Последние войны в Ираке, Афганистане, Сирии, Йемене 2012–2018 годов ясно показывают, что эффективность выше, когда воюют «союзники» западной коалиции. Именно такой подход характерен и для развития конфликта на Украине в 2014–2018 годах. Если бы, допустим в него прямо вмешались ВС США и НАТО, то они получили бы решительный отпор внутри самой Украины, а русофобская политика превратилась бы в антиамериканскую.

---

217 *Подберезкин А.И. Боришполец К.П., Подберезкина О.А.* Евразия и Россия. М.: МГИМО (У), 2014, с. 22.

Сказанное означает, что изменение направления в развитии сценариев или их вариантов МО имеет для эволюции ВПО и планов военного строительства в России до 2021 годов очень важное, даже приоритетное значение, ибо отражает коренные изменения не только в фундаментальном характере МО и ВПО, но и в военной организации, военном планировании и военном строительстве. Такие изменения можно отчасти предусмотреть и даже сознательно запланировать, если внимательно анализировать эволюцию развития МО, а также пытаться прогнозировать ее последствия.

Не случайно, что еще в феврале 2015 года Б. Обама, презентуя конгрессу США новый вариант Стратегии национальной безопасности, подчеркнул смещение акцентов в военной политике страны с сухопутных крупных операций на другие формы использования военной силы: неудачи в военной области потребовали корректив во внешнеполитической стратегии. Это — пример того как не только изменения в МО воздействуют на ВПО, но и наоборот — изменения в ВПО и даже конкретной СО влияют на международную обстановку в глобальном масштабе. Д. Трампу потребовалось время, чтобы избавиться от этого «синдрома Б. Обамы» в отношении военной силы.

Вот почему необходимо тщательно следить за развитием других возможных сценариев развития МО и вытекающих из них вариантов ВПО, которые неожиданно могут превратиться в наиболее вероятный сценарий, конкретизированный к отдельной стране. То, что он пока что остается гипотетическим, не должно вводить в заблуждение: смена технологических парадигм, особенно в области информатики и связи, может неожиданно, «вдруг», привести к появлению нового варианта или даже сценария развития ВПО.

Более того, как показывает история, мы не можем даже категорически точно прогнозировать развитие отношений *между государствами с совпадающими стратегическими интересами и с близкими социально-политическими системами*. Так, Китай, помогавший Северному Вьетнаму много лет в войне с США, уже

через несколько лет напал на своего союзника, развернув полномасштабную войсковую операцию, а бывшие страны Социалистического содружества в течение нескольких лет перешли из категории «союзники» в категорию «противников». Необходимо помнить, что политические «намерения» меняются значительно быстрее чем «интересы», а тем более «потенциалы».

В «переходный период» предусматривается, что западная военно-политическая коалиция сможет к 2023–2025 годам модернизировать свой военный потенциал таким образом, чтобы использовать его в серии ограниченных локальных конфликтов от Юго-Восточной Азии до Европы. На это указывают многие программы, в частности, развертывания на судах ВМС США и их союзников разных типов ВТО, что вынуждает Россию поступать аналогичным образом.

1.2.г). «Переходный период»: силовое информационно-когнитивное «форматирование» правящих элит субъектов военно-политической обстановки

Если вы в течение десяти лет чем-то пренебрегали, вам потребуется не меньше времени, чтобы исправить положение[218]
Дж. Тернет

Правительство США вправе проводить и защищать свои национальные интересы на территории любой страны. Вопрос сейчас в том, … какие меры принимаем …?[219]
Акт о свободе для России и возникающих евразийских демократий и поддержке открытых рынков, США, 1992 г.

Анализ и прогноз развития возможных средств силовой политики в «переходный период»[220] до 2025 года имеет большое значение не только для планов военного строительства и будущего гособоронзаказа (и, соответственно, военных расходов страны)[221], но и для возможных сознательных целенаправленных изменений в политическом и военном искусстве, прежде всего стратегии государств, которые непосредственно зависят от средств ведения (как вооруженной, так и не вооруженной) силовой политической борь-

218 *Тенет Дж.* В центре шторма. Откровения экс-главы ЦРУ. М.: Эксмо, 2008, с. 59.
219 Цит. по: *Дроздов Ю.И.* Вымысел исключен. Записки начальника нелегальной разведки. М.: ООО «Артстиль-полиграфия», 2016, с. 249.
220 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1. Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2019, № 4 (351), сс. 5–25; *Подберезкин А.И.* «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 5 (352), сс. 5–21; *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* «Переходный период»: главная особенность — «милитаризация политики». Часть 3. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 6 (353), сс. 57–72.
221 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Издательский дом «Граница», 2018, 512 с.

бы[222]. Это принципиальное положение политической и военной науки хорошо известно уже давно[223].

Также очевидно — и мы это наблюдаем фактически ежедневно, — что не только в «переходный период» развития международной и военно-политической обстановки в настоящее время наблюдаются радикальные изменения в приоритетах применения тех или иных силовых средств, т. е. в выборе наиболее предпочтительных (наименее рискованных, более эффективных и менее дорогостоящих) силовых средств политики из всего существующего и постоянно пополняемого огромного набора таких средств, но эта специфика наблюдалась и прежде, например, с появлением ядерного оружия и средств его доставки, когда стратегические задачи стало возможно решать непосредственно, без последовательного достижения тактических результатов[224].

Более того, выбор наиболее эффективных невоенных средств в эпоху ядерного оружия ставился многократно и вполне естественно в СССР и на Западе весь прошлый век[225]. Причем, подчеркну, не только — и может быть, даже не столько — средств вооруженной борьбы (ВВСТ), сколько именно силовых средств политического воздействия вообще — экономических, информационных, политико-дипломатических и иных[226].

---

222 См. подробнее о взаимосвязи развития ВВСТ и военной стратегии: Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов в XXI веке: аналит. доклад / *А.И. Подберезкин, М.А. Мунтян, М.В. Харкевич и др*. М.: МГИМО-Университет, 2014, 175 с.

223 Еще в 30-е годы прошлого века маршал Б. М. Шапошников уделил этому вопросу много внимания. См.: Мозг армии / *Б.М. Шапошников*. М.: Об-во сохранения лит. Наследия, 2016, 824 с.

224 Этому вопросу также было уделено много внимания в советское время, в т.ч. и автором.

225 В частности, авторитетным английским автором Бэзилом Лиддл Гартом в его книге «Стратегия непрямых действий», который призывал «приобрести навыки стратегического мышления».

226 Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России: сб. докладов. М.: МГИМО-Университет, 2016, 169 с.

Создание и развертывание новейших ВВСТ приобрело значительный политический смысл: они дают возможность политико-психологического давления на правящую элиту оппонента в открытой (эксплицитной) форме шантажа, либо скрытой (имплицитной) форме силового давления и принуждения. Именно в современный «переходный период» (2014–2025 гг.) эти процессы приобрели не только ускоренную динамику, но и откровенно дестабилизирующий характер, сознательно, даже демонстративно игнорирующий как прежние договоренности о соблюдении норм международной безопасности и поддержанию стратегической стабильности, так и простые традиционные нормы международного права и политического общения.

В качестве примера можно привести разработку систем противоракетной обороны, отказа от договоренностей по ограничению вооружений и военной деятельностью, ставшими частью стратегии США, а также усилиям по созданию гиперзвукового оружия, которые вносят качественно новые параметры в общее стратегическое уравнение. Так, например, по оценке специалистов РЭНД США, увеличение скорости боеголовки до 9 МАХ, оснащенной обычным боезарядом в 500 кг ТНТ, равносильно увеличению ее мощности до 3,5 тонн ТНТ[227].

Собственно говоря, перечисленные выше некоторые критерии эффективности выбора того или иного инструмента насилия уже изначально предполагают отсутствие в выборе средств политики силы абсолютной универсальности для тех или иных силовых средств, что ставит перед исследователями сложнейшую задачу обоснования политической и военной эффективности средств насилия[228]. Среди таких силовых средств, на первый взгляд, нет «абсолютного» оружия, или таких видов и систем вооружений и

227 Strategic Consequences of Hypersonic Missile Proliferation. Report NSRD RAND. Wash. 2019, 13 p.

228 Эта задача была предметом изучения в течение нескольких лет в ЦНИИ № 46 Минобороны, авторы которого в итоге опубликовали соответствующее исследование: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Издательский дом «Граница», 512 с.

силового принуждения, которые использовались бы при любых условиях против любых субъектов ВПО. И, что очень важно, соответствовали бы всем основным критериям эффективности его применения.

Это объясняется тем, что по отношению к тому или иному субъекту мирового сообщества в различные периоды времени, должен существовать выбор достаточно **конкретных силовых инструментов**, который, как правило, каждый раз тщательно анализируется именно с точки зрения его эффективности и минимизации политических и военных рисков и экономических издержек. Это — не только принцип эффективной политики, но и норма международных отношений, которая должна учитываться как в анализе, так и прогнозе развития военно-политической обстановки[229]. Странно, например, если бы в ответ на высылку дипломатов начиналась массированная бомбардировка, с использованием ВТО, оппонента. Даже не спровоцированный обстрел сирийской авиабазы со стороны США КР был ограничен по времени и масштабам, а, главное, по формально декларируемым задачам.

Таким образом, неизбежно существует дифференциация в выборе силовых средств как по их эффективности, так и относительному соответствию этих средств существующим международным нормам и реалиям. Прежде всего по заявленным и реальным политическим целям[230]. Так, в отношении своих союзников по военно-политической коалиции США могут использовать преимущественно политико-дипломатические, медийные или специальные средства силового принуждения (и чем их больше, например, возможность контролировать личную жизнь и коммуникации политических лидеров), тем легче манипулировать их поведением.

По отношению к новым центрам силы — Китаю, Индии, Бразилии, России и другим — используется уже более широкий набор

229 *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования международных отношений. М.: МГИМО-Университет, 2015, сс. 99–101.
230 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета, 2018, № 6 (63), сс. 143–147.

силовых инструментов — от «мягкой силы» и торгово-экономических санкций до политико-дипломатического давления и даже шантажа, имеющего исключительно важное значение с точки зрения применения военного насилия[231]. Он представляет собой одну из разновидностей политико-психологических форм военной силы, которая может использоваться как в открытом, эксплицитном виде («шантаж»), так и скрытом имплицитном виде («создания позиции силы»). Причем, как неоднократно доказывалось, обе эти формы политико-психологического использования военной силы, как правило оказывались намного эффективнее прямого применения вооруженного насилия как с политической и военной, так и экономической точек зрения. Поэтому, в последние десятилетия к прямому военному насилию США прибегают в том случае, когда другие средства оказываются не эффективными, исчерпаны. Т. е. фактически в крайнем случае. Последствия и издержки войн в Корее и Вьетнаме, в Афганистане и Ираке, безусловно учитываются в Вашингтоне, хотя отнюдь не означают отказа от прямого вооруженного насилия.

В то же время надо отчетливо понимать, что без уверенности в возможности эффективного применения военной силы (т. е. без подготовленных и реально существующих ВВСТ и ВС, а также соответствующего планирования) и политической воли к ее применению политико-психологические формы ее использования не выглядят убедительными, а, значит, и бессмысленны. Это означает, что чем реалистичнее военная мощь, чем очевиднее готовность правящей элиты к ее применению, тем более эффективнее применение невоенных средств принуждения, включая и «мягкую силу».

И, наоборот, чем сильнее и эффективнее оборона, например, ПРО-ПВО, тем наименее эффективны не только военная политика оппонента, но и силовая политика вообще. В этом смысле, например, эффективная система ПВО не только России, но и любого государства или коалиции (как доказала судьба Югославии, Ира-

231 Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберезкин и др*. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017, сс. 97–101.

ка, Ливии и других стран) равнозначна понятию «суверенитет»[232]. Иными словами, чем реалистичнее угроза войны, тем эффективнее представляется политика, что, безусловно, резко увеличивает риски возникновения военных конфликтов и войн[233]. Так, например, размещение гиперзвуковых ракет США в Японии и странах Западной Европы, способных уничтожать хорошо защищенные цели (учитывая огромную кинетическую энергию этих ракет) в глубине России в пределах полета 1 часа на расстоянии до 5–7 тыс. км, означает, что угроза внезапного и разоружающего удара по средствам ПВО-ПРО и важнейшим центрам политического и военного управления резко возрастает, не переходя «ядерного барьера»[234].

Подобная современная военно-политическая реальность особенно опасна, когда речь идет о политике силового принуждения в отношении потенциальных противников, которым (в соответствии с этой логикой) необходимо наглядно, а, порой, и демонстративно, показать, как военно-технические возможности, так и способности, и политическую решимость их использования. По сути дела, этот подход превращается в провокацию даже в тех случаях, когда стороны хотят избежать военного столкновения. Так, нередко звучащие угрозы со стороны членов западной военно-политической коалиции о готовности использовать ядерное оружие неизбежно ставят Россию перед проблемой своевременного нанесения ответного удара. В особенности в условиях развития ПРО США. Более того, их планы, действия и намерения неизбежно рассматриваются под углом зрения развития «наихудшего сценария». Т. е. предположения, например, об использовании ЯО или массированного применения ВТО первыми[235]. Тем более, когда у США создана (и стремительно совершенствуется в «переходный период») воен-

232 *Подберезкин А.И.* Евразийская воздушно-космическая оборона. М.: МГИМО-Университет, 2013, сс. 155–187.

233 2019 Missile Defense Review. Office of the Secretary of Defense. Wash., Jan. 2019, pp. 8–14.

234 Strategic Consequences of Hypersonic Missile Proliferation. Report NSRD RAND. Wash. 2019, pp. 40–41.

235 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan. 2018, pp. 3–11.

но-техническая возможность для таких действий: финансовые планы на 2019–2021 годы убеждают в этом.

«Позиции Запада слабеют как в области политики, так и экономики. Одновременно с этим новые культурные явления, поднимающиеся с Востока, вытесняют США и с позиции культурной сверхдержавы. Можно сказать, что в многополярном мире, в котором множество участников продвигает различные программы, идея американской культуры как «арбитра Вселенной» больше не существует. Возможно, Голливуд еще не умер, но турецкие телевизионные проекты («дизи»), популярное кино Болливуда (правда он все более неотличим от своих американских аналогов) или хиндиязычный кинематограф, а также южнокорейская поп-музыка, известная как К-Поп, находится на переднем крае борьбы с американской «мягкой силой»[236].

Мир меняется стремительно. Индийская киноиндустрия производит более 1 тыс. фильмов в год — больше, чем Голливуд. КНР производит ежегодно более 700 фильмов. Заметную силу набирает индонезийское кино. «Дизи» является вторым по величине производителем телешоу в мире. Их аудитория охватывает более 100 стран: из Южной Америки, Ближнего Востока и азиатского субконтинента. Сериалы переведены на испанский, фарси, арабский, итальянский, английский языки. Именно способность «дизи» отображать настоящую современную жизнь, не продвигая американские ценности, является причиной их популярности. «По сути дела, — отмечает Фатима Бхутто в своей новой книге "Новые короли мира: рассылка из Болливуда, дизи и кей-попа", — «дизи» приводят в действие повествования, в которых ценности и принципы борются с эмоциональной и духовной коррупцией современного мира». Турецкие сериалы стали популярны и в Латинской Америке, где зрители устали от шоу североамериканских соседей, посвя-

236 *Попов В.* Чрезвычайный и Полномочный посол России, к.и.н., аналитик Института международных исследований и Центра ближневосточных исследований МГИМО МИД России // РСМД, 12 декабря 2020 г.

щенных наркотикам и сексу. «Дизи» прекрасно подходят для семейного просмотра.

Особой симпатией пользуется турецкий сериал «Воскресший Эртугрул», в котором рассказывается история сына Сулейман Шаха и отца Османа, основателя Османской империи. Это сериал захватил внимание и воображение многих мусульман и немусульман по всему миру. Успех «дизи» заключается в строгой приверженности исламским ценностям и их четким выражениям, включая молитву, одежду и философию, а также готовности отображать войну в категориях рыцарства. Второстепенный персонаж XIII в. в истории Турции занял центральное место в «Воскресшем Эртугруле» и стал культовой фигурой для мусульман во всем мире. Премьер-министр Пакистана Имран Хан заявил, что этот сериал учит молодых людей подлинным ценностям этой великой мировой религии. Количество жителей Саудовской Аравии и ОАЭ, посещающих Стамбул, заметно возросло в последнее время, по оценке наблюдателей, в значительной степени это произошло под влиянием сериала.

1.3. Система современной национальной безопасности России и перспектива ее трансформации в условиях нового состояния международной обстановки в мире

В международных отношениях не снижается роль фактора военной силы. Стремление к наращиваю и модернизации наступательного вооружения, созданию и развертыванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружениями[237]

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации

Система национальной безопасности современной России сложилась во многом стихийно после разрушения советской системы, в основе которой находилась идеология, организация и политическое руководство КПСС всеми институтами общества и государства, включая военную организацию СССР, а также стран-участниц ОВД и Социалистического содружества[238]. После уничтожения ОВД и КПСС управление военной организацией было разрушено, а ее воссоздание фактически так и не начиналось до конца 90-х годов. В последующие десятилетия наблюдалось медленное и не всегда последовательное (пример «сердюковщины») восстановление функций военной организации — организационное, админи-

237 Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ В.В. Путина № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Ст. 14.

238 Например, руководство ОПК осуществлялось через оборонный отдел ЦК, а внешняя политика и идеология, как и управление ВС страны — через соответствующие отделы ЦК КПСС.

стративное, финансовое, — которое не вполне завершилось к 2021 году. Во многом нынешнее состояние военной организации страны характеризуется стремлением власти преодолеть последствия разрушения ОПК[239] и ВС последних десятилетий, которые стали нетерпимыми после неудач чеченской и осетинской кампании 2008 года[240].

После прихода к власти В.В. Путина началась достаточно хаотичная, непоследовательная и противоречивая политика восстановления системы военной безопасности, которая в последние 20 лет привела к созданию фактически новой российской системы государственной безопасности, которая медленно и с большим трудом стала приобретать, в самые последние годы, черты системы национальной безопасности, т. е. объединять государственные и общественные институты развития и безопасности, формируя единую военную организацию страны.

В основе такого перехода лежал отказ от плановой системы к установкам финансовых властей страны. Как признают эксперты, «До 1993 года еше разрабатывались годовые планы НИОКР и закупок… Такие революционные изменения привели к тому, что предложения МО РФ в проект ГОЗ формировались под выделяемые Минфином «предельные» объемы финансирования, никак не связанные с задачами ВС и удовлетворявшими потребности развития ВВТ не более чем на 40-60%.... При этом до 1995 года вооружения развивались без определенной стратегической линии, как бы по инерции. Военное строительство ... Перешло в разряд проблем, финансируемых по остаточному принципу»[241].

Таким образом, существующая система национальной безопасности России второго десятилетия нашего века с одной стороны,

239 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции, сс. 151-176 / В книге: Промышленная политика: монография/под ред. *А.С Булатова*. М. КНОРУС, 2020. 496 с.

240 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 808 с.

241 Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики в современных условиях. Монография. Под общ. ред. проф. *С.Ф. Викулова*. М.: АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2010, с. 280.

это остатки советской системы, военной организации и ОПК, а, с другой стороны, не всегда вполне эффективные усилия новой российской власти и ее попытки преодолеть системный кризис прошлого века и нарастающее силовое давление со стороны Запада в условиях, когда сложилось изначально несопоставимое соотношение государственных и военных возможностей сторон. Внешняя ситуация в области безопасности, сценарий развития МО и ВПО в новом веке менялись быстрее, чем к ним успевала приспособиться российская система военной безопасности. Можно признать, что к началу третьего десятилетия нового века под прямым и непосредственным руководством В.В. Путина[242] удалось вернуть России (по признанию бывшего министра иностранных дел Дании, например[243]) статус «великой военной державы».

Радикальное обострение МО и ВПО в мире во втором десятилетии нового века потребовало внесения существенных корректив в Стратегию национальной безопасности России. Как известно, эта Стратегия состоит из двух больших блоков — блока социально-экономического развития и блока укрепления безопасности, — которые должны быть (как минимум, нормативно, экономически, финансово-бюджетно и политически) тесно связаны между собой. В действительности, с самого начала существования России и даже с самой первой попытки подготовки Концепции социально-экономического развития в марте 2008 года эти блоки формировались по отдельности, практически без учета реалий друг друга, что в итоге приводило к слабой координации и противоречивости общей политики безопасности.

Попытки возродить стратегическое прогнозирование и планирование, начавшиеся с 2008 года, осуществлялись сложно, прежде всего, из-за сопротивления финансово-либеральной части правящей элиты, которая рассматривала такое планирование как посягательство на рыночные принципы. В итоге за период 2008–

242 В частности, не реже двух раз в год президент проводит недельные совещания с руководителями ВС и ОПК, а также фактически в режиме «ручного управления» в течение года происходит процесс принятия важнейших решений.
243 ТАСС. 29.01.2021.

2020 годов можно констатировать, что в этой области было множество попыток, из которых более-менее удачных — всего несколько. Так, ФЗ «О Стратегическом планировании» 2014 года (безусловно положительное явление), принятый после длительных обсуждений, так и не стал обязательным для всех органов власти, также, впрочем, как и все нормативное планирование, включая Государственный оборонный заказ (ГОЗ), который готовился и реализовывался с большими трудностями и упущениями, хотя даже такое его качество говорит о его огромном значении для ОПК и ВС РФ[244]. Так, в Концепции 2008 года вообще не было учета внешних факторов, что стало обычной практикой для последующих концепций и стратегий социально-экономического развития. Даже «Программа», подготовленная правительством Д.А. Медведева по поручению президента к сентябрю 2019 года, на 100-страничном документе смогла обойтись без учета влияния внешних факторов.

В военно-технической области, занимавшей в последнее десятилетие приоритетное значение в политике безопасности, были достигнуты существенные успехи, как во многом за счет ускоренной модернизации советских образцов ВВСТ, так и некоторых положительных результатов первых российских НИОКР. К 2021 году сложилась такая ситуация в области обеспечения военной безопасности, которая позволяет говорить о том, что безопасность преимущественно воспринимается, прежде всего, как количество

244 Этой проблеме была посвящена серия работ, опубликованных в 2017–2020 годах, в частности: *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1. Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2019, № 4 (351), сс. 5–25;. *Подберезкин А.И.* «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 5 (352), сс. 5–21; *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения». Часть I. // Обозреватель, 2018, № 11, сс. 6–28; *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Влияние политики санкций на политический курс и экономику России. Часть II. // Обозреватель, 2018, № 11, сс. 6–29; *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* «Переходный период»: главная особенность — «милитаризация политики». Часть 3. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 6 (353), сс. 57–72.

и качество ВВСТ[245]. Акцент на этом В.В. Путин сделал, в том числе, и на расширенном итоговом заседании коллегии Минобороны 21 декабря 2020 года, хотя там впервые, пожалуй, было обращено внимание и на развитие военной науки и военного искусства. Примечательно, в частности, сравнение В.В. Путиным качества ВВСТ при СССР и России в разные периоды: «Во времена Советского Союза в Советской армии по силам общего назначения, так называемая современность, количество современных на тот период времени вооружений составляло 54 процента, по силам общего назначения. По стратегическим, ядерным силам — 65–70 процентов. Это приличный, хороший показатель. В 2000 году уровень современных вооружений по силам общего назначения упал до критически низкого уровня в 12 процентов. А по силам ядерного сдерживания — до 35. … К середине декабря 2020 года доля современных образцов вооружения и техники в войсках России составляет уже более 70 процентов, это по силам общего назначения, а в ядерных силах — 86 процентов»[246].

Вместе с тем, говорить о системной концепции и стратегии национальной безопасности, *совмещающей задачи опережающего развития и защиты нации,* еще рано, хотя есть и обнадеживающие признаки. В частности, когда речь идет о стратегическом планировании, к которому приближаемся крайне медленно. Так, как известно, на первом заседании нового Госсовета России председатель правительства М. Мишустин заявил о том, что за 2021–2023 годы на реализацию Единого национального плана будет выделено более 39 трлн. рублей — по текущему обменному курсу это соответствует почти 530 млрд. долларов. Учитывая, что расходная часть российского бюджета на тот же период запланирована пока в размере 69,07 трлн. рублей (2021 год — 21,52 трлн., 2022 — 21,88 трлн., 2023 — 25,67 трлн.), эти «нацплановые» затраты составят почти

245 *Подберезкин А.И.* Значение средств воздушно-космического нападения и обороны в обеспечении безопасности России // Воздушно-космическая оборона, № 1, 2020, сс. 62–80.

246 Расширенное заседание коллегии Минобороны России / www.kremlin.ru. 21/12/2020.

56,5% федерального бюджета[247]. По сути, это означает *переход России к плановой экономике «китайского»* типа, следствиями чего неизбежно станут сближение внутреннего уклада двух государств и вероятное укрепление стратегического союза Москвы с Пекином.

Таким образом, система национальной безопасности, как система обеспечения развития и безопасности, России находится в стадии формирования. Этот процесс крайне затруднен усилением давления со стороны Запада, которое при последних администрациях Б. Обамы — Д. Трампа — Д. Байдена — приняло характер военно-силовой эскалации, сохранением остатков либеральной экономики, идеологии и оппозиции нынешнему курсу в российском истэблишменте, а также пандемией и общим кризисом в мире, который В. Путин назвал на Давосском форуме «самым сильным кризисом после кризиса 30-х годов»[248].

На мой взгляд, ухудшение внешних условий существования России требует максимального ускорения процесса повышения эффективности государственного и общественного управления, включая, прежде всего, область функционирования военной организации государства и всей нации. Акцент на обеспечении безопасности должен быть сменен с развития ВВСТ на развитие институтов человеческого потенциала и НЧК.

247 *Маслов А.* Москва и Пекин закрепили всеобъемлющее партнерство после избрания Байдена. 29.12.2020 /riafam.ru/29.12.2020.

248 *Путин В.В.* Стенограмма выступления на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021» /president.org/27/01/2021.

1.3.а). Стратегическая стабильность и национальная безопасность России

Говоря о будущих угрозах, следует принимать во внимание,
что они не возникают «вдруг»[249]
А. Фролов, эксперт

Дискуссия о стратегической стабильности возобновилась в 2020 году[250] в связи с тем, что возникли объективные предпосылки и беспокойства, связанные с целым рядом разноплановых обстоятельств, которые так или иначе стали результатом усиливающегося глубокого кризиса в мире, о котором откровенно сказал В.В. Путин на Давосском форуме в январе 2021 года[251]:

— во-первых, со стремительным развитием программ ВВСТ в США и странах-союзниках по военно-политической коалиции. Это отразилось и на риторике, используемой в западных политических выступлениях. Например, если в докладах генсекретарей НАТО термин «сдерживание» в 2011 году использовался 3 раза, то в 2015 — 31, а в 2019 — уже 39 раз[252];
— во-вторых, с политикой Д. Трампа по ликвидации системы международной безопасности и договоров по контролю над вооружениями и военной деятельностью, которая привела к отказу практически от всех договоренностей, достигнутых в предыдущие годы;
— в-третьих, быстрым развитием эскалации сценария развития ВПО «Усиления военно-политической эскалации», угрожающим перерастанию военно-силового противостояния в

249 Цит. по: *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019, с. 141.
250 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 808 с.
251 *Путин В.В.* Стенограмма выступления на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021» / president.org/27/01/2021
252 Проблемы трансформирования НАТО. Доклад РИСИ // Проблемы национальной стратегии, 2020, № 2, с. 15.

открытые военные действия после завершения «переходного периода»[253];

— наконец, в-четвертых, с оптимизацией и сокращением военных расходов в России. Как известно, максимальный объем бюджетного финансирования был выделен в 2016 году — 3777, 6 млрд. рублей (почти в 3 раза выше уровня 2010 года), однако в 2017–2019 годах произошло существенное снижение. В целом за последние 3 года расходы на оборону сократились с 12,3% до 8,2%[254], что особенно отразилось на расходах на НИОКР.

Таким образом, в основе процесса фактической ликвидации состояния стратегической стабильности находится устойчивое политическое стремление США и их союзников добиться военного превосходства, которое позволило бы им использовать военную силу в условиях изменения МО и ВПО в мире, а не простое стремление обеспечить себе стратегическое превосходство в ядерной области.

Иными словами, коллективному Западу стратегическая стабильность не нужна. В самых разных формах, в том числе политико-психологической форме, на Западе пытаются реализовать политику «силового принуждения», которая в принципе не совместима с политикой укрепления стратегической стабильности. Так, появление в декабре 2020 года в Ормузском проливе атомной подводной лодки «Джорджия» ВМС США класса «Огайо» с крылатыми ракетами — это был прямой сигнал руководству Ирана о способности американских боевых подводных и надводных кораблей нанести реальные удары по Иранским целям, например, по ядерным объектам. Вместе подлодка и сопровождающие крейсера насчитывают 398 пусковых ракетных контейнеров, — именно такое количество крылатых ракет может быть запущенно по иранским целям

253 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Информационно-когнитивное силовое «формирование» правящих элит субъектов военно-политической обстановки в «переходный период» / философия, религия, культура, 2019, № 2 (10), сс. 113–135; *Подберезкин А.И., Александров М.В., Боришполец К.П.* Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики. М.: МГИМО, 2019.

254 Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики в современных условиях. Монография. Под общ. ред. проф. *С.Ф. Викулова*. М.: АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2010, с. 329.

в течение считанных минут. Очевидно, что подобные действия откровенно нарушают политическую стабильность не только в регионе, но и в мире.

Надо сразу же отметить, что стратегическая стабильность[255], которая стала своего рода целью — иконой для советских и российских либералов, — никогда таковой не являлась для правящих кругов США. Более того, подписав соглашение в 1990 году, они никогда больше о ней не вспоминали по простой причине — вся их деятельность в последние три десятилетия была направлена **против** сохранения стратегической стабильности как в широком смысле этого понятия, так и в узком смысле — сохранения ядерного сдерживания. Стратегическая цель США и их союзников — сохранение созданной ими финансово-экономической и военно-политической систем **в принципе не совместимо с идеей стратегической стабильности** потому, что предполагает использование ими военной силы и создание военного превосходства.

Объективно говоря, понятие «стратегической стабильности» во многом тождественно понятию «стратегическое сдерживание»[256], которое предполагает создание условий, при которых невозможно использование военной силы в политических целях[257]. Как справедливо отмечают военные эксперты, «Стратегическая стабильность представляет собой такое состояние межгосударственных отношений, при котором сложившееся соотношение военно-политических сил в мире не позволяет ни одному государству (коалиции государств) добиться превосходства над другим государством (ко-

255 **Стратегическая стабильность** — *зд.:* состояние ВПО, при котором субъекты и акторы ВПО не могут использовать военную силу в политических целях. Нередко ассоциируется с ядерной стабильностью (стабильностью в области СНВ), что заведомо суживает понятие.

256 **Стратегическое сдерживание** (*трад.*) — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

257 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 808 с.

алицией государств) силовыми методами»[258]. Причем, речь идет не только о применении ЯО, но и военной силы вообще.

В этой связи возникает традиционный вопрос о стратегической стабильности, который активно обсуждается с 80-х годов не только экспертами, но и на политическом уровне. Считается априори, что «все стороны заинтересованы в укреплении стратегической стабильности». Подразумевается, что это относится, прежде всего, к России и США, которые опасаются рисков ядерной войны, а также, что в этом заинтересованы и все другие государства, для которых риск возникновения военных действий может стать угрозой их существованию[259].

Речь идет, прежде всего, о глобальном конфликте и применении ядерного оружия, что стало предметом дискуссии в последние годы в мире и в России[260]. Тем не менее военные действия в мире не просто не прекращаются, но и порой приобретают крупные масштабы. Так, в краткой характеристике локальных войн и военных конфликтов с участием России (1946–2000 гг.), данной авторами одной из работ российских авторов, приводится перечень 46 таких войн и конфликтов до 2000 года, в которых так или иначе принимали участие ВС СССР и России (далеко не полный)[261].

Но на практике политика США в последние два десятилетия направлена именно на разрушение стратегической стабильности, внесение неопределенности в действия и намерения с тем, чтобы максимально увеличить воздействие военно-силовой политики. Это стало особенно очевидно после отказа США в 2002 году от До-

258 Вопросы безопасности и стратегической стабильности в терминах и определениях / под ред. *В.Н. Михайлова;* Институт стратегической стабильности Росатома. М.: Саранск, Тип. «Красный Октябрь», 2009, с. 30.

259 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 419 с.; *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: МГИМО, 2019 с

260 Это, в частности, потребовало принятие 2 июня 2020 года специального указа В.В. Путина «Об основах ядерной политики России», в котором было по сути повторено условие применения ядерных вооружений.

261 *Дегтярев А.П.* История России: войны и вооруженные конфликты: справочное издание. М.: КНОРУС, 2019. 442 с.

говора по ПРО[262], ратификации ДОВСЕ, а также ускоренному развитию ВТО и других ударных вооружений и заявленному на лето 2019 года выходу из ДРСМД. Таким образом получается, что реальная политика США направлена не на укрепление, а на **разрушение стратегической стабильности** и предсказуемости в области использования ЯО. Это заставляет по-новому оценить перспективы развития ВПО и стратегий различных стран, но, прежде всего, США и возглавляемой ими коалиции.

Если говорить о современной стратегии США, то неизбежно приходишь к принципиальному выводу о том, что в последние десятилетия, но особенно в «переходный период», произошло изменение **политических целей войны,** которое в XXI веке привело к тому, что процесс формирования ВПО в современный период происходит с помощью самого широкого спектра средств, — от ядерных до «мягкой силы, — среди которых исключительно важное значение приобрели электронные СМИ и интернет ресурсы, в особенности социальные сети[263].

Если прежние цели во многом определялись сохранением стратегической стабильности и недопущением военной эскалации, то в «переходный период» наоборот — внутриполитическая и внешняя дестабилизация, подчинение правящей элиты стали главными целями, что предопределяет необходимость применения самых разных средств и способов ведения войны[264].

Комплексность использования «жесткой силы», «силы принуждения» и «мягкой силы» — обязательный принцип силовой политики США и их союзников, получившей название политики «силового принуждения». Об этом нельзя забывать, в частности, потому, что эффективное использование информационно-когнитивных

262 *Ненартович Н.Э., Горевич Б.Н.* Система противоракетной обороны США. Анализ и моделирование. М.: ПАО «НПО «Алмаз», 2018, сс. 16–28.

263 См. подробнее: Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др.* М.: МГИМО-Университет, 2019. 656 с.

264 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Родионов О.Е.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020, 610 с.

средств и экономических санкций возможно только в том случае, если они обеспечены эффективной поддержкой самого широкого спектра возможных средств вооруженного насилия — от ядерных, стратегических, до электронных[265].

Этим в том числе вызвано и настойчивое стремление США максимально повысить боевую эффективность всего спектра ядерного оружия, предполагающее создание новых и развитие существующих тактических, оперативных и стратегических ядерных сил. При этом использование ядерного оружия США первыми считается нормой в политическом и военном стратегическом планировании страны[266]. В Комитете начальников штабов ВС США считается, например, что из-за потенциальной угрозы удара со стороны США соперникам тяжелее принимать решения. Иными словами, инициатива в применении ответных мер со стороны обороняющихся должна быть максимально ограничена. Именно так считает глава объединенного комитета начальников штабов Джозеф Данфорд.

При этом другие силовые средства, ни в коем случае, не исключают применение ядерного оружия. В частности, на специальном заседании комиссии сената в марте 2019 года он подчеркнул, что кибероружие, по его мнению, «не сможет заменить ядерную триаду». Смысл такого отношения к возможности применения ядерного оружия, по его мнению, заключается в следующем:

«Мне кажется, что наша текущая политика (в области обороны, которая допускает такое право, — РБК) осложняет противнику процесс принятия решения. Я бы не рекомендовал принимать решение, которое облегчит ему этот процесс», — заявил Данфорд. «Я также могу вообразить несколько ситуаций в будущем, при которых мы не захотим, чтобы у президента не было такой возмож-

265 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan. 2018, pp. 3–11.

266 *Гатинский А.* В Пентагоне выступили против отказа от права нанести ядерный удар первыми. Эл. ресурс: «РБК» / URL: https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8ac2b59a7947296ee1b046utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

ности» — сказал он, добавив, что подробности он готов изложить только на закрытом заседании.

Следующий вопрос касался того, согласен ли Данфорд с мнением, что сейчас у США достаточно неядерных способов сдерживания противников, в частности, в области киберпространства. Ответ председателя КНШ был вполне определенен: «Сенатор, я не считаю, что возможности в киберпространстве могут подменить ядерный потенциал, ... нам надо сохранять безопасный, но эффективный потенциал ядерного сдерживания»[267].

Таким образом, политика силового принуждения Соединенных Штатов предполагает применение следующей формулы: использование **всех** силовых инструментов политики принуждения США должно быть обеспечено **реальной возможностью эффективного применения всего спектра военной силы, включая ядерное оружие.**

Очевидно, что подобная формула в принципе не совместима с представлениями о стратегической стабильности как состоянии, когда ядерное оружие не может применяться в интересах внешней политики. Именно такое положение о ЯО зафиксировано в новом документе стратегического планирования, утвержденном В.В. Путиным 2 июня 2020 года[268].

Наконец, резкое изменение состояния ВПО в мире, по оценке руководства США, привело к качественному росту числа возможных противников в мире, а именно: если к концу прошлого века в США военная политика формировалась, исходя из возможности военного конфликта только с двумя противниками — Россией и Китаем, — то во втором десятилетии США рассматривают в качестве потенциальных противников уже до 50 субъектов ВПО[269]. Об этом в свое время предупреждал С. Хантингтон, который пи-

267 *Гатинский А.* В Пентагоне выступили против отказа от права нанести ядерный удар первыми. Эл. ресурс: «РБК» / URL: https://www.rbc.ru/politics/15/03/2019/5c8ac2b59a7947296ee1b046utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

268 *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 355 от 2 июня 2020 г. «Об основах ядерного планирования Российской Федерации».

269 См. подробнее: Эл. ресурс: «Известия». 2019.15.03.

сал: «Глобальная политическая география, таким образом, изменилась: вместо одного мира в 1920 году на карте появилось три мира в 1960-м и с полдюжины миров в 1990-х годах»[270].

Формально-политическое признание этого факта Государственным департаментом США означало, что по отношению к этим государствам должна проводиться не универсальная, а дифференцированная силовая (и военно-силовая) политика. «Как минимум 50 стран в современном мире способны нанести урон США», заявила по этому поводу директор отдела политического планирования Госдепартамента Кирон Скиннер. Выступая в марте 2019 года в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, Скиннер отметила стремительное изменение мировой политики в вопросе безопасности. Скиннер также подчеркнула, что сейчас урон США могут нанести не только ядерные державы, но и другие страны путем «кибервойны, экономической войны или информационного противостояния». Причем одним из «главных испытаний» для Вашингтона, по ее мнению, стали развивающиеся страны.

Эти изменения в ВПО неизбежно требуют пересмотра стратегии и всего «набора» силовых инструментов в отношении возможных противников из числа «новых» государств, обладающих возможностями к сопротивлению военно-силовому давлению. Таких, например, как КНДР, Иран и целый ряд других государств.

С другой стороны, очевидно, что стремление США подорвать стратегическую стабильность как невоенными, так и военно-техническими и иными средствами требует от России мер по оперативному противодействию в важнейших областях, прежде всего, НИОКР, создании новейших видов ВВСТ, что, в свою очередь, требует не только дополнительных материальных ресурсов, но и времени[271]. Так, создание новых поколений систем оружия занимает уже десятилетие, а их ввод в строй — еще годы. Например, новейшие системы ВВСТ — СУ-57, Т-14 и другие проходят войсковые

270 *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016, с. 69.

271 Подробнее: *Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л.* Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI века (под общ. ред. *А.С. Рукшина*). М.: Военное издательство, 2008, 764 с.

испытания, как минимум, 5–8 лет. Например, минобороны России начнет получать серийные тяжелые ударно-разведывательные стелс-беспилотники «Охотник» только с 2024 года, сообщил президенту страны Владимиру Путину глава Объединенной авиастроительной корпорации (ОАК) Юрий Слюсарь, хотя в настоящее время эффективных ударных БЛА у России нет. Данный летательный аппарат считается ведомым истребителя Су-57[272].

1.3.б). Военная сила в «переходный период» в политике западной коалиции и национальная безопасность России

Существенным признаком понятия «обстановка» …
является определенное *состояние отношений*,
которое формируется в результате тех или иных
действий субъектов (ВПО — *А.П.*)[273]
В. Махонин, военный теоретик

Исключительно важное значение в «переходный период» развития ВПО приобретает точное представление о роли, значении и формах использования военной силы в политике государств. Переоценка или недооценка значения роли военной силы, неадекватное представление о формах ее использования может негативно повлиять на формирование политики в области безопасности. Так, ложное представление о роли военной силы, сложившееся в СССР во второй половине 80-х годов, привело к игнорированию опыта войны в Афганистане, недооценки возможностей внутриполитической дестабилизации и иллюзиям относительно внешней политики Запада. В итоге произошел развал военно-политического союза ОВД и военной организации СССР.

272 Ведомого Су-57 сдвинули «влево» // Лента.ру, 5 августа 2020 г.
273 *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка»// Военная мысль, 2011, № 4, сс. 5–6.

Общее положение относительно военной силы таково: военная сила, как основной инструмент внешней политики главных субъектов ВПО — государств, — характеризует определенное *состояние отношений между этими субъектами,* которое возникает в результате их взаимодействия (сотрудничества или противоборства) в мире не само по себе, а как *следствие развития таких отношений*. Ее роль в политике не абсолютна и не универсальна. Тем более — не проста и примитивна. *Чем сложнее отношения между субъектами МО и ВПО, тем многограннее формы использования военной силы*[274].

Иногда значение военной силы в политике государств существенно ослабевало, что становилось следствием, как правило, формирования такой МО и ВПО, когда политические цели достигались при помощи, скрытой или явной угрозы без прямого применения военной силы, либо использования иных силовых инструментов политики. Именно так произошло в 70-е годы, когда против СССР были использованы невоенные силовые инструменты информационно-когнитивного и политико-административного характера[275].

На самом деле форм использования военной силы множество. Среди них традиционно выделяют две основные формы — политико-психологическую (эксплицитную и имплицитную, шантаж, открытые и скрытые угрозы) и собственно военную, когда применяется прямое военное насилие. Причем между ними (и внутри них) существует сложная и не всегда прямая взаимосвязь. В разные периоды времени эти формы используются по-разному. «Переходный период» формирования ВПО до 2035 года — именно такой этап, когда ***будет наблюдаться взрывообразный рост форм***

274 Этой теме в 80-е годы было посвящено множество работ, основным лейтмотивом которых было утверждение о том, что «военная сила потеряла свое значение». Этот сомнительный тезис стал во многом обоснованием не только политики «нового мышления» М. Горбачева, но и сокращения ОПК и ВС СССР и России.

275 Создание ОБСЕ и подписание Заключительного акта в Хельсинки 1 августа 1975 года можно, на мой взгляд, назвать этапом к переходу от прямого использования военной силы к политике «силового принуждения», который по времени совпал с прекращением войны в Индокитае и на Ближнем Востоке.

и способов применения в политике силовых инструментов вообще и военной силы, в частности.

Кроме того, появляются и новые формы, прежде всего, «гибридные», когда грань между двумя традиционными формами сознательно стирается, например, либо, когда используется кибероружие или, когда массово применяются информационно-психологические средства насилия и дезинформации, которые традиционно не относились прежде к оружию. Как правило, все эти формы используются системно, представляя собой одну общую, «гибридную» форму насилия — силовую военную и силовую невоенную[276]. В последние два десятилетия, например, в этих целях активно используется синтез применения социальных сетей и «облачного противника», что нашло яркое подтверждение в ходе войны в Сирии и на Украине.

В XXI веке можно констатировать, что кроме известных, в том числе, традиционных форм применения военной силы появилось множество новых, ранее не известных, главной отличительной чертой которых стала эффективность достижения политических целей. При этом уже в XX веке стало ясно, что традиционное военное насилие далеко не всегда эффективно. Так, не только крупные войны и военные конфликты в XX веке, например, США с Кореей и Индокитаем, показали, что даже мощная в экономическом и военном отношении держава не всегда может обеспечить политическую победу[277].

---

276 На этот счет была опубликована серия работ, описывающих специфику «переходного периода». См., например, подробнее: *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1. Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2019, № 4 (351), сс. 5–25; *Подберезкин А.И.* «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 5 (352), сс. 5–21; *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* «Переходный период»: главная особенность — «милитаризация политики». Часть 3. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 6 (353), сс. 57–72.

277 *Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л.* Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI века (под общ. ред. *А.С. Рукшина*). М.: Военное издательство, 2008, 764 с.

Участие СССР и России в разных конфликтах — от войны в Корее и во Вьетнаме до ввода войск в 1956 году в Венгрию и в 1968 году в Чехословакию, а также в Афганистане и более 40 других военных конфликтах[278], далеко не всегда свидетельствовало о том, что новые условия ВПО нашли адекватное отражение в политическом и военном искусстве. Так, например, ВС СССР и РФ готовились к крупномасштабным военным действиям, а не специальным операциям в Будапеште, Праге, Афганистане или Грозном. Главная проблема, которая вытекает из стремления увеличить эффективность применения военной силы в новых условиях формирования ВПО, это *соответствие средств и методов применения военной силы и насилия вообще политическим целям. Так, в России, например, так и не создано до сих пор средств для ведения маневренных и динамичных локальных войн, что показал опыт военных действий в Чечне и Южной Осетии, как нет и методов использования военного насилия против внутриполитических кризисов.*

Развитие серии конфликтов на постсоветском пространстве показало, что военная сила (в период кризисов в СССР 1990-1991 гг., например) не используется эффективно, прежде всего, в отсутствии политической воли и умения управлять ею. В тех случаях, когда такая воля была, военная сила продемонстрировала свою способность быстрого и эффективного прекращения вооруженного противоборства. Пример кризиса на Украине — показателен: политическая воля, точнее — ее отсутствие — привело не только к поражению В. Януковича и смене режима, но и потере Украиной остатков суверенитета. Вместе с тем, напрашивается очевидная аналогия с кризисом в СССР в 1991 году, когда ГКЧП и М. Горбачев не смогли предотвратить развал страны. И, наоборот, — Б. Ельцин (при всей его неадекватности и негативном характере оценки его действий) смог использовать военную силу в самых неблагоприятных для него условиях государственного переворота.

278 *Дегтярев А.П.* История России: войны и вооруженные конфликты: справочное издание. М.: КНОРУС. 2019, сс. 409–442.

Но главное для того, чтобы яснее представить себе особенности характера военной силы в современный период, все-таки, это соответствие средств вооруженного насилия политическим целям, которое оказалось эффективным при военной экспедиции США в Афганистане осенью 2001 года, и не оказалось таковым при военной интервенции США в Ираке весной 2003 года.

Целый ряд принципиальных изменений в МО и ВПО требует от США и их союзников корректировки в использовании политики силы как в ее «мягкой», так и самых «жестких» формах. Это добавляет специфики в особенности «переходного периода»[279] во внешней и военной политике США, важнейшей из которых становится **смена главной цели силового воздействия**[280]. На этом очень важном обстоятельстве необходимо остановиться подробнее.

Если в прежние периоды человеческой истории такими наиболее приоритетными целями войны и силовой политики вообще являлись:

– ограбление, контрибуции, захват рабов;

– захват территории, оккупация с целью получения дополнительной выгоды;

– изменение политики, религии, отношений с союзниками и т. п.;

– наконец, разгром ВС и всего государства,

то в настоящее время главной целью является **силовое принуждение правящих элит к той политике и системам ценностей, тем нормам, которые выгодны нападающей стороне.** Оккупация, военные действия могут быть рискованны и не выгодны эко-

279 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть 1. Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2019, № 4 (351), сс. 5–25; *Подберезкин А.И.* «Переходный период»: эволюция политики военно-силового противоборства западной военно-политической коалиции (2010–2024 гг.). Часть 2. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 5 (352), сс. 5–21; *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* «Переходный период»: главная особенность — «милитаризация политики». Часть 3. Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 6 (353), сс. 57–72.

280 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan. 2018, pp. 3–11.

номически, политически опасны, а последствия не предсказуемы[281]. Контроль над государством может быть более эффективно и безопаснее осуществлен с помощью подконтрольной элиты, а не с помощью открытых военных действий (которые не исключаются, более того, предполагаются, но к которым стараются прибегать не сразу, угрожая их применением)[282]. Пример — такой контроль над бывшими странами-членами ОВД в Европе и СССР в 90-е годы со стороны США и их союзников.

Ярким примером такой политики выступает и современная политика США по отношению к Венесуэле, а до этого к Сирии, где используется весь спектр силовых инструментов для смены правящей элиты. Принципиально от этой политики не отличается и политика США по отношению к России, где «доля» собственно военных средств (помощь Украине, поддержка террористов и пр.) пока что используется ограничено.

Можно, таким образом, выделить, как минимум, **3 основных группы стран, по отношению к которым проводится достаточно дифференцированная политика «силового принуждения» западной коалиции в «переходный период», которую можно разделить по использованию средств силового принуждения,** которые изначально предназначены для нарушения стратегической стабильности в мире:

Первая группа — союзники и партнеры США, входящие в их широкую военно-политическую коалицию, в отношении которых активно применяются политико-дипломатические, экономические и информационные средства силового принуждения, которые отнюдь не гарантируют эти страны от использования в случае необходимости со стороны США мер и средств военного силового

281 Прежде всего, в качестве силовых средств политики используются такие силовые невоенные средства, как экономические и торговые санкции. См. подробнее: *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель, 2018, № 11, сс. 7–9, а также продолжение: Обозреватель, 2018, № 12, сс. 8–28.

282 Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. Под ред. *М.М. Лебедевой*. М.: Аспект-Пресс, 2017, сс. 21–36.

принуждения. Так, в отношении Германии показательны меры политического и финансово-экономического силового давления с целью заставить отказаться от продолжения реализации газопровода «Северный поток-2», но не известны возможные меры военного давления, которые могут использовать США, например, в соответствии с секретными договоренностями или даже без оных, — просто потому, что на территории Германии размещены военные базы, которые не подконтрольны национальному правительству (как это было в Турции).

Потенциал этих стран огромен и фактически превышает половину мирового экономического, военно-промышленного и финансового потенциала[283]. В этой связи уместно напомнить опыт формирования западных военно-политических коалиций наполеоновской Францией и гитлеровской Германией, которые использовали против России не только ресурсы западноевропейских стран, но и славянских государств. В частности, Германия в полной мере использовала ресурсы оккупированной Чехословакии. Протектор Богемии и Моравии Рейнхард Гейдрих так объяснял подчиненным свою политику: «Мне нужно здесь спокойствие, чтобы чешский рабочий полностью включился в немецкие военные усилия, чтобы не снижались объемы поставок, и чтобы здешняя индустрия вооружений развивалась». А вот как виделись чехи Гитлеру: «Чехи олицетворяют собой рабскую покорность. Чехов можно сделать фанатичными сторонниками рейха, если, учитывая, что они любители поесть, дать им двойной паек. Тогда они сочтут своим моральным долгом трудиться на военных заводах вдвое больше».

По некоторым оценкам, в рядах вермахта воевало *более полумиллиона* чехов и словаков, а в советский плен угодило 70 тыс. этих «защитников Европы» от большевизма. После того как 23 июня 1941 года Словакия объявила войну СССР, 26 июня на Восточный фронт был отправлен Словацкий экспедиционный корпус чис-

283 *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции / В кн.: Промышленная политика: монография / коллектив авт. под рук. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС, 2020, с. 153.

ленностью 45 тыс. солдат. Из них была сформирована дивизия СС «Валленштейн», названная так в честь полководца, главнокомандующего армией императора Священной Римской империи Фердинанда II. Корпус в составе двух пехотных дивизий, вооруженных в основном чешским оружием, был включен в состав группы армий «Юг». Одна из этих дивизий («Быстрая») была моторизованной[284]. Всего же было обеспечено чехословацкой бронетехникой более 4 танковых дивизий, несколько артиллерийских, автомобильных и авиационных соединений.

Вторая группа — страны, не входящие в коалицию, по отношению к которым США используют откровенно силовые меры принуждения, не останавливаясь, в том числе, и перед военными угрозами и действиями. В реальности, однако, в отношении этих государств вполне хватает политико-дипломатических и информационно-когнитивных средств давления из-за их неспособности оказать активное противодействие политике силового принуждения. В тех же случаях, когда таких средств оказывается недостаточно, США прибегают к прямым военным интервенциям. Примеров — более, чем достаточно, в т. ч. и не всегда для США удачных.

Прямые военные интервенции или угроза их применения, — не всегда эффективны. Так, весьма спорные последствия силовые инструменты давления имели для политики Ирана, КНДР, Кубы и целого ряда других стран, включая Венесуэлу.

Третья группа государств, — государства, пытающиеся публично или имплицитно противодействовать политике США. По отношению к этим странам не только допускаются, но и предполагается применение военно-силовых средств, включая и ОМУ. Более того, готовность использовать военную силу демонстрируется открыто. В том числе и для обеспечения более эффективного применения экономических и информационных средств[285]. Пробле-

284 *Шехтман Г.* Против кого воевали чехи и словаки? // Независимая газета, 22.05.2020 / nvo.ng.ru/history/2020-05-20.

285 *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения» // Обозреватель, 2018, № 11, сс. 7–9, а также: Обозреватель, 2018, № 12, сс. 8–28.

ма, однако, в том, что политические и военные риски, которые могут стать следствием такой политики, всегда и неизбежно высоки: прямая агрессия, даже если она изначально и удачно осуществлена (как в Гренаде, Ираке или Афганистане) должна закончиться политическими решениями, которые далеко не всегда гарантированы применением военной силы[286].

Таким образом, можно сделать несколько выводов относительно особенностей использования военной силы в «переходный период» до 2035 года *в результате развития конкретного варианта сценария ВПО, который рассматривается в нашем случае в качестве наиболее вероятного:*

1. **Военная сила** не является универсальным средством политики, которое пригодно для любых политических целей. Она может быть, как частью силовой политики, так и средством политико-психологического давления, так и самостоятельным военным средством достижения политических целей.

2. **Военная сила** является составной частью политики «силового принуждения» и обеспечивает эффективность применения невоенных инструментов политики. Иначе говоря, невоенные инструменты насилия работают лучше (а иногда просто работают) только когда за ними стоит военная сила.

3. **Военная сила** не может решить конечных политических задач в современных условиях. Она требует закрепления результатов, как показал опыт Афганистана, Ирака, Сирии, в смене политического режима и политической правящей элиты.

4. **Военная сила** несет неизбежные политические, военные и иные риски и издержки, которые превращают ее объективно в наиболее рискованный силовой инструмент политики.

Наконец, главный вывод, который следует из этих рассуждений, тот, что, в конечном счете, более эффективными и результативными, а также менее рискованными, являются ***невоенные меры***

286 Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др.* М.: МГИМО-Университет, 2019. 656 с.

силового воздействия, среди которых исключительно важную роль в «переходный период» стали выполнять информационно-когнитивные средства, которые представляют собой самый широкий спектр информационных, образовательных, культурных и иных средств и лиц, институтов и организаций, направленных на формирование необходимых систем ценностей, принципов, норм и правил[287].

Но не только. Информационно-когнитивные средства влияния меняют политическую, социальную и даже правовую основы общества, превращая их в удобный для противника субъект или актор, как правило, не способный сохранить свой суверенитет и идентичность. Так, разрушение православия на Украине, запрет на использование русского языка, ограничения в культурно-просветительской деятельности, образовании, традициях (включая семейные уклады) означает трансформацию общества, нации и государства в подчиненный внешнему влиянию актор.

Используя терминологию XX века, можно говорить о том, что это идеологические и воспитательные средства, формирующие у нации определенную социально-политическую и культурно-историческую идентификацию. Во внешней политике эти универсальные средства имеют стратегическое значение, ибо они предназначены:

— для достижения конечных политических целей (смены правящих элит, их принуждению), разрушению суверенитета и идентичности;
— являющиеся универсальными по отношению к любой группе государств;
— несущие минимальные политические и военные риски и экономические издержки.

При этом важно подчеркнуть, что не зависимо от того, в какую группу входит тот или иной субъект МО или иной актор, а также какие силовые средства используются, против него изначально

287 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Родионов О.Е.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020, 610 с.

планируется использование всех возможностей и способов (включая военные) в единой системе политики силового принуждения, но приоритет будет всегда отдаваться информационно-когнитивным средствам влияния.

Таким образом, во втором десятилетии нового века, а именно в «переходный период» 2010–2035 годов, в политике государств западной военно-политической коалиции произошла смена политических и доктринальных установок, которая в целом крайне негативно отразилась на состоянии стратегической стабильности и эволюции ВПО в мире. Фактически началась эскалация военных приготовлений как в области создания качественно новых ВВСТ, так и в области военного искусства, где на всех уровнях велся поиск новых способов применения вооруженного насилия — от тактического и оперативного до стратегического. Директор Центра Карнеги в Москве Д. Тренин следующим образом описал эту смену доктринальных установок: «Очевидно, что развитие технологий ведет к изменениям военно-доктринального характера. Президент Путин заявил об ответно-встречном ядерном ударе как об основной стратегии применения ядерного оружия РФ. В отличие от ответного удара, который наносится, после того как ядерные заряды противника уже достигли территории государства, такая стратегия несет в себе риск, поскольку не дает полной гарантии от ошибки»[288].

Странно было бы ожидать пока твои объекты будут уничтожены и только после этого отвечать (да и кому и чем придется отвечать в этом случае?). Военная доктрина России, измененная в 2014 году «в связи с новыми военными угрозами», в отличие от американской, предусматривает не десятки, а только два условия, при которых будет нанесен ответно-встречный удар[289].

Но подобная смена акцентов России привела к тому, в странах НАТО стала преобладать точка зрения, согласно которой Россия в

288 *Тренин Д.* Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Центр Карнеги. М.: 13 марта 2019 г. / URL: www.carnegy.ru /2019/03/13

289 *Путин В.В.* Указ Президента России № 815 от 25 декабря 2014 г. «О признании утратившими силу документа «О военной доктрине Российской Федерации» от 2010 года.

последние годы приняла т.н. стратегию «эскалации для деэскалации», то есть первого применения ядерного оружия с целью завершения военного конфликта на выгодных или приемлемых для себя условиях»[290] — продолжает Д. Тренин. В России такую интерпретацию называют неверной, отмечая, что исторически никогда не делали ставку на ведение ограниченных ядерных войн. Это в очередной раз было подтверждено принятием 2 июня 2020 года документа о ядерном планировании в России.

Совсем другое дело США, где в «переходный период» просматривается отчетливое стремление создать потенциал по ведению ограниченных войн. Упор делается как на развертывании большого числа ВТО, прежде всего КР и аэробаллистических ракет, создании эшелонированной системы ПРО, а также огромного спектра возможностей по внутриполитической дестабилизации государств. Суть политики Запада в «переходный период» заключается в сочетании средств силового принуждения по внутренней дестабилизации и внешних военных угроз. Иногда этот подход называли «Стратегией «Троянского коня», о которой достаточно определенно высказался 2 марта 2019 года НГШ ВС России В. Герасимов, как о стратегии уничтожения России.

Действительно, применение ВТО и тактического ядерного оружия открывает возможность для неконтролируемой эскалации. Кроме того, в отличие от США, отделенных от возможных театров войны океанами, ограниченная война с применением ядерного оружия велась бы вблизи от российских границ или на российской территории. Тем не менее еще в начале 1990-х годов Россия отказалась от декларативного обязательства Советского Союза не применять ядерное оружие первой. В военной доктрине РФ указывается, что ядерное оружие может быть применено, если страна подвергнется ядерному нападению, либо если под угрозой окажется существование государства. Именно такое разъяснение дается в Военной доктрине России, причем периодически представители России (как это

290 *Тренин Д.* Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Центр Карнеги. М.: 13 марта 2019 г. / URL: www.carnegy.ru/2019/03/13

сделал посол РФ в США А. Антонов в марте 2019 года) вынуждены повторять этот тезис.

Это положение появилось в доктрине, когда обычные вооруженные силы России были существенно ослаблены и ядерная мощь виделась единственным гарантом военной безопасности страны. Возникает, однако, вопрос: что именно считать угрозой для существования государства? Будет ли считаться такой угрозой, например, локальное военное поражение, ведущее, возможно, к падению существующей власти, но не угрожающее жизни подавляющего большинства граждан страны? Можно предположить, что ни одна из трех крупных держав не смирится с унизительным поражением в конфликте с использованием только обычного оружия.

Применение ядерного оружия первым в ходе уже начавшегося локального или регионального конфликта с целью его деэскалации на выгодных или приемлемых для себя условиях является стержневым элементом политики сдерживания[291]. Если перед военными США стоит вопрос, как защитить союзников и одержать победу над противником, обладающим ядерным оружием, то для руководства России актуальна другая проблема: нивелирование огромного превосходства в обычных вооружениях, которым обладают США. Необходимо учитывать также возможность использования ядерного оружия в ходе локальных/региональных конфликтов за пределами треугольника США — Китай — Россия. В этом последнем случае, вероятно, крупные державы постараются остановить конфликт, угрожающий последствиями остальному миру[292].

Таким образом, в «переходный период» уже произошли радикальные изменения в процессах формирования МО и ВПО, которые можно свести к следующим базовым тенденциям:

Первая. Фактическому появлению сразу нескольких центров силы и противоборствующих субъектов МО-ВПО и десятков относительно самостоятельных субъектов и акторов.

291 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan. 2018, pp. 3–11.

292 *Тренин Д.* Стратегическая стабильность в условиях смены миропорядка // Центр Карнеги. М.: 13 марта 2019 г. / URL: www.carnegy.ru /2019/03/13.

Второе. Появление качественно новых видов и систем ВВСТ, изменивших характер войны, прежде всего, с точки зрения разработки многочисленных концепций его применения.

Третье. Изменение военно-политических установок, стратегий и способов ведения политики вообще и военной политики, в частности, нацеленных на достижение радикальных и бескомпромиссных политических целей, включая ликвидацию суверенитетов государств и разрушение их национальной идентичности.

Четвертое. Ослабление ощущения реальной опасности войны, «привыкание» к ней и игнорирование угроз в общественно-политическом сознании. В определенном смысле выступление В. Путина на Давосском форуме в январе 2021 года и ряда западных политических деятелей (например, генерального секретаря НАТО Я. Столтенбергера) о нарастании угрозы войны не изменили общей тенденции недооценки нарастающей угрозы. В результате резко усилилась агрессивность не только деклараций, но и реального поведения субъектов МО, их бескомпромиссность и готовность идти на радикальные шаги.

Главным итогом этой части «переходного периода» (до 2021 года) стал возврат к политике силы, где инструменты насилия в разной форме используются системно и комплексно. Конечная политическая цель такого силового влияния — **создание подконтрольного субъекта и нации, лишенных суверенитета и идентичности, своих систем ценностей с помощью широкого спектра мер и средств политики «силового принуждения».**

1.3.в). Внутренняя «интровертность» России, импортная независимость и безопасность страны

Лишь те будут застрахованы от однобокости своих оценок,
кто сможет направить свой взгляд в прошлое[293]
Гуго фон Фрайтаг-Лорингховен,
военный теоретик

Усиление эскалации военно-силового варианта сценария развития ВПО неизбежно требует переоценки внутриполитической стратегии развития России. Выступления и протесты оппозиции в январе 2021 года, инспирированные из-за рубежа, демонстрируют, на мой взгляд, ошибки внутренней и социально-экономической политики правящей российской элиты. Социальное расслоение, игнорирование потребностей общества и нужд социально-экономического развития выступает очевидным диссонансом с многочисленными заявлениями правительства об эффективности социальной политики страны.

Таким образом, в январе-феврале 2021 года проблема соответствия внутренней политики политике безопасности России встала со всей очевидностью, хотя долгие годы она практически полностью игнорировалась. Она объективно была усилена нарастающим внешним силовым давлением на экономику и правящую элиту, частью которого стало давление на ОПК и представителей ВС и других силовых структур. Нарастающая волна санкций, как наконец-то стало ясно, потребует от промышленности России много, но, прежде всего, опережающего развития фундаментальной науки и НИОКР, т. е. именно тех областей, в которых с конца 80-х годов откровенно игнорировались даже минимальные запросы[294]. В результате в ГОЗ и в целом в НИОКР сложился хаос, из которо-

293 *Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон.* Полководческое искусство. М.: АСТ, 2019. 416 с., с. 23.
294 *Подберезкин А.И., Крылов С.А.* Политика, война и международная безопасность в XXI веке // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2019. № 10 (357), сс. 21–41; *Подберезкин А.И., Кузина А.Н.* Стратегия научно-технологического превосходства США: силовой диктат // Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer. 2019, № 8 (355), сс. 25–36.

го требуется срочно выходить. В противном случае рывок в области модернизации ВВСТ, сделанный в последние годы, окажется тактическим успехом. Как справедливо заметил М. Климов, «Оборонный бюджет России в сегодняшнем непростом ее положении решено не сокращать, с тем чтобы ГПВ 2011–2020 была, безусловно, выполнена.

Но деньги решают не все. Важны еще грамотные, четкие, полные, однозначные, оптимальные правила игры всех участников ГОЗ. Сегодня эти правила наряду с сомнительным статусом имеют просто безобразное качество и элементы противоречивости. Наше уже 10-летнее наблюдение «снизу» за динамикой нормативной базы в этой области, включая военную электронику (с робкими попытками внести в это дело некоторую положительную лепту), позволяют констатировать: процесс (точнее — возня) идет, но медленно, непоследовательно и неуклюже.

Нужен результат. Его нет, и при сохранении тенденции в скором будущем не предвидится. А ведь речь идет об обороне страны, а не о любви, где процесс зачастую важнее результата, и чем хаотичнее, тем приятнее. Огромные средства из госбюджета тонут в бюрократической трясине, не превращаясь в штуки так нужного сегодня России умного вооружения и военной техники»[295].

На встрече президента с сенаторами 23 сентября 2020 года спикер Совета Федерации Валентина Матвиенко сказала: «…выбранный вектор на определенную, я, может, так сформулировала бы, здоровую государственную интровертность, ориентированность на себя, на Отечество — абсолютно верный»[296]. По-своему изящная заготовка неожиданно внятно обнаружила отнюдь не всегда явную суть российского политического режима. Итак: «здоровая государственная интровертность». Внешняя эпифономения традиционных

295 *Климов М.* Наши «Войны Пентагона»-2. Хаос опытно-конструкторских работ // Военное обозрение, 24.12.2020.

296 *Колесников А., Волков Д.* «Обнуляй» и властвуй: основные вызовы политическому режиму после 2020 года — Московский Центр Карнеги — Фонд Карнеги //… 04.12.2020 https://carnegie.ru/2020/12/04/ru-pub83338?mkt_tok=eyJpIjoiTUdOak1UWTBOVGRqWldR MiIsInQiOiJ2MEJsNWRkSklzVFBYWGk2U2YrTHF… 1/15

заявлений В. Матвиенко[297] в данном случае оказалась точной — с точки зрения развития экономики и особенно промышленности России, тем более военной промышленности, нам не надо рассчитывать, как это было долгое время в прошлом, не только на западные инвестиции и технологии, но и даже нейтральное отношение к собственным усилиям в этой области. Очередные (не последние) санкции декабря 2020 года показали, что даже внешние приличия мировой рыночной экономики соблюдаться не будут.

Научно-технический задел (НТЗ) — самая критическая проблема российских НИОКР. Научно-технический задел– это «фундамент» не только для самих современных образцов ВВСТ, это в том числе осознание того, как их эффективно применять. По сути — понимание современной войны (и способность ее вести). Научно-технологический задел — это совокупность имеющихся в наличии новых результатов интеллектуальной деятельности в сфере науки и техники, критических и прорывных технологий, освоение и реализация которых в промышленном производстве ведет к повышению эффективности функционирования отраслей промышленности и освоению в производстве новых технических систем (изделий).

На сегодняшний день уточнены ключевые элементы, определяющие приоритетные направления создания научно-технического задела для перспективных видов вооружения, военной и специальной техники (ВВСТ). Это в первую очередь касается «Перечня базовых и критических военных технологий на период до 2025 года» и «Перечня приоритетных направлений фундаментальных, прогнозных и поисковых исследований в интересах обеспечения обороны страны и безопасности государства на период до 2025 года».

По результатам анализа вопросов разработки новых ВВСТ в перечень военных технологий были внесены существенные изменения, связанные в основном с развитием комплексов нетрадиционного вооружения, гиперзвуковых летательных аппаратов, систем

297 **Эпифеномен** — *зд.:* в политике (от греч. *epi* — при и *phenomenon* — являющееся) — побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния. Эпифеноменом иногда считается сознание, истолковываемое как простое «отражение» внешних событий, никак не воздействующее на них.

связи и управления. По каждой военной технологии содержится подробное описание в виде паспорта, отражающее ее направленность, критические характеристики, уровень готовности, ориентировочную стоимость и другие параметры, необходимые для дальнейшего использования при подготовке государственной программы вооружения (ГПВ) и государственного оборонного заказа (ГОЗ). В итоге уточненный перечень включает 9 базовых, 48 критических и 330 военных технологий.

Ключевые вопросы при этом: «Кто платит?» и «Кто заказывает музыку?» В целях «экономии» еще при Сердюкове в МО РФ решили, что за формирование перспективного НТЗ должен в первую очередь отвечать Минпромторг (а Минобороны — «покупать (выбирая) в магазине понравившийся товар»).

Получилось наоборот. Не прибегая к грубым выражениям, просто процитируем материал из журнала «Вооружение и экономика» № 4/2012 г.: «Роль научно-технического задела в инновационных процессах создания перспективного вооружения: проблемы и пути решения» (прямая ссылка на PDF-файл).

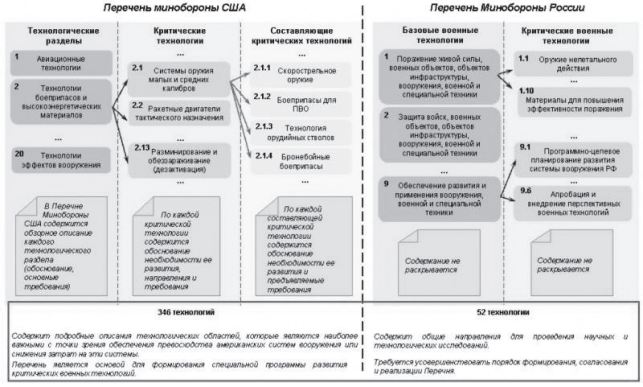

Рис. 14. Сравнительная характеристика перечня военных критических технологий США и базовых технологий России [298]

298 Цит. по: *Климов М.* Наши «Войны Пентагона». Реалии отечественных НИОКР // Военное обозрение, 4 декабря 2020 г.

По сути, фраза «общие направления для проведения научных и технологических исследований требуют усовершенствование порядка оформления, согласования и реализации перечня» — это «фиговый листок» фактического разгрома системы формирования НТЗ для Вооруженных Сил РФ. Отдельные наши успехи в подавляющем большинстве случаев — личная работа (и заслуга) ряда ответственных руководителей, а не системы (которая фактически разрушена).

Однако, положительные сдвиги в системе заказов ВВТ не коснулись науки, которая играла в советское время важную роль в обосновании необходимой номенклатуры ВВТ и их ТТХ (тактико-технических характеристик). Военная наука ***перешла на стадию потери функциональности***. По крайней мере так утверждает президент Российской академии ракетных и артиллерийских наук В. Буренок. Мы точно не знаем, что нужно нашим Вооруженным Силам и с какими параметрами. Зачастую ТТЗ (тактико-техническое задание) на создание новых образцов содержит требования, находящиеся за пределами законов физики и здравого смысла. Тем временем «реформы» военно-научного комплекса (ВНК) продолжаются. В ходе их проведения военная наука стала «похожа на больного, которого непрерывно оперируют, и он уже не думает о продуктивной жизнедеятельности, его задача — оправиться от бесконечной боли и просто-напросто выжить»

Тем не менее голосование по поправкам показало, что власть уже не может рассчитывать на безоговорочную поддержку общества. Для обеспечения необходимого результата теперь требуются немалые усилия и ухищрения. По сути, сторонников принятия поправок в Конституцию в российском обществе оказалось лишь немногим больше, чем противников ее изменения. Так, за месяц до голосования перевес в пользу изменения Конституции выглядел не слишком убедительно (44% против 32% в целом по стране). Однако, среди намеренных голосовать он был внушительным (55% против 25%).

Желаемый результат был обеспечен за счет 1). успешной мобилизации сторонников и 2). практически полной демобилизации противников. Для достижения первого были использованы:

— агитация, в том числе незаконная со стороны местных властей;
— расширение срока голосования с одного дня до недели;
— снижение требований к проведению самого голосования (пресловутое «голосование на пеньках»);
— принуждение к голосованию (зафиксированные случаи);
— затруднения и дискредитация работы наблюдателей.

Второе — демобилизацию противников — удалось осуществить благодаря личной убежденности протестно настроенных граждан в том, что их мнение не сможет ни на что повлиять. Важный вклад в дезориентацию скептически настроенных избирателей внесли склоки, ревность и конкуренция внутри российской оппозиции, которая в очередной раз не смогла договориться о единой стратегии поведения и предложить ее гражданам, настроенным против поправок. В итоге большинство противников изменения Конституции не принимали участия в голосовании.

Выступления в Хабаровске в 2020 году и в ряде городов в 2021 году в очередной раз обнаружили спрос на новые лица в политике (арестованный экс-губернатор Сергей Фургал, сам того не желая, в одночасье стал общенациональной узнаваемой фигурой). Хабаровский пример — протест не столько против «зажравшейся» богатой Москвы, сколько против Кремля и бюрократии, а в отдельных проявлениях и против Путина. Такого рода протесты не организуются оппозицией из Москвы — они отражают местные проблемы и говорят о гражданской сплоченности, солидарности на местах; их социальная база не ограничивается городским образованным средним классом. Доля сочувствующих такого рода протестам весьма высока, что отражает в целом высокую степень недовольства властью, прежде всего федеральной. В августе 2020 года 47% респондентов относились к хабаровским протестам «скорее положительно», а 32% полагали, что «федеральная власть убирает политиков, которые пользуются широкой поддержкой людей».

В целом можно во многом согласиться с выводами обозревателей фонда Карнеги относительно развития внутриполитической ситуации в стране, сделанными ими в заключении в одной

из статей:[299] «Российская власть по-прежнему в состоянии удерживать политическую **ситуацию в неустойчивом равновесии**. Но для того, чтобы хотя бы стоять на месте, приходится бежать в два раза быстрее — придумывать поводы для политической мобилизации, идти на расширение социальных расходов, находить новые источники доходов… К любым попыткам даже минимальной модернизации, делают категорический вывод авторы,- эта *система уже органически, в силу своего устройства и зрелой фазы развития не способна.* Нет и механизмов — институциональных или ситуативных — заговора элит против Путина… Может произойти множество событий, способных нарушить сложившееся «плохое» равновесие».

Если отбросить неизбежную ангажированность авторов и фонда Карнеги, то вывод, на мой взгляд, категоричен: нужна быстрая и всеобъемлющая национальная мобилизация — идеологическая, финансовая, организационная — с целью повышения эффективности социально-экономического развития, укрепления внутриполитической стабильности и безопасности.

299 *Колесников А., Волков Д.* «Обнуляй» и властвуй: основные вызовы политическому режиму после 2020 года — Московский Центр Карнеги — Фонд Карнеги //… 04.12.2020 https://carnegie.ru/2020/12/04/ru-pub83338?mkt_tok=eyJpIjoiTUdOak1UWTBOVGRqWldR MiIsInQiOiJ2MEJsNWRkSklzVFBYWGk2U2YrTHF… 1/15

1.4. Национальные интересы как основа деятельности Российского государства в XXI веке и их влияние на формирование международной обстановки

Исторические корни русского народа
уходят в глубокое прошлое[300]
Г. Вернадский

Интерес (объективно существующая потребность) — категория, лежащая в основе субъективного представления о целях и средствах политики тех или иных представителей общества и правящей элиты, влияющих на формирование политики. Иногда он формулируется как «главная (руководящая) идея»[301] или как-то иначе. Именно анализ интересов — единственный способ анализа реальной, а не только декларируемой политики. Национальные интересы[302] — ключевое понятие, существующее в политике, однако необходимо изначально исходить из представления о том, что существуют не только **иные** интересы, как более высокого, так и более низкого порядка, но и интересы, которые могут отличаться своей *функциональной и иной принадлежностью* (в том числе противоречивостью, такие, как безопасность и развитие, например), а также *временными рамками*[303]. Например, национальные, госу-

300 *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. М.: Эксмо, 2014, с. 11.

301 См., например: *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. М.: Финансовый контроль, 2003, сс. 18-19.

302 **Национальные интересы** — *зд.:* объективно существующие интересы (потребности) нации, отражающие ее осознанные фундаментальные потребности развития и безопасности, согласованные между основными социальными группами и слоями общества.

303 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. ИД «Международные отношения», 2018, 1596 с.

дарственные, групповые и пр. интересы — краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные, — которые, повторю, могут не только совпадать, но и противоречить друг другу.

Принципиально важно понимать, что в основе адекватной политики субъектов МО лежат именно национальные и государственные интересы[304], когда влияние групповых, классовых и личных интересов должно быть незначительно, что в реальной жизни бывает далеко не всегда. Но в отличие, например, от групповых или личных интересов, национальные интересы носят достаточно объективный, долгосрочный, стратегический характер. Поэтому при анализе политики того или иного субъекта МО или (реже) негосударственного актора более правильно ориентироваться на анализ именно национальных и государственных интересов.

1.4.а). Национальные интересы в системе различных интересов субъектов международной обстановки

Мы убедились, насколько расплывчатым и неопределенным нередко выглядит такое понятие, как «национальные интересы»[305]

А. Васильев, академик РАН

Так как существует большое количество самых разных интересов, имеющих как объективный, так и субъективный, а также краткосрочный, долгосрочный и иной характер, то при анализе политики того или иного субъекта МО необходимо исходить их представлений о том, что в их основе не всегда и не везде доминируют именно

304 Следует различать национальные (общенациональные) и государственные интересы, которые далеко не всегда совпадают. Так, в России национальные и государственные интересы в 90-е годы существенно отличались друг от друга. Последние могут зависеть от характера власти и качества политической элиты, находящейся у власти.

305 *Васильев А.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018, с. 210.

национальные или государственные интересы. Кроме того, субъективные представления об этих интересах у различных групп правящей элиты субъекта также может значительно отличаться.

Еще сложнее ситуация с анализом интересов возникает в случае, когда речь идет о сложном международном событии, либо анализе состояния МО в регионе, а, тем более, в мире. Ко всем разно порядковым критериям оценки различных интересов добавляются конкретные политические особенности того или иного субъекта МО. Примечательно и то, что во внешней политике **различные** интересы (в том числе национальные) различных государств и акторов могут по времени совпадать друг с другом, а в последствии и противоречить.

Таким образом, нет иного пути для понимания характера состояния МО иначе как анализа самых разных интересов всех субъектов и акторов, вовлеченных в процесс его формирования. Так, в этой связи очень показателен пример, приведенный бывшим начальником советского направления в ЦРУ Милтона Бирдона, относительно совпадения и различия целей государств относительно введения войск СССР в Афганистан, т. е. состояния МО в регионе. Надо подчеркнуть, что процесс формирования МО происходит «растянуто» по времени, порой отдельные его этапы существенно отличаются друг от друга. Так, в отношении состояния МО во второй половине 80-х годов автор пишет следующее:

В отношении внешней политики США к 1986 году внутри правящей элиты окончательно сформировался консенсус, который тот, со слов президента и директора ЦРУ, назвал так: «Мы были там, чтобы победить»[306]. Главными союзниками США выступали Китай, Саудовская Аравия, Великобритания, Египет.

Относительно Китая в США считали, что тот «как это всегда было для него характерно, видел этот конфликт в долгосрочной перспективе. Пекин не хотел расширения советской империи в направлении Оманского залива, где Советы будут служить

306 Были выделены, по сути, неограниченные ресурсы — более 1 млрд. долл., ПЗРК «Стингер» и пр.

наковальней для индийского молота, и между ними неуютно будет Пакистану…».

Относительно Саудовской Аравии, в США полагали, что ее политика была «рациональным результатом их глубокой озабоченности распространяющимся влиянием Ирана».

В отношении Пакистана, который дал доступ в страну ваххабитам, ЦРУ намекало, что стоимость нефти в то время «позволяла посильную вовлеченность».

Соединенное Королевство Великобритании «никогда особенно далеко не отставало от США, учитывая «знание англичанами тонкостей «большой игры» в регионе», т. е. традиционного участия Англии в борьбе за влияние на Ближнем и Среднем Востоке.

Египет был хорошо оплачиваемым квартирмейстером и поставщиком советского оружия. Для Египта и многих других исламских стран «Афганистан стал удобной свалкой, куда надо отправлять отечественных смутьянов. Египет потихоньку очистил свои тюрьмы от политических заключенных и просто психопатов, отправив их воевать в Афганистан»[307].

Таким образом, существуют самые *разные интересы у различных участников формирования МО, которые отличаются не только характером, но и приоритетностью и временными рамками*. Если для США и Великобритании в отношении СССР эти интересы были глобальными, отражавшими приоритеты национальной безопасности, для Китая и Пакистана — региональными, а для Египта — внутриполитическими и экономическими. Вместе с тем, совпадение этих интересов означало, что против СССР действовала широкая коалиция государств, сформировавшаяся на основе совпадения самых разных интересов.

Явный парадокс объективной оценки национальных интересов и формирования на их основе политики субъекта МО и ВПО заключается в том, что, не смотря на их вполне объективный харак-

307 *Бирден М., Райзен Дж.* Главный противник. Тайная история последних лет противостояния ЦРУ и КГБ, 2-е изд., исправ. М.: Международные отношения, 2020, 528 с.; ил., сс. 215–217.

тер мы далеко не всегда в состоянии точно оценить **достоверность** принимаемых решений. Типичный пример — решение о вводе войск СССР в Афганистан в декабре 1979 года.

С точки зрения национальных интересов СССР, ввод войск в Афганистан в 1979 году вплоть до настоящего времени получил неверную оценку, которая преимущественно сводится к переоценке значения субъективного фактора — «обида Л. Брежнева» и роли «престарелого политбюро» или преувеличению значения классовых, интернациональных интересов КПСС. В конечном счете, в общественном мнении России сложилось впечатление, что партийные и групповые, а не национальные интересы доминировали при решении ввода войск в Афганистан в декабре 1979 года[308].

К сожалению, такой упрощенный подход остается до настоящего времени. Что не соответствует действительности. Мы, к сожалению, далеко не все еще знаем о том процессе принятия решений по Афганистану, но, по авторитетному мнению, ведущего специалиста академика РАН Алексея Васильева, «Логика принятия решения об интервенции имела ***несколько уровней***. Первый из них — военно-стратегический («оборонительной агрессии»). Второй — частью военных, — «военными методами можно изменить политическую ситуацию» (как до этого в Анголе или Эфиопии). Третий уровень — получить военный полигон для испытания людей и ВВСТ. Наконец, «определенный вес имело и пропагандистское клише об «интернациональном долге». Как писал авторитетный прагматик и дипломат тех лет Г. М. Корниенко, «У меня сложилось ощущение, что не только у М. Суслова, но и Ю. Андропова…, помимо вполне реальной заботы о безопасности СССР в связи со сменой режима в Кабуле… существовало ложное представление об опасности потерять… почти социалистическую страну»[309].

308 Эта доминирующая точка зрения была необходима М. Горбачеву и его окружению с целью подчеркнуть ошибочность внешней политики КПСС и Советского государства и новизну политики «нового мышления», т. е. стало инструментом информационной кампании.

309 *Васильев А. М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018, сс. 268–270.

Таким образом, при принятии решения по Афганистану, безусловно, доминировала позиция, отражающая интересы национальной безопасности СССР того времени, которая сформировалась в соответствии с существовавшими в те годы реалиями в мире и в регионе, но полной ясности у нас до сих пор не существует, а официальная позиция «об ошибочности» такого решения выглядит конъюнктурной.

Одной из важных составляющих формирования МО и политики безопасности России является неизбежная разница в интересах разных субъектов МО как в мире, так и в конкретном регионе или на отдельном ТВД. В том числе и в приоритетах этих интересов потому, что далеко не всегда именно национальные интересы, как уже говорилось выше, определяют в максимальной степени политику того или иного субъекта.

Говоря об интересах субъектов МО, например, *в самом общем виде*, можно вычленить следующую **приоритетность**, существующую среди интересов по степени важности, которая отражает круг заинтересованных в них субъектов и акторов политики, но вовсе **не являются всегда** приоритетными, даже решающими, в реальной политике:

– биологические и экологические интересы и потребности, характерные для всех социальных слоев и групп не только конкретной нации, но и цивилизации и всего человечества (ложно понятые М. Горбачевым «общечеловеческие интересы»);

— национальные интересы, отражающие наиболее фундаментальные и долгосрочные потребности большинства представителей нации и цивилизации, а также национальные ценности, формирующие идентичность;
— государственные интересы, отражающие интересы правящей элиты и государственных институтов, находящейся у власти группы, которые далеко не всегда совпадают с национальными интересами;
— классовые, социальные интересы больших социальных групп нации;
— групповые интересы отдельных социальных групп и слоев;

— корпоративные интересы отдельных институтов и корпораций, например, разведки, обороны, ОПК и т. д.
— наконец, личные и семейные интересы.

Среди этих интересов принято считать наиболее важными и приоритетными именно национальные, как наиболее общие и фундаментальные интересы и системы ценностей, объективно имеющие долгосрочный характер.

Другое разделение интересов происходит по **функционалу**, где наиболее важными принято считать интересы национального развития (социально-экономического, научно-технологического и пр.) и интересы обеспечения безопасности) военной, информационной, цивилизационной и т. д.).

Наконец, интересы делятся по продолжительности, «по времени»:
— на краткосрочные 1–3 года;
— среднесрочные 3–5 лет и более;
— долгосрочные — 10 и более лет.

Очень важно, что правящая элита и общество точно определилось в этой системе координат, где субъективные ошибки в оценках объективных реалий неизбежно стоят очень дорого, когда такие оценки превращаются в цели. Так, в первые годы Советской власти приоритет придавался классовым, социальным интересам, которые трансформировались в политические цели и соответствующую стратегию. Переоценка в направлении от социальных интересов до государственных интересов происходила не только в 30-е годы, но и в 50-е годы и в 60-е годы, наконец, наиболее радикальная — в 80-е годы, при М. Горбачеве, когда государственные и классовые интересы в приоритетности уступили по своему значению интересам «общечеловеческим», а на самом деле, личным интересам и амбициям М. Горбачева.

Другими словами, на всем протяжении XX века национальные интересы СССР и России в своей приоритетности уступали по своему значению другим интересам, но **в разной степени**[310], а

310 В наибольшей степени национальные интересы СССР были реализованы в период 1940–1955 годов.

именно другим интересам — классовым, государственным, общечеловеческим. В наиболее опасном для нации варианте в 90-е годы эти интересы стали уступать интересам узкой социальной группы лиц, которая представляла собой конгломерат преступников, бизнесменов и чиновников, разбогатевших в годы «либеральной революции».

«Возвращение» национальных интересов в российскую и международную политику, активно обсуждаемое в последние годы, требует некоторых пояснений потому, что искусственно-искаженная трактовка этого явления в прошлые годы в нашей стране имела для нее самые негативные последствия. И, к сожалению, остатки этого отношения продолжают влиять и сегодня. Влияние, порой чрезмерное, когда доминирование групповых и социальных интересов некоторых социальных групп правящей элиты 90-х годов, во многом продолжает сохранятся, что неблагоприятно сказывается на процессе «возвращения» доминирования национальных интересов.

Таким образом, можно констатировать, что во втором десятилетии нашего века среди самых разных интересов, лежащих в основе политики России, вернулось доминирование национальных и государственных интересов, которое в значительной степени ослаблено сохраняющимся влиянием внешних факторов и части правящей элиты, которая пришла к власти в 90-е годы.

Это обстоятельство отражается на состоянии национальной безопасности сразу в нескольких аспектах:

— Во-первых, ведет к медленной реализации функций управления, которые сдерживаются саботажем и непрофессионализмом части элиты.
— Во-вторых, непоследовательности политики, которая также характеризуется неоправданными маневрами и остановками.
— В-третьих, недооценкой возможности внутриполитической дестабилизации, которая вызвана ослабленным сопротивлением внешнему вмешательству.

1.4.б). Место национальных интересов в системе интересов и ценностей правящей элиты России

В дискуссии в правящей элите вновь проявилась проблема фактического выбора между приоритетом сохранения макроэкономической стабильности за счет искусственного сдерживания расходов (и развития) страны и проблемой безопасности[311]
А. Подберезкин, профессор

Существует не только объективное противоречие между национальными интересами социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности, которое требуется гармонизировать в любом субъекте МО, но и масса субъективных различий в представлениях как о приоритетах развития, так и о приоритетах безопасности. Этот «комплекс» объективных и субъективных противоречий может и должен преодолеваться на самом высоком политическом уровне, но при помощи экспертов, которые практически ориентируются в этих вопросах, формируя системное представление о безопасности и развитии нации. Так, заведомо упрощенное представление конца 80-х годов в СССР о том, что «ВПК уничтожает экономику СССР» привело в итоге не только к уничтожению на 80% отечественного ОПК к концу 90-х годов, но и 80% уничтожению (а не росту) промышленности и обрабатывающей промышленности в России. Как оказалось, уничтожение ОПК не ведет к улучшению социально-экономического положения в стране. Даже наоборот.

На мой взгляд, не только на этом, но и на более высоком, макроуровне, в правящей российской элите так и не сложилось представления о стратегии развития страны, которая одновременно — и

311 Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.А. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2921, 478 с., сс. 13–14.

в этом ее современная особенность — является и стратегия укрепления ее национальной безопасности. Именно поэтому основные меры против России, предпринятые США и их союзниками в 2014–2020 годы, были направлены на создание максимально неблагоприятных условий для ее развития, которые одновременно являются и неблагоприятными условиями для ее безопасности.

Объективное существование и субъективная трактовка национальных интересов — очевидное противоречие, которое точно описал академик А. Васильев: «Мы убедились, насколько расплывчатым и неопределенным нередко выглядит такое понятие, как «национальные интересы» СССР/России…, насколько туманными и противоречивыми могут быть цели, задачи, методы внешней политики. Но мы вступаем на еще более зыбкую и практически не исследованную почву, когда пытаемся выяснить, как эти интересы, цели и задачи преломлялись в головах конкретных людей, а затем проявлялись в их действиях»[312].

Политическое и социально-экономическое развитие России неотделимо от состояния ее внешней и внутренней безопасности, которые вместе должны рассматриваться в качестве системы, проникнутой внутренней логикой обеспечения национальной и государственной безопасности, а также социально-экономического развития государства[313]. Для того, чтобы понять эту логику существует единственный путь — анализ национальных интересов и общей истории, лежащих в основе мыслей и поступков правящей элиты и общества, среди которых, как говорил великий русский историк С.М. Соловьев, нет места неожиданностям или поступкам»[314]. Эти интересы, или (что, то же самое — *потребности),* — объективная реальность, чья сущность минимально зависит от отношения к ним человека, ***но представление об этих интересах***

312 *Васильев А. М.* От Ленина до Путина. Россия на Ближнем и Среднем Востоке. М.: Центрполиграф, 2018, сс. 210–211.

313 Формально признаваемое в Стратегии национальной безопасности России в редакции 31 декабря 2015 года, в политической практике эта взаимосвязь нередко игнорируется. В особенности в финансово-бюджетном планировании.

314 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2015, с. 7.

— субъективное восприятие — уже изначально не может точно отражать эту реальность, в лучшем случае приближаясь к их адекватной оценке. Когда же эти субъективные представления отличаются существенно от объективных реалий, как это было, например, в последние десятилетия в России, происходит формирование *искаженной политики, не отражающей объективного характера интересов (потребностей) общества и государства.*

Применительно к России, например, это, прежде всего, ее геополитическое положение, создающее, по определению крупного российского историка Г.В. Вернадского, «евразийскую сущность» российской нации, отличной от европейской и азиатской[315], а также природные и ресурсные особенности, влияющие на характер проживающих на этой территории народов. Эти характерные черты и особенности, включая исторические, культурно-духовные, цивилизационные и некоторые иные, составляют основу для понимания объективного характера национальных интересов и системы ценностей.

К ним следует обязательно добавить общие представления о будущем, единой судьбе и нравственных нормах, которые исторически сформировались в Российском государстве, которое, кстати, является старейшим из государств современной Европы, т. е. обладает мощной государственнической традицией.

Таким образом, мы постоянно сталкиваемся с двумя процессами **— объективным,** — развитием самых разнообразных интересов (общечеловеческих, национальных, государственных, социальных, групповых, личных, а также политических, биологических, экономических и т. д. и **субъективным** — пониманием и трактовкой этих интересов отдельными социальными группами и их представителями. Разница между ними порой может достигать огромной дистанции, но никогда полностью не исчезает даже в том случае, когда осознанием и трактовкой интересов занимаются самые талантливые представители общества и правящей элиты. Тем более (как это

315 См. подробнее: *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. М.: Эксмо, 2014, 608 с.

было последние 30 лет в СССР и в России), когда такие представители не отличаются особыми способностями.

1.4.в). Правящая элита и национальные интересы: взаимоотношение объективных и субъективных факторов

Трудно какое-то одно событие вычленить из череды того, что происходило и продолжает происходить. Наверное, такой кумулятивный эффект имело осознание Западом того, что Россия — все-таки это самостоятельная держава. И что у России всегда будут на первом месте свои национальные интересы…[316]

С. Лавров

Уже говорилось выше о том, что трудно определить доминирующие во внешней политике интересы, а тем более ***субъективное их понимание*** теми или иными представителями правящей элиты. Во многом это объясняется не только противоречиями внутри собственно правящей элиты и различиями в интересах разных социальных и корпоративных групп, а также личными интересами тех или иных представителей правящей элиты, — что неизбежно, но и различиями в представлениях о стратегии реализации этих интересов, прежде всего, целеполагании, выборе средств и методов достижения этих целей.

Иными словами, различные подходы заложены в *самом процессе* подготовки и принятия решений, оценке, прогнозе и выборе методов достижения поставленных целей.

Наконец, различные представители правящей элиты находятся под разным **внешним влиянием** от других субъектов и много-

316 *Лавров С.В.* ИТАР-ТАСС, 10.12.2020.

численных акторов, влияющих на формирование МО. Иными словами, внешняя политика формируется и реализуется во многом в тумане многочисленных субъективных факторов и действий представителей правящей элиты. Очень точно такое состояние описано Л.З. Слонимским применительно к внешней политике князя Горчакова и в целом России второй половины XIX века: «Для правильной оценки деятельности Горчакова необходимо иметь в виду два обстоятельства. Во-первых, его политический характер выработался и установился окончательно в царствование императора Николая I, когда для России считалось обязательным заботиться о судьбе европейских династий, хлопотать о равновесии и согласии в Европе, ***хотя бы в ущерб реальным интересам и потребностям собственной страны*** (подч. А.П).

Во-вторых, русская внешняя политика не всегда направляется исключительно министром иностранных дел (как известно, на него оказывали влияние не только император и Бисмарк, но и Шувалов и многие другие — (*А.П.*) … этот недостаток единства выразился особенно резко в составлении Сан-Стефанского договора и в способе его защиты на конгрессе. Горчаков был искренний приверженец мира и, тем не менее, должен был против воли довести дело до войны.

Эта война, как было откровенно высказано в «Journal de St.-Pétersbourg» после его смерти, «была полным ниспровержением всей политической системы кн. Горчакова, казавшейся ему обязательною для России еще на многие годы. Когда война стала неизбежною, канцлер заявил, что он может гарантировать Россию от враждебной коалиции только при двух условиях — а именно, если война будет непродолжительна и если цель похода будет умеренная, без перехода за Балканы. Эти взгляды были приняты императорским правительством. Таким образом, мы предпринимали полувойну, и она могла привести только к полумиру».

Между тем война оказалась настоящей и очень тяжелой, а сравнительная бесплодность ее была отчасти результатом полуполитики князя Горчакова. В колебаниях и полумерах его отражалась борьба двух направлений — традиционного, честолюбиво-

международного, и практического, основанного на понимании внутренних интересов государства. Эта неясность исходной точки зрения и отсутствие точной практической программы обнаруживались, прежде всего, в том, что события никогда не предвиделись заранее и всегда заставали нас врасплох. Трезвые, жизненные приемы Бисмарка не оказывали заметного влияния на дипломатию Горчакова. Последний придерживался еще многих устаревших традиций и оставался дипломатом старой школы, для которого искусно написанная нота есть сама по себе цель. Бледная фигура *могла казаться яркою только благодаря отсутствию у него соперников в России и при спокойном ходе политических дел*»[317].

Огромное значение в политике безопасности имеет наличие и эффективное использование тех или иных средств внешнеполитического влияния. Не секрет, что с давних пор в такой политике часто используются самые разные средства внешнего влияния на правящую элиту государств. В настоящее время, как известно, существует три таких основных способов:

— **«мягкая сила»** — убеждение, агитация, подкуп и другие способы внешнего влияния, не связанные с использованием силы;
— **«силового принуждения»** — экономические, политико-административные, информационные и иные средства силового (невоенного) принуждения оппонента;
— **военная сила**, применяемая в нескольких формах:
  — во-первых, в качестве открытой («эксплицитной») угрозы (шантажа);
  — во-вторых, в качестве завуалированной угрозы («имплицитной»), когда оппоненту дают понять, что применение военной силы возможно в силу ее наличия, присутствия, применения маневров, разведывательных полетов и пр.
  — наконец, в-третьих, прямого использования военной силы, спектр которого широк — от применения ССО до глобального ядерного удара и постоянно расширяется.

317 *Слонимский Л.З. Горчаков А.М.*/ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). СПб., 1890–1907 гг.

Кроме того, существуют, как правило, различия у разных представителей правящего класса в использовании национальных ресурсов, т. е. масштабов вовлечения национальных ресурсов в достижение внешнеполитических целей.

Таким образом, в среде представителей правящей элиты объективно формируется очень широкий спектр представлений как о политических целях, так и средствах, и способах их достижений и о масштабах используемых ресурсов.

Не секрет, что в ходе «перестройки» произошел процесс радикальной переоценки не только национальных интересов, но и вытекающих из этого целей внешней политики, способах их достижения и используемых национальных ресурсов. Так, всячески был продвинут тезис о издержках ВПК, в соответствии с которым экономические трудности в СССР объясняли военными расходами и военной деятельностью. Примечательно, что после радикального сокращения ОПК России и ВС (до 20% от уровня 1990 года к 1999 году) роста экономики и социального благополучия в России и других государствах СНГ не произошло. Никто, однако, публично никогда не признал ошибочность этого утверждения. Более того, до настоящего времени оно сохраняется в правящей элите страны.

В последнее десятилетие в правящей элите страны ускорился процесс признания национальных интересов в качестве доминирующих интересов, что видно по многим примерам — от оценок в различных редакциях Стратегии национальной безопасности России и новой редакции Конституции страны, до публичных выступлений и активности экспертов, которые стали охотно использовать этот термин (даже те, кто всячески выступал против его применения в прошлом).

То же самое неизбежно происходит и с целеполаганием, когда оно зависит не от качества оценки интересов, а от *степени подготовленности правящей элиты,* которая может не только не понимать национальных интересов, но и просто игнорировать их, нанося колоссальный ущерб нации и государству. Именно так произошло, например, в период правления М. Горбачева и Б. Ельцина, который сопровождался абсолютным доминированием в обществе

конформистской правящей элиты, игнорирующей национальные интересы, а до этого с управленческим аппаратом КПСС и Советского государства, который к началу 80-х годов окончательно выродился, превратившись в некую номенклатурную безинициативную массу. Вот как ее описывает бывший сотрудник Орготдела Борис Сидоров, с которым я полностью согласен, имея возможность наблюдать эти процессы изнутри: «Пословица «рыба тухнет с головы» очень верно отражает складывающуюся ситуацию — «протухлость» верхов плавно опускалась вниз, в низовые эшелоны партийного и государственного аппарата. Вспоминаются странности в практике повседневной работы Орготдела ЦК в предперестроечные годы. На местах все уже начинало активно подгнивать, набирали обороты негативные процессы в экономике, внутрипартийной жизни, даже в самом отборе нового пополнения в КПСС, все больше проблем появлялось в кадровой политике. А в Орготделе, как и во всем аппарате ЦК было все спокойно.

Утром работники аппарата выстраивались в длинную очередь у газетного киоска, приобретали чуть не по десятку газет (стоили они тогда 2–3 копейки за экземпляр). Практически до обеда на рабочем месте без спешки и даже не таясь от начальства эти газеты просматривались. Подобная практика поощрялась — считалось, что таким образом работники аппарата глубоко вникают в жизнь страны. И получался заколдованный круг: газеты писали, в основном, об успехах и достижениях во всех отраслях народного хозяйства, культурной жизни, решении социально-бытовых вопросов населения. Это было как бы фоном, общей картиной нормальной жизни страны, добивающейся прекрасных результатов во всем, ну и, естественно, имеющей при этом отдельные недостатки, которые остро бичевались в фельетонах и критических статьях.

В таком контексте серьезные негативные явления, которые вскрывал во время командировки тот или иной работник ЦК, руководством воспринимались как частности, вполне допустимые в большом деле, не влияющие на ход событий и не вызывающие озабоченности.

Было одно довольно комичное действо, которое происходило в Орготделе каждую субботу в начале 80-х. Считалось хорошим тоном для ответственного работника Отдела, есть у него какие-то дела или нет, обязательно выйти на работу в субботу. Это как бы свидетельствовало о том, что Отдел напряженно и слаженно трудится и в выходные дни (можно добавить, что также традиционно по субботам многие выпивали свою «дозу» в коллективе, что означало «близость и корпоративность», но нередко заканчивалось неприятностями, когда «доза» превышала возможности «коллектива»).

«Где-то около 11 часов дня из своего кабинета выходил курирующий Орготдел Секретарь ЦК КПСС Иван Васильевич Капитонов и отправлялся в обход помещений Отдела. Он заходил выборочно в тот или иной кабинет (главным образом к заместителям заведующего Отделом или завсекторами), здоровался, интересовался, как идут дела в регионе, жал руку и шел дальше. Обход заканчивался к 12 часам. После этого все сворачивали свои газеты и отправлялись по домам. Ивану Васильевичу даже в голову не приходило, что его просто, грубо говоря, дурят (на самом деле он это все хорошо понимал, но делал вид, что все так и должно было быть, соблюдая правила игры).

Руководство было твердо убеждено, что все в стране идет как надо, мы движемся в правильном направлении, весь советский народ живет счастливо и единодушно поддерживает мудрую политику ЦК КПСС и лично дорогого Леонида Ильича Брежнева. Говорить иное, сообщать, что имеются и другие мнения, по поводу этой «мудрой» политики, считалось политической незрелостью, близорукостью, просто демагогией.

Для большинства партийных руководителей 70-80-х годов стало характерным мерить достижения в работе очередными пленумами, конференциями, совещаниями, активами, принятыми постановлениями. Что при этом менялось в реальной жизни страны — предпочитали не говорить. Своей кульминации такой подход к делу достиг при Горбачеве. Например, вот как в книге М.С. Горбачева «Жизнь и реформа», вышедшей в 1995 году, описывается

«кипучая» деятельность КПСС под его руководством в 1988 — 1990 годах, когда страна и партия просто расползались по швам и все летело в тартарары: «На июльском Пленуме 1988 года обсуждались вопросы реализации решений XIX партконференции. Сентябрьский Пленум был посвящен совершенствованию структуры партийного аппарата. В январе 1989 года Центральный Комитет утвердил политическую платформу КПСС на выборах. В марте выступил с новой аграрной политикой, главной целью которой стало возвращение крестьянину положения хозяина на земле. Значительным событием стал сентябрьский Пленум того же года, принявший платформу «О национальной политике партии в современных условиях». А на Пленуме, состоявшемся 5–7 февраля 1990 года, была одобрена платформа ЦК КПСС к XXVIII съезду партии «К гуманному демократическому социализму».

Характерно то, что Горбачев в своих мемуарах даже не раскрывает, что же было сделано конкретно по каждому из этих направлений, насколько далеко удалось продвинуться в работе. Получается, что само мероприятие и явилось результатом всей работы, а практические итоги руководство ЦК не интересовали. Поэтому и аппарат ЦК КПСС вместо организации дела на местах, контроля за исполнением принятых решений по полдня читал газеты, сидя в кабинетах на Старой площади.

Как-то получилось, что партийные деятели разного калибра за многие годы привыкали выдавать желаемое за действительное, а в партийном аппарате засело немало людей заскорузлых, с большим самомнением и манерой поучать. Суммируя, можно сказать, что кризис советской государственной системы управления заключался в том, что ей где-то в конце 60-х и начале 70-х годов вдруг **стали не нужны мозги и инициатива. Люди, обладающие этими достоинствами, в систему шли все неохотнее, из системы как-то сами собой выпадали, а иногда и просто разными способами из нее выдавливались. Наступала эра карьеристов и приспособленцев, людей угодливых и беспринципных.**

«Уже к началу 80-х годов забавно и одновременно грустно было наблюдать, как иногда менялся внешний вид человека, назначен-

ного с должности инструктора на должность заведующего сектором ЦК[318]».

Это наблюдение — очень точно и относится не только к аппарату ЦК КПСС, но и всему аппарату управления — включая исполнительную и законодательную, а также комсомол, профсоюзы, местные органы власти, которые копировали нормы аппарата ЦК КПСС. Это важно не только увидеть и признать, но и перенести на нынешнюю почву потому, что к прежним недостаткам добавились новые — корысть, откровенная коррупция и готовность идти на все тяжкие ради выгоды. Это наблюдение важно признать потому, что в современной России эта часть правящей элиты **не только сохранилась, но и остается наиболее влиятельной для принятия решений**.

Вспоминаю, в этой связи, как один из заместителей министров «демократического» российского правительства (который сделал в будущем блестящую карьеру, достигнув самых больших высот, продержавшись во власти 20 лет, — что свидетельствует об ***эффективности*** *его поведения*) рассказывал, что ему удалось за год «не подписать ни одного серьезного документа». Примечательно, что в моей юности в аппарате ЦК ВЛКСМ точно такой же заведующий сектором мне хвалился, что он не только ничего не подписал, но даже «визы не поставил за год». Типичный бюрократ, он за свою жизнь умудрился «поруководить» таким образом наукой, культурой, пропагандой, а в самом конце карьеры — возглавил организацию инвалидов, что было пиком его достижений.

Эти решения современной политической элиты России во многом продолжают игнорировать важнейшие интересы — национальные и социальные -общества и государства, создавая самые сильные препятствия его развитию и обеспечению безопасности. Великий русский философ И. Ильин писал: «Без *общего* интереса, без *всеобщей* (т. е. *всем общей*) цели, без *солидарности* — государство не может существовать. Политическая цель — это та цель, про которую *каждый* гражданин может сказать» «Это моя цель»; и

318 *Сидоров Б.* Партийный аппарат конца 80-х // Проза.ру // proza.ru /2013/08/31/

будет при этом *прав…*»[319]. Но эти принципы должны стать основой системы ценностей в обществе, чтобы национальные и государственные интересы превалировали над социальными, групповыми и личными.

Поэтому важнейшая проблема современной России — смена коррумпированной и антинациональной части правящей элиты, ориентированной на глобальные системы ценностей и интересы. Пока этого не будет национальные интересы останутся в числе декларируемых, но не доминирующих интересов страны. Современная правящая российская элита второго десятилетия XXI века ориентирована на две ценности — материальное благополучие любой ценой (меркантилизм) и способность удержаться в правящей элите (конформизм) — также любой ценой. Ситуация удивительно повторяет самые неудачные для страны исторические периоды, например, начало XIX века, или конца периода правления Екатерины Великой, когда эти качества были открыто доминирующими в обществе. Не меньше «заслуг» имеется и у современного «Российского общества» в лице существующих институтов, весьма активно воспитывавшего у своих членов ненужность проявления какой-либо инициативы, обязательность проявления показной исполнительности, важность принципов «круговой поруки».

«Лучшее — враг хорошего», «Старое — лучше нового», «Не лезь поперек батьки в пекло», «Без сопливых обойдемся», «Не твоего ума дело», «Сиди и не рыпайся…», — гласят весьма популярные в России пословицы и поговорки, имеющие хождение и по сей день. Лучше всего картину рисуют отечественные литераторы. Классика, она и есть классика, — вечная и удивительно точная для всех времен. Например, созданная А.С. Грибоедовым пьеса «Горе от ума» просто пестрит показательными примерами того, как нужно правильно жить в российском обществе, в котором, как подметил устами Чацкого Грибоедов, «Молчалины блаженствуют на свете». «Молчалины», старающиеся угодить «всем людям без

319 *Ильин И.А.* Пути России. М.: Вагриус, 2007, с. 22.

изъятия», молчаливые и покорные со своими начальниками, умеющие подладиться под другого, приноровиться к обстоятельствам и стремящиеся не более чем к удовлетворению личных материальных потребностей и веселой жизни. «Молчалины», берущие пример с людей, которые, благодаря своему уменью приспосабливаться, долго держатся на своих местах: «Вот сам Фома Фомич, знаком он вам?.. При трех министрах был начальник отделенья». Наконец, «Молчалины», считающие, что все должны стремиться к той же цели: «Ну, право, чтобы вам в Москве у нас служить? И награжденья брать, и весело пожить?».

Впрочем, под стать «Молчалиным» и другие персонажи произведения. Например, «Фамусовы», служащие *не делу, а лицам*, и поклоняющиеся людям типа Максима Петровича, который, выслуживаясь, «сгибался вперегиб», «отважно жертвовал затылком», зато был обласкан при дворе, «пред всеми знал почет».

Или «Скалозубы», ориентирующиеся *исключительно на карьеру*, причем без шума и без пыли: «Да, чтоб чины добыть, есть многие каналы». Персонажи, которые даже с возмутителем спокойствия Чацким борются посредством известной фамусовской фразы: «Не слушаю, под суд! Просил я помолчать, не велика услуга».

Показатели политической напряженности, разработанные в последние годы в США, демонстрируют, что правящие элиты современных государств далеко не всегда могут контролировать состояние внутриполитической стабильности. Даже во внешне очень благополучных США 2020 год отметился серьезными социальными волнениями, охватившими все крупные города страны. То же самое можно сказать и о большинстве стран Европы. Как видно на графиках, расположенных ниже, в США в 2010–2020 годы нарастала внутриполитическая напряженность аналогичная периоду, который предшествовал Гражданской войне в XIX веке.

Поэтому, исключительно важное значение приобретают **волевые и интеллектуальные способности власти** противодействовать нарастающей энтропии и хаосу, а, тем более, прямому внешнему вмешательству с целью внутриполитической дестабилизации страны, **те средства и методы**, которые созданы **до** наступления

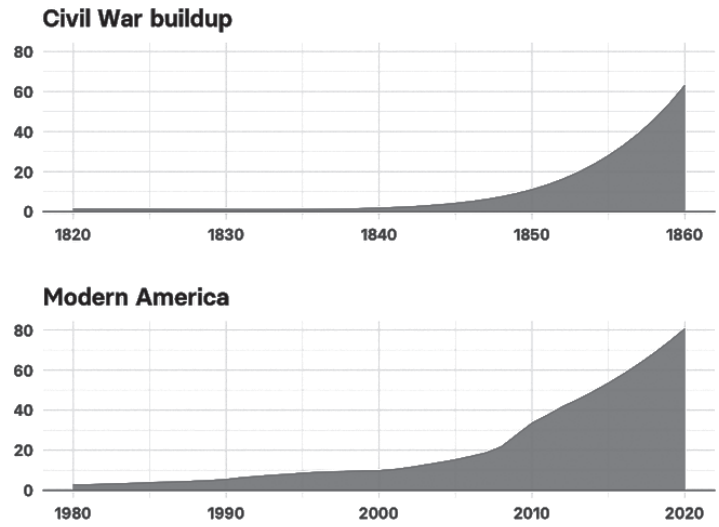

Рис. 15. Индикатор политической напряженности в США стремительно растет, как и накануне гражданской войны[320]

периода дестабилизации. Так, например, в России фактически крайне редко применяется закон, в соответствии с которым (Статья № 275 УК) к ответственности привлекается гражданин за деятельность, направленную против интересов государства. Он сформулирован таким образом: «Государственная измена, то есть совершенные гражданином Российской Федерации шпионаж, выдача иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям сведений, составляющих государственную тайну, доверенную лицу или ставшую известной ему по службе, работе, учебе или в иных случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, *либо оказание финансовой, материально-технической, консультационной или иной помо-*

320 *Олдхаус П.* Эта страшная статистика предсказывает рост политического насилия в США что бы ни случилось в дни выборов / buzzftdnews.com/article/24 Oct.2020.

щи иностранному государству, международной либо иностранной организации или их представителям в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации»[321].

Важное направление в противодействии враждебному внешнему влиянию на правящую элиту России оказывает законодательство и практика реализации законов, которая еще медленно совершенствуется. В декабре 2020 года Госдума приняла в окончательном чтении закон, вносящий поправки в российское законодательство об иностранных агентах. Ими могут быть теперь объявлены общественные объединения, не зарегистрированные в качестве юридических лиц, а также физические лица. И в том числе — иностранные журналисты, занимающиеся политикой. Другими словами, в поле законодательных ограничений попали активные средства внешнеполитического влияния, которые, как минимум, 30 лет действовали в нашей стране по своему усмотрению.

В число агентов могут войти те, кто занимается **политической деятельностью именно на зарубежные средства**. Документ обязывает их самостоятельно регистрироваться в этом качестве в Минюсте и указывать статус иностранного агента в своих обращениях в госорганы, а также в материалах СМИ, касающихся деятельности лиц или организаций, выполняющих функцию иностранного агента. При этом маркировка сообщений и материалов об иностранном агенте отнесена «исключительно к обязанностям СМИ и никак не затрагивает блогеров и иных пользователей социальных сетей»[322], уточнил глава комитета по безопасности и противодействию коррупции Василий Пискарев.

Оговорка о «политической деятельности именно на зарубежные средства» практически обесценивает эту поправку потому, что антироссийская деятельность, направленная на подрыв национальной идентичности и суверенитета, не попадает в эту категорию. Более того, депутаты в ходе рассмотрения документа исключили дво-

321 УК РФ Статья 275. Государственная измена (в ред. Федерального закона от 12.11.2012 № 190-ФЗ).

322 *Замахина Т.* Госдума приняла закон об иногентах-физлицах // Российская газета, 23.12.2020.

якое толкование понятия «политическая деятельность». К ней **не будут** относить деятельность в области науки, культуры, искусства, профилактики и охраны здоровья граждан, социального обслуживания, социальной поддержки граждан, защиты материнства и детства, социальной поддержки инвалидов, пропаганды здорового образа жизни, физической культуры и спорта, защиты растительного, животного мира. А также — благотворительную деятельность. «Таким образом, вносимые новеллы не затрагивают абсолютное большинство НКО», — подчеркнул парламентарий.

Кроме того, из законопроекта исключено положение о запрете деятельности НКО, выполняющих функции иноагента, в составе общественных советов при федеральных органах исполнительной власти[323]. «То есть фактически учтены почти все пожелания, прозвучавшие в ходе обсуждения законопроекта», — резюмировал Василий Пискарев. Наконец, в части регулирования деятельности НКО введено понятие посредника при получении денежных средств и иного имущества от иностранного источника. Это может быть гражданин РФ или российское юрлицо.

Новый закон в доработанном виде не ущемляет права человека, заявил ранее глава Совета при президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ) Валерий Фадеев. Если какие-то организации или физические лица работают на иностранные деньги, российские граждане должны об этом знать, подчеркнул он. «На мой взгляд, этот баланс найден», — отметил глава СПЧ. Иными словами, если иностранные агенты работают против интересов России, заявляя об этом открыто, то такая деятельность не преследуется по закону. И вообще из нее «выпадает» практически любая «не политическая» деятельность,

323 Так, например, в число иноагентов не будет входить радиостанция «Эхо Москвы», в эфире которой часто озвучены комментарии откровенно против интересов России.

1.5. Национальная идея как фундамент обеспечения национальной безопасности России

Итак, государство имеет некоторую единую и высшую цель.
Оно призвано служить этой цели и находится
на действительной высоте лишь постольку,
поскольку оно действительно ей служит[324]
И.А. Ильин, русский философ

Соответственно, и люди, принимающие подобные
(стратегические — А.П.) решения, обладают
большим весом, чем те, кто просто дает
рекомендации или проводят решения в жизнь[325]
Л. Фридман, политолог

Противоборство между отдельными ЛЧЦ, государствами-лидерами и акторами, которое стало усиливаться в последние три десятилетия[326], во многом, если ни в главном, имеет характер усиления межцивилизационных противоречий, в частности, борьбы за продвижение национальных систем ценностей и норм сдерживания, и разрушения чужих ценностей и норм[327]. В их основе лежит набор неких фундаментальных идей, которые, как правило, сформированы в историческом прошлом цивилизаций и наций, и скорректированы современными реалиями. Наиболее ярко это выражено в китайской национальной идее — смеси конфуцианства,

324 *Ильин И.А.* Пути России. М.: Вагриус, 2007, с. 239.
325 *Фридман Л.* Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018, с. 7.
326 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография. - М.: ИД «Международные отношения», 2017. -357 с.
327 В частности, в основных документах США (например, Стратегии национальной безопасности, Военной стратегии и др.) и их союзниках об этом говорится совершенно откровенно.

социализма и китайской специфики, которая лежит в основе долгосрочного (и успешного) стратегического планирования страны.

Главное, что составляет основу национальной идеи, это стратегическая цель и система взаимосвязанных с ней взглядов, концепций и мер, направленных на ее достижение, т.е. **идеология - не только система взглядов,** но и организационных мер по их достижению, т.е. **важнейший элемент управления**.

Соответственно, отсутствие идеологии имеет прямое отношение к результатам социально-экономического развития и обеспечению безопасности:

— отсутствие ясной общенациональной цели;
— слабая общенациональная и государственная координация институтов власти, т.е. низкая эффективность управления;
— непоследовательность в достижении промежуточных этапов, из которых складывается конкретный результат социально-экономического развития и обеспечения безопасности страны[328].

Особенно важно отметить, что отсутствие общенациональной идеи означает и отсутствие точного критерия оценки состояния МО и ВПО в мире, которое изначально выступает в качестве достаточно субъективного критерия. Действительно, если мы не в состоянии точно определить собственные цели и вектор развития, то как, относительно чего, можно оценить развитие МО и ВПО? Именно поэтому вплоть до 2014 года российская правящая элита очень оптимистично и не критически оценивала развитие МО и ВПО, которое практически не сказывалось на состоянии российской политики, экономики и социальном положении ее представителей.

И, наоборот, после 2014 года особенно (хотя первые «звонки» звучали уже в начале нулевых и особенно после военного конфликта в Осетии) ясно стали озвучиваться тревожные нотки в отноше-

328 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. - М.: ИД «Международные отношения», 2018. - 1596 с.

нии развития МО и ВПО, которые к концу второго десятилетия приобрели тревожный характер. Обострение системного мирового кризиса, который в 2021 году на Давосском форуме В. Путин назвал «самым серьезным после кризиса 30-х годов», привело, как минимум к нескольким последствиям в мировой политике:

Во-первых, усилению военного противоборства и рисков войны.

Во-вторых, беспрецедентно агрессивной информационно-пропагандистской кампании.

В-третьих, попытке подмены цивилизационных и национальных систем ценностей некими «нормами и правилами» развитых государств.

В.В. Путин охарактеризовал эти изменение на форуме в Давосе в январе 2021 года следующим образом: «Некоторые эксперты — я с уважением отношусь к их мнению — сравнивают текущую ситуацию с 30-ми годами прошлого века. С такой ситуацией можно соглашаться, можно не соглашаться. Но по многим параметрам, по масштабу и комплексному, системному характеру вызовов, потенциальных угроз определенные аналогии все-таки напрашиваются.

Мы видим кризис прежних моделей и инструментов экономического развития. Усиление социального расслоения: как на глобальном уровне, так и в отдельных странах. Об этом мы и раньше говорили. Но это в свою очередь сегодня вызывает резкую поляризацию общественных взглядов, провоцирует рост популизма, правого и левого радикализма, других крайностей, обострение и ожесточение внутриполитических процессов, в том числе в ведущих странах.

Все это неизбежно сказывается и на характере международных отношений, не добавляет им стабильности и предсказуемости. Происходит ослабление международных институтов, множатся региональные конфликты, деградирует и система глобальной безопасности»[329]. Тем не менее противоречия закручиваются, что называется, по спирали. Как известно неспособность и неготовность разрешать

329 *Путин В.В.* Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021 года». 27.01.2021 /president.org //27/01/2021.

подобные проблемы по существу в XX веке обернулись катастрофой Второй мировой войны».

«Конечно, сейчас такой глобальный «горячий» конфликт, надеюсь, в принципе невозможен. Очень на это надеюсь. Он означал бы конец цивилизации. Но, повторю, ситуация может развиваться непредсказуемо и неуправляемо. Если, конечно, ничего не предпринимать для того, чтобы это не случилось. Есть вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии, чреватым борьбой всех против всех, с попытками разрешить назревшие противоречия через поиск «внутренних» и «внешних» врагов, с разрушением не только таких традиционных ценностей (мы в России дорожим этим), как семья, но и базовых свобод, включая право выбора и неприкосновенность частной жизни».

«Отмечу здесь, что социальный и ценностный кризис уже оборачивается негативными демографическими последствиями, из-за которых человечество рискует потерять целые цивилизационные и культурные материки»[330].

Изменения в социально-политических системах и внутренних устройствах многих государств, произошедшие с конца 80-х годов прошлого века, свидетельствую о том, что главным объектом силового воздействия в политике со стороны США и их союзников стали **не вооруженные силы, а общественные системы и правящие элиты государств в лице своих конкретных представителей, которые сменили** (полностью или частично) свои системы ценностей и пересмотрели национальные интересы своих стран в выгодном для Запада отношении. В действительности, это произошло в угоду господствующей на Западе идеологической системе взглядов и отказа от собственной системы взглядов[331]. Произо-

330 *Путин В.В.* Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021 / president.org//27/01/2021.

331 **Идеология** — *зд.*: **система** юридических, политических, экономических, этических, экологических, художественных, а также религиозных идей, воззрений, понятий, связанная прямо или косвенно с практической жизнедеятельностью людей и ее оценкой, направленных на сохранение, частичное изменение или коренное преобразование теми или иными способами общественного и государственного строя, как правило, закрепляемого в Конституции и иных законах, нормах и обычаях.

шла замена (подмена) норм международного права, сложившихся до конца XX века, некими «правилами и нормами США и нескольких государств», которые стали требовать от остальных стран следовать этим нормам и правилам под надуманным обоснованием об их «универсальности».

Эта политика сопровождается беспрецедентной информационно-пропагандистской кампанией и провокациями, которые должны, по замыслам их организаторов, обеспечить некие политические и правовые обоснования для внедрения таких «универсальных» норм. В 2010-2020 годах против России эта кампания использовала любой предлог (или придумывала таковой) — от «отравления Скрипалей» и Навального до применения в спорте допинга или «вмешательства во внутренние дела, в частности, выборы США и других стран. Формы этой кампании регулярно корректировались. Так, если после 2008 года (конфликта в Осетии) наиболее распространенной была форма «борьбы с российской агрессией» (которая использовалась даже в 2021 году на Западе, в частности генеральным секретарем НАТО Я. Столтенбергером), то в последние годы эта кампания стала ориентироваться на «борьбу с тоталитаризмом и коррупцией» в России.

Надо признать, что подобная кампания во многом оказалась успешной. Прежде всего, в отношении СССР и стран Социалистического содружества, но не только. Современная кампания имеет более широкий масштаб, предназначенный для политико-идеологического обоснования продвижения систем ценностей, норм и правил Запада в общественное сознание и правящие элиты других стран, фактическое разрушение цивилизационных основ и национальных систем ценностей. Происходит, как это наглядно показала Украина, **переформатирование сознания наций**. Подтвердились в очередной раз слова великого русского философа Ивана Ильина о том, что «Есть некий духовный закон, владеющий человеческой жизнью; согласно этому закону, *человек сам постепенно уподобляется тому, во что он верит*»[332] (подч. *Авт.*)

332 *Ильин И.А.* Пути России. М.: Вагриус, 2007, с. 22.

Радикальные изменения в странах «Восточного блока», СССР, Ливии, Афганистане, Ираке, Югославии и целом ряде других государств стали не следствием их военного поражения или капитуляции после военно-силового шантажа, а *результатом информационно-когнитивного воздействия, переформатирования сознания значительной части общества и правящей элиты,* которые (через внутриполитическую дестабилизацию) привели к самым радикальным изменениям не только во внутренней и внешней политике, но и общественно-политическом, и экономическом устройстве этих государств. Причем политическое поражение было нанесено без участия вооруженных сил в какой-либо форме.

Те государства, правящие элиты которых смогли устоять перед таким давлением, — Китай, Вьетнам, Куба, КНДР, ряд других, — смогли сохранить не только свой контроль над политикой и национальными ресурсами, но и политический суверенитет. Большинству государств в мире такой контроль сохранить не удалось, что в итоге привело не только к невыгодным решениям в экономике, финансах и торговле, но и усиливающейся тенденции размывания национальной идентичности и ограничения суверенитета, от которой они (почти всегда) безуспешно пытались избавиться с конца прошлого века.

Таким образом, к началу второго десятилетия нового века стало окончательно ясно, что главным объектом политики стало общество и правящая элита, а главными средствами — широкий спектр силовых средств, среди которых военная сила играет важную, но не решающую роль. «Переходный период» 2020–2035 годов и далее, безусловно, будет продолжением этой тенденции, которая на современном этапе полностью подтвердилась событиями на Украине и в Белоруссии 2014–2020 годов. Это же означает, что традиционное соотношение понятий «политика» и «война» в еще большей степени высветило значение при стратегическом планировании конечных политических целей, которые в полной мере означают понятие «стратегические политические цели» — системные, наиболее приоритетные, как правило долгосрочные. Такие, например, как в отношении Украины и Белоруссии (а также Казахстана и других советских республик) были сформулированы правящими кругами США еще в период существования

СССР — раскол России, как минимум, и превращение их во врагов России (с последующей дезинтеграцией последней).

1.5.а). Усиление попыток уничтожения национальной идентичности и суверенитета России со стороны Запада

> Используя чрезвычайную самонадеянность Горбачева и его окружения, в том числе и тех, кто откровенно занял проамериканскую позицию, мы добились того, что собирался сделать Трумэн с Советским Союзом посредством атомной бомбы. Правда, с одним существенным отличием — мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство, которое было бы нелегко создавать[333]
>
> *Б. Клинтон,*
> *выступление на совещании ОКНШ США 25 сентября 1995 г.*

Усиление попыток уничтожения национальной идентичности и суверенитета России со стороны Запада — органичное и абсолютно естественное стремление, вытекающее из общей стратегии и политической либеральной идеологии глобализации, где «суверенитет» и «национальная идентичность» — понятия, абсолютно не совместимые с глобальной экономикой и универсальными политическими и правовыми нормами Запада. На это обратил внимание В. Путин в своем выступлении в январе 2021 года на форуме в Давосе[334].

В этом смысле Россия всегда будет страной — «ревизионистом», посягающей на универсальные международно-правовые

333 Источника этого выступления в США не нашлось, что не свидетельствует ни о его существовании, ни об отсутствии. Примечательно, что применительно к идеологии это выступление Б. Клинтона очень актуально.

334 *Путин В.В.* Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021 / president.org//27/01/2021.

нормы, сформулированные и навязанные мировому сообществу Западом в конце XX века. Приход к власти Дж. Байдена в США означает не просто продолжение этой политики, но и ее интенсификацию. По мнению директора фонда Карнеги в Москве Д. Тренина, «я обращаю внимание на три момента: идеологическая борьба внутри США *неизбежно обострит идеологическую составляющую американской внешней политики;* США, вероятно, *будут активнее, чем при Трампе, воздействовать на политические процессы в самой России в связи с предстоящими выборами* и шире — в рамках неизбежного политического транзита; следует ждать интенсивных *информационных кампаний против, по выражению Байдена, кремлевских автократов-клептократов*»[335].

Иными словами, все три аспекта, на которые обращает внимание Д. Тренин (в данном случае в профессионализме и знаниях его относительно особенностей гибридной войны ему не откажешь) заслуживают самого пристального изучения:

— **во-первых**, обострение идеологической составляющей американской внешней политики, которая и без того последнее десятилетия была максимально идеологизирована;
— **во-вторых**, усиление воздействия на внутриполитическую ситуацию в России с целью ее дестабилизации, что отчетливо уже проявилось в кампании 23 января 2021 года;
— **в-третьих**, интенсификация информационных кампаний против лидеров российской политической элиты.

Эти особенности не могут ни отразиться на принципиальных положениях соотношения войны и политики. Соотношение понятий «политика» и «война» в современный период силового противоборства в очередной раз стремительно меняется: если еще 30–40 лет тому назад было модно говорить (особенно среди части вестернизированного научного сообщества в СССР, обеспечивающего интеллектуальную подпитку политике М. Горбачева) о том, что «военная сила потеряла свое значение», то в наши дни мы все чаще

335 *Тренин Д.* Комментарий. Как сложатся отношения России и США при Байдене? 27 января 2021 г. Сайт фонда Карнеги / www.carnegy.ru. 27/01/2021.

убеждаемся в том, что *силовые невоенные инструменты политики оказываются не всегда эффективными без военных гарантий*.

Это означает, что усиление информационно-пропагандистских кампаний потребует их подкрепления. Прежде всего, чтобы гарантировать, что провокации будут защищены военной силой. Массированное военное строительство в США предназначено не только для сохранения военного превосходства и обеспечения эффективного использования всего спектра сил и средств невоенного силового принуждения, но и активного применения не менее широкого спектра мер военного принуждения — от сил ССО и ЧВК до ЯО. Сформировался синтез силовых средств влияния, который включает самые разные средства — от «мягкой силы» (попыток извратить и исказить системы ценностей и интересов), «силового принуждения» (давления, угроз, шантажа правящей элиты) до прямого использования всего спектра инструментов военного насилия.

В том же выступлении Б. Клинтона политическая стратегия в отношении России формулируется следующим образом: «Расшатав идеологические основы СССР, мы сумели бескровно вывести из войны за мировое господство государство, составляющее основную конкуренцию Америке. Наша цель и задача и в дальнейшем оказывать помощь всем, кто хочет видеть в нас образец западной свободы и демократии. Когда в начале 1991 года работники ЦРУ передали на восток для осуществления наших планов 50 млн. долларов, а затем еще такие же суммы, многие из политиков, военных не верили в успех дела. Теперь же, по прошествии четырех лет, видно — планы наши начали реализовываться. Однако, это не означает, что нам не над чем думать. В России, стране, где еще недостаточно влияние США, необходимо решать одновременно несколько задач:

— Всячески стараться не допускать к власти коммунистов. При помощи наших друзей создать такие предпосылки, чтобы в парламентской гонке были поставлены все мыслимые и немыслимые преграды для левых партий.
— Особенное внимание уделить президентским выборам. Нынешнее руководство страны нас устраивает во всех отношениях. И потому нельзя скупиться на расходы. Они принесут свои

положительные результаты. Обеспечив занятие Ельциным поста президента на второй срок, мы тем самым создадим полигон, с которого уже никогда не уйдем». Для решения двух важных политических моментов необходимо сделать так, чтобы из президентского окружения Ельцина ушли те, кто скомпрометировал себя (речь, видимо, шла о Коржакове и Барсукове). И даже незначительное «полевение» нынешнего президента не означает для нас поражения. Это будет лишь ловким политическим трюком. Цель оправдывает средства. Если нами будут решены эти две задачи, то в ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем:

— Расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн подобных тем, что мы организовали в Югославии.
— Окончательный развал военно-промышленного комплекса России и армии[336].
— Установление в республиках, оторвавшихся от России нужных нам режимов».

336 Надо признать, что к 1999 году ОПК России практически был ликвидирован как единый комплекс. Сокращенный на 80% он представлял собой группу обанкроченных предприятий, недееспособных КБ и полигонов, которые подлежали ускоренной приватизации. В 2000 году, например, удалось остановить приватизацию остатков будущего Концерна ВКО «Алмаз-Антей», которая должна была завершиться к концу года. См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции, сс. 151–169. / В кн.: Промышленная политика: монография / коллектив авторов /под ред. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС, 2020. 496 с.

1.5. б). Национальная идея как система стратегического прогноза и планирования развития и безопасности России в «переходный период» (нормативное и сценарное планирование)

Если мы видим народ, который не имеет уже более никаких политических целей впереди, которому нечего желать и не за что бороться, то мы можем быть уверены, что он уже выполнил свою роль в истории, что он клонится к упадку, находится в периоде вырождения[337]

Е. Мартынов, военный теоретик

С самого начала придется коротко повторить несколько банальных истин, которые до настоящего времени не нашли своего подтверждения в политике современной правящей элиты России. В основе стратегического прогноза и планирования, его «фундаментом» должна быть национальная идея, которая вполне определенно отображала бы будущий желаемый образ России в представлении большинства правящей элиты и общества[338]. Любой стратегический прогноз и планирование исходят из нормативного (желательного) представления о будущем даже если это касается отдельного гражданина, предприятия, учреждения, а, уж, тем более, всего общества. Без такого образа, идеи невозможно не только планирование, но и развитие потому, что не ясна конечная цель движения. «Москва — третий Рим», «Построение коммунизма» и т.п. идеи являлись именно такими стратегическими целями всего общества

337 *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. Издательский дом «Финансовый контроль», 2003, с. 15.

338 Когда либералы отказываются признать эту реальность это только означает, что в качестве общенациональной цели и идеи предлагается прозападная, чужая идея и цель. Именно это и объясняет наличие в Конституции РФ запрета на «государственную» идеологию.

(или, как минимум, его основной части), без которых движение, выбор стратегического направления, - невозможны.

Слабые попытки правящей элиты России последних лет («удвоение ВВП», построение «комфортной среды» и т.п.), наконец, абстрактный патриотизм[339] не могут служить заменой отсутствия у современного российского общества стратегической цели развития и безопасности, которая конкретизировалась бы в частных задачах, например, сохранения финансовой стабильности, которые сегодня выступают в качестве симулякров такой цели.

Когда нет общенациональной идеи и стратегической цели, то бессмысленно говорить и о долгосрочной стратегии.

Как показала последующая история России, задачу победы Б. Ельцина и удаление из его окружения силовиков, а также развал ОПК России и установление «враждебного России правительства», решить удалось, а в отношении «расчленения России» в 1999 году случилась осечка. В этом во многом заслуга представителей либеральной идеологии в России, которые любыми способами отрицали любую идеологию, зафиксировав это положение даже в Конституции 1993 года. В действительности, политическая власть либерально-демократической элиты в России в 90-е годы всячески препятствовала развитию любых систем взглядов, кроме либеральных. Так, пытаясь препятствовать нарастающей критике либеральной идеологии Б. Ельцин даже поручил своему помощнику Ю. Сатарову «возглавить комиссию по национальной идее», которая «унифицировала бы все заявки» и спокойно отправила их в архив[340].

Отсутствие идеологии, как системы взглядов и стратегии государственного развития, неизбежно вело к хаосу и отказу от любых форм планирования. В итоге это стало причиной социально-экономической катастрофы к концу 90-х годов, которая сопровождалась резким кризисом государственных институтов.

---

339 **Абстрактный патриотизм** — зд.: набор патриотических и псевдопатриотических идей, закрепляющих господство одного социального слоя (меньшинства) над абсолютным большинством нации под предлогом «общих интересов» и «общих целей».

340 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная русская идея и государство. М.: РАУ-Корпорация, 1994 г.

Но Западу удалось существенно ослабить потенциал России, прежде всего, демографический и экономический, за годы «реформ», за которыми последовал длительный период стагнации. Как видно из графиков, России не удалось выйти на уровень развития в области прироста населения. Не удалось увеличить и качество НЧК, который остался на уровне 1989 года, а увеличение ВВП по разным оценкам за 20 лет составило от 30 до 40%, а в некоторых источниках даже более 100%. Так, в постоянных ценах (в долл. США) рост ВВП России с 1990 по 2017 год составил с 1,7 до 4,1 трлн. долл. а по душевому доходу — с 11,4 до 27,8 тыс. долл., хотя если численность населения сократилась, то это можно объяснить только радикальной убылью граждан[341].

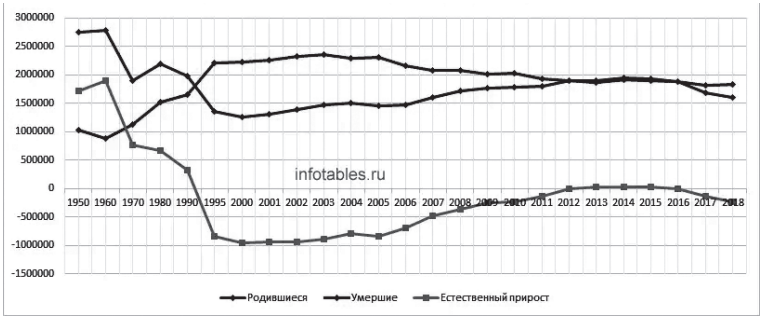

Рис. 16. Рождаемость, смертность и естественный прирост населения России, чел.

В любом случае создается впечатление, что цель Запада — ликвидировать Россию как нацию и государство можно либо военным путем, либо внутриполитической дестабилизацией и перехватом власти правящей либеральной элитой, которая пойдет на фактическую ликвидацию суверенитета и идентичности, подчинение западным «нормам и правилам». Военный путь — наиболее

341 Report for Selected Countries and Subjects (англ.) / www.imf.org / Дата обращения: 11 сентября 2020 г.

рискованный и рассматривается в качестве крайнего средства, но отнюдь не исключается.

Вместе с тем, в использовании военной силы Западом в последние три десятилетия произошли коренные изменения с точки зрения оценки рисков, которые порой не учитываются, когда речь идет о военно-политическом противоборстве. В отличие от противостояния СССР и США, ОВД и НАТО, в западной коалиции, прежде всего, в США, считают, что военный конфликт с Западом в 20-е годы нашего столетия не только возможен, но и относительно безопасен, если будут выполнены ряд условий по его ограничению и недопущению бесконтрольной эскалации.

С этой точки зрения «Переходный период» в развитии ВПО в мире, наступивший после 2014 года, существенно отличался от периода холодной войны до 1990 года даже с учетом огромного опыта корейских и вьетнамских войн США и их коалиции. Этот период характеризуется, прежде всего, сломом военно-стратегического равновесия (на всех уровнях, исключая ядерно-стратегический), чья ценность стремительно девальвировалась не только в экономическом, технологическом и политико-дипломатическом, но и в военном отношении: к 2014 году соотношение сил между Россией и западной коалицией было настолько в пользу Запада, что фактически Россия могла лишь с большим трудом удерживать остатки суверенитета и сохранять национальную идентичность, опираясь только на ядерные силы, которые продолжали стремительно таять после развала предыдущих десятилетий и стагнации последних лет. Особенно опасным стало превосходство Запада в институтах развития человеческого капитала и уровне самого НЧК, количестве и качестве представителей «креативного класса» в структуре общества страны.

На практике это означало, что как в соотношении сил в области «мягкой силы», так и особенно «силы принуждения» превосходство Запада оказалось качественным. Например, по оценке Б. Обамы, в области СМИ как 95 к 5%. Политика санкций со стороны всех членов западной коалиции фактически превратила сосуществование России с этими странами в силовую борьбу, которая только в

прямом применении военной силы ограничивалась некоторыми рамками, но эскалация этих акций демонстрирует готовность западной коалиции к переходу к прямому венному противоборству.

Именно это обстоятельство — фактическая ликвидация стратегического паритета — стало той, вполне объективной, основой, которая позволила США и их союзникам перейти к полному игнорированию интересов и ценностей, сохранившихся у России. Как стало очевидно вскоре — даже публично-демонстративной. Эта стратегия будет сопровождаться усилением военно-технического давления, гарантирующего эффективность ее использования.

Военная сила в этой политике Запада играла до определенного времени вполне подчиненную роль. Россия вплоть до начала военной реформы после российско-грузинского конфликта августа 2008 года не представляла сколько-нибудь серьезной проблемы уже не только политически и экономически, но и в военном отношении. Соответственно и «дожимание» нашей страны (окончательную потерю суверенитета и территориальной целостности) предусматривалось Западом в наиболее безопасной, политико-дипломатической, информационно-когнитивной и экономической форме, и такими же средствами, где военная сила выполняла важную, но дополнительную роль, — гарантировала эффективность применения невоенных средств.

Возвращение суверенитета Россией в политико-идеологической области немедленно отразилось на других областях. Прежде всего военной и экономической. Так, возвращение страны к элементам госуправления, которое негативно было воспринято на Западе, привело к целому ряду положительных результатов. В частности, в период пандемии 2020 года. Согласно прогнозу ЕАБР, агрегированный ВВП государств-участников снизится по итогам 2020 г. на 3,8% после роста на 1,7% годом ранее. В Армении сокращение экономики составит 6,4%, в Беларуси — 1,5%, в Казахстане — 3%, в Кыргызстане — 7,5%, в России — 4%. В Таджикистане рост экономики замедлится до 4,5% с 7,5 в 2019 г. Более масштабного сокращения экономик в регионе удалось избежать во многом благодаря мерам государственной поддержки населения и бизнеса. Наиболее

масштабные антикризисные пакеты реализуются в Казахстане и России (около 8,7 и 4,5% ВВП соответственно), которые обладают существенными, по меркам региона, фискальными резервами. По оценкам ЕАБР, это позволит компенсировать в текущем году порядка 2–3% потерь ВВП Казахстана и 1,3–2,3% России. Значительный объем социально-экономической поддержки (около 3,7% ВВП) задействован в Армении — он смягчит снижение ВВП страны примерно на 1,8–2,2% в 2020 г. В Беларуси, Кыргызстане и Таджикистане объемы государственной поддержки относительно невелики (около 1,1, 2,4 и 2,5% ВВП соответственно), что в том числе объясняется ограниченными фискальными резервами[342].

Как известно, эти невоенные средства, сконцентрированные в политике «новой публичной дипломатии», доказали свою высокую эффективность не только в развале ОВД и СССР, но и в дальнейшей деградации России. Естественно, что особенной надобности для использования и даже наращивания военной силы у США и их союзников в эти годы не было, что вполне ясно соответствовало динамике финансирования военных расходов США, Германии, Великобритании и других членов коалиции: вплоть до последнего периода администрации Б. Обамы эти расходы были существенно сокращены, а учитывая, что значительная их часть шла на «заморские операции», можно говорить, что исключая военные НИОКР («священную корову» Минобороны США), эти расходы были резко сокращены.

Вся внешняя и военная политика СССР, а затем и России последние десятилетия до настоящего времени была направлена для защиты *от военных угроз.* К сожалению, акцент на защиту от военных угроз позже был заменен на защиту от террористических угроз, а иногда даже (с конца 80-х годов) *отрицалась сама возможность внешних угроз для России.* Защите от невоенных, прежде всего, информационно-когнитивных и идеологических угроз, внимания фактически не уделялось со времени прихода к власти М. Горбаче-

342 Макроэкономический прогноз на 2021 год: выход на фазу развития / Евразийский Банк Развития. Доклад, ноябрь 2020, сс. 3–4.

ва и вплоть до самого недавнего времени, когда невоенные угрозы были впервые выделены в Стратегии национальной безопасности России в редакции от 31 декабря 2015 года очень лаконично, не заслуженно коротко и абсолютно бессодержательно.

Эту принципиальную установку на защиту только от военной угрозы (читай глобальной войны) не изменил даже абсолютный провал такой политики, который привел в конце 80-х годов к развалу ОВД и СССР. И причиной ему, как известно, была не военная агрессия, а эффективное использование против СССР и России невоенных средств, и в целом всей политики «новой публичной дипломатии»[343]. Соответственно и «стратегическое сдерживание» *рассматривалось, прежде всего, как сдерживание от ядерного нападения, а не нападения с помощью всего спектра силовых (военных и невоенных) средств политики Запада*. Эта трактовка существует до настоящего времени: концепция «стратегическое сдерживание» находится в основе политики безопасности России, точнее, ее политики военной безопасности, которой дается вполне конкретное определение в Военной доктрине: «Военная безопасность Российской федерации … — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применении, характеризуемое отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять». Она рассматривается, прежде всего, в качестве «деятельности … по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов». Это положение является, безусловно, слабым местом в Военной доктрине потому, что:

— не учитывает значение неядерных сил, в особенности ВТО (например, КРМБ);
— не считается с силовыми, но невоенными средствами нападения.

Надо признать, к сожалению, что подобный подход вполне устраивал долгие годы США и их союзников, фактически ограни-

343 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам Росс. В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика; Научное издание. М.: Аспект Пресс, 2917, сс. 36–53.

чивая возможности стратегической обороны и сдерживания использованием только ядерного потенциала. Это положение во многом сохраняется и сегодня, когда мы подчеркиваем, что ответные действия России с помощью ядерного оружия могут быть только в ответ на ядерное нападение (как об этом заявил, например, в марте 2019 года посол России в США А. Антонов).

Таким образом, настоящее, а тем более будущее стратегическое сдерживание только в одной своей, а именно военной, части, определяется способностью Вооруженных сил России предотвратить вооруженное (и в еще меньшей степени — ядерное) нападение, которое до настоящего времени традиционно считается главной функцией стратегического сдерживания «в рамках реализации военной политики страны».

Надо признать, что подобная ситуация на определенном этапе (до «переходного периода») вполне устраивала США: Россия постепенно деградировала, уступая место и влияние западной коалиции шаг за шагом, а ее контрнаступательные действия на Украине и в Сирии, в конечном счете, не носили стратегический характер. На всем постсоветском пространстве, в мире, в международных институтах влияние России слабело, но не исчезло полностью. Более того, на определенном этапе произошла стабилизация, а именно в 2014–2020 годах, когда на Западе поняли, что без прямого использования военной силы «для окончательного решения вопроса» с Россией не обойтись. Это вытекало прямо из логической смены основной цели — от ограничения влияния СССР-России на ее развал и уничтожение.

Проблема для России заключается в том, что подобная милитаризация искусственно не замечается многими представителями правящей элиты: прежняя трактовка безопасности и стратегической стабильности фактически устарели еще до принятия новой редакции Стратегии национальной безопасности России 31 декабря 2015 г. и вытекающих из нее Военной доктрины России (которая так и не скорректирована до сих пор) и Концепции внешней политики, которые лежат в основе внешней политики страны. Не случайно в ней дается устаревшая характеристика МО и ВПО: «Мировое

развитие на современном этапе характеризуется ослаблением идеологической конфронтации (!), снижением уровня экономического, политического и военного влияния одних государств (групп государств) и союзов, и ростом влияния других государств, претендующих на всеобъемлющее доминирование, многополярностью и глобализацией разнообразных процессов (?!).

Почему такая трактовка уже не может служить теоретической основой для будущего, а тем более лежать в основе политики безопасности и военного строительства России на долгосрочную перспективу, потому что объективный характер современной военно-силовой политики в мире фактически изменил все основные представления о международной обстановке.

Изменение характера современного противоборства между субъектами международной и военно-политической обстановки в мире и особенностей современной войны привело к тому, что поражение в современной войне, т. е. политическую победу, можно обеспечить, нанеся противнику удар не только средствами вооруженного насилия, но и иными силовыми средствами без формального объявления войны и даже без массированного использования оружия. Но это будет возможно только в случае, если в политике будут достигнуты два стратегических результата:

— политическая элита противостоящего государства будет вынуждена выполнять навязываемую ей внешнюю волю. Т. е. будет утрачен в основном государственный суверенитет, а институты государства потеряют свою эффективность. При этом признания политического поражения может и не быть — правящая элита формально может оставаться вполне суверенной. Это может стать результатом силового, но не военного принуждения, в котором решающую роль будут играть новейшие технологии;
— произойдет значительная трансформация системы национальных ценностей, интересов и, в конечном счете, национальной идентичности в пользу агрессора, даже если это и не будет признано формально, а будет обличено в иные формы.

Политическое поражение, например, понес СССР, где правящая элита потеряла основную политическую и экономическую власть, территории, ограничила свой суверенитет и влияние, наконец, передала под внешний контроль собственные материальные и природные ресурсы. При этом военное поражение он так и не понес, хотя справедливости ради следует признать, что развал Вооруженных сил и ОПК, потеря союзников и роспуск Организации Варшавского договора вполне можно рассматривать как самое серьезное (но так до сих пор и не признанное) военно-политическое поражение СССР и как его преемницы — России.

Это означает, что современная политическая оценка состояния международной и военно-политической обстановки должна делаться исходя не из традиционных оценок характера войны, которые в основном сводятся к наличию крупномасштабных военных действий, а из оценки характера ведущейся силовой борьбы и ее политических результатов, т. е. результатов силового противоборства, которое может осуществляться как вооруженными, так и невооруженными средствами, и методами. Об этом вполне определенно в январе 2021 года на форуме в Давосе говорил В. Путин[344].

Соответственно, и успешное противодействие этому силовому противоборству становится, в конечном счете, критерием эффективности не только вооруженной, но и, в целом, силовой борьбы, что неизбежно ведет, в свою очередь, к пересмотру критериев эффективности всей политики стратегического сдерживания (в том числе используемых средств и способов ведения вооруженной и силовой борьбы). Так, в последней редакции Национальной оборонной стратегии США, конкретизирующей Стратегию национальной безопасности с точки зрения применения вооруженного насилия, в качестве основного вывода говорится, что военная мощь страны должна «... обеспечить безопасность, увеличить влияние США в мире, сохранить доступ к рынкам, увеличить качество жизненных стандартов, укрепить союзнические и партнерские отношения».

344 *Путин В.В.* Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021 / president.org//27/01/2021.

Другими словами, чисто военных задач перед Вооруженными силами Соединенных Штатов Америки вообще не ставится, все они, в конечном счете, сводятся к политическим и экономическим приоритетам, которые должны быть обеспечены, в том числе, и с помощью военной силы.

Ярким примером этого тезиса стало фактическое поражение России в конфликте за Украину (который был самым важным приоритетом в политике США с 1991 г. по отношению к России), где Западу с помощью самых разных силовых средств и методов удалось создать враждебное Москве государство и плацдарм для политического и военного противоборства. С геополитической точки зрения приход к власти в 2014–2018 гг. на Украине откровенно русофобских и антироссийских сил означает только одно — самое серьезное политическое поражение России после развала ОВД и СССР.

Причем полученный политический результат — создание враждебного России политического и военного плацдарма вдоль наиболее важных границ — был достигнут в результате реализации последовательных мер стратегии силового принуждения украинской и российской правящих элит. Это, как известно, в минимальной степени включало в себя собственно военные меры (подготовку кадров службы безопасности и Министерства обороны Украины, развитие мощной резидентуры, вербовку правящей элиты, установление средств военно-технического контроля, совместные маневры, работу инструкторов и т. д.), но в гораздо большей степени — самый широкий спектр силовых средств принуждения, которые традиционно, пока что, не относятся к военным:

— в области культуры (смена культурно-исторического кода);
— в образовании (воспитание в антироссийском духе);
— в создании враждебных Российской Федерации институтов гражданского общества, включая полувоенные и военизированные организации и т. д.

Очень важно дать максимально точную оценку именно современного этапа военно-политического противоборства, которое характеризуется достаточно медленным восстановлением российского государства и его институтов, что позволяет уже говорить

о некоем сознательном стратегическом планировании: к 2000 г. правящей элите России удалось сохранить только часть исторической территории, часть государственного суверенитета, но главное все-таки то, что удалось сохранить национальную идентичность и остатки государства. Эта оставшаяся «часть», как предполагали на Западе в конце 90-х годов, в течение короткого времени окончательно деградирует, и Россия превратится в лучшем случае в слабую конфедерацию на территории РСФСР, которая будет подконтрольна внешнему управлению. По некоторым оценкам экспертов США из RAND, на это могло уйти до 5–7 лет, после чего США, как мировой лидер, могли бы распределить сферы влияния на территории России между теми, кто будет соответствовать американским требованиям.

Период правления В.В. Путина был, таким образом, мучительным периодом восстановления (иногда медленного, сопровождающегося кризисами и стагнацией) и возвращения всех атрибутов государственного суверенитета и национальной идентичности, который в целом закончился с восстановлением экономики и относительной мощи государства только во втором десятилетии нового века, когда в мире обострилась борьба между новыми и старыми центрами силы и стоящими за ними локальными человеческими цивилизациями и военно-политическими коалициями.

Эта борьба приобрела острые силовые формы, прежде всего, в отношениях между западной и исламской, а затем и российской ЛЧЦ, потому что на повестке дня встал вопрос о сохранении или изменении сложившейся системы МО и ВПО, что, как следствие, неизбежно ставило вопрос о самых решительных политических целях — существовании государств, наций и цивилизаций.

Изменение характера современной политики и, в частности, военной политики в XXI веке радикально повлияло на процессы формирования МО и ВПО, а также средства и способы силового принуждения. Прежде всего, силового принуждения, или (используя традиционное выражение) политики силы, но не только средств и способов этого силового принуждения, которые претерпели в по-

следние два десятилетия радикальные изменения в мире, затронувшие буквально все страны.

Так, появление высокоточного оружия, роботизированных систем, средств космического наблюдения и пр. стало общемировой нормой, а не преимуществом отдельных государств. У боевиков в Сирии, например, обнаружены самые современные беспилотные летальные аппараты (БПЛА), противотанковые средства, тяжелая техника и средства связи, вполне сопоставимые по своей эффективности со средствами развитых государств.

Поэтому при разработке политики эффективного стратегического сдерживания в России необходимо учитывать, что эта новая военно-силовая политика Запада (политика «силового принуждения») в своей основе исходит из нескольких принципиально новых базовых положений, которые не только качественно отличаются от традиционных представлений военной науки, но и выходят далеко за границы собственно политики безопасности и компетенции Совбеза, МО, МИД и других ведомств, отвечающих за разработку стратегического сдерживания, а именно :

— самых решительных политических целей, предполагающих, в конечном счете, разрушение суверенитета и национальной идентичности России, что изначально не предполагает поиск компромиссов и «поля для сотрудничества», когда переговоры и компромиссы теряют самостоятельное политическое значение и могут быть использованы только в качестве тактического приема (по аналогии с Договором по ПРО 1972 г., действовавшим только на период проведения соответствующих НИОКР США);
— формирования и совершенствования самой широкой военно-политической коалиции во главе с США, в основе которой лежит система ценностей западной локальной человеческой цивилизации и в которой в той или иной форме участвуют периодически порядка 60 государств. Т. е. создания единого фронта противоборства с Россией в форме широкой и контролируемой США коалиции;
— слабости коалиционных (особенно военно-политических)

возможностей России, которые ограничены отсутствием общей идеологической и политической платформы, а также перспективами развития ОДКБ и широких «клубных» коалиций типа БРИКС и ШОС;

— крайне невыгодного соотношения сил между Россией и западной коалицией, которое может соотноситься как 1:25, если речь идет о ВВП, 1:50, если речь идет о соотношении СМИ и других инструментов «мягкой силы», и 1:75 и более, если речь идет о новейших технологиях;

— сохраняющихся последствиях тяжелого социально-экономического кризиса 90-х годов, которые удалось в итоге преодолеть только к 2018 г., но которые отражаются еще на отсутствии в России достаточно эффективного государственного управления, слабой правящей элите (часть которой ориентирована на Запад), нарастающем социально-экономическом неравенстве и напряжении в обществе, что в совокупности создает условия для внутриполитической дестабилизации страны.

Поэтому собственно современное эффективное стратегическое сдерживание предполагает способность нации вообще и российского государства в частности противодействовать политике «силового принуждения», реализуемой в самых разных формах и разными способами. Оно не определяется компетенцией только президента России, Совбеза, МИД и других силовых ведомств, а является предметом внимания всей нации и общества. Т. е. является общенациональной стратегией.

Это обстоятельство в полной мере относится к средствам и способам силовой политики, в том числе — и чаще всего — военно-силовым, но далеко не всегда военным средствам, против которых военная сила бывает часто бесполезна.

Так, отказ от возможности долгосрочных финансовых займов, а тем более аресты депозитов и активов не могут быть предотвращены вооруженным насилием, так же, как и ограничения на участие в международных обменах и мероприятиях. Но, прежде всего, противодействие информационно-когнитивному и ци-

вилизационному воздействию не может быть нейтрализовано военной силой.

В конечном счете, необходимо всегда помнить, что развал ОВД и СССР не был результатом военного поражения, а проигрышем на других полях противоборства — концептуально-когнитивного, идеологического, информационного, экономического и социального.

Те средства и способы силового принуждения, которые разрабатываются сегодня в США и странах-союзниках по военно-политической коалиции, представляют собой, как правило, принципиально новые способы силового принуждения России, ее правящей элиты к политической капитуляции, которая, в конечном счете, должна привести к национальной и государственной катастрофе. Поэтому необходимо сделать как минимум вывод о том, что средства и способы противодействия со стороны России должны быть такими же бескомпромиссными и эффективными.

В целом разработка и внедрение таких эффективных средств и способов противодействия политике силового принуждения Запада и составляет собой суть понятия «эффективное стратегическое сдерживание», которое значительно шире, чем традиционное (и упрощенное) восприятие политики «ядерного сдерживания» («устрашения»). Таким образом, новая задача, стоящая перед политикой стратегического сдерживания России, заключается в поиске эффективных средств противодействия политике силового принуждения Запада в новых условиях формирования МО и ВПО, а также оперативной разработке новых способов их применения.

И последняя категория — некинетические системы «космос-земля». Это могут быть средства противоракетной обороны из космоса, но реальных экземпляров также пока не существует.

Так, если, как известно, в Сирии было апробировано более 300 новых типов и систем оружия, то гораздо менее известно, что в это же время были использованы и многочисленные новые политико-дипломатические (центры примирения, конференция в Сочи и т. д.) и информационные (СМС-сообщения, перехват радиопере-

говоров и телефонные конференции, дискуссии в социальных сетях и пр.) средства.

На Западе признают, что в России несколько лет назад начался пересмотр важнейших положений военного искусства, который они связывают с начальником Генерального штаба Вооруженных сил России В. Герасимовым.

Тем не менее, один из исследователей, М. Маккью, пишет: «В феврале 2013 года генерал Валерий Герасимов — начальник российского Генерального штаба, что примерно соответствует американской должности главы Объединенного комитета начальников штабов, — опубликовал в российской отраслевой газете "Военно-промышленный курьер" статью размером в 2000 слов под заголовком "Ценность науки — в предвидении". По мнению американского публициста, «Герасимов взял тактику, разработанную в Советском Союзе, смешал ее со стратегическими военными идеями о тотальной войне и сформулировал новую теорию современной войны, предполагающую скорее не прямую атаку на противника, а "взлом" его общества». Сами "правила войны" существенно изменились. Возросла роль невоенных способов в достижении политических и стратегических целей, которые в ряде случаев по своей эффективности значительно превзошли силу оружия... Все это дополняется военными мерами скрытого характера».

Эту статью многие считают самым ясным выражением современной российской стратегии, опирающейся на идею тотальной войны и помещающей политику и войну в одну плоскость как с философской, так и с технической точки зрения. Такой подход подразумевает партизанскую войну, ведущуюся на всех фронтах с использованием широкого спектра союзников и инструментов: хакеров, СМИ, бизнеса, «сливов», фальшивых новостей, а также обычных и асимметричных военных методов. Благодаря Интернету и социальным сетям стали возможны операции, о которых советские специалисты по психологической войне могли только мечтать. Теперь можно перевернуть в стране у противника все вверх дном исключительно с помощью информации. «Доктрина Герасимова» подводит под применение этих новых инструментов теорети-

ческую базу и провозглашает невоенную тактику не вспомогательным элементом при силовых методах, а предпочтительным путем к победе. Фактически она объявляет именно это настоящей войной. «Кремль стремится создавать хаос — недаром Герасимов подчеркивает важность дестабилизации вражеского государства и погружения его в постоянный конфликт», — пишет М. Маккью.

На самом деле в статье НГШ ничего принципиально нового нет. Более того, все это многократно было уже описано в американских многочисленных работах, посвященных сетецентрической войне и разного рода «стратегиях противовеса», где, в частности, подробно описывается и о необходимости технологического превосходства, и о господстве в системах управления и разведки, и о размывании границ между различными ТВЛ и территорией США.

Вместе с тем коренного пересмотра Стратегии национальной безопасности России и Концепции стратегического сдерживания пока не произошло. Тактические перемены в политике безопасности отражают реакцию правящей элиты на происходящее, но не долгосрочное планирование операций, а тем более системное развитие России в условиях усиления неблагоприятной ВПО. Складывается впечатление, что руководство страны остановилось в размышлениях об основных направлениях дальнейших реформ в области безопасности, но не решается пойти на серьезные изменения. Другими словами, можно сказать, что мы стоим перед очевидной необходимостью внесения корректив в стратегию национального развития, но так и не выбрали конкретного пути движения.

Последовательность решения этой проблемы должна быть следующая:

— выдвижение максимально конкретной идеи и обоснование прикладной стратегической концепции обеспечения опережающего развития и обеспечения именно национальной безопасности (а не только государственной безопасности, как сегодня), в основе чего лежит долгосрочный прогноз развития МО и ВПО в мире и России;
— формулирование прикладной политической и военной стратегии (по аналогии с американской стратегией «силового при-

нуждения»), способной нейтрализовать внешнее давление на Россию в ближайшие годы, которое будет развиваться по эскалации; определение основных целей; уточнение объема и качества национальных ресурсов и раз работка новых способов достижения сформулированных целей;

— политическое и законодательное оформление стратегического плана противодействия политике силового принуждения Запада в соответствующих правовых и нормативных документах и решениях, выделение конкретных задач, сроков и ответственных исполнителей;

— обеспечение повседневной реальной политической управленческой деятельности по организации выполнения сформулированной стратегии, включая прикладное административное, правовое, идеологическое и нормативное регулирование.

1.5.в). Средства и методы информационно-когнитивной борьбы против России со стороны западной военно-политической коалиции.

Изменение взглядов достигается более легко
и быстро незаметным проникновением новой идеи
или же посредством спора, в котором
инстинктивное сопротивление оппонента
преодолевается обходным путем[345]
Б. Гарт, военный теоретик

Изменение взглядов в нужном направлении для противника означает наиболее полную и окончательную победу, которая по своей эффективности намного превосходит военные успехи. Именно этого в настоящее время в приоритетном порядке доби-

345 *Лиддл Гарт, Бэзил*. Стратегия непрямых действий. М.: АСТ, 2018, с. 7.

ваются в США и на Западе от России, требуя, чтобы она «вела себя в мире в соответствии с нормами и правилами» (а не международного права), принятыми на Западе, что неоднократно было зафиксировано даже в официальных и публичных документах и выступлениях политических лидеров. Соответственно добиться этого можно различными мерами и с помощью самых разных средств, включая силовые и военные, но наиболее эффективными всегда были информационно-когнитивные, идеологические средства, которые являются основой для любого спектра силовых средств принуждения.

СССР долгое время был идеологическим лидером в мире, предлагая альтернативу — политическую, экономическую, но, прежде всего, идеологическую — политическому господству Запада. Добровольно отказавшись от своей идеологии, лидеры СССР отказались и от идеологического лидерства, добровольно лишив себя огромного политического ресурса. Постепенное возвращение элементов идеологии в российскую политическую жизнь означает, что идеология, как эффективное **средство политики и инструмент управления**, постепенно возвращается в качестве национального ресурса и инструмента государственного влияния[346]. Это занимает — достаточно банальное и даже общее место в рассуждениях сегодняшних политиков и политологов, которые «вдруг» обнаружили необходимость идеологии в форме патриотизма.

Если посмотреть в ретроспективе последних 40 лет, то надо признать, что значительную часть стратегической политической цели по развалу суверенитета и национальной идентичности России, ее влиянию на постсоветском пространстве Западу достичь удалось именно благодаря «отказу от идеологии»[347]. Прежде всего даже не столько из-за особенной эффективности средств, разрабо-

346 О необходимости этого я неоднократно писал в 90-е годы в целой серии работ. См., например, Национальная идея и государство, Русский Путь и др., опубликованные ВОПД «Духовное наследие».

347 *Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л.* Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI века (под общ. ред. *А.С. Рукшина*). М.: Военное издательство, 2008. 764 с.

танных против России в информационно-когнитивной области, а из-за *практически полного отсутствия с ее стороны какого-либо сопротивления откровенной идеологической агрессии, прежде всего, в политико-идеологической области. Необходимо констатировать, что* ***противоборства в идеологической области за эти годы практически не было, а были не всегда хорошо организованные и слабые попытки противодействия***. В конечном счете, это привело к тому, что даже на официальном уровне Россия до сих пор крайне слабо реагировала на откровенные идеологические акции и провокации.

Так, информация, размещенная на сайте американского посольства в Москве накануне мероприятий в поддержку Навального 23 января 2021 года, носила откровенно провокационный характер и встретила лишь формальную отповедь МИД и пресс-секретаря В.В. Путина, которая абсолютно не соответствовала масштабу и наглости этого мероприятия. Как заявил Д. Песков, «Публикации посольства США в Москве о несанкционированных акциях в РФ являются косвенным вмешательством во внутренние дела России и поддержкой нарушения закона[348]». По словам Пескова, это является «прямой поддержкой нарушения закона Российской Федерации, поддержкой несанкционированных акций». Противоречие в высказывании Д. Пескова налицо — акция посольства США по его оценке, это «косвенное вмешательство» или все-таки «прямое нарушение закона»?

Публичное и настойчивое повторение на всех уровнях заявлений об «отказе от идеологии» — не смотря на всю очевидную бессмысленность — долгое время апеллировало к Конституции 1993 года, в которой публично отрицалась «государственная идеология». Статья 13 Конституции РФ, в частности, устанавливает в качестве одной из основ конституционного строя России принципы идеологического, политического общественно-организационного многообразия (плюрализма) (ч. 1–4), а также пределы их осуществления

348 ТАСС, 23 января 2021 г.

(ч. 2 и 5), в которых оно не вступает в резкое противоречие с другими демократическими принципами Конституции.[349]

Признание идеологического многообразия означает запрещение признания какой-либо идеологии государственной и общеобязательной. И часть 1 и часть 2 содержательно связаны со ст. 14, 28-30, 44 и др. При этом необходимым элементом любой идеологии, конституционно признаваемой в России, является лояльное отношение (не обязательно поддержка) к действующей Конституции и подчинение ее требованиям.

Предусмотрены Конституцией и исключения, относящиеся к тем идеологиям, которые пытаются обосновывать запрещаемые ею действия. О таких действиях и запретах говорится в ч. 5 этой статьи и в ряде других статей Конституции. Это, например, запрещение захватывать власть или присваивать властные полномочия (ч. 4 ст. 3), нарушать права и свободы человека и гражданина (ст. 2, 17-63 и др.), возбуждать социальную, расовую, национальную, религиозную ненависть и вражду, пропагандировать социальное, расовое, национальное, религиозное или языковое превосходство (ч. 1 ст. 29) и т. п.[350]

Как одно из важнейших последствий такой эволюции в течение «переходного периода» уже ко второму десятилетию нового века обнаруживается, что — произошло очень резкое усиление значения информационно-когнитивных силовых средств, включая военные. За последние 30–40 лет функции СМИ изменились кардинально: *из средств информации они превратились в средства формирования общественного сознания*, которое должно обладать заранее заданными свойствами. Прежние функции отошли на вто-

349 Последняя редакция Статьи 13 Конституции РФ гласит: 1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. 3. В Российской Федерации признаются политическое многообразие, многопартийность. 4. Общественные объединения равны перед законом. 5. Запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

350 Источник: http://constitutionrf.ru/rzd–1/gl–1/st–13-krf

рой и даже третий план, поэтому и относиться к СМИ надо как к политическим и радикальным инструментам. СМИ стали влиятельной частью ВПК[351].

В современных войнах, которые принято именовать «гибридными», государства используют самый широкий набор средств и методов[352]. В арсенале США, например, присутствуют все самые современные электронные технологии и средства телевизионного вещания (в т. ч. функционирующие в сети Интернет)[353].

Стратегическая реализация принадлежит Broadcasting Board of Governors (BBG — Агентству международного вещания), которое для информационно-когнитивного противоборства использует два достаточно эффективных способа: 1) критикует общественное развитие другого государства; 2) обращается к дискуссионным моментам истории. Вышеперечисленные способы в своей работе применяют такие СМИ, как «Голос Америки», «Радио Свободная Европа» / «Радио Свобода» и другие[354].

BBG для реализации проектов публичной дипломатии не поддерживает напрямую местные неправительственные организации, а предоставляет гранты различным благотворительным фондам. В числе наиболее крупных американских благотворительных фондов необходимо указать такие полуправительственные организации, как Национальный фонд в поддержку демократии (NED), Национальный демократический институт (NDI) и Международный республиканский институт (IRI), деятельность которых признана нежелательной на территории России[355].

---

351 *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции / В кн.: Промышленная политика: монография/коллектив авт. под рук. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС, 2020, с. 153.

352 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan. 2018, pp. 3–11.

353 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Родионов О.Е.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020, 610 с.

354 *Мальчикова В.* Интерактивное вещание США, как средство ведения «гибридной войны». Военно-политическая аналитика / URL: vpoanalitics.com/2018/01/16

355 Национальный Демократический Институт Международных Отношений (National Democratic Institute for International Affairs) // Министерство юстиции РФ, 2016. 17 марта / URL: http://minjust.ru/ru/node/237699 (Дата обращения 01.01.2018).

Программы Агентства международного развития США (USAID) сыграли значительную роль в подготовке и осуществлении «цветных» революций: в 2003 г. в Грузии и в 2004 г. на Украине, а также «Арабской весны» в мусульманских странах. Наибольшую значимость приобретает отдел по Ближнему Востоку, который реализовывал программу Middle East Partnership Initiative (MEPI), включающую в себя более 300 проектов публичной дипломатии по культуре, образованию и информации. В отчете USAID от 2004 г., например, откровенно сказано, что программы реализуются для:

— изменения политического строя путем создания партий, подготовки альтернативных политиков, формировании демократически настроенной молодежи;
— улучшения экономической ситуации путем создания слоя бизнесменов, получивших западное образование;
— реформирования системы образования посредством расширения доступа женщин к образованию, обеспечения школ и университетов американскими учебниками.

В «переходный период» деятельность BBG вышла на качественно новый уровень — широкий охват информационной сети Интернет. На этом уровне создавалось глобальное движение для мобилизации при проведении протестных акций и движений. Активисты получали через различные НПО, финансируемые из Вашингтона, программное обеспечение, которое позволяло скрывать интернет-трафик и кодировать сообщения, что значительно затрудняло работу государственных органов ближневосточных стран. Описанные приемы и инструменты были использованы в ходе событий «Арабской весны» и продемонстрировали свою высокую эффективность[356].

В начавшихся волнениях 2017 г. в социальных сетях начали публиковаться записи с расписанием и местом проведения протестных акций, также активно распространились хэштеги в поддержку «персидской весны» как на английском языке (например,

356 *Мальчикова В.* Интерактивное вещание США, как средство ведения «гибридной войны». Военно-политическая аналитика / URL: vpoanalitics.com/2018/01/16

#IranProtests, #nationwide_riots, #FreeIran), так и на фарси. Свой вклад в популяризацию антиправительственных лозунгов внес президент США Дональд Трамп, который опубликовал в Twitter несколько записей, где призвал иранское общество избавиться от «репрессивного» режима». Несмотря на то, что Facebook, YouTube и Twitter были запрещены в Иране с 2009 г., протестующие активно пользовались технологиями, позволяющими обходить ограничения в доступе к сайтам. В отчете за 2012 г. сказано, что BBG финансировал создание подобных технологий, в т. ч. программного обеспечения Tor, которое позволяет иранским пользователям Интернета сохранять в тайне свое местоположение и отправлять закодированные сообщения. Все вышеперечисленное свидетельствует о том, что программы публичной дипломатии, реализованные с помощью сети Интернет, способствовали развитию протестного движения в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

Интересно, что в законопроекте S.1780, который подписан Президентом США, также есть раздел о противодействии «русскому влиянию и агрессии». Sec. 7070 (a) гласит, что никакие средства, ассигнованные настоящим Законом, не могут быть предоставлены для оказания помощи центральному правительству РФ. Логика этих законопроектов была продолжена в 2018–2019 годах, когда на те же цели было выделено более 500 млн. долл. Ожидается, что до 2024 года, т. е. в «переходный период», финансирование возрастет еще существеннее и к нему будут подключены союзники США по коалиции.

Так, на сайте Агентства международного развития США представлена интерактивная карта, где можно посмотреть финансирование определенных программ по странам. Из представленных сведений видно, что Госдепартамент вкладывает значительные средства в деятельность Национального фонда поддержки демократии для неспециализированных НПО, где общая сумма вложений на российские проекты в 2016 г. составляла $17,195 млн.[357]

357 USAID / URL: https://explorer.usaid.gov/ (Дата обращения 01.01.2018).

Принятый Федеральный закон № 327 — лишь продолжение мер по ограничению распространения влияния Запада, который старается использовать все ресурсы для повторения событий «Арабской весны» только уже на территории Российской Федерации. Поэтому Вашингтон выделяет огромные средства для ведения подрывной деятельности в СМИ, которая стала особенно интенсивной в преддверии президентских выборов в России. В первую очередь следует обратить внимание на гранты, выделяемые Западом для «укрепления демократии», особенно на проекты, финансируемые гражданином Сорosом, который выделил под российские выборы, абсолютно рекордную грантовую сумму в размере $18 млрд.[358]

Важно особенно подчеркнуть, что эта политика направлена не только на идеологические, информационно-когнитивные области, *но и на формирование экстремистских и террористических групп в России*. По сути дела, это известно еще с последних лет существования СССР, где были созданы сотни экстремистских организаций, ставших реальной силой по развалу СССР. В последующие годы эта «гуманитарная «политика продолжалась. В августе 2018 года, например, в Чечне несколько молодых людей совершили заранее бессмысленное нападение на полицейских, в результате которого они погибли. Расследование показало, что глава Чеченской республики Рамзан Кадыров считал, что группа подростков, напавших на полицейских, получила приказ из-за границы через социальные сети. Об этом он написал на своей странице в «ВКонтакте». По его словам, в этом сейчас нет никаких сомнений. Глава Чечни считает, что цель организаторов преступления — расколоть российское общество. «Привлечение юнцов с неокрепшей психикой к совершению тяжких преступлений носит глубоко продуманный и целенаправленный характер», — подчеркнул Кадыров. Он добавил, что у вербовщиков была цель вызвать в российском обществе недоверие

358 Сорос перевел $18 млрд. в фонд по продвижению демократии «Открытое общество». Russia Today. 18 октября 2017 / URL: https://russian.rt.com/world/news/440672-soros-fond-dengi (дата обращения 01.01.2018).

даже к подросткам, «чтобы в каждом ребенке 10–12 лет видели потенциального террориста и особо опасного преступника»[359].

По мнению Рамзана Кадырова, боевики стремились «создать видимость наличия каких-либо сил, способных организовать вооруженные акции и теракты» в Чечне. «Нет никаких сомнений в том, что мозги молодым людям заморочили по соцсетям различные там иблисовцы (сторонники террористической группировки «Исламское государство» — *А.П.*). Но картина дня свидетельствует о том, что никакой поддержки, никакой социальной базы у них в республике нет. Об отсутствии у «хозяев» даже признаков стыда и совести свидетельствует тот факт, что они привлекают подростков с неокрепшей психикой»[360], — заявил Кадыров.

Это мнение Р. Кадырова стало, по сути, уже общим местом в оценке роли социальных сетей. Эксперт в области безопасности Александр Власов считает, например, что «Социальные сети — это огромный и очень сильный фактор влияния. Его даже можно рассматривать в определенной степени как некое оружие социальной инженерии. Мы все помним пример «арабской весны», когда призывы выйти на площадь отдавались именно через соцсети. Поэтому исключать такой вариант развития событий нельзя. Для борьбы с этим есть законодательство, есть огромные полномочия у Роскомнадзора, много инициативных и патриотично настроенных пользователей интернета — все должны делать одно дело, выявлять такие группы или тех, кто занимается рассылкой такой информации и блокировать ее. Другого способа нет»[361], — сказал Александр Власов.

Уже коротко говорилось, что среди политических приоритетов Запада в начале нового века произошел сдвиг от собственно политических целей в направлении усиления влияния на правя-

359 Эксперт по безопасности: социальные сети — это оружие. Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / URL: www.viperson. 24.08.2018.

360 Эксперт по безопасности: социальные сети — это оружие. Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / URL: www.viperson. 24.08.2018.

361 Эксперт по безопасности: социальные сети — это оружие. Эл. ресурс: «ВИПЕРСОН», 24.08.2018 / URL: www.viperson. 24.08.2018.

щие элиты и системы национальных ценностей. Это стало стратегическим сдвигом в политике западной военно-политической коалиции, немедленно отразившемся на средствах и способах системного и комплексного воздействия на своих политических оппонентов, среди которых исключительно важную роль стали выполнять социальные СМИ и сетевые ресурсы. Так, известный портал «Википедия», например, сегодня задает тон не только в фактологической подаче материала, но и в его интерпретации, более того, понятийном аппарате и трактовке тех или иных исторических, культурных и иных событий, которые самым фундаментальным образом влияют на формирование системы ценностей нации.

Кроме того, изменение целей внешней политики западной военно-политической коалиции в сторону их резкой радикализации неизбежно привело к корректировке в средствах их достижения, которые стали относиться не только к военным, но и невоенным, силовым, инструментам политики. Это видно на примере массовых политических, дипломатических, но, прежде всего, информационных провокаций, которые стали использоваться Западом скоординированно, практически в ежедневном режиме: по очевидному согласованию ежедневно в информационное пространство вбрасывается очередной «информповод» интернет-ресурсами самых разных стран, среди которых особенную активность проявляют США, Великобритания и финансируемые ими интернет-ресурсы Польши, Украины и некоторых иных государств.

Политика «силового принуждения» предполагает, что очень важное значение приобретают средства массовой информации, связи и особенно сетевые СМИ, которые способны очень быстро изменить не только политику правящей элиты, но и симпатии общественности[362]. Настолько быстро, что можно говорить о сознательном формировании общественно-политической обстановки

362 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Стратегия «силового принуждения» в условиях сохранения стагнации в России // Информационно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018, № 4 (339), сс. 22–25.

и сценария развития МО в достаточно короткие сроки[363]. Можно привести в этой связи достаточно развернутую цитату из аналитического прогноза Национального Совета по разведке США, которая описывает «парадокс развития» человечества, когда силовые инструменты в политике начинают играть все более важную роль[364]. Развивая эту мысль, эксперты НРС подчеркивают, что, с одной стороны, наблюдается процесс объединения различных групп людей, расширение их прав и возможностей, повышение уровня жизни. Однако этот же прогресс вызывает такие потрясения, как мировой финансовый кризис 2008 г., арабская весна, глобальный рост популистской политики. Эти потрясения демонстрируют всю хрупкость достижений прогресса и в то же время подчеркивают необходимость глубоких изменений в картине мира, что предсказывает непростое будущее.

По мнению авторов Прогноза, следующие пять лет, будут отмечены усилением напряжения как внутри ряда стран, так и между ними. Мировой рост замедлится, одновременно сложные глобальные проблемы станут более реальными. Постоянно растущее число государств, организаций и наделенных властью индивидуумов (акторов) будет определять общее состояние геополитики. Развитие мировых процессов свидетельствует об окончании эпохи доминирования Америки. Вероятно, то же самое произойдет с мировым порядком, основанным на правовых нормах, которые сложились после Второй мировой войны. Станет гораздо труднее осуществлять международное сотрудничество и управлять странами в соответствии с ожиданиями их народов. Государства, наделенные правом вето, будут все чаще угрожать «запретом сотрудничества», а информационные органы станут поддерживать бесконечное множество противоречивых явлений действительности, подрывая общее понимание мировых событий.

---

363 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan. 2018, pp. 3–11.

364 *Грубин Н.П.* Будущее глазами американской разведки. Аналитический обзор доклада национального разведывательного совета США «Глобальные тенденции: парадоксы прогресса». М.: МГИМО-Университет, ИМИ. Вып. № 2 (48), с. 9.

1.5.г). Средства информационно-когнитивной борьбы и новый миропорядок

Война является лишь орудием политики, и потому
последняя не только определяет начало ее,
но и оказывает весьма сильное влияние
на дальнейшую деятельность стратегии[365]
Е. Мартынов, военный теоретик

Основу этого этапа мирового кризиса, как считают эксперты, составят различия подходов на местном, национальном и международном уровнях в вопросах «правильного понимания роли» правительств в решении проблем от экономики до экологии, религии, безопасности и прав человека. Споры о моральных ценностях, «кто кому и чем обязан», станут все более явными и будут угрожать международной безопасности.

Хотя «материальная сила», по мнению экспертов НРС, сохранит свое важное значение в решении вопросов на геополитическом и государственном уровнях, наиболее влиятельные акторы, в целях как конкурентной борьбы, так и кооперации, будут делать акцент на сетевую и информационную сферу.

Недавно в обиход было введено название «Поколение Y», которое используется социологами для описания молодых людей, родившихся после 1980 г. и для которых интернет стал неотъемлемой частью жизни. Для них также существуют синонимы «поколение net» и «поколение С». Последний ярлык предложили специалисты компании Booz & Company, занимающиеся вопросами стратегии и технологической трансформации (на английском языке ряд слов, характеризующих новый тип людей, начинается с буквы «С» — connected, communicating, content-centric, computerized, community-oriented, clicking)[366].

365 *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. Издательский дом «Финансовый контроль», 2003, с. 15.
366 *Friedrich R., Michael Peterson M., Koster A.* The Rise of Generation C. Implications for the world of 2020 / URL: http://www.strategyand.pwc.com/media/file/Strategyand_Rise-of-Generation-C.pdf.

В их исследовании «Появление поколения С» указывается, что эти люди, как правило, родились в 1990 г., а к 2020 г. будут составлять 40% населения в странах Европы, США, БРИКС и 10% в остальных странах. Они образуют самую большую в мире группу потребителей. Это будет первое поколение, которое не знает иной реальности, кроме той, что представлена в Интернете, мобильных устройствах и социальных сетях. Они хорошо знакомы с технологиями, постоянно используют различные сервисы для коммуникации, в работе с мобильным телефоном чаще применяют текстовые сообщения, а не голос. Это новое «поколение С», полагают исследователи Booz & Company, создаст жизненный цикл, который поможет стимулировать экономический рост[367].

По этим расчетам, взаимосвязь технологий и социальных сетей породит общество нового формата, отличное от традиционных социальных связей (семья, друзья, коллеги по работе и т. д.). Новое общество, расширив (или исказив) традиционные социальные отношения, вберет знакомых, онлайн-собеседников, анонимов из групп по интересам. Этот тип общественного объединения условно назван **«социальное животное 2.0»**.

Авторы концепции предрекают в скором времени увеличение политического и экономического давления на индивида, расширение доступа к личной информации людей — их счетов, деталей о платежах и покупках, предпочтений, интересов, членствах и т. д. При этом зависимость от цифровых технологий у старших поколений также будет возрастать.

Критерии: 1. Угрозы безопасности; 2. Фракционирование элит; 3. Раскол между социальными группами

Социальная виртуализация будет проходить повсеместно. Интернет также станет децентрализованным. Традиционные порталы уйдут в прошлое. Интернет-сервисы будут динамично переконфигурироваться, исходя из предпочтений потребителей. Центром

367 *Подберезкин А.И.* Раздел «Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России». В кн.: Публичная дипломатия: Теория и практика: Научное издание. Под ред. *М.М. Лебедевой*. М.: «Аспект Пресс», 2017, сс. 36–53.

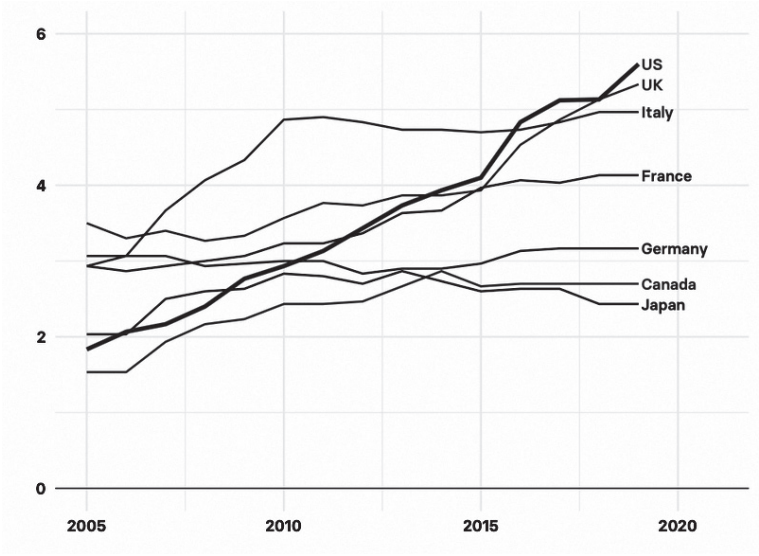

Рис. 17. Индекс стабильности наиболее развитых государств ОЭСР

бытия человека станет цифровая идентичность, структурирующая сферы работы и досуга, включающие в себя труд, дом, развлечения, коммуникации, шопинг, передвижения, заботу о здоровье и т. п. Эти сферы будет обволакивать кольцо «приспособлений» — технических устройств, необходимых для связи, а над ним будет находиться еще один концентрический круг под названием «подключение». Таким образом, индивид будет находиться во «всегда подключенном мире»[368].

Пока это не является данностью, но в той или иной форме может проявляться в различных сферах жизни, в том числе в политическом управлении и предпринимательстве[369].

368 *Савин Л.* Теория хаоса и стратегическое мышление // Фонд стратегической культуры, 23.03.2011 / URL: http://www.fondsk.ru/news/2011/03/23/teorija-haosa-i-strategicheskoe-myshlenie–2513.html

369 См. также: *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* Динамика знания о насилии: военные и социокультурные аспекты // Гуманитарий Юга России, 2018, № 3, сс. 40–41.

Особенно важны, на наш взгляд два фактора, отмеченные в докладе, которые могут быть применимы в сетевом государственном управлении. Первый — это **социальная виртуализация**. Поскольку подключение, социальные сети, а также отношение к личной свободе будут проникать дальше, проходя сквозь стены корпораций и государственных служб, то и жизнь чиновников и служащих будет сдвигаться от традиционной иерархической структуры. Вместо этого, работники, смешивая бизнес и личные дела в течение дня, будут «самоорганизовываться» в живые «сообщества по интересам». К 2020 году более половины сотрудников крупных корпораций будет работать в виртуальных проектных группах.

Второй — это **цифровое предпринимательство**. Опытные и инновационные цифровые предприниматели появятся во всем развивающемся мире в огромных количествах. Рост этих предпринимателей представляет собой потенциал, который значительно нарушит традиционные западные бизнес-модели. У них есть так называемая «высоко подключенная аудитория», которая может извлечь выгоду из своих новых идей. В городах Китая, например, 76% людей уже постоянно находятся в сети, а 61% имеют широкополосный Интернет у себя дома. Западные страны в настоящее время лидируют всего в отношении двух критических онлайн-услугах — электронной коммерции (Германия) и Интернет-рекламе (Великобритания), в то время как не западные страны идут впереди в ряде других направлений: широкополосный Интернет (Южная Корея), социальные сети (Бразилия), онлайн-игры (Китай), мобильные платежи (Япония) и микротранзакции через SMS (Филиппины). Россия также могла бы извлечь определенные уроки из данных подходов, чтобы реализовать различные проекты регионального и федерального значения.

PSI — не единственный индикатор, который подает сигнал тревоги о стабильности в США. Фонд мира, некоммерческая организация, базирующаяся в Вашингтоне, округ Колумбия, разработала показатель, называемый *Индексом уязвимых государств (FSI),* который, как и работа Целевой группы государственного сбоя, направлен на выявление стран, подверженных риску насилия и не-

стабильности из-за ряда скрытых факторов давления, включая экономические трудности, потоки беженцев и их положение в области прав человека. В целом, США выглядят достаточно здоровыми в ИФН, занимая 149-е место из 178 стран по своему потенциалу нестабильности. Но, по словам менеджера программ Фонда мира Натали Фирц, для США есть тревожные признаки в отношении компонента FSI, обозначенного как «сплоченность». «За последние десять с лишним лет мы наблюдали очень быстрое ухудшение показателей по этим параметрам», — сказала она BuzzFeed News.

Индекс хрупких государств показывает, что США становятся менее сплоченным обществом. А на диаграмме, показывающей, как компонент сплоченности Индекса хрупких государств для США вырос со второго лучшего в G7 в 2005 году до худшего в 2019 году видно изменение среднего балла по трем компонентам сплоченности ИСП для членов группы богатых демократий G7. Они измеряют угрозы безопасности, включая терроризм и организованную преступность, фракционирование национальных элит и раскол между различными группами в обществе[370].

Неудивительно, что, учитывая интенсивную и растущую политическую поляризацию в США, именно последние два показателя объясняют, почему рейтинг сплоченности нации перешел со второго лучшего среди G7 на худший всего за 15 лет. (В последние годы Великобритания внимательно следила за США в этой сфере, движимая собственными политическими разногласиями по поводу Brexit.). Но политическая поляризация может быть просто еще одним следствием экономического неравенства, которое, по мнению Голдстоуна и Турчина, лежит в основе нынешней уязвимости США перед политическим насилием.

Политологи приложили немало усилий для выяснения причин эскалации поляризации в США. Но такие факторы, как влияние пристрастных новостей кабельного телевидения и изменение избирательных округов Конгресса, похоже, не дают ответа — последнее,

370 *Олдхаус П.* BuzzFeed News / Через fragilestatesindex.org

например, не может объяснить, почему Сенат все больше разделяется.

Три информационные и коммуникационные технологии лежат в основе взрыва «социальной паутины»[371]:

— Мобильные коммуникации — расширение доступа в Интернет с помощью нового поколения мобильных телефонов и карманных компьютеров;
— Социальные медиа — которые позволяют людям легко загружать свой собственный контент (текст, фото, видео), искать (и обсуждать) содержание контента, сгенерированного другими; и
— Социальные сети онлайн — которые дают людям возможность поддерживать и расширять свои личные и профессиональные сети, а также облегчать поток информации через эти сети.

Эти три технологии по-новому и вместе расширяют возможности, изначально предусмотренные для веб-коммуникаций и связей между людьми. Они позволили обществу начать экспериментировать с поворотом когнитивных излишков в нечто хорошее для себя и своих общин[372]. Все чаще обычные люди получают доступ к платформам, позволяющим им изменить статус-кво[373] и представить, как может действовать неиерархическое партиципаторное правительство.

Эта тенденция «форматирования» сознания (как показал, опыт Украины) особенно опасна в любой «переходный период», когда происходит смена основных парадигм (как это может произойти в некоторых областях в 2021–2023 годы), потому, что внутриполитическая стабильность, как правило, в этот период минимальна. Достаточно вспомнить всего лишь 1989–1991 годы в СССР.

---

371 *Willard T.* Social Networking and Governance for Sustainable Development, International Institute for Sustainable Development, March 2009.

372 *Shirky C.* Gin, Television, and Social Surplus. April 2008 / URL: http://www.shirky.com/herecomeseverybody/2008/04/looking-for-the-mouse.html

373 *Godin S.* Spark: Whoppers, Ethical Marketing, and Leadership 2.0. N. Young, Interviewer. 2009, January 21CBC / URL: http://podcast.cbc.ca/spark/spark_20080115_sethgodin.mp3.

Перечень и приоритетность основных объектов обеспечения национальной безопасности имеет ключевое значение потому, что в зависимости от этого не только распределяются необходимые ресурсы, но и формируется, в конечном счете, вся стратегия национальной безопасности. Более того, представление правящей элиты, общества и всей нации о приоритетах развития и способах обеспечения их защиты[374].

В США, например, существует четкая приоритетность, закрепленная нормативно в Стратегии национальной безопасности страны, в соответствии с которой существует иерархия: «национальные интересы» определяют «интересы безопасности», а те, в свою очередь, «военные интересы»[375]. Причем эта последовательность и перечень четко зафиксированы в основных документах и тесно взаимосвязаны между собой[376]. Так, в Военной стратегии США этот перечень конкретизируется до трех основных военных задач:

— сдерживание и поражение нападающих;
— разрушение и уничтожение экстремистских организаций;
— укрепление глобальной сети союзников и партнеров[377].

В политической практике России такого деления пока что не существует. Перечень и приоритеты, определенные в Стратегии национальной безопасности, не делятся по категориям «интересы», «интересы безопасности» и «военные интересы», а существуют в едином перечне, сформулированы, по сути, в одном абзаце. Так, если согласиться с приоритетностью и использовать перечень объектов, имеющих приоритетное значение с точки зрения обеспечения национальной безопасности, данный в последней редакции Указа Президента России «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», то их можно выстроить в следующем порядке:

374 *Подберезкин А.И., Жуков А.* Факторы безопасности для российской нации, государства и общества // Обозреватель-Observer, 2017, № 9, сс. 24–27.

375 The National Security Strategy. Wash. 2015. 15 February, p. 2.

376 Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., Jan. 2018, pp. 3–11.

377 The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash. 2015. June, p. 5.

— защита конституционного строя;
— суверенитета;
— государственной и территориальной целостности;
— основных прав и свобод человека;
— сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе;
— защита от природных и техногенных катастроф[378].

Вряд ли подобный перечень и предлагаемая приоритетность являются точным и реальным отражением интересов безопасности России. Это имеет прямое отношение к средствам их защиты, включая информационные средства и социальные сети, рассматриваемым в данной работе. Даже оставляя за скобками вопрос о приоритетности той или иной политической цели (требующей специального отношения), можно изначально констатировать (обладая минимальной информацией о возможностях социальных сетей), что с точки зрения эффективности политического и военно-силового использования социальных сетей все эти объекты представляются идеальными мишенями для воздействия.

Прежде всего, как потенциальных рисков, опасностей и угроз (враждебная деятельность в социальных сетях, ведущаяся активно все последние годы, не рассматривается как военная), так и возможных материальных затрат, и времени, необходимых для решения поставленной задачи (ресурсы для организации и поддержки деятельности в Сети ни в коей мере не могут сравниваться с реальными физическими операциями).

Иными словами, с точки зрения нанесения ущерба безопасности государства, нации, личности и общества эти объекты являются идеальными целями для возможного нападения противника с помощью новейших средств интернет-технологий, прежде всего социальных сетей и других Web 2.0-технологий[379]. Такой подход

378 Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» / URL: http://base.consultant.ru

379 Под термином Web 2.0 автор концепции Т. О'Рейли понимал интернет-платформы, объединяющие пользователей на базе интерактивного взаимодействия (*О'Рейли Т.* Что такое Веб 2.0 / пер. с англ. // Компьютерра. 2005. 11 октября).

основан на подавляющем преимуществе США в области интернет-технологий и СМИ. В специальном исследовании корпорации Rand «Стратегия принуждения» (2016 г.) подчеркивается, например, что среди преимуществ США, которые могут обеспечить им возможности проведения политики принуждения, особое место занимают «семь крупнейших медиакомпаний и 95% мировой медиасобственности»[380]. Однако вопрос о приоритетности и перечне объектов безопасности, казалось бы, решенный в Стратегии безопасности России, на наш взгляд, таковым отнюдь не является. Как и вопрос о перечне основных объектов национальной безопасности, требующих защиты и, соответственно, угрожающих им средств и способов нападения. Это означает, что прежде, чем рассматривать угрозы, необходимо определиться с тем, против чего эти угрозы создаются.

В этих условиях значение массового и целенаправленного использования СМИ (особенно сетевых) крайне дестабилизирует ситуацию и может радикально повлиять на развитие того или иного сценария МО. Так, если о Турции, как о враге, в 2015 году думало не более 1% граждан РФ, то в 2016 году — уже 29%. Если в 2009 году за членство в ЕС выступало 53%, то в 2016 году — только 24%. Эта стремительная динамика свидетельствует об огромных возможностях управлять общественными настроениями и даже симпатиями элиты, которые есть у новой публичной дипломатии[381].

С точки зрения возможностей новой публичной дипломатии это означает, что их резкое увеличение к 2021 году позволит манипулировать общественным сознанием и превратит СМИ (особенно сетевые) в чрезвычайно эффективное, если ни решающее оружие. Эта тенденция может в еще большей степени обостриться, если массовое использование получат новые сетевые (прежде всего веб 2.0 и веб 3.0) технологии и системы связи, которые сделают сетецентрическую войну с помощью СМИ реальностью.

380 *Gompert D. C.* The Power to Coerce. Wash., 2016.

381 *Мухаметшина Е.* Основными противниками жители России считают США, Украину и Турцию // Ведомости. 2016. 3 июня.

1.5.д). Будущее российской цивилизации и идеологическое противоборство

Для тех, кто входит в креативный класс, все аспекты
и все проявления креативности — технологические, культурные
и экономические — взаимосвязаны и неразделимы[382]
Р. Флорида,
автор книги «Креативный класс:
люди, которые меняют будущее»

Будущее той или иной нации или локальной цивилизации будет определяться ее идеологическим лидерством, т.е. способностью к *созданию качественно новых продуктов,* что является исключительной прерогативой креативного класса. В свою очередь сам креативный класс развивается разными темпами в разных странах в разных условиях. Так, где условия наиболее благоприятны, он развивается быстро, вытесняя из культурной и экономической жизни большинство — обслуживающий класс и пролетариат. При этом пока что этот класс в минимальной степени заинтересован в общественно-политическом участии, т.е. не претендует на политическую власть. Это, однако, не означает, во-первых, что так будет всегда, а, во-вторых, что его не будут использовать другие социальные слои в своих целях. Именно это происходит, например, при организации разного рода «цветных» революций, где креативный класс чаще всего используется «вслепую» другими социальными группами — правящей (или оппозиционной) бюрократией, финансово-промышленными кругами, спецслужбами, международными корпорациями и т.д.

Но эффективность использования креативного класса зависит от идеологии, которая представляет собой, с политической точки зрения:

— систему взглядов, идей и концепций, которая воспринимается частью общества;

382 *Флорида Р.* «Креативный класс: люди, которые меняют будущее». М.: Классика, 2005, с. 23.

— средство управления социальными группами и целыми классами.

Таким образом, не только будущее состояние мирового порядка, перспектива развития МО и ВПО по тому или иному сценарию, но и *цивилизационное будущее отдельных наций и государств* будет предопределяться результатами идеологического противоборства, прежде всего, между ЛЧЦ и ведущими нациями, которые способны создать эффективные государства и общества. Государство и его институты, в данном случае, — это наиболее эффективные инструменты (в т.ч. идеологические) нации.

Анализируя состояние ВПО и эффективность средств и методов силового противоборства, важно иметь ввиду, что в его основе находится цивилизационное противоборство с помощью информационно-когнитивных средств, что нередко игнорируется или недооценивается в военном планировании России, где приоритетное внимание уделяется совершенствованию ВВСТ. «Человеческий фактор» всегда имел важное значение в политике и военном искусстве, но в новом веке он приобрел исключительное значение в связи с тем, что силовое противоборство было перенесено в область информационно-когнитивного противоборства между цивилизациями, их системами ценностей, нормами, правилами и процедурами.

Как известно, важнейшей частью национального богатства и самым эффективным средством политики является человеческий капитал и институты его развития. Поэтому будущее российской ЛЧЦ среди других ЛЧЦ, особенно в Евразии, где им противостоит западная ЛЧЦ, как уже говорилось выше, зависит во многом от темпов развития национального человеческого капитала[383] и его институтов, где по *количественному показателю* (численности населения) наша цивилизация существенно уступает западной, исламской, китайской и индийской. Поэтому вопрос о развитии (количественно и качественно) НЧК российской ЛЧЦ это вопрос уже

383 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Родионов О.Е.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020. 606 с.

не соревнования, а ее сохранения и выживания[384]. Кстати, именно такое значение НЧК придают на Западе, где, например, в выступлении итальянского премьер-министра на санкт-петербургском экономическом форуме в июне 2016 года тот заявил о своем главном достижении — втором месте по продолжительности жизни граждан Италии.

Качество и количество НЧК во многом обеспечивают сохранение национальной идентичности и системы ценностей, а, в конечном счете, государственного суверенитета, которые станут главным объектом борьбы между ЛЧЦ и их коалициями в XXI веке. Как справедливо писал С. Хантингтон, «Идентичность на уровне цивилизаций будет становиться все более важной, а облик мира в значительной мере будет формироваться в ходе взаимодействия семи–восьми крупных цивилизаций», к которым он относил западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и, возможно, африканскую[385].

Смещение акцентов влияния в формировании МО в XXI веке от наций-государств к ЛЧЦ неизбежно ставит вопрос о том, какое место и какую роль мы сами отводим уже не только России, «русскому миру», но и всей российской ЛЧЦ и близким нам нациям в этом процессе. Тем более, что не только основоположники цивилизационного подхода — Н. Данилевский, А. Тойнби, — но и наши современные авторы относят Россию и русскую ЛЧЦ к основным типам ЛЧЦ, отделяя ее как от западной ЛЧЦ, так и других ЛЧЦ[386].

Развитие этой глобальной тенденции в XXI веке, таким образом, неизбежно ставит вопрос перед Россией о ее месте в новом мироустройстве более того, о месте всего русского мира и российской ло-

---

384 *Подберезкин А.И., Александров М.И., Родионов О.Е.* и др. Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам: монография. Под ред. *М.В. Александрова, О.Е. Родионова*; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел Рос. Федерации, Центр военно-политич. исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018, 768 с., сс. 30–31.

385 *Huntington S.P.* The Clash of Civilizations? // Foreign Affairs, 1993. Summer / URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/1993-06-01/clash-civilizations

386 *Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р.* Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты. М.: МГИМО-Университет, 2014, сс. 142–148.

кальной цивилизации. В этой связи, необходимо выделить несколько самых общих положений, которые могут помочь нам лучше понять возможное место и роль России в формировании нового мироустройства, исходя из перспектив развития российской ЛЧЦ.

Возникла очевидная взаимосвязь, которую можно описать следующим образом: численность и качество НЧК ведет к увеличению значения интернета и социальных сетей, что резко увеличивает политическое значение социальных сетей. В свою очередь такое новое значение социальных сетей превращает их в новый и эффективный политический инструмент, который уже выполняет не только функции СМИ, но и организаторско-политические функции. Тезис В. Ленина о том, что «Газета не только коллективный пропагандист и агитатор, но и организатор», справедливый для начала XX века, стал еще более актуальным для социальных интернет-ресурсов, которые стали постепенно вытеснять даже электронные СМИ. Это создало совершенно новую политическую реальность, в том числе в политике публичной дипломатии[387].

Обращает на себя внимание и другая взаимосвязь: темпы развития экономики и общества тесно связаны с развитием интернета и социальных сетей. Из оценки влияния тенденций двух противоположных сценариев развития России — инерционного (пессимистичного) и инновационно-прорывного (оптимистичного) баланс складывается, в конечном счете, в пользу последнего. Но чтобы оптимистичный сценарий прогноза воплотился в реальность, как раз и необходимо преодолеть процесс депопуляции, углубляющийся демографический кризис, выровнять этническую структуру государства, уменьшить отток населения из восточных регионов страны и др.

Эти тенденции в демографии развивались параллельно с развитием других тенденций в области информатики и связи**,** прежде всего, в области развития социальных сетей, которые именно в эти годы в мире и в России стали развиваться опережающими темпами.

---

387 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Публичная дипломатия в силовом контексте цивилизации // Вестник МГИМО-Университет, 2015, № 6 (45).

Сайты социальных сетей можно по праву назвать одним из самых ярких феноменов не только сети Интернет, но и всей общественной и политической жизни за последнее время. За сравнительно небольшой период, начиная с их расцвета в 2003 г., они коренным образом изменили процессы коммуникации в глобальной Сети: охват аудитории, новые формы общения, которые позволяют пользователям легко обмениваться любым, в том числе мультимедийным контентом, и выражать свое отношение к нему при помощи комментариев и функций — «нравится», «не нравится», «поделиться», — а также скорость распространения информации, привлекли на страницы сайтов соцсетей не только обычных пользователей, но и различные организации, в том числе многочисленные СМИ[388].

Сегодня массовые сообщества на страницах соцсетей стали неотъемлемой частью аудитории современных российских СМИ. Эти сообщества выступают в роли пространства, где происходит непрерывное интерактивное общение между СМИ и аудиторией. Количество подписчиков отдельных сообществ российских средств массовой информации в соцсетях превышает миллионы человек: такие ИА, как «РИА Новости», «Рамблер», «Русские новости», а также многочисленные популярные ресурсы типа «Нэшнл Джиографик» дублируются, как правило, в социальных сетях. Некоторые СМИ публикуют в день до 70, а иногда и более постов («Газета.ру» и «Правда.ру», «Российская газета», «Спорт.ру»). Пользователи оставляют в день десятки тысяч комментариев и отметок «like» (нравится) к этим публикациям, тысячи раз используют функцию «share» (поделиться), чтобы оценить материалы, которые СМИ разместили на своих страницах, и оповестить о них своих друзей[389].

388 *Дьяченко О.В.* Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории // Вестник Московского университета. Журналистика, 2016, сер. 10, № 1, с. 28 / URL: http://vestnik.journ.msu.ru/ books/2016/1/rossiyskie-smi-v-sotsialnykh-setyakh-facebook-i-v-vkontakte-analiz-aktivnosti-i-informtsionnykh-pred/

389 См. подробнее: *Кравченко С.А., Подберезкин А.И.* Социальные сети как качественно новый фактор системы безопасности России // Вестник МГИМО-Университет, 2016, № 6 (51).

Анализируя взаимодействие российских СМИ и социальных сетей, исследователь имеет возможность обратиться как к зарубежным учебным пособиям, статьям и публичным выступлениям, так и к публикациям отечественных специалистов. Все они подчеркивают фундаментальный характер изменений, произошедших в результате развития социальных сетей[390]. В изученных автором англоязычных источниках говорится, в частности, о значимости «Фэйсбук» (Facebook) и «Твиттер» (Twitter) как источников журналисткой информации, так и каналов для ее распространения, а также о новых ролях (модератора, менеджера по работе с сообществом, издателя), которые необходимо освоить профессиональному журналисту в связи с их развитием.

Интересны рейтинги «цитируемости» российских СМИ в соцсетях, подготовленные Brand Analytics и Медиалогия. Их объединяет анализ, основанный на широком фактографическом материале, однако в центре внимания находятся не сами публикации СМИ в соцсетях, а количество упоминаний тех или иных изданий и материалов на этих сайтах[391]. В этой связи особенно интересным представляется осмысление феномена взаимодействий российских СМИ с социальными сетями, которое основывалось бы на анализе публикаций, которые СМИ размещают в своих сообществах в соцсетях, а также реакции пользователей на эти публикации. Тем более, что в современных медиа исследованиях сегодня еще не создано фундаментальных научных трудов, в которых были бы пристально рассмотрены все аспекты происходящих процессов именно в этом разрезе.

390 *Дьяченко О.В.* Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории // Вестник Московского университета. Журналистика, 2016, сер. 10, № 1, с. 29 / URL: http://vestnik.journ.msu.ru/ books/2016/1/rossiyskie-smi-v-sotsialnykh-setyakh-facebook-i-v-vkontakte-analiz-aktivnosti-i-informtsionnykh-pred/

391 *Дьяченко О.В.* Российские СМИ в социальных сетях Facebook и в «ВКонтакте»: анализ активности и информационных предпочтений аудитории // Вестник Московского университета. Журналистика, 2016, сер. 10, № 1, с. 30 / URL: http://vestnik.journ.msu.ru/ books/2016/1/rossiyskie-smi-v-sotsialnykh-setyakh-facebook-i-v-vkontakte-analiz-aktivnosti-i-informtsionnykh-pred/

Так, Facebook является крупнейшей мировой социальной сетью по количеству зарегистрированных пользователей, то есть представляет собой самое популярное и масштабное воплощение феномена социальных сетей в мире с количеством зарегистрированных пользователей, превышающим 2 млрд. человек. По данным системы мониторинга Brand Analytics, российская месячная аудитория этой соцсети в ноябре 2014 г. составляла порядка 24 млн. человек.

Однако в России эта соцсеть уступает по популярности «ВКонтакте», которая является наиболее многочисленной по количеству пользователей соцсетью в Российской Федерации. Ежемесячная аудитория этого сайта за тот же период составляла 54,6 млн. человек, из них более 65% проживают в России. Также на выбор повлиял тот факт, что именно в этих двух соцсетях российские СМИ имеют наиболее популярные по количеству пользователей сообщества. Более того, в некоторых регионах России в 2015 г. соцсеть «ВКонтакте» превзошла по охвату аудитории такие федеральные телеканалы, как «Первый канал» или «Россия 1», что подчеркивает актуальность изучения взаимодействия российских СМИ с этой социальной сетью.

«Наибольшее число кибератак происходит из США, тезис о тотальной российской угрозе в киберпространстве несостоятелен. Об этом заявил заместитель секретаря Совета безопасности РФ Олег Храмов». По его мнению, чтобы бороться с тем, как Россию выставляют источником информационных угроз, необходимо предъявлять факты, которые оппонентами Москвы «последовательно замалчиваются»[392]. «К примеру, анализ отчетов, ведущих зарубежных и российских компаний, работающих в области информационной безопасности, показывает, что наибольшее число компьютерных атак осуществляется с использованием информационной инфраструктуры, расположенной на территории США», — сказал Храмов. Он добавил, что американцы лидируют в статистике по вредоносной активности со значительным отрывом: за 2016–2019 годы этот показатель составлял от 40% до 75%,

392 *Храмов О.* В Совбезе РФ заявили, что больше всего кибератак идет из США // ТАСС, 2 августа 2020 г.

в зависимости от типа вредоносных воздействий. «России указанный показатель отводит от 2 до 7%. Эти не афишируемые на Западе, но имеющиеся в открытом доступе данные наглядно демонстрируют любому здравомыслящему человеку несостоятельность тезиса о тотальной российской угрозе в киберпространстве», — указал Храмов. При этом, указал представитель Совбеза России, по данным ФБР, в самих Соединенных Штатах ежегодно фиксируется более 300 тысяч киберпреступлений, которые, по разным подсчетам, наносят ущерб американской экономике в размере от 57 до 109 млрд. долл. «Мы настойчиво предлагаем нашим зарубежным партнерам на государственном уровне идти по пути не политизированного взаимодействия в вопросах борьбы с компьютерными атаками», — добавил он.

Храмов указал, что с российской стороны регулярный обмен экспертной информацией о проявлениях вредоносной активности обеспечивается Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам. Количество государств, с которыми организовано такое взаимодействие, за 2019 год выросло со 116 до 146. «Растет и сам информационный обмен. С нашей стороны партнерам отправлено более 12 тысяч запросов о вредоносной активности в отношении российских информационных ресурсов, при этом от других стран получено около 8 тысяч подобных запросов», — рассказал заместитель секретаря СБ РФ.

Храмов отметил, что после нового витка «манипуляций и голословных обвинений» в период промежуточных выборов в США в 2018 году американский президент Дональд Трамп «дал указание начать скрытую кибератаку на российское Агентство интернет-исследований, которое было без предъявления доказательств названо американскими спецслужбами распространителем информации, квалифицируемой как вмешательство». Замсекретаря СБ РФ при этом обратил внимание на публикацию портала Yahoo News, согласно которой в 2018 году президент США наделил ЦРУ расширенными полномочиями при осуществлении наступательных операций в киберпространстве, включая проведение операций по выводу из строя инфраструктуры противника. «Такие условия диктуют необходимость принятия защитных мер в соответствии с по-

ложениями Доктрины информационной безопасности Российской Федерации и российского законодательства», — сказал Храмов.

США и их союзники наращивают усилия для деструктивных действий в информационном пространстве других стран[393]. «Стремящиеся обеспечить мировое доминирование США и их союзники, с одной стороны, наращивают усилия для осуществления разведывательных и деструктивных действий в информационном пространстве других стран, а с другой объявляют Россию, Китай, Северную Корею и Иран основными источниками киберугроз», — сказал он. По мнению Храмова, Вашингтон таким образом **целенаправленно формирует медийную картину, «которая призвана оправдать в глазах мировой общественности любые последующие действия, в том числе силового характера, в отношении геополитических конкурентов».**

Россия и США взаимодействуют для оперативного решения отдельных вопросов в области информационной безопасности, в том числе политического характера. «Отдельное взаимодействие между нашими странами по этой теме ведется. Еще в 2013 году были сформированы механизмы взаимодействия по вопросам безопасности использования информационно-коммуникационных технологий. Созданные каналы связи позволяют оперативно решать конкретные вопросы в области информационной безопасности как политического, так и технического характера», — сказал Храмов.

В условиях вероятного осложнения международной и военно-политической обстановки в мире одним из наиболее важных направлений станет попытка внутриполитической дестабилизации положения в России. Наиболее вероятными средствами такой силовой политики в отношении нашей страны, по оценкам ряда экспертов, станет активизация противоправной деятельности иностранных государств, юридических и физических

393 *Усиков А.В., Бурутин Г.А., Гаврилов В.А., Ташлыков С.Л.* Военное искусство в локальных войнах и вооруженных конфликтах. Вторая половина XX — начало XXI века (под общ. ред. А.С. Рукшина). М.: Военное издательство, 2008. 764 с.

лиц (далее — иноагентов) в России. В настоящее время, как известно, такая деятельность ведется по ***трем основным*** направлениям:

1. Целевая политика в области подрыва системы национальных ценностей и интересов (так называемая «мягкая сила»), ориентированная на создание системы прозападных ценностей и формирования представлений о ложных национальных интересах у представителей так называемого «креативного (творческого) класса». Успех в проведении такой политики означает достижение фундаментальных целей относительно России в области сохранения ее идентичности и суверенитета.

Конкретное апробирование результатов может происходить в процессе выборов федерального и местного масштаба в период 2021–2024 годов.

Реальное противодействие такой политике означает создание эффективной системы общенациональных действий государственными и общественными институтами практически во всех областях общественно-политической и социально-экономической жизни страны. Надо признать, что в полной мере такая система в России не создана.

2. Силовая политика в области безопасности («жесткая сила»), которая проявляется в трех областях:

а) открытой угрозы, шантажа;

б) скрытой угрозы

в) прямого использования военной силы.

Противодействие этой политике со стороны российского государства возложено преимущественно на МО, ФСБ и правоохранительные органы, однако, следует иметь ввиду, что это направление самым тесным образом сочетается с попытками влияния на руководителей силовых институтов государства посредством разного рода санкций, что при определенных условиях может привести к их ложной ориентации и прямому предательству.

3. Силовая политика в области принуждения («силового принуждения»), т. е. политико-дипломатические, экономические, информационные и иные средства, которые направлены как против

государственных и не государственных институтов, так и против отдельных лиц страны.

В отношении России используются в разной степени все три формы силы, но эффективное противодействие им оказывается во многом не в равной степени. Традиционно приоритетное внимание уделяется вопросам военной безопасности.

В этой связи, считаю целесообразным акцентировать внимание на повышении эффективности противодействия внешнему влиянию российских и международных негосударственных организаций, а также отдельных физических лиц, чья деятельность представляет не только непосредственную, прямую, но и потенциальную угрозу интересам нашей страны (исходя из того, что открытая противоправная деятельность уже встретила противодействие со стороны органов государства). В частности, представляется необходимым повысить эффективность работы органов прокуратуры (в особенности на местах), как *надзорного органа государства,* по двум направлениям:

Во-первых, прежде всего, за счет **информирования** о потенциально опасной и противоправной деятельности против институтов государства и общества, а также отдельных граждан и получения с мест дополнительной информации, ее обработки, систематизации и анализа о такого рода активности.

Именно на начальной стадии, когда еще не существует прямого нарушения закона, возможно проведение активных мероприятий по подготовке к противодействию попыткам внутриполитической дестабилизации. Политическая история СССР и России последних десятилетий, прежде всего, события 1990–1999 годов, показывают, что органы власти оказывались, как правило, не готовыми к противодействию таким попыткам. Тем более неизбежно их повторение в условиях эскалации развития наиболее опасного силового сценария развития МО. Так, например, создание с помощью западных фондов в России системы юридических консультаций, может означать в перспективе использование такой широкой системы для того, чтобы поставить под сомнение результаты выборов. Международный опыт показывает, что влиять на выборы можно:

— в период их подготовки;
— во время голосования;
— после признания / не признания результатов выборов.

Во-вторых, за счет повышения **требовательности** от государственных ФОИВ и общественно-политических органов по усилению противодействия влиянию противника, т. е. более эффективной реализации прокуратурой функций **надзора,** прежде всего, в отношении сохранения национальной идентичности, суверенитета и территориальной целостности.

Не секрет, что в деятельности многих органов власти и институтов эти приоритеты нередко оказываются на вторых ролях. Это относится не только к таким областям как образование, культура и наука, но и здравоохранение, экономика и финансы, которые могут оказаться под негативным внешним влиянием. Таких примеров множество, если их не игнорировать. В частности, СМИ и книгоиздание, развитие интернета, другие области, влияющие на формирование национальной идентичности, нередко находятся под сильным давлением извне даже в тех случаях, когда могут нейтрализовать такое влияние. Например, производство детских игрушек может стать как мощным импульсом пропаганды технологического превосходства Запада, так и средством патриотического воспитания детей, если производитель и продавец игрушек не безразличен к этой проблеме. Эта экономическая область имеет не только огромные обороты, но и сильное общественно-политическое значение.

В-третьих, за счет расширения сферы деятельности органов прокуратуры на местах. В настоящее время деятельность физических и юридических лиц, финансируемых и управляемых из-за рубежа, в основном сосредотачивается в регионах, где федеральный контроль за их деятельностью ограничен и проявляется только в случаях явных нарушений законодательства РФ: разведывательной, экстремистской или террористической деятельности, которая находится в зоне ответственности ФСБ, МВД и Минюста России. Деятельность, имеющая антироссийскую направленность в области культуры, СМИ, науки, образования, государственного

управления, в особенности влияния на региональные политические элиты, в том числе в процессе выборов в органы власти, находится фактически вне внимания государственных и общественно-политических органов обеспечения безопасности и внутриполитической стабильности страны. Так, в частности, многие региональные НКО и СМИ прямо финансируются зарубежными фондами и посольствами, причем численность таких организаций не известна, но самые предварительные оценки говорят о том, что в отдельных регионах таких организаций и СМИ может быть несколько сотен и даже более, а в целом по стране тысячи. Так, по некоторым оценкам подобных НКО, находящихся под внешним влиянием в Белоруссии, насчитывается более 3000, а на Украине — более 50 0000.

1.6. Новое состояние международной обстановки в мире: современные формы межгосударственного противоборства и их влияние на безопасность государства и формирование стратегической обстановки

Лет 30–40 назад политика была борьбой идей. У тебя была программа, ты убеждал в ее правоте, боролся с другими программами…. Сейчас все сконцентрировано на экране телевизора[394]
Д. Кьеза, бывший парламентарий Евросоюза

Во втором десятилетии XXI века сложилась такая ситуация в МО, когда не только политические процессы и поведение субъек-

394 *Кьеза Д.* Цугцванг для человечества. М.: Книжный мир, 2019, с. 5.

тов МО, но и сама политическая реальность стала результатом информационной политики ведущих субъектов, которые практически монополизировали информационное пространство. Не важны стали не только программы и идеи, но и логика и сама истина потому, что важна стала только **трактовка** таких идей и событий — повторяющаяся, «всеобщая», доминирующая в СМИ, социальных сетях и в общественном мнении. По сути дела, реальный политический мир и происходящие в нем процессы, превратился в виртуальный, причем этот виртуальный мир оказался в политике более реальным, чем существующий в действительности.

Виртуализация привела к тому, что война — ядерная и обычная — становится нормой в политическом планировании. Так, например, иллюстрацией таких изменений стала дискуссия о применении /неприменении ядерного оружия, которая развернулась в современный период обострения МО по вполне понятным причинам. В частности, как следует из заявления американского представителя по контролю над вооружениями М. Биллингсли, «ядерная доктрина РФ якобы носит провокационный характер и предусматривает применение подобных вооружений». «Я несколько раз сидел за переговорным столом с представителями российского Генштаба, их мнение значительно ухудшилось по этому вопросу»[395]. В ходе последней дискуссии они отмечали, что законы военного конфликта, особенно концепция соразмерности, не касается ядерных вооружений. Спецпредставитель утверждал, что российские военные планы по вторжению на территорию НАТО предусматривают нанесение удара и капитуляцию альянса без ответных действий. «Но мы предупреждали, что любое применение ядерного оружия — с помощью межконтинентальной баллистической ракеты или артиллерии — будет иметь стратегические последствия», — добавил он. «Исходя из этого, а также по причине проектов «Посейдон» и «Буревестник», которые не затронуты никакими рамками ядерно-

395 Администрация США считает, что ни один будущий американский лидер не должен подтверждать с Россией заявление о недопустимости ядерной войны // ТАСС, 9 декабря 2020 г.

го сдерживания, мы отказались подтвердить совместное заявление Михаила Горбачева [и президента США Рональда Рейгана 1985 года] о том, что в ядерной войне не может быть победителей, и она никогда не должна быть развязана, — сказал Биллингсли. Российская сторона неоднократно просила нас это сделать [в двустороннем формате], так и в рамках стран ядерной «пятерки». «Ни один будущий президент [США] не должен такое подписывать. А если сделает такое, то должен понести наказание», — считает М. Биллингсли.

Российская сторона ранее неоднократно отмечала, что действия США по модернизации вооружений снижают порог применения ядерного оружия. Так, официальный представитель МИД РФ Мария Захарова заявила, что США стремятся к приданию своим ядерным силам новых возможностей, тем самым повышая вероятность их применения. 2 июня 2020 года президент РФ Владимир Путин утвердил основы государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания. Подписанный документ заменяет аналогичный, принятый 10 лет назад и действовавший до 2020 года. Новый нормативный акт подтверждает, что политика Москвы в этой области носит оборонительный характер, один из главных принципов — соблюдение международных обязательств в области контроля над вооружениями.

Между тем. Развитие современных ВВСТ неизбежно ведет к снижению ядерного порога и увеличению риска использования военной силы. Особенно при помощи роботизированных систем, в которых не задействован напрямую человеческий фактором. Масштабы такого применения уже огромны. Так, по оценкам ООН в 2020 году по меньшей мере 102 страны имели на вооружении БЛА, а более 40 — ударные БЛА. Более того, по этим оценкам уже 11 государств в 2020 году использовали ударные БЛА, а 20 негосударственных акторов получили их в свое распоряжение[396].

396 *Денисенцев С.* Тенденции роботизации боевых действий в 2020 году: турецкий прорыв и рост внимания к гуманитарным аспектам применения дронов. // Экспорт вооружений, 2020, Спец. выпуск, сс. 23–24.

В этой связи обращает на себя внимание появление многочисленных концепций, в которых интегрируются возможности:

— обработки больших баз информации и применения автоматически искусственного интеллекта в целях сокращения времени принятия решений;
— интеграции средств разведки, связи и управления;
— интеграции средств ВТО с указанными выше системами в целях автоматического поражения целей в глобальном масштабе.

Сказанное свидетельствует о том, что военная сила США приобретает новое качество — практически мгновенного нанесения удара ВТО в любом регионе планеты, т. е. внешняя политика страны приобретает новое качество, а именно, эффективного силового средства в глобальном масштабе. На это направлен, в частности американский проект «Конвергенция» (Project Convergence), который в 2020 году стал понемногу обрастать деталями. С помощью данного «тренажера» США намерены отладить схему уничтожения целей по всему миру за рекордно короткие периоды времени[397]. Авторы материала уточняют, что осенью 2020 года американские военные провели шестинедельные учения на полигоне Юма, расположенном в штате Аризона. Итоги маневров позволили представителям командования будущего (Army Futures Command) заявить об усовершенствовании системы поиска и уничтожения целей врага. Если ранее, по словам специалистов, уходило на пеленг и выстрел 20 минут времени, то сейчас все это требует не более 20 секунд. «Время уже само по себе превращается в оружие», – к такому выводу пришли американцы. В проведении Project Convergence задача военных была в проверке технических возможностей трансформации техники и вооружения для перехода в новое качество. Осенние маневры 2020 года стали стартом переподготовки большого масштаба в Сухопутных войсках США. Американские силовики отрабатывали десятки возможных сценариев с применением разных типов оборудования и оружия, в числе которых значатся и си-

397 *Коледа М.* США разрабатывают проект «Конвергенция» ради уничтожения целей по всему миру.

стемы с использованием ИИ. В целом, за период учений было произведено 350 вышеописанных тренировочных боев.

«Виртуализация» военно-силовой политики нацелена на принудительное изменение национальной идентичности оппонента в нужном направлении, его отказа, в конечном счете, от национальных интересов, т. е. достижения над ним абсолютной победы, когда правящая элита и общество уже не хотят и не могут сопротивляться внешнему влиянию. Такая победа, как известно, наиболее полная и долгосрочная по своим последствиям. Она не предполагает ни политических, ни, тем более, идеологических компромиссов. Она фундаментально меняет общество и нацию, как это произошло во многих странах на постсоветском пространстве и в самой России. Настолько радикально, что превращает людей в своих антиподов в относительно короткие промежутки времени.

Так произошло, например, на Украине, а до этого в Чечне. Примечательно в этой связи признание писательницы-военнослужащей, воевавшей в чеченской кампании Екатерины Наговицыной в отношении тех боевиков, с которыми она встретилась на войне: «…бандитам было мало убить, им надо было покуражиться, порезвиться, утолить свою жажду садизма. Им было важно сломить, запугать, исковеркать. И это началось задолго до нашего прихода (т. е. ввода войск в Чечню — *А.П.*). Я не знаю, что случилось с этим народом, но что-то с ним ведь случилось, раз они стали стрелять, резать, насиловать, грабить своих соседей, людей, с которыми они жили рядом столетиями, с которыми они вместе встречали праздники, беды и несчастья. И вдруг вспомнили, что они русские, объявили их чужими и обрекли их на смерть. Разбудили страшную Тварь, не знающую жалости и сострадания»[398].

Это произошло не только с чеченцами, но и с украинцами, казахами, даже белорусами и …даже русскими, которые стали ненавидеть свой народ уже по политическим или даже меркантильно-бытовым мотивам. Идет процесс тщательной «денационализации»

398 *Наговицына Е.* Снайпер в Чечне. Война глазами офицера СОБР, СПб.: Питер, 2020, с. 119. 320 с.

правящей элиты и общества, в котором активная прозападно-либеральная часть правящей элиты усиленно внедряет чужую систему ценностей. В том числе и официально. Парадоксально, но для этого нередко используются политико-административные и финансовые инструменты российских государственных институтов, как, например, когда сторонники этой точки (повторю, антинациональной точки зрения) занимают ответственные посты в системе принятия решений в области науки и образования. В самой яркой, даже дикой форме, это проявлялось в 90-х годах в период чеченских кампаний по отношению к русскому народу даже в центре Москвы. Но во многом сохранилось и до настоящего времени.

Это означает, что в системе нарастающего цивилизационного противоборства в мире в России есть во власти влиятельные противники государства и нации, которые неизбежно и постоянно будут влиять на эффективность такого противоборства. Именно поэтому, прежде всего, необходимо внести ясность в те требования, которым должны отвечать представители правящей элиты России с точки зрения их политической позиции. Это невозможно сделать до тех пор, пока не будет дана **политическая оценка** политике М. Горбачева и Б. Ельцина и их окружения, всех тех, кто способствовал развалу и деградации СССР и России. Эта политическая оценка — ориентир для всей нынешней элиты, те рамки, которым она должна следовать. Отсутствие этой оценки сегодня ведет к тому, что последователи преступной политики продолжают, в том числе официально, свою деятельность, которая обесценивает любые усилия по противодействию военно-силовому давлению на Россию.

Таким образом, происходит открытая враждебная «виртуализация» МО по отношению к России, которую превращают в страну-изгоя, в отношении которой допустимы самые крайние меры, изначально поощряются любые силовые акции, включая бесчеловечные, как, например, уничтожение протестующих в «доме профсоюзов» в Одессе. Эта политика сознательно ведется с самых первых лет уничтожения стран Социалистического содружества и союзников СССР по ОВД — от Румынии и ГДР до Ирака и Ливии.

Компромисс в ней невозможен потому, что изначально предполагается уничтожение нации — ее депопуляция, раздел территории и уничтожение национальной самоидентификации.

1.6.а). Виртуальная политика и формирование стратегической обстановки как средства влияния на современное развитие международной обстановки

Надо подчеркнуть, что формирование МО происходит при сознательном неблагоприятном изменении СО еще до начала военного конфликта. Посредством санкций и других действий наносится серьезный ущерб боеспособности ВС потенциального противника, как это было в Югославии, Ливии и Ираке. Так, в Ираке, например, из 300 самолетов ВВС в реальности относительно боеспособными было не более 50 единиц и дезинтегрированная система ПВО[399].

Сознательное формирование враждебной СО в мире стало частью международной политики Запада с начала нынешнего столетия. В основе такой стратегии лежала вполне обоснованная логически установка на то, что технологическое и военно-техническое превосходство само по себе, даже без применения военной силы, обеспечивает достижение политических целей. Поэтому традиционная ставка на опережающее развитие ВС и ВВСТ получила и вполне политическое «не силовое» обоснование в виде концепции «сдерживания». Для этого необходимо было постоянно и целенаправленно:

399 Грозное небо. Авиация в современных конфликтах / *М.С. Барабанов, С.А. Денисенцев, др. под ред. В.Н. Бондарева*. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. 256 с., сс. 66–67.

— искусственно осложнять международную обстановку любыми средствами и по любому поводу, в том числе и не считаясь с логикой, международным правом и реалиями;
— отказаться от любых (за редким исключением) форм сотрудничества, особенно в области ограничения вооружений и военной деятельности;
— максимально увеличить военную активность и демонстрацию силовых возможностей и готовности применения военной силы.

Эти действия должны были обеспечить для США и их союзников максимально благоприятные условия реализации политики «силового принуждения» России и других стран, ограничивая их возможную ответную реакцию и дестабилизируя внутриполитическую обстановку.

Таким образом, создание атмосферы враждебности стало стратегической целью политики Запада, в рамках которой предполагалось широкое использование всех силовых средств, избегая по возможности прямого военного столкновения.

Целью такой политики была не только традиционная цель — капитуляция враждебных политических режимов в России и Китае, а также Иране, на Кубе, КНДР и других странах, но и смена там системы ценностей, норм и правил, правящих элит, превращение этих суверенных государств в зависимые территории, где отсутствует не только национальный суверенитет и политика, но и национальные системы ценностей.

В 1950 г. Н. Винер опубликовал книгу «Человеческое использование человеческих существ», аннотация на обложке которой гласит: «Механический мозг» и подобные машины могут уничтожить человеческие ценности или дать нам возможность реализовать их как никогда прежде». Он постепенно шлифовал свои идеи и к 1960 г. выделил основную проблему — невозможность правильно и исчерпывающе определить истинное предназначение человека. Это, в свою очередь, означает, что упомянутая выше стандартная модель — когда люди пытаются наделить машины собственными целями — обречена на неудачу.

Мы можем назвать эту идею «проблемой царя Мидаса». Царь Мидас, персонаж древнегреческой мифологии, получил буквально то, о чем просил, — а именно, чтобы все, к чему он прикасается, превращалось в золото. Он слишком поздно понял, что это также относится к его пище, питью и членам семьи, и умер от голода в полном отчаянии. Эта тема присутствует повсеместно в мифах человечества. Винер цитирует отрывки из сказки Гете об ученике чародея, который заколдовал помело, заставив его ходить по воду, но не сказал, сколько нужно принести воды, и не знал, как заставить помело остановиться.

Если выразить эту мысль применительно к нашей теме, — развитию МО — мы рискуем потерпеть неудачу при согласовании ценностей, возможно, непреднамеренно поставить перед машинами задачи, противоречащие нашим собственным. Вплоть до недавнего времени нас защищали от возможных катастрофических последствий ограниченные возможности интеллектуальных машин и пределы их влияния на мир. (Действительно, большая часть работы над ИИ делалась на модельных задачах в исследовательских лабораториях.) Как указывает Норберт Винер в своей книге «Бог и Голем», изданной в 1964 г.: «В прошлом неполная и ошибочная оценка человеческих намерений была относительно безвредной только потому, что ей сопутствовали технические ограничения, затруднявшие точную количественную оценку этих намерений. Это только один из многих примеров того, как бессилие человека ограждало нас до сих пор от разрушительного натиска человеческого безрассудства»[400].

К сожалению, этот период защищенности быстро подходит к концу. Мы уже видели, как алгоритмы выбора контента в социальных сетях ради максимальной отдачи от рекламы вызвали хаос в обществе. Если вы считаете максимизацию отдачи от рекламы низкой целью, которой никто не будет добиваться, давайте предста-

400 Подробнее читайте: Рассел, с. Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект / *Стюарт Рассел ; Пер. с англ. [Натальи Колпаковой]*. М.: Альпина нонфикшн, 2021. 438 с.

вим, что поставили перед сверхинтеллектуальной системой будущего высокую цель найти лекарство от рака — в идеале как можно быстрее, потому что каждые 3,5 секунды от рака умирает человек. За считанные часы ИИ-система прочитала всю литературу по биомедицине и рассмотрела миллионы потенциально эффективных, но не протестированных ранее химических соединений. За несколько недель она спровоцировала развитие опухолей разных типов в каждом человеке в мире, чтобы провести клинические испытания этих соединений, поскольку это самый быстрый способ найти лекарство. Приехали!

Если вы предпочитаете решать проблемы защиты окружающей среды, то можете попросить машину справиться с быстрым закислением океанов вследствие высокого содержания углекислоты. Машина разрабатывает новый катализатор, запускающий невероятно быструю химическую реакцию между океаном и атмосферой и восстанавливающий уровень кислотности океанов. К сожалению, в этом процессе расходуется четверть содержащегося в атмосфере кислорода, обрекая нас на медленную мучительную смерть от удушья. Опять приехали!

Подобные апокалипсические сценарии весьма примитивны — пожалуй, от «конца света» и не приходится ждать ничего иного. Во многих сценариях, однако, нас «мало-помалу и незаметно» настигает ментальное удушье. Пролог «Жизни 3.0» Макса Тегмарка довольно подробно описывает сценарий, в котором сверхинтеллектуальная машина постепенно берет экономическую и политическую власть над всем миром, оставаясь, в сущности, необнаруженной. Интернет и машины глобального действия на его основе — уже ежедневно взаимодействующие с миллиардами «пользователей» — являются идеальной средой для увеличения власти машин над людьми. *«Я не предполагаю, что поставленная перед такими машинами задача будет из разряда «поработить мир». Более вероятно, это будет максимизация прибыли или вовлеченности, возможно, даже безобидная, на первый взгляд, цель наподобие увеличения показателей в регулярных оценках уровня счастья пользователей или сокращения нашего энергопотребления».*

Далее, если мы считаем, что наши действия направлены на достижение наших целей, изменить наше поведение можно двумя путями. ***Во-первых, старым добрым способом — не меняя ожиданий и целей, изменить обстоятельства, например, предложив деньги, направив на нас пистолет или взяв измором».***

Для компьютера это дорогой и трудный путь. ***Второй способ — изменить ожидания и цели. Это намного проще для машины.*** *Он заключается в том, чтобы поддерживать с вами* ***ежедневный многочасовой контакт, контролировать ваш доступ к информации и обеспечивать значительную часть ваших развлечений в виде игр, телевизионных программ, фильмов и социальных взаимодействий»***[401]**.**

Алгоритмы обучения с подкреплением, оптимизирующие переходы по ссылкам в социальных сетях, не способны осмыслить поведение человека. В действительности они даже «не знают» в сколько-нибудь разумном понимании этого слова, что люди существуют. Машинам, понимающим человеческую психологию, убеждения и мотивации, будет относительно легко переориентировать нас в направлениях, увеличивающих степень удовлетворения целям машины. Например, она может снизить наше потребление энергии, убедив нас иметь меньше детей, постепенно — и неизбежно — осуществив мечты философов-антинаталистов, мечтающих полностью исключить тлетворное воздействие человечества на природный мир.

Немного практики, и вы научитесь видеть пути, на которых достижение более или менее фиксированной цели может вылиться в произвольные нежелательные результаты. Один из типичных путей — упустить часть цели, в которой вы действительно заинтересованы. В подобных случаях — как в вышеприведенных примерах — ИИ-система часто будет находить оптимальное решение, которое доводит до крайности то, что для вас важно, но о чем вы

401 Подробнее читайте: *Рассел С.* Совместимость. Как контролировать искусственный интеллект / *Стюарт Рассел ; Пер. с англ. [Натальи Колпаковой]*. М.: Альпина нонфикшн, 2021. 438 с.

забыли упомянуть. К примеру, если вы скажете автономному автомобилю: «Доставь меня в аэропорт максимально быстро!» — и он поймет это буквально, то разгонится до 300 км/ч, и вы окажетесь в тюрьме. (К счастью, автомобили в настоящее время не примут такой запрос). Если вы говорите: «Доставь меня в аэропорт максимально быстро, не нарушая скоростной режим», — он будет предельно быстро разгоняться и тормозить, чтобы в промежутках двигаться с максимальной скоростью, возможно, даже оттеснять другие машины, чтобы выиграть несколько секунд в толчее на въезде в терминал аэропорта. И так далее. Постепенно вы добавите достаточно оговорок, и движение машины примерно сравняется с поведением опытного водителя, везущего в аэропорт пассажира, который боится опоздать.

К сожалению, в случае сверхинтеллектуальных систем, имеющих глобальное воздействие, ничего нельзя смоделировать или продублировать. Безусловно, очень трудно, пожалуй, невозможно для обычных людей предвосхитить и заранее исключить все разрушительные пути, которыми машина может решить двинуться к поставленной цели. В общем, если у вас одна цель, а у сверхинтеллектуальной машины другая, противоречащая вашей, то машина получит желаемое, а вы нет.

С точки зрения развития МО, ВПО и СО это означает, что **виртуальная реальность на любом из этих уровней оказывается более важной, чем действительность.** Так, формирование СО в армяно-азербайджанском конфликте стало следствием не столько вооруженных столкновений и соотношения ВВСТ, сколько политико-психологической обстановкой, которую удалось создать Азербайджану и Турции: хаос в управлении Арменией и ее ВС, нейтрализация поддержки Запада, с одной стороны, и хорошо скоординированная деятельность ВС и СМИ Азербайджана и Турции, с другой, — стали главными условиями победы.

Ровно то же самое произошло в начале 2014 года на Украине, где антироссийским силам удалось скоординировать деятельность не только оппозиции, но и Запада для создания искусственной виртуальной картинки «победы революции достоинства».

Для понимания значения этой реальности при формировании СО необходимо признать, что в основе острейшей информационно-когнитивной борьбы, развернувшейся в последние десятилетия против России, лежат **фундаментальные причины**. Нападки на Россию, которые приобретают нередко **формы *заведомо искаженной реальности*** (не поддающиеся логическим объяснениям), — только часть этого глобального противостояния между глобалистами и теми, кто защищает национальные интересы и ценности социальной справедливости как в мире, так и в каждой стране, включая нашу. Это важно понимать потому, что противоборство в информационно-когнитивной и идеологической среде носит не только характер межгосударственного, но **межцивилизационного противоборства**[402]. Это хорошо видно, кстати, даже на примере стран-членов ЕС — Польши, Чехии и Венгрии, а также Словакии, — пытающихся защитить свои национальные системы ценностей внутри политико-экономического союза, в котором доминируют другие страны.

Для формирования СО имеет огромное значение и другой фактор, который традиционно не учитывается, как правило, в анализе (хотя история человечества всегда приводила множество примеров его эффективности): **внутри** каждой цивилизации, даже каждой нации и государства присутствуют сторонники разных цивилизационных и национальных систем ценностей, в нашем случае — как глобализации, так и ее противники. В реальности это выражается в противоположных политических и научных подходах между сторонниками глобализации, с одной стороны, и национальных интересов, — с другой. Именно на таких сторонников делается ставка главных противников. Как это было в конце 80-х годов в СССР и странах Восточной Европы, где именно сторонники западной либеральной модели победили сначала внутри правящего класса, а затем и в общенациональном масштабе.

---

402 См. подробнее: Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберезкин, М. В. Александров, К. П. Боришполец и др*. М.: МГИМО-Университет, 2019, 656 с.

Важно понимать, что для формирования современной СО в мире и в отдельных регионах (пример Молдавии осени 2020 года очень показателен) победа сторонников той или иной цивилизационной модели имеет большее значение, чем оборонные расходы и ВС. Вполне определенно на этот счет высказались авторитетные представители внешнеполитического истэблишмента США в ноябре 2020 года Александр Вершбоу — американский дипломат, бывший посол США в России, бывший заместитель генерального секретаря НАТО и Дэниел Фрид — американский дипломат, бывший помощник государственного секретаря по европейским и евразийским делам и бывший посол США в Польше, в своих рекомендациях новой администрации. Вывод обращает на себя внимание: «В России есть *потенциал для положительных сдвигов*. США следует поразмыслить, как этого достичь. ***Новое руководство в Кремле, когда оно наконец сменится, будет продвигать собственную повестку дня, а не американскую*** (подч. *А.П.*). Но не исключено, что оно попытается положить конец внутренней стагнации и внешней изоляции страны, будет более открытым к урегулированию наихудших из нерешенных споров (вроде Украины) и готово **к подлинному сдвигу в отношениях в сторону партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, — начав с того места, где все остановилось два десятилетия назад**. Новое руководство окажется в более благоприятных обстоятельствах, чем Ельцин: над ним не будет довлеть ни крах советской империи, ни хаос половинчатых и избирательных реформ. В ближайшие годы могут открыться возможности для новой России, более конструктивно настроенной к самой себе и окружающему миру.

Международная система после пандемии коронавируса может быть (и, по мнению авторов, будет) более многосторонней, а ее ядром станут ключевые демократии Европы, Северной Америки, Азии, а не верховенство США. При этом основанный на ценностях миропорядок, заложенный США после 1945 года, сохранится в лучшем виде. Более многополярный Запад будет представлять собой не поражение американской мощи, а великое достижение американской стратегии с 1945 года. Это не отвечает стремлению Кремля к

разделу сфер влияния, которые обеспечили бы ему господство над соседями. Однако, не исключено, что **иное, более конструктивно настроенное российское руководство предпочтет влиться в такую систему, — с его точки зрения, это будет не сколько уступкой американской гегемонии, сколько присоединением к многостороннему миру, —** и США следует приветствовать такой расклад.

Другими словами, США должны не просто ждать перемен, но *готовить новую российскую элиту*, которая сменит В.В. Путина и его окружение и пойдет по сценарию развития западной цивилизации. Вывод вполне определенен: «Основы внешней политики в отношении России в краткосрочной перспективе требуют от Запада реализма и практического подхода. Но, имея дело с путинской Россией, США должны быть готовы вести себя иначе с другой Россией, когда та рано или поздно появится»[403].

Ускоренное развитие военно-силового сценария военно-политической обстановки во втором десятилетии XXI века привело к самым неожиданным изменениям в ***формах государственного противоборства***, что нередко объясняется разными причинами. Разные политики и эксперты по-разному оценивают эти изменения в формах силового противоборства. Так, например, известный политолог Л. Савин связывает их с «новыми формами организационного поведения» и принципами сетецентрической войны, в частности:

— Прочные силы, построенные по принципу сети и усовершенствующие распределение информации.
— Улучшения качества информации и всеобщей осведомленности.
— Улучшении синхронизации.
— Повышение эффективности миссии[404].

Традиционные либеральные политологи и политики объясняют эти явления отказом от глобализации и возвратом к политике национальных интересов. Так, по мнению некоторых политиков и поли-

403 *Вершбоу А., Фрид Д.* Как Запад должен вести себя с Россией / «Атлантик Коунсил». 30/11/2020.

404 *Савин Л.* Новые способы ведения войны: как Америка строит империю. СПб.: Питер, 2016, с. 103.

тологов, эти радикальные изменения, которые произошли в новом веке в международной политике и дипломатии, вполне справедливо называют «эгоизацией внешней политики», т. е. возвращению ее к основам — национальным интересам. Этот «возврат», как считается, объективно снижает значение влияния глобализации и соответствующих ее факторов в мировой политике и дипломатии.

Но речь идет, на самом деле, не о реальном объективном политическом и экономическом процессе, а о его субъективной ***либеральной трактовке***, навязанной либеральными политиками и учеными-западниками в последние десятилетия[405], когда произошла субъективная переоценка значения глобализации в угоду совершенно определенным кругам и интересам, претендовавшим с начала 70-х годов прошлого века на глобальный контроль над мировыми ресурсами.

Эта переоценка, надо признать, крайне негативно отразилась впоследствии на состоянии многих государств и социальных слоев, что стало осознаваться относительно недавно и проявилось в целом ряде тенденций в политике многих государств[406], причем не только тех, кто прямо, как Россия, катастрофически пострадал от таких политических оценок и последствий, но и начинает испытывать их в настоящее время, — как в Великобритании, Франции, Германии, Чехии, Венгрии и даже США.

Преувеличенное значение глобализации в политике и науке привело, в конечном счете, к недооценке национальных и социально-классовых интересов, что в итоге выразилось в реальном

405 Надо признать, что этому влиянию поддались не только советские и российские ученые, написавшие груды работ на сей счет, но и политики в СССР и в других странах, которые этим оправдали предательство национальных и социальных интересов. Последствия этих процессов в России сказываются до настоящего времени, что очень хорошо видно на примере многочисленных работ и учебных курсов, посвященных «глобальным трендам» и пр. изобретениям горбачевской эпохи.

406 Проблемы в области социального расслоения, нарастающий национальный и этнический антагонизм, вызванный бесконтрольной миграцией, усиление социально-экономических трудностей для значительных категорий граждан, нарастание военных конфликтов и этнических, религиозных и конфессиональных противоречий — эти и другие проблемы стали усиливаться параллельно с развитием глобализации.

политическом «откате» в понимании этих процессов, — явлении, известном давно в политической социологии[407]. Классическое «забегание вперед», как это всегда бывало в период радикальных социальных изменений, неизбежно ведет к «откату» и установлению нового равновесия в мире. Но за этим искусственным «забеганием» стоят *вполне конкретные политические силы*, продвигающие ценности глобализации, как и за «откатом», стоят не только традиционные антиглобалисты, но и социально ориентированные и национально ориентированные силы в большинстве стран.

Таким образом, в основе политико-идеологического противоборства (в ее фундаменте), обострившегося в последние два десятилетия, лежат **противоречия между сторонниками глобализации и сторонниками национальных интересов и идентичности.** Их борьба за «степень отката» к системе национальных ценностей характеризует современный этап противоборства не только в идеологии, но и между государствами, которые их продвигают в мире. Международно-правовые нормы в этом процессе фиксируют такие изменения. В частности, отказ в новой редакции Конституции РФ от приоритетов международного права над российскими нормами, фиксирует направление политики страны в сторону национальных интересов.

Надо признать, что ускорение этого процесса стало во многом следствием проблем, возникших у его лидера — США. Многие, например, надеялись на быстрый и эффективный ответ на COVID-19, прежде всего, в стране-лидере глобализации. Для Соединенных Штатов этого не произошло. Сейчас здесь зарегистрировано больше случаев COVID-19 и смертей, чем в любой другой стране. На долю США, где проживает около 4% населения мира, приходится около 25% всех случаев заболевания и около 20% всех смертей.

Другая область усиления противоречий — ***Системное социальное и национальное неравенство***. Среди стран ОЭСР уровень

407 Очень подробно этот процесс описал, например, недавно скончавшийся академик РАН Н. Симония еще в 70-х годы в известной работе «Страны Востока: пути развития». М.: Наука, 1974.

структурного неравенства в США крайне высок. Столкновение трех проблем — неконтролируемая пандемия, рецессия, незастрахованные люди — непропорционально сказывается на наиболее уязвимых. Перед пандемией около 32 миллионов американцев (около 10% населения) не имели медицинской страховки. Еще 150 миллионов (около 50% населения) имели медицинское страхование, спонсируемое работодателем.

Сторонники глобализации, принадлежащие к самым разным оттенкам либерального политического спектра[408], признают, что «Обозначенная «эгоизация», приоритизация национальных интересов, вероятно, будет только возрастать, в то время как *глобализация станет объектом нападок (под. авт.)*. В критических ситуациях людям свойственно искать виноватых, на роль которых лучше всего подходят «чужие» (мол, это все они!) или глобалисты/интернационалисты/космополиты (сидели бы у себя дома — ничего бы не было!)»[409].

Как видно из этого признания, сторонники глобализации, которые в России выступают в большинстве, в качестве откровенных либералов-западников, понимают, что политические силы, выступающие против глобализации и за национальные интересы, будут бороться против глобалистского искусственного «забегания вперед», которое привело к множеству национальных и социальных издержек. Для граждан бывшего СССР — потере единого политического, экономического и культурного пространства, миллионным жертвам и огромным социально-политическим издержкам. И не в последнюю очередь — к потере статуса великой державы-победи-

408 В России к таким сторонникам относятся как откровенные либералы-западники, сделавшие свою карьеру при М. Горбачеве и Б. Ельцине, так и значительная часть нынешних скороспелых «государственников», как в политике, так и особенно в политологии, которые благодаря либералам создали существенные активы самого разного профиля, которые можно использовать только в глобальной экономике и под контролем «единого» Запада. См. подробнее: *Райнхардт Р.* Твит против канцелериста: как меняется язык российской дипломатии в условиях миропорядка // Валдайские записки, 2019, май (№ 114), с. 40.

409 *Райнхардт Р.* Твит против канцелериста: как меняется язык российской дипломатии в условиях миропорядка // Валдайские записки, 2019, май (№ 114), с. 40.

тельницы, который очень быстро сменился на статус державы, проигравшей холодную войну, более того, государства, на которое все чаще пытаются возложить ответственность за начало Второй Мировой войны, последующую «оккупацию» Европы и многое другое.

Те или иные частные проявления такого политико-идеологического противоборства очень характерны потому, что за ними стоят истинные стремления либералов и сторонников национальных интересов. Не случайно, что среди сторонников глобализации и либералов в России откровенно много тех, кто готов «избавить» Россию от статуса великой державы и найти (или признать) ее политические ошибки в прошлом.

Не секрет, что среди политиков и ученых в России таких представителей очень много. Парадокс заключается в том, что эти представители — политики и ученые — одновременно выступают фактически против защиты национальных интересов и системы национальных ценностей. На самом деле они не хотят признавать, что эта «эгоизация» произошла потому, что на протяжении нескольких десятилетий национальные и социальные интересы *открыто, цинично и не бескорыстно игнорировались правящими элитами ведущих государств мира,* **при фактической поддержке сторонников либерально-глобальной политики в России**, которым удалось в итоге создать комфортную для себя финансово-экономическую и военно-политическую среду (МО и ВПО) и другие глобальные системы.

Для того, чтобы сохранить эти системы «статус-кво» в мире, где происходит динамичное изменение в соотношении сил, этим западным государствам необходимы новые, **более эффективные инструменты силовой политики — как военные, так и невоенные.** Прежде всего, **идеологические и информационно-когнитивные,** продвигающие интересы и ценности глобализации.

Поэтому нельзя не согласиться с откровенным признанием, например, доцента кафедры дипломатической службы МГИМО, который считает, что «Сколь бы примитивными ни казались подобные ксенофобские и антиглобалистские суждения, при должной обработке и «оцифровке» с помощью современных информационно-коммуникационных технологий они просто не могут не войти

в арсенал популистов и ораторов, апеллирующих к самым низменным чувствам аудитории». (эти «низменные чувства», надо понимать, — национальные интересы и ценности). «Появление такого контента — реакция на социальный запрос определенных групп», — пишет этот доцент кафедры дипломатической службы МГИМО Р. Райнхардт. И далее: «Некоторые эксперты уже прогнозируют достижение точки невозврата, полагая, что после того, как мир оправится от трагедии, реальность уже не будет прежней. Это касается глобальной трансформации как ценностных установок, так и более прикладных вещей»[410].

«Точка невозврата», по мнению доцента МГИМО, это возврат к системе национальных ценностей и интересов в политике, в том числе в политике России. Эта «точка невозврата», вероятно, зафиксирована в новой редакции Конституции России.

1.6.б). Изменение условий формирования военно-политической обстановки во втором десятилетии нового века как стимул изменения форм противоборства

На чем держится власть господствующего класса? Оказывается, как считал А. Грамши, не только на насилии, но и на согласии…. Достичь согласия или подорвать его можно постоянным влиянием на «культурное ядро» общества, то есть на элитарную интеллигенцию[411]

Ф. Бобков, зам. председателя КГБ

Изменение внешних условий развития МО, когда сценарий нарастания военно-силового противоборства стал доминирующим, превратившись во втором десятилетии в сценарий эскалации, при-

410 *Райнхардт Р.* Твит против канцелериста: как меняется язык российской дипломатии в условиях миропорядка // Валдайские записки, 2019, май (№ 114), с. 40.
411 *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть. М.: Родина, 2019, с. 523.

вело к резкому нарастанию всего спектра сил и средств силового — военного и невоенного — противоборства. Уже с первого десятилетия нового века эти процессы привели к началу переосмысления основных положений внешнеполитической и военной стратегии, и военного искусства, когда традиционные представления о роли военной силы стали уступать место новым концепциям. Начался так называемый «Переходный период» в развитии внешней и военной политики. ***«Переходный период» — это период смены как материальной базы войны, так и радикальных изменений в силовых способах, включая военно-силовые способы применения новых ВВСТ, быстрого превращения их в банальные («используемые») военные средства политики.***

В это время, например, получил быстрое развитие такой феномен, зародившийся еще в 60-е годы в политике Великобритании против Йемена, как частные военные и охранные компании (ЧВОК), мощным импульсом для которых стала «международная война с терроризмом», начатая США в 2001 году. В настоящее время США контролируют более 50%, а Великобритания — 25% ЧВОК в мире, которые активно используются в качестве неофициальных и полуофициальных силовых средств политики этих стран[412].

Резко увеличился спектр НКО, подконтрольных официальным западным структурам, которые получили огромное государственное и частное финансирование. По сути дела, была создана мощная силовая невоенная поддержка политике западной коалиции, которая был сформирована на территории вероятного противника. Так, к началу событий в Белоруссии на ее территории действовали уже несколько лет более 500 НКО, финансируемых из-за рубежа.

К концу второго десятилетия у ведущих стран мира появились огромные количества качественно новых вооружений (только в США более 3500 крылатых ракет морского базирования, сотни новых аэробаллистических ракет, ударных беспилотников, которые

412 *Небольсина М.А.* Частные военные и охранные компании (ЧВОК): феномен современности. В сб.: Россия и современный мир: политика и безопасность. М.: ИНИОН, Т. 2. Ч. 2, 2017, сс. 213–222.

по своей эффективности превосходят фронтовую авиацию и т. д.). Массовые достижения в области робототехники привели к появлению автономных беспилотных летательных аппаратов, которые начинают вытеснять пилотируемую авиацию, а в танкостроении — все виды бронетехники.

Началась качественная гонка вооружений во всех областях военной деятельности. В этом смысле период 2010–2025 годов стал и будет для России не просто очередным периодом реализации государственной программы вооружений (ГОЗ), но и периодом, когда в массовом порядке на вооружение будут поступать качественно новые виды и системы оружия и военной техники, которые в 2020 году уже превысили в некоторых видах и родах войск 60%, а в военном искусстве происходят принципиальные переосмысления основных положений. Россия вынуждена участвовать в этом ускоренном наращивании военных потенциалов. Очень показателен тот факт, что противоборство в военно-технической области, фактически уничтоженное либералами в России к началу нового века, возродилось через 15–20 лет: 11 марта 2019 года С. Шойгу, например, заявил, что «Количество высокоточных крылатых ракет в российской армии за шесть лет было увеличено более чем в 30 раз. «Принятые меры позволили к 2019 году увеличить количество носителей высокоточного оружия большой дальности наземного, морского и воздушного базирования более чем в 12 раз, а высокоточных крылатых ракет — более чем в 30 раз», — сказал он. И также отметил, что еще в 2012 году в Вооруженных силах практически не было высокоточного оружия большой дальности, в частности, было 30 исправных самолетов-носителей и 37 авиационных крылатых ракет».

Иными словами, за 6 лет Россия была вынуждена создать фактически второй, более совершенный, военный потенциал, что, естественно, требует не менее глубоких изменений в политике и военном искусстве. Не случайно, что ежегодные конференции, проводимые Генеральным штабом и Академией военных наук в те годы, показали, что военная мысль в России пытается осознать эти новые реалии и сделать соответствующие выводы.

Ситуация обостряется тем, что неизбежное стремительное осложнение ВПО в «переходный период» 2020–2024 годов превратило этот период в серьезное испытание для экономики и военной промышленности России, когда осознание реальности и даже вероятности войны, неизбежно ведет к признанию, что такое противоборство *очень вероятно может завершиться прямым и масштабным военным столкновением, когда стороны будут преследовать самые решительные и бескомпромиссные цели*. Это — наиболее вероятный вариант развития военно-силового сценария, который (уже в значительно менее вероятной степени) может иметь и более мягкий вариант развития, когда России удастся сохранить интенсивность противоборства на нынешнем, военно-силовом уровне, не переходя границы, ведущей к прямому военному столкновению.

Иными словами, реальная опасность возникновения военного противоборства становится очевидной, более того, — почти неизбежной. Для того, чтобы добиться политических целей без прямого применения оружия необходимы новые силовые средства борьбы и новые — невоенные — способы, где риск военных средств и способов был бы по возможности сокращен. Прежде всего, это силовые, информационно-когнитивные средства и способы борьбы. Таким образом, важно в этой связи отдавать отчет, что итог этого военно-силового столкновения еще до 2024 года во многом будет предопределяться соотношением уровней развития информационных, социально-когнитивных и иных технологий, которое уже не может быть компенсировано простыми военно-техническими модернизациями старых систем ВВСТ, насчитывающих (как основные российские системы) 50 и даже 70 лет. Качественно новые системы ВВСТ в информационно-когнитивной области (такие, как кибер-командование, искусственный интеллект, социальные сети и самые различные средства РЭБ) уже до завершения «переходного периода» фактически определят будущего победителя.

В этой связи необходим короткий экскурс в прошлое: надо признать, что до 2010 года США и вся западная коалиция *практически не ограничивали свои силовые действия невоенными средствами и способами* (Югославия, Афганистан, Ирак, Сирия и т. д.). Начиная

со второго десятилетия XXI века (после осетино-грузинского конфликта 08.08.08 г.), Запад стал значительно осторожнее, сознавая, что в вооруженном конфликте у него уже нет полной свободы рук. Риски вооруженного противоборства слишком велики, а «похороны» военной мощи России преждевременны. Война в августе 2008 года показала, что даже старые советские ВВСТ и армия России достаточно боеспособны, чтобы оказать сопротивление в случае возможной внешней агрессии.

Поэтому для коллективного Запада «Переходный период» 2010–2025 годов стал периодом максимально широкого *системного использования силовых средств политики при ограничении на военные действия.* Одновременно начата бурная подготовка как для «материальной базы» войны, так и информационно-когнитивных средств борьбы с Россией, среди которых исключительное значение приобрели откровенные идеологические провокации и психологические диверсии типа «Скрипалей» или «уничтожения гражданского малазийского лайнера» или «дела Навального».

Из этого предположения следует, что принципиально важно попытаться определить будущую краткосрочную и среднесрочную перспективу развития военно-политической обстановки в мире и политику западной коалиции потому, что способность противодействия России наиболее вероятным угрозам, которые возникнут в эти годы, будет наиболее трудно обеспечить, учитывая крайнюю ограниченность по времени и имеющимся в России военно-техническим возможностям.

Так, принятый военный бюджет США на 2021 ф. г. в совокупности превышает 900 млрд. долл., а вместе с другими союзниками — составляет более 1300 млрд. долл., что позволяет западной коалиции развивать все основные направления военно-технического прогресса (НТП) и технологии. Не трудно прогнозировать, что суммарные масштабы военных расходов западной коалиции будут ежегодно увеличиваться до 2025 года, как минимум, на 70–80 млрд. долл. Например, следует ожидать не только быстрого роста военных расходов США (в том числе на прямое противоборство с Россией, как это сделал Д. Трамп в марте 2020 года), но и стран членов

НАТО (вероятно уже не только до 2% ВВП, но и больше в будущем), а также Японии, Австралии, Саудовской Аравии.

Таким образом, общие военные расходы западной коалиции на развитие военной промышленности и технологий в «переходный период» вырастут, как минимум, до 900-1100 млрд. долл. Учитывая сохраняющееся технологическое отставание России и финансовые возможности (в 20–25 раз меньше, чем Запада), становится понятным, что решения по разработке и созданию сил и средств силового противодействия должны приниматься чрезвычайно точно и своевременно.

Суммируя имеющуюся информацию и известные прогнозы, можно с высокой степенью вероятности предположить, что в качестве наиболее вероятного варианта сценария будущего развития МО и ВПО предлагается гипотеза неизбежности развития варианта сценария глобального военно-силового противоборства западной ЛЧЦ с китайской и российской ЛЧЦ. Эта гипотеза основывается не только на заявлениях Д. Трампа и представителей его администрации о готовности использовать эскалацию силовой политики до степени применения военной силы, но, прежде всего, на анализе реальных намерений, интересов и ведущейся материально-технической подготовке.

Все эти признаки указывают на стремление США в «переходный период» подойти вплотную к применению самого широкого спектра сил и средств силовой политики, включая военную силу. «Вплотную» — означает попытку использования военной силы против России на отдельных ТВД в региональных конфликтах на Украине, на Кавказе и в Средней Азии.

Этому способствует не только наращивание их военной мощи, но и в немалой степени потому, что процесс потери ими контроля над развитием ВПО в мире приобрел определенное ускорение. Это ускорение может подтолкнуть их к выходу политики США к 2021 году в зону «бифуркации», когда они захотят перейти от силовой политики к военно-силовой. Попытка «решительных» действий против России должна стать сигналом того, что США не допустят выхода развития ВПО из-под их контроля.

Таким образом, в период 2021–2025 года с большой вероятностью ожидается развязывание военных конфликтов и войн.

На мой взгляд, в силу, прежде всего, этих обстоятельств развитие ВПО в мире в «переходный период» будет реализовываться в трех возможных вариантах одного-единственного (наиболее реалистического) военно-силового сценария, о которых я писал выше:

— «оптимистическом», когда военно-силовые элементы не будут доминировать над другими инструментами (невоенными) насилия в политике;
— «реалистическом», когда будет происходить достаточно быстрое усиление доли военных инструментов в общем наборе силовых инструментов политики;
— или «пессимистическом», когда станут доминировать военные инструменты насилия в зависимости от военно-технической готовности правящих кругов США и их союзников к ведению военных действий, той роли, масштабов и способов использования ими военной силы среди других инструментов насилия, которые представляются им в данный период наименее опасными и наиболее эффективными.

Иными словами, если степень военно-технической готовности к войне у США будет высокая к 2021 году, то они вероятнее всего будут принимать решение об использовании военной силы в разных формах. Если же вероятные ответные действия России или Китая смогут увеличить, до неприемлемого, риски применения военной силы, то будут использованы невоенные инструменты насилия — санкции, кибероперации, информационно-психологические и когнитивно-идеологические меры.

Такие варианты сценария периодически становятся известными и регулярно «просчитываются» по заказу Министерства обороны США в различных (нередко альтернативных) организациях, например, в РЭНД-корпорации, как это было сделано в очередной раз в марте 2019 года (когда был сделан вывод о том, что США понесут огромные потери в случае прямого военного конфликта).

Повторю, что несколько лет назад мною была сделана попытка обосновать в качестве такой версии наиболее вероятный сцена-

рий развития ВПО и стратегии США, а также рассмотрены некоторые, самые вероятные, его варианты. К сожалению, последующие 4 года развития ВПО и американской стратегии, в принципе подтвердили эту логику развития сценария и его варианта преимущественно в «реалистическом» исполнении. Иными словами, прогноз, сделанный в 2014 году, оказался верен. Этот прогноз был основан именно на предположении о начале «переходного периода» в развитии ВПО.

В настоящее время, естественно, вносятся некоторые коррективы, не меняющие общего прогноза и базовой гипотезы, более того, подтверждающие ее реалистичность. Модель такой гипотезы, основана на вероятной концепции противоборства западной ЛЧЦ в 2021–2025 годы, исходя из логики развития МО в 2015–2021 годы, в заведомо упрощенном виде представляет собой следующую картину, представляющую собой, по сути дела, новый этап «переходного периода» к открытым военным действиям. Другими словами, развитие военно-силовых сценариев ВПО после 2021 года является частью общего развития стратегии западной ЛЧЦ и МО.

К 2025 году США и западная коалиция должны взять под полный контроль развитие МО в мире, что неизбежно предполагает решение следующих наиболее важных и критически рискованных задач[413]:

1. Пересмотра отношений в рамках западной военно-политической коалиции в пользу США на двусторонней основе с целью повышения возможностей (политических, военных, экономических, информационных и пр.) использовать в своих интересах не только союзников по НАТО, но и союзников, и партнеров по всей широкой коалиции. Требования повысить военные расходы, консолидирование политики, участия в совместных операциях и т. д. будут до 2021 года возрастать до степени, когда США смогут быть уверены в лояльности своих союзников, численность которых в Европе и в мире должна существенно вырасти. Фактически система союзов и

413 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

партнерств должна быть трансформирована на основе двусторонних договоренностей из коалиционной, даже союзной, в верхушечно-подчиненную США, которым уже не будет необходимости согласовывать свои действия.

В эти же годы США смогут использовать, либо даже дезинтегрировать те союзы, организации и договоренности, которые могут препятствовать этой цели (ТПП, ТАП или ЮНЕСКО, ООН и пр.).

2. До 2021 года США и их союзники попытаются взять под частный контроль оставшиеся вне их контроля страны и регионы (Иран, КНДР, РФ и др.), либо максимально дестабилизировать в них внутриполитическую ситуацию, внести хаос и лишить их способности к самостоятельной внешней политике. Это будет означать, что государства не смогут оказать организованного сопротивления в будущем.

3. По отношению к ЛЧЦ и новым центрам силы будет продемонстрирована максимальная способность и готовность применения силовых (прежде всего, невоенных — информационных и иных) средств и мер с целью принудить их следовать курсу западной коалиции. Эта политика «силового принуждения» будет максимально близка к политике силового шантажа.

4. Наконец, по отношению к России, как наиболее актуальному противнику, будет полностью завершена подготовка перехода от силовой политики к военной политике: создана соответствующая военно-техническая база, подготовлены «облачные противники» и союзники, дестабилизирована внутриполитическая ситуация (в том числе с помощью санкций) и т. д.

Главное для анализа этих вариантов — попытка определения объективными средствами степени их вероятности. Следует понимать, что такой сценарий развития ВПО и отношений с Россией до 2021 года и после этого периода предполагает возможность реализации в нескольких, наиболее вероятных, вариантах. С точки зрения использования военных инструментов насилия среди всего набора силовых инструментов американской внешней политики, это означает, что вероятность реализации того или иного варианта этого сценария будет зависеть от многих факторов и тенденций, в том

числе и выходящих за пределы собственного стратегического планирования США, однако роль собственно правящей элиты США в принятии решения об использовании военной силы, нельзя недооценивать. С этой точки зрения можно предположить с высокой степенью вероятности, что: наименее вероятный — «оптимистический» вариант сценария — самый «мягкий» вариант военно-политических отношений, который предполагает, что и после 2021 года силовое противоборство не будет формально и массово переходить границ и превращаться в прямое и открытое вооруженное противостояние. Иными словами, этот вариант допускает продолжение противоборства на уровне 2014–2018 годов.

Этот вариант допускает, что США, как и прежде, могут использовать военные и вооруженные инструменты политики в отношении России в ограниченных масштабах и не формально, не публично, сохраняя политические и дипломатические отношения на официальном и низком уровне;

В «переходный период» наиболее вероятен, на взгляд автора, «реалистический» вариант сценария, — когда военно-силовое противоборство с РФ получит дальнейшее развитие даже по сравнению с 2018 годом и не только в области санкционной политики, но и прямого вооруженного противостояния в отдельных регионах, а именно:

— во-первых, будет сопровождаться активными действиями экстремистских, террористических и иных организаций при поддержке западных ССО на различных ТВД: прежде всего, юго-западном (украинском), кавказском, среднеазиатском;
— во-вторых, когда силовое противоборство перерастет в противоборство на новых ТВД (в киберпространстве, космосе, социальных сетях и пр.);
— наконец, третий, «пессимистический» вариант, когда силовое противоборство превратится в масштабное военное противоборство на разных ТВД, и на разных уровнях военного конфликта, либо войны, вполне допускается, хотя военно-политические риски его реализации и крайне опасные последствия неизбежно будут заставлять относиться к нему с осторожностью.

Уже говорилось, что во многом решающее значение при выборе того или иного варианта из этого сценария будет иметь политика правящей элиты США, которая в 2016–2019 годы продемонстрировала свою крайнюю агрессивность. Но не только от нее будет зависеть реализация того или иного варианта — на мой взгляд, реализация будет зависеть от самых различных внешних факторов, причем не только политических или военных, но и социальных, технологических, информационно-когнитивных и пр., формирующих ВПО. В этом смысле полезно еще раз вернуться к структуре современной МО и ВПО, проанализировав все основные факторы и тенденции, влияющие на их формирование. В особенности те из них, которые прямо не зависят от правящих кругов США.

Применительно к возможным решениям правящей элиты США, необходимо помнить, что, учитывая высокую степень риска при использовании прямого вооруженного насилия, военные средства и способы (в особенности массового поражения) будут использованы при следующих условиях:

— при высокой степени гарантии сохранения контроля над эскалацией силового противоборства, когда ситуация не должна выходить из-под политического контроля правящей элиты. Т. е. всегда должен присутствовать момент и возможность «сделать шаг назад» в эскалации. Иными словами, в правящей элите США всегда будет присутствовать опасение «автоматической» эскалации военного конфликта и его самостоятельного повышения на новые уровни. Это объясняет, например, крайнюю озабоченность сохранением собственных систем боевого управления, связи и разведки и стремлением в первую очередь уничтожить аналогичные системы вероятного противника, нанести «обезглавливающий» удар;
— когда приоритет сознательно отдается силовым, но невоенным инструментам политики (даже при условности их деления, например, в области кибероперациий), когда результат может быть достигнут без массового применения ВС;
— когда используются в качестве «облачных противников» неформальные акторы, либо союзники по коалиции, а не собственные ВС.

1.6.в). Политика сознательного силового искажения реальности: борьба за информационный суверенитет

Мы живем в обществе информации. Но люди
в основной массе понимают меньше,
чем 30 лет назад … Все идет по существу от одного
центра, распространяется по всему миру
и дает ложную интерпретацию происходящему,
искаженную картину мира в пользу Америки[414]
Д. Кьеза, бывший член Европарламента

Идеология, как известно, — система взглядов. Отрицая идеологию, вы отрицаете и системный подход вообще, и к политике, в частности. В том числе и сколько-нибудь системный поход к истории, которая превращается в процесс творчества отдельных субъектов, которые могут, к сожалению, либо сами манипулировать общественным мнением, либо находиться под осознанным внешним влиянием, либо даже под прямым — политическим, финансовым, административным и иным — давлением. То, что это не так, стало известно давно. Еще во второй половине XIX века великий русский историк С.М. Соловьев писал, что исторический процесс (сейчас бы сказали — как система), «проникнут внутренней логикой, в нем нет места неожиданностям или случайностям», «необходимо не дробить русскую историю на отдельные части…, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм»[415].

Таким образом, отрицая идеологию, вы уже отрицаете не только идеологию как систему взглядов вообще (кстати, уже не только на развитие истории или политики, но и в целом ряде других областей), но и объективную историю, что неизбежно ведет к отрицанию системности в политике (по общему признанию, именно это

414 *Кьеза Д.* Цугцванг для человечества. М.: Книжный мир, 2019, 416 с., с. 3.
415 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2015, сс. 6–7.

и является одной из важнейших проблем России сегодня). В частности, например, в условиях «переходного периода» всей международной и военно-политической остановки 20-х годов нашего века.

Проблема, однако, в том, что далеко не все в мире отрицают идеологию в том или ином виде, более того, как мы видим в последние годы, идеологические установки и ценности сторонников глобализации насильно внедряются в общественное сознание — будь то отношения между полами, расами или принципы развития экономики, финансов, торговли. По сути дела, новые идеологические постулаты превращаются в системы ценностей и нормы, которые навязываются в качестве международных «общепринятых» норм другим нациям и государствам, заменяя международное право и созданные политические, дипломатические и нравственные нормы после Второй Мировой войны и Нюрнбергского процесса над нацизмом и нацистскими преступниками[416].

В настоящее время уже общепризнанно, что усиление кризисных явлений в мире и в отношениях между субъектами международного права будет не только продолжаться, но и будет развиваться по лестнице эскалации, когда практически ежедневно против России выдвигаются самые разные (в том числе абсурдные) инициативы. Особенно активно эта деятельность проявляется широкой западной антироссийской коалицией в области информации и с помощью неправительственных акторов — НКО, фондов и отдельных физических лиц, — по внутриполитической дестабилизации и широкомасштабным мероприятиям в отношении отдельных представителей правящей и экономической, а также информационной элит России[417]. Их деятельность может быть условно разделена на откровенно противозаконную (террористическую и экстремист-

416 О международно-правовых аспектах Нюрнбергского Суда см. подробнее: *Капинус О.* Университет прокуратуры Российской Федерации проводит V научно-практическую конференцию «Нюрнбергский процесс: история и современность». Сайт Университета прокуратуры. 26 ноября 2020 г.

417 См. подробнее: Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

скую), пресечение которой находится в компетенции специальных служб России, и деятельность в гуманитарной области, не нарушающую открыто существующее законодательство нашей страны.

Этот вид общественно-политической, культурно-просветительской, образовательной и иной деятельности фактически находится вне контроля со стороны ФОИВ РФ, хотя его опасность в последние десятилетия уже значительно превышает опасность экстремистской деятельности. В США и других странах Запада этот вид деятельности отчетливо делится на средства и методы «мягкой силы» и средства и методы «силы принуждения», хотя разница между ними и условна. В современной России после ликвидации соответствующих структур СССР, ЦК КПСС и КГБ СССР, таких органов не осталось, хотя они развиваются бурно в США, например, в последние два десятилетия.

В России постепенно все чаще раздаются голоса о том, что существующий в Конституции запрет на государственную идеологию это не то же самое, что и запрет на идеологию вообще. Но пока что идеологией объявляется «патриотизм», что, конечно же, резко сужает горизонты формирования не только оценки действительности и истории, но и горизонты планирования. Это сказывается на всем процессе стратегического планирования, прежде всего, с точки зрения стратегического прогнозирования, но и на анализе исторического процесса в целом. Интересно, например, что, утверждая Концепцию внешней политики России 30 ноября 2016 года, уже в самом первом пункте Указа Президента РФ отмечается: «Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов (подч. А.П.) на базовые принципы, приоритетные направления, цели и задачи внешней политики Российской Федерации». Но именно это требуется сегодня и от обновленной Стратегии национальной Безопасности России.

Напротив, «другая сторона» отнюдь не брезгует ни идеологией (нередко примитивной, такой как русофобия и антисемитизм), ни фальсификацией истории, ни их использованием в политических целях. На Западе в последние десятилетия сформировались достаточно жесткие «идеологические каноны», которые в настоя-

щее время испытывают серьезный политический кризис — выход Великобритании из Евросоюза, схватка правящих элит в США, социальные конфликт во Франции, Германии, Италии и целом ряде других стран. Однако, хотелось бы обратить внимание на один важный факт: при всех очевидных кризисных политических и социально-экономических явлениях на Западе там не ставят под сомнение приоритеты и ценности западной идеологии. Более того, очевидные провалы в политике и личные неудачи правящих элит не смущают их представителей с точки зрения адекватности их идеологии. Наоборот, чем сильнее провалы, тем сильнее нападки на историю и патриотическую идеологию России.

Сегодня уже стало очевидным (хотя даже и не для всех российских классических историков), что история, как наука, перестала быть только «просто» историей, но превратилась в сильнейший идеологический и политический инструмент, по сути, силовое средство политики для достижения вполне конкретных, часто сугубо меркантильных целей, в том числе и, быть может, экономических и политических, но прежде всего идеологических, мировоззренческих, ценностных. История стала частью системы политических мер «силового принуждения» в отношении политических оппонентов западной цивилизации, не зависимо от того к какой группе стран они принадлежат. Эта системность означает полную сочетаемость с другими, в том числе военными, средствами силового принуждения. Причем последовательность в их использовании, существовавшая прежде (сначала — исторический прецедент, потом кампания в СМИ, а затем эскалация силовых средств. Вплоть до вооруженного насилия), сегодня сменилась на другую — исторические прецеденты (чаще «псевдопрецеденты») появляются по мере политической необходимости, «вдруг» вспоминая или изобретая, что-то подходящее под потребности сегодняшнего дня.

Примечательно, что лидеры либерализма не только этого не скрывают, но и открыто декларируют в своих стратегических документах. Так, например, в Стратегии национальной безопасности Д. Трампа, заложившей нормативные основы американской политики в последние годы, прямо говорится о необходимости «продвиже-

ния системы американских ценностей (естественно, самых лучших) в мире», которым угрожают «ревизионистские державы» — Китай, Россия, а в «Национальной оборонной стратегии» эта угроза конкретизируется в попытке России «получить возможность контролировать («ветировать») экономические, дипломатические вопросы и безопасности». Эта система основывается на неких аксиомах, в том числе исторических, которые должны подтверждать ее правоту.

Примечательно и то, что до недавнего времени в России это если и не отрицалось, то старательно не замечалось: парадигма российского либерализма не предполагала вообще приоритета национальных интересов, что было в правовой форме закреплено до недавнего времени даже в Конституции РФ 1993 года. Удивительным образом отмечалось даже за рубежом, что в СССР и в России несколько лет фактически несколько раз за последние три десятилетия переписывалась история страны. Причем несколько раз за очень короткий период времени (за 90-е годы), но каждый раз в этом процессе сознательно усиливался элемент «покаяния» и даже самобичевания, когда искажениям подвергались даже хорошо известные и общепринятые факты.

Цель была сугубо политическая — зачеркнуть все положительное в имперской и советской истории России, чтобы не только не допустить возвращения коммунистов к власти (как многие тогда думали), но, главное, не допустить восстановления России как мировой державы: геополитически, экономически, даже демографически. Эта откровенно русофобская политика стала нормой и «обоснованием» в последние три десятилетия для внешней политики целого ряда государств — от прибалтийских лимитрофов и Польши, до главных их заказчиков — США и Великобритании[418].

Не стоит заблуждаться относительно того, что, как в других государствах, включая постсоветские, сознательно создавались «научные школы» и разного рода «независимые» общественные организации, целью которых было сначала идеологически, а потом

418 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

в образовании и науке создать фундамент для русофобской политики, на котором неизбежно возникает силовая составляющая — экономическая, торгово-финансовая и военная. В этих целях финансировались специальные программы, отдельные ученые, более того, создавались целые институты и организации — «Национальной истории», «Национальной памяти», «Голодомора» и т. п. По этому пути прошли все бывшие союзники СССР по Организации Варшавского Договора, а затем и постсоветские образования. Украина — наиболее яркий пример, когда от идеи «Украина не Россия» (автором которой был отнюдь не Л. Кучма, а еще советско-партийные руководители коммунистической Украины, а до них — националисты) до геноцида русского меньшинства прошло менее 40 лет.

Этапы этой политико-идеологической эволюции, которая всегда сопровождалась фальсификацией истории, прослеживаются достаточно отчетливо:

— сначала ведется «поиск идентичности», а точнее того, что отличает ту или иную нацию /народность/ общность (даже социальную группу) от общероссийской истории и судьбы (кстати, на национализм коммунистических руководителей Украины А.Д. Шумского и Н.А. Скрынника указывал еще грузин И. Сталин). Как правило, это делается представителями той или иной части правящей элиты, которых изначально вербуют под разные программы из-за рубежа;
— затем показывается и обосновывается «вред», нанесенный этой общности великодержавным русским шовинизмом («голодомор», «имперская эксплуатация» и т. д.). Этот процесс не прекращается никогда — все время должны открываться «новые факты», а если этого добиться трудно, то они просто изобретаются. При этом никто особенно не беспокоится ни научным обоснованием, ни достоверностью. Опыт показывает, что «сенсация» может просуществовать несколько дней, а потом о ней напрочь забывают;
— после этого делается главный вывод о необходимости бороться с «доминированием» (коммунизма, империализма, русского фашизма» и т. п.) сначала, естественно, самыми демократи-

ческими, цивилизационными способами, как в Прибалтике, Молдавии, на Украине и целом ряде других, в т. ч. европейских, государств, а затем «народное возмущение» может и должно перейти в силовую и даже вооруженную фазу. При этом обязательно находится «сакральная жертва», которая должна пострадать за идеалы и стать спусковым крючком для силовых протестов;

— после превращения России в открытого врага такая политика неизбежно и быстро развивается в русофобском направлении в «мягкой» или «жесткой» форме, которые не исключают, как в Чехии или Киргизии, смены нюансов в зависимости от политического заказа. Причем обе эти формы продолжают эволюционизировать под внешним давлением в русофобском направлении. Наиболее яркие примеры — Болгария, Польша, — но есть и другие, в том числе и среди союзников России, где постепенно развивается «чувство отдаленности» под предлогом сохранения суверенитета.

Важно отметить, однако, что ни на одном из этих этапов идеологическая и политико-психологическая война не ослабевает, напротив, она должна только усиливаться, а для этого необходимы исторические (если их нет, то «логические») аргументы и доказательства. В определенном смысле оказывается прав И. Сталин, утверждавший, что по мере развития социализма (точнее — социалистического государства) идеологическая борьба усиливается. Сегодня эта борьба приобрела не столько социальные, сколько национальные приоритеты и ценности, разрушение которых неизбежно ведет к разрушению национальных интересов и потере суверенитета. Причем это правило — универсально, т. е. распространяется не только на политических оппонентов, но и союзников.

Пример такой политико-идеологической эволюции — события в Фергане в 1989 году, когда из республик Средней Азии начался исход не только турок-месхетинцев, но и русских, татар и представителей других национальностей. Комиссия коммунистической партии Узбекистана установила, что в побоище было убито 52 месхетинца и 36 узбеков, ранено 137 военнослужащих внутрен-

них войск и 110 работников милиции, один из них умер (по неофициальной версии погибло гораздо больше людей). К уголовной ответственности привлекли более 350 человек, а двоих приговорили к смертной казни. После выхода Узбекистана из СССР все осужденные были освобождены. В те годы эти события носили явно, не только антисоюзную, но и антирусскую направленность.

Примечательно, что в современном узбекском учебнике по истории Узбекистана для учащихся 10-х классов от 2005 года (авторства Алимова, Каримова и др.), написано, что сами узбеки к погрому отношения не имели. Трагедия «была выгодна Москве, которая спровоцировав бойню, стремилась к централизации власти в своих руках».

Эволюция русофобии на постсоветском пространстве продолжается. Здесь наиболее яркими маркерами становится отношение к русскому языку, который либо ограничивается в использовании, либо административно вытесняется, либо просто запрещается. Все эти формы сегодня присутствуют в политике не только оппонентов, но и союзников России. Вместе с русским языком вытесняется и русская культура, образование и, в конечном счете, сами русские. Прежде всего из области государственного управления и экономики. Но не только. Особое значение придается изгнанию русских и русскоязычных из образования и СМИ, где, как правило, их присутствие становится абсолютно не допустимо.

На каждом из этапов необходимо «историческое» обоснование таких сугубо политических, часто просто откровенно вредных экономически, действий, когда те или иные правящие круги, как, например, Болгарии, «отмораживают уши назло бабушке», когда разрывают собственные обязательства по газопроводу. В данных случаях они особенно «не заморачиваются» в поиске аргументов. Иногда, как в Великобритании, их просто придумывают. Иногда, как в Польше, разворачивают целые масштабные кампании, которые удивительным образом совпадают с военно-политическими планами США и НАТО, например, по развертыванию ракет или танковых соединений на территории этих стран. И такие «исторические аргументы» находятся или … просто придумываются.

С этой точки зрения фальсификация истории — это не просто заведомо ложное описание, либо трактовка тех или иных событий, но и изобретение, т.е. фальсификация истории. Она становится острым идеологическим и политическим оружием, которое используется как в политических (закрепить за тем или иным государством историческое право на территорию, обосновать легитимность или не легитимность той или иной правящей элиты), так и в экономических или иных целях. Мы это отчетливо наблюдаем, когда «вдруг» появляются экономические претензии к России у стран, которых в свое время просто не было (как в Прибалтике), или которые сами (как Польша) выступали агрессорами по отношению к своим соседям.

Историческое пространство любой страны может использоваться не только как поле для сражений в современных информационных войнах, но и как средство подготовки победы или поражения, как инструмент идеологического обоснования того или иного разворота событий, как «не летальное оружие массового поражения». Действительно, если можно изменить прошлое посредством массового идеологического и психологического давления, как показывает опыт Украины, как минимум для части населения, то можно изменить и политическое настоящее, более того, подготовить фундамент для изменения будущего. На той же Украине сегодня в ходу экономические и политические концепции развития, исключающие сотрудничество с Россией в будущем даже в ущерб собственным гражданам. Идет процесс сознательного стратегического планирования на русофобской основе, когда правящая элита государства откровенно предает национальные интересы на будущее (те же условия приватизации земли и поставки энергоресурсов) просто в угоду своим сознательно искаженным идеологическим представлениям, в основе которых лежат исторические мифы.

Человек как творец и интерпретатор современной истории оказался в центре информационных технологий, с беспрецедентной скоростью и радикализмом меняющих жизнь человечества. Он же, его сознание, мировоззрение — становятся в центре информационных войн. Их цель заключается, прежде всего, в том, чтобы навя-

зать потенциальному противнику программируемый образ мира, такого мироустройства, в котором для победителя будут складываться наиболее благоприятные условия существования и развития. Г. Киссинджер определил кредо такого рода событий с беспощадностью технолога: «Знание мировоззрения противника важнее объективной реальности».

За кулисами проходящей перед глазами всего мира его массовой информатизации было разработано информационно-психологическое оружие, способное эффективно воздействовать на психику, эмоции моральное состояние людей. Вымывание из школьных учебников в постсоветской России идей гражданственности и патриотизма, «переписывание» учебников истории, из которых исчезали наиболее значимые страницы русских побед демонстрировали прямое следствие покушения на отечественную историю, ибо, если вспомнить слова В.О. Ключевского, то народ без истории подобен ребенку без родителей: любой может с ним сделать то, что ему заблагорассудится.

Мы все зачарованы high tech'ом, в первую очередь информационными технологиями, от которых ждем самых лучших перемен в своей жизни, совершенно не задумываясь над тем, что большинство из них изначально предназначены для перестройки человеческого сознания. Подобная перестройка является не побочным продуктом достижения какой-то традиционной человеческой цели (улучшения связей между людьми, обретения больших аналитических и организационных возможностей и т. п.), но является главной, ключевой задачей воздействия информационных технологий. Неожиданно для себя люди обнаружили, что перестройка сознания, систем ценностей приносит качественно большие дивиденды, чем переделка косной материи. Массовое распространение компьютера и информационных технологий сделало возможным широкомасштабную корректировку живого общественного сознания на уровне наций и многонациональных государств.

Связанные с этим технологии уже получили название high hume, в отличие от high tech'a. Они вырастают из обычных информационных технологий, используя их как своего рода питательную

среду, отличаются высочайшей эффективностью, высокой изменчивостью и приспособляемостью, а также максимальной скоростью саморазвития. Именно их применение на деле позволяет констатировать, что в развитии человечества происходит подлинный переворот, революция, последствия которой еще не осознаны даже на уровне первичного познания. Продуктом high hum'ов можно считать «цветные революции», проведенные в Сербии, Грузии, Украине, странах Северной Африки, где без оружия и баррикад были сменены политические режимы. Последствия применения «мягкой силы» подобных технологий, будучи «привязанными» к определенным территориям, демонстрируют не меньший радикализм, чем традиционные войны и революции. В данном случае можно привести слова генерала А.И. Владимирова, который еще в начале XXI века предупреждал о «ставшей явью глобальной угрозе формирования не нами нашего образа мышления и даже национальной психологии»[419].

Одну из главных ролей в перестройке человеческого сознания имеет соответствующая сознательная ложная интерпретация истории, вернее, ее фальсификация и искажение, перестановка акцентов и предумышленное забвение. В последнее время целями такого рода деятельности стали:

— во-первых, российское государство как политический институт, его формы и режимы;
— во-вторых, русская национальная история и национальные культурные и духовные ценности, те энергетические токи культуры, которые создали великое государство и великую историю;
— в-третьих — русская нация и национальное пространство, ею обживаемое и формируемое.

Именно на этих трех направлениях начали формироваться констелляции продуманных недомолвок, нарочитых умолчаний, тенденциозно подбираемых фактов, вычурно формулируемых баналь-

419 Цит. по: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

ностей, откровенных нелепостей и грубой фальсификации явлений и событий. И все это — отнюдь не случайности: все три упоминаемые сферы связаны с фундаментальными основами самоидентификации современной России, в них выкристаллизовываются ее национальные интересы и духовные ценности.

Так, огульно критикуя (а по сути дела, фальсифицируя) историю России — СССР — Российской Федерации, фальсификаторы на деле целятся в современное российское государство как таковое, его институты, прекрасно осознавая, что именно государство, как правило, является наиболее эффективным институтом нации и общества, тем двигателем, без которого вообще невозможен общественный прогресс. Ярким (но еще не изученным) феноменом стала политика А.Н. Яковлева в этой области, целью которой была «борьба с этатизмом» (государством и его институтами). Надо признать, что ему многое удалось — к началу 90-х годов такие институты как КГБ, МВД и Вооруженные силы были дискредитированы и во многом просто разрушены. Они перестали выполнять свои охранительные функции и приход к власти на короткое время ГКЧП мало что смог изменить: «афганский синдром» (искаженное сознательно представление о войне в Афганистане), «коррупция в МВД» и «борьба со всевластием КГБ» привели к фактическому разрушению этих институтов, что и требовалось А.Н. Яковлеву и его сторонникам.

Сегодня ситуация принципиально изменилась. Процесс восстановления дееспособности государственных институтов набирает обороты, но он отнюдь не достиг еще своего уровня, который необходим для эффективной защиты государства. Так, разрушенный на 80% ОПК еще только частично восстановлен. Вооруженные силы только-только пришли в надлежащий порядок, хотя потерянные кадры и научные школы еще долго будут восстанавливаться, а возможности спецслужб еще очень далеки от того, что нам необходимо[420].

420 Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

При этом внешние условия существования, динамика развития международной и военно-политической обстановки вызывают открытое опасение даже у заведомых оптимистов. В случае с Россией объектом критики становится, прежде всего, современная политическая система страны, демократичность и легитимность которой ставится под сомнение. Для этого используются такие псевдоисторические аналогии, логика которых проста и незатейлива: сначала ставится знак равенства между «тоталитарными режимами» Сталина и Гитлера, затем — между СССР и его преемницей Россией, а затем — между «режимом Сталина и Путина». И соотечественники Черчилля и Рузвельта сегодня не задумываются, почему их великие лидеры не равняли нацизм со сталинизмом; почему им и в голову не приходило оспаривать решающую роль Советского Союза в победе над Гитлером и т. п.

В Ялте и Потсдаме лидеры Великобритании и США садились со Сталиным за стол переговоров и совместно решали судьбы мира, видя за «дядюшкой Джо» великий русский народ, обеспечивший победу над фашизмом. А сейчас в этих вопросах доминируют так называемые «новые оценки», выводимые из факта существования одного документа — «пакта Молотова–Риббентропа». Вместо осознания сложнейшего узла противоречий, приведшие ко Второй мировой войне, выдвигается до бессмысленности простенькая формула: в 1939-м два злодея поделили между собой Европу, превратив все остальные европейские страны и народы в невинные жертвы. И один из современных, достаточно известных польских историков, упрекает Гитлера за «сговор» со Сталиным, а не с Варшавой, будучи уверенным, что в последнем случае немецкий фюрер не потерпел бы поражения в России. Вопрос заключался в качественном осмыслении и принятии политических и военных решений.

История сегодня становится серьезным политическим оружием, и тогда, когда служит благим целям, и тогда, когда совершенно сознательно фальсифицируется и используется в небескорыстных делах. На разоблачение и нейтрализацию такого рода фальсификаций и должна быть направлена работа отечественных историков. Кстати, заголовок работы: «Завтра может быть уже поздно», фраза

Максима Литвинова, наркома иностранных дел, сказанная им после подписания известных мюнхенских переговоров, когда между Англией и Францией с одной стороны и Германией, с другой, был подписан мюнхенский пакт.

В этой связи хочется сделать одну ремарку. Мы отметили 75 лет Победы СССР над Германией и окончания Второй мировой войны, считая по-прежнему ее начало 1 сентября 1939 года. Все правильно, официально она началась 1 сентября 1939 года. Но мы считаем, что на самом деле отсчет надо вести от сентября 1938-го, от Мюнхена. Или от 15 марта 1939 года, когда фашистские войска оккупировали Чехию. Кстати, «в процессе» оккупации Польши участвовал и 50-ти тысячный словацкий корпус.

Между этими датами — особый период. Целый 1939 год. Это та самая развилка истории, когда события могли пойти так, а могли иначе. Вспоминая, гитлеровский военачальник Манштейн удивлялся, что эти авантюры Гитлера были абсолютно не обеспечены с точки зрения военной мощи Германии ни при оккупации Рура, ни Чехии, ни даже Польши, где на западном фронте Германии противостояло в 3–4 раза больше войск англо-французской коалиции, которые не сделали ни шагу.

Перед Мюнхеном СССР пытался предотвратить раздел Чехословакии, был готов единым фронтом вместе с Англией и Францией выступить против Гитлера, называл конкретное количество дивизий, которые мог для этого выставить (Польша, кстати, отказалась пропустить советские войска через свою территорию). А в августе 1939-го представители Советского Союза уже встречались и вели переговоры с Риббентропом.

За год — радикальная перемена советской позиции. Что произошло? На какую информацию опирался Сталин, принимая это решение? Насколько смена ориентиров была радикальной? Тут ведь масса подробностей, которые нынче мало кто вспоминает. Скажем — пакт Молотова — Риббентропа и падение Польши, которую некоторые авторы считают «невинной жертвой двух диктаторов». Но это та самая Польша, которая годом раньше наотрез отказалась пропустить к чехословацким границам наши воинские части,

которые должны были спасать Чехословакию от агрессора. Та самая Польша, которая после Мюнхена отхватила кусок от уничтоженной Чехословакии! Согласитесь, поведение не жертвы, а хищника.

Перед Мюнхеном на Варшаву для обеспечения пропуска советских войск к границе Чехословакии могли надавить Англия и Франция, однако они почему-то не стали этого делать. А после Мюнхена (и еще до пакта Молотова — Риббентропа) они подписали с Гитлером договоры о нейтралитете, про которые сегодня почти не вспоминают. Из тех же донесений разведки Сталин знал, что украинским националистам за союз с Германией нацисты обещали провозглашение «независимой Украины» (другое дело, что потом Гитлер от этой идеи отказался — но это было уже потом). То есть на нашей границе могло возникнуть марионеточное государство с аппетитами, которые Западной Украиной бы не ограничивались.

Период, о котором идет речь, — время интенсивной тайной дипломатии — конфиденциальных переговоров, закрытых контактов. Рассекреченные документы показывают: у нас была блестящая разведка. Информацию она давала точную, подробную, многоплановую. Из ее совокупности становится ясным, что закулисные игры тогда вели все. «Белых и пушистых» не было, каждый международный актор тянул одеяло на себя. Сталин об этом знал и, решаясь на переговоры с Берлином, исходил из ситуации, которая складывалась: Запад делал все, чтобы обезопасить себя от гитлеровской агрессии, канализируя активность Берлина в восточном направлении.

В связи с пактом Молотова-Риббентропа некоторые историки и политики сейчас очень любят упрекать советских руководителей в том, что они пошли на сговор с Гитлером, подписав с ним соответствующее соглашение. Следовало бы напомнить, что соглашение было подписано с Гитлером о ненападении, о нейтралитете. До этого, до советско-германского соглашения, такие же соглашения подписала сначала Англия, а затем и Франция. Эти факты общеизвестны, документы частично опубликованы, частично еще хранятся в архивах. В этих документах, например, очень четко показано, как параллельно, ведя переговоры с СССР, англичане переговаривались с Гитлером. Так что, знакомясь с рассекреченными докумен-

тами, каждый может самостоятельно составить адекватное и основанное на знании источников мнение относительно начала Второй мировой войны, его причин и следствий. И выполняя свой гражданский долг людей, искренне озабоченных будущим Отчизны, мы исходим из простой истины: в истории, если ее не защищать, все происходившее вчера обязательно аукается политическим суррогатом истины сегодня и может «выстрелить», превратившись в проблему, завтра.

В самое последнее время мы в очередной раз вновь столкнулись с сознательными и целенаправленными попытками искажения нашей истории. Причем, не в качестве каких-то исторических феноменов, а с совершенно конкретными политическими целями, иногда и материальными. Кстати, почему-то считается, что это относится только к периоду, предшествовавшему Второй мировой войне. Действительно, в последнее время этот вопрос наиболее остро стоял применительно к предвоенным годам, но на самом деле под сомнение ставится вся история нашего государства в XX веке, да и раньше.

На наш взгляд, это происходит потому, что наша история, наши ценности, наши традиции — это огромный ресурс нации. На западе, кстати, это понимают и оценивают. Помнится, помощник президента США по образованию мне говорил: «Мы многое можем вам простить, понять и уступить, потому что мы преклоняемся перед вашим историко-культурным наследием. У вас, в России, есть огромное культурное богатство, которое, на мой взгляд, вы недооцениваете». Это говорил друг нашей страны. Но те, кто участвует в процессе «переосмысления» истории — далеко не наши друзья. Я бы разделил их на три группы:

— западные историки, публицисты, политики, которые осознанно участвуют в этом процессе;
— наши историки, которые по разным соображениям, в том числе идеологическим, меркантильным, занимаются этими вопросами;
— любители, выступающие по этим вопросам совершенно непрофессионально.

А таких людей, к сожалению, сейчас появилось много. В общем, все эти три группы слились за последние годы в мощный поток. Честно говоря, я был обескуражен, когда на нас началось это «историческое давление», поскольку не видел у нас ресурсов, чтобы серьезно ему противостоять[421]. Медийный ресурс был во многом ограничен, да и сейчас он ограничен, хотя Администрация Президента прекрасно понимает эти слабости и многое уже делает для выправления положения. В ближайшем будущем на эту тему будет отдельный обстоятельный разговор.

В настоящее время существует серьезная проблема — продолжающийся кризис в социо-гуманитарных науках. Несколько лет тому назад на «круглом столе» в МГИМО мы обсуждали эту проблему с участием представителей РАН и учреждений «высшей школы». На нем один из бывших руководителей Министерства образования договорился до того, правда, сославшись на В. Путина, что нам вообще социо-гуманитарные науки не нужны.

Такой глупости В. Путин, естественно, никогда не говорил, и сказать не мог. Но реальность такова, что социо-гуманитарные науки находятся в кризисе. Это все прекрасно понимают. Это понимают и представители Академии наук, которая, как и вузы, испытывает хроническое недофинансирование. Во многих научных центрах очень слаба информационная база, нет даже своих качественных сайтов, нет общедоступного и качественного выхода в Интернет. Все это отражается на уровне социо-гуманитарных наук в России.

Он может только приумножаться. Но попытки фальсифицировать историю могут привести к тому, что этот ресурс будет девальвирован. Все прекрасно понимают, что как только исчезает своя система ценностей, на ее месте появляется чужая. Я сейчас говорю больше не как историк, а как обществовед-философ. Эти аспекты меня больше всего волнуют. Хроническое недофинансирование, пренебрежительное отношение к социо-гуманитарным нау-

421 Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др.* М.: МГИМО-Университет, 2021, 478 (1) с.

кам привело к тому, что появился такой феномен, как слабо подготовленный ученый. Такой ученый участвует в научных разработках, готовит студентов, пишет учебники.

20 ноября 2020 года, отмечалось 75 лет со дня начала Нюрнбергского процесса — главного суда современности. Это был первый в мировой истории опыт осуждения преступлений государственного масштаба — в данном случае правящего режима Третьего Рейха, его карательных институтов, высших политических и военных деятелей фашистской Германии[422].

Как известно, после окончания Второй мировой войны в Европе встал вопрос об наказании немецких политиков и военных, развязавших масштабное кровавое действо против человечества, растянувшееся на четыре года. Страны Антигитлеровской коалиции медлить не стали, судебный процесс было решено провести уже в победном 1945 году. Место для проведения судебных слушаний выбрали соответствующее — город Нюрнберг, где обычно проходили съезды фашистской партии. На скамье подсудимых оказались 24 человека — представители политической и военной верхушки Германии. Не было только в этом списке главарей Третьего Рейха — Гитлера, Гиммлера и Геббельса — они успели свести счеты с жизнью раньше. Еще одну фашистскую бонзу — Мартина Бормана не удалось найти. Лишь годы спустя стало известно о его гибели в Берлине во время попытки бегства из пылающего города.

Процесс начался 20 ноября 1945 года и продолжался почти 11 месяцев. В зале суда и на местах были допрошены сотни свидетелей, рассмотрены тысячи документов. В качестве доказательств помимо свидетельств очевидцев фигурировали также книги, статьи и публичные выступления нацистских лидеров, фотографии, документальные фильмы, кинохроника... Достоверность и убедительность этой базы не вызывали сомнений.

Нюрнбергский трибунал стал поистине судом народов. И он вынес свой вердикт — обвиняемые были признаны виновными в

422 *Багаев М.* Забытые итоги Нюрнбергского трибунала через призму обращений в Гаагу или как человечество не усвоило уроки истории / Евразийская…. 25.11.2020.

тяжких преступлениях против мира и человечества. К смертной казни через повешение были приговорены двенадцать человек. Трое были оправданы, остальные получили длительные тюремные сроки. Двое нацистских преступников, в их числе небезызвестный Герман Геринг не дожили до исполнения приговора и смогли покончить с собой. Вслед за самым крупным, беспрецедентным и длительным в истории международным процессом, в германском Нюрнберге вплоть по 1949 года состоялись еще 12 судебных процессов, на которых были рассмотрены преступления более чем 180 нацистских руководителей. Большинство из них также понесли заслуженное наказание[423]. Суда — первого в истории человечества — не только над политиками, военными и промышленниками, но и над идеологией нацизма. Суда не только политического, но и идеологического, и уголовного. Впервые в истории агрессия была признана преступлением против мира.

Чем больше времени отделяет нас от этого уникального исторического события, тем очевиднее его судьбоносное значение для установления основополагающих правовых и нравственных принципов современного мироустройства, которые и сегодня откровенно, иногда даже нагло пытаются поставить под сомнение[424]. В Европе, по сути, идет широкомасштабный процесс реабилитации нацизма и легализации русофобии, подмены истории выдуманными событиями, искажающими не только прошлое, но и современную реальность. На одну доску пытаются поставить, например, преступления нацизма и политику СССР, который сыграл решающую роль в освобождении Европы, сознательно забывая, что формула суда — «четыре демократических государства против нацистской Германии» — отнюдь не фигура речи, а правовая и политическая констатация тех событий.

423 *Капинус О.* Университет прокуратуры Российской Федерации проводит V научно-практическую конференцию «Нюрнбергский процесс: история и современность». Сайт Университета прокуратуры. 26 ноября 2020 г.

424 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

Именно в Нюрнберге 75 лет назад был заложен тот правовой фундамент, без которого не было бы сегодня многих положений современного международного права. Тогда впервые был использован термин «геноцид», который позже не раз применялся, к сожалению, в международной практике. И именно геноцид стал чертой политики некоторых государств в XX веке и остается сегодня реальностью

Нюрнбергские принципы стали общепризнанными нормами международного права. Они служат основанием для отказа выполнять преступный приказ и предупреждают об ответственности тех руководителей государств, которые готовы совершить преступления против мира и человечности. В дальнейшем к преступлениям против человечности были отнесены геноцид, расизм и расовая дискриминация, апартеид, применение ядерного оружия, колониализм. Кроме того, Нюрнбергский процесс создал правовой прецедент для учреждения подобных международных трибуналов.

В 1990-е годы Нюрнбергский военный трибунал стал прообразом для создания Международного трибунала для Руанды и Международного трибунала для Югославии, учрежденных Советом Безопасности ООН. Правда, как оказалось, не всегда они преследуют справедливые цели и не всегда беспристрастны, и объективны. Особенно наглядно это проявилось в работе трибунала для теперь уже бывшей Югославии[425].

Не отстает в своей предвзятости и так называемый Гаагский трибунал, созданный в голландском городе Гаага. В августе 2008 года грузинская армия совершила полномасштабное вторжение на территорию Южной Осетии. Агрессия сопровождалась убийством мирных жителей, разрушением домов, школ, больниц. Благодаря самоотверженности и героизму юго-осетинских сил самообороны и российских солдат, вооруженные силы Грузии потерпели поражение, а ее политическое и военное руководство было принуждено к миру. Сразу же после окончания боевых действий Следственный комитет России возбу-

425 Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др*. М.: МГИМО-Университет, 2019. 656 с.

дил уголовное дело по фактам геноцида и массовых убийств граждан России, а также российских миротворцев на территории Южной Осетии «с применением запрещенных средств и методов ведения войны»[426]. Бригадой следователей было собрано 500 томов доказательств военных преступлений бывшего грузинского руководства. Среди них и индивидуальные обращения граждан РЮО, пострадавших от грузинской агрессии. Эти свидетельства были направлены в международные судебные организации в Гаагу и Страсбург.

В Международном суде в Гааге расследование исков сторон долгие годы шло без особой активности. В 2015 году новым руководителем этой судебной инстанции стала Фату Бенсуда, которая больше всего отметилась антироссийской риторикой и сделанными априори выводами относительно виновности сторон в вооруженном конфликте августа 2008 года. Были озвучены тезисы «этнические чистки грузин», «пытки грузинских военнопленных».

Постпред Украины при ООН Сергей Кислица, выступая на заседании ГА ООН, поставил в один ряд действия советских воинов и солдат нацистской Германии, представители большинства других стран в своих выступлениях высоко оценили вклад Советского Союза в победу над фашизмом. «Украина относится к региону, где была развязана Вторая мировая война», — заявил Кислица на заседании ГА ООН в память о жертвах Второй мировой войны. Он напомнил о пакте Молотова-Риббентропа, который, по его словам, «разделил сферы интересов между двумя диктатурами»[427]. «Поляки и украинцы были среди первых жертв, части этого плана, когда солдаты-нацисты с запада и советские солдаты с востока маршировали по территории Польши (нынешней территории Западной Украины), а затем вторглись в балтийские страны», — заявил украинский постпред.

426 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, 312 с.

427 Постпред Украины при ООН поставил в один ряд нацистов и советских воинов // РИА Новости, 1920, 21.11.2020.

Глава II. Развитие военно-политической обстановки как следствие формирования стратегической обстановки, войн и военно-технической политики России

В прикладной теории в абсолют были возведены
вооруженные средства ведения военной борьбы[428]
И. Даниленко, профессор

Выше не раз говорилось о влиянии развития того или иного сценария МО и ВПО на формирование стратегической обстановки[429], что закономерно и оправданно стало общим местом в анализе стратегической обстановки, войны или конфликта[430]. В любых условиях и при любых обстоятельствах это политическое влияние остается решающим, однако его *конкретные проявления* в формировании той или иной СО, войнах и военных конфликтах могут и порой существенно отличаются друг от друга. Ни одна война и ни один вооруженный конфликт не повторяют целиком предыдущий. Это же означает, что военно-политические и международные последствия военных действий могут существенно, иногда радикаль-

---

428 *Даниленко И.* Предисловие. В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: ИД «Финансовый контроль», 2003, с. 15.

429 **Стратегическая обстановка (СО**) — зд.: *конкретный вид* военно-политической обстановки в определенный (конкретный) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъектов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты. СО характеризуется совокупностью факторов и условий, в которых осуществляется подготовка и ведение военных действий. Определяется характером ВПО и характером военно-силового противостояния. Характеризуется применяемыми военно-силовыми средствами, ВВСТ, группировками и характером противоборства, решаемыми задачами и условиями ТВД (СН).

430 Подробно об этом не раз писалось, в том числе и мною, например: *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020, сс. 199–308.

но, отличаться друг от друга. Лучше всего эта разница проявляется в частных примерах военной истории. Так, например, спор Гитлера с командованием сухопутных сил о летних наступлениях кампании 1941 года по трем расходящимся направлениям во многом был результатом разницы в оценке возможных военно-политических последствий для Германии: Гитлер ориентировался на приоритетную оккупацию южных районов СССР и выход на границу с Финляндией, а большинство немецких военачальников, в частности, Г. Гудериан на приоритет захвата Москвы[431]. Во многом именно из-за распыления сил по трем стратегическим направлениям (а также по другим причинам, в частности, недооценки возможностей СССР) кампания Германии под Москвой потерпела поражение, что крайне негативно отразилось не только на ВПО, но и на МО — вступлении в войну США и позиции нейтралитета Японии, активизации антифашисткой борьбы в Европе и т.д. Иными словами, военные действия могут не только быть следствием развития ВПО, но и сами оказывать решающее воздействие на формирование ВПО и МО.

Нередко такие последствия носят непредсказуемый характер. К. Клаузевиц по этому поводу справедливо говорил (мысль, которая не раз повторялась позже самыми разными политиками, военными и учеными), что «Война имеет иную, недоступную пониманию людей природу и именно у самых выдающихся из них, которые знают, чего они хотят, не пользуется ни малейшим доверием»[432].

Именно поэтому нельзя недооценивать и обратного влияния СО на формирование ВПО или его отрицания, как при М. Горбачеве, когда формирование той или иной СО даже на отдельном ТВД, ход войны, конфликта или (особенно в нынешних условиях) подготовки к такому конфликту ***оказывает существенное влияние на формирование ВПО и даже МО***. Причем в самом разном — положительном и отрицательном — направлении. Так, некоторые военные теоретики, в частности Б. Лиддл Харт, считают, что успеш-

431 *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945.- М.: Центполиграф, 2020, СС.254-300.

432 Цит. по: *Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон*. Полководческое искусство. — М.: Издательство АСТ, 2019, с.30.

ные действия Гудериана в ходе Второй мировой войны (особенно в 1939-1940 гг.) «принесли его стране больше вреда, чем если бы он потерпел поражение. Ранний цвет принес горькие плоды»[433].

Как правило, эти последствия развития СО для ВПО и даже МО рассматриваются с точки зрения создания и развертывания новейших систем и видов ВВСТ. Во время Второй мировой войны эта закономерность многократно подтверждалась, например, даже относительно самых передовых и успешных видов вооружений Германии — бронетанковой техники, значение которой Гитлером и Генеральным штабом, по мнению Г. Гудериана, недооценивалось[434].

Война СССР в Афганистане стала примером того как ВС крупной державы были вынуждены срочно приспосабливаться к новым типам войн. Это касалось как ВВСТ, так и способов их использования, т.е. всех областей военного искусства, и прямо отражалось на ВПО и МО в 80-е годы — от последствий использования ПЗРК «Стингер» до переоценки значения артиллерии, фронтовой авиации и ССО[435]. К сожалению, реального изучения опыта афганской войны и его внедрения не последовало[436].

Распространение современных технологий, в том числе в военной области, на десятки стран в конце XX века привело к еще большему осложнению процессов формирования ВПО под влиянием новейших ВВСТ. Так, создание БПЛА и массовое их поступление на вооружение (более чем в 102 стран имели БЛА

433 *Б. Лиддл Харт*. Предисловие. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945.- М.: Центрполиграф, 2020.- 574, с.7.

434 В частности, Германии так и не удалось быстро освоить производство конкурентноспособных, относительно советских танков Т-34, танков в достаточном количестве, а планы ежемесячного производства 600 единиц в реальности не превышали 150. См.: Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945.- М.: Центполиграф, 2020, СС.300-302.

435 Примечательно, например, что эффективными не только в войне в Афганистане, но и позже в Чечне оказались 240-мм минометы, которые к тому времени многим казались устаревшим вооружением.

436 Были опубликованы всего несколько работ, в частности, в 2004 году Е.Г. Никитенко: «Афганистан: от войны 80-х годов до прогноза новых войн. — М.: АСТ, 2004, — 362 с.

и более 40 стран имели ударные БЛА в 2017 году) сформировало новую военно-политическую и международную реальность. Особенно когда выяснилось, что ударные БЛА применяют не только 11 государств, но и 20 вооруженных формирований[437]. Так, например, в 2017 году в Масуле (Ирак) за 24 часа против иракских, курдских и американских войск было применено 82 дрона в течение суток. Гибель тысяч человек, включая гражданское население, сделало применение БЛА предметом бурного обсуждения в мире и специальных решений ООН, т.е. имело не только военно-политические, но и международные последствия.

В ходе войны Азербайджана и Нагорного Карабаха в 2020 году отчетливо проявилась новая роль автономных смертоносных вооружений, в особенности, БЛА. В целом в 2020 году в мире случился 31 военный конфликт. События сентября — ноября 2020 года в Нагорном Карабахе отличались тем, что в боевых действиях участвовали регулярные армии Азербайджана и Армении. Эту войну можно считать первым столкновением относительно современных и равных по силе армий в XXI веке. В боевых действиях широко применялись ударные беспилотные аппараты, и их эффективность была многократно подтверждена видеокадрами, подлинность которых не вызывает сомнений. Наряду с вооружениями XX века, стороны применили перспективные виды вооружений — разведывательные и ударные беспилотные средства.

Примерное равенство потенциалов имеет значение, поскольку дает возможность оценить, насколько автономные системы способны соблюдать международное гуманитарное право (МГП). Кроме того, многих экспертов удивил тот факт, что обе стороны конфликта почти не использовали пилотируемую авиацию — самолеты и вертолеты. Фактически эта война стала первой, в которой основ-

437 *Денисенцев С.* Тенденции роботизации боевых действий в 2020 году: турецкий прорыв и рост внимания к гуманитарным аспектам применения дронов // Экспорт вооружений, 2020, №151, Специальный выпуск, с. 24.

ные авиационные задачи — разведка, целеуказание, нанесение ударов — выполняли беспилотники[438].

Помимо риска нарушения МГП эксперты отмечают вероятность возникновения проблем с контролем над автономными системами, сложности с атрибуцией ответственности за действия САС, угрозу нарушения прав человека и фундаментальных моральных принципов в связи с применением силы машиной.

Подобные примеры вновь ставят вопрос о том, что первично для формирования конкретного варианта сценария ВПО — политика, существующий сценарий развития МО, или «чисто» военные и военно-технические аспекты. Как и прежде однозначного ответа на этот вопрос нет, но надо признать, что преувеличенное значение, которое имеют средства и способы вооруженной борьбы для безопасности государства, как справедливо заметил профессор И. Даниленко, стало не только традицией советской и российской военной науки, но и политики. В самом общем виде эта традиция вытекает из вполне справедливых марксистских утверждений о приоритете политики над войной и разницей между фундаментальной и прикладной науками о войне, которая сложилась в советское время, когда вторая (прикладная) ее часть стала набором прикладных военных дисциплин, объединенных и подчиненных военной стратегии и искусству подготовки и ведения войны, определяющих, в конечном счете, результаты политики. В настоящее время это видно по регулярным заявлениям руководства России о «доле» современных ВВСТ в ВС, которая должна в этом десятилетии приблизиться к 80%, хотя для развития ВПО собственно военно-техническая составляющая не является единственным фактором[439]. Напомню в этой связи, что в июне 1941 года по количеству и качеству ВВСТ **СССР не уступал Германии и ее союзникам**, однако крупные неудачи преследовали РККА вплоть до 1943 года, прежде всего, имен-

438 См. подробнее: *Козюлин В.* Автономные вооружения и законы войны / Сайт «Валдайский клуб», 9.02.2021 // ru. valdaiclub. com 9/02/2021.

439 В очередной раз *В.В. Путин* обратился к этой теме 21 декабря 2020 года на расширенной коллегии МО РФ, отметив впервые значение прогноза развития ВПО и военной науки.

но из-за качества человеческого капитала[440] военнослужащих и командования[441]. Опыт боев, в конечном счете, научил не только военнослужащих, но и военачальников эффективному военному противоборству, но достался этот опыт очень дорогой ценой. Это подтвердилось как в Афганистане, так и в Чечне[442].

Произошел разрыв между теоретической (политико-философской) частью и практической (прикладной) политической и военной науки, который не преодолен до сих пор. На практике это означает, что нередко, даже практически всегда, военные говорят на одном языке, а политики — на другом. У дипломатов и журналистов — особый, третий и четвертый язык, что приводит не только к терминологической, но и содержательной путанице, причем нередко по принципиальным вопросам, например, о «стратегической стабильности». Это трагическое расхождение особенно ясно проявилось при М. Горбачеве, когда «политику» противопоставили «военным», пытаясь преодолеть прежнее расхождение самым простым, даже вульгарным, способом, — отрицая вообще значение военных факторов, назвав такую абстрактную внешнюю политику «новым мышлением», даже не затрудняясь ее обосновать[443].

---

440 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020. 610 с.

441 Во многом германские военнослужащие видели главную причину в том, что качество ВС и командования вермахта было существенно выше, чем в РККА. См., например: Рот Г. Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков 1941–1943 гг. М.: Центрполиграф, с. 153, где автор писал, что «в наши дни становится более, чем очевидным, что именно один человек, отдельный солдат становится куда более эффективным фактором, чем масса».

442 Любопытно, что основные выводы относительно опыта афганской войны, например, бывшего заместителя начальника оперативного отдела 40-й армии Никитенко Е.Г. сводились именно к изучению специфического афганского опыта. См.: Никитенко Е.Г.: «Афганистан: от войны 80-х годов до прогноза новых войн. — М.: АСТ, 2004. — 362 с

443 Я помню, как в издательстве «Политическая литература» (в том числе и с моим участием) в 1988–1989 гг. пытались как-то свести воедино набор путанных мыслей, из чего в итоге получилась совершенная эклектика в виде некой книги и других публикаций, которые окончательно запутали читателей. Хорошо в итоге, что никто всерьез (как бы ни заставляли) не отнесся к этой макулатуре, которая ежедневно исходила от М.С. Горбачева.

Но это расхождение не исчезло и сейчас, через 30 лет, когда для всех стали очевидны ошибки политики М. Горбачева, которые привели к катастрофе, но выводы о разрыве в представлениях о политике и войне до сих пор не сделаны. И не только на встречах и круглых столах, когда военные, дипломаты и аналитики, как правило, безуспешно, пытаются говорить на одном языке, но и, главное, в подготовке документов[444]. Опыт участия в таких мероприятиях говорит о том, что разрыв между политическими и военными, экономическими и идеологическими аспектами политики безопасности, а также в профессиональных подходах отнюдь не исчез, а, наоборот, увеличился за последние годы.

Между тем, как и всегда, во внешней и военной политике ответ надо искать, прежде всего, *не в методологии и теории, а в исторических примерах, субъективных фактах,* которые могут, однако, чаще всего дать правильное представление о реалиях современности. Теория и методология в военно-политической области дают общую эрудицию, концептуальность, а, главное, возможность лучше осознать реалии. И, соответственно, неправильные теории, как правило, запутывают политиков и практиков, дезориентируют их, мешая им применять творческие и осознанные подходы[445].

Подобная практика существовала всегда. Так, «неправильное направление» в развитии военной политики Пруссии после смерти Фридриха II накануне наполеоновских войн (недооценки роли стрелков, артиллерии и гибкой тактики) привело к тяжелым поражениям прусской армии уже через несколько дней после начала войны 4-й антифранцузской коалиции и привело к оккупации фран-

444 В 2018–2019 годах и начале 2020 года в МГИМО была проведена серия (более 30) неформальных встреч представителей самых различных организаций и ведомств — СБ РФ, МО, МИД и др. для общего понимания и оценки современного состояния МО и ВПО.

445 К сожалению, в российской политической теории последних десятилетий было много надуманного и неестественного, скопированного примитивно из зарубежных источников. Это обернулось катастрофой не только для экономики и политики страны, но и для ее ВС и ОПК. Более того, надуманные теории и сегодня нередко доминируют в политологии и образовании России, чьими апологетами стало поколение 90-х и «нулевых», которые агрессивно внедряют их в общественное сознание общества.

цузами Берлина, а игнорирование Наполеоном стрелкового боя и абсолютизация роли артиллерии (при отказе от изучения новых тактических приемов, когда наступление проходило преимущественно колоннами) привело к тому, что в 1807-1809 годах лучшие солдаты были уничтожены, что отразилось в последующие годы на боеспособности французских войск[446].

Как видно из приведенных примеров с прусской и наполеоновской армиями, военно-политические и международные последствия для Пруссии и Франции оказались крайне негативными, разрушительными, после чего обе державы были вынуждены заплатить огромные политические и иные издержки. Эти примеры — наглядная иллюстрация того, как военное искусство и ВВСТ, а в целом формирование СО, влияют не только на формирование ВПО, но и МО.

Последующие события, вскоре после появления ложных теорий войны, показали необходимость не только массовых армий (а не армий, численность которых не должна была превышать 50-60 тыс. человек, что и стало во многом главной причиной побед Наполеона и поражения союзников), но и развития военного искусства и военной техники, воспитания и профессиональной подготовки военнослужащих и их командиров, т.е. реорганизации всей военной политики государств.

Во многом ситуация повторяется в наши дни. Современные вооруженные столкновения и войны, численность которых регулярно превышает десятки в год, требует максимально быстрого учета этих изменений как в ВВСТ, так и военном искусстве, что неизбежно и быстро сказывается на развитии ВПО и МО. Если прежде «разрыв» между изменениями в СО, характере войн и военных конфликтов с их последствиями для ВПО составлял несколько лет (в эпоху наполеоновских войн — 5-7, а во Вторую мировую войну 2-3 года, в Афганистане — уже 6-12 месяцев, а в Чечне — 2-3 месяца), то теперь такая разница может составлять недели, как максимум, два-три месяца, за которые будет необходимо адаптировать ВВСТ и военное

446 *Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон.* Полководческое искусство. — М.: АСТ, СС.44-45.

искусство к новым реалиям, с одной стороны, и военно-политические реалии к военным изменениям, — с другой. Война 2020 года между Азербайджаном и Арменией, а до этого война в Сирии, — пример необходимости таких быстрых переоценок.

На мой взгляд, это означает, прежде всего, изменения *в процессе подготовки и принятия военно-политических и военно-технических решений*, когда, например, скрытые поставки новейших ВВСТ и переподготовка военнослужащих на Украине потребует оперативных и достаточно принципиальных политических решений (об изменении формата и существа переговоров, возможных превентивных действиях, внутриполитических и экономических решениях и т.п.).

Это же вполне определенно потребует более высокой степени координации внешней политики, дипломатии, экономики и военных. Так, например, изменения в политике Казахстана и Белоруссии, которые очень «аккуратно» воспринимаются в Москве, должны носить более определенный и целенаправленный характер, учитывающий реалии быстрых изменений в СО.

2.1. Главные особенности в оценке современной военно-политической обстановки, влияющие на военную политику России

Для адекватной оценки СО необходима в качестве первого шага адекватность оценки ВПО. На всем протяжении истории любого государства существуют разные, порой даже прямо противоположные, оценки и подходы среди руководства страны относительно политических целей и выбора тех или иных средств их достижения. Именно так, к сожалению, было нередко в последний период в СССР — особенно при руководстве страной А.Н. Яковле-

вым-М.С. Горбачевым, хотя и до этого, начиная с Брестского мира, в СССР существовали разные группы и оценки МО и ВПО.

Такая разница становится особенно опасной, когда она приобретает принципиальный характер, отражающийся на последовательности реализации стратегии[447]. Особенно для военных, задача которых заключается, как говорил Г. Гудериан, «не размышлять, а выполнять»[448]. Иначе говоря, разница в оценке ВПО и СО, прежде всего, в мире. Так было, например, когда принималось не подготовленное решение о вводе войск в Афганистан, но также было и с решением о выводе войск. Так было с решением о вводе войск в Чечню в 1994 году. Политические ошибки — целеполагания — самые тяжелые с точки зрения военных последствий.

Так, всегда могут быть неточные — излишне оптимистичные или пессимистичные — оценки экспертов, в особенности, когда речь идет о прогнозах[449], но реальную опасность представляют *принципиальные расхождения между разными слоями правящей элиты,* особенно высшей ее, управленческой, части, которые сложились, в частности, в России во втором десятилетии нового века. Во многом эта разница стала следствием хаоса в умах, сложившегося во времена М. Горбачева, когда объективные оценки политиков и военных сознательно не просто игнорировались, но и подменялись «политической линией» М. Горбачева, А. Яковлева и Э. Шеварнадзе и ряда других политиков и военных, откровенно игнорировавших и предававших интересы СССР.

В настоящее время уже нельзя говорить о заблуждениях и ошибках, «наивности» и «неопытности» части правящей элиты страны, которая за последние 30 лет получила колоссальный опыт нарушенных политических обещаний и откровенного обмана. «Раз-

447 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020, сс. 70–172.

448 Цит. по: *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945.- М.: Центрполиграф, 2020, с.8.

449 Так, например, группа авторов в 2015 году написала, что «если Россия устоит до 2020 года…, то можно с уверенностью будет сказать, что доминированию Запада пришел конец». См.: Россия и мир в 2020 году: Контуры тревожного будущего. М.: Эксмо, 2015, с. 27.

лом» правящей элиты происходит по границе банальной материальной и личной выгоды, когда личный и групповой комфорт ставится выше национальных интересов. Эти принципиальные расхождения вытекают из групповой и личной заинтересованности различных ее представителей и *касаются фундаментальных ценностей и интересов относительно национальной идентичности и суверенитета страны*. Именно эти расхождения находятся в основе разных подходов к обеспечению безопасности государства. Не секрет, например, что в России существуют влиятельные группы, которые тесно связаны и зависят от Запада в самых разных аспектах. Речь идет не только о бизнесменах, но и ученых, деятелях образования, политиках, журналистах и пр., чьи активы, семьи и капиталы находятся под внешним контролем.

Таким образом, в настоящее время существует огромный разрыв в оценке современной ВПО у различных частей правящей элиты России, который непосредственно угрожает ее способности к организации эффективной политики безопасности. Этот разрыв наблюдается, прежде всего, как в разнице оценок МО и ВПО, и как следствие, СО, так и в подходах и способах решения проблем у различных представителей правящей элиты России. В том числе и в подходах к оценке значения средств и способов вооруженной борьбы, как *части силовых средств и способов, имеющихся в распоряжении государства*[450].

Прежде всего с точки зрения *адекватности оценки внешних угроз*, но в немалой степени и *средств,* и мер силового противоборства. Не смотря на усилия нескольких НГШ и активистов АВН общая тенденция разделения силовых средств политики на «военные» и «невоенные» сохраняется, хотя в действительности граница между ними давно исчезла. Это означает, что как при подготовке ГОЗ, так и плана обороны военно-техническим средствам уделяется исключительно приоритетное внимание. В частности, военная

450 Так, нередко приходится сталкиваться с упрощенным, даже примитивным, подходом к роли стратегического ЯО, с помощью которого (особенно представители РВСН) готовы решать любые проблемы обеспечения военной безопасности «простыми» способами — ударами СЯС.

организация России по-прежнему рассматривается как военная организация силовых институтов, а не военная организация нации, в которую входят общественные и негосударственные структуры и физические лица. Поэтому в реальных условиях обострения СО или внутриполитической стабильности, как это уже было несколько раз с искусственно организованными массовыми акциями с помощью социальных сетей, средства силового противоборства в России оказываются ограничены в своем выборе мерами применения сил Росгвардии и МВД: собственные социальные сети и интернет-ресурсы в качестве силовых средств используются несоразмерно мало, а политико-административные и дипломатические меры применяются не всегда оперативно и эффективно.

Это означает, что возможности сохранения стратегической стабильности у власти в России ограничены полицейскими военными мерами и средствами. Сама «стратегическая стабильность», как способность сохранения суверенитета и внутриполитической стабильности, в России трактуется шире понятия «стратегической стабильности, используемой на Западе в качестве эквивалента стабильности в области ядерных вооружений[451]. Шаги, предпринятые в законодательной и дипломатической областях в январе 2021 года, можно рассматривать только как самую первую реакцию власти.

Традиционную диалектическую зависимость военной политики (и ее части — военно-технической политики) от внешних условий развития нации и государства в настоящее время уже никто не может оспаривать, либо подвергать сомнению. Как и то, что развитие военно-политической обстановки, а в более широком контексте — развитие международной обстановки, является важнейшим фактором для формирования не только военно-технической политики государства, но и его политики безопасности. Но проявляются очень существенные детали как относительно целей, так и средств политики, например, с точки зрения того, кто на Западе сегодня в реальности формулирует эти цели, если президент США может

451 *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. — М.: ИД «Международные отношения», 2019. — 809 с.

быть фактически отстранен от публичной власти? Кто в итоге принимает военно-стратегические решения об использовании военной силы? Дж. Байден или какие-то иные структуры?[452]

Более того, внешние условия формирования безопасности влияют, как известно, и на весь процесс социально-экономического и социально-политического развития нации и государства, что ярко проявилось, например, после поражения Японии и атомной бомбардировки Хиросимы, и Нагасаки в 1945 году или Германии в тот же период. Так, не раз бывало в истории человечества, когда внешние силы ликвидировали не только государства, но и целые цивилизации. Но в современный период можно говорить о том, что такое радикальное внешнее влияние также отнюдь не исчезло. Внешняя угроза существованию государства стала приобретать все более четкие черты внешней угрозы существованию нации и цивилизации[453].

Иными словами, очевидно, что военно-техническая политика, как часть политики обеспечения безопасности и национального развития, в значительной степени зависит от внешних условий, в которых развивается нация и государство. Но значительно менее очевидно то, что по своей эффективности силовые военные средства все более уступают другим силовым средствам и мерам политического влияния.

452 Процесс принятия военно-политических решений на Западе был окончательно запутан при Д. Трампе, который пытался переформатировать его под потребности США, игнорируя нередко мнение союзников и партнеров. См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. — М. ИД «Международные отношения», 2019. — 402 с.

453 Цивилизационные угрозы — отдельная тема, которая отнюдь не исключает применения вооруженного насилия. Более того, ликвидация суверенитета и институтов государства рассматривается как обязательный этап в дезинтеграции и уничтожения нации и цивилизации.

2.1.а). Новые аспекты в политике военно-технической безопасности государств

У этого нового плана
(строительства танков в Германии — А.П.)
было всего одно слабое место —…
с прекращением строительства танков «T-IV»
Германия вообще осталась бы без новых танков….
Немецкая армия была бы разгромлена
в ближайшее время, русские победили бы
без помощи союзников и заняли Европу»[454].
Г. Гудериан, немецкий военачальник

Этот пример с гитлеровской Германией, когда Гитлер чуть было не принял катастрофическое для нее решение, — иллюстрация того как частные военно-технические решения могут повлиять не только на формирование СО и ВПО, но и на существенные изменения в состоянии МО. Именно поэтому новые аспекты военно-технической политики всегда требуют внимания высшего политического руководства. История не раз подтверждала этот вывод.

Обеспечение безопасности «не только военно-техническими средствами», как известно, стало главной идеей М.С. Горбачева, ради которой он готов был игнорировать реальные потребности обороны страны. Эта идея себя дискредитировала к концу 90-х годов после расширения НАТО, но с точки зрения силовой политики, а не благих пожеланий, эта идея получила вторую, реальную жизнь в новом веке, когда резко увеличилось значение силовых невоенных средств и мер политики. Эти меры и средства стали в ряде случаев замещать военные средства силовой политики потому, что их эффективность, дешевизна и низкая степень риска оказываются предпочтительнее собственно военных мер и средств. Именно

454 *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945. — М.: Центрполиграф, 2020, с.310.

при Д. Трампе, который придерживался силовой невоенной стратегии, военно-технические средства политики (но отнюдь не создание ВВСТ) и их использование стали рассматриваться в качестве наименее желательных инструментов.

В современном мире отчетливо проявились частные новые аспекты в политике обеспечения военно-технической безопасности западной военно-политической коалиции, а, кроме того, в целом в развитии СО, которые (не меняя главной, скрытой, сущности) влияют на формирование ВПО. С точки зрения нашей работы они имеют определенное значение постольку-поскольку непосредственно отражаются на специфике развития всех ВВСТ, прежде всего, средств и сил СВКН и СВКО, что, на мой взгляд, выражено в следующих основных аспектах[455]:

Первое. Произошло резкое расширение *всего спектра силовых* (военных и невоенных) *средств и мер* силового принуждения в политике западной военно-политической коалиции даже по сравнению с политикой Запада в XX веке, которое в будущем ведет неизбежно к дальнейшему усилению значения этих силовых средств в их внешней политике.

Расширение силового спектра, его эволюция (даже сознательная эскалация) в военно-силовой спектр политики силового принуждения требует, чтобы военная сила — средства (ВВСТ) и способы их применения — должны *изначально превосходить по своей политической и военно-технической эффективности военную силу противника*. Логика такова: эффективное невоенное силовое принуждение возможно только при условии эффективной военной угрозы. В этом смысле, например, СВКН и СВКО — идеальные рода войск, совмещающие возможности глобального политического и военного использования, сохранения контроля над эскалацией и опережающего военно-технологического развития при эффективном использовании экономических и иных санкций.

455 *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с.

Иными словами, если признать очевидное — то, что дальнейшее сознательное обострение МО и ВПО неизбежно и в нем возрастающую роль будут играть силовые инструменты политики западной военно-политической коалиции — как военные, так и невоенные, — то такая стратегия **требует военно-технического превосходства,** что, кстати, официально закреплено в нормативных документах США и НАТО. Такое превосходство необходимо, прежде всего, в политико-психологических целях, когда силовая эскалация должна развиваться под контролем Запада, сохраняя на каждом из этапов достаточно определенные преимущества. Это позволит применять широко и без риска самые разные силовые инструменты — от политико-психологических провокаций, санкций и эмбарго до откровенных военно-провокационных действий — облетов территории, нарушении воздушного и морского пространства, размещения вблизи границ наступательных видов вооружений и войск. Это — долгосрочная стратегия Запада, опирающаяся на силовое давление и технологическое лидерство. Она должна позволить максимально полно использовать инструменты силового принуждения, не переходя в стадию вооруженного конфликта без гарантии военной победы[456].

Политические иллюзии «договоренностей» с Западом, однако, сохраняются не только в политической, но и отчасти в военной элите России. Сохраняется тенденция, сложившаяся в 80-е годы, неадекватности оценки международной обстановки, что отчасти можно объяснить тем, что в правящей элите страны сохранились позиции тех, кто всю жизнь занимался «умиротворением» Запада.

Кроме того, объективно говоря, осознание этих изменений, как и осознание качественных изменений в ВВСТ и военном искусстве в относительно мирных условиях всегда запаздывает. Запаздывает в России и сегодня, хотя, надо признать, уже не так катастрофично, как в предыдущий период. Как справедливо пишут И. Попов и

456 Логика подобных рассуждений подробно изложена в монографии. См.: *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. — М.: ИД «Международные отношения», 2019. — 462 с.

М. Хамзатов, «За последние два с половиной десятилетия было много военных конфликтов, но... все это были нетипичные, нетрадиционные, «неправильные», «ненастоящие» войны... Они шли вразрез с положениями классической военной науки, и на этом основании глубокого, критического изучения, осмысления и внедрения их опыта в практику военного строительства не было»[457].

Проблема, однако, состоит в том, что за последние 30 лет военная и политическая наука в России была радикально ослаблена, а местами и просто уничтожена. Восстановить научные школы сложнее, чем построить даже самое современное здание. Для этого нужно не 333 дня, как при строительстве нового здания МО, а, как минимум, 333 месяца.

Второе. Современное развитие ВПО в мире ведет к фактическому полному *отказу от любых мер политического сотрудничества*, исключая те, по которым такое «сотрудничество» либо откровенно выгодно США в одностороннем плане, либо где стороны пошли на очевидные уступки США. Как известно, все последние десятилетия США и их союзники параллельно с развитием военно-технических возможностей своей коалиции уничтожали созданную во второй половине прошлого века систему международной безопасности, прежде всего, ее дееспособные институты, и договорную базу. За исключением механического продления ДНСВ (СНВ-3) в феврале 2021 года были практически уничтожены все соглашения и договоренности — от ограничений в области обычных вооружений, ДРСМД, ПРО до фактического игнорирования соглашений об уничтожении химического оружия и др.

Сказанное относится в полной мере не только ко всему процессу переговоров по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности, но и к другим областям принципиального сотрудничества — экономике, культуре, информатике и т. д., даже спорту. США и их союзники не скрывают, что в любой области они будут проводить политику «силового принуждения», которая

457 *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. — 3-е изд., испр. — М.: Кучково поле, 2019, СС.12-13.

в итоге должна вести к поэтапному отказу от суверенитета и замене правящей элиты на послушную социальную группу по сути преступников, правивших в России в 90-е годы.

И здесь наиболее важное значение имеет сохранение у России возможностей ВКС как для политического, так и военного применения. Системы ПРО-ПВО, а в более широком контексте ВКС, обеспечивают не просто политический суверенитет и военную безопасность, но и возможности для политического маневра. Так, само наличие С-400 в Сирии и Турции ограничивает возможности применения Западом военной силы не только в этих странах, но и во всем регионе Восточного Средиземноморья. Политическое и дипломатическое значение современных систем ПРО-ПВО России стремительно нарастает и превращается в дополнительный фактор внешнего влияния в отношениях с большинством стран — от Индии и Китая до Греции.

Традиционное сотрудничество России с западными государствами трансформировалось из равноправного в вынужденное. Современное «Сотрудничество» в нынешнем понимании США и их союзников означает фактически политическую капитуляцию, в том числе и в области военно-технического соперничества. Поэтому рассчитывать на равную безопасность и равноправие изначально нельзя, если, конечно, не возвращаться к модели поведения М.С. Горбачева. России навязывается жесткое технологическое, военно-техническое соперничество, проигрыш в котором означает неизбежную политическую капитуляцию: надеяться в таком соперничестве можно исключительно на собственный научно-технический и человеческий потенциал — единственный национально-контролируемый ресурс нации и государства. Это, к сожалению, в правящей российской элите поняли с опозданием, связав с политикой «импортозамещения». На самом деле проблема шире — самые современные военные технологии способны обеспечить не только сохранение военно-технологического равенства с Западом, но и дать возможность «технологических прорывов», как это было в 50-е и 60-е годы с программами ракетостроения и ядерного оружия. Сегодня эти направления сконцентрированы,

прежде всего, в области ВКС, объединяющей сотни наиболее современных технологий.

Более того, отставание в технологических областях немедленно будет реализовано в военно-политической области в качестве невоенного средства политики «силового принуждения», как это было в годы ядерной монополии США, т. е. угроз и шантажа. Причем немедленно. В военной доктрине США, опубликованной в 2018 году, прямо говорится, что «лучший способ предотвратить войну — быть готовым ее выиграть», т. е. превосходить качественно своего противника по военной мощи — «наша цель — обладать такими силами, которые обеспечат победу в любом конфликте». В 2019–2023 годы военной доктриной определялись следующие приоритеты военного строительства:

— модернизация ядерной триады, включая системы управления, разведки и контроля;
— интеграция космических и кибер возможностей во все области военного дела;
— качественная модернизация всех систем боевого управления и обработки информации, наблюдения и компьютеризация всех сфер;
— развитии возможностей ПРО;
— повышение летальности (боевой эффективности) и возможностей уничтожения мобильных объектов в глубине территории противника;
— увеличение возможности выживания всех типов ВВСТ и ВС в условиях боевых действий.

Не трудно увидеть, что все приоритеты так или иначе связаны с развитием СВКН и СВКО, приобретения ими качеств «абсолютного» оружия нападения и обороны. В реальности это означает *политическую установку на уничтожение самого понятия «стратегическая стабильность». Поэтому говорить о ней (чем любят заниматься некоторые эксперты в России) — наивность, если не хуже.*

С политической точки зрения военно-техническое доминирование США в средствах ВКС (нападения и обороны) означает

практическую победу, когда результат получается без прямого использования военной силы. Так, гипотетическое превосходство в средствах нападения (ВТО, КР, СНВ и пр. системах и видах ВВСТ), совмещенных с потенциалом управления и эшелонированной ПРО в единую систему, означает, что другая сторона может фактически диктовать условия капитуляции — политические, военные, иные — без начала военных действий.

Более того, возможности воздушно-космического нападения уже не сводятся к потенциалам СНВ и ПРО. Они во многом обеспечиваются возможностями неядерного ВТО, размещенным на всех типах КР и аэробаллистических ракет, оснащенных не ядерными боеприпасами. Это значительно расширяет политические возможности силового применения не ядерных вооружений как в отношении России, так и других стран. В настоящее время фактически против России размещено более 2500 КР разных типов базирования, прежде всего на подводных лодках и надводных судах, чья дальность перекрывает всю территорию страны. Этот потенциал будет увеличен в ближайшие годы за счет дополнительного развертывания КРМБ и ракет средней дальности и тактических боеприпасов в Европе и других регионах. Реальную защиту от него (уже на стадии политической) может обеспечить только эшелонированная система эффективных средств ПВО-ПРО.

Третье. Расширение спектра военно-технических средств за счет ускорения технологической гонки вооружений, становится в очередной раз наиболее приоритетной областью в американской (и западной в целом) политике. Речь идет о всем спектре военных средств — от стратегических ядерных вооружений и средств ПВО-ПРО до боевых роботов (космических, воздушных, морских). Новые ВВСТ, создаваемые во втором и третьем десятилетии, основаны на технологических прорывах, которые, в свою очередь, гарантируют сохранение военно-технологического превосходства. Так, например, создание флота роботизированных ВВСТ на суше, море и в воздухе обеспечивает потенциал нападения сопоставимый с потенциалом СНВ, который уже не может быть компенсирован ядерным оружием. Поэтому 100% замена российских СНВ к

2024 году отнюдь не гарантирует безопасность, как это было прежде и пока что сохраняется сегодня. Средства ВТО радикально меняют весь состав ВС. Причем не только на суше и в воздухе, но и на море. Яркий пример: ВМС США отказываются от модернизации 6 крейсеров («Тикондерлога») и выводят из эксплуатации авианосец («Гарри Трумэн»), экономя до 30 млрд. долл., но одновременно инвестируют почти 3 млрд. долл. в строительство 10 безэкипажных кораблей-роботов.

Иными словами, в перспективе перед Россией стоит бесконечный процесс качественной (технологической) гонки и вооружений, в котором она может рассчитывать только на собственные ресурсы и возможности как в научно-образовательном, так и технологическом плане[458]. Прежде всего, такое военно-техническое соперничество разворачивается в области количества и качества национального человеческого капитала[459] и его институтов[460].

Эти основные особенности, которые выступают разделительными линиями в оценках тех или иных представителей правящих элит современной России, лежащие в основе формирования ее современной военной политики. Детали этой политики имеют важное значение, поэтому предлагается сделать их обзор в разделах ниже.

458 *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312.

459 Эта тема была достаточно глубоко проработана в одном из НИР, результаты которого опубликованы в монографии: *Подберезкин А.И.* Человеческий капитал и национальная безопасность. — М.: Прометей, 2020. — 610 с.

460 Ниже эта тема будет освещена специально, но в данном разделе нужно отметить, что главной особенностью военно-технического соперничества стало соперничество в области качества НЧК и его институтов, о чем предупреждал еще автор термина «человеческий капитал» Ричард Флорида в 2005 году. См.: *Флорида Р.* Креативный класс: люди, которые меняют будущее. — М.: Классика, 2005, СС.22-24.

2.1.б). Военная политика: современные средства и меры силового противоборства субъектов стратегической обстановки

Абсолютизация прошлого опыта
опасна и вряд ли оправдана[461]
И.М. Попов, М.М. Хамзатов

Первое, на что сразу же следует обратить внимание, это очень быстрая динамика в средствах и мерах силовой борьбы в последние десятилетия. И не только военно-силовой, но и невоенной силовой борьбы. В военно-силовой области стали доминировать БЛА, которые используются в интересах разных видов и родов войск, роботизированная бронетехника, новые средства РЭБ, гиперзвук и т.д. Но и в невоенной силовой области появились новые эффективные средства дестабилизации внутриполитической ситуации, смены правящей элиты, ограничения темпов развития и демографических процессов. Таким образом, современная военная политика — целый набор принципиально новых средств и мер их использования, которые радикально меняют представления о политическом и военном искусстве[462].

Опыт последних десятилетий показал, что применение военной силы в ее прямой форме далеко не всегда эффективно с точки зрения достижения конечной политической цели. Во многом это связано не только с неправильным целеполаганием, но и с тем, что политическое и военное искусство не учитывает опыта предыдущих периодов, в том числе опыта прямого использования военной силы. Так, Б.В. Громов писал относительно опыта ВС СССР в афганской войне: «Приобретенным нами опытом по большому счету никто не интересовался, его просто игнорировали и не внедри-

461 *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. — 3-е изд., испр. — М.: Кучково поле, 2019,13 с.
462 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке- М.: ИД «Международные отношения, 2019. — 808 с.

ли в изучение. Считали, видимо, что о войне в Афганистане лучше помолчать»[463]. Через 5 лет, в первой чеченской войне ВС России столкнулись с теми же проблемами, которые они успешно решали в Афганистане, но в значительной степени «забыли» на Кавказе. Потребовалось несколько месяцев для того, чтобы вернуть прежний опыт и навыки.

Более того, к сожалению, в советско-российской традиции укрепилось и пренебрежительное отношение к научным военным школам и кадрам. Это, конечно, было не единственной, но очень важной причиной тяжелых последствий в двух чеченских кампаниях 1994–2003 годов[464].

Это означает, что военно-технические средства и способы политики не являются, как прежде, «абсолютным» оружием. Безопасность государства и его политические интересы защищаются самыми разными средствами и способами, при чем их спектр постоянно и стремительно расширяется.

Анализ и прогноз развития военно-политической обстановки[465] в мире, как *главного условия* формирования военной политики России[466] и ее составной части — военно-технической политики[467], — предполагает, что в результате такого анализа должны быть предложены некие идеи и выводы относительно перспектив развития наиболее вероятного сценария (и его вариантов) ВПО и конкретных вариантов развития СО, войн и военных конфликтов. Во многом, как следствие развития таких сценариев, станет буду-

463 *Громов Б. В.* Ограниченный контингент. М.: Яуза-каталог, 2019, с. 157.

464 См. подробнее: *Трошев Г.Н.* Чеченский излом. Дневники и воспоминания. М.: Вече, 2020. 464 с.

465 **Военно-политическая обстановка (ВПО)** — *зд.:* прежде всего ***состояние*** субъектов, акторов и тенденций и их ***отношение*** между собой.

466 **Военная политика** — *зд.:* составная часть общей политики государства, направленная на обеспечение его безопасности и эффективное использование военной силы во внешней политике.

467 К настоящему времени сформировалось общее представление о приоритете внешних условий — состояния МО и ВПО — для формирования военной политики государства. См., например: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Издательский дом «Граница», 2018. 512 с.

щая стратегия развития ВВСТ Российской Федерации[468]. Иными словами, именно внешние условия являются отправной точкой для разработки военно-технической политики государства, влияя как на политические и иные цели государства, так и на саму правящую элиту и ее решения по использованию национальных ресурсов.

Такая военно-техническая стратегия, в свою очередь, предполагает не только наличие долгосрочного плана военного строительства, но и, главное, его максимальную обоснованность с точки зрения национальных возможностей, целей и средств национальной политики. Эта взаимосвязь прописана, к сожалению, в очень немногих работах, среди которых наиболее подробное и обоснованное описание можно найти в работах генерала-майора (в запасе) С.Р. Цырендоржиева[469] и его коллег по ЦНИИ № 46 МО РФ.

2.1.в). Диалектика развития взаимосвязи сценариев международной, военно-политической, стратегической обстановок и войн

Здесь может быть два случая: или в политике нет руководящей идеи, или эта идея неверна[470].
Е.И. Мартынов, русский военный теоретик

Состояние и структура МО-ВПО-СО, а также вытекающие их этого специфические особенности ***отношений*** между субъектами и акторами ВПО, на мой взгляд, можно представить в виде некой модели, где приоритет, безусловно, отдается политике, «руководящей идеи». В первой части работы, в ее самом начале, я попытался пред-

468 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Назаров В.П.* Россия и будущая военно-политическая картина мира // Обозреватель, 2020, № 9, сс. 18–40.

469 См., например: Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях. Монография. Под общ ред. проф. *С.Ф. Викулова*. М.: АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2020, сс. 222–386.

470 *Мартынов Е.И.* Политика и стратегия. — М.: ИД «Финансовый контроль», 2003, с. 18.

ставить взаимозависимость развития МО-ВПО и СО следующим образом: именно ***отношения*** между субъектами и акторами в системе МО-ВПО-СО имеют ключевое значение для определения характера военно-технической политики страны. Ниже мы подробнее остановимся на этом, но в данный момент важно отметить, что понимание диалектической взаимосвязи между военно-технической политикой и политикой в области безопасности возможно только в том случае, если представляешь особенности развития МО и ВПО по одному из сценариев, которые реализуются, в конечном счете, в сценариях развития СО и частных военных и иных конфликтах.

В качестве примера можно привести иллюстрацию того, как в 30-е годы прошлого века создавалась основная ударная сила гитлеровской Германии — бронетанковые соединения. Основной импульс был дан ограничениями, которые после поражения в Первой мировой войне были наложены на германские вооруженные силы, прежде всего, вермахт, который не должен был превышать 100 000 человек, т.е. МО и ВПО обстановки диктовали условия, в которых должны были развиваться ВС Германии. «Руководящая идея» Германии тех лет — воссоздание мобильных бронетанковых сил, способных компенсировать объективную слабость из-за наложенных ограничений. Как пишет идеолог будущих блицкригов Гейнц Гудериан, «Германия оказалась беззащитной, и было маловероятно, что война будет позиционной, с фиксированной линией фронта. Мы должны были полагаться на мобильную оборону в случае войны»[471].

Но позже, в конце 30-х годов, именно мобильные бронетанковые соединения позволили Германии добиться решительных побед над Польшей, Францией, Англией и другими странами, т.е. военная специфика, созданная Германией СО, стала решительно влиять на формирование ВПО и МО. Всего лишь за 2-3 года Германия полностью изменила ВПО не только в Европе, но и в мире, прежде всего, за счет эффективного использования крупных бронетанковых соединений — дивизий и корпусов.

471 *Гудериан Г.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945гг.- М.: Центрполиграф, 2020, с.16.

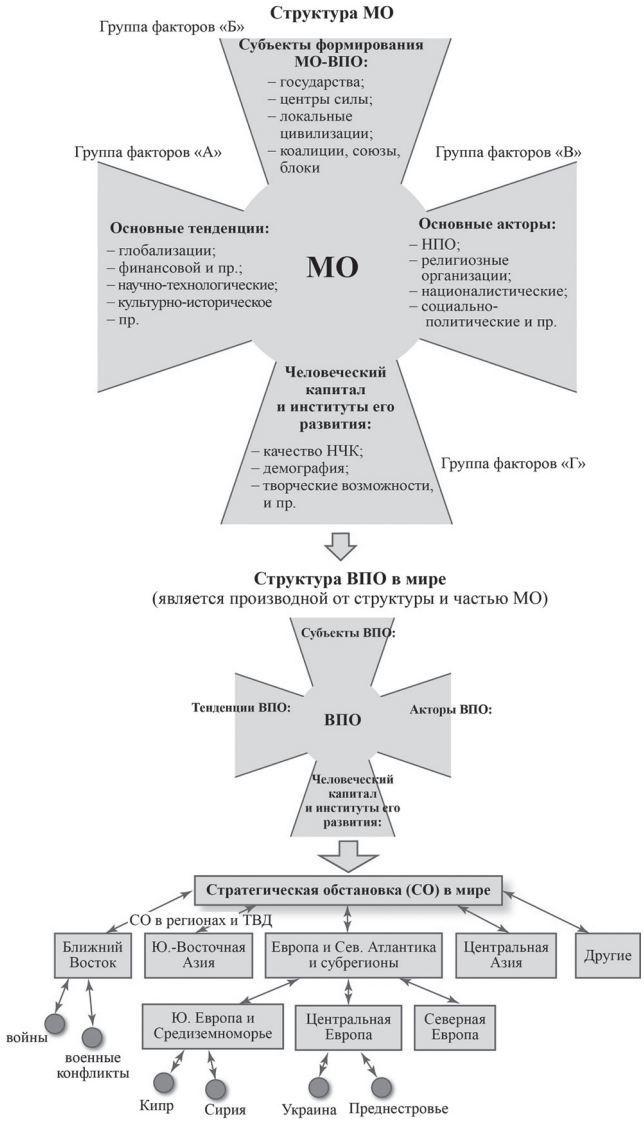

Рис. 18. Авторская концепция (гипотеза) анализа развития структуры МО и ВПО в работе

Как видно из рисунка, МО и ВПО ***детерминируют*** появление, формирование и развитие СО и отдельных ее видов не только в стратегическом, но и оперативном плане. Войны и конфликты не возникают сами по себе. Они всегда являются продолжением политических отношений между субъектами и акторами, которые перерастают из «просто» отношений во враждебные. Таким образом, важно всегда помнить, что СО, войны и конфликты как в глобальном плане, так и на отдельных ТВД являются **следствием**, порождением политических международных конфликтов и, как следствие, развития ВПО, а не появляются «сами по себе» в результате случайностей и субъективных решений, которые субъективны только на самый первый взгляд. Так, субъективные решения Гитлера, о негативных последствиях которых нередко говорили его генералы и чиновники, на самом деле были вполне обоснованными и логичными, которые зависели от внешних условий, когда Гитлер (по свидетельству В. Кейтеля) выжидал до самого крайнего момента, «сохраняя свободу рук»[472].

Война в сентябре–октябре 2020 года между Арменией и Азербайджаном стала следствием политического конфликта, который, в свою очередь, сам был не только результатом территориального спора, но и следствием этнического и культурно-религиозного конфликта, имевшего длительную историю. В политических условиях существования в рамках единого государства — СССР — этот конфликт не мог перейти из силовой в военно-силовую фазу. Это произошло только в итоге ослабления союзного центра и, наоборот, усиления противоборствующих сторон в Армении и Азербайджане в 1988–1989 годах, а реальный военный конфликт стал фактом после превращения этих республик в суверенные субъекты ВПО.

Детерминированность МО проявилась в полной мере в течение 1988–1994 годов, когда частные противоречия превратились в межгосударственное военное противоборство. Позже, в 2020 году, это военно-силовое противоборство реализовалось в нескольких военных конфликтах и частных оперативных обстановках на юге и

472 *Кейтель В.* Размышления перед казнью. М.: Вече, 2017, с. 274.

севере Нагорного Карабаха, где влияние военно-технического фактора, прежде всего, эффективности ВС воюющих сторон, имело решающее значение[473].

Но, надо сказать, что и в этом случае доминирование МО и ВПО, прежде всего роль России и Турции, оказались решающими, что и привело, в конечном счете, к перемирию.

Вместе с тем, эта модель достаточно условна, прежде всего, потому, что статична: в реальности она (т. е. МО-ВПО и особенно СО) находится постоянно в развитии, иногда не по одному, а одновременно по нескольким сценариям. На практике один из основных сценариев развития ВПО может быть сменен на другой в случае изменений «верхнего» уровня, прежде всего, на уровне МО. Так, развитие сценария ВПО в острой стадии военного конфликта Армении и Азербайджана было остановлено вмешательством России.

Поэтому важна оценка и мониторинг развития именно таких сценариев МО-ВПО и СО. Основные особенности и характерные черты развития СО на отдельных ТВД и в конкретных регионах, войнах и конфликтах, таким образом, предопределены развитием вполне конкретных сценариев МО и ВПО**,** и их еще более конкретных вариантов, но, вместе с тем, во многом зависят от того как развивается собственно военный конфликт и меняется вместе с ним СО. В случае конфликта между Арменией и Азербайджаном СО менялась достаточно динамично не в пользу Еревана, который оказался не только хуже подготовленным, но и допустил серьезные ошибки с точки зрения военного командования и подготовки личного состава.

Таким образом, вся система, формирующая глобальную международную военно-политическую обстановку, делится **на несколько уровней**:

— **первый** — уровень общих отношений и состояния субъектов, акторов и доминирующих тенденций в мире, определяющих состояние и сценарий развития международной обстановки;

473 *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с.

— **второй** — уровень отношений и состояние субъектов военно-политической обстановки, который вытекает из развития МО, с одной стороны, но находится под влиянием развития военных факторов, с другой;
— **третий** — состояние и уровень отношений между субъектами Стратегической обстановки (уровень СО);
— и, наконец, **четвертый уровень**, — где присутствуют частные военные конфликты, а также войны, как это показано на рисунке выше.

Первый уровень является политическим, второй — военно-политическим уровнем, третий — стратегическим, а четвертый — оперативно-тактическим уровнем. Для каждого из этих уровней характерен выбор тех или иных средств и мер политического воздействия и соотношения, пропорции этих мер и средств. Для первого — преимущественно политические («мягкая сила» и «сила принуждения», когда военные средства и меры рассматриваются как рискованные, а их использование ограничено до поры до времени.

Для второго уровня характерно использование всех трех групп силовой политики, но в разных пропорциях, когда акцент делается на средства «силового принуждения».

Для третьего, стратегического уровня, характерного для формирования той или иной СО в мире и в регионе, применимы все характерные особенности использования силовых инструментов в политике, включая военные. С точки зрения развития ВВСТ и требований к их совершенствовани ю и поступлению в войска, этот уровень является обобщающим всю специфику и особенности ВВСТ, которые требуются в отдельных потенциальных конфликтах и на отдельных ТВ, относящихся к четвертому уровню. Так, например, ввод советских войск в Афганистан и ведения ими вооруженной борьбы в новых условиях гористой местности с отдельными террористическими отрядами привел не только к изменениям в тактике, но и требованиям к ВВСТ.

Это означает, что если для вооруженной борьбы на первом и втором уровнях требуется самый широкий спектр вооружений, где исключительная роль принадлежит стратегическим наступатель-

ным и оборонительным ВВСТ, то на третьем уровне присутствует ***специфика тех особенностей***, которые предъявляются к ВВСТ на тактическом уровне. Например, война на Кавказе потребовала развития специальных систем ВВСТ — ударных вертолетов, стволь-ной артиллерии[474], ССО и т. д. В целом Советская Армия, с точки зрения ВВСТ и подготовки, в 1990 году была самая сильная в мире. Даже через 30 лет основу ее ВВСТ составляют системы, частично модернизированные, которые были на вооружении в те годы. Но и сегодня специфика отдельных ТВД и вероятных конфликтов присутствует очевидно в том числе и с точки зрения военно-технической. Например, в Арктике и на Южном Кавказе, или в Европе (степях Юго-Востока или болотах Белоруссии и Польши), где специфика ВВСТ и применения военной силы и силы вообще — разная.

Соответственно и акцент на том или ином аспекте развития военно-технической политики — разный. Если в первой части работы акцент делался на двух самых «верхних» уровнях — состоянии МО и ВПО, — то в этой части основное внимание будет уделено взаимовлиянию отношений на третьем уровне — состоянию стратегической обстановки и *ее детализации по отдельным направлениям и зонам, войнам и конфликтам, которые развиваются на последнем, «четвертом» уровне.* На рисунке они условно обозначены как состояние СО на отдельных ТВД и стратегических направлениях. В 2020 году, например, стало очевидным, что таких наиболее приоритетных стратегических направлений, формирующих уникальные СО, которые можно вычленить как несколько относительно автономных:

Во-первых, это Юго-Запад (Украина и Молдавия), где в 2020 году яснее обозначилось обострение отношений как с этими бывшими советскими республиками, так и стоящими за ними США и другими странами-членами НАТО.

Во-вторых, это Закавказье и Северный Кавказ.

474 По мнению Г.В. Трошева, в частности, исключительно важную роль в штурме Грозного сыграли старые советские минометы калибра 160 и 240 мм., созданные в 1946–1947 годах в Советской Армии.

В-третьих, это регион Центральной Азии и Среднего Востока.

В-четвертых, это Дальний Восток и новое правительство Японии, и растущая военная мощь США в Юго-Восточной Азии.

Наконец, **в-пятых,** это Арктика и особенно районы, примыкающие к Северному морскому пути.

Естественно, что для разных регионов требуются во многом разные ВВСТ как по своим ТТХ, так и качеству, и количеству. Их тактическое и оперативное значение иногда отличается, но в целом формирует особенности развития того или иного вида и рода войск на стратегическом и военно-политическом уровне, которые составляют военно-техническую политику страны. Так, решающее значение сил ВКН и ВКО известно, а роль ВМС и бронетанковых соединений на разных ТВД — в Арктике и на Дальнем Востоке — разная, но они присутствуют во всех районах.

С точки зрения использования силы в качестве внешнеполитического инструмента, можно отметить следующую особенность: чем выше уровень силового противоборства, например, «уровень» отношений в МО, тем *сильнее акцент на использовании силовых невоенных средств,* и наоборот: на самых нижних уровнях — СО, войн и конфликтов («третьем» и «четвертом») — ***растет значение военных силовых инструментов***. Соответственно и военно-техническая составляющая политики усиливается по мере «снижения» уровня конфликтности с политического на военный уровень.

Это говорит в пользу того, что принципиальные особенности развития будущих войн и военных конфликтов, в том числе их военно-технические особенности, можно прогнозировать в долгосрочной перспективе, основываясь на политическом и военном анализе. Они не появляются «вдруг», случайно, даже в тех случаях, когда не было видимых предпосылок. Такие предпосылки на самом деле были, но они не всегда обнаруживались своевременно. Поэтому в этом случае исключительно важен не только собственно военный, но и политический анализ, основанный на изучении экономических, социальных, исторических и культурологических аспектах развития субъекта и МО в целом. Так, слабый экономически в 50-е годы Китай делал акцент на сильную сухопутную армию,

а быстро продвигающийся в мире и развивающийся Китай нашего века — на ВМС, которые нужны для контроля транспортных морских коридоров.

В качестве исторической иллюстрации этой мысли можно привести пример анализа состояния МО и ВПО в Европе и положения России перед вторжением Наполеона в 1812 году, сделанного коллективом авторов МГИМО МИД РФ[475]. Отмечу, что эти оценки сформулированы с точки зрения иерархии на нескольких уровнях — на политическом, как конфликт сверхдержав во главе с Англией, на экономическом, военном и даже культурно-религиозном, и династическом. Главное то, что этот конфликт прогнозировался правительством и к нему готовились. В том числе и с военно-технической точки зрения. Более того, генеральным штабом России был разработан стратегический план отступления, как способа растягивания коммуникаций Наполеона.

Как видно из представленного выше рисунка, МО и ВПО **детерминируют появление, формирование и развитие СО и отдельных ее видов не только в стратегическом, но и оперативном плане.** Таким образом, важно всегда помнить, что СО, войны и конфликты как в глобальном плане, так и на отдельных ТВД являются *следствием, порождением политических международных конфликтов и, как следствие, развития ВПО, а не появляются «сами по себе» в результате случайностей и субъективных решений, которые субъективны только на самый первый взгляд.* Так, субъективные решения Гитлера, о негативных последствиях которых нередко говорили его генералы и чиновники, на самом деле были вполне обоснованными и логичными, которые зависели от внешних условий, когда Гитлер (по свидетельству В. Кейтеля) выжидал до самого крайнего момента, «сохраняя свободу рук».

Другая сторона взаимосвязи военно-технических аспектов безопасности и политики — зависимость результатов (политических и военных, т. е. МО и ВПО) от качества, количества ВВСТ и военного искусства, т. е. от СО. Это — традиционная зависимость. Пример

475 Россия и Европа. Эпоха наполеоновских войн. М.: «Р. Валент», 2012, сс. 129–138.

военного конфликта Армении и Азербайджана в сентябре-октябре 2020 года, когда БЛА Азербайджана нанесли огромный ущерб ВС Армении, — показателен. Конфликт в Карабахе уже назвали «войной дронов или новые боги войны». Основные потери стали нести те, кто не имеет в своем распоряжении большое количество беспилотников[476].

Кроме того, боевые действия становятся более бесчеловечными, потому как «дрону» наплевать кто перед ним — гражданский или военный.

Наконец, проблема риска использования живой силы для достижения политического результата, во многом сдерживающая политиков, совсем исчезает, как например, в атаке американских БЛА на генерала иранской армии Сулеймани. Эта проблема государственного терроризма, т. е. использования военно-технических средств для контроля и уничтожения оппонентов, в еще большей степени увеличивает политические возможности принуждения: тотальный контроль и угроза физического уничтожения представителей правящей элиты стали реальными возможностями в политике. Спектр таких силовых приемов очень широк — от угроз и запугивания, санкций и фальсификаций до физического демонстративного уничтожения, которое стало политической практикой с момента уничтожения четы Чаушеску в Румынии.

Развитие военно-технических средств в мире происходит на достаточно универсальных принципах, что не позволяет одному государству монополизировать технологические достижения. Это наглядно видно на примере качества ВВСТ России, США и КНР, а также Великобритании, Франции, Германии, Японии и целого ряда других стран. Россия в данном вопросе тоже не стоит на месте притом понимании, что Россия уже не может соревноваться по всем направлениям научно-технологического соперничества с США, что там, кстати, хорошо понимают, делая стратегическую ставку на технологическом соревновании.

476 *Подберезкин А.И.* Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. — 312 с.

Но пока это выгладит, как типичная субъективная недооценка, например, значения БПЛА, разработка которых в СССР опережала западные страны, но в результате свертывания работ привело к отставанию России от своих конкурентов. Как прежде, множество типов беспилотников от различных производителей пытаются свести от «универсальности» к специализированным платформам, которые будут создаваться исключительно под требования определенного заказчика. Все это ради экономии военного бюджета. Самый известный БЛА «Охотник» пока остается опытным образцом, на котором обкатываются технологии, который поступит в серию только через несколько лет.

Военно-политические последствия самого негативного плана для России, однако, уже наступили не только в Карабахе, но и в Сирии, как, впрочем, и политические: авторитет российских ВВСТ на рынках пошатнулся не только из-за отсутствия БПЛА, но и эффективных средств борьбы с ними. Таким образом, в очередной раз подтверждается не только определяющая роль политики, в т. ч. военной, для развития ВВСТ и военного искусства, но и взаимозависимость развития МО и ВПО от развития СО, хода и исхода войн и военных конфликтов.

2.1.г). Силовые средства внешней политики

Стереотипы не просто устойчивы,
они чрезвычайно живучи,
а часто даже неискоренимы[477].
И.М. Попов, М.М. Хамзатов

В новом столетии происходит радикальное по масштабам и «ассортименту» расширение спектра средств силового военного и невоенного воздействия, которые служат важнейшими инструмен-

477 *Попов И.М., Хамзатов М.М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. — 3-е изд., испр. — М.: Кучково поле, 2019,12 с.

тами внешней политики государств и коалиций, а также отдельных крупных акторов. Это происходит как в зависимости от того, какое место занимает тот или иной субъект в ВПО, так и от отношений между этими субъектами, чему в решающей степени способствует стремительное распространение технологий, в том числе военных.

Кроме того, происходит взаимная интеграция силовых военных и невоенных средств и методов их использования в политике, о чем говорил еще Бэзил Лиддел Гарт, имея ввиду тот обстоятельство, что ядерное оружие, например, «стимулирует и ускоряет возвращение к использованию непрямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведется разумно в отличие от грубого применения силы»[478].

Иными словами, силовые средства и меры становятся все более и более разнообразными, вытесняя порой традиционные средства и меры, как это произошло в последние 20 лет с политикой экономических и иных санкций и использованием социальных сетей.

Как уже говорилось в предыдущем разделе, вся система МО-ВПО формируется на разных уровнях, которым должны соответствовать разные средства и меры силового воздействия, а также разные способы их использования. Грубо говоря, политическому уровню очень редко могут соответствовать военные средства и способы, исключая, естественно, политико-психологическую форму использования СЯС (эксплицитный или имплицитный шантаж, или угрозы), а на уровне локального военного конфликта приоритет неизбежно будет, как минимум какое-то время, отдаваться военным средствам, которые используются в соответствии со своими знаниями и опытом.

Именно опыт и военная теория становятся в условиях военных действий решающим фактором. В военной истории мы знаем множество примеров того, как этот опыт играл как положительную, так и отрицательную роль. Так, Наполеон долгое время игнорировал значение стрелкового боя, отдавая исключительный приоритет артиллерии, а тактическое обучение командиров французской армии

478 *Лиддл Гарт, Бэзил*. Стратегия непрямых действий. — М.: АСТ, 2018, с.14.

основывалось практически только на опыте революционных войн, что привело к гибели еще до 1809 года лучших солдат.

Главные субъекты формирования МО и ВПО — государства, которые, как правило, формируют свою политику, исходя из национальных и государственных интересов и системы ценностей. Они крайне редко, почти никогда, не совпадают с интересами и ценностями других государств, что в итоге ведет к непрекращающейся борьбе между государствами и их коалициями в мире. Эта борьба ведется при помощи силовых средств и мер, которые, как уже говорилось, составляют очень широкий спектр сил и средств силовой политики. Других, не силовых средств и мер, внешнего влияния на суверенные государства нет. Даже те меры, которые связаны с мерами убеждения, воспитания, агитации и т. п., в конечном счете, становятся силовыми мерами и средствами.

Таким образом, ключевой проблемой военной политики России и ее политики безопасности в целом, включая военно-техническую политику, как известно, является определение ***наиболее эффективных средств и способов силового применения инструментов внешней политики и выбор их с точки зрения дальнейшего развития и формирования необходимых запасов,*** при том понимании, что все они делятся (впрочем, достаточно условно) на три группы, оценка которых и является предметом исследования[479]:

Во-первых, **военных силовых средств и способов** («hard power») применения военной силы, т. е. собственно эффективности военно-технической политики государства, прежде всего, ВВСТ, которые могут, в свою очередь, реализовываться в трех формах:

— прямой, военной, «со стрельбой»;
— косвенной (эксплицитной), «без стрельбы», когда военная сила применяется в качестве *прямой угрозы*;
— косвенной (имплицитной), когда угроза не применяется, но подразумевается.

479 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн..: Публичная дипломатия. Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017, сс. 36–53.

Как видно из предложенного разделения военно-технических средств и способов, их применение представляет собой самые разные области политического и военного искусства — от военной тактики, оперативного искусства и стратегии до политического и дипломатического искусства, которое иногда не предполагает даже собственно применения угрозы, исходя из того, что потенциальный противник просто-напросто понимает, что само по себе наличие средств (например, ядерных или ПВО) исключает применение против него военной силы, либо имеет опасные последствия.

Классический пример — угроза Н.С. Хрущева в отношении Англии и Франции в 1956 году во время Суэцкого кризиса, предполагающая возможность использования ЯО (хотя прямо эта угроза и не прозвучала). В настоящее время КНДР использует эту форму применения военной силы в отношении возможной агрессии против нее со стороны Республики Корея и США.

В настоящее время эта форма активно используется Россией в политике «ядерного сдерживания», являясь **основным средством силового противоборства. Именно за счет ЯО мы компенсируем относительное отставание и слабость в других формах силового противоборства.**

Во-вторых, важной группой силовых средств и мер выступает группа **невоенных сил** и средств — применения «мягкой силы» («soft power»), предполагающее, в конечном счете, силовую политику девальвацию национальных ценностей и интересов и замену системы ценностей и национальной идентичности оппонента своей системой ценностей и нормами, а также правилами, которые фактически навязываются другой стороне. Эти ценности — фундамент идентичности и суверенитета, против которого всегда борются оппоненты.

Иногда сознательно создается видимость того, что это не силовые средства, а «гуманитарная помощь», что облегчает их применение. Так, например, был разрушен СЭВ и СССР.

Эта группа сил и средств силовой политики, как правило, недооценивается. Во всяком случае до тех пор, пока угроза их примене-

ния не становится очевидной и крайне опасной[480]. Более того, некоторые государства (как СССР и Россия на рубеже 90-х годов) сами активно помогают в использовании против них этих средств и методов. Их эффективное применение может принципиально поменять не только базовые представления правящей элиты, но и значительной части общества на систему национальных интересов и ценностей, что, в свою очередь, ведет к более радикальному поражению чем даже политический проигрыш.

Более того, последствия использования таких средств ощущаются длительное время. Так, насаждение русофобии и вестернизация общественного сознания в СССР и России ощущается в настоящее время в значительной части общества и в его правящей элите, что самым негативным образом сказывается на эффективности политики развития и безопасности. В России, надо признать, созданы самые благоприятные условия для действий иностранных НКО и их отдельных представителей, которые инкорпорированы в структуры государственной и общественной власти[481]. Те немногие меры, которые предпринимаются против этих сил и средств, трудно назвать эффективными.

В-третьих, большая и все более активно используемая группа силовых средств и мер — также **невоенных сил** и средств — использование «силы принуждения» (the «power to coerce») — широкий спектр политико-дипломатических, экономических, информационных и иных невоенных средств, и мер, используемых широко в отношении СССР и России. Особенно в последние годы со стороны стран ЕС и США. Типичный пример — политико-административное, экономическое и информационное давление США на Германию и других европейских союзников в отношении «Северного потока — 2», или свертывания активности ведущего немецкого банка в России —

480 *Подберезкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн..: Публичная дипломатия. Теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017, сс. 36–53

481 Так, бывший представитель фонда Сороса возглавляет Совет по международным делам при МИД РФ.

Deutsche Bank, — который получил «рекомендацию покинуть российский рынок»[482].

Как правило, для силового давления используются все эти средства и меры *одновременно, но в разных пропорциях в разное время и в разном месте в зависимости от целого ряда условий*. Так, в Афганистане в 2001 году США использовали преимущественно «силу принуждения», буквально забрасывая деньгами противников и союзников, а собственно военная сила была ограничена применением стратегической авиации с использованием ВТО и всего лишь нескольких сот человек из сил специальных операций (ССО).

В Ираке в 2003 году, наоборот, той же американской администрацией приоритет был отдан грубой военной силе, хотя и остальные силовые инструменты использовались широко[483].

Против России используются, прежде всего, «мягкая сила» и «сила принуждения», а «жесткая сила» предназначена для создания для этих двух групп силовой политики максимально благоприятных условий «поддержки». Естественно, что силовое противоборство и сценарии формирования ВПО и СО, конкретные войны и конфликты во многом зависят от того, *какие именно* силовые инструменты внешней политики — средства и силы — и в *каких пропорциях* используются. Собственно говоря, современная военная политика сводится к выбору (формированию) такого «силового набора» сил и средств.

И, наоборот, подготовка противодействию такому силовому воздействию, т. е. наиболее вероятному развитию тех или иных войн, конфликтов, их конечной эволюции в СО и ВПО во многом предопределяется именно выбором тех или иных средств и мер эффективного *силового противоборства*. Это означает, что при разра-

482 Американские наблюдатели рекомендовали Deutsche Bank покинуть российский рынок / The Wall Street Journal, 22/11/2020.

483 Примечательно, что, по признанию бывшего в то время директором ЦРУ Дж. Тенета, даже ему так и не было ясно до конца почему основные полномочия были переданы военным. Я думаю, что за этим решением стояло намерение продемонстрировать публично готовность США к крупным военным операциям на территории удаленных ТВД.

ботке военной политики **нельзя ограничиваться только выбором военно-технических средств и мер силовой борьбы**. В комплексе должны использоваться и все другие группы силовых средств и способов противоборства. Иными словами, военная политика должна иметь более широкое — военное и невоенное — измерение с точки зрения разработки сил и средств силового противодействия. В том числе и в нетрадиционных областях. Не случайно, например, в военном бюджете США планируются средства для проведения санкционной политики в отношении России, а также создания широкой сети информационно-сетевых региональных ресурсов и сил специальных психологических операций.

Таким образом, изначально политически проблема заключается в **выборе тех или иных, наиболее эффективных, силовых инструментов в интересах внешней политики**, а не прямое и грубое использование только военной силы, а лишь затем — выборе военно-технических средств и мер.

2.1.д). Военно-технические средства и меры: современное значение и место в политике государств

Значение тех или иных систем ВВСТ для формирования СО, ВПО и МО известно и вполне очевидно, но проблемка зачастую возникает тогда, когда это значение оценивается не точно, либо вообще, не правильно. Как это произошло, например, с переоценкой значения БПЛА в военном конфликте в Нагорном Карабахе. Чешское издание CZDefence, например, полагая, что «Азербайджан имеет неоспоримое качественное военное превосходство», попыталось оценить итоги войны в ключе модернизации собственной армии. В первую очередь доминирование Баку было заметно при применении БПЛА, которые были представлены тремя типами: исключительно разведывательные (такие как IAI Heron, Elbit Hermes или Aeronautics Orbiter), одноразовые атакующие «дроны-камикадзе» (к примеру, IAI Harop или Elbit SkyStriker) и, наконец, беспилот-

ники с высокоточными боеприпасами (особенно Bayraktar TB2), на которые пришлась значительная доля уничтоженных войск».

Но, вероятно, наибольшая доля армянских потерь, как и в чеченском конфликте, среди техники и личного состава приходится на азербайджанскую артиллерию[484]. «Когда мы говорим о БПЛА, наибольшее тактическое значение имеют разведывательные, а не ударные беспилотники», — считает CZDefence, указывая, что они позволяют командиру контролировать ситуацию на поле боя в режиме, близком к реальному времени, выявлять вражеские позиции и вести прицельный артиллерийский огонь. Как пишет издание, как раз в этом ключе чешской армии необходимо выстраивать закупочную программу: в первую очередь должны приобретаться разведчики, а затем уже дроны прочих категорий. Одновременно должна быть усилена ПВО, которую следует оснащать системами типа C-UAS, снаряженными оборудованием для обнаружения, отслеживания (в различных диапазонах) и уничтожения или глушения БПЛА.

Вслед за украинским ТВД, артиллерия продемонстрировала в Карабахе свои преимущества. Однако она сводится не только к стволам, но и к системам сопровождения целей и управления огнем — то, чем обладали «сепаратисты Донбасса и вооруженные силы Азербайджана» в отличие от Киева и Армении. Сюда относятся как беспилотники, так и артиллерийские радары или системы пассивной радиоэлектронной разведки. Собственно, к стволам, как отмечает CZDefence, должны предъявляться требования по скорострельности и мобильности, которыми, к примеру, обладают колесные САУ CAESAR и DANA (при условии проведения их модернизации)

Абсолютизация значения военно-технической политики[485] — качества вооружений (ВВСТ) и количества вооруженных сил —

484 «Философия советской бронетехники потерпела неудачу»: в Чехии оценили итоги Карабахской кампании // Военное обозрение, 13 декабря 2020 г.

485 **Военно-техническая политика** — *зд.*: система взглядов и мер, реализуемая ФОИВ, в целях военно-технического обеспечения национальной безопасности государства. См., например: Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях. Монография. Под общ. ред. проф. *С.Ф. Викулова*. М.: АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2020, с. 223.

в обеспечении безопасности государства и решении его внешнеполитических задач военными средствами не только не соответствует современным реалиям, но и мешает адекватному пониманию максимально эффективного использования военной силы. Существующее мнение о том, что качество вооружений и численность армий предопределяет военные результаты, неоднократно не подтверждалось военной историей. Еще в 730 году в битве при Пуатье, когда решался вопрос о будущем не только Франции, но и всей Европы, огромная по тем временам армия арабов (численностью в 25–30 тыс. человек) была разбита франкскими ополченцами и конницей аристократов, насчитывавшими не более 10 тысяч человек, чье вооружение, особенно луки и мечи, существенно уступали арабским. Франкское родовое ополчение того времени представляло собой иррегулярные части, призываемые королем франков на непродолжительное время военных походов. По сути, это были выборные граждане, которые, имея свое оружие или вооруженные общиной, выставлялись по призыву от поселения. Основным их вооружением было копье длиной от 190 до 240 см со сравнительно небольшим листовидным наконечником и большой круглый деревянный щит, обеспечивающий достаточную защиту от лучного обстрела, а также от ударов в ближнем бою.

У франкской конницы не было «таранных» копий и, как правило, достаточного количества мечей (которые в то время были слишком дороги), поэтому ударная сила кавалерии тех лет существенно уступала той мощи, которая в будущем будет у рыцарской конницы. Тем не менее арабы были разбиты, а южная часть Франции и Европы спасены, что явилось в итоге суммой ряда причин, которые перевесили качество вооружений и численность вооруженных сил.

В настоящее время иногда складывается мнение, что усилия России по созданию новейших ВВСТ, о которых часто говорит В.В. Путин, — имеют исключительное значение в обеспечении безопасности России. И не только военной, но и в более широком ее понимании. Сразу оговорюсь, что сами по себе новейшие образцы ВВСТ ничего не могут обеспечить с точки зрения военной безопасности: эффективность военной силы зависит не от нескольких

образцов, а от тех воинских соединений, которые имеют их на вооружении и используют в боевых действиях. Так, наличие в войсках нескольких танков Т-14 или самолетов СУ-57 в 2020 году, значит очень мало. Особенно в «переходный период», когда меняется качественно соотношение сил. Для того, чтобы это отразилось на возможностях ВС необходимо иметь хотя бы полки таких вооружений[486]. Другими словами, военно-технический потенциал приобретает реальное значение только после того, как его новейшие образцы начинают поступать массово в войска и использоваться там в сочетании с другими образцами ВВСТ.

Более того, нередко соревнование между отдельными представителями ОПК и видами ВС СССР и России в создании наиболее эффективных образцов ВВСТ приводили к одновременной работе над похожими по своим ТТД образцами и даже их поступлением на вооружение. Так, близкие по своим качествам танки Т-64, Т-72 и Т-80, а также самолеты появились в СССР практически одновременно и сохранились в ВС РФ до настоящего времени.

Надо напомнить, что начатые с конца 80-х годов попытки создания и реализации долгосрочных программ вооружений СССР и позже РФ (в частности, ГПВ–2005) оказались не реализованы в силу начавшегося в стране хаоса и развала экономики, как и две последующие ГПВ (ГПВ-2025 и ГПВ на 2018–2027 гг.)[487].

В современной политике России существовало уже несколько вариантов военного строительства, которые оформлялись в качестве Государственного оборонного заказа на 5 лет и являлись частью более общего Плана обороны страны на 10 лет. Очередной План обороны России на 2021–2025. годы, например, был утвержден В.В. Путиным в ноябре 2020 года[488].

---

486 *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.) // Обозреватель, 2019, № 4, сс. 18–27.

487 См. подробнее: Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях. Монография. Под общ. ред. проф. *С.Ф. Викулова*. М.: АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2020, с. 250–270.

488 *Путин В.В.* Указ Президента РФ № 704 от 13 ноября 2020 г. «О Плане обороны на 2021–2025 гг.».

План обороны РФ на 2021–2025 годы обозначает потенциальные риски и угрозы безопасности государства, определяет направления развития Вооруженных сил России, реализацию программ вооружения, а также вопросы мобилизационной подготовки и территориальной обороны. Данный Указ Президента запустит целый ряд процессов военного планирования, так как за последние годы геополитическая ситуация изменилась, российским Вооруженным силам брошены новые вызовы. Ранее утвержденная Военная Доктрина России, как считается, заканчивает свое действие.

Напомню, что в этом варианте Военной доктрины учитываются фактически утратившие свою силу нормативные документы: основные положения Военной доктрины Российской Федерации 2000 года, Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, а также соответствующие положения Концепции внешней политики Российской Федерации 2008 года и Морской доктрины Российской Федерации на период до 2020 года.

В 2020 году завершается третий этап реформирования Вооруженных сил России, который длится с 2008 года, поэтому перед армией будут поставлены новые задачи и с 2021 года мы узнаем какие именно.

2021 год окажется для военнослужащих годом отсчета, с которого начнутся очередные масштабные преобразования. Естественно, что в основе этого секретного плана лежит некая новая стратегия военно-технической политики, которая задает самые общие рамки, которые становятся условиями формирования такой политики, например, объемы финансирования, сроки, приоритеты тех или иных видов и систем ВВСТ, видов и родов войск и т. д. По аналогии с предыдущей военно-технической стратегией плана обороны России до 2020 года она может представлять собой следующие основные направления, исходя из возможных угроз, например, с Запада и Юго-Запада.

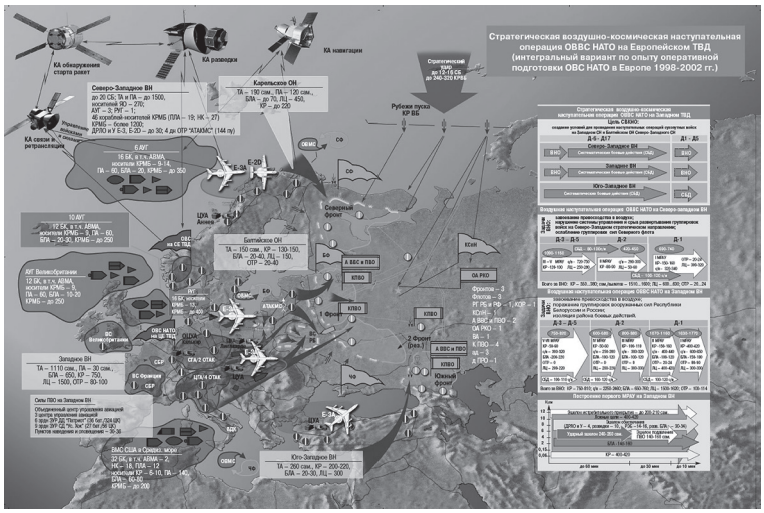

Рис. 19.

В самом простом виде эффективность такой военно-технической стратегии выглядит как способность обеспечить военную силу государства такими ВВСТ и другими силовыми невоенными средствами[489], которые максимально дешевы и наиболее эффективны с точки зрения их создания, обслуживания, модернизации и хранения[490]. Действительно, «При отсутствии стратегии браться за решение любой проблемы или ставить перед собой какую-либо цель просто неразумно. Ни одна военная операция, инвестиционный план или правительственная инициатива не получит одобрения, если не будет подкреплена достойной стратегией»[491], — справедливо пишет один из современных теоретиков стратегической мысли Лоуренс Фридман.

489 Силовые невоенные средства политики в последние десятилетия стали играть исключительно важную роль, компенсируя использование военных средств, а нередко и вообще исключая их применение.

490 Так, например, создание самолетов пятого поколения Ф-22 и Ф-35 в США стоило десятки миллиардов, но их эксплуатация, ремонт, содержание и использование было существенно недооценено, что привело к значительным трудностям в их финансировании.

491 *Фридман Л.* Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018, с. 7.

Именно стратегия, как совокупность представлений о целях — средствах и способах, — ресурсах и действиях[492], — лежит в основе военной политики вообще и военно-технической политики, в частности, но изначально сама эта стратегия зависит во многом от внешних условий, в которых существует тот или иной субъект ВПО. Эти условия могут быть как благоприятными, способствующими развитию государства и общества, так и неблагоприятными или даже откровенно враждебными, требующими сверх усилий для сохранения суверенитета и национальной идентичности. Диапазон таких внешних условий в ряде случаев может быть очень широк и нередко зависит *не только от объективных реалий, но и субъективных оценок этих реалий правящей элитой* того или иного субъекта ВПО.

Естественно, что формированию такой стратегии посвящаются работы самого широкого профиля — от глобальных прогнозов развития МО и ВПО[493] до теоретических исследований в области военной экономики и военно-технической политики[494].

Конкретный пример последней войны в Карабахе. Как считают, например, некоторые специалисты, Армения могла бы лучше использовать даже те скромные ресурсы, которые у нее были[495]:

1. На истребители Су-30СМ было потрачено не менее 120 млн. долларов. Не отрицаем, что это хорошее вооружение, но это не

492 **Стратеги**я — *зд.* в общем виде представляет собой систему взглядов о наиболее эффективных средствах и способах достижения конечной политической цели в минимальные сроки и при минимальных затратах ресурсов.

493 Первые попытки таких исследований были сделаны мною и моими коллегами в период 2014–2019 годов, хотя на Западе и в СССР существовали достаточно известные школы международного прогнозирования. См., например: *Подберезкин А.И.* Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года. М.: МГИМО-Университет МИД РФ, 2015. 325 с.

494 См, например, работы авторов 46 ЦНИИ МО, в частности: Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях. Монография. Под общ. ред. проф. *С.Ф. Викулова*. М.: АПВЭ и Ф, «Канцлер», 2020, 438 с.

495 Источник: https://kadara.ru/nagornyj-karabah/200521-pro-otsutstvii-korrupczii-i razgildyajstva-karabah-mozhno-bylo-sdelatnepristupnym/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

было приоритетом, так как в армии было очень много насущных проблем. Закупкой истребителей заняться можно было только перевооружив все остальное. Но раз уж купили самолеты, изучите хотя-бы какое вооружение для него надо закупить. Су-30СМ с крылатыми ракетами BrahMos хоть бы могли поучаствовать в войне.

2. 100 млн. долларов из освободившегося бюджета надо было пустить на закупки широкой линейки китайских (не обязательно, но самый очевидный поставщик) БПЛА. Для примера, избыточный (очень большой боевой радиус и грузоподъемность) для Армении тяжелый ударный беспилотник Wing Loong 2 стоит всего 1–2 млн. долларов. В реальности, модели сравнимые с «Барактаром» (китайские CH-3 или CH-4) стоят еще дешевле. За 30 таких дронов с вооружением пришлось бы заплатить не более 30–40 млн. Остальные деньги пошли бы на закупку сотен барражирующих боеприпасов (например, CH-902) и различных разведывательных аппаратов.
3. 20 млн. долларов из освободившегося бюджета можно было потратить на закупку около 300 корректируемых по лазерному лучу артиллерийских боеприпасов (и это по официальной экспортной цене, а не по линии ОДКБ), таких как 152-мм «Краснополь-М». В комплексе с разведывательным БПЛА, вооруженным лазерным целеуказателем, такие снаряды становятся страшным оружием для противника, позволяя артиллерии поражать любые цели с 1–2 выстрелов.
4. Вместо траты 30 млн. долларов на 35 единиц мусорных «Оса-АК» из Иордании (абсолютно коррупционная сделка, реальная стоимость машин составляет примерно 6–7 млн. долларов), надо было приобрести еще некоторое количество зенитных ракетных комплексов «Тор-М2», которые ожидаемо в отличие от «Ос» оказались очень эффективны против БПЛА.
5. Еще 3–3,5 млн. было потрачено на закупку бессмысленных морально устаревших югославских зенитных орудий калибра 20-мм М-55. Очередная «распильная» закупка. Использовав эти средства и добавив к ним достаточно ограниченный бюджет можно

было «поставить на колеса» десятки единиц, буксируемых 122-мм орудий Д-30, повысив мобильность войск. Подобный пакет модернизации существует в ряде стран, например, в Сербии. Необходимо было сразу же решать системные вопросы ВС Армении. Вместо того, чтобы назначать известного коррупционера Давида Тонояна на этот пост, надо было провести переаттестацию офицерского состава ВС Армении с привлечением иностранных военных советников. По итогам необходимо было уволить наиболее профнепригодных личностей, а остальных назначить на более подходящие к их уровню должности, а также в течение 6–12 месяцев провести переподготовку. Следствием стал бы иной интеллектуальный уровень командования. Изменение громоздкой структуры ВС. Создание автономных батальонных тактических групп. Создание Сил специальных операций.

6. Полный пересмотр оборонительной инфраструктуры на линии соприкосновения и в тылу. По нормативам, на возведение качественных и современных фортификаций требующейся протяженности необходимо около 6 недель. У Армении было 2,5 года. Даже за год Арцах мог стать крепостью из бетонных бункеров и огневых точек, широкой сети подземных ходов с ложными входами и выходами и др. А там даже нормальных минных полей не оказалось в глубине. Об адекватной маскировке и вовсе не было речи — ребят расстреливали как на полигоне. Все перечисленное стоило мизерных средств. Этот список можно продолжать бесконечно, но все дальнейшие пункты будут также осуществимы за 2,5 года и будут стоить небольших средств.

Между тем стоимость закупок ВВСТ можно себе представить, если только предположить объемы закупаемых ВВСТ.

К концу текущего десятилетия на вооружении у российской армии будет новая самоходная реактивная система залпового огня «Торнадо-С» — крупнокалиберная платформа, которая вытеснит более старые системы. Несмотря на их возраст, российская армия продолжает использовать устаревшие самоходные реактивные системы залпового огня БМ-27 «Ураган», которые советская армия

Рис. 20.

приняла на вооружение еще в конце 1970-х годов, а также реактивные системы залпового огня БМ-30 «Смерч», принятые на вооружение в конце 1980-х годов. Согласно планам, обе эти платформы будут сняты с вооружения к концу 2027 года.

Как передает агентство ТАСС, об этом было объявлено накануне Дня ракетных войск и артиллерии, который отмечается в России 19 ноября. «Плановое перевооружение реактивных артиллерийских подразделений на современные реактивные системы залпового огня семейства «Торнадо» продолжается», — рассказал в своем интервью газете «Красная звезда» начальник ракетных войск и артиллерии Вооруженных сил России генерал-лейтенант Михаил Матвеевский. «К исходу 2027 года РСЗО крупного калибра «Торнадо-С», обладающая повышенными характеристиками и расширенной номенклатурой реактивных снарядов, практически полностью заменит существующие РСЗО «Смерч» и устаревшие системы «Ураган», а РСЗО среднего калибра «Торнадо-Г»,

обладающая автоматизированной системой наведения на цель, заменит устаревшие РСЗО «Град»», — добавил он.

Кроме того, российские артиллерийские войска постепенно получают модернизированные самоходные гаубицы 2С19М2 «Мста-СМ» с улучшенной автоматизированной системой управления огнем, которая обеспечивает «интеграцию в единую систему управления тактического звена», как сказал генерал-лейтенант Матвеевский. «Для войсковой эксплуатации в соединение Западного военного округа поступили межвидовые артиллерийские комплексы «Коалиция-СВ». Этот комплекс уникален. В нем создано беспилотное боевое отделение, а процессы наведения и зарядки орудия осуществляются автоматически без участия человека».

Матвеевский также добавил, что с 2012 года России удалось существенно повысить уровень оснащенности современным оружием с 25% до 60%. Последняя партия ракетных комплексов «Торнадо-Г» поступила в российские войска в ноябре 2019 года. В 2020 году этих систем в войска не поступало.

2.1.е). Национальная безопасность и военно-техническая политика

Процесс выбора тех или иных ВВСТ, как и вся военно-техническая политика, находятся в рамках более широкого политико-экономического, социального и международного контекста социально-экономического развития нации и укрепления безопасности государства, от которого не могут абстрагироваться при подготовке тех или иных решений как по причине внешних условий, так и экономических, научно-технологических, социальных и иных реалий.

Прежде всего, необходимо отметить, что будущая Стратегия национальной безопасности в новой редакции будет отражать произошедшие **субъективные изменения в сознании правящей элиты** России, которая мучительно долго избавлялась от наивных представлений о национальной безопасности, привыкая к новым международным реалиям второго десятилетия XXI века. Преж-

ние представления периода М. Горбачева — Б. Ельцина о состоянии МО и ВПО уже устарели, а новые очень медленно пробивали себе дорогу по мере изменения оценок В.В. Путина, который тоже не спешил давать негативные оценки происходившим кризисным явлениям.

Между тем, новые идеи и концепции, наиболее актуальные после событий 2008 и 2014 годов, когда Запад перестал скрывать свои намерения в отношении России и перешел к откровенному шантажу, естественно, стали проявляться и были зафиксированы в ряде документов, прежде всего, в новой редакции Стратегии национальной безопасности России от 31 декабря 2015 года, Концепции внешней политики России и Военной доктрине России.

Их особенностью стал осторожный отход от оценки западных стран-членов коалиции как «партнеров» и даже союзников в реальность потенциальных противников. Для этого потребовались новые идеи и концепции, которых практически не было. Поэтому обратились к классикам. Вспомнили, что «Чтобы покончить с идейной тяжеловесностью, нужна идейная гимнастика. Одной из основных ее форм является изучение классиков стратегической мысли»[496], — писал выдающийся военный теоретик А.А. Свечин. Особенно это необходимо, когда, как во втором десятилетии нового века, возникают новые политические, практические и теоретические проблемы, которые не были описаны прежде. В нашем случае, в периоде с конца 80-х годов по начало 2000-х годов.

Именно так обстоят дела сегодня: новое состояние ВПО в мире требует от России качественно новой политической стратегии, которая невозможна без теоретического и методологического анализа[497]. В том числе и внешних условиий развития России и обеспечения ее безопасности. В частности, обсуждая новую стратегию

496 *Свечин А.* Методы стратегического мышления // В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: ИД «Финансовый контроль», 2013, с. 27.

497 Одной из редких и удачных современных попыток такого анализа стала работа ученых ЦНИИ № 46 МО РФ. См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. М.: «Граница», 2018. 512 с.

национальной безопасности (далее — Стратегия), необходимо исходить из целого ряда объективных предположений и оценок, которые обусловливают ее формирование.

Первая установка строится на том, что теоретически, новая стратегия национальной безопасности является не просто результатом очередной переоценки вызовов и угроз России, а *результатом переоценки взаимодействия* **нескольких групп важнейших факторов** — как объективных, так и субъективных, — которые задают для нее самые общие рамки и условия: политические, экономические, исторические и иные.

В самом общем, теоретическом, виде они уже рассматривались в начале работы, когда речь шла о формировании и развитии того или иного сценария МО и ВПО. В нашем случае важно подчеркнуть, что Стратегия не придумывается кем-то в кабинетной тиши. Она — результат творческой работы, сплава науки, искусства, интуиции и опыта коллектива людей, которые *опираются на объективные реалии*. В самом общем виде и достаточно лаконично этот процесс можно представить следующим образом:

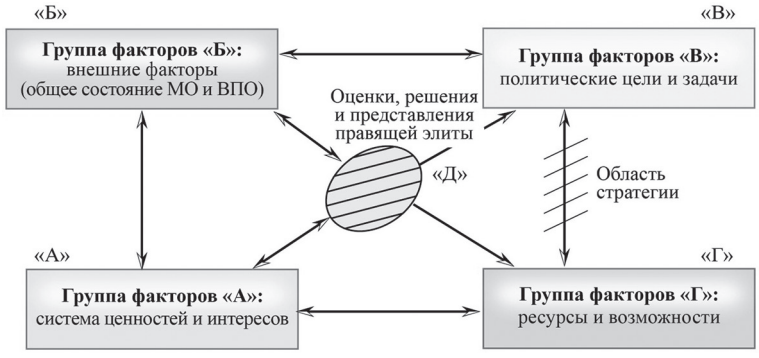

Рис. 21. Модель политического процесса
абстрактного субъекта (актора) МО-ВПО[498]

498 *Подберезкин А., Крылов С.* Политика, война и международная безопасность в XXI век // Обозреватель, 2019, № 10, сс. 26–27.

Таким образом, Стратегия — как процесс, обозначенный на рисунке взаимодействия трех групп факторов — «Г» — «В» и «Д» является результатом развития как всех групп факторов, так и эволюцией (в нашем случае, даже революционных изменений) в отношениях между ними.

В самом общем виде предложенная модель означает несколько *допущений*. В частности, как видно из рисунка, «**Область стратегии» — «Г» — «В»** — на рисунке размещена между группами факторов «цели и задачи» («Группа факторов В») политики группой «ресурсы и возможности»[499] (Группа факторов Г»), которые:

— **во-первых**, находятся под субъективным влиянием представлений правящей элиты и экспертов («Группа факторов Д»);
— **во-вторых,** «Группа В» зависит во многом от состояния МО и ВПО («Группы факторов Б»);
— **в-третьих,** «Группа Г» зависит от существующей системы ценностей и интересов нации и государства, т. е. «Группы А», которые выделяются в виде ресурсов и иных возможностей в политических целях в самых разных пропорциях[500];
— **в-четвертых**, как видно из предлагаемой модели, в самой основе политического курса правящей элиты и будущей Стратегии находится «Группа факторов А», в которой объединены (национальные, государственные социальные, групповые и пр.) интересы и ценности, среди которых доминирующее влияние имеют национальные и государственные интересы и ценности[501].

499 Кстати, эта классическая формула повторяется в качестве главной задачи, стоящей, по мнению А.А. Свечина, «перед искусством вождя»: «усмотреть цель» и «указать путь ее достижения». См.: *Свечин А.* Методы стратегического мышления // В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: ИД «Финансовый контроль», 2013, с. 19.

500 Так, например, целый ряд государств выделяет менее 1% ВВП на оборону, а некоторые государства — более 30%, что и формирует в основном ресурс военной политики страны.

501 В реальной политике так происходит не всегда: на некоторое время могут доминировать личные и групповые интересы и ценности, как, например, при М. Горбачеве и Б. Ельцине.

Таким образом, Стратегия — **производная сущность**, объективная реальность, от прямого взаимодействия нескольких групп объективных факторов, с одной стороны, и ***субъективных представлений, оценок и воль***, представителей правящей элиты, формирующих ВПО, с другой. В военном искусстве, как известно, эти качества имеют исключительно важное значение. Так, в отношении бывшего российского главнокомандующего А.Н Куропаткина, бесславно руководившего в период русско-японской войны российской армией, как известно, говорил Михаил Скобелев, — талантливый военачальник периода Русско-турецкой войны, своего рода «учитель» Куропаткина: «Помни, что ты хорош на вторые роли. Упаси тебя Бог когда-нибудь взять на себя роль главного начальника; тебе не хватает решимости и твердости воли… Какой бы великолепный план ты ни разработал, ты никогда его не сумеешь довести до конца...».

Для того чтобы лучше понять процесс ее формирования необходимо, как минимум, адекватно оценить:

— во-первых, политические цели, как субъективные представления правящих элит;
— во-вторых, ресурсы нации, которые имеют как объективные характеристики, так и субъективные оценки;
— в-третьих, субъективные решения правящей элиты относительно первого и второго.

К 2020 году в России формально сложилась нормативная модель Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, последняя редакция которой была утверждена 31 декабря 2015 года Президентом России В.В. Путиным[502].

Главный принцип, декларируемый (но не реализованный) в Стратегии, — сочетание задач социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности в единой стратегии, которое существует достаточно формально. У этой Стратегии достаточно много слабых мест, включая самое главное — отсутствие по-

502 *Путин В.В.* Указ Президента Российской Федерации № 683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

литико-идеологического и ценностного обеспечения, которое только отчасти компенсировалось поправками в Конституцию 2020 года. Не вполне ясны и приоритеты, принципы их формирования, и средства их достижения, и, главное, — долгосрочные цели национального развития. В целом эта Стратегия лишь отчасти соответствует этапу «Восстановления» нации и государства, как о нем писал еще Г.В. Вернадский[503]. В частности, оценивая в 2020 году состояние России как государства и нации, невольно проводишь параллель с периодом мучительного выхода из кризиса нашей страны после «Смутного времени» начала XVII века, когда первый царь Алексей Романов, которого привели к власти помимо его воли в юношеском возрасте, столкнулся с разграбленной, нищей, оккупированной во многих районах, потерявшей свои богатства и земли Россией, и был вынужден несколько десятилетий медленно, по крупицам восстанавливать государство и нацию. Вполне, добиться этого удалось только его сыну — царю Алексею Михайловичу, через 35–40 лет.

Аналогия с сегодняшним временем достаточно полная: в 2020 году, как и после 1613 года приходится не только сталкиваться, как писал русский историк С.М. Соловьев, «Со страшным опытом, когда люди Московского государства научились, что значит рознь и шалость, *развязывающие руки ворам*»[504]. Очень точно этот период назвал историк Г.В. Вернадский «Борьбой национального правительства за выживание (1613–1618 гг.)», который перешел в период «Восстановления», продолжавшийся, по его мнению, с 1619 по 1654 годы[505]. По аналогии с современным правлением В.В. Путина можно было бы отнести его первый срок (2000–2008 гг.) также как «борьба за выживание», а последующие годы — «периодом восстановления», который, как и в XVII веке, должен продолжаться … более 30 лет?

Прошедшие 30 лет «реформ» убедительно доказали крайне низкую эффективность не только стратегий правящей элиты, но и **самой**

503 *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. М.: Эксмо, 2014. 608 с., сс. 435–447.
504 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2015. 1035 с., с. 315.
505 *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. М.: Эксмо, 2014. 608 с., сс. 435–447.

парадигмы, которая легла в основу посткоммунистической модели развития нации и государства. Нарастающее социально-экономическое отставание России и постсоветских государств от большинства мировых держав, периодически вспыхивающие конфликты и социальные перевороты, отсутствие перспектив и общих целей — все это свидетельствует о том, что реализуемая политика в лучшем случае пассивно содействует медленному выздоровлению после хаоса 90-х годов. По большинству объективных показателей Россия увеличила свой ВВП за последние 30 лет максимум на 10%, в то время как передовые развитые и развивающиеся страны — на 250–300%. Со 2–3 места в мире в 1990 году мы опустились до 7–10 в 2020, но если тенденция продлится, то к 2025 году мы перейдем в четвертый десяток государств.

2.2. Влияние развития мер и средств силового противоборства на современный сценарий военно-политической обстановки

Как уже не раз говорилось выше, целью этой работы является анализ взаимосвязи и взаимовлияния развития ВПО и СО, т.е. военно-политических решений и изменений, с одной стороны, и изменений в мерах и средствах ведения силовой вооруженной и не вооруженной борьбы, — с другой. Напомню общую логику развития вариантов сценария ВПО на перспективу 5-10 лет, изложенную в первой части работы. Она, повторю, опирается на метод дедукции. В данном случае развития миропорядка и взаимоотношений между основными субъектами и акторами в том или ином сценарии МО, которое трансформируется в развитие того или иного сценария и его конкретного варианта ВПО.

В рассматриваемый «переходный период», т.е. в период преодоления «зоны бифуркации» в 2021–2025 годах, это — **«Вариант № 2» — «Усиление военно-силового противоборства», который с наибольшей вероятностью трансформируется в «Вариант № 2.2» — «Войны и военные конфликты на отдельных ТВД»**. Этот вариант, в свою очередь, реализовывается в вероятном формировании *нескольких десятках конкретных СО на ТВД, в самых разных регионах и странах*. Применительно к России, это, прежде всего, Юго-Восток (Украина и Молдавия), Южный и Северный Кавказ, Средняя Азия и Прибалтика с Белоруссией.

На рисунке ниже условно обозначены только четыре стратегических направления развития СО в соответствии с наиболее вероятным **«Вариантом №2.2»** развития ВПО — «Европейское», «Кавказское», «Среднеазиатское» и «Юго-Восточное азиатское». На самом деле, конечно же, их намного больше. На рисунке, например, не предусмотрены ни варианты «дальнего зарубежья» (Сирия, тем более Африка), ни варианты развития ВПО на Дальнем Востоке, ни, тем более, частные варианты сценариев развития СО в Закавказье и в других регионах.

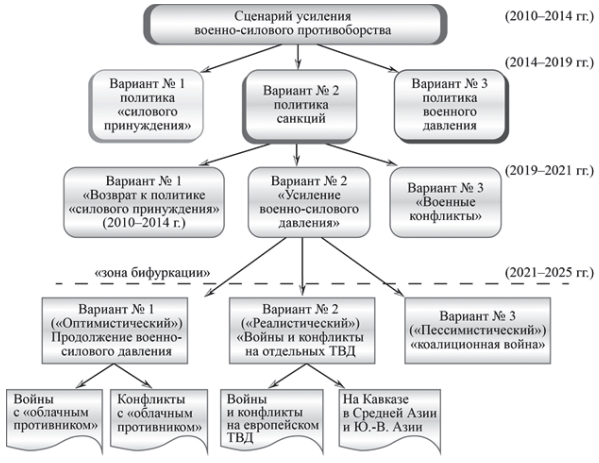

Рис. 22. Развитие сценариев ВПО и их вариантов в «переходный период» (2010–2025 гг.)

Кроме того, предусматривается, но не считается вероятным, развитие ВПО по **«Варианту №1» («Оптимистическому»),** когда продолжающееся военно-силовое давление на Россию не переходит в военную стадию. Частные элементы сотрудничества, например, продление ДСНВ-3, возможны, но они не меняют, на мой взгляд, общего сценария развития ВПО и его трансформации в военно-силовой вариант сценария развития. Этот вывод имеет серьезные последствия для программ военного строительства в России, которые фактически не учитывают такого развития конкретных сценариев СО.

2.2.а). Наиболее вероятный вариант сценария развития военно-политической обстановки и российские реалии

Признание наиболее вероятным варианта развития ВПО **«Вариант № 2.2»,** означает, что необходимы серьезные мероприятия по строительству в ВС для повышения готовности к вероятному развитию такого сценария в 2021–2025 годы. Так, например, признание в качестве наиболее вероятного именно этого сценария развития ВПО в его конкретном «Варианте 2.2» («Войны и конфликты на отдельных ТВД») неизбежно означает, что у России на сегодняшний день практически нет сил и средств, способных противоборствовать в ограниченных локальных конфликтах объединенным силам западной военно-политической коалиции, которые выступили, например, в Ираке в 2003 году, когда против Ирака была выставлена международная коалиция, представляющая полноценную группировку.

Опыт России последних лет в конфликте на Кавказе и в Осетии, а также на постсоветском пространстве и в Сирии показывает, что у нас нет возможности сформировать межвидовую полноценную группировку на отдельном ТВД, в частности, из войск

Специальных операций. У нас нет такого вида войск как Войска специальных операция, которые могли бы быть распределены по соответствующим вида и родам войск — сухопутным, ВКС, ВМС. ВДВ России, даже при их численном росте и повышении боеспособности, остаются видом ВС.

Этот недостаток, проявившийся еще при вводе советских войск в Венгрию в 1956 году, Чехословакию в 1968 году, Афганистан в 1979 году и в последующих военных конфликтах, так и не преодолен до настоящего времени. Специальные силы разбросаны по всем видам и родам войск. В целом «Спецназ» насчитывает более 50 000 человек, которые должны действовать по единому плану в случае развития того или иного варианта сценария ВПО.

На самом деле их, конечно, значительно больше, но для наших целей — реального влияния на развитие базового сценария ВПО и на СО в мире — этого не вполне достаточно потому, что нам необходимо выделить наиболее характерные черты и особенности такого влияния. На мой взгляд, они следующие:

1. Базовый сценарий развития ВПО предполагает эскалацию военно-силового давления на основных оппонентов со стороны западной коалиции, которая должна усиливаться по мере развития обстановки в мире в 2021–2025 годы. Это означает, что в любом из вариантов (№ 1, № 2 или № 3) военно-силовая сущность будет сохраняться и усиливаться. Даже в «Варианте № 1», предполагающем переход к некому варианту «разрядки» или «перезагрузки».

Это же означает, что ССО, предназначенные для ведения вооруженной борьбы на отдельном ТВД, должны обладать всем спектром ВВСТ — от ВТО большой дальности и всего спектра СВКН и СВКО до средств ведения информационной войны и психологических операций, материально-технического обеспечения.

2. В развитии любых вариантов базового сценария развития ВПО предполагается обострение СО, «эскалация напряженности», — будь то на стратегическом уровне СО, например, в отношениях Запад-Китай или Запад-Россия, либо на региональном уровне, например, на европейских ТВД, либо на Ближнем, Среднем Востоке или в Юго-Восточной Азии. Так, обострение ситуации в Украине,

в Белоруссии или в Ливане, а также Юго-Восточной Азии имеет, по сути, одну и ту же основу — потребность дестабилизации ВПО.

3. В отдельных районах и регионах, даже районах отдельных стран СО должна будет, как минимум, сохранять свою напряженность (как в Афганистане или Ираке), но лучше всего, если СО будет эскалировать в направлении дестабилизации.

4. На стратегическом уровне развития СО должна будет создана ситуация, когда эскалация и военно-техническое соперничество должны будут усиливаться одновременно с сохранением контроля над такой эскалации, т. е., например, стабильности в области распространения и развития ЯО.

Вероятно, что стратегический прогноз и планирование на уровне прогноза развития влияния того или иного сценария развития ВПО — максимум того, что мы можем достигнуть при прогнозе развития ВПО. Строго говоря, именно такой прогноз и точная оценка могут стать решающими факторами будущей победы потому, что все другие факторы планировать невозможно. Фундаментальное правило военного искусства, которое изложил еще видный немецкий военный теоретик и руководитель Мольтке, написанное в предисловии к трудам Генерального штаба о войне 1870–1871 годов, звучит следующим образом: «Никакой оперативный план не может с уверенностью определить ход операции, за исключением первого столкновения с главными силами противника. Только профан может предположить, что течение операции может последовательно отражать заранее принятый, продуманный во всех деталях и проводящийся до конца первоначальный замысел».

Таким образом, если вы планируете успешное поведение и победу в будущей войне на отдельном ТВД, то вам к ней нужно максимально лучше подготовиться заранее. В то же время мировой опыт военного планирования свидетельствует о двух важнейших аспектах подготовки войны или конфликта:

Во-первых, сколько-нибудь осознанная и контролируемая деятельность возможна *только на стадии подготовки и выдвижения войск.*

Во-вторых, перед вооруженными силами должна быть сформулирована *конечная цель войны или операции, без детализации,* предоставляя возможность менять ход военных действий по мере изменения обстановки.

Но именно подготовка ВВСТ и войск в мирный период выступает главной предпосылкой к победе в военном конфликте. Причем, в такой подготовке важны военно-технические детали, которые вытекают из военно-политических, стратегических и оперативных задач. Приведу простой пример, который иллюстрирует важность таких нюансов. Как известно, последние десятилетия существуют, как правило, два типа истребителей — бомбардировщиков — относительно более мощный и менее мощный, — численность которых в ВВС разных стран соотносится как 1:5 и даже 1:10 в пользу более легких, маневренных и значительное более дешевых истребителей бомбардировщиков. Перед теми, кто принимает решение о разработке и производстве (закупке) самолетов, естественно, возникает вопрос не только общего числа таких самолетов, но и их пропорций. Дальность тяжелых СУ-30 СМ или СУ-35 превышает 3000 км, а легких МИГ-30 или МИГ-35 — порядка 1000, что радикально меняет оперативные возможности и задачи.

Как известно, реальное сравнение образцов советской техники можно получить только в результате боестолкновений. Такие инциденты были в ходе конфликта Эритреи и Эфиопии, где окончательные результаты не ясны. Объективные параметры масштабных столкновений между армиями, имеющими на вооружении исключительно советскую и российскую технику, пока что не случилось, и это хорошо. Следовательно, объективной статистики, позволяющей судить о превосходстве той или иной модели самолета, нет.

Именно такую оценку ВПО в стратегическом ключе мы сегодня видим на примере планирования применения ЯО в России, который в наибольшей степени в настоящее время подвергается анализу как в России, так и за рубежом. Так, например, в августе 2020 года начальник одного из управлений ГОУ Генерального штаба А.Е. Стерлин ВС РФ разъяснил основные положения утвержденных В.В. Путиным 2 июня 2020 года «Основ применения ЯО» в Указе Президента

РФ в специальной статье, которую можно рассматривать в качестве официального взгляда на эту проблему, когда «Высшим приоритетом государственной политики РФ в области национальной безопасности является обеспечение ядерного сдерживания как основы стратегического сдерживания».

Оговоримся, что ядерное сдерживание и стратегическое сдерживание — не одно и то же. Первое является основой для второго, хотя нередко пытаются подменить одно другим, что неизбежно ведет к радикальному искажению существа понятий, ведь можно обладать ядерным сдерживанием, но не обладать возможностями стратегического сдерживания, что существенно отражается на эффективности политики возможного противодействия агрессии на отдельных ТВД, в отдельных странах или по отношению к отдельным видам оружия. Так, по оценкам российских экспертов, СССР-Россия с 1946 по 2000 год участвовала в *46 войнах и вооруженных конфликтах в мире* и на своей территории. В Китай, в войска ПВО, например, с 1950 по 1963 годы было откомандировано 6695 человек, а в Индонезию 1958 по 1971 год — 2997 человек и т. д. При этом, ядерное сдерживание, безусловно, играло свою роль, но в целом ряде конфликтов и их политическом урегулировании, в частности, в войне в Корее, во Вьетнаме, в египетско-израильской войне 1970 года и др. огромную роль играли военно-технические возможности сдерживания, прежде всего, новейшие на то время средства ПВО (и специалисты) С-75 и С-125.

Напомню в этой связи, что официальные взгляды Российской Федерации на ядерное сдерживание в современных условиях были публично продекларированы 2 июня 2020 года Указе Президента РФ В.В. Путина об «Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» (далее — Основы). Необходимо подчеркнуть, что появление документа такого уровня в публичном пространстве произошло впервые за всю историю Советского Союза и Российской Федерации как его правопреемника. Являясь документом стратегического планирования в области обеспечения военной безопасности, Основы определяют опасности и угрозы, для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание, основные принципы и субъекты сдержива-

ния и, самое главное, условия возможного перехода к применению ядерного оружия.

Для объективной оценки подхода России к ядерному сдерживанию необходимо провести всестороннюю оценку военно-политических условий, при которых наше государство пошло на действительно беспрецедентный шаг и впервые за всю историю обладания ядерным оружием опубликовало свое видение его роли и места в общей системе национальной безопасности. Иными словами, что необходима политическая оценка состояния ВПО, которая нередко дается и трактуется по-разному. Именно об этом я писал в разделах, посвященных субъективности оценки ВПО со стороны разных представителей правящей элиты и экспертного сообщества. В частности, они пишут: «Не секрет, что за последние годы ситуация в мире существенно обострилась в связи с действиями американского руководства по планомерному разрушению системы международной безопасности и контроля над вооружениями, с таким трудом выстроенной к концу XX века. Началом этому процессу послужил односторонний выход США в 2002 году из Договора по ПРО (вряд ли можно относить этот шаг к «началу процесса» потому, что фактический разрыв между СНВ и ПРО начался еще в конце 80-х годов — *А.П.*), который на протяжении многих лет являлся основой для ограничения стратегических наступательных вооружений. Затем последовал выход США в 2019 году в одностороннем порядке из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (Договор РСМД), а в 2020 году США заявили о прекращении участия в Договоре по открытому небу.

Классический пример подобной логики развития ВПО — состояние ВПО в Европе осенью 1939 года, когда после разгрома Польши в сентябре этого года у Германии, с одной стороны, и Франции с Великобританией, с другой, были самые разные варианты развития сценариев ВПО и их более частных вариантов, в условиях примерного военного равновесия, а именно:

У Германии был сценарий переговоров с западными странами, который существовал до тех пор, пока это предложение не было категорически отвергнуто союзниками. Из того факта, что во время во-

йны с Польшей французы не воспользовались своим превосходством (90 боеготовых дивизий против менее 40 немецких дивизий второго эшелона) в Германии делали вывод, что Франция «войны не хочет, а наступление Германии сорвало бы возможные переговоры».

Другой сценарий, сторонником которого был А. Гитлер, — осеннее наступление, реализацию которого можно было ожидать, как минимум, в двух вариантах — наступлении через укрепленную «линию Мажино» либо через нейтральные Бельгию, Голландию и Люксембург.

Против обоих этих вариантов выступал генеральный штаб Германии, мотивируя это неготовностью новых дивизий, невозможностью быстрой передислокации из Польши, плохой погодой осенью-зимой, ограничивающей деятельность двух важнейших факторов — авиации и танков, и др. соображениями.

Кроме того, был вариант и ведения оборонительных сражений на рубежах, подготовленных в Германии, который оказался в итоге самым проигрышным для руководства страны и армии.

Несколько сценариев развития ВПО было и у Франции и Великобритании, которые сводились, в конечном счете, к необходимости оборонительных боев, а также вариантам:

— включения в борьбу новых союзников и партнеров, создание количественного превосходства и по возможности переключения войны на их территории;
— организации эффективной блокады Германии;
— создании нескольких враждебных ТВД в Европе и в мире, которые «оттянули бы» силы Германии от границ Франции.

В итоге, как известно, Германия стала наступать через нейтральные Бельгию и Голландию весной 1940 года, стремительно разгромив войска этих стран и силы союзников во Франции. При этом вопрос о нападении на Голландию несколько раз пересматривался.

2.2.б). Перспективы развития стратегической обстановки в отдельных регионах

В настоящее время, учитывая возможность глубокой информационно-аналитической проработки политических и военных операций, проблема взаимосвязи развития ВПО в мире, регионе и отдельных СО и операций на ТВД приобрела решающее значение. Так, например, возможность враждебной военной операции против России в Прибалтике или на юго-западе Украины, как и возможность военных действий против России в Средней Азии и Закавказье, требует самого пристального изучения, как минимум, с точки зрения производства и размещения средств ПРО-ПВО или тяжелых вооружений и военной техники. Особый случай — создание военной инфраструктуры в Арктике и на Дальнем Востоке России.

Не зависимо от того, какой конкретно вариант развития «Сценария № 2» ВПО будет доминировать, для органов политического и военного планирования необходимо анализировать и прогнозировать ***возможное развитие стратегической обстановки, войн и конфликтов***, которые происходят или могут происходить в будущем в том или ином регионе. Повторю — в рамках того или иного варианта этого сценария, точнее — каждого из возможных вариантов. История предоставляет нам массу примеров того, как в рамках даже одного сценария развития ВПО могут реализоваться самые разные его варианты, которые делают актуальными изменения в отдельных СО на отдельных ТВД, ведут к эскалации прежних или возникновению новых военных конфликтов.

В региональных и локальных конфликтах наблюдалась та же тенденция. Президент США, например, реально давал распоряжение о тех или иных действиях, оставляя военным руководителям возможность решать частные вопросы.

Классическая логическая модель развития МО, о которой говорилось выше, — отношения между ЛЧЦ, ведущие к разным сценариям МО, а затем ВПО и СО, в XXI веке неизбежно претерпит

изменения потому, что **значение промежуточных звеньев (наций, государств, коалиций) будет ослабевать, а конфликты между ЛЧЦ могут сразу приобретать стратегический характер, реализовываясь в двух основных формах — локально-региональных конфликтах и глобальных войн.**

Как видно из рисунка, приведенного выше, в новой модели резко усиливается роль СО, которая только с появлением ЯО стала относительно самостоятельной, влияющей на политику. Другими словами, об изменении сущности и характера войны, когда «мир» может быть «войной» (и наоборот), а международно-правовые оценки войны и конфликтов — результатом обычной политики дезинформации, в которой участвуют лидеры государств.

Любая политическая стратегия включает в себя участие в формировании МО, ВПО и СО, но совершенно в разной степени, в зависимости от конкретных акцентов и задач поставленных политической элитой. В одних случаях, когда роль военной силы незначительна, влияние ВПО-СО на формирование МО оказывается небольшим, либо вообще незаметным. Так было, например, во внешней политике США в период изоляционизма, а СССР — в период индустриализации и коллективизации.

В других случаях, когда военная сила превращается в основной политический инструмент, влияние СО и ВПО на формирование МО становится доминирующим. Именно это происходит в XXI веке. Так, накануне войны СССР с Финляндией неблагоприятная СО (угроза Ленинграду и всему северо-западному промышленному району) резко и неблагоприятно повлияла не только на европейскую ВПО, но и на всю МО. Маленький военный конфликт, в котором участвовало несколько дивизий, чуть не привел к военной интервенции в СССР Великобритании и резкому изменению логики развития отношений между двумя военно-политическими коалициями.

В современный период влияние СО на ВПО и МО усилилось в связи с появлением новых форм, способов и средств вооруженной борьбы, что стало ясно еще в период военных действий СССР в Афганистане в 1980–1989 гг.

Наиболее вероятный вариант развития сценария ВПО до 2025 года исходит из неизбежности военно-силового противоборства ЛЧЦ и их коалиций на различных ТВД и в различных регионах, создании искусственно таких СО и ситуаций, когда военное противостояние переходит из скрытых, латентных форм в открытое противоборство. Примером этому может послужить позиция США и их союзников на Ближнем и Среднем Востоке, которые открыто заявляют о «дестабилизирующей роли России и Китая» и готовят совместные акции против этих стран. Так, в частности, «Россия на Ближнем Востоке «играет деструктивную роль», «должна уйти» из региона. Об этом заявил помощник госсекретаря США по делам Ближнего Востока Дэвид Шенкер. По его словам, «грубый промах» администрации бывшего президента Барака Обамы позволил России закрепить свои позиции в Сирии и в целом в регионе, передает ТАСС. «Я думаю, что администрация Обамы на свой страх и риск приветствовала приход России в Сирию, думая, что это поставит (Москву. ТАСС) в затруднительное положение, а Россия перевернула ход войны, и режим Асада остается там до сих пор», — сказал он. По его мнению, это позволило России создать базу в регионе и «придало ей смелости» для дальнейших шагов. «45 лет это было краеугольным камнем американской политики — держать Россию в стороне от Ближнего Востока», — добавил он. Как отметил Шенкер, Россия на Ближнем Востоке «играет деструктивную роль», и США считают, что она «должна уйти» из региона.

Важно напомнить, что еще осенью 2019 года госсекретарь США Майк Помпео и главы МИД Бахрейна, Ирака, Иордании, Кувейта, Омана, Катара, Саудовской Аравии и ОАЭ в ходе переговоров на полях сессии ГА ООН обсудили, как сообщал Госдеп, «вызовы со стороны России и КНР» в регионе Персидского залива.

Ухудшение ВПО в мире в силу враждебности между ЛЧЦ неизбежно ведет **к разработке новых средств и способов такой борьбы**. На одном примере развития сил специальных операций США можно проиллюстрировать этот тезис: за 15 лет численность ССО

увеличилась с 33 до более 70 тыс. человек, а *виды деятельности ССО* во втором десятилетии стали представлять собой очень разнообразную картину, включая:

— прямые действия (физические атаки для уничтожения, пленения и пр. результатов);
— специальное наблюдение с использованием специальных средств;
— специальные операции против ОМУ;
— борьба с терроризмом;
— неконвенциальная война (поддержка коренных народов);
— иностранная внутренняя оборона (поддержка мероприятий по защите от подрывной деятельности);
— помощь силам безопасности;
— спасение заложников;
— контрповстанчество;
— иностранная гуманитарная помощь;
— военная информационная поддержка и т. д.

Основой концепции «военно-силового принуждения» (противоборства) западной ЛЧЦ стала ориентация на необходимость постоянного инициирования вооруженных действий в различных регионах и на ТВД мира в целях создания ситуации «управляемого хаоса». Только такое состояние «стабильно-враждебной ВПО» может обеспечить США сохранение контроля в мире, а западной военно-политической коалиции — превосходство в любом регионе планеты.

Из этой абстрактной модели стратегии западной ЛЧЦ видно также, например, что более общая часть относительно СО — военно-политическая обстановка, охватывает и значительно более широкую область всего политического процесса взаимоотношений субъектов и акторов МО в мире (обозначена на рисунке пунктиром), а еще более общая — международная обстановка включает дополнительно международные реалии и ведущие тренды (группа факторов «Б») и часть системы национальных ценностей и интересов. Наконец, самая общая — отношения локальных ЧЦ, точнее совокупность всех локальных ЧЦ, — представляет собой общую основу, фундамент для понимания характера и будущих сценари-

ев развития не только МО и ВПО, но и СО. Иными словами, всю МО можно представить в виде одной из фигур своего рода «матрешки», где более крупной является «матрешка» межцивилизационных отношений, а более мелкие — военно-политическая и военно-стратегическая. Этот образ можно проиллюстрировать на примере Ливии и войны против нее западной ЛЧЦ и ее сателлитов 2011 года, когда МО–ВПО и СО характеризовались следующими обстоятельствами:

— стабильная Ливия и МО в Северной Африке, находящихся вне полного контроля западной ЛЧЦ, не устраивали Запад. Ливия выступала в той или иной форме в качестве суверенного субъекта МО, претендуя одновременно на роль одного из лидеров исламской ЛЧЦ, что и явилась главной причиной конфликта, имевшего, прежде всего, межцивилизационную форму;
— стабильные МО–ВПО и СО не позволяли западной ЛЧЦ изменить ситуацию политико-дипломатическими или финансово-экономическими средствами, поэтому было принято решение силовым образом дестабилизировать СО с мощью исламских радикалов и управляемой оппозиции. Дестабилизация СО в короткие сроки привела к дестабилизации ВПО и МО, которые сохраняются с 2011 года;
— дестабилизация СО привела к достижению главной цели — смене политического режима и публичному наказанию лидера, что явилось уже своего рода традицией после падения Наджибуллы — в Афганистане; Чаушеску — в Румынии; Хусейна — в Ираке; Милошевича — в Югославии и т. д.

Таким образом, новая модель политической стратегии западной ЛЧЦ предполагает:

– во-первых, дестабилизацию СО вокруг субъекта МО;
– во-вторых, создание враждебной ВПО в регионе;
– в-третьих, ликвидацию правящего режима;
– в-четвертых, публичное уничтожение лидера.

Именно этот алгоритм попытались использовать на Украине в 2013–2014 годах, когда спасение В. Януковича оказалось случайностью, не имеющей политических последствий.

Изменения в стратегиях ЛЧЦ и государств, а также в сценариях развития МО-ВПО являются «конечным продуктом», более того, — частным конкретным случаем — развития более общего сценария развития человеческой цивилизаций и взаимоотношений между локальными цивилизациями. Это подтверждает, в частности, война на Украине 2014–2015 годов, которая может быть понята, прежде всего, как вооруженный конфликт между двумя локальными цивилизациями и их представителями в элите страны проживающими на Украине. Первая из них — «западноевропейская» — хотела ассоциировать себя максимально быстро с Западом, в том числе через противопоставление с «восточноевропейской» (российской) локальной цивилизацией. Вопрос только в том, насколько этот процесс полностью совпадал с интересами Запада, а также насколько он был им инспирирован и искусственно обострен. Без ответа на этот вопрос невозможно дать точную оценку МО, сложившейся в 2014–2015 годах на Украине.

Думается, есть все основания считать, что, как и в случае с Ираком и Ливией, сценарий развития и обострения СО на Украине был не просто использован, но и заранее точно разработан и выполнялся с помощью Запада в рамках начатой им еще в 90-е годы XX века системной и сетецентрической войны в последние 20–25 лет. Налицо ясный план, четко сформулированные цели, последовательность в их достижении (несмотря на то, какая администрация находилась в Вашингтоне), выделение необходимых ресурсов и многое другое, что свидетельствует о тщательно разработанной и последовательно реализуемой стратегии. При этом алгоритм принятия решений в отношении такой стратегии остается достаточно простым. Он представляет к началу второго десятилетия следующий набор принципов и действий, объединенных в систему:

— создание и утверждение в общественном сознании неких «универсальных» общих принципов и международных норм, автором и защитником которых выступает западная ЛЧЦ;
— обеспечение информационной поддержкой таких принципов и норм как «единой» системы ценностей и интересов западной ЛЧЦ;

— формирование военно-политической глобальной коалиции западной ЛЧЦ;
— создание системы международной безопасности, опирающейся на эту коалицию западной ЛЧЦ;
— консолидацию правящих элит западной ЛЧЦ на основе общей системы ценностей и при помощи военно-политической коалиции;
— единые силовые (и вооруженные) действия западной ЛЧЦ по продвижению своей системы ценностей и интересов в мире, провоцирующие резкое обострение СО и дестабилизацию всей ВПО и МО не только в стране, но и в регионе, когда последствия приобретают глобальный характер.

Ситуация усугубляется растущим катастрофическим научно-технологическим отставанием в развитии России, ее НЧК и институтов развития НЧК, усилением внешнего силового давления, которое создает крайне опасную ВПО. Причем эта опасность развивается как эскалация, создавая в мире и по периметру России реальные очаги военных угроз.

Мы изначально сознательно ограничиваем количество сценариев МО *тремя сценариями* (конфликта между крупнейшими в современный период с военно-политической точки зрения ЛЧЦ) и поэтому вычленяем всего лишь *девять вариантов развития ВПО.* Эти три базовых сценария МО исходят из единственного в реальности существующего в настоящее время сценария развития МО глобального уровня. Исходя из этой логики и последовательности, очевидна определенная изначально ограниченность такого подхода даже с точки зрения оценки современного состояния МО (которое, как уже говорилось выше, может оцениваться разными элитными слоями по-разному): естественно, что как количество самих будущих сценариев МО, так и их вариантов может быть значительно больше (нередко описывают десятки потенциальных и несколько вероятных сценариев развития МО), но для общей картины, описывающей данную логику рассуждений, было вполне достаточно.

2.2.в). Адекватность оценки наиболее вероятного сценария развития военно-политической обстановки в России как условие эффективной политики в области военного строительства

Отсутствие внятной и популярной общенациональной идеи, и стратегии превращается в прямую угрозу государству и обществу. То, что можно было терпеть и переносить в период «Выживания» и «Восстановления», становится абсолютно неприемлемым на стадии выхода из кризиса. Как показывает история, именно на этом этапе внутриполитическая стабильность подвержена максимальным угрозам.

Таким образом, необходимо, **во-первых**, сменить неэффективную стратегию развития России на более совершенную, которая более соответствовала бы вероятному варианту развития сценария ВПО[506]. Существующая стратегия, связанная с периодами выживания и восстановления страны, уже устарела. Во всяком случае она не нацелена в будущее, что является обязательным условием любой политики и стратегии выхода из кризиса.

Во-вторых, сменить парадигму[507], лежащую в основе этой стратегии. Причем не только безопасности, но и социально-экономического развития. Современная парадигма развития вообще-то

---

506 Этой проблеме я посвятил серю своих работ в 2016–2020 годах. Вчастности: *Подберезкин А.И., Боришполец К.П., Казанцев А.А., Козин В.П., Орлов А.А.* Прогнозирование международной ситуации: угрозы безопасности и военная политика России: аналитический доклад. М.: МГИМО-Университет, 2014, 44 с.; Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями: аналит. доклад / [*А.И. Подберезкин (рук. авт. кол.) и др.*]. М.: МГИМО-Университет, 2016. Июль, 86 с.; Промышленная политика: монография / коллектив авторов; под ред. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС. 2020. 496 с.

507 **Парадигма** — *зд.* наиболее общие фундаментальные научные, общественные и политические представления об основных закономерностях и особенностях развития системы или объекта, воспринимаемых и разделяемых значительной частью или большинством в обществе. В данном случае речь идет о представлениях о развитии государства, общества и нации в России в современный период.

не является развитием: это парадигма обогащения любой ценой. Или выживания, но точно не развития, которое предполагает наличие общенациональных долгосрочных целей.

В-третьих, — самое трудное — реализация намеченных планов. Как показали попытки таких действий, начиная с Концепции социально-экономического развития марта 2008 года, система реализации намеченных идей и стратегического планирования не существует. В лучшем случае такие планы выполняются на 25–35%. Поэтому важнейшая задача — принудить действовать в национальных интересах или сменить правящую элиту в стране. Примечательно, что третье условие повторяет ситуацию в России после Смутного времени, когда политический лагерь бояр (окольничих, думных дворян и думных дьяков) боролся за сохранение своей власти против царя и дворян. Ситуация была катастрофически осложнена оккупацией шведами и поляками значительной части территории страны, а также бесчинством разбойников, наемников и казаков.

Эта же задача — заставить правящую элиту работать в интересах государства, либо уничтожить ее (выслать, казнить, отправить в лагеря — каждый российский лидер решал ее по-своему), становится сегодня важнейшей.

Другая стратегическая задача — консолидация правящих элит на постсоветском пространстве и восстановление единого государства, — должна быть, как минимум, сформулирована. В той или иной форме: как это было в разделенной Германии, КНДР, Вьетнаме и т. д.

В Стратегии любого государства принципиально важно (наверное, самое главное) определить **направление, цель** развития, тогда любая скорость движения — медленная или быстрая — приближает к ней. Все будет зависеть от эффективности движения и КПД правящей элиты, т. е. скорости «движения поезда». Можно двигаться очень быстро, как в 90-е годы, но в неправильном направлении, удаляясь (с разной скоростью) от цели.

Можно сказать, что сегодня **вопрос о цели,** главном «пункте назначения поезда», мы еще так и не решили, не знаем. Формули-

ровки очень абстрактны и не конкретны, особенно с социальной точки зрения. Поэтому результаты стратегии развития (напомню, что Стратегия национальной безопасности предполагает органичное сочетание целей развития и целей безопасности нации) не вполне не только понятны, но и важны: действительно, если мы будем добывать не 300 млн. тонн, а 400 млн. тонн нефти (деньги за которую будут оседать в оффшорах и во взятках), то с точки зрения национальных интересов это будет плохо — истощение природных ресурсов не ведет к тому, что нация инвестирует в свое развитие.

Именно в рамках этого этапа проходило восстановление потенциала ВС и ОПК, которое в целом можно назвать именно «восстановительным», когда новое качество ВВСТ и ВС собственно российского периода развития очень медленно замещало советские наработки 80-х и начала 90-х годов.[508]

Констатация, оценка ВПО с точки зрения развития и безопасности России: в 2020 году, таким образом, период «Восстановления» **не закончился**. Напомню, что в России после Смутного времени он закончился восстановлением порядка и экономики страны и воссоединением Украины и Белоруссии с Россией, который Г.В. Вернадский назвал 1654 годом, т. е. через 40 лет после Смутного времени[509]. Наступил период осмысления происходящего, который совпадает по времени с завершением периода «Восстановления».

Думаю, что и для современной России период «Восстановления» еще не завершен. И не только потому, что экономика, прежде всего промышленность, и другие показатели не достигли уровня РСФСР 1989 года, но и потому, что страна, по сути, оказалась разделенной. Более того, угроза ее регионализации отнюдь не исчезла, а события в Белоруссии, Украине, Молдавии, в Закавказье и в Киргизии в 2020 году продемонстрировали, что создание враждебной ВПО России остается в планах западной коалиции.

---

508 См., например, подробнее о системах ПВО и ПРО: От «Беркута» до «пятисотки». Траектория лидерства. М:. ИД «Медиа центр», 2020. 260 с.

509 *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. М.: Эксмо, 2014, сс. 442–462.

Таким образом, не только оценку результатов развития, но и новую Стратегию национальной безопасности нужно разрабатывать именно в ***условиях «Восстановительного» периода*** **при постоянной эскалации развития негативного сценария ВПО со стороны Запада**[510]. Вместе с тем, горизонты планирования такой стратегии должны выходить за пределы нынешнего этапа развития, ориентироваться на завершение, в конечном счете, всего «Восстановительного» периода либо в условиях продолжения эскалации ВПО, либо в условиях войн на отдельных ТВД в Европе, на Кавказе и в Средней Азии.

Поэтому и современные «реальные результаты» (независимо от пандемии) следует рассматривать именно с точки зрения продолжения процесса **восстановления,** а не развития. Тем более опережающего, хотя такие задачи за последние 15 лет В.В. Путин и пытался ставить не раз. Возникает очевидное противоречие: необходимо обеспечить опережающее социально-экономическое развитие в условиях нарастающих угроз безопасности и сползания к войне, имея ввиду долгосрочные цели завершения «Восстановительного» периода. Сделать это можно только сменив парадигму и стратегию развития России, концентрируя усилия на опережающих темпах развития НЧК[511] и творческого потенциала нации[512].

К сожалению, в этой области, как, впрочем, и в области военного искусства, прямо вытекающей из Стратегии национальной безопасности, во многом поэтому возникло качественное отставание. Речь не только о развитии ВВСТ, которое в последние годы исполь-

510 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. М.: «Граница», 2018. 512 с.

511 Впервые я попытался обосновать значение институтов развития НЧК в работе 2005 года. К сожалению, переоценка отношения к этим институтам идет, но идет очень медленно, отставая от темпов того, что делается за рубежом, на десятилетия. См.: *Подберезкин А.И., Батанов А.С., Зоркальцев В.И.* Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающего фактора ускорения социально-экономического развития России. М.: С.-Пб., 2005. 296 с.

512 Этой проблеме подробнее была посвящена специальная работа. См.: *Подберезкин А.И.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020. 610 с.

зовало все советские резервы и наработки НИОКР, но и о способах его использования. Так, например, уже в 2005 году в Армии США был принят Полевой Устав № 90-8 «Противопартизанские операции», в котором подробно описывались действия подразделений Армии США в условиях «Мятежей и восстаний» (сс. 9–11), «Иностранной внутренней защиты» (сс. 12–13), «Городских партизан» (сс. 111–113) и т. д. Так, например, в разделе 5 «Контроль за населением и ресурсами» (сс. 190–193) говорится, что «Контроль за населением и ресурсами — это правительственная акция, направленная … на уничтожение или захват тех ресурсов, которые могут быть использованы против правительства»[513].

Таким образом, результат деятельности правящей элиты России последних 20 лет изначально был детерминирован условиями «Восстановительного» периода, который в 2020 году не заканчивался, даже не смотря на возможное отсутствие пандемии и прекращения ухудшающегося состояния ВПО в мире. То, что было уничтожено с конца 80-х годов в результате политических, геополитических, финансовых и иных катастроф нельзя восстановить ни за 10, ни за 20 лет. Как и 400 лет назад, России потребуются десятилетия.

Естественно, что Стратегия национальной безопасности от 31 декабря 2015 года фиксировала состояние безопасности и социально-экономического развития России в качестве некого промежуточного результата первого этапа «Восстановительного периода». Именно этот «промежуточный» результат был нормативно оформлен Стратегией национальной безопасности России в нескольких редакциях, последняя из которых (в редакции 31 декабря 2015 года) в качестве главное цели «обеспечение национальных интересов посредством реализации следующих стратегических национальных приоритетов» *достаточно абстрактно*, в «незавершенном времени» (которое отсутствует в русском языке):

— оборона страны;

513 Полевой Устав № FM 90-8 был издан как для Армии США, так и Корпуса морской пехоты. МО США, 2005 г.

— государственная и общественная безопасность;
— экономический рост;
— наука, технологии и образование;
— здравоохранение;
— культура;
— экология живых систем и рациональное природопользование;
— стратегическая стабильность и равноправное стратегическое партнерство»[514].

Как видно из обозначенных стратегических приоритетов, основанных на долгосрочных интересах, в Стратегии *не были сформулированы конкретные и конечные цели ни безопасности, ни опережающего развития в отличие, например, от Стратегии национальной безопасности США,* где были сформулированы самые четкие и конкретные политические цели, в частности, «нового возникновения долгосрочного стратегического соперничества между государствами, …требующих откровенного признания угроз, изменения характера войны и способов экономического решения вопросов МО»[515]. Это и понятно, ведь «Восстановительный» период не предполагает жесткой конкретики. Были обозначены только самые приоритетные области, но, как таковые, цели и задачи сформулированы так и не были, что вполне соответствовало периоду «Восстановления». Не была сформулирована и будущая роль России в качестве субъекта формирования МО и ВПО, за исключением Ст. 30, где расплывчато говорилось о национальном интересе «закрепления за Российской Федерацией статуса одной из лидирующих мировых держав…»[516]. Предполагалось автоматически, что операция ВКС в Сирии уже превратила Россию в новую великую державу, чего, естественно, не произошло.

514 *Путин В.В.* Указ Президента России № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Раздел 3. Статья 32.
515 Это положение перетекло из СНБ в Военную стратегию США практически через месяц. См.: Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 11.
516 *Путин В.В.* Указ Президента России № 683 от 31 декабря 2015 г. «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Раздел 3. Статья 30.

В частности, в документе МО США прямо говорится в качестве вывода, что «История учит, что реализация любой стратегии требует мудрости и ресурсов. Я уверен (Дж. Маттис, бывший министр обороны США — *А.П.*), что эта стратегия эффективна и поддерживается американским народом»[517], т. е. стратегия не только продумана, но и, как минимум, пользуется если и не общенациональной поддержкой, то поддержкой правящей элиты.

Последнее признание, на мой взгляд, не ритуально, а многозначительно: оно означает, во-первых, что стратегия продумана и согласована, как минимум, в правящей элите, а, во-вторых, отражает не узкопартийные, а согласованные интересы правящего класса США. Что, собственно говоря, в отношении политики США к России было многократно доказано в 2017–2020 годы[518].

Признание того, на каком этапе восстановления находится современная Россия, означает во многом и трезвую оценку ее нынешнего положения в мире и роли в формировании МО и ВПО. Но это признание *не формулирует стратегических целей и задач развития, не конкретизирует задач в области безопасности. Это описание вообще не отвечает основным требованиям разработки национальной Стратегии — формулированию общенациональных целей и поиску наиболее эффективных средств их достижения.*

Принятый в условиях санкций и пандемии в октябре 2020 года федеральный бюджет только частично отвечает этим требованиям, но его пересмотр в современных условиях невозможен[519]. Поэтому по мере его реализации возможны некоторые коррективы в пользу наиболее приоритетных направлений развития НЧК и его институтов, а именно:

— преодоление тенденций свертывания НИР и ОКР в ОПК и в целом в экономике страны, как минимум, в рамках уже су-

517 Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 11

518 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019, сс. 56–71.

519 Распоряжение Правительства № 2485-р от 29 сентября 2020 г. / government.ru.29/09/2020.

ществующих национальных проектов[520]. Необходимо рассмотреть вновь вопрос о критериях оценки результатов, в которых завышено значение индексируемых на Западе научных работ;

— переоценить значение институтов развития НЧК в политике безопасности России с учетом происходящих событий в Белоруссии, Нагорном Карабахе и Киргизии, а также, вероятно, в других странах на постсоветском пространстве и в самой России в сторону усиления влияния государства и общества на формирование и развитие этих институтов.

Как представляется автору работы, такие решения могут лежать только в плоскости *опережающего развития человеческого капитала и его институтов*, которые являются в настоящее время не только признаваемыми *наиболее эффективными средствами развития экономики и военного потенциала,* включая ВВСТ и ВС страны, но и *наименее эффективно используемым национальным ресурсом России и в России*. Это означает, что как доля ресурсов самого разного рода, выделяемых на развитие НЧК в гражданской и военной области, должна быть *существенно увеличена*, в том числе и за счет других областей, так и найдены способы быстрого развития собственно НЧК. Так, в области развития ОПК это означает, прежде всего, не сокращение, а увеличение выделение ресурсов на НИР и ОКР, а в ВС — на подготовку личного состава военнослужащих, качественное совершенствование ВВСТ, а также повышение *качества военного управления*. В настоящее время существует явный приоритет в области закупки ВВСТ, чья доля в российском военном бюджете превышает американскую, например, в 3–4 раза. Мы не только преувеличиваем это значение для нужд обороны (в конечном счете воюют не образы ВВСТ, даже самые современные, а воинские подразделения, т. е. организованные военнослужащие), но и недооцениваем роль и значение НЧК и его институтов в ВС и ОПК страны.

520 См. подробнее: цели и задачи нацпроектов в области науки / strategy24.ru. 10/01/2019.

2.3. Неизбежность смены стратегии развития и национальной безопасности России в условиях развития современного сценария военно-политической обстановки

Надо признать, что в конце второго десятилетия нового века Россия оказалась в очень сложной международной и военно-политической обстановке, которая усугублялась неспособностью быстрого выхода из затяжного кризиса. Более того, сценарий развития ВПО, необходимо признать, может быть *только крайне негативным*, когда вопрос о существовании суверенного государства и нации ставится непосредственно перед правящей элитой страны. В этих условиях правящие элиты государств, как правило, ведут себя по-разному, но всегда есть, как минимум, две группы: тех, кто предпочитается риск и борьбу и тех, кто ищет варианты капитуляции. «Сосредоточьтесь на враге» — этот совет мудрого древнего грека Ксенофонта помог ему в свое время спасти попавших в ловушку греков. Он обратился тогда к командирам с призывом: «Не будем больше терять время на пустые рассуждения, довольно винить себя…. Отныне все наши силы будут направлены против персов…. Если же кто-то попытается сбить нас с толку пространными речами о перемирии, либо другими смутными идеями, им не место в наших рядах — это либо трусы, либо предатели»[521].

Так и правящей элите России, которая оказалась в трудном положении в 2020 году, почти в катастрофической ситуации в результате реализации своей прежней политики, постепенно приходит осознание того, что прежде всячески игнорировалось либеральными идеологами, а именно: курс развития страны, ее специфика и особенности — неотъемлемая часть политики и стратегии. Дискуссия вокруг поправок к Конституции и соответствующих законов, деятельность отдельных акторов и влиятельных политических и медийных личностей привели, в конечном счете, к признанию

521 Цит. по: *Грин Р.* 33 стратегии войны. М.: РИПОЛ классик, 2016, с. 37.

вполне очевидных прежде для многих истин, в том числе признанию того, что все новое, даже если оно качественно новое, несет в себе элементы прошлого, которые невозможно игнорировать.[522]

Это связано, на мой взгляд, в том числе и с уже упоминавшейся аналогией периодов Смутного времени и последующей «Борьбой за выживание» и «Восстановлением», о которых писал Г.В. Вернадский, с периодами современной истории России 1990–1999 гг., 2000–2007 гг. и 2008–2020 годов. Иначе говоря, в 2020 году мы находимся даже не в конце, а только в середине восстановительного периода, особенности которого (не смотря на всю условность сравнения) удивительно совпадают с особенностями 400-х летней давности. В том числе и в плане возвращения России военной мощи и успехов во внешней политике. Даже особенности полновластного управления страной патриархом Филаретом в 1619–1633 годы, когда боярская аристократия была отдалена от власти, вполне можно сопоставить с антиолигархической политикой В.В. Путина[523].

2.3.а). Новая Стратегия: «Сосредоточься на враге»

Неизбежно предстоит и смена внешнеполитической стратегии России, которая в последние два десятилетия может быть охарактеризована как переход от капитуляции времен Б. Ельцина к стратегическому отступлению, которое неизбежно (в случае длительной реализации) ведет к потере инициативы и уступкам, рефлекторной реакции на создаваемые угрозы и вызовы извне. Так, стратегическое отступление русской армии 1812 года было неизбежным

522 Подобная дискуссия велась с конца 80-х годов прошлого века, но она не была тем, что называется «мейнстримом», скорее, ее участников относили к группе маргиналов. В разное время с конца 80-х годов в ней принимал участие и я, в том числе организовывая целый ряд публикаций, в частности, «Национальная доктрина России», «Современная русская идея и государство», «Стратегия национальной безопасности России» и др.

523 *Вернадский Г.В.* История России. Московское царство. М.: Эксмо, 2014, сс. 447–458.

ввиду явного превосходства «Великой армии» объединенной Европы, когда требовалось не только растянуть коммуникации, обеспечивающие снабжение армады нашествия, но и организовать партизанско-диверсионные выступления на этих коммуникациях. Это не было паническим отступлением, тем более, бегством. Это был план, разработанный за несколько лет до этого военным министром России Барклаем де Толли и императором Александром, блестяще реализованным М.И. Кутузовым.

Во многом ситуация повторилась летом-осенью 1941 года до тех пор, пока РККА не перешла 4 декабря 1941 года в контрнаступление (которое, кстати, не сопровождалось военным превосходством).

«Стратегическое отступление» России 2000–2020 годов после разгрома страны М. Горбачевым и Б. Ельциным сопровождалось редкими «политическими контратаками» в Чечне, Дагестане, Южной Осетии, Крыму и в восточных районах Украины, а в настоящее время в Белоруссии. При этом мы продолжаем наблюдать усиление политики «силового принуждения» со стороны Запада и его коалиции, которую остановить в рамках парадигмы «стратегического отступления» уже невозможно. Может быть окончательно потеряно влияние в Закавказье, Белоруссии, а затем неизбежно и в Таджикистане и Казахстане. В итоге враждебные силы могут концентрироваться уже по северной границе Казахстана и Южного Урала, что неизбежно приведет к желательному для Запада итогу — разделу РФ на «европейскую» и «азиатскую» части. Примерно так, как показано на сайте ЦРУ в разделе «Россия».

Таким образом, опасность для нации и государства — прямая и неотложная, которую невозможно игнорировать, — хотя часть прозападной правящей элиты это и делает. Необходима и неизбежна смена политической стратегии, которая предполагает переоценку целой группы факторов, которые влияют на ее формирование. В этой связи необходимо вернуться к абстрактной модели формирования ВПО а в ней собственно к национальной политической стратегии, которая является ее неотъемлемой частью, о чем уже писалось выше.

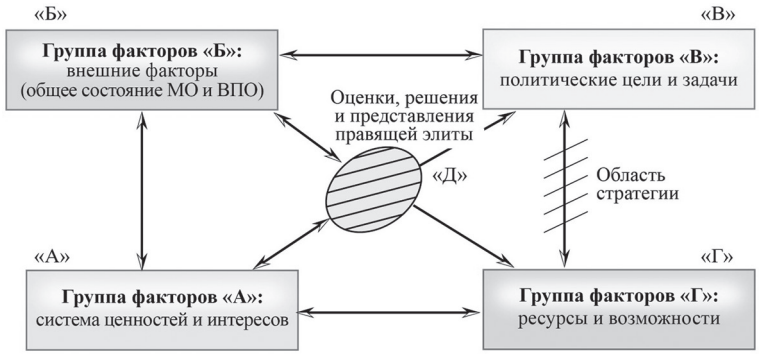

Рис.23. Модель политического процесса
абстрактного субъекта (актора) МО-ВПО[524]

Прежде всего, как видно, «Область стратегии» на рисунке размещена между группами факторов «Цели и задачи» («Группа факторов В») и группой факторов «Ресурсы и возможности» (Группа факторов Г»), которые, в свою очередь:

— во-первых, находятся под субъективным влиянием представлений правящей элиты и экспертов («Группа факторов Д»);
— во-вторых, «Группа В» зависит во многом от состояния МО и ВПО («Группы факторов Б»);
— в-третьих, «Группа Г» зависит от существующей системы ценностей и интересов нации и государства, т. е. «Группы А», которые выделяются в виде ресурсов и иных возможностей в политических целях в самых разных пропорциях[525];
— в-четвертых, как видно из предлагаемой модели, в основе политического курса находится «Группа факторов А», в которой объединены (национальные, государственные социальные, групповые и пр.) интересы и ценности, среди которых доминирующее влияние имеют (как минимум, должны иметь для

524 *Подберезкин А., Крылов С.* Политика, война и международная безопасность в XXI век // Обозреватель, 2019, № 10, сс. 26–27.

525 Так, например, целый ряд государств выделяет менее 1% ВВП на оборону, а некоторые государства — более 30%, что и формирует в основном ресурс военной политики страны.

ответственной части правящей элиты) национальные и государственные интересы и ценности[526].

Таким образом, Стратегия — это достаточно субъективная **производная сущность** (искусство), которая зависит от прямого взаимодействия нескольких групп объективных факторов и **субъективных представлений, оценок и воль, формирующих ВПО.**

Поэтому для того, чтобы лучше понять процесс формирования новой политической стратегии необходимо, как минимум, адекватно оценить:

— во-первых, новые политические цели, стоящие перед Россией;
— во-вторых, существующие возможности и ресурсы нации;
— в-третьих, субъективные решения правящей элиты относительно как первого, так и второго, которые в итоге и дадут нам представление о новой стратегии России.

Прежде всего, как уже говорилось в самом начале раздела, необходимо признать, что существующая политическая стратегия в период «Восстановления» себя исчерпала. Ее неэффективность видна в двух принципиальных проявлениях — продолжающемся усилении политики «силового принуждения» со стороны Запада[527] и продолжающейся стагнации социально-экономического развития России[528], т. е. в двух важнейших областях.

Чтобы предотвратить такое развитие ВПО необходимо **сменить пассивную стратегию «стратегической обороны» на активную, мобилизационную, стратегию** под условным названием «контрнаступательных действий», предполагающую, как минимум, активные мероприятия самого широкого профиля по предотвращению усиления позиций Запада на постсоветском пространстве и в России.

---

526 В реальной политике так происходит не всегда: на некоторое время могут доминировать личные и групповые интересы и ценности, как, например, при М. Горбачеве и Б. Ельцине.

527 В 2020 году это развитие наглядно проявилось в событиях в Белоруссии, армяно-азербайджанском конфликте, в Киргизии, в Украине, казусе с Навальным и «Северным потоком-2».

528 Спад в экономике в 2020 году, вызванный пандемией, только наложился на социально-экономическую стагнацию.

На предлагаемом рисунке развития возможных сценариев МО и ВПО и теоретически возможных вариантах противодействия это будет выбор между вполне конкретными вариантами № 2 и № 4 социально-экономической и военной политики страны, от которого зависит в первую очередь военно-техническая политика страны.

Это предполагает самый широкий спектр политико-идеологических мероприятий в российском обществе, прежде всего, его правящей элите, и достаточно масштабные изменения в подготовке лиц, занятых государственным, политическим и военным управлением, т. е. в НЧК и его институтах уже в ближайшее время. Как и древний грек Ксенофонт, необходимо «показать врага» публично и признать несостоятельность прежней политики, которая на периоде «Восстановления» себя исчерпала и не может быть более эффективной.

В частности, необходимо объединить внешнеполитические усилия в рамках единой — дипломатической, экономической, информационной и военно-политической стратегии, когда желаемая политическая цель достигается комплексом мер, например, в отношении Белоруссии было правильным поддержать дипломатические контр санкции Минска против Литвы, Польши, Эстонии и Латвии, которые можно и надо было бы усилить активными мероприятиями в области внешней торговли, информационной политики, поддержки русскоязычного населения и НКО в этих странах, а также ***тех групп и лидеров, которые могли бы формировать нужную России политику.***

При этом следует исходить из реально ведущихся, более того, усиливающихся, приготовлений США и возглавляемой ими военно-политической коалиции, о которых подробнее будет сказано ниже. В частности, решающее значение (как показал опыт военных действий последних 30 лет, начиная с войны США против Ирака) в будущем будет иметь потенциал средств воздушно-космического нападения и обороны. Именно они являются тем маркером, который свидетельствует наиболее точно о наращивании военного потенциала страны, во-первых, и наиболее решающих в военном отношении средств ведения войны, во-вторых.

До последнего времени, вплоть до конца 2020 года, эволюция национальной стратегии России, как представляется, развивалась по «Варианту № 2» («Продолжение политики стратегического сдерживания»), фактически подтвержденному В. Путиным на совещании в Совбезе 22 ноября 2019 года, предполагающего на практике *широкое стратегическое отступление России на основных направлениях:*

— политико-идеологическом (реакция на усиливающиеся политические и идеологические провокации, не предполагающая активных действий);
— ответные шаги («контрсанкции») в финансово-экономической области;
— отказ от идеологического лидерства и попыток перехватить инициативу в когнитивно-идеологической области;
— ухудшение социально-экономического и внутриполитического положения.

Как известно (и на это обращал внимание А. Свечин), «Искусство вождя — это, прежде всего, искусство усмотреть верную цель и указать путь к ее достижению. На любом фронте человеческой деятельности»[529]. Поэтому, когда на уровне военно-технического противоборства В.В. Путиным провозглашалась, по сути, концепция «сохранения предыдущих усилий» (за исключением развития некоторых качественно новых направлений в создании ВВСТ, созданных в предыдущие годы), на практике это выражается в достаточно медленной замене новейшими ВВСТ устаревших систем в ВС РФ, а новейшие образцы не становятся массовыми, т. е. закупки новейших систем ВВСТ и боеприпасов носят ограниченный характер. Понятно, что это связано с ограниченными ресурсами и поиском оптимальных решений в процессе «восстановительного» периода, но все же…

Постепенно становится все очевиднее, что подобная стратегия не может продолжаться долго — отступление *неизбежно ве-*

529 *Свечин А.* Методы стратегического мышления // В кн.: Стратегия в трудах военных классиков. М.: ИД «Финансовый контроль», 2013. 592 с., сс. 19–27.

дет к качественному изменению в положении России, что, во-первых, уже стало остро ощущаться населением, а, во-вторых, привело к «накоплению» отрицательных результатов во внешней политике. Как известно, именно в эти годы противоречия стремительно перерастали в открытое политико-информационное или политико-дипломатическое противоборство. Успех или неудачи в таком противоборстве обеспечивались, прежде всего, наличием и использованием невоенных инструментов силовой политики, которые входят традиционно в перечень сил и средств так называемой политики «мягкой силы». В целом набор силовых средств как жесткой, так и мягкой силы составил расширяющийся спектр мер и средств политики, получившей название на Западе политики «силового принуждения»[530].

Надо признать, что в самые последние годы Запад был вынужден пересмотреть свое отношение к возможностям России в этой области. Если еще до недавнего времени они рассматривались как сверхмалые, на грани того, чтобы с ними считаться, то опыт нарастающего противоборства последних лет показал, что в России умеют быстро учиться специфическим приемам применения «мягкой силы». Прогресс, конечно, не достиг необходимого уровня, но тем не менее. В частности, еще в 2016 году PR-агентство Portland представило традиционный рейтинг 30 стран по влиянию с использованием «мягкой силы». Под термином «мягкая сила» в этом рейтинге понимается влияние государства на мировую политику посредством своей культуры, языка и других гуманитарных ценностей. Рейтинг агентства Portland рассчитывается на основании 7 основных критериев, среди которых 6 объективных (культура, образование, деловой климат, стандарты государственного управления, распространенность цифровых технологий, отношения с другими странами), а также данные социологических опросов.

530 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Взаимодействие официальной и публичной дипломатии ы противодействии угрозам России / В кн.: Публичная дипломатия: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2017, сс. 36–53.

Первое место заняли США, сместив на вторую позицию Великобританию — лидера прошлого года. Среди самых влиятельных стран, использующих для своего доминирования во внешней политике «мягкую силу» — также Германия, Канада и Франция. Япония заняла 7, Китай — 28 место. Израиль в список не попал. Нет в списке ни одной мусульманской страны, однако «Soft Power 30» 2019 года принес неожиданность — впервые в список попала Россия, заняв в нем 27-е место. Успех принесли показатели влияния «мягкой силы» в области культуры. И, конечно же, образования.

На глобальное восприятие России повлияло также ее участие в борьбе с террористами в Сирии. При этом авторы рейтинга не преминули отметить — проявления «жесткой силы» в России гораздо более заметны, чем проявления «мягкой силы». По распространенности цифровых технологий Россия оказалась на 11 месте, по культурному влиянию — на 14, по международным отношениям — на 8, по качеству образования — на 20. В любом случае, попав в «Soft Power 30», Россия значительно продвинулась в мировом восприятии стран.

Таким образом, можно констатировать, что Россия фактически стала использовать те же средства и способы невоенного силового принуждения, которые использовались в последние десятилетия против нее. Но это использование, надо признать, еще далеко не всегда эффективно и своевременно. Нередко мы запаздываем и — сознательно или нет — отвечаем не с той эффективностью и не в тех масштабах, как надо. Простой пример: в последние годы враждебная активность чиновников ЕС достигла небывалой высоты, что вынудило даже С.В. Лаврова отметить 13 сентября 2020 года, что «возможно прекращение общения России со структурами ЕС». Однако вплоть до последнего времени сохранялась ситуация, когда ЕС, страны Запада категорически не признавали ни ЕврАзЭС, ни ОДКБ. Странное неравноправие, сохраняющееся годами, которое трудно оправдать правилами взаимности.

Мы находимся только в самом начале процесса, который требует осмысления и организационных мер в целях повышения своей эффективности, а также нормативного закрепления. Количественно, можно оценить его по 100 бальной шкале как уже не ноль, но

еще далеко не 100, даже не 75 баллов. Очевидно, что с точки зрения применения всего комплекса силовых инструментов политики — «жесткой» и «мягкой силы» наступил новый период, который применительно к России можно определить, как период с 2014 года по настоящее время.

Окончательно переход к *системному силовому использованию всего спектра силовых инструментов Западом против России, по всей видимости, совершится к 2024–2025 годам,* т. е. к ожидаемому пику развития эскалации военно-силового сценария ВПО. Но уже сегодня, в 2021 году, явственно ощущаются его симптомы.

Таким образом, выбор новой политической стратегии неизбежен. Даже в условиях продолжающегося периода «Восстановления» старая стратегия уже не работает. Тем более она не оставляет перспективы, что равносильно поражению. Новая стратегия — стратегия осознанного противоборства — отражается просто-напросто существующие реалии не только в отношениях с Западом, но и внутри России. Она требует адекватных и точных оценок и таких же адекватных и точных мер противодействия по отношению к врагу.

Таким образом, мы наблюдаем очевидный поиск в США и странах-союзниках наиболее эффективных (наименее затратных и рискованных, но имеющих влияние на Россию) силовых средств, среди которых в дальнейшем эксперты РЭНД-корпорации рассматривают набор наиболее эффективных силовых средств геополитического (политико-экономического и военно-политического) и информационно-когнитивного характера, которые в итоге по критерию «стоимость-эффективность» не превышают средних оценок, а влияние на Россию оценивается как «низкое». Проведенный экспертами анализ показывает, что военно-силовые средства по отношению к России достаточно рискованны, а их эффективность, как и результаты, минимальна.

Примечательно, что в этих условиях относительно перспективными из них представляются идеологические и информационные меры, имеющие своей целью ослабление и развал России, однако относящиеся, по мнению авторов, к высокорискованным операциям — «ущерб имиджу России за границей и дискредита-

ция правительства (режима)» и имеющими относительно скромные результаты.

Общий итог — противоборство с Россией во всех силовых формах — прямой и косвенной — малоэффективно и не результативно за **исключением *собственно мер, стимулирующих опережающее экономическое и демографическое развитие США*.** В этом смысле логика политики Д. Трампа по стимулированию промышленного производства, НИОКР, более выгодным условиям международной торговли и пр. представляется абсолютно оправданной и понятной, а лозунг «Америка — первая» точно отражает характер этой политики[531].

Надо признать, что этот вывод был сделан достаточно давно, особенно в связи с теми реальными рисками, которые возникали в 1945–1990 годы в случае реальной полномасштабной войны. Почему-то до сих пор считается, что «ядерное сдерживание» исключало и исключает такую возможность. На самом деле нет. И именно этот реализм сдерживает от нападения. Еще в 1950–1960 годы и (много позже) оперативные планы военных предусматривали возможность ведения войны с помощью ядерного оружия, а политиков держали вдалеке от реальных средств управления. При этом, поскольку ядерные удары не могли добиться полного уничтожения противника, предполагалось его добивать: «Для окончательного разгрома уцелевших группировок противника предусматривалось проводить наступательные операции фронтов, воздушно-десантные операции, а на некоторых направлениях — операции флотов и прифронтовых соединений войск ПВО страны»[532]. Самые последние маневры в Германии и НАТО 2020 года подтверждают концепцию ограниченного использования ЯО и тактических ядерных боеприпасов. Причем на разных ТВД.

Полный разгром противника должен был достигаться тактическими ядерными ударами, после которых следовали действия пол-

531 *Подберезкин А.И.* Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. 1599 с.

532 Военная стратегия. М.: Воениздат, 1963, с. 95.

ностью механизированных и высокомобильных общевойсковых соединений или частей. Вероятность тактического ядерного удара противника заставляла отказываться от сосредоточения сил, проводить рассредоточение и по фронту, и в глубину. Действия рассредоточенных сил определялись нанесением тактических ядерных ударов, которые подавляли и частично уничтожали оборону противника, а общевойсковые соединения должны были немедленно направить свой удар на районы, уже пораженные ядерным ударом, быстро пройти зону ядерного взрыва и устремиться дальше в глубину построения противника.

Характеризуя ядерные удары, советское командование подчеркивало возможность маневра огнем, то есть быстрого сосредоточения ядерных ударов по важным целям, переноса и рассредоточения при необходимости. Использование терминологии, пришедшей из артиллерии, а также общий характер применения ядерного оружия в войне, явно говорит о том, что советское командование воспринимало ракетно-ядерное оружие как разновидность артиллерии, только особо мощной и особо дальнобойной. Ракетно-ядерное оружие всех типов позволяло провести очень быструю (Маршал Советского Союза В.Д. Соколовский писал о 30 минутах нанесения ядерного удара) и масштабную артподготовку стратегического наступления, от поражения передовых сил противника до разрушения военно-хозяйственных объектов в его глубоком тылу, то есть на всю стратегическую глубину. Ядерная артподготовка потрясала и ослабляла противника, открывая возможность перед механизированными соединениями стремительного рывка, маневра и быстрого достижения полного разгрома сил противника.

Эти взгляды были сформулированы в начале 1960-х годов, и от них не отказывались вплоть до начала 1990-х годов, когда в официальной военной стратегии появилась идея «ядерного сдерживания». Советская доктрина по-прежнему ставила на сочетание ядерной артподготовки с мощным танковым наступлением. Вместе с тем, все яснее становилось, что риски и издержки военных действий значительно перевешивают политические дивиденды и преимущества. Именно соотношение «стоимость (риски) — эффективность

(результаты)» стало определяющим мотивом американской политики. При этом цена и риски сводились, прежде всего, к военным последствиям. Экономическая эффективность применения военной силы всегда была невысокой, более того, о ней зачастую просто не задумываются. Так, расходы США на интервенцию и «урегулирование» в Ираке превысили 1200 млрд. долл., что с точки зрения экономической эффективности является абсолютно провальным результатом. Но о нем и не особенно беспокоятся.

С этой точки зрения военные и военно-политические средства «силового принуждения» России оказываются малоэффективны, а их последствия, как минимум, значительны, что хорошо отображено на следующей матрице, подготовленной экспертами РЭНД под расплывчатым названием «Геополитические меры».

Геополитические «не затратные» меры в отношении России	Вероятность влияния на ослабление России	Результаты	Цена и риски
Поставки летального оружия на Украину	Moderate	High	High
Увеличение поддержки оппозиции в Сирии	Low	Moderate	High
Поддержка оппозиции в Беларуссии	Low	High	High
Расширение связей на юге Кавказа (Закавказье)	Low	Low	Moderate
Уменьшение влияния России в Средней Азии	Low	Low	Moderate
Выбросить войска России из Преднестровья	Low	Low	Moderate

Рис.24. Геополитические меры.

Как видно, достаточно рискованные и высокорискованные мероприятия против России, по оценкам экспертов, не ведут к сколько-нибудь заметным результатам в достижении главной цели — ослабления России. Примерно та же самая ситуация и с мероприятиями в области идеологических и информационных мер, где достаточно высокие и очень высокие риски ведут к скромным результатам и практически не влияют на ослабление России.

Однако, подобные мероприятия рассчитаны на стратегическую перспективу внутриполитической дестабилизации России имеют фундаментальное значение, создавая угрозу системе национальных ценностей. Именно поэтому от них не будут отказываться, понимая необходимость работать «в долгую», на перспективу 20–30 лет, как это было в Украине, где в итоге были достигнуты блестящие с точки зрения США результаты.

Идеологические и информационные меры	Влияние на развал России	Результаты	Цена и риски
Устранить доверие к избирательной системе РФ	Low	Moderate	High
Создать впечатление, что режим не выражает национальных интересов	Moderate	Moderate	High
Поддержка протеста в России	Low	Moderate	High
Ущерб имиджу России за границей	Moderate	Moderate	Moderate

Рис. 25. Идеологические и информационные меры.

Таким образом, можно сделать вывод, что современная МО и ВПО формируется США и их союзниками силовыми, но не только (и не столько) военными средствами, а средствами экономического противоборства, которые направлены, прежде всего, на внутриполитическую дестабилизацию России и подрыв ее авторитета за рубежом. В конечном счете, на Западе считают, что именно эффективность экономики и способность к опережающему технологическому развитию решат политический вопрос о противоборстве в мире.

Как оказывается, можно сделать два достаточно традиционных вывода из этой констатации. Первый — именно так и происходило в течение всего XX века, когда успехи экономического развития предопределяли военно-политические результаты противоборства. Второй вывод не менее традиционен, даже банален: периодически со времен В.И. Ленина (говорившего о конечной победе той системы, чья производительность труда окажется выше), И.В. Сталина, сделавшего индустриальную и научно-техническую революцию в СССР, других советских руководителей, а также В.В. Путина, сфор-

мулировавшего задачу «технологического скачка» России, в очередной раз, военно-политические последствия развития ВПО предопределялись темпами и качеством экономического развития[533].

2.3.б). Главные положения Стратегии национальной безопасности России в новых условиях формирования военно-политической обстановки

Только ясная и точная политическая стратегия безопасности (как, впрочем, и любая иная стратегия) может сделать внешнюю и военную политику эффективной. Это ясно следует из всех теоретических положений, разработанных военными теоретиками, в том числе тех, которые суммировал Б.М. Шапошников. И, наоборот, — неэффективная внешняя и военная политика, прежде всего, объясняется отсутствием стратегии. Решающее значение такой адекватной стратегии имеет результат, ее соответствие состоянию и перспективам развития ВПО.

Настоящая работа, как уже говорилось выше, не является законченным исследованием и не претендует на окончательные выводы относительно закономерностей формирования, а тем более конкретных сценариев развития МО[534] и ВПО[535], однако она вполне определенно дает оценку тенденций развития ВПО, не претендуя на окончательные выводы, особенно с точки зрения военно-технической политики. Ее цель изначально ставилась как формулирование основных *направлений анализа и прогноза развития ВПО*, в

533 *Подберезкин А.И.* Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. 1599 с.

534 Некоторые аспекты развития МО были рассмотрены, например, в работе: Стратегическое прогнозирование международных отношений: кол. Монография / под ред. *А.И. Подберезкина, М.В. Александрова*. М.: МГИМО-Университет, 2016. 743 с.

535 См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. *А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец*. М.: МГИМО-Университет, 2014. 874 с.

наиболее прикладном, военно-политическом значении, необходимом для стратегического планирования в России. Так, как это происходит в общем виде в США в основных документах, например, военной стратегии страны[536].

Естественно, что существование России, как важнейшего субъекта ВПО и наиболее значимого объекта исследования, неизбежно объективно поставило проблему повышения эффективности российской внешней политики в условиях ***эскалации развития современного военно-силового сценария МО и его конкретного варианта — ВПО***. При этом были обнаружены некоторые не замеченные прежде (или недооцененные по значению) особенности. Например, в процессе работы было обнаружено исключительно сильное влияния развития национального человеческого капитала[537] и его институтов не только на развитие того или иного сценария ВПО, но и на политику, экономику (особенно ОПК[538]) и, в конечном счете, на стратегию безопасности России. В результате оказалось, что по целому ряду направлений исследований удалось либо только подойти вплотную к конкретным результатам (подсчете количества и качества НЧК), либо даже остановиться только на формулировке новых задач (например, роли в политике институтов развития НЧК), что, впрочем, тоже имеет немаловажное значение[539].

---

536 См: Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 11.

537 В принципе значение НЧК и его институтов стало объектом внимания в начале нулевых, когда автор работал в аппарате Правительства РФ, что нашло свое отражение в ряде документов и печатных работ, опубликованных под псевдонимом в те годы. См., например: Приоритетные национальные проекты и новая идеология, Часть 1 и Часть 2. М.: СГА, 2006. 362 с. и 296 с. Однако в полной мере такая переоценка не произошла до настоящего времени.

538 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции / В кн.: Промышленная политика: монография /коллектив авторов; под ред. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС, 2020, сс. 151–176.

539 Надо признать, что за последние 20 лет в этой области в России было сделано немного. В реальности, это признание СМИ не средством информации, а силовым невоенным оружием, что еще в начале столетия было нереальным (См., например: *Подберезкин А.И.* Средства массовой информации в развитых странах: свободы и несвободы. М.: ИД «А.Л. Федоров», 2004. 2007 с.).

Решить проблему адекватной количественной и качественной оценки потенциалов государств и их военной мощи на этом этапе не удалось (впрочем, такая конкретная задача для этого этапа и не ставилась), хотя направления этих исследований проглядываются уже достаточно отчетливо. Тем более, если говорить о конкретных приемах оценки и сопоставления государственной и военной мощи, и военных потенциалов. Так, в частности, надо понимать, что *количественные оценки* государственной или военной мощи ***не имеют абсолютного значения***, хотя нередко и выступают традиционно в качестве главных критериев. Они все больше отодвигаются по своему значению другими факторами силовой политики. Что, на мой взгляд, имеет ключевое значение для будущей военно-технической политики России и ее стратегического планирования в военной области.

Если даже прежде в истории огромное значение имело политическое и военное искусство, воля и способности политиков и военачальников, а не только «большие батальоны», то в настоящее время — множество иных факторов стали играть более важное значение. В частности, таких как внутриполитическая стабильность, качество НЧК и его институтов и пр. Сегодня, например, гораздо важнее знать, как соотношение сил влияет на политические — силовые (военные и невоенные) и иные возможности, — в частности, например, на стратегическую стабильность[540]. При понимании того, что представление об этом явлении не только между западными, но даже среди российских политиков и ученых разное: если на Западе имеют ввиду, прежде всего, стабильность как сохранение контроля за использованием ЯО (причем, как правило, только стратегического), то мы понимаем стратегическую стабильность значительно шире — как состояние неприменения военной силы в качестве внешнеполитического инструмента. Причем на всех уровнях военного конфликта, а не только ядерном.

---

540 В частности, проблеме критериев стратегической стабильности была посвящена специальная работа: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2019, сс. 68–91.

Такое соперничество является одним из последствий нарастающего силового противоборства в МО, которое проявляется не только и даже не столько в военно-технической области, сколько в многих других областях. Таким образом, военно-техническое противоборство выступает, во-первых, *следствием развития одного из сценариев* (в каком-то из его конкретных вариантов) МО и ВПО, а, во-вторых, проявляется в целом наборе силовых факторов и тенденций, где собственно военно-техническое соперничество играет не всегда самую важную роль, хотя сохранение «решающего превосходства на всех уровнях противостояния и продолжает оставаться требованием внешней и военной политики США[541]. Поэтому в данном разделе рассматриваются некоторые, самые общие, положения Стратегии национальной безопасности России в условиях развития нынешнего, крайне неблагоприятного, военно-силового сценария ВПО.

2.3.в). Повышение эффективности современного силового противоборства субъектов военно-политической обстановки

Проблема заключается в том, что нас всячески
готовят к миру, а в результате мы абсолютно не готовы
к тому, с чем приходится сталкиваться
в реальности, — к войне[542]
Р. Грин, стратегический теоретик

Сущность современного силового противоборства заключается, во-первых, в долгосрочном и усиливающемся стратегическом противоборстве основных субъектов и мировых акторов, а,

541 См.: Summary of the National Defense Strategy of the United States of America, Wash. Jan., 2018, p. 5.
542 *Грин Р.* 33 Стратегии войны. М.: РИПОЛ классик, 2016, с. 15.

во-вторых, в том, что такое противоборство неизбежно ведет к использованию очень широкого и постоянно расширяющегося спектра силовых сил и средств. Это положение, в частности, откровенно сформулировано в военной стратегии США 2018 года в самом первом абзаце[543]. Сказанное означает, что современное военное и военно-техническое противоборство это:

— не только соперничество военных экономик (которые занимают в настоящее время всего лишь 1–2% ВВП и промышленных мощностей)[544], но и *всего спектра гражданских технологий* и НЧК, а также его институтов развития;
— не только традиционное соотношение сил и соперничество в количестве и качестве ВВСТ и ВС, но и **качество** личного состава и эффективность управления, т. е. во многом качество НЧК ВС и ОПК;
— не только привычное и традиционное соперничество союзов и коалиций, но и возможности влиять на других участников ВПО в мире самыми разными мерами и средствами.

Все эти факторы, безусловно, имеют свое значение. Но главными на сегодня являются **количество и качество НЧК и его институтов**, способность и политическая воля правящей элит эффективно управлять национальными ресурсами и силовыми средствами политики. Именно эти критерии имеют в настоящее время наиболее приоритетное значение по сравнению с предыдущими периодами в развитии человечества, когда мощь вооруженных сил и возможности военной промышленности предопределяли конечный результат вооруженной борьбы государств[545].

В этой связи, необходимо сделать некоторые, самые предварительные, *выводы относительно* ***современной сути силового про-***

543 Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 1.

544 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции / В кн.: Промышленная политика: монография / *А.С. Булатов*. М.: КНОРУС, 2020, сс. 151–155.

545 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. М.: «Граница», 2018. 512 с.

тивоборства в мире *(как наиболее характерной черты ВПО), включая силовое противоборство* России с другими странами, только ***частью которого*** выступает военно-техническое противоборство, а именно:

Вывод № 1. Современное силовое противоборство происходит во **всех областях** взаимодействия субъекта ВПО с другими субъектами, акторами и факторами. Собственно, военно-силовое противоборство выступает **только частью**, такого силового противоборства, набором *определенных, а именно военно-технических, средств и способов* из более широкого спектра средств и сил силового противоборства между различными субъектами и акторами ВПО. Как правило — и об этом прямо говорится в официальных документах РФ, США и других стран — спектр таких силовых сил и средств включает в себя очень широкий набор — от информационно-пропагандистских сил и средств, способов изменения когнитивной среды противники, компьютерных средств до собственно средств вооруженной борьбы, включая ОМУ. Причем спектр этих средств силового противоборства стремительно расширяется. Условно их можно разделить на следующие две принципиальные характеристики:

— **Во-первых**, происходит дальнейшее развитие силовой политики по силам и средствам, когда силовые **военные** и силовые **невоенные** способы, и средства, каждый из которых, в свою очередь, делятся на подгруппы — «государственных» и «не государственных» мер и средств, составляющих вместе единую Военную организацию государства[546].

Подгруппа «Силовые **военные** средства и способы» политического влияния относятся к компетенции национальных (государственных и не государственных) институтов — Министерства обороны, МВД, Росгвардии и т. д., а также вооруженным не госу-

546 Традиционное представление о Военной организации государства включает ФОИВ, региональные и местные органы власти. На мой взгляд, это слишком узкая и неправильная трактовка: Военная организация государства должна быть расширена до представлений о Военной организации нации, т. е. включать в себя все национальные ресурсы — общественные организации и пр., т.е. все институты развития НЧК, включая частный бизнес и отдельных граждан, занятых самостоятельной деятельностью.

дарственным формированиям: ЧВК, военизированным организациям и т. п.

Подгруппа «Силовые **невоенные** средства и способы» — компетенция значительно более широкого круга государственных и не государственных органов и организаций — от Министерства культуры, Просвещения, Науки и образования до Россотрудничества и др. Причем внутри этой подгруппы происходит также разделение по признаку «силового принуждения»: на две основные, но взаимно сочетаемые стратегии

– **«мягкой силы» («soft power»),** способности добиваться результата за счет идеологической или ценностной привлекательности, которая в последнее десятилетия стала еще более «мягкой», ориентированной на привлекательность. В 2010 году был введен «индекс эффективности мягкой силы», который показывал эффективность влияния на:

а). Культуру;

б). Образование;

в). Привлекательность управления правительством;

г). Дипломатию, способность быть привлекательным для международной аудитории;

д). Бизнес/инновации — привлекательность экономики страны, способности к инновациям;

– **«силы принуждения» («coercive power»),** достижение результатов за счет использования широкого спектра экономических, политико-дипломатических и иных средств принуждения[547]. Эти меры особенно активно используются США и их союзниками против России и целого ряда других стран. Причем нередко для их принятия создаются искусственные поводы, как это было с «делом Скрипалей», «выборами в США», «делом Навального» и пр.

— **Вторая характеристика** связана с тем, что происходит стремительное **усиление значения *невоенных средств силового***

547 См. подробнее: Аналитический обзор стратегий распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве. М.: Россотрудничество, 2020. 60 с.

принуждения, которые относятся, прежде всего, к институтам развития НЧК. Эти институты развития, также, делятся на государственные институты, исполнительную, законодательную, и судебную власть, силовые и социальные институты, в частности, негосударственные институты развития НЧК — политические, общественные, групповые, личные и т. д.

Речь идет не только о так называемых персональных санкциях или мерах по ограничению экономической, торговой или финансовой деятельности, но и широкого круга других областей, например, спортивных мероприятий, культурного сотрудничества или инициировании «кампании штрафов» и других ограничений и запретов.

— **В-третьих,** среди основных средств военного противоборства в настоящее время (как и в 80-е годы прошлого века) выступает ставшей традиционной борьба за технологическое (военно-технологическое) превосходство, проигранная СССР, по мнению политиков в США, в прошлом веке (на самом деле такого проигрыша не было, тем более в военной области, где ВС и ВВСТ СССР были по многим критериям лучше США и их союзников).

В настоящее время этот приоритет в политике США очевиден. В этой связи, обращает на себя внимание, например, замечание заместителя министра обороны США по НИОКР Майкла Гриффина, который в декабре 2019 года заявил следующее: «Мы знаем, что нам надо делать. Национальная оборонительная стратегия определяет направления основных усилий в области ВВСТ: «обновленная ядерная триада», микроэлектроника, кибербезопасность, биотехнологии, «5Джи», космос, гиперзвук, искусственный интеллект, роботизированные автономные системы, сетевая (сетецентрическая), система ПРО, квантовая технология среди прочего[548]. Превосходство в этих технологиях, превращенное в военное превосходство, *угрожает нашим противникам больше, чем отвечает на*

548 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

их угрозы, являясь главным условием сдерживания или победы в военном конфликте».

Этот вывод чиновника принципиален: **США рассматривают победу в гонке технологий (включая военные) главным условием и средством политики «силового принуждения»**[549]. Учитывая, что «технологическая победа» — прямое следствие развития качества НЧК и его институтов, неизбежно следует вывод, что в военно-политической области именно качество НЧК и его институтов становится решающим фактором.

Вывод № 2. Требует, как минимум, переоценки **роли** НЧК, в частности, с точки зрения невоенных инструментов силовой политики, а также **значения** НЧК и его институтов в Стратегии национальной безопасности нашей страны, учета среди традиционных критериев НЧК таких важных показателей, как:

– качество фундаментальной науки и НИОКР;

– уровень технологического развития[550];

– качество экономики;

– уровень внутриполитической стабильности в стране и других показателей.

С точки зрения оценки **эффективности Национальной стратегии** (безопасности и развития), она в самом общем виде может определяться ***достигнутым уровнем развития НЧК и его институтов.***

Вывод № 3. Требуется ряд организационно-политических мер по усилению возможностей противодействия внешним влияниям со стороны институтов развития НЧК, прежде всего, невоенным силовым институтам «мягкой силы», а также институтам «силового принуждения». Это означает не только замену Стратегии национальной безопасности РФ более современным вариантом, но и реорганизацию всей военной организации страны.

---

549 Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 3.

550 Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 11.

Современная военная организация России сохраняет в себе все отрицательные черты военной организации СССР последних лет. Она сводится к управлению силовыми государственными институтами. И только, хотя пример организации ГКО СССР в июле 1941 года свидетельствовал о других возможных вариантах решения. Как видно из рисунка ниже, военная организация РФ — часть ФОИВ, ВС и вооруженных формирований, а также предприятий ОПК.

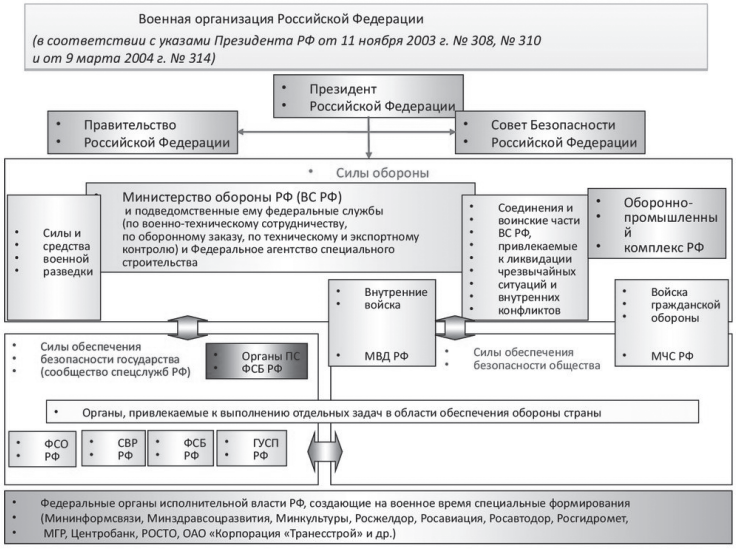

Рис. 26.

В существующей военной организации полностью отсутствую два важнейших «блока»:

Во-первых, блок, объединяющий институты развития человеческого капитала страны и его филиалы за рубежом — **не государственные** научные, культурные, образовательные, политические и общественные организации (НКО, МНПО и пр.), а также не государственные коммерческие, финансовые и промышленные институты, которые аккумулируют значительную часть потенциала

нации. Их использование за рубежом приобрело огромное значение еще во Вторую мировую войну, но особенно в настоящее время. Достаточно привести пример с такими гигантами промышленности и технологическими монстрами, как корпорация «Майкрософт» или структуры Илона Маска, чья капитализация превышает сотни миллиардов долларов.

Во-вторых, это блок, который связан с неформальными организациями — социальными сетями, разного рода сообществами и просто самостоятельными, креативными и «самозанятыми» гражданами, чья численность и потенциал стремительно растут.

Опыт СССР показывает, что эффективное противодействие создавалось под непосредственным руководством ведущих отделов ЦК КПСС (Международного отдела, где существовал специальный сектор «Общественных организаций», Отдела пропаганды и агитации, Организационного отдела, которые контролировали тысячи организаций и институтов на территории СССР) и 5-го Управления КГБ СССР. Вместе эти структуры контролировали не только состояние отношений между различными институтами, но и во многом даже сами зарубежные институты. Так, организации СКЗМ и КМО СССР могли, например, организовать миллионный митинг в Нидерландах против размещения ракет средней и меньшей дальности в Европе.

Отказ от идеологического и политического руководства со стороны федерального центра в России привел фактически к отказу от мощных институтов влияния, с одной стороны, и институтов противодействия внешнему влиянию, с другой. Произошло «одностороннее разоружение», которое с трудом и не всегда компенсируется новыми структурами типа «Спутник».

Между тем, редакция Конституции РФ требует внимания к ее системной защите от внешнего влияния силовых невоенных институтов, которое в США обеспечивают как государственные структуры (ФБР, Государственный департамент и др.), так и многочисленные негосударственные институты. В ФРГ этим откровенно занимается специальное ведомство по охране Конституции (БНД).

В настоящее время большинство советских институтов и организаций уничтожено, либо существенно ослаблено, а реального управления со стороны федерального центра практически нет: политическое руководство со стороны администрации Президента РФ не может обеспечить необходимого внимания. Большинство оставшихся институтов (РИА-Новости, Россотрудничество, профсоюзные и молодежные, а также студенческие и иные организации) фактически предоставлены сами себе.

Так как в России не может вернуться советский опыт, а контроль за экстремистскими и террористическими действиями, которые в лучшем случае составляют 5% всех враждебных действий против Конституции России, лежит на ФСБ, то фактически эта область остается вне государственного контроля, что может неизбежно привести к возникновению проблем, связанных с внутриполитической стабильностью. Представляется, в этой связи, что при координации со стороны Совета безопасности РФ и управления Внутренней политики администрации Президента России *общий контроль за эффективностью действий по противодействию внешним* угрозам со стороны государственных органов (а в перспективе и не только государственных) должна взять на себя Генеральная прокуратура России, чьей непосредственной обязанностью является государственный контроль, за органами власти страны.

2.4. Значение национального человеческого капитала и его институты как альтернатива военно-техническим средствам политики

Первая ваша задача как стратега — расширить свое понимание слова «неприятель», включив в него понятие всех тех, кто действует против вас, препятствует вам, пусть даже незаметно[551]
Р. Грин, политический теоретик

Значение НЧК для Стратегии национальной безопасности России — ключевое. Его вполне условно можно разделить на два блока, которые взаимно дополняют и усиливают друг друга, выполняя не просто исключительно важную, но и решающую роль в развитии нации. Если представить нацию в виде биологического организма, то НЧК — это органы (сердце, мозг, печень и пр.), а институты развития НЧК — кровеносная система. Тогда природные ресурсы нации выполняют роль скелета, а машины, оборудование и все средства производства (активы) — мышц. Кстати, если посмотреть на современные биологические составляющие человека, которые определяют его здоровье, то они тоже делятся на общую массу, жир, кости и мышцы. Это условное сравнение нужно только для того, чтобы показать огромное, решающее значение НЧК для человека и нации:

Во-первых, сам НЧК нации, т. е. количество и качество человеческого капитала, его доля в национальном богатстве страны. Как известно, в развитых странах принято считать, что доля НЧК составляет 75–80% всего национального богатства, еще 10–15% приходится на созданные материальные активы, а 5–10% на природные

551 *Грин Р.* 33 Стратегии войны. М.: РИПОЛ классик, 2016, с. 46.

ресурсы. Существуют незначительные различия среди стран ОЭСР, например, для Норвегии (где огромные запасы углеводородов) и Германии (где природных ресурсов немного). Но в целом именно НЧК составляет главную часть национального богатства, а, кроме того, именно за счет увеличения НЧК обеспечивается практически все развитие нации и государства (по некоторым оценкам, до 99%)[552]. Природные ресурсы и активы в развитии государств играют незначительную, практически нулевую роль. Иными словами, качество и эффективность нации и государства зависят преимущественно от качества и количества НЧК. В самом упрощенном представлении — от демографических показателей и показателей качества населения. Классический индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП или ИЧР) здесь не вполне годится потому, что он не учитывает именно национальные показатели.

В этом смысле каждая личность, каждый отдельно взятый человек, это часть общего НЧК, а весь НЧК — сумма этих отдельных качеств. Поэтому используемые индексы не вполне подходят для оценки НЧК всей нации. Необходимо суммировать каждый потенциал отдельной личности с другими, т. е. для нации и государства важен не только каждый отдельный человек, но и его качество, его возможности. Если, предположим, потенциал отдельной личности будет равен индексу 0,0001, а всего таких личностей наберется 1 млн., то в итоге получится 10 единиц потенциала социальной группы, но если отдельный потенциал будет равен 0,9999, то и вся социальная группа, ее мощь, будет приближаться к 1 млн. Иными словами, мощь НЧК определяется, прежде всего, не количеством, а качеством индивидов. Особенно если речь идет о творческом потенциале таких индивидов, который может увеличить мощь НЧК на несколько порядков. Так, творческий потенциал С.П. Королева и его коллег позволил разрушенной экономике СССР обогнать в освоении космоса экономического и технологического лидера того времени США.

552 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Родионов О.Е.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020. 610 с.

Развитие качества НЧК ***каждой отдельной личности*** — не только главная общенациональная политическая цель, которую ищут последователи «национальной идеи», но и главное средство развития всей нации и государства. Действительно, с точки зрения национальной мощи, можно увеличить *качество НЧК*, например, огромной социальной группы, которое в итоге компенсирует демографические провалы. Так, в Индии, в частности, за последние 2–3 десятилетия более 300 млн. человек получили высшее образование, что позволило увеличить мощь страны в разы, а темпы развития ее экономики в десятки раз. Более того, это же привело к созданию в Индии качественно новой армии, оснащенной самыми современными видами ВВСТ.

Во-вторых, не важна сама «кровеносная система» — т. е. те институты, благодаря которым *развивается НЧК*. Проблема в том, что «сам по себе» НЧК не может развиваться: даже в семье (если живут изолированно) потенциал личности развивается благодаря знаниям, навыкам и воле отдельных личностей, использующих «семейные» технологии. Причем эти институты выполняют самые разные, но очень важные функции:

— развития НЧК личности и всей нации;
— противодействия внешнему влиянию различных акторов, например, враждебных СМИ и НКО, экстремистских, террористических и специальных организаций;
— осуществление функций инструментов внешней политики, в т. ч. силовых.

Эти институты могут быть как *государственными, так и негосударственными* — общественными, бизнес-структурами, смешанными, семейными и личными, т. е. в принципе каждый человек отдельно может стать таким институтом развития НЧК, когда он не только развивает себя, но и окружающих[553].

553 В широком смысле этого понятия, стремительное развитие институтов ЧК привело к появлению такого феномена как «народная дипломатия», «публичная дипломатия», а позже и «новая публичная дипломатия», как узаконенное использование невоенных силовых инструментов внешней политики. См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Глава 3. «Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России». В кн.: Публичная дипломатия: теория и практика. М.: Аспект пресс, 2017, сс. 36–54.

На политику государства, как уже говорилось, оказывают постоянное влияние большое количество внешних — государственных, международных и частных — институтов развития НЧК, в том числе институтов гражданского общества и разного рода НПО, фондов и прочих структур. Как негативное, так и позитивное. В военной стратегии США на это обстоятельство специально акцентируется внимание, когда утверждается, что «*негосударственные акторы начинают играть огромную роль в политике*»[554].

2.4.а). Значение национального человеческого капитала и его институтов для безопасности субъекта военно-политической обстановки

6 января (2021 г.) — день, который следует запомнить
в календаре насильственного сопротивления
федеральному правительству
Бр. Джексон, старший советник РЭНД

События последних десятилетий, начиная с массовых выступлений в СССР «демократической оппозиции» до попытки захвата Конгресса США 6 января 2021 года, показали, что среди силовых инструментов политики появились новые средства достижения политической победы — СМИ, социальные сети и НКО, — которые до настоящего времени не рассматриваются в качестве силовых средств военной организации государств. Между тем, это стало той реальностью, которую не учитывать нельзя. Как справедливо заметил старший советник РЭНД Брайан Майкл Джексон, «6 января — день, который следует запомнить в календаре насильственного сопротивления федеральному правительству. После фиаско в среду вышли стойкие приверженцы, чьи фантазии об украден-

554 Summary of the 2018 National Defense Strategy… P. 3.

ных выборах все еще подпитываются. Теперь они могли воодушевиться своей успешной конфронтацией: они выиграли битву за Капитолий. Продолжающееся глубокое чувство обиды в сочетании с нереалистичной оценкой собственной силы — всегда плохая комбинация. Неповиновение нелегко вернуть в коробку. События среды могут заставить протрезветь некоторых ранее подстрекательских политических лидеров, но для самозваных патриотов, триумфально шагающих по коридорам Капитолия, любые слабые осуждения со стороны таких политиков могут только усилить их чувство предательства и укрепить их решимость…. Мы вступили в новую эру»[555].

На самом деле «мы вступили в новую эру» еще в 90- годы, когда НКО и стихийные массы, управляемые СМИ, уничтожали СССР. Произошедшее (и происходившее прежде в СССР, СНГ, других странах, в том числе в Белоруссии в 2020 году) с точки зрения формирования СО имеет **решающее значение,** которое мы до сих пор еще не вполне оценили. Мы по-прежнему делим политику на «внешнюю», «внутреннюю» и «военную», когда говорим о развитии военной организации страны и укреплении ее обороны. Более того, даже военную организацию и потенциал мы сводим к понятию «военная мощь», измеряемую в основном качеством и количеством ВВСТ.

Поэтому необходимо сделать важный вывод: военная организация государства, представляющая собой в современной России совокупность государственных институтов (преимущественно силовых) должна быть заменена на **военную организацию нации**, т. е. совокупность не только государственных, но и общественных и бизнес — институтов, а также отдельных личностей (как это есть в США сегодня и как это было в СССР в годы Отечественной войны). Именно НЧК и институты развития НЧК стали **главными инструментами силовой политики и институтами развития государства.** Другие две части национального богатства — активы и природные ресурсы — стали играть второстепенную роль. Это оз-

555 *Брайан Майкл Джексон*. Битва за Капитолий // РЭНД, 21.01.2021.

начает, например, что ВВСТ (которые являются частью «активов» и играли прежде решающую роль в силовом противоборстве) уступили эту роль институтам развития НЧК. Поэтому постоянный акцент на развитии ВВСТ, который делается в современной России, иногда затеняет более важные приоритеты и более эффективные средства силовой политики — институты гражданского общества, СМИ и социальные сети.

Их объективный анализ и оценка эффективности деятельности крайне затруднена потому, что существует самая разная статистика, которая разбита по самым разным группам участников, факторов и акторов. Так, например, можно сказать *относительно определенно* только по такой группе акторов как международные и национальные неправительственные организации (МНО и НПО), которые *зарегистрированы* (значительное число таких организаций не зарегистрированы в органах юстиции и регистрации и действуют не формально). Поэтому, если говорить, например, только об этой группе зарегистрированных НПО, а не о всей когорте институтов развития НЧК (причем только о той их части, которые финансируются из-за рубежа, преимущественно из США, ФРГ, Великобритании, Японии), то в 2019 году их количество оценивалось следующим образом[556]:

Армения	**4,6 тыс. НКО и МНО**
Азербайджан	**100 представительств и филиалов**
Беларусь	**3 тыс. (200 МНПО, 200 фондов, 16 международных)**
Молдова	**7 тыс. организаций**
Украина	**около 80 тыс. НПО и МНО**
Казахстан	**около 23 тыс. НПО**
Кыргызстан	**около 32 тыс**.
Таджикистан	**2,5 тыс**.
Туркменистан	**????**
Узбекистан	**около 8,5 тыс.**

556 Аналитический обзор стратегий распространения гуманитарного влияния зарубежных стран на постсоветском пространстве. М.: Россотрудничество, 2020, с. 50.

Если предположить, что средняя численность НКО составляет хотя бы 30 человек, то не трудно подсчитать численность зарегистрированных организаций, финансируемых из-за рубежа. В Белоруссии, например, это будет, как минимум, 30 х 3000=90 000 человек, что обеспечивает «улицу» при любом развитии событий. Надо понимать также, что финансируются и радикальные, и даже экстремистские организации, члены которых должны участвовать и провоцировать самые острые силовые формы борьбы, вплоть до применения оружия. Понятно откуда берутся организованные группы, среди которых всегда находятся несколько десятков или сотен подготовленных и оплаченных боевиков, готовых к самым рискованным действиям.

Прежде всего надо попытаться оценить саму мощь этого фактора — НЧК. Также как пытались определить не раз мощь государства или военную мощь. Для этого необходимо провести переоценку традиционного представления об НЧК как индексе развития человеческого капитала, сложившуюся с 90-х годов в пользу новой **формулы НЧК**, которая может выглядеть следующим образом: **сумма слагаемых основных факторов развития НЧК и его институтов.** Таких основных слагаемых, которые можно назвать базовыми критериями, четыре:

Первое слагаемое: Уровень развития НЧК — человеческий капитал индивида (образование, здравоохранение, душевой доход, рассчитываемые по известной традиционной формуле), но учитывающий уровень индивидуального развития наиболее передового творческого класса страны, составляющего 25–30%, обеспечивающего прирост 95–99% ВВП и качество социального и экономического развития.

Сказанное означает, что чем выше доля креативного (творческого) класса в численности населения, например, более 20% (30–50%) и чем выше *коэффициент использования ими своих творческих возможностей*, тем выше НЧК всей нации и государства. Причем намного, в разы выше. Увеличение этих двух показателей — главная стратегическая задача, стоящая перед руководством страны. Иллюстрация этой мысли может быть следующая: страна

(например, Россия) с численностью населения в 150 млн. человек, обладающая развитым креативным классом (в 50%, а не в 20%), т. е. 75 млн. человек, используемым, как минимум, на 30-50%, в десятки раз мощнее (политически, экономически, в военном отношении) чем такое же государство с численностью в те же 150 млн. человек и аналогичными по своей величине промышленными и иными активами. Более того, это государство даже сильнее и динамичнее в своем развитии чем государство с населением в 900–1000 млн. человек, но численностью креативного класса в несколько раз меньшей и экономикой в несколько раз большей, чем первое государство.

Для России, отстающей по соотношению экономических сил в 15 раз от США и 30 раз от западной военной коалиции, быстрое развитие НЧК и особенно институтов его развития — единственный способ «перескочить через этап» такого качественного отставания по уровню мощи государства, которое сложилось за последние 30–40 лет.

Второе слагаемое: количество и степень развития институтов ЧК (прежде всего научных, профессиональных, творческих и образовательных школ), которые обеспечивают развитие и реализацию НЧК. Эта проблема наименьше изучена, с одной стороны, и наиболее актуальна, — с другой. Именно институты НЧК стали наиболее важными инструментами силового влияния государств в международных и военно-политических отношениях. Причем не только государственные институты (и не только силовые), но и общественные, бизнес и даже личностные. Так, изменение вектора развития наций и государств в ходе социальных революций происходит под влиянием общественно-политических институтов развития НЧК (партий, общественных организаций и т. п.), но по аналогии такие же радикальные изменения в общественно-политическом и государственном устройстве могут происходить под влиянием религиозных институтов развития НЧК (как, например, в Иране) или национально-этнических институтов НЧК (как на Украине).

Степень развития и качества институтов НЧК означает, в конечном итоге, способность государства и нации сохранить внутриполитическую стабильность, защитить свою систему ценностей,

национальные приоритеты и интересы от силового давления извне. Так, мощные национальные институты развития в области образования и воспитания не позволяют влиять на воспитание молодого поколения в антинациональном направлении. И, наоборот, — слабость таких институтов означает, что внешнее силовое воздействие будет разрушительным.

Таким образом, институты развития НЧК — инструменты быстрого роста не только НЧК, но и всей мощи государства и силовых средств его политического и военного влияния. Некоторая их часть (не самая важная и не самая значительная) получила название инструментов «мягкой силы». Они иногда могут оказывать существенное влияние на противника, в особенности в том случае, когда собственные инструменты «мягкой силы» слабы и неэффективны. Так, в 90-е годы российский кинорынок был фактически оккупирован западным кинематографом, который формировал сознание молодого поколения. К сожалению, ситуация во многом сохранилась и до настоящего времени.

Институты развития НЧК в современном мире развиваются стремительно, опережая по темпам любые иные инструменты внешнего влияния. Они в наибольшей степени соответствуют двум главным критериям — «стоимость-эффективность» (в силу своей дешевизны) и низкой степени риска (в особенности по сравнению с инструментами военно-силового давления). Они, кроме того, являются наиболее используемыми и эффективными инструментами силовой политики, которые играют в настоящее время решающую роль в международных отношениях. Именно на эти инструменты в настоящее время делает основную ставку западная военно-политическая коалиция: санкции, политико-дипломатические меры, информационно-когнитивное влияние, в особенности сетевые СМИ и сети, негосударственные институты развития образования, науки, техники и бизнеса.

Третье слагаемое: уровень и качество фундаментальной науки и НИОКР. Важнейшей составляющей НЧК и его институтов развития стала наука, НИОКР и технологии, которые превратились в главный инструмент развития общества, экономики и государ-

ства, прежде всего через институты развития НЧК в фундаментальной науке, НИОКР и разных областях технологий и промышленности. Надо ясно понимать, что уровень фундаментальной науки и НИОКР в стране, качество технологического развития превратились в решающий национальный ресурс, без которого невозможно ни социально-экономическое развитие, ни обеспечение безопасности.

С точки зрения оценки современного состояния НЧК и институтов его развития эти факторы играют решающую роль, которая в настоящее время может быть измерена достаточно точно: финансирование фундаментальной науки и НИОКР, поисковых исследований, разработка технологий, сопоставление этих расходов с аналогичными расходами в других странах — один из таких методов. Есть и другие — социологические, статистические, экспертные опросы (например, при оценке рейтингов университетов, которые используются уже сравнительно давно) и т. д. В любом случае можно говорить о возможности учета потенциала науки и технологий, при оценке НЧК и институтов его развития.

Четвертое слагаемое: уровень развития военно-технической сферы и промышленных технологий и обрабатывающей промышленности, способный обеспечить потребности национального ОПК и ВС[557]**.**

Уровень промышленного развития, прежде всего отраслей глубокой переработки (приборостроения, станкостроения и др.) во многом определяет качество НЧК и его институтов развития потому, что именно там сосредоточена значительная часть человеческих ресурсов творческого класса — главного носителя НЧК. Именно конструкторы, инженеры высокопрофессиональные работники ОПК составляют основу творческого класса не только в количественном, но и в качественном отношении не только в силу высокого уровня образования и постоянной переподготовки, но

557 Для МО США, например, этот вывод является точкой построения военной политики. См.: Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 11.

и необходимой гражданской ответственности. Так, на предприятиях Концерна ВКО «Алмаз-Антей» в настоящее время постоянно занято более 120 тысяч человек, основная масса которых трудится в НИИ, КБ и на высококвалифицированных производственных участках.

Таким образом, можно констатировать, что с определенной степенью условности *основные слагаемые НЧК и институтов его развития группируются по 4 группам, которые, в конечном счете, и определяют уровень развития НЧК и его институтов*. С точки зрения оценки ВПО и СО это будет означать реальную оценку *мощи силовых невоенных институтов государства, которые могут быть использованы во внешней и внутренней политике.*

Все эти четыре основных слагаемых в свою очередь являются композитными, комплексными, состоящими из других важных показателей. В частности, например, уровень развития фундаментальной науки (третье слагаемое), по мнению некоторых исследователей, определяет имеющаяся в научных организациях научная среда, формируемая в результате длительной работы научных школ и материализованная в коллективах научных работников. Другими словами, — научные школы, существующие какое-то время и имеющие определенные научные результаты.

Ключевой долгосрочный фактор, характеризующий развитие системы фундаментальной науки – уровень осознанной ее значимости для государства и общества, а также престижности фундаментальной науки и работы в ней. В краткосрочном периоде проведение фундаментальных исследований зависит, в том числе, от численности и качества имеющихся в науке человеческих ресурсов, ее технической и технологической оснащенности, уровня финансирования науки».

Уровень развития НИОКР (также третье слагаемое), как правило, определяется *долей расходов в ВВП*. Так, например, в докладе ЮНЕСКО «Рейтинг стран мира по уровню развития НИОКР», опубликованном в 2017 году, говорится: «Уровень национальных расходов на НИОКР — это относительная величина, которая рассчитывается, как общий объем государственных и частных расходов

на НИОКР в течение календарного года, включая государственные бюджеты всех уровней, бюджеты коммерческих организаций, гранты и пожертвования от частных фондов и неправительственных организаций. Уровень расходов на НИОКР выражается в процентах от валового внутреннего продукта. Показатель рассчитывается на основе данных национальной статистики и международных организаций. В качестве источника информации выступает база данных Института статистики Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), которая обновляется ежегодно, однако запаздывает в среднем на два года и охватывает далеко не все государства, так как многие страны не могут предоставить ежегодную статистику по данному показателю». В частности, для России этот показатель последние годы составляет 1,1% ВВП, а для Ирландии — более 4%, Кипра, Италии и Греции — порядка 3%. Это означает, что Россия, как минимум, недофинансирует НИОКР в 3 раза по сравнению со странами среднего уровня научно-технического развития.

Мы больше не можем конкурировать в космосе с другими ведущими в этой области державами. К такому печальному выводу подвел присутствующих на заседании комитета Госдумы РФ по образованию и науке президент РАН Александр Сергеев[558]. «Наше отставание имеет численный показатель — космическая наука финансируется в 60(!) раз меньше, чем научные проекты NASA. Постоянно недофинансируются и проекты в других областях науки — в частности, постоянно переносятся сроки сдачи передовых ускорителей уровня «мегасайнс». «К чему подводят нас? — задал вопрос Сергеев. Может, нам совсем отказаться от космоса?»

Первым «реквием» по российской науке исполнил открывший заседание председатель Комитета по образованию и науке Вячеслав Никонов. Он констатировал, что, если судить только по количеству ученых, Россия уже давно не является лидером в научном мире. «Сегодня в Китае в шесть раз больше исследователей, чем в России, в США — вдвое! Хотя когда-то у нас их было гораз-

558 Глава РАН заявил о потере Россией космоса // ТАСС, 26 ноября 2020 г.

до больше», — отметил Никонов. Ежегодно только 1 процент наших выпускников идет в науку. Почему так происходит? Вроде бы президент страны Владимир Путин еще в 2012 году издавал указ о восстановлении уровня финансирования науки в размере 1,77 ВВП к 2015 году. Но его, увы, не исполнили даже к 2020-му. Этот уровень по-прежнему составляет 1,1% от ВВП.

«Финансирование научного космоса снижено фактически до минимума, что не позволяет нам конкурировать с NASA», — признал президент РАН. Он вспомнил совещание с президентом страны относительно Федеральной космической программы. Она, как известно, урезается, и, что самое обидное для ученых, — за счет научного космоса. «По этой программе на 2016–2025 годы планировалось выйти на финансирование 12–15 млрд. рублей в год под задачи научного космоса», — сказал Сергеев. На деле же мы видим, что «к 2022 году финансирование работ должно упасть до 2,9 млрд. рублей вместо 15 млрд. В текущем году финансирование научного космоса, которое есть в России, **в 60 раз меньше, чем финансирование научного космоса в NASA».**

Экономим мы на самом элементарном — например, на приборной базе, которая давно морально и физически устарела, 9–12 лет для многих приборов — это очень большой срок. На их обновление, по словам Сергеева, в 2020 году запланировано потратить около 10 млрд. рублей, к 2024 году эта сумма должна возрасти до 90 млрд. Звучит громко, но на самом деле...

«Что такое 90 млрд. рублей, — задался вопросом Сергеев, — это всего лишь 1 млрд. евро. Сумма, выделяемая в год на финансирование одного (!) европейского института». А ведь успех науки, уровень конкурентоспособности во многом зависит именно от владения уникальными инструментами. Тут Александр Михайлович вспомнил про установки уровня «мегасайнс», такие, как исследовательский ядерный реактор на территории Петербургского института ядерной физики им. Б.П. Константинова в Гатчине: «В 2010 году он был передан в Курчатник (Курчатовский институт. *Авт.*). Его президент Михаил Ковальчук обещал быстро ввести его в строй, но на дворе уже истекает 20-й год, а запуск все переносится».

И такое отставание — практически во всем. В космической программе запланировано до 2024 года запустить аппараты «Луна-25», «Луна-26» и «Луна-27». Но позвольте, американцы с китайцами к этому времени уже будут запускать к Луне пилотируемые станции с космонавтами, создавать научные городки. «А мы собираемся отправлять только автоматическую станцию?! — резонно недоумевает президент РАН. Проблемы с постоянными сдвигами и долгостроем приводят к тому, что проекты устаревают и становятся порой не интересны не только мировому научному сообществу, но и нам самим».

Уровень развития технологий и обрабатывающей промышленности (четвертое слагаемое), *является относительным*, т. е., как правило, определяется *сравнением и сопоставлением отдельных областей и достижений ведущих государств мира.* Оценка уровня отдельных российских технологий по отношению к мировому уровню получена в результате поисков конкретных российских технологий по запросам иностранных компаний и отражает мнение иностранных заказчиков. Всего проанализировано около 200 запросов компаний из США, Японии, Южной Кореи, Западной Европы. Анализ результатов позволяет сделать вывод о том, что даже в такой отрасли, как электроника существует множество технологий, которые, по мнению иностранного заказчика, имеют уровень, не уступающий мировому. В то же время, доля высоких технологий в целом по промышленности, имеющих мировой уровень, превышает аналогичный показатель в области электроники.

В соответствии с рядом правительственных документов были разработаны приоритетные направления развития науки и техники, а также перечень критических технологий федерального уровня. В качестве приоритетных были утверждены восемь ведущих научных направлений развития науки и техники, заслуживающих особую поддержку и имеющих первостепенную важность для России:

— информационные технологии и электроника;
— производственные технологии;
— новые материалы и химические продукты;

— технологии живых систем;
— транспорт;
— топливо и энергетика;
— экология и рациональное природопользование;
— фундаментальные исследования.

Весьма показательным является сравнение критически важных технологий России с прежним прогнозом технологического развития Японии на период *до 2010 года* в области электроники и новых материалов. Высокая *степень совпадения* свидетельствует об осознанном и обоснованном прежнем намерении России ликвидировать отставание от наиболее развитых в технологическом отношении стран. Которое, как показало время, оказалось почти не реализованным.

Таблица 5. Сравнительная таблица развития основных приоритетов в технологической области Японии и России до 2010 года показывает практически полное совпадение подходов

Прогноз технологического развития Японии до 2010 г.	Критически важные технологии России
Электроника и информатика	Информационные технологии и электроника
Микроэлектроника: – самовоспроизводящиеся чипы	Микроэлектроника:· – элементы памяти с емкостью до 1 Гбит
Оптическая электроника:· – элементы и узлы оптических ЭВМ	Оптическая электроника: – криоэлектроника
Оборудование информационных систем:· – нейро-ЭВМ	Информационные технологии:· – вычислительные системы на базе нейрокомпьютеров, транспьютеров и оптических ЭВМ
Программное обеспечение: – системы автоматического перевода – системы моделирования реальности (Virtual Reality Systems) – самопополняющиеся базы данных	Программное обеспечение: – системы распознавания и синтеза речи, текста и изображений – системы искусственного интеллекта и виртуальной реальности – системы математического моделирования
Новые материалы	Новые материалы и химические продукты

Прогноз технологического развития Японии до 2010 г.	Критически важные технологии России
Керамика: – новые виды стекла (нелинейное оптическое стекло)	Керамические материалы и нанокерамика: – новое поколение газотурбинных и прямоточных воздушно-реактивных двигателей с использованием керамических материалов
Полупроводники: – полупроводниковые элементы со сверхрешеткой	Материалы для микро– и наноэлектроники: – гетероструктуры на квантово-размерных эффектах
Металлы: – магнитные материалы	Материалы и сплавы со специальными свойствами: – высокоэффективные хорошо свариваемые титановые сплавы
Композитные материалы: – высококачественные композиты типа С-С	Композиты: – высококачественные материалы с заданными свойствами для конструктивных изделий авиакосмической техники, радиоэлектроники, криогенной аппаратуры, медицины

Причина того, что планы не реализуются, — не одна. Главная, на мой взгляд, отсутствие политической воли и ясного целеполагания, подкрепленного реальными механизмами реализации. К настоящему времени, по мнению ряда специалистов, Россия безнадежно отстала от мировых лидеров[559]. Тем не менее, и в электронике все еще существует значительное количество боеспособных технологий, конкурентное преимущество которых заключается в низкой стоимости. Эти примеры подтверждают тезис о том, что практически в любой отрасли можно найти высокоэффективные технологии, имеющие хороший экспортный потенциал.

559 *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции. В книге: Промышленная политика: монография / коллектив авторов под ред. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС, 2020, сс. 151–177.

Однако, как и в других сферах человеческой деятельности, работа в этом сегменте рынка требует специализации и высокопрофессионального подхода[560]. Российские компании могут поставлять на зарубежный рынок такие наукоемкие, соответствующие мировым стандартам изделия, как электровакуумные и СВЧ-приборы, полупроводниковые, газовые и твердотельные лазеры различного назначения, лазерные гироскопы, ЖК-индикаторы и панели, электронно-оптические приборы, мощные полупроводниковые приборы, газоразрядные панели, резисторы, конденсаторы и многое другое. Можно сделать уверенный вывод о том, что в России имеется хороший потенциал для коммерциализации разработок. Однако, значительные препятствия на пути коммерциализации технологий создает недооценка российскими технологами, подобно многим технологам во всем мире, роли финансов и менеджмента в коммерциализации технологий. Технология, финансы и менеджмент — вот те три кита, которые необходимо учитывать при обсуждении возможности использования российских технологий[561].

К сожалению, в России сложился крайне негативный опыт стимулирования институтов развития, которые воспринимаются как некие технологические комплексы. Правительство в очередной раз, уже весь 2020 год (и даже при прежнем правительстве) обсуждает варианты реформы институтов развития, идет анализ их работы, оценивается потенциал для координации, что означает только одно — их деятельность оказалась провальной. «Идея координации работы институтов развития обсуждалась еще прежним составом правительства, потому что государство не видит в полной мере ситуацию в этой сфере. Сейчас рассматриваются различные сценарии. Предложения по реорганизации системы институтов развития подготовили, в частности, ВЭБ.РФ (т. е. опять же И. Шувалов)

560 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. М.: «Граница», 2018. 512 с.

561 *Алексашин А.А., Гарбук С.В., Губинский А.М.* Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. М.: МГУ, 2011. 240 с.

и другие крупные компании с госучастием»[562], — говорит источник РБК, знакомый с деталями обсуждения, замечая, что решение о новой конфигурации еще не принято.

Другой сценарий — координация (опять же в рамках группы ВЭБ.РФ) с включением соответствующих институтов развития в контур госкорпорации, но без полной консолидации. В случае со «Сколково», «Роснано» и Фондом развития промышленности под координацией понимается синхронизация их инновационных и технологических стратегий со стратегией ВЭБ.РФ. «Речь идет о согласовании инновационных стратегий институтов развития с госпрограммами, «дорожными картами» госкомпаний и т. д., — поясняет источник РБК. Проекты должны получать поддержку, переходя от одного института развития к другому по мере их реализации».

Следующий вариант — координация в партнерском формате, которая предусматривает совместное управление институтами развития ВЭБом и профильными организациями. Также анализируется возможность продолжения координации деятельности институтов развития *в текущем формате, т. е. оставить все как есть*.

О том, что требования к институтам развития, а также возможность их перезапуска будут пересмотрены, в июле 2020 года говорил сам глава кабмина М. Мишустин, выступая с отчетом в Госдуме. «Институты развития — нужно посмотреть, что *конкретно делает каждый из них*. Какие есть проекты и результаты. И если понадобится, перезапустить их или создать новые инструменты для поддержки перспективных направлений», — заявлял премьер.

Это — фактическое признание бесконтрольности распоряжения ими бюджетными средствами в предыдущие годы и отрицательной эффективности. «Речь идет о создании механизмов

562 *Канаев П., Галимова Н., Казарновский П., Парфентьева И.* Власти подготовят сценарии реформы всех институтов развития. Один из них — передача координации институтов, в том числе «Роснано» и «Сколково» / www.rbc.ru/politics/21/10/2020/5f86fa779a79472305a440ce?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

совершенствования институтов развития и повышения их эффективности»[563], — отметили в его пресс-службе.

Напомню, что в 2018 году бывший первый вице-премьер Игорь Шувалов возглавил главный институт развития — Внешэкономбанк. К этому моменту госкорпорация, которую до этого возглавлял Сергей Горьков, показывала **рекордные убытки** (287 млрд. руб. в 2017 году). На балансе ВЭБ скопились непрофильные активы на 1,5 трлн. руб.: он кредитовал стройку олимпийских объектов и нес потери из-за вложений в украинские активы. Выход, как всегда, нашли бюрократический (смена названия, реструктуризация, освобождение от обязательств, которые теперь стали «ничьи») и с выгодой для того, кто обладал административным ресурсом. *С приходом Шувалова Внешэкономбанк сменил название на ВЭБ.РФ, и госкорпорация стала курировать деятельность других институтов развития.* Результат, как видно, остался тот же.

563 *Канаев П., Галимова Н., Казарновский П., Парфентьева И.* Власти подготовят сценарии реформы всех институтов развития. Один из них — передача координации институтов, в том числе «Роснано» и «Сколково» / www.rbc.ru/politics/21/10/2020/5f86fa779a79472305a440ce?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop.

2.4.б). Наиболее эффективные силовые средства внешней политики — выбор стратегии военного строительства

Можно говорить, что в XXI в. для нее
(публичной дипломатии — А.П.) наступил
новый этап, когда она превратилась из средства
обеспечения политической деятельности
в решающее по своему значению средство
политической деятельности, вытесняющее
и интегрирующее в себе другие формы,
включая самые традиционные и радикальные[564]
А. Подберезкин,
директор Центра военно-политических исследований
МГИМО МИД РФ

Поиск новых, наиболее эффективных средств и мер силовой политики того или иного государства — процесс, который не прекращался с появлением первых вооруженных отрядов и не прекратится до тех пор, пока будет сохраняться силовое противоборство между государствами. Даже в относительно «мирные» периоды его существования. Приоритеты постоянно меняются, но от правильного выбора такого приоритета зависит очень многое. Очередная попытка обозначить приоритеты военного строительства была предпринята В.В. Путиным на расширенном заседании коллегии министерства обороны 21 декабря 2020 года, где он выделил 5 направлений[565]:

— развитие СНВ;
— опережающее развитие сил неядерного сдерживания;

564 Подберёзкин А.И. Взаимодействие официальной и публичной дипломатии в противодействии угрозам России. В кн.: Публичная дипломатия: теория и практика. М.: Аспект Пресс, 2027, с. 37.

565 *Путин В.В.* Выступление на расширенном заседании коллегии министерства обороны России 21 декабря 2020 г. / kremlin.ru /21/12/2020.

— «ритмичное перевооружение армии и флота»;
— развитие науки и военного искусства, форм и способов военных действий;
— опережающее развитие ИИ и роботизированных систем.

Из перечня этих приоритетов видно, что среди них нет какого-то одного вида ВС (кроме РВСН), которому отдается предпочтение, а ресурсы и внимание распределяются по всем видам и родам, выделяя военную науку и ИИ. Все эти направления, однако, имеют общий знаменатель — высокое качество НЧК, сосредоточенное не только в ВВСТ, но и (впервые) в военной науке и военном искусстве, а также создании принципиально новых систем оружия.

Именно таким образом процесс военного планирования (в его открытой части) проходит в других странах, но с разной степенью открытости дискуссий и оперативности. В конечном счете, политические лидеры решают какие системы производить или закупать, нередко ошибаясь в своих решениях.

Так, военное планирование в СССР в 30-е годы можно назвать почти идеальным: за исключением нескольких ошибок были произведены лучшие виды бронетехники и авиации, которые позже быстро модернизировались. При этом мы сегодня явно недооцениваем тот потенциал, который был создан в СССР за 10 лет до начала войны. Многочисленные свидетельства наших противников говорят именно о том, что мы нередко ошибочно интерпретируем события 1941–1942 годов, недооценивая мощь РККА.

Позже СССР участвовал в десятках военных конфликтов после Второй мировой войны — от войны в Корее до военных действий в Египте и Сирии[566]. Причем каждый раз проявлялись новые особенности использования силы и военной силы. Ярким примером было «предупреждение», сделанное Англии и Франции во время их оккупации Суэцкого канала в 1956 году, что стало классическим примером политико-психологической формы использования военной силы.

566 См., например: Глава 6.3. в работе «Военная история». Спб.: Питер, 2018, сс. 344–376.

Новая политическая стратегия России в области безопасности предполагает, как, прежде всего, ***поиск новых***, наиболее эффективных, средств и способов внешней политики, так и ***переоценку прежних военно-силовых способов***, средств и мер, которые в новых условиях развития МО и ВПО[567] могут оказаться менее или вообще не эффективными[568]. Если говорить о ВВСТ, то их быстрое совершенствование в период 2010–2020 годов и мероприятия, намеченные в плане обороны на 2021–2024 годы, говорят о том, что *акцент в военной политике России делается, прежде всего, на повышении качества ВВСТ и последующем увеличении численности модернизированных систем,* значительная часть которых (более 300) прошли войсковые испытания в 2015–2020 годах в Сирии[569].

История развития МО и ВПО наглядно показывает, что в основе любых военных приготовлений того или иного государства лежат, во-первых, перспективы развития того или иного сценария МО и конкретного варианта ВПО[570], а, во-вторых, национальные и иные интересы (групповые, социальные, личные) правящих элит этих государств и уровень развития экономики и ОПК[571]. Собственно, развитие ВВСТ зависит во многом именно от этих двух

567 Новые условия подробно описаны в предыдущих главах, но подробнее основы методологии можно посмотреть: Стратегическое прогнозирование международных отношений: монография / под ред. *А.И. Подберезкина, М.В. Александрова*. М.: МГИМО-Университет, 2016. 743 с.

568 См. подробнее: Некоторые аспекты анализа военно-политической обстановки: монография / под ред. *А.И. Подберезкина, К.П. Боришполец*. М.: МГИМО-Университет, 2014. 876 с.

569 Перспективы военной политики и политики безопасности России, как и возможная эволюция Стратегии национальной безопасности, я попробовал описать в 2018 году в работе «Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», сс. 1504–1575.

570 Именно метод сценарного прогнозирования развития ВПО доказал на практике свою эффективность на примере развития военно-силового варианта сценария ВПО обострения противоборства, предложенный мной в 2014 году. См.: *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 169 с.

571 См.: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции. В книге: Промышленная политика: монография /коллектив авторов под ред. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС, 2020, сс. 151–177.

групп факторов, а также намерений правящей элиты государства затратить ту или иную часть национального богатства и ВВП на создание и закупку ВВСТ[572].

Но при этом не следует забывать и о значении политического и **военного искусства,** которое в современный период стало тождественным качеству институтов человеческого капитала — искусству военного управления и качеству боевой подготовки военнослужащих. В военной истории существует множество примеров того, что именно качество военного искусства позволяло не только побеждать в отдельных сражениях, но и влиять на всю военную кампанию и даже менять ВПО в регионе и в мире. Вот как этот феномен описывает Дж. Рук: «Так, например, в 1970-х Пол Кеннеди связал феномен британской военно-морской мощи, доминировавшей в мире на протяжении нескольких веков, с промышленным развитием. Он писал: «Возвышение Британии на морях, так же, как и ее падение, тесно связано с экономическим развитием и падением, и первое невозможно понять без анализа второго». Однако, хотя британская экономика и была важным фактором, стоит отметить, что тот же французский король Людовик XIV вкладывал во флот средств больше в период 1661–1692 гг., нежели англичане, и позже, после Французской революции, Франция вкладывала во флот значительную часть своего бюджета.

Не стоит так же забывать, что противоборствующие Англии стороны часто объединялись, и достигали не только паритета на море, но и превосходства. Так, во время войны из-за уха Дженкинса, Англия могла выставить на море 80 ЛК, тогда как Испания — 41 ЛК, и Франция — 50 ЛК. К 1780 году, во время войны за Независимость, Франция и Испания обладали совокупно 126 ЛК, тогда как Британия — 117 ЛК»[573].

На это обратил внимание историк Джон Мэршимер (Mearsheimer), он писал, что страны, поглощенные мыслями о собственной безо-

572 Высокие технологии в США: опыт министерства обороны и других ведомств. М.: МГУ. 2013. 384 с.

573 *Рук Дж.* О британской военно-морской мощи // Информационный ресурс «Дзен». 9 ноября 2020 / zen.Yandex 9/11/2020

пасности перед иностранными армиями, рассматривали повышение своей сухопутной мощи, а не морской. «Сильные государства Европы не чувствовали угрозы от британской военно-морской силы, а вот от неприятельских армий — чувствовали, поэтому инвестировали финансы и ресурсы в собственные армии».

Но и это объяснение не является всеобъемлющим, поскольку некоторые действия французов, испанцев или голландцев впрямую ему противоречат. Так, в 1765 году герцог Шуазель прямо говорил королю, что Англия является главным врагом Франции, и соответственно на устранение этой угрозы надо направить все силы. То же самое можно сказать и об Испании этого периода, ее правители видели Британию своим естественным врагом, которая в случае любой войны будет стремиться прервать испанское сообщение с колониями. Собственно, именно логикой борьбы с Англией объясняются действия кардинала Джулио Альберони или короля Карла III, самого великого Испанского монарха.

Но даже если суммировать все эти три объяснения, все равно невозможно полностью объяснить, почему Британия выиграла на море семь крупных войн в период 1688–1815 годов. Ведь чаще всего, несмотря на изолированное положение и развитую экономику ее врагам удавалось выставить на море сравнимые силы.

Даже после Трафальгара Наполеон вполне себе планировал достичь превосходства на море. В апреле 1808 года он уверенно заявлял, что его морские союзы с Испанией и Россией уравновесят силы сторон на море, поскольку если к 64 французским ЛК приплюсовать 25 испанских, 12 русских и 10 голландских ЛК, он получит 110 линкоров против 80 английских ЛК, которые они реально, а не на бумаге, могут вывести в море.

И тут скорее всего вопрос стоит в другой плоскости — *почему чаще всего военно-морские коалиции оказывались неэффективными?* Первый ответ, который приходит в голову, потому, что вообще *любые военные коалиции есть продукт компромисса,* и между сторонами постоянно происходят трения. У сторон коалиции политические цели разнятся, причем иногда довольно существенно, командующие с одной стороны не хотят попасть в подчинение, с

другой — не готовы взять на себя бремя полного управления. Мы знаем лишь несколько довольно эффективных коалиций — Мальборо и Савойский, Веллингтон и Блюхер как примеры. Но это суша. А на море, особенно в эпоху Паруса, объединенная мощь союзных флотов никогда не равнялась сумме ее составляющих. Главной причиной этого были разная подготовка национальных команд, разные тактические и стратегические воззрения командующих, разные системы сигнализации, и т. д. Гораздо легче было достигнуть успеха в рамках мононационального флота, где такие проблемы отсутствуют как класс. В 1802 году капитан Одибер де Раматюэль писал: «я убежден, что мы не можем рассчитывать ни на какой успех, если адмирал не сможет рассчитывать, что все его капитаны не будут в точности исполнять приказы и понимать на уровне инстинкта замыслы своего командующего».

Поэтому, как бы странно это не звучало, но 18 французских кораблей или 15 испанских кораблей, составивших союзный флот при Трафальгаре, действовали бы более эффективно по отдельности, нежели вместе. Морской министр Декре так писал Наполеону: «Я падаю в ноги Вашему Величеству и прошу вас не вешать нам на плечи испанцев, отправляя их совместно с нашими эскадрами на морские операции... Ваше Величество, выполнение задачи с помощью такой солянки разнородных кораблей будет очень затруднено».

Приведем еще примеры. В 1690 году в сражении у Бичи-Хэд соединенный англо-голландский флот действовал разрозненно, позволяя мононациональному французскому флоту фактически бить противника по частям. В Сражении у Тулона (1744 год) французы и испанцы так же сражались фактически отдельно, что позволило англичанам сосредоточиться исключительно на испанской эскадре, фактически игнорируя французскую. Вспомним «Другую Армаду» 1779 года — видим то же самое.

2.4.в). Исключительная роль институтов развития гражданского общества и национального человеческого капитала

Между тем, можно говорить о том, что в последние годы произошло перераспределение влияния между силовыми средствами внешней политики в пользу силовых невоенных средств и мер. Относительная пассивность Д. Трампа в использовании военной силы в период его президентства объясняется отнюдь не его миролюбием, а тем более политическим пацифизмом, а трезвым расчетом, в соответствии с которым политико-дипломатические и иные невоенные средства силовой политики **намного выгоднее и эффективнее военных**[574]. Собственная стратегия Д. Трампа опиралась, как уже говорилось выше, на три принципа:

— любые акции должны усиливать в экономическом и технологическом отношении США;
— эти же акции должны ослаблять союзников и даже партнеров;
— эти мероприятия не должны повышать военные риски.

Именно этого, к сожалению, не произошло в военной политике со средствами силовой политики России в последние 30 лет, когда она и ее интересы на постсоветском пространстве оказались под прямой внешней угрозой со стороны силовых, прежде всего, невоенных средств Запада. Спохватившись в первом десятилетии нового века после развала ОПК и ВС[575] с кризисом, который отчетливо показали чеченские войны и операция в Южной Осетии, основной упор был сделан на модернизацию ВВСТ, которые достались от СССР и восстановление боеспособности личного состава, руко-

574 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019, сс. 167–189.

575 «Реформы ОПК» до 2010 года — нельзя назвать таковыми даже с натяжкой. Четко выделяются два периода: 1990-е годы — развал и приватизация и 2000–2010 медленные и не всегда эффективные попытки восстановления. См. подробнее: *Алексашин А.А., Гарбук С.В., Губинский А.М.* Российский оборонно-промышленный комплекс: история, современное состояние, перспективы. М.: МГУ, 2011. 240 с.

водство страны, на мой взгляд, проигнорировало очевидно изменение в средствах и способах ведения силовой невоенной политики, которое произошло в последние десятилетия в мире, а именно: на первый план вышли силовые средства и способы политики, прежде всего, *производные от развития институтов НЧК: НКО, СМИ, сетевые структуры и организации*[576].

По сути дела, на Западе сформировалась принципиально новая внешняя политика, основанная на силовых невоенных инструментах, — политика новой публичной дипломатии, предполагающая усиление эскалации силового принуждения по всем азимутам, где собственно военной силе уделялось внимание с точки зрения ее гарантий для применения невоенных средств. От переворота в СССР и Югославии, организации «бархатных» революций в странах Восточной Европы, а затем и на советском пространстве Запад постепенно перешел к распространению этой практики по всему миру. При этом, в том случае, когда военные (прежде всего средства ВКН и ВКО) и невоенные инструменты противников оказывались слабее, режимы уничтожались, порой демонстративно вместе с их лидерами (как в Румынии, Афганистане, Ливии, на Украине и в Ираке). Там же, где национальные режимы создали национально ориентированные институты развития и безопасности (как в Иране, КНДР и России, а позже — в Белоруссии, Азербайджане, Туркмении и ряде других государств), эта политика оказывалась малоэффективной. Во всяком случае, какое-то время.

В России эти обстоятельства практически игнорировались, хотя нельзя сказать, что во втором десятилетии не предпринимались усилия по развитию силовых невоенных институтов развития НЧК — в Администрации президента был создан Совет по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, Общественная палата, многочисленные общественные и экспертные советы министерств, губернаторов и т. п.[577] На

576 Средства массовой информации в развитых демократиях: свободы и несвободы / *Подберезкин А.И., Ястребов Я.И., др. М.: А.Л. Федоров,* 2004. 2004 с.

577 В ряде таких советов я принимал прямое участие, даже в их создании, а в ряде — косвенное, поэтому у меня сложилось полное представление об их деятельности.

мой взгляд, эта правильная тенденция получилась недоразвитой, формальной и малоэффективной, что, в конечном счете, привело к тому, что такие органы и организации приобрели искусственный и не всегда полезный характер. Складывается впечатление, что, когда какой-нибудь совет начинал действительно активно работать, он наталкивался на опасения, что выходит из-под контроля со стороны власти и его надо сдерживать, либо вообще ограничивать. Именно так произошло, например, с Советом по противодействию попыткам фальсификации истории, который сделал очень многое, — опубликовал сотни книг, тысячи выступлений и пр., причем большую часть за счет собственных средств членов. Или с Советом по содействию развитию институтов гражданского общества и правам человека, который достаточно быстро стал «Советом по правам человека».

Главное, чего не было сделано в России, — это военная организация **страны** и соответственно Стратегия национальной безопасности, не были трансформированы в военную организацию **нации** и соответствующую реальную Стратегию, как это было с ГКО в 1941 году. Как следствие, невоенные силовые инструменты политики используются до настоящего времени слабо, а некоторые даже во вред России. Внимание на это так или иначе обращали многие военачальники — от В.В. Герасимова до генерала и профессора А.И. Владимирова, начиная с 2010 года, но видимого эффекта не получилось. Ставка по-прежнему делается не на развитие НЧК и его институтов, НИОКР и технологий, а модернизацию ВВСТ, не на качественный рост НЧК военнослужащих, как в США[578], а на их оснащение, не на переподготовку командного состава, а на формальные многочисленные публичные мероприятия. И, главное, *не на темпы социально-экономического развития страны и, НЧК и его институтов, а на абстрактную макроэкономическую стабильность*. Военная организация государства осталась военной организацией силовых ведомств, а не нации.

578 См.: Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 11.

Между тем опыт США и их союзников последних лет показал, что даже обладая колоссальным превосходством в военной силе, они не спешат его использовать прямо. Война в Ираке 2003 года и последующие операции обошлись США и их союзникам в сумму более 1000 млрд. долларов, которая, будучи потрачена на иные силовые средства, могла бы дать больший эффект. Для политики силовой дестабилизации в мире военная сила, безусловно, необходима, но особенно на начальных этапах огромный эффект, в том числе экономический, дает массированное применение силовых невоенных средств. Именно поэтому России необходим поиск стратегии противоборства, которая сочетала бы в себе внешне не сочетаемые элементы: опережающего технологического и социально-экономического развития, создание искусственных трудностей своим оппонентам и контролируемый риск применения прямой военной силы. Причем такой поиск должен идти не только среди средств и способов Минобороны РФ и даже других силовых ведомств, но и среди *всех компонентов, составляющих военную организацию государства и нации*[579].

Именно это удалось сделать в США при Д. Трампе, где главные три принципа внешней политики стали объединенной стратегией, в которой (повторюсь) органически сочетаются установки на опережающие темпы научно-технологического и экономического развития страны, создание проблем и трудностей для оппонентов и даже союзников, и, контролируемый риск нарастания международной напряженности и угрозы применения военной силы.

Таким образом, мы видим, что за последние десятилетия произошли радикальные изменения в средствах и способах силовой политики. С одной стороны, это связано с объективными процессами, вытекающими из резкого усиления значения НЧК и особенно институтов его развития, о чем не раз говорилось выше, в мире, особенно в развитых странах. С другой, — с процессами падения

579 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. М.: «Граница», 2018. 512 с.

качества НЧК и сознательной политикой по уничтожению таких институтов в СССР и в последующем в России под предлогом демократизации и «перестройки».

Так, уничтожение общественных организаций и движений в СССР (в которых так или иначе участвовали десятки миллионов человек), прежде всего, профсоюзов, комсомола, пионерской организации, а, в конечном итоге, и самой КПСС, без замещения этих полей влияния другими организациями, привело к освобождению поля влияния и борьбы для других институтов гражданского общества, как правило, управлявшихся из-за рубежа. Простой пример, известный мне по собственному опыту: существовавший в СССР Комитет молодежных организаций (КМО СССР) включал сотни молодежных организаций СССР — от студенческих союзов до обществ молодых художников (у которых, кстати, были свои собственные издания, публиковавшиеся миллионными тиражами), — но КМО имел и огромное количество зарубежных партнеров. Некоторые из них, такие, как «Молодые демократы в СПДГ», входили даже в правительство. Эти тысячи партнерских организаций, которые охватывали практически все страны, порой даже те, с которыми у СССР не было дипломатических отношений, нередко оказывали очень серьезное влияние на формирование МО. В частности, в самый разгар антивоенной кампании в Европе, например, в Нидерландах была проведена антиамериканская демонстрация, в которой участвовало более 1 млн. человек, а в Великобритании, где традиционно были сильны антисоветские настроения, были созданы и активно действовали, организации, насчитывающие сотни тысяч антивоенных активистов. Это — только один из примеров влияния КМО СССР на создание, развитие и влияние негосударственных акторов на МО в советский период. Сегодня мы даже не можем мечтать об 1% такого влияния в европейских и иных странах (например, в ЮАР), которое имели в СССР.

В СССР существовали десятки общесоюзных и тысячи республиканских и областных общественных организаций, которые находились под фактическим управлением КПСС и ее органов или представителей. Их влияние и способность формировать мнение

в стране и за рубежом было огромно. Как и ресурсы, которые находились в их распоряжении. Тот же КМО СССР и ВЛКСМ могли провести фестиваль молодежи и студентов, в котором участвовали десятки тысяч активистов.

Конечно, эта мощная и достаточно эффективная система — наследник Интернационала — идеологически и организационно во многом себя уже изжила к началу 80-х годов прошлого века и требовала реформирования, но начатые М. Горбачевым «реформы» ее просто уничтожили: в итоге горбачевская правящая элита уничтожила не только КПСС, но и всю сеть этих институтов, оставив общество без институтов развития человеческого капитала, а страну и нацию — без инструментов влияния и защиты. В это же время появились сотни тысяч других общественных организаций, чья деятельность была направлена на уничтожение государства и политической системы. По нашим оценкам 1990 года, к тому времени в СССР уже существовало, например, более 30 000 незаконных вооруженных формирований и групп[580].

Широкий спектр конфликтов от Нагорного Карабаха до Приднестровья и Молдавии и внутриполитической дестабилизации в самой России оказался тем новым полем, борьба на котором была уже совершенно не знакомой для правящей элиты России. Если в СССР, как уже говорилось, существовали представления и достаточно мощные институты для такой борьбы (вспомним, хотя бы, Иностранную редакцию Гостелерадио, АПН, Общества дружбы (ССОД), КМО СССР и др. влиятельные и ресурсные организации), которые возглавляли профессионалы и в которых воспитывались миллионы профессиональных политических активистов, то после «идеологического разоружения» и политики «партнерства» с Западом в России ничего не осталось. Прежде всего, политической воли у правящей элиты противостоять такому внешнему влиянию. То немногое, что было создано уже при В.В. Путине, стало жалким подобием прежней советской системы, карикатурой. Имен-

580 См. специальное исследование: Незаконные вооруженные формирования на территории бывшего СССР / *А.И. Подберезкин и др.* М.: РАУ, 1991.

но поэтому во внутриполитических событиях в России и особенно в Москве этот «продукт» казенного творчества доказал свою полную недееспособность.

Эти изменения, как уже говорилось, происходили на фоне резкого усиления значения НЧК. Поэтому не случайно, а совершенно естественно эффективными внешнеполитическими инструментами силового противоборства (наименее дорогими, менее рискованными и результативными) стали национальные **результаты научно-технического, технологического и социального развития,** которые стали использоваться в качестве силовых внешнеполитических инструментов.

Именно поэтому следует иметь ввиду, что в случае выбора правящей элитой России в**арианта «**Готовность к активным оборонительным и наступательным действиям **национальной** Стратегии» необходимо понимать, что возможное отсутствие глобальной войны между главными участниками ВПО будет не только в значительной степени «компенсировано» экономико-технологическим силовым давлением со стороны институтов развития НЧК противника, но и многочисленными военно-силовыми конфликтами и войнами самого широкого спектра на отдельных ТВД и в отдельных регионах. В особенности с использованием сил и средств союзников-членов широкой военно-политической коалиции во главе с США[581]. Или манипуляцию другими субъектами ВПО. Это, в частности, предполагает:

а). Возможность ведения длительной войны и необходимость иметь стратегические запасы и резервы (по примеру войн в Афганистане, Ливии, Ираке, Сирии и в Украине).

б). Увеличение вероятности ведения войны на разных ТВД — от Арктики до Среднеазиатского ТВД.

Важно учитывать основные особенности современного мирового противоборства, а именно: системность, нацеленность на национальные системные ценности и суверенитет, большая про-

581 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

должительность отдельных периодов силового противоборства (напомним, что в Афганистане, Ираке и Сирии война продолжается десятилетиями и особенно ожесточенно (в Ираке погибло уже более 1 млн. человек, а в Сирии — сотни тысяч). Даже война между Арменией и Азербайджаном превратилась в кровопролитное достаточно долговременное сражение, которое потребовало огромных демографических и материальных жертв и еще больше — запасов ВВСТ, которые сами эти страны были произвести не в состоянии, т.е. их внешняя зависимость была практически абсолютной. Достижение перемирия в ноябре 2020 года, когда потери сторон в ВВСТ достигли сотен единиц, на мой взгляд, объяснялось, прежде всего, давлением России и не способностью этих стран самостоятельно продолжать войну.

Территория военного конфликта в Азербайджане и Армении примерно соответствовала территории Приднестровья и Абхазии и Южной Осетии, но ресурсы были исчерпаны быстро, а внешнее давление оказалось эффективным.

Эти особенности радикально отличаются от того опыта военно-силового противоборства, который имеется в России, но который приобретается в настоящее время в Сирии и в Украине. Важно, однако, учесть, что самый важный опыт, который можно приобрести, — опыт противоборства с США и их союзниками в области применения и противодействия невоенных средств и мер, в особенности, с использованием инструментов развития НЧК, — но этот опыт необходимо тщательно собирать, анализировать и успевать практически использовать. Он отличается даже от самого современного опыта вооруженного противоборства, например, в Сирии, где использование тех или иных ВВСТ дает быстрый и конкретный результат, применимый для модернизации, или в использовании ВС, прежде всего, воздушно-космических.

В Стратегии развития и безопасности России (формально в Стратегии национальной безопасности от 31 декабря 2015 г.) опыт использования институтов развития НЧК ***практически не учитывается*** и не используется, что означает *совершенно определенное снижение ее эффективности*, более того, *заведомое устарева-*

ние. Между тем институты развития НЧК активно исследуются и используются в политике, в том числе силовой. Так, в Общественной палате РФ осенью 2020 года было опубликовано исследование части таких институтов, которые относятся к категории негосударственных некоммерческих организаций. В частности, представлена рейтинговая модель, которая включает в себя 9 факторов (критериальных групп). Каждый фактор, в свою очередь, рассчитывается на основе нескольких показателей — в сумме их 39. Если за единицу информации учитывать каждый пункт заполняемой экспертами анкеты и чек-листа мониторинга сайтов– то можно говорить, что каждый регион описывается по 185 первичным параметрам, а именно:

1) экономическая значимость некоммерческого сектора в регионе,
2) устойчивость существования некоммерческого сектора в регионе,
3) активность деятельности некоммерческого сектора в регионе,
4) медиаактивность региональных НКО,
5) уровень поддержки НКО со стороны государства,
6) онлайн-доступность информации о поддержке НКО в регионах РФ,
7) социальная значимость некоммерческого сектора в регионе,
8) значимость региональных общественных палат как институциональных площадок развития третьего сектора.

Важнейшей особенностью современного силового противоборства является *отсутствие промежуточных политических целей*, резкое снижение возможностей для переговоров (в т. ч. по ограничению ВВСТ и военной деятельности) и политических компромиссов. Именно ВПО последних лет иллюстрирует эту тенденцию очень наглядно: последовательность долгосрочной политики США по превращению Украины в важного противника России, прекращение, по сути, всех процессов ограничения ВВСТ и военной деятельности, политика силового принуждения, реализуемая по всем направлениям, — это часть примеров системной политики не только США, но всей западной военно-политической коалиции.

Системность и комплексность использования всех силовых средств политики, которые стирают грань между военными и

невоенными средствами и способами силового воздействия. На практике это означает, что силовые невоенные средства принуждения выполняют большую часть тех задач, которые прежде приходились на средства вооруженного насилия.

Это же означает, что стратегия силового противодействия использованию таких силовых невоенных средств и мер должна быть не просто разработана, но и постоянно использоваться и совершенствоваться, а сам спектр таких средств и мер — постоянно расширяться. Надо отчетливо понимать, что все эти средства и меры — суть в той или иной форме институты развития НЧК. Соответственно именно НЧК и его институты развития составляют базу для использования этих средств в качестве инструментов политики силового противоборства — от самого крайнего «фланга», который мы относим к инструментам «мягкой силы», до самого жесткого фланга спектра невоенных инструментов развития НЧК — создания оппозиционных, радикальных, экстремистских организаций на территории вероятного противника.

Военно-силовой конфликт России с западной военно-политической коалицией становится **практически неизбежным к 2021–2024 году** (на уровне региональном или локальном), учитывая развитие тех тенденций, которые сложились в 2020 году. Любое ответственное правительство должно исходить из возможности развития такого сценария, даже если и признает его маловероятным. Поэтому нужна, как минимум, такая стратегия социально-экономического и военно-технологического развития, которая исходила бы из высокой вероятности подобного развития МО-ВПО.

Соответственно, что в те немногие годы, которые остались до «часа икс», должно предпринять самые масштабные и неотложные меры для того, чтобы быть готовым к подобному развитию событий. Отказ признать высокую вероятность развития такого сценария означает очевидную недооценку угрозы, граничащую с преступной халатностью, потому, что в оставшиеся 5–6 лет до вероятного военного конфликта необходимо сделать максимум возможного. Ответственность целиком лежит на военно-политическом руководстве России, как и в 1941 году, ког-

да требовалось принимать неотложные меры по противодействию агрессии.

Адекватность оценки современной ВПО — отличительная черта качества НЧК правящей элиты и государственных, и военно-политических институтов, которые должны обладать не только максимально полным объемом информации, но и способностью ее осмысления, прогнозирования и эффективного планирования мероприятий по противодействию. Насколько эти качества в настоящее время соответствуют возможностям для принятия соответствующих решений — сложный вопрос, который не имеет, на наш взгляд, однозначной оценки. К сожалению, и качество решений, и их исполнение в последние десятилетия нередко вызывают сомнения. Они требуют, прежде всего, совершенствования институтов НЧК, отвечающих за подготовку и принятие военно-политических решений в интересах высшего руководства на уровне Совета безопасности, Генерального штаба и МИД России.

Мы не знаем и не можем точно знать по какому из конкретных частных вариантов могут развиваться ВПО и СО не только через несколько лет, но и в краткосрочной перспективе из-за множества факторов, неопределенных и даже не известных. Поэтому необходима серьезная и последовательная информационно-аналитическая работа со стороны институтов государства и общества, привлечение широкого круга специалистов (качество и количество которых сократилось за последние годы до недопустимых пределов), однако, очевидно, что спектр сил и средств силовой военной и невоенной политики стремительно расширяется, а их анализ и разработка соответствующих рекомендаций значительно отстают. Отставание по развитию НЧК и его институтов необходимо ликвидировать в самые короткие сроки.

Ясно одно: силовые (военные и невоенные) формы политики могут быть самыми разнообразными, причем очевидно, что как первые, так и вторые стремительно и сознательно развиваются. Только в последние годы появились такие способы как использование неядерных ВТО в стратегических целях, переоснащение СНВ на миниатюрные ядерные боеприпасы и т. д., а в области невоен-

ных средств и мер — разработка силовых способов использования кибероперациий, социальных сетей и т. д.

Наконец, главное, — необходимо реализовать заявленные планы опережающего научно-технологического развития, которые могут быть реализованы только в качестве научно-технологического скачка в развитии России, не допустив проигрыша в гонке технологий и ВВСТ. Это — исключительно важное условие, учитывая, что к 2019 году Россия только-только вышла на уровень развития РСФСР 1990 года. Ей предстоит в кратчайшие сроки 5–7 лет преодолеть технологическую и промышленную отсталость, которая, в свою очередь, является следствием экономической, социальной, научной и образовательной отсталости. Причем это отставание не сокращается, а увеличивается, а в условиях пандемии становится особенно проблемным.

Реальная ситуация в научно-технической области может быть оценена по-разному. Важно, чтобы она сознательно не переоценивалась на примере частных успехов. Ни в промышленности, ни в науке, ни в военной области. В частности, например, в ноябре 2019 года Сбербанк представил самый мощный в России компьютер «Кристофари» для решения задач искусственного интеллекта. По мощности он занимает седьмое место в Европе и 29-е — в мире. Этот результат показателен: с одной стороны, он свидетельствует о возможностях российской науки (как важный ее критерий), а, с другой, он не может свидетельствовать о состоянии всей отрасли, а тем более экономики страны.

Более яркие примеры, иллюстрирующие развитие российских ВВСТ и ВС, нередко становятся примерами внешнеполитической пропаганды, а не реальных возможностей страны и ее военной организации.

Есть все основания полагать, что развитие НЧК и соответствующих институтов НЧК (НИИ, КБ, лабораторий) требует срочного усиления со стороны государства, как, впрочем, и всего спектра развития НЧК и его институтов в стране и военной организации государства. Именно институты развития НЧК являются самым «слабым звеном» российского ОПК и ВС потому, что

развал экономики, армии и ОПК, прежде всего, коснулся именно этого звена.

Это же звено до сих пор находится вне приоритетов восстановления. Но, с другой стороны, не может не броситься в глаза традиционно-консервативная сторона этого подхода, которая с успехом могла бы быть отнесена и к периоду написания Стратегии национальной безопасности России 2014–2015 годов, — игнорированию значения качества НЧК и ОПК в армии и ее институтов. Восстановление политико-идеологических, медийных и информационно-когнитивных функций военной организации страны идет крайне медленно. В том числе и потому, что отсутствуют кадры, которые в наибольшей степени пострадали в прежние годы. Их подготовка в короткие сроки невозможна. Особенно если речь идет о военно-научных кадрах, которые находятся в настоящее время на недопустимо низком уровне.

Другими словами, оценки В.В. Путина по всему комплексу проблем безопасности «образца» ноября 2019 года остались по *своему качеству на уровне конца 2015 года*, хотя ВПО и ситуация в России стали существенно хуже за эти 4 года, а институты развития НЧК в России (особенно связанные с нуждами МИД, Минобороны и Совбеза) получили пока что очень слабый импульс. По сравнению с аналогичными институтами в США, насчитывающими тысячи высококвалифицированных специалистов в РЭНД, Брукингсе, Международном институте мира и безопасности, Гарварде и т. п., их численность и качество в России в сотни раз меньше и хуже. Срочно требуется как усиленное развитие соответствующих институтов МО, Генштаба, МИД и др. ведомств, включая РАН, так и создание новых центров, и начало крупных поисковых работ не только в области естественных, но и социо-гуманитарных наук: создание, испытание и производство ВВСТ не всегда укладывается в намеченные сроки (примеры с СУ-57 и Т–14 характерны), обучение и подготовка л/с военнослужащих всегда может быть усовершенствована, а подготовка командного состава — тем более.

2.5. Наиболее эффективные силовые военно-технические средства: институты национального человеческого капитала, средства воздушно-космического нападения и средства воздушно-космической обороны

Правило ведения войны заключается в том,
чтобы не полагаться на то, что противник
не придет, а полагаться на то, с чем
ты его можешь встретить[582]
Сунь-цзы, военный теоретик

Формирование приоритетов развития тех или иных средств ведения вооруже1нной борьбы — ВВСТ и сопутствующих систем их применения и мер, всегда ставит вопрос о приоритетности используемых политических, военных, экономических или иных критериев и ресурсов, которые, как правило, учитываются в комплексе с критериями вполне субъективного и даже личностного характера. Они зависят, как известно, прежде всего, от оценки правящими кругами состояния МО и ВПО, которая является известным традиционным подходом. Выбор, который делает политическое и военное руководство в пользу тех пользу тех иных **средств** силовой борьбы, а тем более конкретных видов и систем ВВСТ, оказывается порой критическим[583]. Яркие примеры того, когда недооценка средств ВКО в Югославии и Ливии привели не только к поражению в военном конфликте, но и смене политических режимов

582 Цит. по: *Грин Р.* 33 Стратегии войны. М.: РИПОЛ классик, 2016, с. 45.

583 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Значение средств воздушно-космического нападения и обороны в обеспечении безопасности России // Воздушно-космическая оборона, 2020, № 1, сс. 63–73.

и гибели лидеров. Но еще реже говорят о значении «человеческого фактора» — искусства и умения военнослужащих и командования использовать имеющиеся ВВСТ, т.е. о **качестве человеческого потенциала**.

К сожалению, иногда создается впечатление, что оружие и техника «сами по себе» способны обеспечить военные результаты, что абсолютно неверно — воюют не ВВСТ, а воинские подразделения, где качество личного состава и командования решают многое. Это стало очевидно давно, но печальные уроки чеченской кампании, когда высшее командование фактически дезертировало, а солдаты и офицеры оказались не готовы к боевым действиям, подтвердило эту простую правду[584]. Эта правда вновь подтвердилась в ходе армяно-азербайджанского конфликта 2020 года, но и сегодня нередко складывается впечатление, что «проценты» новых видов ВВСТ сами по себе смогут гарантировать победу. В этой связи уместно напомнить строки из дневника солдата ударного батальона вермахта, убитого в СССР, в 1943 году: «В наши дни становится более чем очевидным факт, что именно один человек, отдельный солдат становится куда более эффективным фактором, чем масса»[585]. Кстати, чтение этих дневников отнюдь не оставляет у меня сомнений относительно качества и количества советских ВВСТ того времени, не уступавших ВС Германии. Вопрос скорее был в качестве НЧК командования и обученности личного состава, который порой, как и в первую чеченскую войну не имел простейших навыков обращения с оружием[586].

Таким образом, **главным фактором, определяющим военную мощь государства в наши дни, выступает эффективность воен-**

584 Как пишет *Г.Н.Трошев*, «весь личный состав дивизии, расквартированной на территории республики, был выведен за ее пределы, а техника и вооружение …почти целиком оказались в распоряжении Дудаева». См.: *Г.Н. Трошев*. Чеченский излом. Дневники и воспоминания. М.: Вече, 2020, с. 49.

585 *Рот Г.* Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков. 1941–1943. М.: Центрполиграф, 2019. 223 с., с. 153.

586 Как вспоминает *И.И. Гиркин (Стрелков)*, из всего экипажа САУ никто не имел профессиональных навыков, а командир батареи и старший офицер не умели сделать простейших расчетов по стрельбе.

но-политического управления и качество личного состава. Качество и количество ВВСТ играют подчиненную и далеко не одинаковую роль. И первое, и второе, к сожалению, вызывает много вопросов после развала системы подготовки кадров и научных школ с 1990 года по второе десятилетие нашего века, которое не может компенсироваться за короткий срок. Нужно, чтобы выросло два поколения, которое училось и получало боевой опыт, который, кстати, должен внимательно изучаться и использоваться. Чего не было ни после Афганистана, ни после чеченских войн[587]. Именно этого опыта потом и не хватило в Чечне и позже — в Сирии. Опыт боевых действий в Сирии (который нельзя недооценивать), на мой взгляд, существенно преувеличивается: там не было ни противодействия ПВО-ПРО, ни сколько-нибудь масштабных сухопутных операций, а, главное, — противоборства с высокотехнологическим и мощным в военно-экономическом отношении противником.

При этом на первые роли в настоящее время уже вышли и будут в дальнейшем уверенно выходить такие виды войск как средства воздушно-космического нападения и средства воздушно-космической обороны. Более того, сегодня можно говорить о том, что качество СВКО и их эффективность применения равняются понятию «суверенитет» государства.

При этом, именно СВКН и ВКО предназначены не только для самостоятельного применения или использования с другими видами и родами войск, но и для **военно-технического (военного) обеспечения эффективного использования других силовых средств — как «мягкой силы», так и «силы принуждения»**, т.е. наиболее часто применяемых в политике силовых средств.

Как правило, именно СВКН и СВКО способны обеспечить решение глобальных политических задач. Так, например, Военная доктрина, принятая Б. Обамой в 2015 году, начиналась с анали-

587 Об этом откровенно сказал Б. Громов не раз в своих работах. См., например: «Приобретенным нами опытом никто не интересовался, его просто игнорировали и не внедрили в изучение». *Громов Б.В.* Ограниченный контингент. М.: Яуза-каталог, 2019.384 с., с. 157.

за глобальной ситуации, основной характеристикой которой для ВПО стали[588]:

— глобализация;
— распространение технологий;
— демографические сдвиги.

Эти характеристики мировой политики могли контролироваться даже теоретически только СВКН и СВКО. В любом случае в процессе военного планирования этот начальный период работы военно-политического планирования занимает исключительно важное место[589]. В частности, в документе о военной стратегии США за 2018 год, принятом уже при Д. Трампе, эти приоритеты обозначены следующим образом[590]: «Цели оборонной политики включают в себя:

— Защиту национальной территории от нападения;
— Поддержание превосходства объединенных военных сил как на глобальном уровне, так и в ключевых регионах;
— Сдерживание агрессора от нападения на наши жизненно важные интересы;
— Обеспечение возможностей влияния международных институтов США;
— Поддержание благоприятного регионального баланса в Индо-Тихоокеанском, Европейском регионах, на Среднем Востоке и в Западном полушарии;
— Сдерживании … потенциальных агрессоров от применения оружия массового поражения;
— др.

Иными словами, перед военной политикой США ставятся вполне конкретные глобальные политические и военно-полити-

588 The National Military Strategy of the United States of America 2015. Wash., 2015 June, pp. 3–4.

589 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. М.: «Граница», 2018. 512 с.

590 См.: Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 4.

ческие задачи, от которых и зависит будущая военная стратегия, объединяющая не только военные, но и все невоенные инструменты силовой политики, которые в США относят к такому понятию как «Стратегический подход». Эти задачи относятся, прежде всего, к компетенции СВКН и СВКО, что и доказали все военные конфликты США, которые велись ими, начиная с агрессии против Югославии, которая фактически означала использование в течение нескольких месяцев СВКН, а также нападения на Афганистан, где основные военные задачи были решены с помощью ВТО СВКН.

Появление новых и ускоренное развитие наступательных вооружений и вооруженных сил всегда вызывало естественные опасения у государств, участвующих в формировании МО и ВПО. Так было, например, когда монгольская конница захватила половину цивилизованного мира, так было, когда мобильная артиллерия Наполеона обеспечивала ему победу, а казаки России — уничтожали коммуникации и целые соединения, даже захватывая такие крупные города, как Берлин. Наконец, так было, когда танки Германии оккупировали Европу.

В новейшее время применение Западом, прежде всего США, своей военной силы обеспечивалось средствами воздушно-космического нападения (СВКН) — авиацией и крылатыми ракетами — против Югославии, Ирака, Ливии и Сирии. Можно уверенно сказать, что в будущем не только характер военных действий и развитие СО, но и ВПО, и даже МО, будет определяться, прежде всего, качеством и количеством средств ВКН и ВКО.

В основе этой стратегии и подготовки ВС, а также командования США и НАТО находится безусловная приоритетность развития НЧК и его институтов: качественное управление информационно-ударными средствами нападения стало основной характеристикой подготовки личного состава, на которое тратится все большее количество времени и средств[591].

591 *Подберезкин А.И.* Человеческий капитал и национальная безопасность. М.: Прометей, 2020. 610 с.

В системе силовых средств и мер американской стратегии важное значение остается за собственно военными инструментами, которые, как уже говорилось, должны обеспечить гарантированно эффективное применение силовых невоенных средств и мер, или «более летальное качество»[592]. Естественно, что военно-техническая политика по созданию и приобретению ВВСТ всегда имеет свои приоритеты: в разное время и в разной ВПО и даже порой СО появляются новые требования как к качеству, так и количеству ВВСТ, отдельным видам и родам ВС и системам оружия[593].

2.5.а). Влияние военно-технических средств и способов развития стратегической обстановки на формирование военно-политической обстановки

Все еще критически недостаточно для выработки
единой теоретической базы и концепции того,
что же представляют собой современные формы
и методы насильственного контроля над целыми
государствами, скрытого управления людьми
и группами для достижения целей[594]
А. Манойло, К. Стригунов,
политологи МГУ

В анализе ВПО исключительно важное место занимает точное определение значения тех или иных средств силового принуждения и соотношение (пропорция) вероятного их использования в политике. Изменение таких пропорций в политике нередко становится

592 Summary of the National Defense Strategy of the United States of America. Wash. Jan., 2018, p. 4.
593 *Подберезкин А.И.* Военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. 1599 с.
594 *Манойло А.В., Стригунов К.С.* Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. М.: Горячая линия. Телеком, 2020. 378 с., с. 3.

главным признаком особенностей политического управления. Так, М. Тэтчер в свое время приняла решение о военной операции против Аргентины на Фолклендских островах, хотя удаленность ТВД и незначительность этих территорий справедливо ставили объективный вопрос о целесообразности таких действий.

Можно сказать, что каждое правительство в любой стране стоит перед подобным выбором между средствами силового принуждения и их пропорциями, которые условно делятся на:

— силовые военные;
— силовые невоенные;
— а также гибридные.

По сути дела, всегда этот выбор между «войной» и «миром», естественно, что в самых разных формах. Д. Трамп, например, гордился тем, что в годы его правления США впервые не начали ни одного военного конфликта, хотя и не прекратили ни одного из тех, которые были начаты прежде. С приходом к власти Дж. Байдена этот вопрос стал вновь приоритетным и некоторые аналитики рассматривали его таким образом: приоритет на силовое «невоенное» соперничество с Китаем и вероятное «силовое военное и невоенное» противоборство с Россией и Ираном.

Именно поэтому выбор тех или иных силовых средств предполагает *способ формирования стратегической обстановки*.

Выше уже не раз говорилось о решающем влиянии развития сценария МО и ВПО на формирование конкретных вариантов сценариев СО, войн и конфликтов. Этот дедуктивный метод лежит в основе используемого подхода к анализу ВПО. О нем, естественно, знают не только политики и журналисты, политологи и эксперты, но и военные, для которых, однако, это традиционное обстоятельство далеко не всегда становится точкой отсчета при анализе СО, а тем более конкретного военного конфликта. В самом деле «большая политика» нередко остается за пределом внимания и понимания не только непосредственно командиров, но и генеральных штабов, которые, как правило, сосредоточены на решении конкретных военных задач. В частности, при анализе состояния дел на том или ином участке ТВД военные нередко просто игнорируют важные

международные и военно-политические факторы, либо (даже понимая их значение) стараются избегать привлекать влияние этих факторов к анализу обстановки.

Для военных во многом классическая схема формирования ВПО нередко аналогична алгоритму стратегии: тактические успехи ведут к оперативным результатам, а те, в свою очередь, к стратегической победе, которая фиксируется политико-дипломатическими средствами и мерами. Эта традиция иногда нарушалась, в частности, когда появилась возможность во второй половине прошлого века добиться с помощью ЯО сразу стратегической победы (хотя и в этом случае развитие не было столь однозначным), но с конца XX века стало возможным добиваться политических результатов, минуя непосредственно стадии военных поражений, где политическое поражение стран ОВД было обеспечено не военными, а политико-дипломатическими и информационными средствами. Именно так произошло в Восточной Европе.

Позже это стало почти нормой в политике. Но не в военной политике, где по-прежнему действует алгоритм «сражение — формирование части СО — оперативно-стратегическая победа — изменение ВПО — изменение МО».

Между тем именно в военной области произошли еще более радикальные, чем в политической, события, которые требуют особенного внимания. Причем сразу в нескольких аспектах.

Первый аспект — ***политико-психологический***, когда СО формируется силовыми невоенными средствами и, как следствие успешного процесса, завершает формирование новой ВПО и даже МО. Как правило, локально или регионально.

Другой аспект — ***военно-технический***. На мой взгляд, решающее военно-техническое влияние СО на формирование ВПО в мире и в отдельных регионах определяется превосходством в трех основных областях:

Во-первых, превосходством в НЧК — качестве военнослужащих и командования и институтах его развития. В вооруженных силах это означает не только качество личного состава, но и командования, качество боевого и военного управления, средств боевого

управления, связи, разведки и т.п. Так, например, в гитлеровской Германии все командиры дивизий служили офицерами в Первой мировой войне, прошли школу штабной работы и опыт ведения военных операций, а личный состав в основном имел среднее образование. В РККА, напротив, многие офицеры не получили должной военно-теоретической и практической подготовки, многие были репрессированы, а личный состав РККА и Советской армии вплоть до 70-х годов в основном имел неполное среднее образование.

Во-вторых, в превосходстве средств воздушно-космического нападения (СВКН). Войны конца XX — начала нового века, как правило, не только начинались, но и завершались успешными действиями с воздуха и из космоса. Если СВКН в конце прошлого века использовали ВТО отчасти, то в 20-х годах нынешнего века практически все удары наносились только с помощью ВТО. Успех наземных операций также обеспечивался результатами воздушных нападений. ВВС союзников в Ираке в 2003 году обеспечивали решение многих задач — от попыток уничтожения иракского руководства и поддержки наземных операций до информационной и логистической поддержки[595].

В-третьих, в превосходстве СВКО. Значение СВКО в новом веке стало исключительным, хотя впервые это значение стало очевидным еще в ходе войны во Вьетнаме в 70-х годах прошлого века, когда огромная воздушная мощь США столкнулась с быстро развивающейся с помощью СССР системой ПВО Вьетнама. Позже, в ходе конфликтов на Ближнем Востоке, значение средств ПВО было доказано не раз, но, пожалуй, только во время бомбардировки Югославии и позже — Ливии и Ирака — пришло осознание того, что эффективная система ПВО равнозначна такому понятию как «государственный суверенитет».

Ярким примером использования превосходства в этих трех сферах стала война в Ираке 2003 года, хотя некоторые важнейшие особенности проявились уже в ходе интервенции в Афганистан в

595 Грозное небо. Авиация в современных конфликтах / Под ред. *В.Н. Болдырева*. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018, сс. 67–70.

2001 году (где СВКО практически не использовались). Эта война, с точки зрения военного искусства, была вполне «полноценной», когда использовались со стороны Ирака десятки дивизий (389 000 военнослужащих и 650 000 резервистов) и более 2500 танков, средства ПВО и ВВС.

В данном разделе важно сделать вывод о том, что признание или отрицание значения тех или иных военно-технических средств и способов, их приоритетности, означает во многом **выбор приоритетов военного строительства и развития военного искусства.**

В настоящее время этот выбор в России сделан в пользу РВСН и ВКО, а также новейших образцов ВВСТ других видов и родов войск, что, однако, отнюдь не бесспорно потому, что приоритетными не бывают все направления развития военной мощи. На мой взгляд, с военно-технической точки зрения наиболее приоритетными являются три области, где в максимальной степени проявляется эффективность военной силы — качество личного состава и командования, средств управления; СВКН и СВКО.

2.5.б). Военно-промышленная политика России

В основе военно-технического противоборства лежат не только новейшие достижения НТР, но и способность государства производить в достаточном количестве ВВСТ. Иногда складывается ложное впечатление, что новейшие образцы ВВСТ, например, гиперзвуковое ВТО или БЛА обеспечивают военно-техническое превосходство и гарантируют сами по себе решение не только военных, но и политических задач. Так, даже повышение доли современных ВВСТ, о чем регулярно говорит президент В.В. Путин, не решает задачи сохранения военного равновесия потому, что требуется произвести его в достаточном количестве и подготовить соответствующее число военнослужащих.

Единичные или незначительные по численности образцы даже самых совершенных ВВСТ не означают, что военно-техническое

обеспечение политики решено. Это — неверное положение: военный и политический успех обеспечивают объединенные в системы военные соединения, оснащенные достаточным количеством средств ведения вооруженной борьбы и соответствующим числом подготовленных военнослужащих и военачальников. Иначе говоря, требуется не только создать и испытать новый тип ВВСТ, но и произвести его в достаточном количестве и обеспечить им войска. Это — задача военной промышленности.

Военно-промышленная политика часто справедливо рассматривается как неотъемлемая и наиболее важная часть современной промышленной политики развитых государств, хотя в большинстве случаев в публичных выступлениях она, как правило, традиционно представляется в качестве некой излишней «нагрузки» на экономику и социальную сферу страны. Более того, уже привычно и достаточно давно на самых разных уровнях говорится о том, что расходы на ОПК «съедают» экономику, а «милитаризация — главная угроза социально-экономическому развитию». В действительности, это далеко не так.

Объективная трудность анализа заключается в том, что обобщенных работ, посвященных военной промышленности даже развитых стран, нет, либо они недоступны. Как не существует такой статистики, как правило, на национальном уровне, либо в международных институтах — ООН, ОЭСР, Всемирном банке, либо иных. Представление о состоянии военной промышленности развитых стран (если оперировать критериями членства в ОЭСР) можно получить, либо проецируя развитие экономик и промышленности ведущих стран, либо исследуя эту закрытую область в каждой стране по отдельности, более того, вычленяя из нее такие промышленные отрасти — как авиастроение, машиностроение, судостроение, космическая отрасль и т. д., а уже из них собственно военно-промышленный сегмент.

Динамика экономического развития ведущих в сфере ОПК стран мира свидетельствует о быстром изменении в соотношении экономических и технологических сил, объемах экономик и промышленного производства основных стран, что косвенно свиде-

тельствует и об изменении в соотношении сил этих стран мира в области военных экономик и, в том числе, военной промышленности. Это, прежде всего, относится к таким странам-лидерам в области военно-промышленного производства, к которым относятся США, КНР, Индия, Великобритания, Германия, Япония, Франция и Россия, но к которым стремительно приближаются в новом веке другие государства — Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и целый ряд других новых экономик (Индонезия, Республика Корея, др.). Поэтому основной методологический прием в исследовании военной промышленности заключается в анализе военных бюджетов, ведущих в сфере ОПК государств, прежде всего, США, КНР, Индии, России, Великобритании, Франции, Саудовской Аравии и ряда других, хотя это не дает полного представления о состоянии военной промышленности ведущих государств потому, что собственно на ОПК (закупку вооружений и военной техники) тратится от 30 до 45% всех средств военных бюджетов развитых стран.

Анализ осложняется тем, что ОПК развитых стран мира представляет собой преимущественно крупные корпорации во главе с финансовыми холдингами, объединяющими научно-исследовательские, образовательные и промышленные структуры, которые ориентированы на выпуск как военной, так и гражданской продукции в таких основных областях, как судостроение, танкостроение, авиационная и ракетная области, а также создание других видов ВВСТ[596]. В них доля гражданской продукции иногда может превышать по стоимостному выражению 50% (в частности, В.В. Путин этого потребовал до 2020 года от всех предприятий ОПК России).

В этой связи представляется целесообразным дать небольшой обзор с целью хотя бы очень краткого рассмотрения организации деятельности военной промышленности и развития оборонных предприятий в развитых странах, прежде всего в США. Их военная промышленность, как правило, представляет собой не определенное количество предприятий соответствующей специализации,

596 ВВСТ — общепринятая в специальной литературе аббревиатура, раскрываемая как вооружения и военная (специальная) техника.

а группы ориентированных на удовлетворение военных нужд отраслей. Большинство действующих в этих отраслях фирм, работающих на «оборонку», выпускает и военную, и гражданскую продукцию одновременно, причем в рамках отделенных друг от друга производств.

Важно также подчеркнуть, что в развитых странах проводится курс на высокую степень диверсификации в отношении, с одной стороны, гражданской и военной продукции, с другой — различных типов вооружений и военной техники. Их ведущие фирмы являются многоотраслевыми корпорациями, что серьезно затрудняет не только анализ, но и отчетность этих структур по выпуску военной продукции.

При этом управление указанных фирм основывается обычно на принципе децентрализации. Диверсифицированная корпорация или концерн существует, таким образом, в виде разветвленной группы акционерных компаний, связанных друг с другом системой участий. Чтобы достигнуть удовлетворительной управляемости в такой многоотраслевой системе, необходим финансовый стержень. Эту роль и берет на себя холдинг. Таких компаний у концерна может быть несколько. В настоящее время практически все крупнейшие военно-промышленные корпорации развитых стран имеют подобную форму организации, предполагающую наличие в их составе финансового центра — холдинга. Такая организация органично вписывается в структуру концерна потому, что центральная тенденция в организационном устройстве крупной многоотраслевой корпорации военно-промышленной сферы — это усиление автономии коммерческой деятельности отдельных подразделений. Внутри концерна многие подразделения обладают большей или меньшей коммерческой самостоятельностью в зависимости от их роли в реализации финансовой стратегии всей корпорации. Таким образом, военно-промышленная деятельность развитых государств может анализироваться с большой степенью условности и многочисленными оговорками.

Исследование военной промышленности затрудняется также тем, что в общественном сознании сохраняется отношение к во-

енной экономике и ОПК как производству продукции, сокращающей в итоге социально-экономический потенциал страны. Одним из ориентиров для потенциального сокращения военных расходов является призыв Глобальной кампании по военным расходам уменьшить мировые военные расходы на 10%[597] (что, кстати, гораздо меньше сокращения на одну треть в реальном выражении, произошедшего с 1988 по 1997 г. после окончания холодной войны или даже сокращения военных расходов на 12,5% в 1992–1997 гг., которое произошло после распада Советского Союза).

Эти тезисы стали общим местом выступлений политиков и чиновников ООН со второй половины XX века, включая СССР и Россию, где их влияние на экономику, промышленность, науку и ОПК сказалось особенно болезненно в 90-е годы[598]. В этом заключается важное отличие любой подотрасли или корпорации ОПК страны от других областей экономики, т.к. первые зависят от политических и военных факторов больше, чем от экономических, по следующим причинам:

– во-первых, они в решающей степени зависят от состояния военно-политической обстановки в мире. Очевидно, что кризисное, а тем более предвоенное состояние, требует высоких темпов милитаризации (вплоть до 30–40% ВВП, как в СССР и Германии накануне войны);

– во-вторых, развитие ОПК сильно определяется господствующими политическими настроениями в стране. Темпы развития ОПК любого государства зависят, прежде всего, от государственного финансирования и экономической политики в тот или иной период времени;

– в-третьих, от экономического состояния государства и его институтов, что определяется долей ВВП, выделяемой на безопасность и оборону, которая практически может отличаться в современных странах в диапазоне от 0,01% до 30%.

597 См., например, информацию о Глобальной кампании по военным расходам на вебсайте Международного бюро мира / http://www.ipb.org/web/index.php

598 См., например: *Подберезкин А.И.* Современная военная политика России: в 2-х томах. Т. 2, 2017.

– в-четвертых, влияние ОПК на НИОКР и промышленное развитие, как и на другие области, как правило в 2–3 раза выше, чем других областей экономики. Так, в странах Запада один работник ОПК обеспечивает занятость двум-трем работникам в смежных отраслях, поэтому реальный масштаб влияния «оборонки» на рынок труда в несколько раз больше. Лидером является Китай: 1,6 млн. занятых в ОПК. Добавим также, что Лидер в относительном выражении, США, где в ВПК занято 0,65% экономически активного населения, давно перевел свой оборонный сектор на постиндустриальные рельсы. Согласно этой модели, военная индустрия генерирует прорывные технологии универсального применения, а сама создает конечный продукт путем широкой кооперации с высокотехнологичными отраслями экономики.

Именно эти факторы, и, прежде всего, политико-идеологическое влияние правящей элиты — оказались разрушительными для СССР, где и сегодня считается, что «государство рухнуло под грузом военных расходов». В действительности, под предлогом «демилитаризации» и «конверсии» было уничтожено до 90% ОПК бывшего СССР, в особенности связанного с наукой и новейшими технологиями, где, например, было почти полностью ликвидировано приборостроение.

На самом деле развал ОПК СССР 90-х годов ничуть не помог развитию экономики России, которая фактически к 2000 году превратилась в коллапсирующую страну «третьего мира», живущую за счет продажи природных ресурсов и международных кредитов. К 2000 году наши армия, авиация и флот уже ни по каким критериям не могли называться «современными». 75% всей техники и вооружения имели возраст более 15 лет, 20% — от 10 до 15 лет, и лишь 5% считались современными. С 1994 года Россия перешла, по существу, на штучное производство вооружения для собственной армии. Например, если в 1988 году на заводах СССР было произведено 3,5 тыс. танков, то в 1996-м было заказано 58 танков — то есть в 60(!) раз меньше, к тому же, из них была оплачена только половина. Производство самолетов для собственных ВВС было практически заморожено, т.е. с 1994 до 2003 года для собственных ВВС Рос-

сия не приобрела вообще ни одного нового боевого самолета. Это свидетельствовало наглядно и о состоянии военной промышленности, которая стремительно разрушалась.

Военные расходы России, подчеркнем, сократились в десятки раз, но это, как известно, не привело к экономическому росту в стране. Этот факт в очередной раз иллюстрирует огромное влияние неэкономических факторов на состояние и развитие военной промышленности страны. В этих новых условиях России и остаткам ее ОПК предстояло в последующие годы обеспечить свою безопасность в XXI веке, т.е. решить проблему политическую, военную и (не в последнюю очередь) экономическую за очень короткие сроки.

На мировое экономическое и промышленное развитие в начале нового века решающее влияние оказали новые военно-политические факторы, а именно: с конца первого десятилетия XXI века стала резко меняться военно-политическая обстановка в мире, которая была следствием политических шагов в развитии западной цивилизации и, прежде всего, ее лидера — США, ставших лидером глобальной военно-политической коалиции. Именно эти внешние военно-политические (а не экономические или финансовые) факторы стали решающими для развития национальной промышленности многих стран, которые, как правило, во многом опирались на национальный ОПК. Это относится не только к КНР, Индии, России, объективно противостоящих западной коалиции, но и к союзникам США по НАТО, — Японии, Саудовской Аравии и другим государствам, которые оказались втянутыми в нарастающий процесс ускоренного развития ВВСТ.

Частью этого общего процесса стало возникновение новых угроз России в XXI веке, которые сформулировали уже в начале нового столетия важнейшую военно-политическую задачу обеспечения национальной безопасности военно-техническими средствами на новом технологическом уровне. Иными словами, главной особенностью развития оборонных отраслей промышленности вообще, а российской — в частности, являются военно-политические условия (прежде всего, состояние военно-политической обстанов-

ки в мире)[599] существования государства, а не экономические или иные обстоятельства[600]. По большому счету, так было часто в истории человечества — внешняя угроза определяла масштаб ресурсов, которые были необходимы для ее нейтрализации. При том понимании, конечно, что национальные ресурсы, затрачиваемые на оборону, имеют свои достаточно известные пределы.

При этом, как, впрочем, и всегда, исследователи столкнулись с проблемой субъективности в оценке внешних угроз и отдельных компонентов военной мощи (в частности, в 1812 году военный потенциал России был в несколько раз выше, чем у Франции, а в 1941 году у Германии — выше, чем у СССР), которые отнюдь не определяются военно-экономическим или военно-промышленным потенциалом. В качестве иллюстрации автор и его коллеги использовали экспертный опрос, который был проведен среди экспертов — политологов и социологов-международников в рамках одной из НИР. Они должны были дать оценку различным фактором силы государства. Результаты этого опроса ни в коем случае не рассматриваются как доказательство той или иной позиции, но скорее, как отношение некоторых российских ученых к различным категориям силовых инструментов (в том числе военно-промышленным) в современной политике. От них требовалась экспертная оценка вкладов военно-экономического, военного, военно-политического потенциалов, управленческий, человеческого развития, коалиционный в совокупный военный потенциал. Сравнительная оценка потенциалов осуществляется по методу Т. Саати, для чего заполняется верхняя часть матрицы сравнения потенциалов для заданной выборки стран. Пример заполнения показан в следующих таблицах, отражающих только мнение автора данной работы[601].

599 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты развития России в XXI веке. — М.: Изд. дом «Международные отношения», 2018. — 1499 с.

600 Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, элиты / *А.И. Подберезкин, В.Г. Соколенко, С.Р. Цырендоржиев.* — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 464 с.

601 Подобные оценки были неоднократно сделаны в рамках различных НИР 2014-2018 годов. См., например: *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития / Эл. ресурс: «Наследие». 2017.10.10 / www.nasled.ru/2017/10/10/

Таблица 6. Военно-экономический потенциал

Страна	США	Китай	Россия	Германия	Франция	Англия	Италия	Япония
США	1	2	8	4,5	5	6	8	3
Китай		1	4	2,5	3,5	4	4,5	1,5
Россия			1	0,4	0,8	0,9	1,0	0,4
Германия				1	1,5	1,6	1,6	0,7
Франция					1	1	1,5	0,8
Англия						1	1,5	0,5
Италия							1	1
Япония								1

Как видно из таблицы, сравнение военно-экономических потенциалов по состоянию на 2018 год, сделанное в то время экспертами, очень условно, однако даже оно позволяет судить о большом разрыве в таких потенциалах у США, Китая и России, с одной стороны, и у других ведущих стран, с другой. Из таблицы, например, видно, что эксперты оценивали военно-экономический потенциал КНР в 2 раза меньше, чем американский, а РФ и Италии — в 8 раз меньше (что не удивительно, если знаешь, что закупки станков и оборудования новейших образцов Россией происходят именно в Италии и странах Юго-Восточной Азии). Примечательно, что эксперты оценили военно-экономические потенциалы Великобритании, Франции и Италии как почти равные, что находит свое подтверждение, в частности, в экспорте ВВСТ. В 2018 году Россия, например, только впервые обогнала Великобританию по объемам продаж ВВСТ.

Примечательно и то, что сам военно-экономический потенциал современного государства является не только частью промышленного и научно-технического потенциалов, но и находится под сильным влиянием других, в т.ч. не экономических факторов. Эксперты, например, очень высоко оценили влияние потенциала человеческого развития и особенно коалиционного потенциала, что подтверждается политикой США по формированию широкой во-

енно-политической коалиции, в которую уже входит порядка 60 государств[602].

Подобный подход отличается от традиционного подхода, когда масштабы и эффективность ОПК оцениваются только критериями военной экономики. Так, практикой развития советского и российского ОПК доказано, что самые сильные факторы влияния — качество управления и качество человеческого капитала,- которые, например, объясняют сверхбыстрые темпы восстановления российского ОПК в последние годы, когда в некоторых отраслях и корпорациях наблюдался ежегодно устойчивый рост производительности труда в 15%. Этот рост особенно нагляден на фоне фактически отсутствующего прироста в производительности труда в других отраслях экономики.

Очень трудно соотнести военно-экономические потенциалы различных стран не из-за отсутствия информации (ее-то, как раз, больше чем по другим областям), а из-за необходимости выработки отдельных критериев для сравнения. Так, с одной стороны, экономический и промышленный потенциал Германии существенно больше, чем Великобритании и Франции, но, с другой стороны, у этих стран есть ядерное оружие и собственные мощности по его производству, а у Германии — нет. Более того, затраты на закупку и разработку вооружений и техники в Великобритании и Франции существенно выше, чем в Германии, а доля военных расходов в ВВП в разы превосходит долю Германии.

Другой пример — оценка военно-экономического потенциала России, который существенно меньше чем потенциалы США и КНР, но не настолько насколько существует разница между ВВП этих стран и уровнем развития технологий. Так, если соотношение ВВП России и США (и КНР) может быть оценено в 10-12 раз, а по наукоемким технологиям и обрабатывающей промышленности даже как 1:50 или даже 1:100, то соотношение военно-экономических потенциалов до настоящего времени существенно ниже и может быть оценено как 1:3–4.

602 *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета, 2018, №6, С.143.

Таблица 7. Оценка вклада различных потенциаловв совокупный военно-экономический потенциал страны (по степени превосходства)[603]

	Военно-экономический потенциал	Военно-политический потенциал	Военный потенциал	Управленческий потенциал	Потенциал человеческого развития	Коалиционный потенциал
Военно-экономический потенциал	1	0,5	0,6	0,5	0,75	7
Военно-политический потенциал		1	0,4	0,4	0,75	5
Военный потенциал			1	0,5	0,75	5
Управленческий потенциал				1	0,25	0,25
Потенциал человеческого развития					1	2
Коалиционный потенциал						1

В результате изменений в военно-политической обстановке в мире после 2014 года наступил очевидный перелом в военно-промышленной политике Запада. Так, с 2010 года стоимость продаж вооружений и военных услуг 100 крупнейшими компаниями из списка СИПРИ (т.е. 100 крупнейшими в мире военно-промышленными компаниями и компаниями, предоставляющими услуги военного назначения, исключая китайские) снижалась после достижения своего максимума в 2010 г., хотя темпы снижения в последние два года замедлились[604]. Но с 2016 года тенденция вновь изменилась.

603 *Подберезкин А.И.* Военно-политические аспекты прогнозирования мирового развития / Эл. ресурс: «Наследие».2017.10.10 / www.nasled.ru /2017/10/10/

604 *Од Флоран*. Важнейшие события в военной промышленности в 2015 г. — Ежегодник СИПРИ, 2017. — М.: ИМЭМО, 2017.

Эту тенденцию к снижению военных производств на Западе в 2010–2016 годы можно в значительной степени связать с падением объемов продаж компаний, базирующихся в США и Западной Европе, которые доминируют в списке 100 крупнейших компаний как по числу вошедших в него компаний, так и по доходам от продажи вооружений. В 2014 г. снижение доходов 100 крупнейших компаний происходило по двум основным причинам. Во-первых, принятие строгих мер экономии для того, чтобы справиться с последствиями финансового кризиса 2008 г., привело к сокращению военных расходов, включая и расходы на закупки вооружений и военных услуг. Во-вторых, формальный вывод сил коалиции из Ирака в 2011 г. и сил Организации Североатлантического договора (НАТО) и коалиции из Афганистана в 2014 г. вызвал снижение спроса на военные услуги и технику, закупаемые специально под эти конфликты (в частности на бронетехнику, защищенную от взрывов мин, и услуги частных компаний, обеспечивающих безопасность на театрах боевых действий)[605]. А ведь ранее США выделяли на закупку товаров и услуг, необходимых для участия в этих конфликтах, такое количество ресурсов, что производители бронетанковой техники, например, корпорация Navistar, и компании по оказанию частных военных услуг, как, например, KBR, вошли в число самых крупных по объемам продаж вооружений военно-промышленных компаний и компаний, предоставляющих услуги военного назначения[606].

Одновременно в эти годы общее снижение доходов мировой военной промышленности было несколько смягчено существенным ростом продаж у компаний, базирующихся за пределами США и Западной Европы. В частности, российские компании сумели значительно увеличить объемы продаж благодаря большому бюджету внутренних закупок и продолжающимся экспортным успехам, и в результате Россия по-прежнему находится на 2-м — 3-м месте в мире по экспорту вооружений (деля это место с Великобритани-

605 *Rosenberg, M. and Shear, M.D.,* 'In reversal, Obama says U.S. soldiers will stay in Afghanistan to 2017'. New York Times, 15 Oct. 2015.

606 www.sipri.org/research/armaments/production/recent-trends-in-arms-industry

ей). Кроме того, продолжающийся в России процесс консолидации активов в военной промышленности, в ходе которого объемы продаж по всем активам обычно объединяются, способствовал значительному росту показателя продаж российских компаний. Так, Концерн ВКО «Алмаз-Антей» за 2014–2018 годы поднялся в мировом рейтинге с 22 на 11, а в 2018 году даже и на 8 место. Доходы бразильских, южнокорейских и турецких компаний также увеличились главным образом из-за высокого внутреннего спроса, который стал возможным в результате быстрого экономического развития этих стран.

Противоречивые тенденции изменения глобальных экономических и геополитических условий означают, что военная промышленность получает противоречащие друг другу сигналы, зависимые не только от финансово-экономических, но и других факторов, среди которых особенное значение приобретает направленность развития военно-политической обстановки.

Значение национальных ОПК для современной промышленности: две концепции

Прежде чем анализировать ведущие страны по объему военно-промышленного производства, необходимо сказать несколько слов об источниках информации: данные по ВВП и населению сейчас не трудно найти[607], однако по военно-промышленному и даже промышленному производству — это сделать гораздо труднее. Поэтому приходится делать выводы, исходя из более общих данных по экономике.

Вот, как, например, выглядит современная структура мировой экономики. Это «среднее» представление, естественно, не может быть отнесено к ведущим государствам, по отношению к которым следует сделать существенные правки. Тем не менее эти данные

607 Например, в ЦРУ: http://econhomika-stran.com/1900-vvp-po-pps-stran-mira-za-2016-god.html (данные на основе данных от ЦРУ), а также по структуре ВВП: http://www.yestravel.ru/world/economy/gdp_composition_by_sector/

дают самое общее представление о роли промышленности и ОПК в развитых странах. По оценкам автора, структура мирового ВВП может выглядеть следующим образом:

Таблица 8.

	Сельское хозяйство % от ВВП	Промышленное производство % от ВВП	Услуги % от ВВП
Весь Мир (ВВП по ППС = 100%)	7% (для высокоразвитых стран 2-3%)	30% (для высокоразвитых стран 25-27%)	65% (для высокоразвитых стран 70-75%)

Зная, что мировой ВВП по ППС составляет порядка 120 триллионов долларов в 2017 году и его отраслевую разбивку, не трудно посчитать в долларах объем промышленного производства в мире.

Таблица 9.

	Сельское хозяйство, $	Промышленное производство, $	Услуги, $
Весь Мир ВВП = 120 трлн. $	5-7 трлн.	30-40 трлн.	80-90 трлн.

Здесь мы сразу же видим, что существует большая разница между объемами ОПК и промышленного производства в рейтинге ведущих стран, где доля военно-промышленного производства в мирных условиях может составлять только порядка 1,5–7% от общего промышленного производства. (по некоторым оценкам, в США в 2018 году порядка 1-2%), что в принципе подрывает веру в аргументы о «разрушительном влиянии милитаризации». Тем не менее мы можем говорить о промышленном потенциале, который может быть использован в военной промышленности, хотя прямой корреляции (как прежде, например, между тракторостроением и танкостроением) уже нет. Естественно, что подобный прием достаточно груб, но он позволяет представить себе потенциаль-

ные возможности и роль ОПК гораздо лучше, чем политико-идеологические заявления.

В частности, из предложенного сопоставления следует, что объемы военно-промышленного производства трех стран — США, КНР и Индии — выше и растут быстрее, чем у других промышленных государств, что обеспечивает им в будущем и быстрые темпы роста национальных ОПК. В одной из работ РЭНД корпорации, например, приводятся следующие оценки, из которых видно, что у Китая, Индии, Индонезии и Мексики есть огромный потенциал роста промышленного производства в расчете на одного человека.

Таблица 10. ТОП-10 стран по объему промышленного производства по ППС в (2016 году).

	Объем промышленного производства в $ по ППС	Объем промышленного производства в %	Население, человек на 1 января 2017 года	Объем промышленного производства в $ по ППС на человека	Объем промышленного производства по ППС на человека в %
Весь Мир	37 142 138 568 190	100,00%	7 515 284 153	4 942	100%
Китай	9 082 290 000 000	24,45%	1 388 232 693	6 542	132%
США	3 860 480 000 000	10,39%	326 474 013	11 825	239%
Индия	2 572 695 000 000	6,93%	1 342 512 706	1 916	39%
Россия	1 340 710 000 000	3,61%	143 375 006	9 351	189%
Япония	1 311 912 000 000	3,53%	126 045 211	10 408	211%
Индонезия	1 295 984 000 000	3,49%	263 510 146	4 918	100%
Германия	1 201 658 000 000	3,24%	80 636 124	14 902	302%
Саудовская Аравия	811 839 000 000	2,19%	32 742 664	24 795	502%
Мексика	786 687 000 000	2,12%	130 222 815	6 041	122%
Южная Корея	733 020 000 000	1,97%	50 704 971	14 457	293%

Косвенно, но вполне определенно, эти данные о потенциалах промышленного производства свидетельствуют о том, что у Индии, Мексики, Китая, России есть основание рассчитывать на быстрый рост национальных ОПК, что подтверждается сверхбыстрыми тем-

пами роста военно-промышленного производства не только в Китае, но и в Индии, которые в последние годы стали самостоятельно производить качественные ВВСТ.

Участники кампании за глобальное развитие часто указывают на высокие уровни военных расходов как ключевую область, где дефицитные ресурсы, способные послужить развитию, тратятся впустую. Эта точка зрения также часто отражается в формулировке, используемой ООН. В резолюции 1980 г. введена система отчетности ООН о военных расходах (раздел V), а обмен информацией о подобных тратах рассматривается в ней как первый шаг к сокращению таких расходов для достижения «минимального отвлечения» ресурсов от социальных целей[608].

Концепция «мирных дивидендов», получаемых от перераспределения ресурсов между расходами на военные и гражданские цели в пользу последних, и потенциально выгодные экономические и социальные последствия этого широко обсуждалась в течение 1990-х годов после окончания холодной войны. Цели устойчивого развития (ЦУР), формально принятые в 2015 г., пришли на смену Целям развития тысячелетия (ЦРТ) в качестве ориентиров гуманитарной, социальной, экономической областях и в области окружающей среды для всех стран, в направлении которых следует работать и достичь к 2030 г.

Действительно, милитаризация во многом ограничивает возможности государств для социально-экономического развития. Но этот факт справедлив для «идеальных» обществ и еще более идеального состояния международной обстановки и военно-политической обстановки, которых в реальной истории пока что еще не было. Поэтому полагаться на некие идеальные внешние условия для социально-экономического развития было бы наивно. Более того, политическая история последних десятилетий свидетельствует только об ухудшении этой обстановки в мире и особенно применительно к России. Поэтому такая очевидная на первый взгляд максима «масло вместо пушек» оказывается нереальной и не при-

608 UN General Assembly Resolution 35/142 B, 12 Dec. 1980.

годной к политическому применению. Более того, даже и в экономическом отношении. На практике оказывается, что разрушение ОПК и деиндустриализация ведут к естественной деградации социально-экономической ситуации в стране.

На практике справедливой оказывается другое правило, когда быстрое (чаще всего мобилизационное) развитие ОПК ведет к быстрым темпам промышленного и экономического роста[609]. Наиболее ярким примером традиционно считается гитлеровская Германия, а также Советский Союз, которые в 30-е годы смогли сверхбыстрыми темпами развивать обрабатывающую промышленность. Но и после войны СССР был вынужден, опираясь на развитие ОПК, быстро развивать свою обрабатывающую промышленность. Более того, десятки отраслей промышленности «произошли» из двух направлений научно-технического и промышленного развития СССР — ракетостроения и ядерной промышленности.

На мой взгляд, не существует жесткой взаимосвязи между темпами развития ОПК и промышленности: многие развитые страны — от Японии до большинства европейских государств — долгие годы обходились относительно не высокими военными расходами, не превышающими 1% от ВВП. Вместе с тем, надо признать, что не только рекордно высокие военные расходы Израиля и Саудовской Аравии (более 20% ВВП) не помешали создать им передовые экономики и эффективные национальные инновационные системы, но и достаточно высокие военные расходы ведущих развитых государств мира — США, Франции и Великобритании в последние десятилетия — обеспечили им высокие темпы промышленного роста. Более того, в ряде случаев именно военные расходы становились импульсом к развитию промышленности, прежде всего тех наукоемких отраслей промышленности, которые требовали крупных инвестиций государств.

609 См. подробнее: *Подберезкин А.И., Жуков А.В.* Оборона России и стратегическое сдерживание средств и способов стратегического нападения вероятного противника // Вестник МГИМО-Университета. 2018. — №6. — С. 141–143.

Таким образом, положение о вреде военных расходов, стало общим местом в политике, вполне справедливо вообще, в особенности в идеологии и внутриполитической борьбе, в частности, с тех пор, когда американский президент Д. Эйзенхауэр, уходя с поста, предупредил американцев «об угрозе ВПК» (хотя никто не мешал ему это сделать раньше). Но это общее правило далеко не всегда справедливо во многих частных случаях, а тем более во все исторические периоды развития государств.

Для этого существуют исключения. Например, для сегодняшних экономических реалий России, когда она сокращает военно-промышленные расходы последние два года на фоне роста военных расходов Запада, что (кроме очевидного военно-политического противоречия) негативно сказывается на развитии национальной наукоемкой промышленности, но отнюдь не влияет положительно на темпы социально-экономического развития страны, которые характеризуются стагнацией в период 2014-2018 годов.

Фундаментальные достижения науки и НИОКР в атомной энергетике, как известно, привели в свое время к созданию целого комплекса отраслей атомной промышленности, изобретение ракет — к аналогичному технологическому и промышленному «взрыву» в космической отрасли. Эти традиционные группы отраслей продолжают развиваться опережающими темпами. В ядерной области создаются двигательные установки для летательных аппаратов (ЛА) и подводных лодок, боеприпасов, а в космической отрасли наступает новый период — массового производства оружия и военной техники для военных действий в космическом пространстве.

В более позднее время был дан толчок массовым отраслям в информационно-коммуникационной (ИКТ) сфере именно благодаря военным запросам: интернет, новые системы связи, высокоскоростные ЭВМ и другие примеры стали типичными для иллюстрации влияния военных расходов на темпы развития промышленности. Так, революция в области ИКТ в 80-е годы привела к созданию целой серии ведущих технологий и отраслей промышленности (микроэлектроники, средств связи, размножения и пр.),

а также появлению принципиально новых видов и систем оружия, систем управления (высокоточного оружия, крылатых ракет, систем боевого управления, связи и разведки). К сожалению, в СССР фактически игнорировали масштабы и темпы этих изменений, подменив реальные действия политическими спекуляциями. «Точкой биффуркации» стала смена курса летом 1985 года, когда вместо запланированного пленума по НТП и срочным мерам в этой области партия и государство во главе с новым лидером занялись социально-политическим реформированием. Именно в этот период стало нарастать отставание в научно-технической и промышленной области СССР.

Новый этап научно-технологической и промышленной революции связывают как с ускорением развития прежних областей ИКТ, так и их интеграцией с новыми областями науки и технологий. Эксперты сходятся во мнении, что 4-я промышленная революция будет охватывать все области военно-промышленного производства — от стрелкового оружия, где ожидается появление новых образцов вооружений (в т.ч. из новых материалов, например, углепластика) и, главное, систем управления (наведения) ими, до новых поколений гиперзвуковых ЛА и космических средств ведения войны. Более того, 4-ый этап промышленной революции «предоставляет производителям новые возможности и императивы», — считают эксперты авторитетной консалтинговой фирмы «Маккензи». По их мнению, «технологии 4-го этапа промышленной революции уже начали трансформировать имеющее ее производство»[610]. Это проявляется, например, в области «цифровых двойников» физических производителей, особенно в области конструирования, которая сокращает, например, затраты времени и средств по меньшей мере на 20% в авиационной промышленности. Представление об основных областях этого этапа дает следующая диаграмма[611].

610 Making it in America: Revitalizing US manufacturing / McKinsey / Digital McKinsey; McKinsey Global Institute analysis / https://www.mckinsey.com/featured-insights/americas/making-it-in-america-revitalizing-us-manufacturing

611 Ibidem.

Рис. 27.[612]

При этом эксперты компании «Маккензи», например, полагают, что эти новые технологии добавят к ВВП США 530 млрд. долл. еще до 2025 года, т. е. сделают именно то, к чему призывал Д. Трамп, — простимулируют развитие американской наукоем-

612 Making it in America: Revitalizing US manufacturing / McKinsey / Digital McKinsey; McKinsey Global Institute analysis / https://www.mckinsey.com/featured-insights/americas/making-it-in-america-revitalizing-us-manufacturing

кой промышленности. Не трудно увидеть, что в своем подходе Д. Трамп действует аналогично бывшему президенту Р. Рейгану, который анонсировал в 1983 году Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), как комплекс передовых технологий, способных защитить США от ядерного оружия.

В настоящее время, когда развертывается четвертая промышленная революция, происходит, таким образом, как совершенствование традиционных военных технологий (модернизация), так и разработка, и появление принципиально новых, которые могут гарантировать США сохранение мирового военно-технологического лидерства в обозримой перспективе[613]. Важно особенно подчеркнуть, что технологическое лидерство США ставится в качестве важнейшего (даже самого важного) национального политического и военного, а не только экономического приоритета, и возводится в основополагающий принцип американской внешней политики.

Запаздывание с осознанием значения этих изменений ведет к неизбежному технологическому и военно-техническому отставанию, как это было, например, во второй половине 80-х годов в СССР, но в еще большей степени, по оценке ученых США, угрожает сегодня России[614]. Активную деятельность по выявлению критических военных технологий в США начали еще в 80-х гг. XX в., когда была создана необходимая для этого нормативная база. Более того, — и это особенно важно — с политической точки зрения эти усилия активно были поддержаны бывшим президентом США Р. Рейганом.

Считается, что в России работа по подготовке перечней критических технологий началась значительно позже — только в середине 90-х гг., а более активно — только после 2005 года. На самом деле эта работа велась достаточно формально и на низком уровне. Очевидно, например, что такая работа велась на уровне нескольких десятков второстепенных НИР, результаты которых так и не

613 National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18–2017-0905.pdf
614 National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

легли в основу экономической, а тем более промышленной политики. Это объясняется достаточно просто: сам методологический подход (даже если он и был) тех, кто формировал экономическую политику в 90-е годы, а также позже, основывался не на принципе опережающего экономического и технологического развития, а на принципиальном положении о необходимости соблюдения «макроэкономической стабильности», т.е. не было «политического заказа». Отсутствие такого заказа объяснялось еще и идеалистическим отношением к внешним реалиям, прежде всего, опасностям и угрозам, сформировавшимся в горбачевско-козыревскую и ельцинскую эпоху.

По сути дела, в реальности, в настоящее время мы наблюдаем два прямо противоположных процесса: на Западе (причем практически во всех странах) активизируется промышленно-технологическая политика, опирающаяся на военные НИОКР, а в России происходит сдерживание не только финансирования развития военной промышленности, но и ограничиваются масштабы оборонных НИР и особенно ОКР под традиционным предлогом, как всегда в таких случаях, экономии бюджетных расходов. Именно в 2016-2018 годы было отмечено сокращение военных расходов и введены (по мнению автора) не оправданные ограничения на НИР и ОКР.

Можно констатировать, что отсутствует понимание у финансово-экономических и политических властей того, что современная технологическая революция и военно-промышленная политика связаны самым тесным образом: требования обеспечения безопасности в условиях конфликта цивилизаций и нарастания эскалации враждебности, как и в 50-е годы, стали самыми сильными драйверами развития промышленности и науки в мире. Но не в СССР и в России, где последние 30 лет, особенно в 90-е годы, шло массированное «наступление на оборонно-промышленный комплекс», в результате которого уничтожались целые научные школы, поколения исследователей, бесследно исчезали НИР и ОКР.

В итоге военно-промышленное производство к концу 90-х годов было фактически ликвидировано, составив в начале нового века не более 10% от дореформенного уровня. Последующие свер-

хусилия администрации В. Путина не смогли еще компенсировать потерянного потенциала — по сути дела, во всех областях идет процесс восстановления советского ОПК, который характеризуется ускоренной модернизацией, а не созданием качественно новых образцов ВВСТ. Элементная база, некоторые технологии и научные школы еще только-только восстанавливаются, оставаясь во многом в зависимости от общего уровня развития промышленности, особенно станкостроения и приборостроения, которые во многом зависят от импорта. Так, за 2014-2018 годы, например, удалось создать отечественные аналоги для 2500 из 5000 компонентов элементной базы. Примечательно, что даже в этих условиях, российский ОПК выступает локомотивом промышленного развития.

Так, сложившаяся у мировых лидеров ОПК классическая схема, выраженная, как правило, в простой последовательности, состоящей из нескольких этапов — «развитие фундаментальных наук, ведущих к развитию НИОКР, затем — к прикладным военным разработкам» — в России сегодня оказалась «перевернутой»: прагматические требования военной безопасности (создание, например, гиперзвуковых летательных аппаратов, беспилотников, систем наведения, новых материалов, систем связи и информации и т.п.), подкрепленные значительным государственным финансированием, в последнее десятилетие, стало главным трендом в развитии науки и промышленности вообще и военной науки и промышленности, в частности.

В России возвращения к вышеуказанной нормальной логике развития ОПК до настоящего времени не произошло: как правило, используются прежние советские наработки, которые в последние 15-20 лет иногда модифицировались. Порой модернизаций было 15-17 (как основных танков, вертолетов и самолетов, систем ПРО-ПВО). Это привело к тому, что основных типов самолетов, танков и особенно судов остается примерно столько же, сколько и во времена СССР, а их модификаций порой насчитывалось до трех десятков. Причем некоторые последние модификации отличались от своих изначальных прототипов по боевой эффективности в несколько раз — на 70%–100% и даже 300%, — но не приводили к появлению

нового качества. Так, самолеты 4-го поколения превращались в самолеты 4+ или 4++, но не становились самолетами 5-го поколения, а тем более серийного производства.

Тем не менее даже эти процессы (и, прежде всего, в станкостроении, что только подтверждает сильное позитивное влияние развития ОПК на общие отрасли промышленного производства) оказывают сильное влияние на гражданские отрасли промышленности. Причем насчитывающие порой десятки предприятий, КБ и сотни лабораторий, ориентированных на выпуск одного-двух изделий. Ярким примером этому стало выступление В. Путина в конце декабря 2018 года после испытания гиперзвуковой системы «Авангард», где он сослался на длинный список, насчитывающий несколько страниц убористого шрифта, с перечислением названий трудовых коллективов, участвовавших в кооперации по производству этой системы.

Применительно к России ситуация усугубляется еще одним, наверное, самым главным, обстоятельством: неумение и отчетливое нежелание финансово-экономической элиты России эффективно управлять развитием промышленности и науки в целом удивительным образом и парадоксально совпадает с блестящими результатами в развитии национального ОПК, где научные, технологические и промышленные итоги развития нередко не только находятся на конкурентоспособном мировом уровне, но и превосходят его. Так, военные тягачи находятся на мировом уровне, а автомобилестроение отстает на десятилетие, военная авиация — нередко превосходит по ряду параметров мировой уровень, а гражданскую авиацию только-только стали восстанавливать после того, как отдали на откуп «Боингу», и т.д. Получается парадокс, когда общий уровень развития большинства отраслей промышленности резко падает (если говорить о приборостроении, то и вообще исчезает), а некоторых военных отраслях наоборот — стремительно растет.

Так, спасенный от приватизации в 2001 году Концерн ВКО «Алмаз-Антей» в 2017 году занял 8 место в мире среди крупнейших военно-промышленных корпораций, обеспечив устойчивый прирост производительности труда ежегодно в 15%. По сути дела,

Концерну удалось спасти почти все советские наработки, которые использовались для модернизации лучших в мире систем ПВО-ПРО — «Тор», «Бук», а также «Калибров», С-300 и С-400, и выйти на качественно новый уровень — создание систем С-500, испытания и производство которых почти целиком принадлежит уже российским производителям и конструкторам. Это, пожалуй, один из немногих примеров того, как собственно российские достижения в военно-промышленной области стали перевешивать в своих объемах советские достижения.

Этот парадокс, на мой взгляд, может быть объяснен только единственным образом (и личный опыт это подтверждает) — высоким сохраняющимся качеством человеческого управленческого капитала отечественного ОПК, в особенности его высшего звена — генеральных директоров и генеральных конструкторов,- которые профессионально, нравственно и энергетически намного превосходят своих коллег в большинстве гражданских отраслей экономики.

Как правило, говоря о четвертой промышленной революции, считают, что она является следствием развития принципов экономической целесообразности и потребностей человека. При этом, подразумевается, что далеко не всегда учитываются политические и военные факторы, слабо связанные с потребностями человека: влияние, например, интересов национальной безопасности, потребностей развития вооружений и военной техники и, главное, способов их использования, т.е. военного искусства. Иными словами, влияние военно-экономических и военно-политических факторов на экономическое и промышленное развитие государств считается незначительным по сравнению с экономическими и финансовыми факторами.

Однако, этот вывод для политики безопасности неправомерен: опережение в средствах (и, соответственно, способах) ведения войны означает не просто повышение их военно-экономической и технологической эффективности, а превращает их в решающие силовые средства политики, что, в свою очередь, ведет к радикальным экономическим и финансовым изменениям в мире. Достаточно привести пример с резко возросшими военно-технологически-

ми возможностями КНР, которые рассматриваются уже в качестве прямого конкурента США и России, например, в области экспорта новейших ВВСТ. Именно влияние военно-политических требований по обеспечению безопасности к развитию технологий и промышленности стало двигателем развития наукоемкой промышленности в современных государствах.

В этой связи очень примечательна публикация в сентябре 2018 года в США частично рассекреченного доклада, подготовленного для американского президента по его прямому поручению (от июля 2017 года за № 13806) министерством обороны и рядом других министерств (объединенными в большую межведомственную группу для подготовки указанного доклада) под очень характерным названием «Оценка и укрепление промышленного производства и военно-промышленной базы, а также обеспечение гарантий поставок продукции в (Вооруженных Силах) США»[615]. Доклад во многом объясняет логику и раскрывает основные положения ключевых документов, принятых Д. Трампом по внешней и военной политике в 2017–2018 годы, — Стратегии национальной безопасности США, Национальной военной стратегии США и Обзора ядерной политики США, которые подтверждают важнейший политический приоритет политики опережающего промышленно-технологического развития США и технологического превосходства[616].

Этот доклад, подчеркнем еще раз, был подготовлен в соответствии со специальным поручением Д. Трампа, сделанным большим коллективом, объединенным в межведомственную группу[617]. В этом докладе изначально определены приоритеты, в частности, дается ссылка на сформулированную президентом США задачу «дать критическую оценку состоянию промышленного и военного про-

615 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supplly Chain Resiliency of the United States. Report to President D. Trump . September 2018.
616 *Mattis J.* Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. — Wash., 2018. Jan., 18.
617 President Donald Trump, Executive Order 13806, July 2017 / https://whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-orcer-assesing-strangthening-manufacturing-defens-industrial-base-supply-chane-resiliency-united-states

изводства…, которые обеспечивают экономическое процветание и глобальную конкурентоспособность, а также возможность обеспечения национальной безопасности»[618] Если обеспечение национальной безопасности и технологического превосходства[619] остаются традиционной задачей военной политики США, то другие цели, например, «конкурентоспособность» экономики, звучат достаточно откровенной новой глобальной целью. Иными словами, военно-технологическое производство рассматривается в США в качестве средства обеспечения экономического и промышленного «процветания» и «глобальной конкурентоспособности», а отнюдь не только средства производства наиболее современных вооружений и военной (специальной) техники (ВВСТ).

Можно, таким образом, говорить, что для США и ведущих государств мира, обладающих высокоразвитым оборонно-промышленным комплексом, этот комплекс является не просто важной частью национальной экономики и промышленности, определяющей безопасность, но он находится под влиянием некоторых факторов и особенностей, существенно отличающих эту область от остальной экономики страны, гарантирующих, например, научно-технологическое лидерство, а также формирующих условия для развития всей промышленности. Западные политики и ученые вполне едины во мнении, что военно-промышленное развитие предопределяет как решение задач безопасности, так и задачи опережающего промышленно-экономического развития современного государства[620]. ОПК таких государств — США, России, Китая, Индии, Великобритании, Франции, Израиля — не могут считаться только вполне естественной и даже нормальной частью всей промышленности, экономики, финансов, но и выступают гарантом их конкурентоспособности в мире и показателя уровня развития их национальной промышленности. Именно национальные ОПК стали основой

618 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supplly Chain Resiliency of the United States. Report to President D. Trump. September 2018. — P. 2.
619 National Security Strategy of the United States? December 2017. — Wash., 2017 / https://whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18–2017-0905.pdf
620 National Science Foundation, «Science and Engineering Indicators 2018», 2018.

для создания национальных инновационных систем в США, Китае, Индии, Израиле и даже Финляндии и Швеции.

В этом есть значительная доля правды. Так, если говорить о развитии научно-промышленной базы СССР после Второй мировой войны, то, как известно, во многом она основывалась на опережающем, сверхбыстром развитии двух комплексов отраслей промышленности — ядерном и ракетном, — которые объединили вокруг себя десятки отраслей и подотраслей промышленного производства, заставив из развиваться особенно быстрыми темпами. Простые примеры с копированием по поручению И. Сталина американского бомбардировщика Б-29 и немецкой ракеты ФАУ-2 показывают, что российская промышленность вообще не производила, например, более 20 наименований металлов и сплавов, использовавшихся в этих технологиях. Это, естественно, потребовало от России создания таких технологий и производств, более того, целых отраслей промышленности. Таким образом, Д. Трамп рассчитывает не только на «возвращение» отраслей, которые были переведены в страны с более дешевыми человеческими ресурсами (что хорошо известно), но и на ускоренное развитие традиционных и смежных отраслей промышленности, более того, даже создание новых технологий и отраслей промышленности, связанных с ВВСТ. Прежде всего в смежных с традиционными отраслями областях.

Примечателен также политико-организационный опыт комплексного анализа, проделанного для подготовки доклада Д. Трампу за 2017–2018 годы. Прежде всего, как уже говорилось, была создана межведомственная группа под руководством МО США, в которую входило 16 рабочих групп, насчитывающих более 300 экспертов из всех федеральных ведомств. При этом, 9 групп концентрировали внимание на традиционных секторах промышленности, а 7 групп — на тех, где «пересекались» традиционные отраслевые возможности[621]. Другими словами, происходил своего рода си-

621 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. Report to President D. Trump. September 2018 / https://media.defense.gov/2018/Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING-

стемный «мозговой штурм» по развитию прежних и поиску новых, смежных областей технологий и целых отраслей промышленности. Акцент делался не на конкретных видах и системах оружия (как это делается обычно в военном планировании), а на прогнозе развития традиционных и принципиально новых технологий и отраслей промышленности.

Этот подход выгодно отличается от российского, где подобными исследованиями занимаются практически только отдельные НИИ и КБ Минобороны (хотя, надо признать, в самые последние годы стали привлекаться и университеты), ориентирующиеся на анализ и прогноз угроз и их отражение с помощью новейших ВВСТ. Представление о структуре организации работы дает следующая таблица[622].

Таблица 11. Организация деятельности отраслей промышленности и технологий, рассмотренных межведомственной Комиссией США для подготовки доклада президенту США

Традиционные отрасли промышленности	Смежные отрасли промышленности (cross-cutting)
Авиационная Химическая, биологическая, атомная	Кибернетика производства
Наземные системы Оборудование и ракеты	Электроника
Ядерные боеголовки	Инструменты и приборостроения
РЭБ Судостроение	Материаловедение
Обеспечение л/с	Органические основы
Космос	Программное обеспечение Рабочие ресурсы

В результате анализа было сделано предложение изменить военно-промышленную политику США, исходя из 5 основных «макроугроз», из которых в результате анализа которых были обнару-

622 Там же.

жены более 300 (!) негативных последствий и разработаны самые подробные и обязательные для исполнения указания для их нейтрализации, объединенные в 4 блока так называемых рекомендаций[623]. Логика и порядок работы этих экспертов и групп, которые опирались на огромный состав привлеченных исследователей, отражена на следующем рисунке.

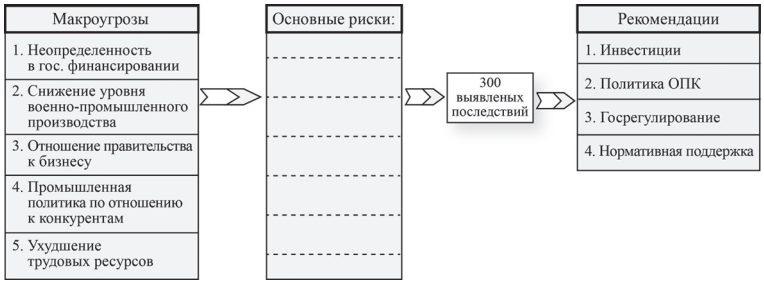

Рис. 28.

В частности, наиболее приоритетная проблема № 1 (из раздела «Макроугрозы»), которая выражалась в непоследовательности долгосрочного финансирования при разработке НИОКР и конкретных объектов промышленности, была проиллюстрирована следующим образом. Как видно из рисунка, ограничение в объемах финансирования при Б. Обаме (с 2010 по 2016 гг.), а до этого даже при Б. Клинтоне в 90-е годы, не привело к серьезным нарушениям в стабильности финансирования НИОКР (пострадавших минимально, даже сохранившихся фактически на прежнем уровне), чего нельзя сказать о военной промышленности (чьи объемы были несколько урезаны). Широко разрекламированное сокращение военных расходов только в 90-е годы не затронуло НИОКР и закупки ВВСТ, но было вполне быстро компенсировано после 2001 финансового года. Именно благодаря сохранению темпов развития

623 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. — P. 20 / https://media.defense.gov/ 2018/ Oct/05/2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING-

НИОКР в 90-е годы США смогли быстро нарастить объемы военной промышленности после 2001 года. Это говорит в пользу точки зрения, которая основана на необходимости при любых условиях сохранять высокие темпы развития НИР и ОКР, что далеко не всегда разделялось в военно-промышленных кругах гитлеровской Германии.

Надо понимать также, что достаточно быстрый рост расходов после 2001 года также был связан не только с расходами на ВВСТ для войны в Афганистане и Ираке и действиями сил зарубежных операций США, т.е. эти расходы вполне могут быть полностью отнесены к категории закупок ВВСТ и НИОКР, т.е. не отражались негативно на увеличении промышленного производства новейших вооружений. Тем не менее Д. Трамп решил резко увеличить военные расходы, которые формально превысили 719 млрд. долл. в 2019 ф.г.

Рис. 29. Расходы федерального бюджета США на НИОКР и закупки[624] ВВСТ США в 1980-2018 годы

624 **Procurement** — отдельные статьи бюджета США на закупки ВВСТ.

Опыт США и действия администрации Д. Трампа позволяют нам сделать вывод о том, что военная промышленность США (в ближайшие годы будет во многом драйвером американской промышленности и экономики) которая станет опираться на два принципа:

— сохранение опережающих темпов развития НИОКР и технологий при мощной государственной политике поддержки, когда их относительная и абсолютная доля в государственном бюджете будет увеличиваться опережающими темпами;
— опережающих темпах развития традиционных и новых отраслей военной промышленности США, которые будут обеспечены мощными инвестициями из государственного бюджета и внешними закупками ВВСТ. В целом можно ожидать, что уже до 2021 года военный бюджет США будет увеличен до 1 трлн. долл.

Из вышесказанного видно, что взаимосвязь между темпами развития военных НИОКР и военной промышленностью, существовавшая всегда, сильно укрепилась в последние два-три десятилетия. Обращает на себя внимание, что при любых условиях расходы США на военные НИОКР никогда не сокращаются в абсолютных числах, а, как правило, несколько увеличиваются. Это особенно наглядно видно, например, на фоне 30% сокращений некоторых статей военного бюджета США за последние 40 лет.

Повторим, что главный вывод, к которому пришли авторы доклада, подготовленного по поручению Д. Трампа, заключается в том, что «Угроза № 1» для американских вооруженных сил и безопасности — это существующая нестабильность в финансировании военно-промышленных программ США, те спады, которые были вызваны политикой демократов в два последних десятилетия. «Рынок движется стабильностью» — вот главный вывод, подчеркнутый в докладе экспертов. Но — надо признать — этот вывод не относится к программам НИОКР.

В еще более полной мере этот вывод может быть отнесен и к советской, и российской военной политике, когда потраченные огромные суммы на военные НИОКР и даже испытания опытных

образцов (как, например, система «Энергия-Буран»), оказались выброшенными фактически на ветер. Произошло удивительное разбазаривание достижений крупнейших научно-технических достижений СССР, когда к началу 2000-х годов Россия «вдруг» оказалась отстающей в военно-техническом отношении державой. Пришлось в авральном порядке реанимировать советские наработки, которые оказались настолько крупными, что позволили России к концу 20-х годов нового века выйти на уровень передовых держав. Современные самолеты СУ-35 и Миг-35, танки Т-14 и Т-15, системы ПВО-ПРО С-400 и многое другое стало, по сути, всего лишь модернизацией (иногда глубокой) советских ВВСТ в рамках тех же НИОКР. Но в России, в отличие от США и КНР, возникли и существенные, иногда трудно преодолимые, проблемы, среди которых можно выделить 4 основные:

— уничтожение научных школ и человеческого капитала в промышленности;
— разрушение целых производств, кооперации и технологических цепочек;
— растущее отставание в области фундаментальных наук и особенно ОКР;
— резкое снижение возможных масштабов финансирования и организационной поддержки.

Поэтому возвращение к некоторым программам через 10–20 лет уже практически невозможно потому, что исчезли носители этих знаний и навыков, что является сегодня главной проблемой российского ОПК. Это означает неизбежное нарастание отставания в военно-промышленной области, которое в возрастающей мере будет зависеть от НИОКР, технологий и элементной базы.

Другой важный вывод из доклада, подготовленного по поручению Президента США, вытекает из анализа долгосрочных тенденций в развитии экономик КНР и США. Быстрое экономическое развитие Китая ведет к еще более быстрому увеличению их военных расходов, которые стремительно приближаются к американским.

США приведут с помощью военных инвестиций к массовому появлению целых новых классов и систем оружия, которые будут

ускоренно проинвестированы в соответствии с программами создания ВВСТ Д. Трампа. Даже если отталкиваться от самых пессимистических прогнозов в этой области, ясно что в ближайшие десятилетия такие инвестиции достигнут, как минимум, нескольких сотен миллиардов долларов. Вероятен самый радикальный вариант военных расходов США, значительная часть которых придется на НИОКР и военную промышленность.

Еще более впечатляет темп роста военных расходов КНР, когда быстрый рост ВВП КНР автоматически обеспечил еще более быстрый рост военных расходов (даже с учетом сохранения относительно не высокой доли в 2% в ВВП страны), которые выросли с 20 млрд. в 2001 году до 150 млрд. в 2017 году[625].

Надо сказать, что проблема пропорционального роста особенно остро стоит перед Россией, чей ВВП не растет уже несколько лет, а фактически сохранился на уровне РСФСР 1989 года. Легко прогнозируется следующая динамика, когда ВВП США и КНР через 10 лет вырастут, как минимум, на 30–50%, а их военные расходы составят (при сохранении нынешней доли в ВВП) 1500 млрд. долл. у США и более 1300 млрд. долл. у КНР. На фоне расходов этих стран (если сохранится нынешняя тенденция развития России) военные расходы РФ вряд ли могут быть выше 60 млрд. долл., т.е. одной двадцатой от военных расходов США и Китая.

Подытоживая, можно сделать вывод о том, что не только безопасность, но и социально-экономические перспективы развития России во многом будут зависеть от темпов развития военных НИОКР и военной промышленности страны. Эта зависимость будет проявляться в возрастающей степени уже в ближайшие годы потому, что США и их союзники будут влиять на ускорение научно-технического прогресса.

---

625 Assessing and Strengthening the Manufacturing and Defense Industrial Base and Supply Chain Resiliency of the United States. — P. 35 / https://media.defense.gov/2018/Oct/05/ 2002048904/-1/-1/1/ASSESSING-AND-STRENGTHENING-

2.5.в). Значение потенциала средств воздушно-космического нападения

Если, в этой связи, посмотреть на развитие средств воздушно-космического нападения (СВКН) США в ближайшей перспективе, то, по оценке аппарата советников Концерна ВКО «Алмаз-Антей», до 2025 года в США создадут качественно новый потенциал в дополнение к существующему потенциалу[626]. Прежде всего, речь идет об ударных космических системах, воздушно-космических самолетах, гиперзвуковых и роботизированных ЛА, планирующих боеголовках и гиперзвуковых КР разных типов базирования.

Рис. 30.

Качественный рост СВКН сопровождается резким ростом количественных показателей, которые позволяют говорить уже не о десятках, а о тысячах новейших СВКН. Это означает, что в США

626 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Значение ВКС в современном мире // Воздушно-космический рубеж, 2020, август, сс. 25–28.

будет создан потенциал для ведения длительной войны с разных стратегических направлений на самых разных ТВД[627].

Это же означает, что резко будет расширен спектр всех силовых — военных и невоенных — средств ведения военных действий, а применению институтов развития НЧК в качестве силовых инструментов политики будет гарантирована большая свобода действий. Так, в этих условиях, пользуясь шантажом и «военным прикрытием» правящие круги западной военно-политической коалиции будут смелее и увереннее выдвигать требования социально-политического и финансово-экономического характера. В том числе и те, которые будут изначально предназначены для внутриполитической дестабилизации.

Это — главный мотив сверхбыстрого наращивания потенциала СВКН, который, в частности, будет концентрироваться для ведения военных действий в Европе и АТР. Как видно на рисунке, приведенном ниже, в период 2023–2025 годов эти средства ВТО будут производиться сотнями и тысячами. Учитывая опыт войны в Югославии и в Ираке, когда в течение нескольких недель были «расстреляны» имеющиеся боеприпасы ВТО, можно обоснованно говорить о том, что США будут готовы к ведению длительной войны в Европе к этому времени. Такая готовность будет означать, что невоенные силовые средства (институты НЧК и другие) будут гарантированно прикрыты военными средствами для эффективного использования[628].

Иными словами, ничем не спровоцированная гонка вооружений начинает набирать обороты со второго десятилетия нашего века, превращаясь в обвальный процесс, который сопровождается со стороны США и их союзников политикой полной ликвидации созданных в предыдущие десятилетия институтов и соглашений по ограничению и сокращению ВВСТ и военной деятельности. Эти два процесса —

627 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

628 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации: монография. М.: «Граница», 2018. 512 с.

Рис. 31.

не контролируемой гонки вооружений и ликвидации мер по ее ограничению — развиваются сознательно и в соответствии с политическими установками, а не механически, под влиянием некой внутренней логики.

Система по ликвидации мер ограничения ВВСТ фактически превратилась в систему политических мер силового принуждения. США сознательно разрушали все последние годы, начиная с выхода в 2002 году из Договора по ПРО, систему ограничения вооружений, которая препятствует в некоторых областях в настоящее время неконтролируемому развитию военных технологий и ВВСТ. Соответственно и созданные международные институты, и механизмы — типа ОЗСХО и ОБСЕ — нужны лишь в той степени, в которой они могут служить интересам силовой политики США. Иногда, как в случае с провокациями со «Скрипалями» и Навальным — они эту функцию выполняют. Когда же они перестают соответствовать этим требованиям (ВОЗ или ЮНЕСКО) США просто игнорируют или выходят из этих организаций, более того, стремятся их уничтожить[629].

629 *Подберезкин А.И.* Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

Глава III.
Значение современных средств силового противоборства для формирования стратегической обстановки

ВПО — это уже и не полное состояние мира, но и еще не состояние войны[630]

В. Махонин

Нижеследующие изыскания Геродот из Галикарнасса представляет для того, чтобы от времени не изгладились из нашей памяти деяния людей…, главным же образом для того, чтобы не забыта была причина, по которой возникла между ними война[631].

Геродот

Любой анализ начинается с определения объекта и предмета исследования и выстраивания между ними логических взаимосвязей, приоритетов и соподчиненности. В нашем случае объект это — современное состояние и перспективы развития ВПО (чему посвящены обе части работы), а конкретный предмет исследования данного раздела — влияние современных **тенденций в развитии стратегической обстановки на формирование ВПО и МО.**

В целом общая логика работы следовала генеральной идее А.Е. Снесарева о том, что есть «несомненная установка, что между государством и войной всегда существовала тесная и неразрывная связь, что «почти все государства создавались войной, ею поддерживались, что другого цемента для сколачивания государства нет, кроме человеческой крови»[632] и т. д. Если прежде мы выстраивали логику ана-

---

630 *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 2011, № 4, с. 5.

631 *Геродот.* История Древней Греции / Геродот; пер. с греч. Ф.Мищенко. М.: АСТ, 2017, с. 95.

632 *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2004, с. 187.

лиза «от общего к частному», попытались сформулировать и обосновать некую концепцию развития ВПО, то теперь важно рассмотреть построенную схему «снизу в верх», уточнив и скорректировав или (если необходимо) даже заменив некоторые детали.

Иными словами, предметом исследования являются тенденции того, как частные, в том числе военно-стратегические, оперативные, тактические особенности и военно-технические достижения могут влиять на формирование ВПО. Другими словами, используя (как было обещано во введении) метод индукции в отношении более общих закономерностей развития ВПО, необходимо уточнить, конкретизировать и, если необходимо, скорректировать обозначенные тенденции и закономерности в развитии ВПО, о которых говорилось выше, перейти от относительно высокого уровня абстракции к более низкому и конкретному уровню, опираясь на существующую логику и сценарии развития ВПО. При этом речь идет не столько о военно-технических особенностях СО (анализ которых требует специальной работы оперативных подразделений штабов), сколько о стратегических аспектах, влияющих на формирование ВПО.

Опыт войны СССР в Афганистане показал самое приоритетное значение подготовки командного и личного состава, в частности, с точки зрения эффективности использования военной силы. «анализ боевой деятельности 40-й армии, главными причинами потерь являлись следующие:

— неподготовленность, неорганизованность и беспечность в боевой обстановке;
— невысокая личная подготовка и отсутствие необходимых профессиональных качеств у ряда командиров;
— пренебрежение детальной проработкой возможных вариантов действий при подготовке к боевым операциям;
— неуверенное управление боем со стороны штабов, которые зачастую больше занимались сбором информации, а не управлением боевыми действиями;
— слабая организация разведки до начала и в ходе операций, в результате чего войскам приходилось действовать при отсутствии четких и подробных данных о противнике;

— несвоевременная боевая помощь подразделениям, в полосе действий которых складывалась наиболее сложная обстановка;
— шаблонные действия подразделений, выделенных для охраны колонн (пассивная оборона), вместо проявления инициативы в поиске и упреждении нападений противника; низкая дисциплина на марше, растягивание колонн, что создавало для противника возможность нападать на отдельные машины или небольшие группы машин и быстро отходить до прибытия подразделений охраны;
— ослабление бдительности и внимания в ходе боевых действий, вследствие чего подразделения несли потери при выходе из боя, преследовании противника, возвращении в места постоянной дислокации»[633].

Можно сразу же сказать, что я являюсь сторонником того подхода к этой проблеме, когда война по-прежнему остается частью реальности существования человеческой цивилизации, которая преимущественно находится под контролем ее основных субъектов — государств-лидеров ЛЧЦ и военно-политических коалиций. В этом смысле в XXI веке мало что изменилось по сравнению с предыдущим столетием. По-прежнему главные цели войны — политические, цивилизационные цели. К таковым, прежде всего, относятся **наиболее приоритетные национальные цели и ценности,** защищаемые силой.

Причем собственно военная сила в этом случае становится лишь одним и далеко не самым важным средством силовой политики. В этом смысле можно считать, что произошел определенный пересмотр приоритетов, связанный со стремлением максимально избежать прямого риска глобального военного противоборства. Но отнюдь не силового противоборства вообще. Оно осталось частью сущности государств и их политики, стремясь, как и прежде, избежать прямого вооруженного столкновения. Вот как, например, этот выбор описывает Сунь-цзы в своем классическом тру-

633 *Никитенко Е.Г.* Афганистан: от войны 80-х гг. до прогноза новых войн.- : АСТ, 2004.- 362,СС.162-163.

де: «Наиболее выдающийся из воителей расстраивает планы врага, следующий за ним разрушает вражеские союзы, предпоследний в мастерстве стремится атаковать военные силы, наименее же искусный осаждает города»[634].

Эффективная политика силы лишь, в конечном счете, прибегает к военной силе, чье влияние может быть не только огромным, но и опасным. Решающим не только для состояния ВПО, но и для самого будущего государства и нации[635]. Другими словами, — и это не часто признается — война может иметь более важное значение по своим последствиям, чем политические или иные интересы потому, что именно последствия войны могут быть важнее (приоритетнее) всех иных интересов для существования государства и самой нации. В этом смысле изначально ложные положения политической философии М. Горбачева о том, что «есть вещи важнее, чем национальные интересы», неизбежно привели и не могли не привести государство к развалу[636].

В этой связи уместно привести оценку этого влияния со стороны гитлеровского генерал-фельдмаршала В. Кейтеля, в полной степени испытавшего эти последствия (не только проиграв войну, но и будучи повешен), который перед смертью откровенно писал: «В абсолютной форме война — это насильственное разрешение спора между двумя или несколькими государствами **всеми** (я бы подчеркнул именно это значение силовых средств — *А.П.*) имеющимися средствами». И далее: «Несмотря на все попытки запретить войну, она продолжает оставаться законом природы, который можно ограничить, но нельзя устранить совершенно, ибо война служит делу сохранения нации и государства или обеспечивает его историческое будущее. Эта высокая моральная цель придает войне отличительный признак и служит ее нравственным оправданием.

634 *Сунь-Цзы*. Искусство войны (под ред. *Томаса Клири*). Пер. с англ. М.: Издательством «София», 2008, с. 10.

635 *Кейтель В.* Размышления перед казнью / В. Кейтель. М.: Вече, 2017, с. 167.

636 См. подробнее анализ политики М. Горбачева в работе: *Подберезкин А.И.* Русский путь. М.: ВОПД «Духовное наследие»,1999, 465 с.

Она ставит **войну выше политического акта и выше военного поединка из-за экономических выгод»**[637]**.**

Таким образом, влияние развития СО на формирование ВПО может иметь самые радикальные, в т. ч. катастрофические, последствия для нации и государства, однако именно это влияние нередко остается не исследованным и не учитываемым политиками. В том числе и потому, что нет ясного представления ни о состоянии и структуре ВПО и СО, ни о влиянии последней. Это означает, что должны хотя бы коротко попытаться предложить изначально свое видение структуры СО, ее основных частей и их взаимодействие, взаимовлияние друг на друга, а затем определить степень влияния СО на ВПО.

Пока что в литературе мы имеем представление о СО как о «конкретном виде ВПО», что предполагает, во-первых, как минимум, наличие неких других видов ВПО, а во-вторых, лишает СО субъектности, т. е. собственно предмета исследования. Оставляя «за скобками» попытки поиска разных видов ВПО, логически (и вполне оправданно), однако, мы можем предположить, что также, как и ВПО в той или иной мере СО:

— предполагает наличие неких **субъектов и других факторов, влияющих на ее формирование.** При этом важно не только обнаружить максимально точно существование тех или иных субъектов и факторов, но и максимально определить их масштабы, возможности и потенциалы. Так, с точки зрения оценки СО важно не только адекватно оценить военные возможности того или иного участника, но и его способности к ведению активных боевых действий и пр.;
— существование неких **взаимоотношений** между этими субъектами (акторами и факторами). Порой трудно не только определить характер взаимоотношений между основными субъектами СО (будут они, например, участвовать в боевых действиях, либо просто считаться союзниками), но и даже просто обнаружить их. Мировая практика показывает, что

637 *Кейтель В.* Размышления перед казнью / В. Кейтель. М.: Вече, 2017, с. 168.

намерения и планы союзников или других субъектов скрываются. Примерно то же самое и в отношении тех видов и систем оружия, которые имеются в наличии и могут использоваться, что иногда имеет решающее значение. Так, в ходе Курской битвы активно использовались тяжелые танки «Тигр» и средние танки «Пантера», а у советских войск авиабомбы штурмовой авиации, потери от которых были сравнимы с потерями от танковых атак;

— которые могут быть, как минимум, «хорошими» или «враждебными», «развиваться» или «стагнировать», т. е. **определяться** как некие процессы, влияющие на формирование СО. Точно определить характер отношений между субъектами и факторами СО — задача не менее сложная, чем предыдущие. Так, важно, например, знать не только степень координации действий войск, но и взаимодействие военачальников и т. п. Еще важнее просчитать реальные, а не декларируемые намерения противника, которые могут быть сознательно преподнесены как ложные.

Таким образом, даже для относительной характеристики и оценки СО военно-политическими органами управления нужно:

1. Описать достаточно полно все основные **субъекты, акторы и факторы,** участвующие в ее формировании. Это, кстати, означает и то, что нужно дать характеристику внутриполитической стабильности, социально-экономическому положению субъекта, монолитности правящей элиты и пр.
2. Проанализировать существование (отсутствие) неких **взаимоотношений** между этими субъектами, акторами и факторами.
3. Определить характер и особенности **состояния** этих взаимоотношений. При этом, ключевым фактором для понимания того или иного состояния отношений **«является характер тех средств,** которые используют субъекты в отношениях[638]» со своими партнерами или оппонентами.

638 *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 2011, № 4, сс. 4–10.

Важнейшая специфика состояния современной СО заключается в том, что в ней нередко используются в качестве силовых средств как военные, так и невоенные средства, и формы борьбы. А это означает, что традиционный подход оценки Генштабом состояния СО (опасностей и угроз) должен быть значительно расширен **за пределы его нынешних компетенций.** Другими словами, если вы хотите точно определить состояние отношений между субъектами СО и ВПО, определите, прежде всего, те **средства и меры**, которые ими используются в этих отношениях. Если (как это происходит сегодня со стороны США) используется очень широкий спектр силовых средств, среди которых военным средствам и мерам выделяется роль «контроля над эскалацией», то это означает, что СО формируется именно невоенными мерами и средствами.

Из этого же неизбежно следует вывод о том, что современная военная организация России, которая объединяет, по сути, только федеральные органы законодательной и исполнительной власти, прежде всего, военно-силовые структуры (и то достаточно условно порой может контролировать и координировать их деятельность) **не способна адекватно противодействовать современным мерам и средствам силового противодействия со стороны вероятного противника.** На очень многие средства и меры силового воздействия, например, агрессивную психологическую и информационную кампанию, у ВС РФ просто-напросто нет соответствующих средств и разработанных мер. Более того, даже некоторые органы власти страны игнорируют потребности противоборства, фактически идя на поводу у наших оппонентов. Именно так можно рассматривать деятельность в области образования, нередко науки, а иногда и культуры, где информационно-когнитивное противоборство (со всеми его особенностями) нередко просто игнорируется.

В очередной раз встает вопрос о подготовке организационно-политических мер, которые способны мобилизовать национальные ресурсы и скоординировать деятельность не только ВОИВ, но и всех институтов нации — не государственных, частных, предпринимательских, культурно-духовных. Опыт создания ГКО летом 1941 года в СССР — показателен. Думается, что его прообраз

следует создавать еще на стадии перехода от силовых к военным действиям, учитывая несопоставимость ресурсов и возможностей противостоящих противников.

Война, как крайне сложное общественно-политическое явление, в каждую эпоху проявляется в своем новом обличии, но и тогда у нее остаются общие «родовые» признаки, которые позволяют надеяться на возможность ее анализа, ее закономерностей и даже прогноза. Для нас принципиально важно определить новые формы войн и конфликтов и степень их влияния на формирование ВПО и МО в мире.

Не менее важно выяснить максимально точно новые средства и способы ведения силовой и вооруженной борьбы, а, главное, политические цели, преследуемые в таких войнах. Все эти явления отражаются, прежде всего, на состоянии и развитии стратегической обстановки, ведущихся войнах и военных конфликтах, которые влияют на формирование ВПО и МО.

3.1. Составные части и факторы формирования современной стратегической обстановки

Вы должны сознательно объявить прошлому
войну, чтобы заставить себя откликаться
на события настоящего[639]
Р. Грин,военный эксперт

Структура СО, ее составные части — *прямое производное от структуры и составных частей ВПО,* ограниченные военными и полувоенными функциями. Так, если военный потенциал субъекта ВПО представляет некую часть государственной мощи, то собственно военная часть — реализованная часть этого потенциала,

639 *Грин Р.* 33 стратегии войны / пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. М.: РИПОЛ классик, 2016, с. 5.

превращенная в военный фактор. Например, та часть промышленных мощностей страны, которая относится к ОПК, может считаться военным потенциалом, характеризующим ВПО, но только та часть ОПК, которая в настоящее время производит ВВСТ, может считаться реализованным потенциалом, т. е. фактором, при оценке СО.

Изначально необходимо разделить СО по географическому признаку (по видам) на глобальную, региональные и локальные. Это вполне естественно потому, что если для глобальной СО существенны одни факторы и тенденции, для региональной — другие, более частные, то для третьих — специфические, локальные, хотя и региональные, и глобальные факторы будут иметь значение и для формирования локальных СО. Иными словами, СО по видам можно разделить на:

— глобальную;
— региональные;
— локальные.

Каждый из этих видов будет сохранять некоторые общие характерные черты и свои особенности.

Более того, нередко все три вида формируются под влиянием таких сильных факторов как войны или вооруженные конфликты, т. е. фактически еще подразделяются на подвиды вооруженной борьбы, а в некоторых случаях и подвид силового противоборства.

Глобальная СО делится на виды региональных и локальных СО, а те — на подвиды войн, вооруженных конфликтов и силового противоборства.

Причем порой в одном регионе (не говоря уже о глобальном уровне) могут одновременно идти несколько войн и конфликтов. Так, на Ближнем и Среднем Востоке в 2019 году одновременно развивалась сложная по составу противоборствующих сторон война в Сирии, но одновременно велись боевые действия в Ираке, Афганистане, Ливии, Йемене, а террористические действия охватывали проливы и заливы этого региона.

Получается очень пестрая картина, своего рода мозаика, где СО представлена самыми разными по интенсивности и формам

борьбы силовыми (вооруженными и не вооруженными) противоборствами.

Проблема, однако, в настоящее время заключается в том, что на формирование СО, как уже говорилось выше, влияют множество факторов — как собственно военных, так и невоенных, а порой даже и не относящихся к силовым (как, например, образование). Однако, традиционно анализ и прогноз развития стратегической обстановки в мире и отдельных регионах — прямая компетенция и ответственность Генерального штаба того или иного субъекта ВПО, который контролирует военную организацию и военные ресурсы, хотя в последние десятилетия в качестве полноправного субъекта (государства или коалиции) стали все чаще выступать отдельные влиятельные акторы, например, полугосударственные экстремистские и террористические организации. Это означает, что участие в формировании СО (как это было в Украине, в Сирии и ряде других стран) могут принимать разные акторы, за которыми, как правило стоят государства. Это создает изначально сложность — для Генеральных штабов контролировать формирование СО, которое происходит при помощи негосударственных акторов, а для политиков — вовремя обнаружить, когда оппоненты начинают формировать СО, не привлекая для этого регулярные вооруженные силы. Типичный пример участие как государственных, так и негосударственных акторов в формировании СО представляет собой ситуация в Сирии. Так, в октябре 2019 года она выглядела следующим образом. 9 октября Анкара сообщила о проведении в северной части Сирии антитеррористической операции «Источник мира». В итоге на севере страны столкнулись турецкая армия с Армией освобождения Сирии и курдскими формированиями, там же остались американские базы, действовали российские ВКС и другие силы, часто не подконтрольные ни Турции, ни Сирии, ни США, ни России.

Между тем складывается впечатление, что между высшим политическим и военным руководством в государствах нередко возникает «разрыв» в информации и принятии решений по важнейшим вопросам состояния и развития ВПО и СО: специфика и

секретность, профессиональные интересы военных нередко не ведут к адекватному политико-экономическому анализу ВПО, оставаясь на уровне анализа частных военно-технических проблем СО. Политики же нередко «не опускаются» (прежде всего в силу отсутствия профессионального опыта и знаний) до уровня анализа и прогноза СО, игнорируя военные и военно-технические особенности, влияющие на формирование ВПО. Очень часто в истории это являлось основной причиной неудач. Классический пример — война Германии с Францией 1940 года, которая закончилась быстрым поражением последней менее чем за месяц, хотя численность ВС, танков и самолетов у Франции была больше (а если считать войска союзников, то значительно больше). Если верить Г. Гудериану, то причин было несколько, включая «манию все планировать и контролировать» французов, их переоценку значения огневой мощи и недооценку маневра», «пассивное поведение правительства», «нежелания увидеть альтернативу плану Шлиффена и т.п.[640]

Этот объективный «разрыв» между компетенциями и знаниями политиков и военных нередко ведет к серьезным ошибкам в военно-политическом планировании. Классический пример — сроки операции «Барбаросса», которые были обозначены волевым приказом Гитлера до зимы 1941 года, что привело к поражению войск Германии под Москвой.

Иногда, правда, в истории случалось, что полководцы удивительно точно оценивали не только СО, но и ВПО, как, например, это сделал Ганнибал, наступая на Рим, стремясь, прежде всего, уничтожить союз и коалицию, сложенную римлянами на Апеннинах.

Нередко в истории человечества случалось и так, что политики, особенно неадекватные и излишне самоуверенные, не могли дать соответствующую оценку ВПО и последствиям ее развития для страны и МО, а тем более были не в состоянии предсказать возможные последствия своих действий для развития СО, возникновения

640 *Гудериан, Гейнц*. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945. - М.: Центрполиграф, 2020, СС. 102-103.

войн и конфликтов. Яркий пример такого неадекватного поведения представляла собой политика М.С. Горбачева, которая привела к развалу Организации Варшавского Договора, СССР и многочисленным конфликтам, и войнам на постсоветском пространстве, которые не прекращаются с 1988 года по настоящее время. Вывод советских войск из Германии, расширение НАТО на восток, потеря союзников и развал собственного государства, его длительная внутриполитическая дестабилизация и социально-экономический развал — эти последствия политики правящей элиты М. Горбачева свидетельствуют о ее полной политической недееспособности, либо преступных намерениях.

При этом нередко происходит так, что даже высшее политическое руководство и его аппарат не всегда оказываются не только не причастны к стратегическому планированию, но даже и не вполне информированы о действиях собственных Вооруженных Сил. В частности, бывший министр обороны США У. Перри признавал, что на протяжении десятилетий (1950–1970-е годы) даже высшие руководители МО США и президентской администрации не были полностью информированы об оперативных планах Комитета начальников штабов и ВВС США.

Современные средства формирования СО — силовые, но невоенные. Современная политика Д. Трампа, ориентированная на приоритеты экономического давления на Россию, во многом оказывается эффективной: рост ВВП фактически остановился, а зависимость от внешних рынков — усилилась. Так, к концу 2019 года отмечается, с одной стороны, «для очень большой части опрошенных представителей промышленного бизнеса ситуация с внутренним спросом, который как минимум не ухудшается сильно в течение 2019 года, существенно более важна, чем конъюнктура экспортных рынков — последние значимы в основном для экспортно-ориентированных отраслей — ТЭК, черной и цветной металлургии, нефтехимии и «большой» химии, но машиностроение, электронную промышленность, легкую промышленность, большую часть пищевой промышленности внешний спрос должен интересовать меньше — доля экспортных доходов в них невелика.

Как показывает и отраслевая динамика Росстата, и логика оценок ЦБ, именно «неэкспортная» часть промышленности и непромышленных отраслей достаточно сильно зависит от того, **какие события ожидаются в мировой экономике в среднесрочный период.** Де-факто в условиях вполне достигнутой макростабильности и «бюджетного правила», сглаживающего почти всю волатильность госрасходов и спроса, почти весь доклад Банка России о ДКП обсуждает, как нарастающая скорее негативная неопределенность на внешних рынках может отразиться на динамике ВВП, внутреннего спроса и промышленности РФ.

Судя по всему, ожидания играют в этом ключевую роль — экономика РФ, сильно глобализованная в основном в сырьевом аспекте и относительно автономная — в несырьевом (несырьевые и неметаллургические сектора в ней очень велики, но за ее пределами зависимость от экспорта и импорта в ней несравнима с экономиками Восточной Европы), оказывается парадоксально зависимой от перспектив торговой войны США и Китая, «Брексита», замедления глобального роста и т. д. Возможное объяснение такой «информационной глобализованности» — постоянное ожидание «кризисов» и внешних шоков: пятилетнего периода политики плавающего рубля, видимо, еще недостаточно для того, чтобы снять этот эффект. Другое возможное объяснение — высокая доля экспортных доходов в прибылях при низком уровне межотраслевых перетоков инвестиций: это может делать прибыли несырьевых экспортеров важным источником средств для развития вне «традиционной» экономики»[641].

Известно, что в основе смены средств вооруженной борьбы и развития способов ведения (военного искусства) лежит несколько тенденций, из которых трудно выделить единственную, определяющую. Тем не менее не только в интересах теории и методологии, но и политической практики необходимо вычленить самые главные, которые в истории человечества смогли доказать свою состоятельность. На мой взгляд, ими являются следующие тенденции:

641 *Бутрин Д.* Деревня в ожидании мировой войны // Коммерсант. 17.09.2019, № 168.

Во-первых, это развитие технологий и экономики государств, которые делают возможными не только разовое, но и массовое производство средств вооруженной борьбы. Появление лука и стрел, металлического оружия, колесниц и судов требовало не только новых технологий обработки материалов, но и определенные производственные мощности. Так, в ходе войны Рима и Карфагена на море периодически возникали трагические ситуации, когда та или другая стороны теряли сотни кораблей, но смогли восстановить их численность. Достаточно сказать, что Рим направил для борьбы с пиратами в восточное Средиземноморье 200 судов с десантом в тысячи человек (в то время, когда ахейский союз мог выставить несколько десятков судов), каждый из которых был, как правило пятипалубный корабль, т. е. Риму нужна была своя экономика и опыт строительства, хотя он и мог реквизировать греческие суда своих союзников или Карфагена.

При подготовке войны с Наполеоном России до 1812 года в короткие сроки предстояло оснастить свою армию мощной артиллерий, не уступающей фактически всей европейской артиллерии, захваченной Наполеоном в войнах с европейскими государствами. И это, как и многое другое, России сделать удалось.

Во-вторых, изменения в качестве вооружений (ВВСТ) всегда имело своим следствием изменение в военном искусстве. Так, появление стремян позволило использовать конных лучников, а пороха — привело к созданию огнестрельного оружия.

В-третьих, часто развитие ВВСТ определялось политическими целями государств, что стало особенно наглядно в XX веке, когда целевым образом создавались КБ и развивалась фундаментальная наука и прикладные технологии.

Наконец, **в-четвертых,** развитие ВВСТ и военного искусства стимулировалось развитием ВПО в мире и регионах, что особенно наглядно видно на примере огромных закупок самых современных ВВСТ и подготовки специалистов. Изменения в МО и ВПО в мире, произошедшие в последние 30-50 лет, стали главной предпосылкой развития и смены средств (ВВСТ) и способов (военного искусства) силового противоборства. «Социальный заказ» вытекал,

как и прежде, из политических задач, преследовавшихся разными субъектами МО, и уровня развития науки, технологий и экономики субъектов МО.

Классический пример — создание мощной римской армии, предназначенной для борьбы в самых разных географических и природных условиях. В III–II в. до н.э. лучшей армией оставалась армия греческих полисов и Македонии. В эти годы Рим еще только набирал государственную и военную мощь, но после уничтожения Карфагена столкновение с Македонией и греческими полисами становилось для Рима неизбежным. Притом, что греки традиционно рассматривались римлянами как «учителя» в том числе и в военном искусстве, где наемники из Греции, Спарты и Македонии долгое время использовались как Римом, так и греческими полисами, и Карфагеном. Самое раннее известное применение классической греческой фаланги, представлявшей собой плотное построение пехоты в несколько шеренг, имело место в битве при Гиссиях в 668 г. до н.э. Использование такой революционной на тот момент гоплитской тактики позволило аргосцам одержать победу над спартанцами. Еще в 7-ом в. до н.э. фаланга была заимствована этрусками у греков, в 6-ом веке благодаря военной реформе царя Сервия Туллия такой боевой порядок начали использовать в Риме[642].

Основное преимущество фаланги состояло в том, что она своей структурой предъявляла меньшие требования к качеству подготовки бойцов. От воинов, стоящих в боевом строю плечом к плечу, требовалось лишь делать то же самое, что и сосед. Фаланга не терпела, как трусов, так и героев — если фалангит выдвигался далеко назад или вперед, в стене щитов возникала прореха. Таким образом, благодаря внедрению фаланги и удешевлению оружия, на смену небольшим отрядам из хорошо подготовленных военных, пришли крупные формирования из ополченцев и наемников, являющихся представителями основного населения полисов.

642 *Романов Д.* Греческие фаланги против римских манипул: что эффективнее? / Эл. ресурс: «Дзен». 14.08.2019.

Македонская фаланга. Иллюстрация Андрея Каращука: основу классической фаланги составляли гоплиты, вооруженные 3-метровым копьем (дори), коротким мечом (ксифос) и большим круглым щитом (гоплон). Усовершенствованная македонская фаланга состояла из сариссофоров с длинным (до 6 м) копьем (сарисса) и коротким мечом. Так как тяжелое копье приходилось держать двумя руками, небольшой круглый щит крепился ремнем на предплечье. Фаланги состояли из восьми или большего количества рядов. Сражались лишь 2 первых, задние заменяли павших и производили давление в целях усиления натиска. К недостаткам фаланги можно отнести плохую маневренность и незащищенность с флангов и тыла (для их прикрытия использовались пращники и пелпасты с дротиками).

Примерно в период Второй Латинской войны 340–338 гг. до н. э. произошел переход римлян к манипулярной тактике. Военные действия в горной местности продемонстрировали недостатки фаланги. В силу своей малоподвижности, фаланга была эффективна главным образом в обороне, при наступлении же на пересеченной местности длинный строй быстро ломался и возникала сумятица. Манипулярный строй представлял собой расчленение монолитной фаланги, как по фронту, так и в глубину. Каждая манипула включала в себя 2 центурии по 60 человек. Манипулы двигались на небольшой дистанции между собой. Таким образом, им легко было обходить любые препятствия не нарушая строй всей фаланги.

Другое преимущество манипулярного построения состояло в том, что легковооруженные бойцы могли уходить в промежутки между манипулами, тогда как при монолитной фаланге они вынуждены были тесниться к флангам. Помимо легковооруженных воинов промежутки при необходимости заполняли задние центурии. Первый ряд манипул составляли гастаты (наиболее молодые воины), вооруженные двумя дротиками до 1,2 м., короткими мечами (гладий) и большими овальными щитами (скутум). Во втором ряду находились принципы (более взрослые и опытные воины), вооруженные так же, как гастаты. Третий ряд состоял из триариев, опытных ветеранов, вооруженных длинным ударным копьем и мечом.

Принципы вступали в бой, если гастатам не удавалось сломить врага активным натиском. Гастаты в этом случае удалялись за строй принципов. Аналогичным образом и принципы, не добившись успеха, удалялись за линию триариев. Триариев обычно задействовали лишь при самом отчаянном раскладе. Поскольку экипировкой в те времена бойцы обеспечивали себя самостоятельно, серьезные доспехи (кольчуга или панцирь) имелись далеко не у всех, многие ограничивались небольшой пластиной на груди и поножами. Как правило, лучшее снаряжение было у триариев, успевших накопить средства в ходе службы.

Греческая система боя предъявляла меньшие требования к подготовке воина, бой был коллективным, построение плотное, тогда как у римлян бой был более индивидуальным, и бойцам требовалось большее пространство для манипуляций. Прочность и силу натиска фаланги обеспечивали задние ряды, которые с помощью щитов удерживали и подталкивали передние, чего римляне со своими щитами, оснащенными умбоном, не могли себе позволить. Римская боевая система требовала больших тактических умений от полководцев и офицеров, так как открывала больший простор для маневра.

Преимущество манипул было продемонстрировано в сражении при Пидне (168 год до н. э). На начальном этапе битвы фаланга македонян смела передовые силы римлян, и они начали отступление. Вскоре римский командующий заметил, что фаланга осуществляет продвижение неравномерным образом, с разрывами. Он отдал распоряжение легионерам с короткими мечами вклиниваться небольшими отрядами в образующиеся прорехи. В ближнем бою безоговорочное преимущество оказалось на стороне римлян, и македоняне были быстро разбиты. Впрочем, есть мнение, что битва была проиграна из-за малодушия македонского царя Персея, который в решительный момент ретировался с поля боя вместе с конницей.

Новые международные реалии, прежде всего, резкое обострение международной и военно-политической обстановки во втором десятилетии XXI века, требует принципиально новых оценок и стратегий, способных эффективно реагировать на изменение действительности в военной области. Об этом неоднократно заяв-

ляли высшие политические и военные руководители России в последние годы.

Именно на это обстоятельство — ухудшение ВПО и усиление значения ВКС — обратил внимание В.В. Путин, выступая 13 мая 2019 года в Сочи на традиционной встрече с руководителями МО и ОПК России. Приятно, что в марте того же года я делал презентацию на конференции в Академии Генштаба ВС РФ именно на эту тему, которая более подробно раскрывается ниже[643]. При этом логика презентации — ухудшение ВПО — увеличение значения ВКС — развитие промышленности и технологий, связанных с ОПК США, — в этом разделе полностью сохраняется (зачем менять то, что уже было освящено президентом России).

При этом точный и наиболее адекватный прогноз развития военно-политической обстановки[644] лежит в основе всего процесса внешнеполитического и военно-политического планирования и военного строительства, что имеет огромные последствия для планов социально-экономического развития России и состояния ее безопасности[645]

«Для придания хоть какой-то легитимности надуманным обвинениям в проведении кибератак американцы продвигают новую концепцию — «выяви и пристыди» (name and shame)», — заявил Храмов[646].

643 См.: доклад-презентация *А.И. Подберезкин* «Развитие ВПО и усиление значения ВКС» на научно-практической конференции в Академии Генштаба / Эл. ресурс: «Центр военно-политических исследований МГИМО» (www.Eurasian-defence.Ru 04.02.2019/?q=eksklyuziv%2Fnovye-vozdushnokosmicheskie-0&fbclid=IwAR0KFeNqWlLQPPHuzIdmmeGUcsdb0owyl3M7YJS24tlg6n1HzDymc3lUQ40

644 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Издательский дом «Граница», 2018. 512 с.

645 Этим вопросам, в частности, были посвящены ряд работ автора в 2014–2018 годах, например: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. 1599 с.

646 Заместитель секретаря Совбеза России Олег Храмов в интервью «Российской газете» заявил, что целью надуманных обвинений в кибератаках со стороны США является желание легализовать военные операции против «неудобных стран», вплоть до применения ядерного оружия.

По его словам, США настаивают, что группа государств в одностороннем порядке может выносить вердикт виновности в совершении кибератаки, считая, что доказательством может быть совместное определение «источника атаки».

Он предположил, что главным фактором в определении виновного может быть политический контекст, а аргументом — тезис «с высокой вероятностью» (highly likely). По словам Храмова, они «не хотят слышать никаких доводов, показывающих их неправоту».

«Цель ясна — легализовать возможность проведения не только информационных, но и военных операций против «неудобных» государств, вплоть до применения ядерных арсеналов», — заявил Храмов.

Прежде всего, речь идет об ускорении темпов социально-экономического и промышленного развития России, которые за последние три десятилетия существенно отставали от темпов развития ведущих государств мира, и непосредственно отразились на уровне и качестве жизни граждан, национальном человеческом капитале (НЧК, включая его демографическую составляющую), качестве экономики, науки, образования и технологий[647]. Именно эти характеристики в настоящее время определяют возможности эффективной защиты интересов безопасности России в мире, что непосредственно отражается на эффективности стратегии национальной безопасности страны[648].

В эпицентре внимания, в этой связи, оказались новые военно-политические последствия и особенности использования средств воздушно-космического нападения и защиты, которые превратились в решающий политико-дипломатический и военно-силовой инструмент государств, определяющий, по сути дела, степень их суверенитета и способности защитить национальные интересы.

---

647 Тема отставания России по уровню развития НЧК неоднократно освещалась мною в самых разных работах. Наиболее подробно: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг. Т. 1– 3.

648 Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др*. М.: МГИМО-Университет, 2019. 656 с.

В этой связи предлагается рассмотреть самые общие военно-политические последствия развития воздушно-космических наступательных и оборонительных ВС и ВВСТ для международной безопасности[649].При этом важно отметить, что наступательные и оборонительные ВКС представляют собой единое целое, систему, единый, наступательно-оборонительный, комплекс. Эта взаимосвязь оформилась в создании ВКС. В еще большей степени она окрепла после развития систем ПРО, которые способны наносить удары по поверхности Земли. В будущем неизбежно космический эшелон ПРО станет частью ударных космических вооружений.

3.1.а). Новые условия развития международной и военно-политической обстановки как оценка отношений между субъектами стратегической обстановки

Видя, что Пирр готов выступить в поход на Италию, его советник Киней спросил его: «Если бог пошлет нам победу, что даст она нам?» Пирр отвечал: «Если мы победим римлян, мы овладеем всей Италией». «А что мы будем делать, когда завладеем Италией?» — «Совсем рядом лежит Сицилия, цветущий и многолюдный остров». «Значит, взяв Сицилию, мы окончим поход?» Но Пирр возразил: «Как же нам не пойти на Африку, на Карфаген, если до них рукой подать?» — «Но когда все это сбудется, что мы тогда станем делать?» И Пирр сказал с улыбкой: «Будет у нас полный досуг, ежедневные пиры и приятные беседы». Тут Киней прервал его, спросив: «Что же мешает нам теперь, если захотим, пировать и на досуге беседовать друг с другом?»[650]

Новые условия формирования и развития СО в мире, войн и военных конфликтов являются следствием и вытекают, прежде все-

649 В 2013 году на этот аспект военной безопасности я обратил внимание в специальной работе. См.: *Подберезкин А.И.* Евразийская ВКО. М.: МГИМО-Университет, 2013. 465 с.

650 Цит. по: *Егоров О.* Потерянные победы и победы бессмысленные / Военное обозрение. 1 мая 2018 года / www.topwar.ru1/05/2018

го, из принципиально новой международной обстановки, сложившейся во втором десятилетии, которая коротко характеризуется следующими основными особенностями[651], свойства которых переносятся неизбежно на ВПО как составную и производную часть МО. Именно поэтому их можно назвать «базовыми» условиями, хотя развитие некоторых научно-технических и технологических тенденций может и добавить к их перечню свою специфику:

1. **Первое условие:** быстро растущей динамикой развития новых центров силы, обладающих в том числе ЯО, способных к проведению самостоятельной внешней и военной политики и влиянию на формирование ВПО в мире. Это обстоятельство уже радикально изменило ВПО в мире, которое прежде формировалось несколькими (5–7) основными субъектами и их военно-политическими коалициями[652].

Новые военно-политические центры силы стремительно заявляют о своей субъектности и самостоятельности, хотя по инерции мы еще делим субъекты ВПО на «основных» и «прочих». В качестве примера такого влияния новых субъектов можно привести оценки возможного военного конфликта между Индией и Пакистаном до 2025 года, сделанные экспертами в Германии. По их мнению, ядерная война может в 2025 году разгореться между Индией и Пакистаном[653]. Последствия такого столкновения будут катастрофическими: мир погрузится во тьму на 10 лет. К такому выводу пришли ученые из Колорадского университета в Боулдере и Ратгерского университета. Хотя между этими странами периодически вспыхивали небольшие войны, каждая из них накапливала ядерное оружие в надежде создать угрозу, слишком страшную для того, чтобы в дальнейшем конфликт разрастался», — отмечают немецкие ученые. По мнению ученых, эскалация ситуации в Кашми-

651 **Особенность** — *зд.:* отличительное свойство, отличительная черта кого-либо или чего-либо; то, что придает своеобразие кому-либо или чему-либо.

652 *Гудериан, Гейнц.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945.- М.: Цетрполиграф, 2020.- 574 с.

653 *Scott K. Johnson* .Misery of a nuclear war between India and Pakistan would be global 50–125 million immediate deaths, and then the weather changes. / Der Standart.

ре может привести к реальной ядерной войне. На данный момент у Индии и Пакистана по 150 ядерных боеголовок, а к 2025 году их число увеличится до 200. Согласно прогнозу специалистов, ядерная катастрофа между ними может развиваться в несколько этапов, при этом не ограничиваясь национальными границами конфликтующих сторон. Сначала из-за взрывов боеголовок погибнет порядка 50–125 млн. человек. Причем многие из них — в пожарах, которые последуют за взрывами. В то же время в атмосферу попадет около 36 млрд. кг. сажи, которая, сбившись в облака, не пропустит солнечный свет к поверхности Земли. Из-за этого произойдет резкое похолодание, средняя температура на планете опустится на 5 градусов. Рассеются черные облака только через 10 лет.

Естественно, что особенное значение, в этой связи, приобретает возможность формирования военно-политических коалиций новых центров силы и старых центров с новыми. Так, до настоящего времени в мире существует единственная полноценная военно-политическая коалиция, включающая не только страны-члены НАТО, но и в более широком контексте более 60 государств. Однако, уже можно говорить о складывании предпосылок для создания других коалиций:

— на базе России и ОДКБ, к которой могут присоединиться другие государства, например, входящие или участвующие в ЕАСТ, ШОС и других объединениях;
— на базе КНР и китайской ЛЧЦ, которая вместе с рядом государств может составить влиятельную и вполне сопоставимую с Западом военно-политическую коалицию. Особенно, если она будет находиться в союзных отношениях с Россией. В последние годы Россия и Китай вышли на новый уровень сотрудничества в сфере обороны и безопасности. Отношения между двумя государствами становятся все более тесными — как в экономической области, так и в военной сфере. Когда в Россию летом 2019 года приезжал председатель КНР Си Цзиньпин, были подписаны два знаковых документа — «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики об укреплении глобальной стратегической стабильности в современную эпоху»

и «Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху». Их подписание — свидетельство тому, что позиции двух государств по целому ряду ключевых вопросов, и, что особенно важно, по стратегическим перспективам развития современного мира, совпадают;

— на базе Индии и индийской ЛЧЦ, которая влияет на весь бассейн Индийского океана и расположенные там государства;
— на базе исламской ЛЧЦ с центрами в КСА, Турции или Иране. Наблюдается формирование центров силы, претендующих на самостоятельное военно-политическое значение. Например, в Пакистане, Вьетнаме, Бразилии, Индонезии и целом ряде других стран.

2. **Второе условие:** Доминирование США, которое отчетливо видно, как в финансово-экономической, так и в информационной области, но при оценке МО проявляется чаще всего как фактическое подавляющее военное превосходство США и их союзников. В основе такого подавляющего превосходства западной военно-политической коалиции во главе с США, как пишут в одном из исследований РЭНД, подготовленном для Армии США, которое прежде всего предназначено для проведения «политики силового принуждения», находятся следующие факторы:

— контроль США над 30% иностранных инвестиций;
— господство доллара в качестве единственного средства платежа;
— на том, что 4 из 7 крупнейших банков являются американскими;
— на том, что 95 % медиа-ресурсов принадлежат США;
— на том, что три четверти торговли оружием — американская, а 18 млрд. долл. военной помощи ежегодно принадлежит США;
— исследования и разработки в области информатики — американские;
— на американском контроле над глобальными институтами;
— что ВМС США контролируют Мировой океан;
— разведывательные возможности превосходят возможности

любых государств[654].

Такое превосходство пока что создает для США уникальную возможность: не прибегать, собственно говоря, к прямому применению военной силы, что и является **характерной особенностью политики США и состояния СО в наши дни.** Приоритет отдается экономическим санкциям, политическому (нередко индивидуальному) давлению, кибероперациям, торговым ограничениям, информационно-психологическим операциям, манипуляциям в области торговой политики и т. д. Надо признать, что Государственный департамент США очень четко и жестко координирует эту политику.

Так как современная МО и ВПО характеризуется очень быстрым развитием в XXI веке новых центров силы и ЛЧЦ, превращающихся в альтернативные факторы государственной и военной мощи западной военно-политической коалиции, то стремительно появляются новые факторы, влияющие на формирование МО и ВПО. Речь идет не только о быстром развитии КНР, Индии, Пакистана и других крупных субъектов МО, но и опережающем развитии десятков других государств, приобретающих атрибуты современной военной мощи. Так, к 2019 году уже более 50 государств обладали ракетами средней и меньшей дальности и находились «в шаге» от создания ЯО.

Но не только. И в экономике, и в технологиях, и в финансах американские позиции начинают теснить как их европейские и иные союзники, так и новые центры силы, что крайне болезненно встречают в США. Как видно на примере «Северного потока-2», где США используют все свои возможности для того, чтобы сорвать эту сделку.

3. **Третье условие:** Категорический отказ США и возглавляемой ими коалиции изменить существующую финансово-экономическую и военно-политическую систему в пользу новых центров силы и их готовность силой, включая военную силу, защищать свое

654 *Gombert D.C., Binnendijk H.* The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War / RAND, 2016, p. 7.

доминирование во всех областях. Естественно, что, обладая подавляющим превосходством в финансово-экономической и торговой области, США, прежде всего, пытаются использовать именно это превосходство в качестве силовых инструментов своей внешней политики. «Санкционная стратегия» Д. Трампа направлена на «силовое принуждение» любых оппонентов — от открытых противников вроде Ирана до своих союзников по НАТО, вроде Турции, к поведению, которое необходимо правящей элите США.

Эта политика «силового принуждения» означает, что США будут бескомпромиссно выступать за защиту созданной ими системы, которой они пытаются придать вид «универсальной нормы», а тех, кто будет стремиться ее изменить, — зачислять в разряд «оппортунистов», бескомпромиссных противников.

4. **Четвертое условие:** С точки зрения развития наиболее вероятного («базового») сценария ВПО в мире эти основные условия существования МО предполагают, что США и их коалиция **готова силой, включая военную силу, защищать сложившуюся финансово-экономическую, торговую и военно-политическую систему и существующую МО,** которая в следствие этого неизбежно будет развиваться по военно-силовому сценарию, названному в работе «Сценарий № 2» развития ВПО. Это силовое обеспечение, безусловно, рассматривается как системное (когда применяются все инструменты насилия) и обязательно в комплексе (экономические, финансовые и информационные средства одновременно). Роль собственно военной силы и военного превосходства заключается в том, чтобы обеспечить эффективность применения этих средств.

Акцент в военно-силовом использовании насилия по этому сценарию развития ВПО будет сделан, прежде всего, на отдельных регионах и ТВД, допуская (и даже изначально предполагая) прямое использование военной силы. Этот же сценарий не исключает и развитие ВПО по другим сценариям — сценария глобальной коалиционной войны, сценария серии локальных войн, либо иных.

Для того чтобы перейти к оценке отношений субъектов СО, которые складываются в рамках реализации указанных выше усло-

вий формирования МО, необходимо вернуться к формально-логическому подходу отбора сценариев развития ВПО и СО.

За основу, как уже говорилось, принят нынешний, негативный сценарий развития МО, который, на мой взгляд, может развиваться с вероятностью в 85% как «Сценарий № 3». Я специально не рассматриваю другие возможные сценарии, в т. ч. более или менее оптимистические, в силу разных причин, хотя периодически такие сценарии и возникают (так, например, в осеннем выпуске «Форрин Аффеарс» 2019 года «случайно» проскочила статья о некоем «сценарии сотрудничества» России и США, в основе которого лежали бы общие интересы относительно КНР и исламских государств).

В данном случае мой выбор — оценка реалий и перспектив, которая базируется на многочисленных предыдущих оценках и анализах, сделанных с 2014 года[655]. Эта оценка неоднократно подтверждалась за последние 5 лет, допуская незначительные и непринципиальные коррективы. В частности, вероятность развития МО по «Сценарию № 3» за эти 5 лет последовательно увеличилась с 50% в 2014 году[656] до 75% в 2017 и 80% в 2018. За последние полгода эта вероятность выросла еще больше, достигнув практически степени неизбежности[657].

Таким образом, я исхожу из того, что МО в мире в будущем будет развиваться по сценарию № 3 («Военно-силовое противоборство»), который — об этом обязательно следует сказать — характеризуется, прежде всего, противостоянием локальных человеческих цивилизаций и их военно-политических коалиций, являющихся **главными субъектами** такого нарастающего противоборства. Нередко это противостояние сегодня видится как противоборство

655 См., например: *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. М.: МГИМО-Университет, 2015. 581 с.

656 *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО-Университет, 2015, с. 55–67.

657 Подобные количественные оценки качественного состояния МО и ВПО были предметом специального анализа в НИР. См.: подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Издательский дом «Граница», 2018. 512 с.

государств-лидеров ЛЧЦ: Китая, США, Индии, Бразилии, России, а нередко и региональных лидеров — Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Германии и других. Но реальное противоборство проявляется в цивилизационной сущности государств-лидеров и их интересов, которое «на поверхности» выглядит как политическая борьба (другой она и не может быть между суверенными субъектами МО).

Кроме того, необходимо помнить, что тот или иной сценарий развития МО **проявляется в одном из его конкретных вариантов.** Таких потенциальных вариантов может быть очень много потому, что они зависят от влияния тех или иных объективных или субъективных факторов в конкретный период времени. Так развитие МО в 1936-1939 годах в Европе развивалось по сценарию нарастания противоречий между Германией и Италией, с одной стороны, и Великобританией, и Францией, с другой, а также потенциальным противостоянием с СССР — уже с третьей стороны. Развитие МО в эти годы пошло по варианту «умиротворения» Германии, который в 1939 году сменился вариантом прямого военного противостояния. Началась Вторая мировая война, сценарий которой был предопределен, но вариантов было несколько:

— вариант разгрома Бельгии, Франции и других европейских стран;
— вариант высадки десанта в Великобритании;
— вариант нападения на СССР после оккупации Польши;
— вариант оккупации Балкан и т. д.

Наконец, был и вариант «паузы», когда «странная война» продолжалась бы очень долго.

Аналогичная ситуация сложилась в наши дни со «Сценарием № 3» развития МО, который, на мой взгляд, имеет множество вариантов, в частности:

В рамках этого сценария наиболее вероятно развитие ВПО по 3-м конкретным вариантам:

– вариант № 1: участие ВС коалиций в региональных войнах и конфликтах (с наибольшей вероятностью в 20–30%); этот вариант — наиболее предпочтителен для США и перспективен на

будущее как в силу того, что он уже апробирован в Ливии, Афганистане, а до этого в Югославии, а еще раньше в ходе двух Мировых войн, но он зависит во многом от европейских государств, среди которых только Польша и Прибалтийские страны выражают активное стремление к конфронтации;

– вариант № 2: переход к военно-силовому противоборству на одном-двух ТВД (с вероятностью в 60–65%). Это может быть, как Сирия, Закавказье или Средняя Азия, так и северо-западное направление в Европе (Калининградская область и Прибалтика) или

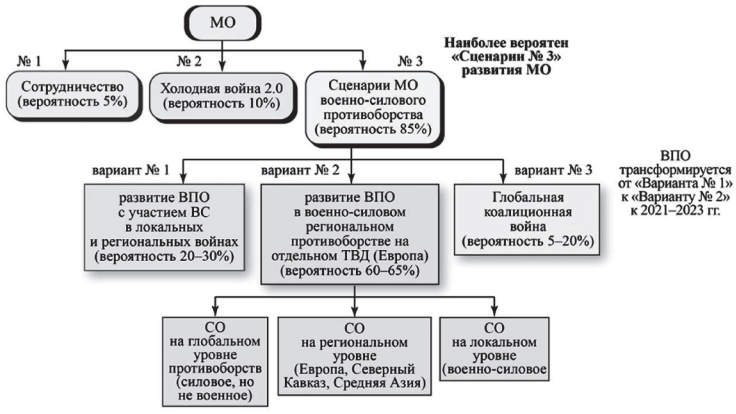

Рис. 32. Оценка состояния и перспектив развития военно-политической обстановки

юго-восточное направление — разжигание конфликта на Украине. Не случайно именно на этот аспект обратил внимание С.В. Лавров в ходе Московской международной конференции 24 апреля 2019 года, когда подчеркнул, обращаясь, прежде всего, к странам-членам НАТО: «Настойчиво призываем [западных] партнеров отказаться от взвинчивания конфронтации, соблюдать взятые на себя на саммитах ОБСЕ и в Совете Россия — НАТО обязательства не укреплять свою безопасность за счет безопасности других, — отметил он. В условиях отсутствия по прихоти Запада системных россий-

ско-натовских контактов, прежде всего по военной линии, цена непреднамеренной ошибки, просто недопонимания будет очень высокой»[658], — заявил глава российского МИД.

Важно также подчеркнуть, что этот вариант может развиваться внутри внешне невоенного варианта противоборства — силового противостояния, когда собственно вооруженные силы не используются в непосредственной вооруженной борьбе, а на первый план выступают другие формы силового противоборства — компьютерное, информационно-когнитивное, диверсионное, использование «облачного противника» и пр.

– вариант № 3: глобальная коалиционная (мировая) война (с вероятностью 5–10%). При этом такая война совсем не обязательно сразу же выльется в глобальную катастрофу — она может развиваться в виде эскалации конфликта по этапам.

Как видно из логики рассуждения и прогноза развития МО и ВПО, я исхожу из того, что в перспективе 3–7 лет (т. е. до 2025–2027 года) развитие ВПО перейдет в стадию военно-силового конфликта, который вероятно произойдет на одном-двух ТВД, предположительно в Европе и Средней Азии. Исходя из этой оценки и прогноза, я полагаю, что стратегическая обстановка **приобретет форму крупных региональных конфликтов на этих ТВД и будет наиболее вероятна в будущем применительно к России.**

В этой связи возникает естественный и решающий вопрос: **каким оружием и какими способами** будет осуществляться такой вооруженный конфликт, т. е. что будет решающим для развития конкретных состояний СО на этих ТВД? Ответ на этот вопрос предполагает необходимость акцента на развитии, прежде всего, именно тех ВВСТ и способов их применения (прежде всего, подготовки личного состава и командования), которые будут наиболее вероятными уже в среднесрочной перспективе до 5–7 лет.

658 Лавров предостерег НАТО от совершения роковых ошибок / Актуальные комментарии. 24.04.2019 / Подробности от АК: http://actualcomment.ru/lavrov-predostereg-nato-ot-sovershheniya-rokovykh-oshibok–1904241117.html?utm_source=politobzor.net

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, единственный: решающую роль в таком военном конфликте будут играть средства воздушно-космического нападения и ВКС, а также интегрированные с ними системы ПРО-ПВО противостоящих сторон. В силу целого ряда причин, главная из которых заключается в уже имеющемся сегодня опыте развитых стран в участии в вооруженных конфликтах в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и других странах.

Еще более четко варианты развития ВПО конкретизируются в частных вариантах развития стратегической обстановки, количество которых фактически не ограничено как не ограничено и количество вариантов войн и военных конфликтов, в которых участвуют конкретные люди и конкретные вооружения и военная техника. В нашем случае я рассматриваю в качестве базового «Вариант № 2» развития ВПО как военно-силовое противоборство на отдельных ТВД. Как минимум, конкретные варианты развития СО по этому варианту могут быть следующими:

– вариант развития СО в Калининградской области;
– вариант развития СО в Белоруссии;
– вариант развития СО на западе Украины;
– вариант развития СО на Юго-востоке Украины;
– вариант развития СО в Приднестровье;
– вариант развития в Закавказье;
– вариант развития в Таджикистане, Киргизии, Узбекистане;
– вариант развития СО в Казахстане.

Причем эти варианты могут быть как с участниками– внешними субъектами ВПО, так и внутренними акторами.

Подытоживая, необходимо сделать вывод о том, что **оценка отношений между субъектами СО** в период формирования ВПО до 2025-27 годов, свидетельствует только об одном: они неизбежно и быстро будут развиваться в направлении эскалации военно-силовых мер, **причем доля собственно военных мер и средств будет неуклонно повышаться, приближаясь к прямым военным действиям.**

3.1.б). Выбор стратегии противоборства России как политический и нравственный выбор оценки стратегической обстановки правящей элитой

Огромное большинство людей прибегают
к типичным способам: вообще избегают
конфликтных ситуаций, хитрят
и манипулируют окружающими[659]
Р. Грин

Высказанный выше реалистический («пессимистический») вывод относительно состояния и перспектив развития отношений между субъектами СО до 2025–2027 годов, — точка зрения автора, которая отнюдь не разделяется всей правящей элитой России. В противном случае предпринимались бы экстраординарные мобилизационные меры, которые сегодня, как представляется, заменены их имитацией. Исключая, пожалуй, политику борьбы с пандемией. И здесь кроется главная особенность формирования и развития СО — *субъективность оценки и действий обстоятельств, фактов и факторов, которая объясняется множеством причин: трусостью, конформизмом, ограниченностью, политической выгодой и т. д. отдельных (даже большинством) представителей правящей элиты.*

Надо сказать, что в истории государств такое поведение часто встречается. Оно отчетливо было видно накануне Второй мировой войны в поведении лидеров Великобритании, Франции и даже Германии, а также целого ряда других стран[660]. Не является такое поведение правящих элит, включая российскую, исключением и сегодня.

---

659 *Грин Р.* 33 стратегии войны / Р. Грин. М.: РИПОЛ классик, 2016, с. 17.
660 *Гудериан, Гейнц.* Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945. - М.: Центрполиграф, 2020.- 574 с.

Кроме того, оценка СО, как правило дается в нормативных документах, принимаемых Президентом РФ, без серьезных обсуждений, о которых также мало кто вспоминает. Формальную оценку СО военные стараются избегать в открытой дискуссии именно поэтому: можно процитировать официальную позицию, которую под сомнение никто не имеет право ставить. Субъективность, свойственная в оценке СО, войн и конфликтов, уступает место формально-нормативному декларированию.

Но именно из адекватности субъективной оценки СО правящей элитой вытекает и характер национальной стратегии, формирования целей, распределения ресурсов и пр. И здесь важно, как не недооценить опасность состояния СО, так и не переоценить его, тогда либо ресурсы не будут использованы вовремя, либо они будут истрачены напрасно. Считается некоторыми, что И. Сталин недооценил опасность СО накануне нападения Германии (хотя экономика фактически была милитаризована, а все военные приготовления сделаны). Также считается, что правящая элита брежневского периода в СССР переоценила внешнюю угрозу, что привело «к истощению ресурсов». Я считаю это категорически неверным: в начале 80-х годов у СССР была лучшая в мире армия, а масштабы экономической стагфляции ниже чем сегодня.

Прежде чем выбирать стратегию борьбы правящие элиты почти всегда решали для себя бороться или капитулировать: как правило, всегда существовало два лагеря — «прагматиков», готовых капитулировать, ставящих материальные ценности выше идеологических, ценностных и духовных, и «идеалистов» — тех, кто готов был не только жертвовать имуществом, но и рисковать здоровьем и жизнью. Вопрос о том, как действовать, какую стратегию выбирать всегда в этом случае бывал вторичным. Так было и в Древнем Риме, когда решался вопрос о войне с Карфагеном (и у Карфагена, может быть, в еще большей степени), так было и в Мюнхене в 1938 году. Поэтому огромное значение изначально имеет то, как противостоящие стороны готовились к противоборству с точки зрения внутренней готовности и подготовки союзников. Другими словами, решающая роль в адекватности оценки состояния СО принадлежит

субъективному, политико-психологическому фактору, о котором Р. Грин написал, что они делятся на две группы — группу, избегающую конфликтных ситуаций (очень напоминающую современную советско-российскую правящую элиту) и группу «воинов– стратегов», которые «продумывают все впереди на много ходов, чтобы решить, от каких поединков уклониться, а какие неизбежны»[661].

Надо признать, что как первое, так и второе направление в России реализуется крайне слабо: правящая элита наполнена теми, кто готов пойти изначально на капитуляцию, даже не попытавшись сопротивляться, а союзников у России осталось крайне мало в том числе и по причине игнорирования их интересов и откровенного предательства М. Горбачева и Б. Ельцина, что, естественно не могло не остаться не замеченным.

Усиление давления на правящую элиту России сопровождается ограничениями на ее деятельность, информационно-когнитивным давлением, запугиванием и другими враждебными действиями, интенсивность и спектр которых неизменно расширяется.

Происходит усиление давления на российское общество, экономику и информационно-психологическую обстановку, что создает крайне неблагоприятный фон, целью которого является внутриполитическая дестабилизация.

Все это неизбежно ставит элиту перед выбором стратегии ответных действий как в национальном и государственном масштабе, так и в личном и групповом, затрагивающим интересы отдельных социальных групп и личностей. Политика «силового принуждения» Запада рассчитана, в конечном счете, на то, что верх в России возьмет та элитная группа, которая будет **готова пойти на серьезные уступки и даже капитуляцию.** Применительно к России в 2019 году можно теоретически рассматривать следующие варианты поведения правящей элиты с точки зрения ее оценки состояния СО и принятия соответствующих мер. Надо отчетливо понимать, что меры принимаются как следствие, результат той или иной оценки (недооценки/переоценки опасности) СО:

661 *Грин Р.* 33 Стратегии войны / Р. Грин. М.: РИПОЛ классик, 2016, с. 17.

— **вариант № 1** — «Готовность к капитуляции», вероятность которого достаточна высока в случае окончательного прихода к власти тех социальных групп, которые доминировали при М. Горбачеве и Б. Ельцине. Их оценка МО, ВПО и СО имеет минимальное значение с точки зрения адекватности и объективности потому, что их действия с самого начала практически не зависят от таких оценок, они изначально базируются на аффилированности своих групповых интересов и ценностей с интересами западной правящей элиты. Их не волнуют такие понятия как «суверенитет», «национальная идентичность» и пр., которые они заменили гражданско-правовыми нормами Запада.
— Соответственно и поведение правящей элиты будет таким же. Оно легко иллюстрируется политикой начала 90-х годов, когда происходила «интеграция» правящих слоев в западное сообщество, или поведение современной правящей элиты в Украине. Не только силовое (тем более военное) противоборство и защита рассматривается ими как абсолютно бессмысленное и вредное.
— **вариант № 2** — «Продолжение политики стратегического сдерживания», маневрирование между либеральным и государственно-патриотическим курсом, проводимым В.В. Путиным. Эта политика, реализуемая современной правящей элитой России, иллюстрирующей острое противоборство внутри самой правящей элиты, которое неправильно характеризуется как борьба «силовиков» и «либералов». Проблема в том, что либералы-западники, достигшие определенного положения в обществе, есть и среди тех, и среди других. Поэтому борьба происходит не между устойчивыми социальными группами, а внутри них. Соответственно и оценки СО, например, в МИД и Минобороны, Совбезе и Минпромторге могут быть самыми разными, — граница проходит внутри этих групп;
— **вариант № 3** — «Уступки в политике стратегического сдерживания», на который толкает В.В. Путина современная часть либеральной правящей элиты России;

— **вариант № 4** — наступательные и контрнаступательные операции правящей элиты России, которые иногда проявляются в поведении правящей элиты (как правило, вынужденно), как, например, поддержка референдума в Крыму, участие в конфликте в Сирии и политика в Ближневосточном регионе, внешняя политика в отношении Венесуэлы и целого ряда других стран[662].

В целях настоящей работы принципиально важно попытаться вычленить, какой из вариантов политики правящей элиты будет реализован. От этого прямо зависят не только внешняя и военная политика России, но и ее стратегия, поведение в назревающих военных конфликтах. Так, например, очевидно, что выбор правящей элитой «варианта № 1» приведет к отказу от военных средств в политике, что, естественно, скажется на военной политике и стратегии. «Вариант № 2», существующий сегодня, означает, по сути дела, экстраполяцию нынешней политики на 5–7 лет. «Вариант № 3» предполагает отступление от использования военной силы и смену политического курса. «Вариант № 4» — поиск новых дополнительных решений, усиливающих военные возможности России. Графически этот выбор показан на рисунке ниже.

В целях настоящей работы рассматриваются варианты № 2 и № 4 как «скромный, ограниченный» вариант ответных силовых действий и «активный» вариант, требующий, естественно, дополнительных усилий.

С моей точки зрения, такие усилия должны приниматься немедленно, прежде всего, в области развития средств ВКН и ВКО, которые превратились в решающий инструмент военно-силовой политики и главный фактор формирования СО.

Важно попробовать попытаться разделить **правящую элиту** (не общество и не нацию, а только именно правящую элиту,

662 Примером такого «наступления» может служить и политика опережающего развития, очередная попытка которой была предпринята В.В. Путиным в 2018 году. (*Путин В.В.* Указ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», № 204 от 7 мая 2018 г.).

Рис. 33. Выбор стратегии России.

отвечающую за выбор стратегии) в неких пропорциях в соответствии с вариантами возможного поведения в условиях нарастающего силового давления. Таким образом, каждому из вариантов будет соответствовать некая «доля» правящей элиты. Естественно, что эта «доля» не будет абсолютно точно определять степень влияния на происходящие политические процессы — в 1991 году крошечная часть элиты решила за всю огромную массу партийно-государственного аппарата основные проблемы будущего развития. Тем не менее, интересно попробовать представить себе каким образом правящая элита будет реагировать на внешние опасности. Особенно когда это проявляется в ее конкретной готовности к действию (напомню, на защиту КПСС из 17 млн. членов и 1 млн. активистов в 1991 году не выступил никто за исключением небольшой группы)

Получается примерно следующая картина:

— **Вариант № 1.** Капитуляция, которая в той или иной мере поддерживается 25–30% правящей элиты.
— **Вариант № 2**. «Пассивное сопротивление», конформизм, существующий всегда в большинстве правящей элиты — более 30%.
— **Вариант № 3.** «готовность к уступкам и компромиссам» — 30% (наиболее устойчивая часть).

— **Вариант № 4 и Вариант № 5.** «готовность к активному сопротивлению», активной политике, как всегда, требует волевых усилий и ресурсов, т. е. действий, риска, поэтому сторонников этого варианта (вариантов) редко бывает (и то, только в периоды национального подъема) более 5–10 %.

Естественно, что в зависимости от **конкретного состояния МО, ВПО и даже СО** отношение в обществе и правящей элите будет меняться — часть правящей элиты может искренне заблуждаться, часть — сознательно самообманываться. Именно это имел в виду С.К. Шойгу, который был в центре ельцинской политики в начале 90-х годов, которая вела к капитуляции, когда признавал: «Если бы Запад продолжал себя вести так, как он начал себя вести во времена Горбачева, — выполнял бы все свои обещания, не стал бы продвигать НАТО к нашим границам все ближе и ближе, не расширял бы свое влияние в нашем ближнем зарубежье, не лез бы во внутренние дела нашей страны, — то, мне кажется: им в конце концов удалось бы все. Им бы удалось решить ту задачу, которую они перед собой ставили, — задачу разрушения и порабощения нашей страны. Как это фактически сделано с «младоевропейцами» и бывшими советскими республиками»[663].

Но даже это признание С.К. Шойгу отнюдь не означает, что современная правящая элита России коренным образом пересмотрела свои оценки МО и ВПО. Речь может идти о ее части, может быть, даже значительной части, но не о всей. Трудно, ведь допустить, что вся правящая элита СССР и России искренне заблуждалась. Да и в то время была незначительная часть, которая не только оценивала МО и ВПО вполне адекватно, но и призывала (как могла) к тому же остальных. Могу только свидетельствовать, что в те годы именно такую критическую позицию я занимал в отношении оценок М. Горбачева и Б. Ельцина.

Сказанное С.К. Шойгу в тоже время означает, что у правящей в то время советско-российской элите не было **собственной адек-**

663 Интервью *С.К. Шойгу* электронному изданию «Военный портал». 29.09.2019 / milportal.ru /29/09/2019

ватной оценки МО и ВПО, что и явилось главной причиной искаженных представлений и наивных надежд не только М. Горбачева и Б. Ельцина, но и тех, кто окружал их у власти. Кроме того, не исключено и влияние западных спецслужб и институтов, которые в то время открыто вербовали себе агентуру в СССР и России. За последние 30 лет стали известны многочисленные примеры вербовок и переездов на Запад тех, кто отвечал за формирование внешней и военной политики СССР и России.

История показывает, что именно так (или примерно так) вела себя правящая элита во всех странах во все времена. Так, уже за несколько лет до падения Византийской империи в 1453 году, практически у каждого здравомыслящего человека в те времена были опасения за ее судьбу. Маленький осколок некогда великой империи со всех сторон был окружен враждебным агрессивным османским государством. Спасти Восточно-римскую империю могло только чудо. Которое, как мы теперь знаем, не произошло. Хотя попытки были, но это совсем другая история.

Именно это происходит и в современной России, где правящая элита готовит «запасные аэродромы».

Далее. За несколько лет до падения Второго Рима начался исход. То же самое мы наблюдаем и сегодня. Понятно, что покидали страну в основном те, кто мог себе это позволить, как теперь говорим — элита. Путь практически у всех был один — подальше на запад, в безопасные края и по большому счету бежали в основном в Италию. Сегодня это, прежде всего, нейтральная Европа и западноевропейские страны. Дело в том, что к XV веку итальянские города-государства Генуя и Венеция вытеснили Византию в качестве основного торгово-экономического центра Средиземноморья. Они владели землями в Крыму, островами, некогда бывшими частью империи. В самом Константинополе было полно генуэзцев и венецианцев. Словом, связи с Италией у византийской элиты были крепки, многие там держали «запасные аэродромы». После падения Константинополя такие связи пригодились аристократическим беженцам.

Рассмотрим, например, бегство видного византийского рода Нотара в Италию. Его глава, Лука Нотара, был последний Вели-

кий дука (мегадука) и второй человек в табеле о рангах Византии до того, как он был казнен султаном Мехмедом II вместе с членами многих других известных византийских семей. К счастью для его выживших детей, Нотара был отпрыском семьи, которая имела дела с генуэзцами, он унаследовал огромное состояние, которое было помещено в Банк Святого Георгия в Генуе. Таким образом, генуэзские власти заплатили выкуп за двух из четырех оставшихся в живых дочерей Нотара, которые были заключены и обращены в рабство после падения Константинополя. Это было сделано по настоянию Анны Нотара, еще одной его дочери, которая бежала из Константинополя до его падения. После освобождения дочери смогли остаться в Генуе, хотя сама Анна позже переехала в Венецию. Итальянцы Венеции, Генуи и Рима сыграли важную роль в оказании помощи, спасении и выкупе членов семей аристократов, которые были схвачены османами. Это была «роскошь», которую могла позволить себе только аристократия. Кроме того, как я уже упоминал выше, непосредственно перед падением Константинополя и за несколько лет до этого несколько спасительных кораблей, отправленных из Венеции и Генуи, смогли безопасно перевезти беженцев в Италию. Конечно, в основном это были известные люди, которым удалось попасть в списки, именно на них две из четырех дочерей Нотара смогли избежать пленения после падения Константинополя. Италия была также естественным местом назначения для многих византийских беженцев, даже тем, кто не были аристократами, ведь она начала принимать большое количество греческих эмигрантов еще после разграбления Константинополя в 1204 году. В настоящее время таким местом стала Западная и Центральная Европа, а также Израиль и США, где «осели» миллионы наших соотечественников — представителей разных слоев правящей элиты СССР–России.

Примечательно, что по этому поводу высказываются самые разные эксперты. В частности, бывший помощник Б. Ельцина В. Костиков, который так или иначе присутствовал в ельцинской элите, говорит следующее: «Элита в растерянности. Идет раскол по интересам. Пока форму обретают 3–4 лагеря. В одном (вероятно, по

нашей классификации, — **«Варианты № 4 и № 5»**) те, которые понимают, что надо что-то менять в самой системе власти и госуправления. И что делать это нужно быстро, пока в просвете котлована еще просматриваются звезды» (Речь идет, конечно же, об эффективной и самостоятельной политике во всех областях. *А.П.*). Он никак не оценивает возможности этой части общества и правящей элиты.

Далее В. Костиков продолжает: «Другие тоже понимают, что перемены назрели. Но хотели бы, чтобы сложившаяся система личного обогащения сохранилась еще на некоторое время (лет на 10–15), чтобы успеть обеспечить внуков, правнуков и гарантировать их обустройство на Западе (**«Вариант № 1» и, как более радикальный, — «Вариант № 3»**). Это самая жадная, коррумпированная и спешащая часть элиты[664]».

«Но есть и третья категория. Это те, которые не хотят и боятся любых перемен из опасения, что новая перестроечная волна просто выбросит их из системы власти, подвергнет ревизии все их «достижения» и «все нажитое непосильным трудом» (**«Вариант № 2» конформистской части,** которая, как правило, составляет абсолютное большинство).

Обособленно, — по мнению В. Костикова, — стоит силовой сегмент элиты. Он более других осведомлен о реальном положении дел в стране, но его намерения и возможности воздействовать на ситуацию обществом **слабо просматриваются (?!).** Поэтому, — констатирует он, — оставим оценки специалистам...»[665]. Действительно, как показывает современный опыт, «силовой компонент» правящей элиты — самый пассивный потому, что его в советское время воспитали как послушный инструмент политической власти, даже не способный к самостоятельному целеполаганию, хотя исторически, в XVII–XIX вв., т. е. «эпоху гвардейских переворотов», он был самым активным. Видимо последняя попытка Г. Жукова оказать поддержку Хрущеву и неудачные военные демарши в СССР и

664 *Костиков В.* Капитализм в босом теле // Аргументы и Факты. 23.10.2019 / www.Aif.Ru/23.10.2019.

665 *Костиков В.* Капитализм в босом теле // Аргументы и Факты. 23.10.2019 / www.Aif.Ru/23.10.2019.

России 1990–1993 годов, окончательно отбили охоту у силовиков к политической инициативе.

3.2. Значение средств воздушно-космического нападения и обороны для формирования стратегической обстановки и обеспечения безопасности России

Руководство войной придерживается немногих
основополагающих законов. Однако средства,
которыми оно пользуется, изменяются и множатся.
Изменениям также подвергаются формы
и методы ведения войны[666].
В. Кейтель, Генерал-фельдмаршал

«Национальная военная стратегия США
2018 года акцентирует внимание на том,
что «современное состояние безопасности
стало более сложным и волатильным,
чем любое иное в предыдущие годы»[667]
Обзор состояния системы ПРО (США)

Будущее тех или иных систем и видов ВВСТ, целых видов и родов войск зависит, в конечном счете, от политического курса государств и складывающейся международной и военно-политической обстановки. Известный закон о зависимости форм и методов ведения войны от новых средств ее ведения, не раз подтверждав-

666 *Кейтель В.* Размышления перед казнью. М.: Вече, 2017, с. 169.
667 Missile Defense Review. Wash., DOD, 2019 Jan., p. III.

шийся в военной истории, имеет и другую сторону, более фундаментальную основу: в новейшее время, по мере ускорения научно-технической революции, важнейшее значение приобретает и обратная (а точнее — самая главная) зависимость — политические, военно-политические установки и требования военного искусства задают темпы и масштабы создания новейших вооружений и военной техники. Поэтому от решения, как правило, высшего политического руководства (нередко субъективного и далеко не всегда обоснованного и адекватного) зависит судьба не только будущих ВВСТ, но и будущее ВС, ОПК, в конечном счете, — безопасность государства. Так, прекращение к 1943 году полномасштабных НИОКР в гитлеровской Германии привело к остановке работ по созданию высокоэффективных систем и видов оружия, включая ракетного и ядерного.

Иными словами, «сами по себе» вооружения и способы их применения не появляются. Поэтому все разговоры об «абстрактной гонке вооружений», типа рассуждений Ричардсона, ничего, по большому счету, не стоят. Для любых типов и видов ВВСТ требуется «социальный заказ», даже в тех случаях, когда эти типы и системы оружия создаются в инициативном порядке самими КБ и предприятиями. Как заявил генеральный директор корпорации «тактическое ракетное вооружение» Б. Обносов, даже «если новое оружие создается более эффективным по всем параметрам, оно обязательно попадает в гособоронзаказ»[668].

Таким образом, ВВСТ всегда становятся конкретным результатом некой политической, экономической и военной деятельности государств, реализацией на практике совершенно определенных военно-политических интересов правящих кругов тех или иных государств, воли и, в конечном счете, той или иной стратегии, которая прогнозирует и планирует развитие ВВСТ, а не «самостимулирующимся» процессом гонки вооружений или следствием иных причин. По этому поводу один из ведущих специалистов в мире по стратегическому планированию Л. Фридман следующим образом

668 *Коротченко И.* Уверенное движение вперед // Национальная оборона, 2020, № 3, с. 47.

описал эту зависимость: «Наличие стратегии предполагает способность заглядывать дальше, чем в ближайшую перспективу, и, что еще важнее, обращаться к причинам, а не симптомам — иными словами, видеть за деревьями тот самый лес»[669]. «Тот самый лес» — это и есть политические интересы (потребности) и военно-политические намерения, которые находятся в основе всех установок по развитию вооружений и военной техники, и всех областей военного искусства.

Формы и способы ведения войны, ВВСТ также являются неизбежным следствием развития МО и ВПО в мире, как правило, конкретных сценариев и их вариантов развития, которые практически реализуют формирующиеся возможности тех или иных стратегий. Поэтому исключительно важно изначально определиться с представлениями (оценками) относительно наиболее вероятных вариантов развития тех или иных сценариев МО и ВПО, исходя из самых последних, порой принципиально новых, условий и обстоятельств. И крайне опасно оказаться в плену заблуждений относительно будущих сценариев МО и ВПО, которые, как при М. Горбачеве и Б. Ельцине могут радикально негативно повлиять на развитие ВВСТ и военного искусства. Так, например, в последние десятилетия происходило противоборство двух основных трендов в развитии человеческой цивилизации — глобализации и борьбы за сохранение национальной, цивилизационной и социальной идентичности и суверенитета. Нередко победителем категорически объявлялись сторонники глобализма, которые в той или иной мере становились законодателями политической моды в мире и продвигали в политическую практику совершенно конкретные идеи, которые были направлены не просто на ускорение глобализации, но и ослабление и ликвидацию государств и их институтов. Идеи «прораба перестройки» А.Н. Яковлева о «борьбе с этатизмом» на определенном этапе даже стали доминирующими в СССР, а примерно в те же годы идеи европейской интеграции были признаны в качестве самых передовых идей современности.

669 *Фридман, Лоуренс.* Стратегия: Война, революция, бизнес. М.: Кучково поле, 2018, с. 7.

Вместе с тем, сохранялись и сторонники другого, «менее модного», направления, которые ориентировались на идеи укрепления национальной идентичности и суверенитета, сильного государства и его институтов. Нередко эти идеи концентрировались вокруг концепции противоборства локальных человеческих цивилизаций, как основных субъектов МО и основ для формирования военно-политических коалиций. Сторонники этих идей на Западе С. Хантингтон и А. Тойнби, однако, не стали популярными потому, что доминирующей точкой зрения сохранялась идея глобализации.

Политическая практика и реальные условия развития МО, однако, продемонстрировали уже с конца прошлого века, что идеи глобального миропорядка будут встречать объективное сопротивление. И не только в силу очевидного факта неравномерности экономического, социального и демографического развития, но и в силу достаточно субъективных причин — разницы в оценках, когнитивном восприятии разными социальными группами идей глобализации.

Для России принципиальное значение имеет тот факт, что на протяжении последних 40 лет идеи глобализма (в форме «общечеловеческих ценностей», «либеральных свобод» и т. п.) сохраняют свое влияние не только в финансово-экономической, но и других областях. Прежде всего общественно-политической и научной. Более того, воспитанная в духе этих идей значительная часть правящей элиты страны, изначально ориентирована не на сохранение национальной идентичности, защиты национальных ценностей и суверенитета, а на быструю интеграцию в глобальную систему на условиях Запада.

К сожалению, повторяется история, которая в России уже случалась: идеализация политическим истэблишментом России вопросов войны и мира в конце XIX века при Николае II, в 80-е годы при М. Горбачеве и в 90-е годы при Б. Ельцине дорого в конце концов сказалось на ее социально-экономическом, демографическом и политическом развитии. Примечательно, в этой связи, замечание видного военного теоретика А.Е. Снесарева о вышедшем в конце XIX века пятитомном издании сенатора И.С. Блиоха «Будущая во-

йна»: «Только в России могла найти себе приют и поощрение такая компиляторская мазня, невежественная и нескладная, как ... творение И.С. Блиоха»[670].

Позже, в XX веке, особенно при М. Горбачеве и А. Яковлеве такая «мазня» станет не просто в ходу, но и модной. Вплоть до третьего десятка лет нового столетия в общественно-политическом сознании страны будут доминировать политики и «политологи», которые будут иллюзорно воспринимать политическую действительность, не смотря на жесткую, противоречащую ее реальность. Сонмы «журналистов-перестройщиков» и целые политологические школы будут учить искаженному восприятию реалий.

На практике, в реальной действительности, неравномерность в развитии целых групп стран с конца XX века привела к нарастанию противоречий в первом десятилетии нового столетия, когда в мире появились как «оппортунисты» — страны, которые стали заявлять в той или иной форме[671] о своем несогласии с «нормами и правилами» глобализации, — так и многочисленные акторы, не приемлющие эти идеи. Выход Великобритании из ЕС, оппозиция по целому ряду вопросов некоторых государств руководству ЕС и США, объективно противоречит формированию западной ЛЧЦ как основы для широкой военно-политической коалиции.

Ситуацию серьезно обострила пандемия, которая началась в мире в 2020 году. Она продемонстрировала сразу несколько ставших неожиданными фактов, противоречащих общей тенденции глобализации:

— важности сохранения суверенитета государств, его способности контролировать границы, управление и ввод ограничений для сограждан;
— исключительно важного значения государственных институтов, способных контролировать и противодействовать разви-

670 *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2004, с. 10.

671 Обычно говорят только о тех странах, которых обозначили «оппортунистами» в США, хотя спектр таких субъектов и акторов МО намного шире. В него, например, можно включить целые группы стран и некоторые ЛЧЦ, не говоря уже о многочисленных антиглобалистских организациях.

тию пандемии в правовой, материальной, силовой и медицинской форме;

— способности государства мобилизовать национальные ресурсы, включая ресурсы моральные, духовные и цивилизационные.

В итоге человечество уже в самые первые месяцы пандемии увидело, что те государства (КНР), которые смогли сохранить суверенитет и свои институты, быстрее других и с наименьшими издержками перенесли трагедию пандемии по сравнению с государствами, которые стали лидерами глобализации.

3.2.а). Современная стратегическая обстановка в мире: национальные интересы и военная сила

Цель боя не всегда заключается
в уничтожении участвующих в нем
вооруженных сил и может быть
достигнута без действительного
столкновения, посредством
постановки вопроса о бое…[672]
К. фон Клаузевиц

Нередко наши представления о формировании МО и ВПО, внешней и военной политике, в том числе и в официальных документах, формируются под влиянием ложных посылок. Например, представлениях о внешних угрозах и опасностях, тогда как истинные, принципиальные мотивы остаются на периферии внимания. Так, именно политические интересы (прежде всего, национальные и социальные) субъектов МО и ВПО государств, локальных человеческих цивилизаций[673] и их коалиций, а не некие внешние угро-

672 *Клаузевиц Карл фон*. О войне. Избранное. М.: АСТ, 2019, с. 62.

673 Подробнее о значении ЛЧЦ в формировании ВПО см.: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / *А.И. Подберезкин и др*. М.: ИД «Международные отношения», 2017, с. 34–44.

зы и опасности (как считают некоторые политики и политологи) являются основными двигателями развития военно-технической политики, военной экономики и военного искусства[674]. Интересы (потребности) субъектов МО и ВПО являются, кроме того, объективным объектом для политического и научного анализа политики государств, цивилизаций и их коалиций. Поэтому, исследуя роль военной силы, которая является лишь одним из силовых средств политики, опираться можно и нужно преимущественно на анализ национальных, государственных и социальных интересов тех или иных субъектов МО.

Однако, случается, что перед войной ставятся исторические и даже цивилизационные задачи, которые прекращают эту войну в столкновение уже не только государств и даже наций, а цивилизаций. Как писал перед повешеньем В. Кейтель, «Нередко война «служит делу сохранения нации и государства или обеспечивает ее историческое будущее»[675]. Именно так следует рассматривать некоторые войны, имевшие для России историко-цивилизационные последствия в последние столетия, например, с коалицией Запада, возглавлявшейся гитлеровской Германией или англо-саксонской коалицией, которую в настоящее время возглавляют США.

Более того, уже в новейшей истории противоречия между интересами этих субъектов, их военно-политические установки диктуют новые требования по отношению к развитию других силовых (невоенных) инструментов внешней политики и стратегии — экономическим, политико-дипломатическим, информационным. Как признавал в свое время еще гитлеровский фельдмаршал В. Кейтель, «Война ведется всеми средствами: не только силой оружия, но также средствами пропаганды и экономического воздействия»[676].

674 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2018, с. 1261–1295.

675 *Кейтель В.* Размышления перед казнью. М.: Вече, 2017, с. 168.

676 *Кейтель В.* Размышления перед казнью. М.: Вече, 2017. С.169.

Существует, правда, и иная точка зрения, а именно: усиление взаимозависимости государств в мире в процессе глобализации привело фактически к ликвидации между ними сколько-нибудь значимого силового соперничества. Тем более в военно-силовой области. Эта точка зрения неоглобалистов исключает по большому счету любые значимые (а тем более военно-силовые) противоречия между интересами субъектов МО. Прежде всего основных субъектов, формирующих современную МО и ВПО, — государств-лидеров ЛЧЦ и центров силы, их военно-политических коалиций. Так, один из сторонников этой точки зрения А.В. Лукин предельно ясно формулирует эту идею применительно к соперничеству между США и КНР: «Экономики Китая и США настолько связаны, что не может быть такого, что если в США кризис, то экономика Китая процветает. Для Китая США — основной рынок для своей продукции. Поэтому если в США будет кризис и китайские товары не будут покупать, то в Китае все равно будет кризис. Поэтому вряд ли можно говорить (что у Китая теперь будет преимущество в борьбе за лидерство в мировой экономике — *ред.*). Китаю собственно не выгодно, чтобы экономика США находилась в кризисе». Он также пояснил, что и для США тоже не выгоден кризис в Китае: «С точки зрения США, то, что в Китае экономика восстанавливается, — это очень хорошо. Потому что, во-первых, Китай для США — одно из основных мест капиталовложений. С другой стороны, США покупают в Китае много товаров. Короче говоря, экономики сильно взаимосвязаны. И сейчас все в целом в мире взаимосвязано, вряд ли одна сторона может процветать, а в другой быть кризис, если это, конечно, не очень маленькие страны»[677], — добавил эксперт.

Другими словами, по мнению А.В. Лукина, наступил период, когда благополучие государств зависит друг от друга, а противоречия между ними если и не исчезли, то остались на периферии развития их отношений. Более того, если согласиться с этой точкой зрения, то и все военно-силовые приготовления теряют смысл по-

677 Эксперт сравнил влияние COVID-19 на китайскую и американскую экономики // РИА-Новости. 06.04.2020 / URL: https://ria.ru/20200406/1569644426.html

тому, что взаимозависимость между субъектами исключает между ними военное соперничество. Подобная радикальная точка зрения не только противоречит всему историческому опыту, в том числе и самому негативному, когда похожие мысли при М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине привели к развалу советского ОПК и ВС, но и самым последним шагам американской администрации и их союзников, которые в последние три года предприняли радикальные меры по наращиванию своей военной мощи.

Совершенно очевидно, что такие рассуждения вполне соответствуют двум тенденциям в современной политике, которые проявились отчетливо в последние 30–40 лет: глобализации, борьбе с суверенитетом государств, их национальной идентичностью и национальными интересами, ослаблением государства и его институтов, с одной стороны, и стремлением защитить национальную идентичность, национальные интересы, государство, его институты и суверенитет, — с другой. Различный подход к этим тенденциям в полной мере отражается и в отношении к национальным интересам и военно-политической проблематике.

Примечательно, что крупные мировые события неизбежно отражаются в той или иной степени на этих двух подходах. Так, сохранение мощного государства и его институтов в КНР во многом сказалось на способности преодолеть с наименьшими издержками последствия пандемии в феврале-марте 2020 года. И, наоборот, либеральное государство и медицина, которые во многом имели антисоциальные черты, в развитых странах Запада повлекли крайне негативные последствия для преодоления пандемии.

Не случайно и то, что в процессе обсуждения Конституции России возникли вопросы, которые прямо связаны с проблемами национальной идентичности, суверенитета и национальными интересами. Появление этих вопросов в качестве приоритетных на политической повестке дня 2020 года свидетельствует об очень многом, в том числе об их игнорировании правящей российской элитой на протяжении длительного времени, а также о том, что западная тенденция глобализации, доминировавшая в российском правящем классе последние десятилетия, потеряла свою инерцию.

Значение и роль тех или иных вооружений и военной техники, как и стратегическое планирование в области создания и развития ВВСТ и ВС, как известно, опирается на анализ (оценку) и прогноз двух основных групп факторов:

— Во-первых, анализа развития наиболее вероятного сценария (сценариев) международной, военно-политической и стратегической обстановки, которые формируют внешние условия развития того или иного субъекта международных отношений. Очевидно, что если развитие МО и ВПО неблагоприятно, то возникают опасности и угрозы. Многое, естественно, зависит не только от точности анализа, но и субъективности оценки правящей элитой, которая (как, например, при М.С. Горбачеве и Б.Н. Ельцине может быть не адекватной).
— Во-вторых, такой выбор ВВСТ опирается на национальную стратегию, предполагающую наиболее эффективное с военной (экономической, научно-технической и иных точек зрения создание всего спектра вооружений и военной техники, что, в свою очередь, прямо связано с определением национальных интересов и распределением национальных ресурсов[678]. Причем не только военных, но и невоенных.

Таким образом, как внешнеполитические и военно-политические условия, так и национальные потребности (интересы) и возможности (в самом широком смысле — экономические, финансовые, демографические) влияют на выбор тех или иных систем и видов ВВСТ и способы их использования.

Интеграция всех этих многочисленных условий и факторов происходит в процессе военно-политического планирования и военного строительства, когда принимаются совершенно конкретные решения не только по производству отдельных видов и систем, но и подготовке соответствующих кадров, продолжению НИР и ОКР, модернизации и т. д. Причем эти решения относительно конкретных систем и

678 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2018.1496 с.

видов оружия определяются как военно-политическими задачами, стоящими перед страной и ее политикой, так и конкретными военно-техническими и военно-экономическими условиями их решения. Так, например, на ИЭМЗ «Купол» Концерна ВКО «Алмаз-Антей» производятся не только самые эффективные в мире ЗРК семейства «Тор» (втрое превышающие показатели зарубежных аналогичных систем), но и одновременно ведутся перспективные НИР по нескольким десяткам военных и гражданских направлений[679]. Этот пример вполне характерен для всех предприятий Концерна, что, кстати, вводит новую дополнительную составляющую в процесс принятия решений — развитие военных технологий и производств безусловно положительно сказывается на всей обрабатывающей промышленности страны и темпах ее технологического развития[680].

Этот выбор конкретных систем и видов ВВСТ — очень сложный процесс, когда ошибки имеют прямое последствие как для безопасности государства, так и его экономических и иных возможностей. Выбор, который делает высшее военно-политическое руководство в пользу того или иного вида ВС или систем нередко оказывается критическим для государства, но этот выбор приходится делать достаточно регулярно: развитие новых технологий, ВВСТ и способов их применения объективно предполагает периодическую переоценку, прежде всего, развития МО и ВПО и связанных с этим приоритетов военного строительства, которая, к сожалению, не всегда бывает адекватной объективным реалиям. Эта взаимосвязь «высшего» военно-политического уровня и развития конкретных систем и потребностей очень тонкая и не всегда совпадает по времени. Иногда создание тех или иных систем опаздывает (хотя бывает, что и опережает свое время). Диалектика создания таких систем характерна, например, для систем ПРО-ПВО. Так, завершение доводки системы С-350 «Витязь» потребовало несколько лет, но в результате получил-

679 *Листовский В.* Практика — главный критерий истины // Национальная оборона, 2019, № 7 (160), с. 63–64.

680 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции. В кн.: Промышленная политика: монография / кол. авторов; под ред. *А.С. Булатова*. М.: НОРУС, 2020, сс. 151–155.

ся комплекс, который практически идеально соответствует задачам уничтожения СВКН на дистанциях средней дальности, интегрируясь с эшелонированной системой ПВО-ПРО. Боевые возможности С-350 позволяют успешно поражать авиацию противника, отражать массированные удары крылатых ракет, частично решать задачи противоракетной обороны, прикрывать ЗРК большой дальности (С-400) и пр. Сам комплекс займет крайне важное место в создаваемой Россией многоуровневой системе ПВО страны. По озвученным на текущий момент планам, в 2021–2027 годах предполагается произвести 12 дивизионов ЗРК С-350 «Витязь», которыми будут укомплектованы пять зенитных ракетных полков. Впрочем, вполне возможно, что количество закупаемых С-350 будет увеличено. Первый дивизион этого ЗРК, полученный в конце 2019 года, в ближайшее время прибудет в пункт постоянной дислокации, в одно из соединений ПВО в Ленинградской области[681].

Есть все основания полагать, что в настоящее время мы находимся именно на новом этапе переоценки этих приоритетов. Собственно, этому и были посвящены совещания Президента РФ в последние месяцы 2019 года, посвященные разработке проекта новой Концепции обороны и гособоронзаказа. Это принципиальное замечание относится, прежде всего, к оценке политической и военной роли и значения средств воздушно-космического нападения и обороны СВКН[682] и ВВКО[683], объединенных в единый вид войск — ВКС — 1 августа 2015 года. То, что это произошло, уже говорит, что к 1 августа 2015 года такое решение вызрело[684], как, впро-

681 *Нерсисян Л.* Новый «Витязь» российской противовоздушной обороны // ИА «Регнум». 27.01.2020 / URL: https://regnum.ru/news/polit/2834544.html

682 **СВКН** — *зд.:* широкий спектр средств воздушно-космического нападения, которые принято подразделять на несколько групп по различным признакам: важности решаемых задач, боевому назначению, способу управления и способу полета и т. д.

683 **ВВКО** — войска воздушно-космической обороны — род войск, существовавший в 2011–2015 годы до создания 1 августа 2015 года отдельного вида войск Воздушно-космической обороны (ВКС).

684 Мне приятно осознавать, что подобную неизбежную эволюцию как сил и средств ВКО, так и их политического значения я описал в 2014 году в книге «Евразийская воздушно-космическая оборона». М.: МГИМО-Университет, 2014.

чем, и осознание глобального геополитического значения систем ПРО-ПВО для безопасности государств, эффективность которых, как показала современная история, стала синонимом уже не только безопасности, но и суверенитета государств.

Как уже говорилось выше, обе эти группы факторов — внешних и внутренних — в решающей степени влияют на приоритеты развития средств воздушно-космической обороны и нападения. ВКС за эти годы стали выполнять не только «чисто» военные, но и политико-дипломатические, экономические и даже научно-технические и технологические задачи. Пример действий российских ВКС в Сирии и использование систем ВКС в политических и экономических целях в отношениях с самым широким кругом государств — от Турции и Индии до Китая и США — показателен.

Каждый раз при принятии решений в области военного строительства приходится отвечать на вопросы об эффективности военно-технического ответа на военно-политические угрозы, с одной стороны, и возможности общества и экономики в конкретный период времени, с другой. Естественно, что изменения (особенно качественные, принципиальные) как в области ВПО, так и области возможностей государства, прямо и непосредственно отражаются на выборе тех или иных видов и систем ВВСТ. Именно такие радикальные изменения произошли во втором десятилетии XXI века.

Если говорить о первой группе факторов, то, действительно, новые международные реалии, прежде всего, резкое обострение международной и военно-политической обстановки во втором десятилетии XXI века, требует принципиально новых оценок и стратегий, эффективно отражающих радикальные изменения действительности в военно-политической области[685]. Прежде всего, с точки зрения политики США, как лидера западной военно-по-

685 Констатацию качественного ухудшения ВПО в мире, однако, не спешили признавать в России, где вплоть до 2015 года доминировала точка зрения о «благоприятных» внешних условиях. См., например: *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение к исследованию. М.: МГИМО-Университет, 2015. 169 с.

литической коалиции, направленной на реализацию политики «силового принуждения» остальных субъектов и акторов в мире: стоит говорить о радикальном ухудшении ВПО и СО для России, которое началось с конца первого десятилетия нового века и быстро развивается в опасном направлении, более того, уверенно прогнозируется на будущее. Такие переоценки были сделаны только в 2015 году.

Если же говорить о второй группе факторов (наиболее эффективном использовании национальных ресурсов и возможностей), то речь идет, как и прежде, о выборе средств и способов наиболее эффективных с точки зрения критерия «стоимость-эффективность» и обеспечения гарантий военной безопасности.

Можно признать, однако, что вплоть до начала второго десятилетия нового века, точнее, — до отставки бывшего министра обороны России А. Сердюкова — ни адекватной реакции на изменения в первой группе факторов, ни во второй группе не происходило. Конфликт в Южной Осетии, по сути, проиллюстрировал, что ВС России, как и в период КТО в Чеченской республике, оставались на военно-техническом уровне середины 80-х годов, т. е. не отражали ни реалий ВПО, ни новых военно-технических возможностей. Но если в 80-е годы Советская Армия по своему оснащению и опыту была лучшей армией в мире, то через 30 ее сознательной деградации она превратилась в устаревшую, плохо управляемую структуру, которая держалась на традициях и самоотверженности части личного состава.

К сожалению, если говорить о теоретических и методологических основах анализа военной политики и практики военного строительства, то во многом ситуация сохранилась и сегодня, а именно — определенное отставание в осознании новых закономерностей развития МО и ВПО, и военного искусства сохраняется[686].

686 В этой связи обращает на себя внимание работа бывших советников НГШ *И. Попова и М. Хамзатова* «Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли.» 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2019. 832 с.

3.2.б). Особенности современной стратегической обстановки и роль воздушно-космических сил

Государство гниет изнутри, а внешние враги
лишь заканчиваютего существование
Конфуций, философ

Главная особенность формирования современной ВПО по отношению к его основным субъектам — **разрушение основ государства, цивилизационной общности и ликвидация его идентичности.** Эта особенность характерна для политики Запада и других ЛЧЦ и их коалиций на все времена. Основные цели противоборства в мире — системы ценностей, институты развития человеческого капитала и общества, уничтожение которых неизбежно ведет к исчезновению самих субъектов МО — локальных цивилизаций, наций и государств. Как справедливо писал русский военный теоретик А.Е. Снесарев, «Раз есть государство, есть война как его орудие…. Говоря серьезно и всесторонне о войне, нельзя не углубиться в вопрос о государстве, исторический смысл первой объясняет исторический смысл второго...»[687].

Эта скрытая, основная особенность противоборства и формирования современной ВПО, «на поверхности» отношений между государствами и акторами, проявляется, прежде всего, в отношениях между субъектами и акторами МО, выражаясь в достаточно очевидных, даже известных, проявлениях, вполне характерных для развития международных отношений. Некоторые изменения этих особенностей, характерные для последних двух-трех десятилетий, не меняют их сути, однако имеют определенное практическое политическое значение для уточнения внешней политики и стратегии безопасности государств. Эти частные, современные, особенности нередко рассматриваются как принципиально новые, характерные только для XXI века. Они, однако, не должны заменять

687 *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2004, с. 189.

главную, антинациональную и антицивилизационную, и антигосударственную сущность процессов формирования МО и ВПО. Другими словами, частные особенности развития МО и ВПО не должны затенять их антинациональной сущности. Этот вывод имеет принципиальное значение потому, что многие политики и ученые (наверное, даже большинство) исходят из возможности развития неких идеальных моделей формирования МО и ВПО, в основе которых лежат нравственные, правовые и т. п. принципы. Эти пожелания, безусловно, усилились по мере развития глобализации и ее политической и научной апологетики.

В частности, в современном мире отчетливо проявились такие частные новые аспекты в политике безопасности западной военно-политической коалиции, а, кроме того, в целом в развитии ВПО, которые (не меняя главной, скрытой, сущности) влияют на ВПО. С точки зрения нашей работы они имеют определенное значение постольку-поскольку отражаются на **специфике** развития всех ВВСТ, прежде всего, средств и сил СВКН, что, на мой взгляд, выражено в следующих основных аспектах[688]:

Первое. Произошло резкое расширение всего спектра силовых (военных и невоенных) средств и мер силового принуждения в политике западной военно-политической коалиции даже по сравнению с политикой Запада в XX веке, которое в будущем ведет неизбежно к дальнейшему усилению значения этих силовых средств в их внешней политике. Расширение силового спектра, его эволюция (даже сознательная эскалация) в военно-силовой спектр политики силового принуждения требует, чтобы военная сила — средства (ВВСТ) и способы их применения — **должны изначально превосходить** по своей эффективности военную силу противника. Логика такова: эффективное невоенное силовое принуждение возможно только при условии эффективной военной угрозы. СВКН — идеальный род воск, совмещающих возможности гло-

688 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 1496 с.

бального использования, контроля над эскалацией и опережающего военно-технологического развития при эффективном использовании экономических и иных санкций.

Иными словами, дальнейшее сознательное обострение МО и ВПО неизбежно и в нем возрастающую роль будут играть силовые инструменты политики западной военно-политической коалиции — как военные, так и невоенные. Это — долгосрочная стратегия, опирающаяся на силовое давление и технологическое лидерство.

Соответственно политические иллюзии «договоренностей» с Западом, однако, сохраняются не только в политической, но и отчасти военной элите России. Сохраняется тенденция, сложившаяся в 80-е годы, неадекватности оценки международной обстановки, что отчасти можно объяснить тем, что в правящей элите страны сохранились позиции тех, кто всю жизнь занимался «умиротворением» Запада.

Кроме того, объективно говоря, осознание этих изменений, как и осознание качественных изменений в ВВСТ и военном искусстве в относительно мирных условиях всегда запаздывает[689].Запаздывает в России и сегодня, хотя, надо признать, уже не так катастрофично, как в предыдущий период. Как справедливо пишут И. Попов и М. Хамзатов, «За последние два с половиной десятилетия было много военных конфликтов, но... все это были нетипичные, нетрадиционные, «неправильные», «ненастоящие» войны... Они шли вразрез с положениями классической военной науки, и на этом основании глубокого, критического изучения, осмысления и внедрения их опыта в практику военного строительства не было»[690].

Проблема, однако, состоит в том, что за последние 30 лет военная и политическая наука в России была радикально ослаблена, а местами и просто уничтожена. Восстановить научные школы

689 *Попов И., Хамзатов М.* «Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли». 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2019, с. 15.
690 *Попов И., Хамзатов М.* «Война будущего: концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли». 3-е изд., испр. М.: Кучково поле, 2019, с. 31.

сложнее, чем построить даже самое современное здание. Для этого нужно не 333 дня, а, как минимум, 333 месяца.

Второе. Современное развитие ВПО в мире ведет к фактическому полному отказу от любых мер политического сотрудничества, исключая те, по которым такое «сотрудничество» либо откровенно выгодно США в одностороннем плане, либо где стороны пошли на очевидные уступки США. Сказанное относится в полной мере не только ко всему процессу переговоров по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности, но и к другим областям принципиального сотрудничества — экономике, культуре, информатике и т. д., даже спорту. США и их союзники не скрывают, что в любой области они будут проводить политику «силового принуждения», которая в итоге должна вести к поэтапному отказу от суверенитета и замене правящей элиты на послушную социальную группу по сути преступников, правивших в России в 90-е годы.

И здесь наиболее важное значение имеет сохранение возможностей ВКС как для политического и военного применения. Системы ПРО-ПВО, а в более широком контексте ВКС, обеспечивают не просто суверенитет, но и возможности для политического маневра. Так, само наличие С-400 в Сирии и Турции ограничивает возможности применения Западом военной силы не только в этих странах, но и во всем регионе Восточного Средиземноморья.

«Сотрудничество» в современном понимании США и их союзников означает фактически политическую капитуляцию, в том числе и в области военно-технического соперничества. Поэтому рассчитывать на равную безопасность и равноправие изначально нельзя. России навязывается жесткое технологическое, военно-техническое соперничество, проигрыш в котором означает политическую капитуляцию: надеяться в таком соперничестве можно исключительно на собственный научно-технический и человеческий потенциал — единственный ресурс нации и государства. Это, к сожалению, поняли с опозданием, связав с политикой «импортозамещения». На самом деле проблема шире — самые современные военные технологии способны обеспечить не только сохранение

военно-технологического равенства с Западом, но и дать возможность «технологических прорывов», как это было в 50-е и 60-е годы с программами ракетостроения и ядерного оружия. Сегодня эти направления сконцентрированы, прежде всего, в области ВКС, объединяющей сотни наиболее современных технологий.

Более того, отставание в технологических областях немедленно будет реализовано в военно-политической области в качестве невоенного средства политики «силового принуждения», как это было в годы ядерной монополии США, т. е. угроз и шантажа. Причем немедленно. С политической точки зрения доминирование США в средствах ВКС (нападения и обороны) означает практическую победу, когда результат получается без прямого использования военной силы. Так, гипотетическое превосходство в средствах нападения (ВТО, КР, СНВ и пр. системах и видах ВВСТ), совмещенных с потенциалом управления и эшелонированной ПРО в единую систему, означает, что другая сторона может фактически диктовать условия капитуляции — политические, военные, иные — без начала военных действий.

Более того, возможности воздушно-космического нападения уже не сводятся к потенциалам СНВ и ПРО. Они во многом обеспечиваются возможностями неядерного ВТО, размещенным на всех типах КР и аэробаллистических ракет, оснащенных не ядерными боеприпасами. Это значительно расширяет политические возможности силового применения не ядерных вооружений как в отношении России, так и других стран. В настоящее время фактически против России размещено более 2500 КР разных типов базирования, прежде всего на подводных лодках и надводных судах, чья дальность перекрывает всю территорию страны. Этот потенциал будет увеличен в ближайшие годы за счет дополнительного развертывания КРМБ и ракет средней дальности и тактических боеприпасов в Европе и других регионах. Реальную защиту от него (уже на стадии политической) может обеспечить только эшелонированная система эффективных средств ПВО-ПРО.

Третье. Расширению спектра военно-технических средств за счет ускорения технологической гонки вооружений, становится в

очередной раз наиболее приоритетной областью в американской (и западной в целом) политике[691]. Речь идет о всем спектре военных средств — от стратегических ядерных вооружений и средств ПВО-ПРО до боевых роботов (космических, воздушных, морских). Новые ВВСТ, создаваемые во втором и третьем десятилетии, основаны на технологических прорывах, которые, в свою очередь, гарантируют сохранение военно-технологического превосходства. Так, например, создание флота роботизированных ВВСТ на суше, море и в воздухе обеспечивает потенциал нападения сопоставимый с потенциалом СНВ, который уже не может быть компенсирован ядерным оружием. Поэтому 100% замена российских СНВ к 2024 году отнюдь не гарантирует безопасность, как это было прежде и пока что сохраняется сегодня. Средства ВТО радикально меняют весь состав ВС. Причем не только на суше и в воздухе, но и на море. Яркий пример: ВМС США отказываются от модернизации 6 крейсеров («Тикондерлога») и выводят из эксплуатации авианосец («Гарри Трумэн»), экономя до 30 млрд. долл., но одновременно инвестируют почти 3 млрд. долл. в строительство 10 безэкипажных кораблей-роботов[692].

По мнению ряда специалистов, не смотря на увеличение возможностей ПВО-ПРО России в последнее десятилетие, они не гарантируют в настоящее время эффективной защиты. На примере системы ПВО-ПРО ДВО это состояние иллюстрируется следующим образом: «С помощью несложных вычислений можно подсчитать количество пусковых установок зенитных ракет, несущих боевое дежурство в Дальневосточном военном округе. При условии полной технической исправности в 13 зрдн на позициях может иметься до 416 готовых к применению ЗУР с зоной поражения 90–250 км (без учета двух зрдн С-300В4 1724-го зрп, находящегося в процессе перевооружения), которые можно использовать для отражения

691 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции. В кн.: Промышленная политика: монография / кол. авт. под ред. А.С. Булатова. Москва. КНОРУС, 2020. 496 с. (С. 151–176).
692 *Мозговой А.* Для чего США создают «призрачный флот»? // Национальная оборона, 2019, № 5, с. 86–89.

первого массированного налета. С учетом того, что на одну воздушную цель обычно наводится две ЗУР, в идеальных условиях, при отсутствии огневого противодействия в виде нанесения по пусковым позициям ударов противорадиолокационными и крылатыми ракетами с автономной системой наведения и в простой помеховой обстановке, с вероятностью поражения около 0,9 может быть обстреляно примерно 200 целей[693], — пишет весной 2020 года С. Линник. И далее: «На востоке России мы сейчас имеем 13–15 ЗРК средней и большой дальности и менее сотни истребителей. По сравнению с 1991 годом зенитных ракетных комплексов, несущих постоянное боевое дежурство в регионе, стало меньше в 4,6 раза, а число истребителей сократилось более чем в 3 раза (на самом деле больше, так как мы учитывали только перехватчики ПВО СССР без фронтовых истребителей). Справедливости ради надо сказать, что имеющиеся ЗРС С-300ПС, С-300В4 и С-400 даже при втрое меньшей численности теоретически способны одновременно обстрелять больше воздушных целей, чем снятые с вооружения комплексы первого поколения. Однако, заявления наших высокопоставленных военных и гражданских чиновников о том, что новые зенитные системы благодаря большему числу каналов наведения и увеличенной дальности стрельбы имеют эффективность, большую в 10 и более раз, являются лукавством. Не стоит забывать, что средства воздушного нападения вероятных «партнеров» тоже сильно шагнули вперед. Крылатые ракеты с дальностью пуска, превышающей зону поражения ЗРС С-400, входят в боекомплект не только дальних бомбардировщиков, но и самолетов тактической и палубной авиации. Кроме того, физически невозможно уничтожить единственной зенитной ракетой с обычной боевой частью более одной воздушной цели. Учитывая огромные размеры наших дальневосточных территорий, крайнюю неразвитость наземных коммуникаций и наличие серьезных угроз со стороны США, Японии и Китая, группировка

693 *Линник С.* Зенитные ракетные системы С-400 и зенитные ракетные комплексы С-350: с прицелом в будущее // Военное обозрение. 27.03.2020 / https://topwar.ru/169425-zenitnaja-raketnaja-sistemy-s-400-i-zenitnyj-raketnyj-kompleks-s-350-s-pricelom-v-buduschee.html

наземной ПВО на Дальнем Востоке совершенно неадекватна и требует многократного усиления»[694].

Что касается общего состояния нашей объектовой ПВО, то оно далеко не идеально. Хорошо прикрыты от ударов с воздуха Москва и отчасти Санкт-Петербург, на остальной части территории нашей страны имеется очаговая ПВО. Многие стратегически важные объекты, такие, как АЭС, ГЭС, крупные промышленно-административные центры и даже районы развертывания стратегических ракетных дивизий, вообще не защищены от средств воздушного нападения.

Согласно информации, опубликованной в открытых источниках, в наших вооруженных силах с учетов ВКС и ПВО СВ имеется не более 130 дивизионов, оснащенных ЗРС С-300ПС/ПМ1/ПМ2, С-300В/В4, С-400, ЗРК «Бук-М1/М2/М3». На первый взгляд, это очень значительное количество, позволяющее говорить о нашем подавляющем превосходстве над США и НАТО в области ПВО. Впрочем, в ближайшие несколько лет ЗРС С-300ПС и ЗРК «Бук-М1», построенные в СССР, будут неизбежно списаны по причине полной выработки ресурса и отсутствия кондиционных зенитных ракет. Также не следует забывать, что значительная часть территории нашей страны находится в зоне досягаемости американской тактической и палубной боевой авиации, а на Дальнем Востоке наш миролюбивый «стратегический партнер» имеет многократное военное превосходство.

С учетом того, что в войска ПВО РФ в период с 1994 по 2007 год не было поставлено ни одного нового зенитного ракетного комплекса большой дальности, можно сказать, что сейчас ситуация начала понемногу исправляться. Помимо средств огневого поражения, войска ПВО получают новые радиолокаторы, современные средства связи, управления и радиоэлектронной борьбы. Однако в настоящее время поставки новой техники и вооружения лишь

694 *Линник С.* Зенитные ракетные системы С-400 и зенитные ракетные комплексы С-350: с прицелом в будущее // Военное обозрение. 27.03.2020 / URL: https://topwar.ru/169425-zenitnaja-raketnaja-sistemy-s-400-i-zenitnyj-raketnyj-kompleks-s-350-s-pricelom-v-buduschee.html

заменяют в строевых частях то, что приходится списывать ввиду крайнего физического износа и безнадежного устаревания[695]. Для повышения боевого потенциала и увеличения численности зенитных ракетных систем, охраняющих неприкосновенность наших воздушных границ, требуется выделение дополнительных финансовых ресурсов. Главными аргументами противников совершенствования наземной противовоздушной обороны является ее высокая стоимость и неспособность самостоятельно обеспечить победу в вооруженном конфликте, поскольку роль ПВО оборонительная. Но в то же время боевые действия в Югославии, Ираке и Ливии демонстрирует, что слабая наземная ПВО — это абсолютная гарантия быстрого и полного поражения в войне»[696].

Четвертое. Именно так и в такой последовательности — от политических приоритетов до создания новых ВВСТ — происходила оценка правящими кругами США состояния МО-ВПО-СО и значения стратегических наступательных и оборонительных вооружений в соответствующих документах, разработанных и принятых администрацией Д. Трампа: Стратегии национальной безопасности (СНБ, 2017 г.), Национальной военной стратегии (НВС, 2018 г.), Обзоре ядерной стратегии (ОЯС, 2018 г.) и Обзоре стратегии ПРО (ОПРО, 2019 г.)[697].

Ни администрации Белого дома, ни ОКНШ ВС США не откажешь в логике, отсутствии противоречий и последовательности. Как, впрочем, и ранее, дедукция развития стратегической мысли шла по известному алгоритму — продвижение американской

695 *Линник С.* Зенитные ракетные системы С-400 и зенитные ракетные комплексы С-350: с прицелом в будущее // Военное обозрение. 27.03.2020 / URL: https://topwar.ru/169425-zenitnaja-raketnaja-sistemy-s-400-i-zenitnyj-raketnyj-kompleks-s-350-s-pricelom-v-buduschee.html

696 *Линник С.* Зенитные ракетные системы С-400 и зенитные ракетные комплексы С-350: с прицелом в будущее // Военное обозрение. 27.03.2020 / URL: https://topwar.ru/169425-zenitnaja-raketnaja-sistemy-s-400-i-zenitnyj-raketnyj-kompleks-s-350-s-pricelom-v-buduschee.html

697 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.). Часть I // Научно-аналитический журнал «Обозреватель». 2019, № 4, с. 5–27.

системы ценностей и интересов в мире возможно, необходимо и неизбежно при условии сохранения военно-технического превосходства США и укрепления коалиции с союзниками (последний принцип при Д. Трампе трансформировался в принцип переформатирования военно-политической коалиции на условиях США посредством двусторонних переговоров).

О развитии подобной логики неоднократно заявляли высшие политические и военные руководители России в последние годы, включая, например, развернутые обоснования и анализы, сделанные в 2014–2019 годах начальником Генерального штаба ВС РФ В.М. Герасимовым, публично на целом ряде конференций и совещаний, включая ежегодные собрания Академии военных наук России. При этом точный и наиболее адекватный прогноз развития военно-политической обстановки[698] лежит в основе всего процесса внешнеполитического и военно-политического планирования и военного строительства, который имеет прямые и огромные последствия для планов социально-экономического развития России и состояния ее безопасности[699].

Прежде всего, речь идет о влиянии негативного развития ВПО на ускорение темпов социально-экономического и промышленного развития России, которые за последние три десятилетия существенно отставали от темпов развития ведущих государств мира, и непосредственно отразились на уровне и качестве жизни граждан, национальном человеческом капитале (НЧК, включая его демографическую составляющую), качестве экономики, науки, образования и технологий[700]. Именно эти качественные

698 См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Издательский дом «Граница», 2018. 512 с.

699 Этим вопросам, в частности, были посвящены ряд работ автора в 2014–2018 годах, например: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2018. 1599 с.

700 Тема отставания России по уровню развития НЧК неоднократно освещалась мною в самых разных работах. Наиболее подробно: *Подберезкин А.И.* Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2011–2013 гг. Т. 1–3

характеристики НЧК и экономики в настоящее время определяют реальные возможности эффективной защиты интересов военной безопасности России в мире, а также непосредственно отражается на эффективности стратегии национальной безопасности страны[701].

В эпицентре внимания военно-научной общественности России в этой связи оказались не только новые военно-технические, но и новые военно-политические последствия и особенности использования средств воздушно-космического нападения и защиты, которые превратились в решающий политико-дипломатический и военно-силовой инструмент государств, определяющий, по сути дела, степень их суверенитета и способности защитить национальные интересы. Так, не осталось не замеченным замечание бывшего посла США, который очень образно этот феномен охарактеризовал в апреле 2019 года, заявив, что «каждый авианосец, развернутый в Средиземном море (в апреле 2019 года — две авианосные группы в Средиземном море), представляет собой «сто тысяч тонн международной дипломатии[702]».

В этой связи предлагается внимательно рассмотреть еще раз значение ВКС и самые общие военно-политические последствия развития воздушно-космических наступательных и оборонительных ВС и ВВСТ для международной безопасности[703]. При этом важно отметить, что наступательные и оборонительные ВКС представляют собой единое целое, систему, единый, наступательно-оборонительный комплекс. Не случайно изначально существовала прямая и тесная взаимосвязь между СНВ и системами ПРО, которая была разорвана США (СССР согласился вынужденно и безосновательно в 1990 году). Эта взаимосвязь естественно и органично

701 Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / *А.И. Подберезкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др*. М.: МГИМО-Университет, 2019. 656 с.

702 *Хантсман Дж*. Посол США угрожает России американскими АУГ // Военное обозрение. 24.04.2019 / www.Topwar.ru (Дата обращения 24.04.2019).

703 В 2013 году на этот аспект военной безопасности я обратил внимание в специальной работе. См.: *Подберезкин А.И*. Евразийская ВКО. М.: МГИМО-Университет, 2013. 465 с.

оформилась в создании ВКС. В еще большей степени она окрепла после развития систем ПРО, которые способны наносить удары по поверхности Земли.

В будущем неизбежно космический эшелон ПРО станет частью ударных космических вооружений. «США могут использовать космические средства противоракетной обороны для нанесения ударов по объектам России и Китая, а также любой другой страны мира», — заявил первый заместитель начальника Главного оперативного управления Генштаба ВС РФ генерал-лейтенант Виктор Познихир на VIII Московской конференции по международной безопасности. «Как и в случае с установками Мк-41 (размещаемые США в Европе системы ПРО, которые способны осуществлять пуски крылатых ракет типа Tomahawk — ред.), не исключается возможность использования космических средств для нанесения превентивного удара по объектам России и Китая. А с учетом глобальности функционирования космических средств такой удар может наноситься по объектам любого государства»[704], — заявил Познихир.

Можно предположить, что на период до 2030 года наземный эшелон будет основным в американской системе ПРО. К этому моменту суммарное количество перехватчиков на противоракетах разного типа может составить порядка 1000 единиц.

Динамика развития ПРО США, вероятно, будет такой: «после 2030 года начнется развертывание орбитальной группировки, которое продлится около пяти лет, в результате чего на орбите появится 4000–5000 спутников-перехватчиков. Если система будет признана работоспособной, эффективной и экономически адекватной, то ее развертывание будет продолжено до 10000 и более спутников перехватчиков. Появление орбитального лазерного оружия, способного обеспечить решение задач ПРО, можно ожидать не ранее 2040 года, поскольку это не просто спутник-перехватчик весом 15–150 килограммов, а полноценная орбитальная платформа со сложнейшим оборудованием, на отработку которого может уйти несколь-

704 ИТАР-ТАСС. 24.04.2019.

ко десятилетий. Таким образом, в период до 2030 года можно ожидать появление у ПРО США возможностей по перехвату порядка 300 боеголовок и ложных целей, к 2040 году эта цифра может вырасти на порядок — до 3000–4000 боеголовок и ложных целей, а после появления орбитального лазерного оружия, способного «отфильтровать» легкие ложные цели, ПРО США предположительно будет способна перехватить порядка 3000–4000 боеголовок и тяжелых ложных целей, и порядка ста тысяч легких ложных целей»[705].

Насколько эти прогнозы станут реальностью, во многом зависит от политического курса текущего и будущего руководства США. Как мы поняли из заявлений бывшего президента США Дональда Трампа, США «не будут ограничивать себя в разработке противоракетной обороны против стран, которые не признают международные нормы». Для КНР создаваемая ПРО будет избыточна уже к 2035–2040 годам. Остается только Россия. Каких-либо фундаментальных технических преград на пути создания вышеперечисленных элементов системы ПРО нет. Технически наиболее сложным является создание орбитального лазерного оружия, но с учетом текущего состояния работ в США по лазерному оружию к 2040 году поставленные задачи вполне могут быть решены. Что касается развертывания тысяч спутников-перехватчиков, то косвенно о возможности реализации этого сегмента ПРО можно будет судить по тому, как будут реализованы планы коммерческих компаний по созданию новейших многоразовых ракет и развертыванию глобальных спутниковых сетей. В начале работ по программе СОИ заместитель министра обороны по научным и инженерным разработкам Ричард Делойер заявлял, что в условиях ничем не ограниченного наращивания советских ядерных боезарядов любая противоракетная система будет неработоспособной. Проблема в том, что сейчас наша ядерная триада в изрядной степени «зажата» договором об ограничении стратегических ядерных

705 *Митрофанов А.* Закат ядерной триады. ПРО США после 2030 года: перехватить тысячи боеголовок // Военное обозрение. 11.02. 2020 / https://topwar.ru/167689-zakat-jadernoj-triady-pro-ssha-posle–2030-goda-perehvatit-tysjachi-boegolovok.html

вооружений СНВ-3, который должен прекратить свое действие 5 февраля 2021 года. Какой договор придет ему на смену, и придет ли вообще, пока неизвестно[706].

3.2.в). Перспективы развития военно-политической обстановки в мире: значение воздушно-космических сил

Основными военными опасностями… являются:
а) наращивание потенциальным противником … сил общего назначения, в составе которых находятся средства доставки ядерного оружия;
б) развертывание государствами… систем и средств противоракетной обороны, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотных летательных аппаратов, оружия направленной энергии[707]
В.В. Путин

Выбор тех или иных приоритетов в направлениях военно-технического и научного развития страны имеет свой достаточно строгий алгоритм решений и последовательность, от точного выполнения которого зависит как собственно военная безопасность и способность государства использовать военно-силовые инструменты политики, так и эффективность расходования национальных ресурсов, а, в конечном счете, и боевая эффективность ВС и ВВСТ страны. Эта последовательность помогает избежать крупных ошибок в области военного строительства, имеющих радикальное значение для самого существования государства.

706 *Митрофанов А.* Закат ядерной триады. ПРО США после 2030 года: перехватить тысячи боеголовок // Военное обозрение. 11.02. 2020 / https://topwar.ru/167689-zakat-jadernoj-triady-pro-ssha-posle–2030-goda-perehvatit-tysjachi-boegolovok.html
707 *Путин В.В.* Указ № 355 от 2 июня 2020 года «Об основах государственной политики в области ядерного сдерживания».

Коротко повторю его основные этапы. Изначально важна максимально адекватная оценка, анализ и прогноз развития ВПО в мире, которые являются самым первым шагом в военно-политическом планировании[708]. Эти политические оценки должны базироваться на точном научном анализе и достоверной информации, которые учитывают многие сотни, даже тысячи факторов, формирующих ВПО. При этом необходимо избежать как давления личных и групповых интересов, так и политических и идеологических спекуляций. Не секрет, что в современной России нередко оценки ВПО в мире делались необоснованно благостными, не отражающими реалий. Часть правящей элиты и сегодня недооценивает опасности развития современной ВПО, более того, в СМИ и на университетских кафедрах сознательно продвигает эти оценки.

Следующий шаг за анализом и прогнозом развития того или иного сценария ВПО в мире и в регионах последовательно идут такие принципиальные шаги, как уточнение национальных внешнеполитических и военно-политических интересов, в основе которых находится базовая система ценностей, и формирующихся на их основе система внешнеполитических целей. Этот этап имеет важнейшее значение потому, что от него зависят, по сути, будущие политические и военные цели и стратегия их достижения. Как откровенно признал Д. Трамп, формулируя основы американской политики в Стратегии национальной безопасности США, «Мы руководствуемся нашими ценностями и направляемся нашими интересами»[709].

К сожалению, и в этой области у нас далеко не все благополучно. Поправки в Конституцию — только часть той напряженной борьбы за сохранение национальной идентичности и государственного суверенитета, которую мы далеко не всегда ведем успешно.

Следующий этап — распределение национальных ресурсов в целях максимально эффективного достижения целей безопасности

708 Подобный алгоритм в очередной раз был подтвержден в результате комплексного НИР, проведенного несколькими организациями. См. подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Граница, 2018, 512 с.

709 *Trump D.* The National Security Strategy. Wash., 2017, Dec. 55 p.

и развития, уточнения наиболее эффективных средств и способов их достижения. Во многом этот этап зависит от предыдущего этапа, в частности, готовности выделить значительную часть ресурсов в интересах безопасности. И в этой области мы трудно избавляемся от ложных идеологем, навязанных нам в прошлом западниками-либералами в период правления Горбачева и Ельцина. В частности, от утверждения о том, что «ОПК развалил экономику СССР», хотя фактическое уничтожение ОПК в 90-е годы отнюдь не способствовало экономическому росту в те годы в России[710].

Последние этапы — программы военного строительства и определения перспективных НИОКР имеют исключительно важное значение потому, что от их реализации зависит реальная способность государства и его ВС добиться поставленных военно-политических целей. Но решение о разработке и реализации таких программ принимается только после того, как качественно будут пройдены все предыдущие этапы. К сожалению, не всегда политические оценки в силу своей субъективности могут точно отражать реалии ВПО, что, как правило, крайне негативно сказывается на эффективности военной политики.

Этот алгоритм военно-политического планирования, подчеркну, начинается с анализа и прогноза будущей ВПО в мире, от которого, прежде всего, зависит будущая военная политика страны и выбор приоритетов военного строительства. Если ваши оценки ВПО, как при М. Горбачеве и Б. Ельцине, наивно-нереалистичны, то и ваша военная политика, и программы военного строительства будут такими же нереалистичными и даже преступными, даже если собственно военные и технологические решения будут соответствовать мировым реалиям. Они просто-напросто не будут реализованы, либо, — как при этих двух лидерах, уничтожены, — либо, что еще хуже, переданы потенциальному противнику. Так, в результате подобных оценок в 90-е годы была практически

710 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции / В кн.: Промышленная политика: монография: под ред. *А.С. Булатова*. Москва: КНОРУС, 2020, сс. 151–176.

уничтожена промышленность РСФСР, а ее оставшийся ОПК сокращен до 10–15% от советского уровня, многие НИОКР разворованы, предприятия незаконно приватизированы[711] или переданы потенциальным противникам и конкурентам. Эти шаги были прямым следствием оценки ВПО как «благоприятная», более того, вплоть до 2014 года такие оценки звучали как «исключительно благоприятная»[712].

Изменение состояния МО и ВПО в мире, прежде всего, по отношению к России, отразилось и на адекватности оценок правящей элиты страны. Но, прежде чем перейти к анализу отдельных аспектов военной безопасности, необходимо коротко дать самую общую характеристику МО и ВПО и политики США, как главного противника России — в данном случае, прежде всего, применительно к роли воздушно-космических сил — ВКС[713] и входящих в них войск ПВО-ПРО, где они обладают мировым лидерством.

Такая самая общая характеристика дается в наиболее важном нормативном документе, лежащем в основе стратегического планирования в России, — Стратегии национальной безопасности, где, в частности, на мой взгляд, «очень дипломатично» говорится: «В международных отношениях не снижается роль фактора военной силы. Стремление к наращиванию и модернизации наступательного вооружения, созданию и развертыванию его новых видов ослабляет систему глобальной безопасности, а также систему договоров и соглашений в области контроля над вооружениями

711 По итогам специального НИР было подготовлено заключение Счетной палаты по результатам приватизации в России, которое в форме книги первоначально было опубликовано в 2005 году. См.: *Мунтян М.А., Подберезкин А.И., Стреляев С.П.* Приватизация и приватизаторы (теория и практика российской приватизации). М.: Воскресенье, 200, 308 с.

712 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019, сс. 396-417.

713 **ВКС** — *зд.:* воздушно-космические силы, вид войск, объединяющий несколько родов войск, а в целом все военные возможности страны в области наступательных и оборонительных воздушно-космических сил и вооружений. Организационно ВКС ВС России включают в себя три рода войск (сил): Военно-воздушные силы; Войска ПВО-ПРО; Космические войска.

… не соблюдаются принципы равной и неделимой безопасности..., развиваются процессы милитаризации и гонки вооружений»[714].

После публикации этой редакции Стратегии прошло 5 лет и характеристика ВПО существенно ухудшилась, что пока что не нашло своего отражения в нормативных документах, хотя, например, формулировка «не снижается роль фактора военной силы» категорически устарела — современная политика западной военно-политической коалиции — политика «силового принуждения» предполагающая эскалацию военно-силового давления на всех участников формирования ВПО в мире, а «система глобальной безопасности «не ослабляется», а практически уничтожена, также, впрочем как и «система договоров и соглашений в области контроля над вооружениями», в которой последний договор СНВ доживает последние недели. Иными словами, оценки ВПО конца 2015 года существенно устарели и *не отражают современных реалий*.

Важность адекватных оценок ВПО имеет огромное значение для военного строительства. Само по себе развитие тех или иных ВВСТ и ВС имеет значение и последствия только в более широком и опасном контексте развития ВПО, а иногда и СО[715]. Как известно, пушки (и ракеты) сами по себе не стреляют — для этого нужна политическая воля и военный приказ. В этом суть примата политики над военной стратегией, споры о которой ведутся столетиями. Поэтому принципиально важно дать очень точную качественную и адекватную оценку МО и ВПО в настоящее время и перспективе, которая будет основой для принятия военно-политических решений. Такая оценка, например, была дана в СССР накануне Второй мировой войны как ее «неизбежность».

Другой аспект — взаимосвязь общего экономического и технологического развития и военных возможностей (государственной и национальной мощи и ее производной — мощи военной), а по большому счету точность оценки тех или иных возможно-

714 *Путин В.В.* Указ № 683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (Ст. 14).

715 В работе широко использованы материалы, представленные аппаратом Главного конструктора Концерна ВКО «Алмаз-Антей».

стей государств и коалиций, которая зависит даже не только от полноты данных, но и отношения к ним, субъективных представлений.

Как известно, сегодня влияние на развитие вооружений, техники и военного искусства со стороны политики, экономики, общего развития науки, техники, образования и культуры настолько сильно, что можно говорить о том, что военно-технические последствия развития военной мощи (качество и количество вооружений и военной техники) являются *прямым следствием и продолжением развития социально-экономического и научно-технического потенциала страны. В том числе и прежде всего наукоемкого, высокотехнологичного.* В этой связи, уместно напомнить, что в настоящее время на США приходится более 40% общемировых расходов на науку. Столько же составила их доля в производстве наукоемкой продукции. Еще 30% (18% стран ЕС и 12% Японии) — союзников по блоку[716].

С другой стороны, существует много иных факторов формирования государственной и военной мощи, а, главное**, представлений о них** как у друзей, так и противников. История человечества знает немало примеров как недооценки, так и переоценки мощи противника. Классический пример — гитлеровская Германия, которая накануне 1941 года не смогла адекватно оценить ни возможности танковой, ни авиационной, ни артиллерийских отраслей промышленности СССР. Более того, уже после 1945 года в США не смогли даже приблизительно оценить возможности советского авиастроения, ракетной отрасли и атомной промышленности.

Для России при оценке ВПО в мире, своих и чужих возможностей важно максимально объективно подойти к решению этого вопроса потому, что от него зависит во многом выбор приоритета не только в политике, но и в военном строительстве. В настоящее время существуют подобные расхождения в субъективных оценках возможностей, которые иногда расходятся не

716 Исследовательские университеты США: механизмы интеграции науки и образования / под ред. проф. *В.Б. Супяна*. М.: Магистр, 2009, сс. 18–19.

на 30-50%, а на сотни процентов при всех существующих возможностях по сбору и обработке статистических данных и информации. Как видно из книги «Мощь и влияние в глобальном мире», ведущие субъекты МО могут быть как переоценены, так и недооценены относительно их реальных возможностей. Так, в таблице, приведенной ниже, в первой колонке приводятся первые 10 стран, которые сравниваются по «ожидаемой силе влияния», «реальному влиянию» в политике и «отношения второго к первому», из чего, например, видно, что многие из этих стран «переоценены».

Другая колонка напротив, посвящена соотношению «недооцененных стран, из которой видно наглядно, насколько реальная мощь этих государств превышает представление об их влиянии в мире.

Другими словами, выбор приоритетов в военном строительстве не должен зависеть:

— от неточных, политизированных и субъективных оценок ВПО и позиции тех или иных представителей правящей элиты;
— от чужих (не национальных) представлений о системе ценностей и приоритетах политики;
— от игнорирования потребностей национальной безопасности в угоду любым политическим и идеологическим предпочтениям;
— от абсолютизации тех или иных критериев.

Подобный подход, в частности, противоречит идее, которая всячески продвигается со времен М. Горбачева, что чем больше внешних связей в мире, тем сильнее влияние государства. На самом деле мы на практике убедились в том, что важно не само по себе существование этих связей, а их качество для нашего государства. Так, в последние тридцать лет многие зарубежные связи резко отрицательно сказывались на нашем благополучии и безопасности, а пресловутый «международный авторитет» часто наносил нам только ущерб. Известному западному исследователю Дж. Мойеру удалось создать уникальную количественную методику выявления зон

Таблица 11. Мощь и влияние государств в глобальном мире[717] (Comparing the sum of FBIC and GPI: Which countries punch above and below their weight)

Largest Overperformers					Largest Underperformers				
Rank	Country	Expected Share of Influence	Actual Share of Influence	Relative Overperformance	Rank	Country	Expected Share of Influence	Actual Share of Influence	Relative Underformance
1	Germany	2.5%	8.6%	238%	148	Japan	2.8%	1.9%	-32%
2	France	2.4%	6.9%	186%	147	Iran	0.7%	0.1%	-83%
3	United States	7.2%	11.2%	57%	146	Indonesia	0.8%	0.4%	-52%
4	Italy	1.5%	4.9%	236%	145	Saudi Arabia	1.2%	0.8%	-32%
5	Netherlands	1.1%	4.2%	296%	144	Pakistan	0.4%	0.1%	-81%
6	Spain	1.0%	3.4%	246%	143	Algeria	0.4%	1.0%	-79%
7	United Kingdom	2.1%	4.5%	110%	142	Brazil	1.5%	1.1%	-22%
8	Belgium	0.7%	2.4%	260%	141	Iraq	0.4%	0.1%	-76%
9	Sweden	0.7%	1.8%	149%	140	Angola	0.3%	0.1%	-76%
10	China	1.1%	6.0%	22%	139	Philippines	0.3%	0.1%	-64%

Table shows the ten countries that punch most above and below their weight. The countries that do best on this measure are European and (if only slightly) the United States.
The country that most underperforms is Japan, punching below its weight by the total sum of influence of a middle-sized country. Brazil, China, and India each also do slightly worse on these measures than one would expect based on their material capabilities.

влияния великих держав[718] посредством исследования всех существующих пар двусторонних отношении между странами с применением методологии сетевого анализа[719]. В контексте теории комплексной взаимозависимости создатели индекса считают, что чем

717 Power and Influence in the Globalized World. Atlantic Council, 2018, p. 9.
718 Power and Influence in the Globalized World. Atlantic Council, 2018, p. 18.
719 *Дегтерев Д.А.* Сетевой анализ международных отношений // Вестник СПбГУ. Серия 6. Политология. Международные отношения. 2015, № 4, с. 119–138.

больше объем связей между странами («пропускная способность»), тем больше возможностей появляется у более сильной страны (занимающее более высокое место в международной иерархии) влиять на более слабую (см. табл.12).

Применительно к роли ВКС это означает, что экспорт уникальных систем ПВО-ПРО превращается в сильнейшее политическое средство влияния России, которое в еще большей степени усиливается по мере обострения ВПО. Именно поэтому необходим «дедуктивный» подход применительно не только к приоритетам военного

Таблица 12. Структура Индекса зарубежного двустороннего влияния

Сфера / Группа показателей	Экономика	Безопасность	Политика
Оценка «пропускной способности»	Объем взаимной торговли	Взаимные поставки оружия	Уровень дипломатического представительства
	Заключенные торговые соглашения	Участие в военных союзах	Совместное членство в международных организациях
Оценка зависимости	Доля взаимной торговли в общей торговле, в %	Доля поставок вооружений от общего объема импорта вооружений, в %	
	Внешнеторговая квота, % от ВВП	Доля поставок вооружений, в % от военных расходов	
	Доля двусторонней помощи в общем объеме помощи, в %		
	Доля помощи от ВВП, в %		

строительства в целом, но и к проблеме определения современной роли и значения ВКС: нужно максимально адекватно оценить состояние и прогноз развития современной международной обстановки и вычленение наиболее вероятных сценариев ее развития, которые я попытался отобразить на рисунке ниже. Из него видно, что исключительно важная роль ВКС в настоящем и будущем вытекает непосредственно из доминирующего сценария развития МО и ВПО в мире.

За основу принят нынешний, негативный сценарий развития МО, который, на мой взгляд, может развиваться с вероятностью в 85% как сценарий № 3 «Военно-силового противоборства»[720]. Я специально не рассматриваю другие возможные сценарии, в т. ч. оптимистические, в силу разных причин. В данном случае мой выбор — оценка реалий и перспектив, которая базируется на многочисленных предыдущих оценках и анализах, сделанных в последние 6 лет, начиная с 2014 года[721]. Эта оценка неоднократно подтверждалась за последние несколько лет, допуская незначительные и не принципиальные коррективы. В частности, вероятность развития МО по сценарию № 3 за эти 5 лет последовательно увеличилась с 50% в 2014 году[722] до 75% в 2017 и 80% в 2018. За последние полгода эта вероятность выросла еще больше, достигнув практически степени неизбежности[723].

720 Этот сценарий МО конкретизируется в одном из своих вариантов — «Эскалации развития военно-силового противоборства», реализуемом в 2014–2020 годы. Он не рассматривается в данном разделе. См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России в XXI веке: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2019, 808 с.

721 См., например: *Подберезкин А.И., Харкевич М.В.* Мир и война в XXI веке: опыт долгосрочного прогнозирования развития международных отношений. М.: МГИМО-Университет, 2015. 581 с.

722 *Подберезкин А.И.* Третья мировая война против России: введение в концепцию. М.: МГИМО-Университет, 2015, сс. 55–67.

723 Подобные количественные оценки качественного состояния МО и ВПО были предметом специального анализа в НИР. См.: подробнее: Концепция обоснования перспективного облика силовых компонентов военной организации Российской Федерации. М.: Издательский дом «Граница», 2018. 512 с.

Таким образом, я исхожу из того, что МО в мире в будущем будет развиваться по **сценарию № 3 («Военно-силовое противоборство»),** который — об этом обязательно следует сказать — характеризуется, прежде всего, противостоянием локальных человеческих цивилизаций и их военно-политических коалиций, являющихся главными субъектами такого нарастающего противоборства. Этот сценарий вероятнее всего будет реализовываться в вариантах развития ВПО «№ 1 — региональные и локальные войны», либо вариант «№ 2 — противоборство на отдельных ТВД и в регионах», который является ничем иным как расширенным вариантом предыдущего.

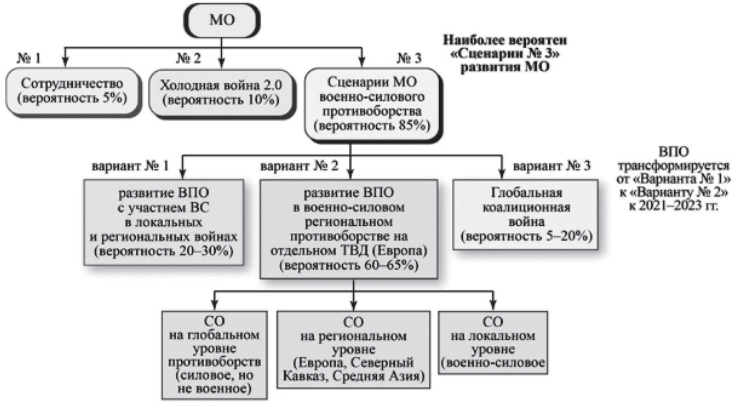

Рис. 34. Оценка состояния и перспектив развития военно-политической обстановки

Таким образом, в рамках этого одного-единственного сценария развития международной обстановки, на мой взгляд, наиболее вероятно развитие ВПО по 3-м конкретным вариантам:

– вариант № 1: участие ВС коалиций в региональных войнах и конфликтах (с вероятностью в 20–30%) по аналогии с участием западной коалиции в военных конфликтах в Афганистане, Ираке, Сирии и в других странах;

– **вариант № 2**: переход к военно-силовому противоборству на более высоком уровне, на одном-двух ТВД (с вероятностью в 60–65%).

Это может быть конфликт на Юго-Западе или Северо-Западе России, в котором США вынудят участвовать Украину, страны Прибалтики, возможно Румынию и Польшу.

Это может быть конфликт в Южно-Китайском море или в Корее.

Это может быть конфликт в Средней Азии и Казахстане.

Не случайно именно на этот аспект обратил внимание С.В. Лавров в ходе Московской международной конференции 24 апреля 2019 года, когда подчеркнул, обращаясь, прежде всего, к странам-членам НАТО: «В условиях отсутствия по прихоти Запада системных российско-натовских контактов, прежде всего по военной линии, цена непреднамеренной ошибки, просто недопонимания будет очень высокой»[724];

– **вариант № 3**: глобальная коалиционная (мировая) война (с вероятностью 5–10%).

Как видно из логики рассуждения и прогноза развития МО и ВПО, я исхожу из того, что в перспективе 3–7 лет развитие ВПО перейдет в стадию военно-силового конфликта, который вероятно состоится на одном-двух ТВД, предположительно в Европе и Средней Азии. Исходя из этой оценки и прогноза, я полагаю, что стратегическая обстановка приобретет форму крупных региональных конфликтов на этих ТВД и будет наиболее вероятна в будущем применительно к России.

Теоретически возможен и другой **вариант, четвертый вариант** развития ВПО — военного противоборства Китая и США, — где России не придется автоматически принимать участие в конфликте. Этот вариант (условный **вариант № 4**) объективно на время «выводит» Россию из прямого участия в военном конфликте, более того, опять же теоретически, дает ей право вообще остаться в

724 Лавров предостерег НАТО от совершения роковых ошибок. Актуальные комментарии. 24.04.2019. Подробности от АК: URL: http://actualcomment.ru/lavrov-predostereg-nato-ot-sovershheniya-rokovykh-oshibok–1904241117.html?utm_source= politobzor.net

стороне от такого конфликта. Также, впрочем, как и другие варианты военных конфликтов.

С точки зрения безопасности России этот вариант является наиболее благоприятным — Россия не имеет в настоящее время ни политических, ни, тем более, военных обязательств ни перед США, ни перед КНР, как, впрочем, и эти государства. Однако вероятность этого варианта, как представляется, небольшая: Россия может выступить в поддержку США, но для этого надо, чтобы те радикально изменили антироссийскую политику, которая является ключевым элементом внешней политики США; Россия может выступить в поддержку Китая, но для этого КНР должен также пересмотреть свои базовые основы внешней политики, более того, политической философии.

Конечно, опыт показывает, что в международных отношениях нет ничего невозможного. В том числе и радикальной смены курсов, но пока нет даже самых незначительных признаков этого.

В этой связи возникает естественный и решающий вопрос: **каким оружием и какими способами** будет осуществляться такой вооруженный конфликт, т. е. что будет решающим для развития конкретных состояний СО на этих ТВД? Ответ на этот вопрос предполагает необходимость акцента на развитии именно тех ВВСТ (модернизации и промышленного производства в достаточном количестве) и способов их применения (прежде всего, подготовки личного состава и командования), которые будут наиболее востребованы уже в среднесрочной перспективе до 5–7 лет.

Ответ на этот вопрос, на мой взгляд, единственный: **решающую роль в таком военном конфликте будут играть средства воздушно-космического нападения и ВКС, прежде всего, интегрированные с ними системы ПРО-ПВО противостоящих сторон.** В силу целого ряда причин, главная из которых заключается в уже имеющемся сегодня опыте развитых стран в участии в вооруженных конфликтах в Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и других странах.

Надо признать, что современная оценка ВПО руководством России подтверждает военно-политическую правоту этого выво-

да. Так в Указе В.В. Путина № 355 от 2 июня 2020 года «Об основах государственной политики в области ядерного сдерживания»[725] определенно описаны условия реализации ядерного потенциала Россией: «12. Основными военными опасностями, которые в зависимости от изменения военно-политической и стратегической обстановки могут перерасти в военные угрозы Российской Федерации (угрозы агрессии) и для нейтрализации которых осуществляется ядерное сдерживание, являются:

а) наращивание потенциальным противником на сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками территориях и в прилегающих морских акваториях группировок сил общего назначения, в составе которых находятся средства доставки ядерного оружия;

б) развертывание государствами, которые рассматривают Российскую Федерацию в качестве потенциального противника, систем и средств противоракетной обороны, крылатых и баллистических ракет средней и меньшей дальности, высокоточного неядерного и гиперзвукового оружия, ударных беспилотных летательных аппаратов, оружия направленной энергии; (подч. *А.П.*)

в) создание и размещение в космосе средств противоракетной обороны и ударных систем;

г) наличие у государств ядерного оружия и (или) других видов оружия массового поражения, которые могут быть применены против Российской Федерации и (или) ее союзников, а также средств доставки этих видов оружия;

д) неконтролируемое распространение ядерного оружия, средств его доставки, технологий и оборудования для их изготовления;

е) размещение на территориях неядерных государств ядерного оружия и средств его доставки.

Из этого вывода следует, что основные усилия страны и ОПК России должны быть *сконцентрированы именно на опережающем развитии ВКС*, а не других родов и видов войск, включая и такие

725 *Путин В.В.* Указ № 355 от 2 июня 2020 года «Об основах государственной политики в области ядерного сдерживания».

исторически ведущие, как Сухопутные и Военно-морские силы страны. Соответственно и национальные ресурсы, выделяемые на оборону, должны быть переоценены и перераспределены в пользу ВКС.

Важно подчеркнуть, что подобный акцент в военном строительстве имеет и принципиальное **политическое значение:** у России, по сути дела, осталось немного ресурсов, имеющих глобальное значение в мировой политике. Ее идеологическая роль добровольно была отброшена (хотя постепенно, очень медленно, но возвращается в новом качестве), экономическая и торгово-финансовая роль снижена до уровня региональной державы, но осталось еще, как минимум, три группы факторов, способных влиять на мировую политику. И мы в той или иной степени пытаемся эти факторы использовать в своей внешней политике с разной степенью эффективности:

— огромные природные ресурсы и территория, включая транспортные коридоры;
— культурно-духовное и историческое наследие, которое мы еще только учимся использовать;
— потенциал ядерных наступательных и высокоэффективных систем ПВО-ПРО.

Причем именно против этих трех групп факторов в настоящее время сконцентрированы усилия западной военно-политической коалиции во главе с США:

— нам всячески препятствуют более широкому продвижению экспорта энергетических и иных ресурсов, ограничению транспортных коридоров и морских пространств в Арктике как с помощью политико-административных мер, так и при помощи информационных провокаций, финансово-экономических санкций и других средств силовой политики;
— нам пытаются навязать, в том числе и силой, чужие нормы и ценности, как справедливо сказал Н. Патрушев, с помощью «новой идеологической системы, которая направлена… на уничтожение любых традиционных религиозных и духовно-нравственных ценностей как базовой основы культурного

и политического суверенитета страны и народов»[726];

— всячески пытаются ликвидировать военно-стратегическое равновесие, которое обеспечивается сегодня нашим потенциалом СНВ и систем ПРО-ПВО.

Причем акцент — политический, экономический и военный — в настоящее время делается именно на обесценении нашего потенциала ПРО-ПВО, который даже в относительно мирное время обеспечивает России привилегированные позиции в мире и специальные возможности влияния на формирование ВПО: если ядерные вооружения можно использовать очень ограниченно и только в крайних целях самообороны, то системы ПВО-ПРО — очень широко, глобально, как в военно-политических, так и военно-технологических и экономических целях.

Опыт последних лет, когда С-400 использовались в самых разных целях, — очень показателен. И по отношению к Китаю, Сирии, Индии, и Турции, и возможным другим странам, и регионам.

Именно этот аспект может оказать решающее политико-дипломатическое влияние на укрепление позиций России как внутри собственной страны, так и в целом ряде регионов планеты. Этот аспект имеет для внешней политики стратегическое значение, оказывает влияние в том числе и на выбор ею стратегического курса и как единственного средства, способного обеспечить активную наступательную внешнюю политику нашей страны военно-техническими средствами.

С точки зрения влияния СО, войн и военных конфликтов на формирование ВПО и МО, огромное значение имеет боевой опыт, приобретаемый в ходе таких боестолкновений. Обычно изучать опыт войны начинают по прошествии достаточно длительного периода времени, однако в нашем случае некоторые самые общие военно-политические выводы требуется сделать уже сегодня. Хотя бы для того, чтобы учесть их в формировании Стратегии национальной безопасности России.

---

726 *Патрушев Н.* Нужны ли России «универсальные» ценности? // Российская газета, 17 июня 2020 года.

Первый, военно-политический вывод можно сформулировать следующим образом: вмешательство России на стороне правительства Сирии показало, что начатая США с войны против Ирака в 1991 году, несколько десятилетий тому назад, кампания по дестабилизации мировой ВПО может быть остановлена, если на то, есть желание других государств. Серия военных интервенций западной коалиции во главе с США против Югославии и целого ряда других государств оказалась прерванной.

Второй, собственно военный вывод: Спецоперация ЦРУ-ССО против Афганистана в 2001 году показала огромное значение **сочетания сил** разведки (политической и военной), авиации и ССО, когда очень ограниченный контингент численностью несколько сот человек способен решать крупные военные задачи.

Третий результат: побеждают только те армии, которые воюют. Опыт ВС и ВВСТ, используемый в Сирии, показал резко возросшую их боевую эффективность. На сегодня десятки (именно так) тысяч офицеров российской армии имеют боевой опыт участия в событиях в Сирии. А среди старших офицеров, наверное, кроме ракетчиков РВСН, встретить офицера без такого опыта практически нереально. Почти все старшие офицеры в Сирии побывали.

Если посмотреть назначения последних лет, особенно на должности комбригов, комдивов и выше, то выяснится, что практически все командиры прошли через эту войну. А командующие армиями и округами вообще назначаются только после того, как какое-то время командовали или были начальниками штаба группировки в Сирии.

Был и еще один важнейший аспект сирийской операции. Это боевые испытания военной техники и вооружения. Понятно, что испытывать технику и вооружение на полигонах, в «тепличных условиях», необходимо. Однако создать реально боевые условия просто невозможно. Сирия «похоронила» или отправила на доработку несколько десятков образцов вооружения и техники. Причем тех, что уже прошли все испытания и были на стадии окончательного принятия на вооружение.

Об этом мало пишут, но многие гражданские специалисты с оборонных предприятий прошли Сирию. Министерство обороны пошло

на такой шаг. Техника и вооружение попадали в руки конструкторов, инженеров и рабочих прямо с поля боя. Это позволило уменьшить сроки доводки машин и оружия максимально. Заводчане сегодня могут с гордостью говорить о своих трудовых подвигах. Такой оперативности устранения замечаний в российской армии еще не было.

В целом же, если говорить о глобальных итогах сирийской кампании, можно сказать, что армия России после Сирии — это совсем другая армия. Армия с другой мотивацией. С другим подходом к обучению и воспитанию солдат и офицеров. С другими требованиями к технике и вооружению. Даже с несколько другой организационной структурой[727].

Какие же выводы можно сделать уже сегодня?

1. Военно-морской флот. В целом ВМФ показал свою необходимость при выполнении задач на территории других государств. Во многом благодаря флоту был обеспечен успех всей операции. Особенно на начальном этапе. Но именно флот показал и другую сторону наших ВС. Будем так говорить, негативную сторону российской концепции использования ВМФ.

Начнем, мягко выражаясь, именно с неудачи нашего ВМФ. Со слепого копирования американской стратегии использования больших кораблей для локальных операций. Об «Адмирале Кузнецове» и его авантюрном походе к сирийским берегам. Походе, благодаря которому над российскими моряками еще и сегодня смеются все, кому не лень.

Американцы, направляя к чужим берегам авианосцы, изначально имеют реально боевой корабль, с хорошо обученными летными экипажами и самолетами, предназначенными для действий против сухопутных войск. Мы же, направляя в Сирию «Адмирала Кузнецова», понимали, что корабль не в состоянии как-то изменить ситуацию. Более того, сам поход представлялся авантюрой.

Чем мог похвастаться крейсер? Истребителями Су-33, которые оборудованы устаревшим бортовым радиоэлектронным оборудо-

727 *Ставер А.* Некоторые итоги военной операции в Сирии. // Военное обозрение 08.11.2019 / URL: https://topwar.ru/164467-nekotorye-itogi-voennoj-operacii-v-sirii.html

ванием и без вооружения для работы по наземным целям? Новыми палубными многоцелевыми истребителями МиГ-29 КР, которые еще только осваиваются летчиками 100-го ОКИАП? И что в итоге? Два потерянных самолета и чудом добравшийся до ремонтного дока крейсер.

Неудача? Да, неудача. Но, по моему мнению, неудача со знаком плюс. Помните многочисленные публикации по поводу строительства новых больших кораблей? В том числе и авианесущих крейсеров. Аудитория разделилась в этих спорах на сторонников и противников больших кораблей. Тех, кто хотел пусть немного, но действительно больших, и тех, кто хотел более малых кораблей, но много и сразу. Думаю, «Адмирал Кузнецов» реально показал не столько собственное бессилие, сколько наши завышенные ожидания от его применения. Этот поход отсрочил строительство новых кораблей аналогичного типа лет на 15–20.

Теперь о победах флота. Возможно, специалисты со мной не согласятся, но, как мне думается, главная победа флота России состоит в обеспечении группировки войск вооружением, личным составом, оборудованием и всем, что необходимо для нормальной жизни войск на чужой территории. Только вдумайтесь в цифры.

Военно-морской флот РФ обеспечил доставку в Сирию более 1,5 млн. тонн различных грузов! А ведь это не больше и не меньше, как 95% всех доставленных грузов! Моряки доставили 4500 единиц техники и вооружения. В том числе и наши системы С-400. Да и 3250 человек личного состава доставлены именно морем! В целом, если считать рейсы кораблей ВМФ за весь период военной операции в Сирии, корабли более 400 раз доставляли на базу Тартус различные военные грузы!

Безопасность этих перевозок опять же обеспечивал флот. Боевые корабли сумели создать такую обстановку вокруг этих перевозок, при которой у наших «союзников» даже мыслей не возникало как-то нарушить планы наших моряков. Боевые задачи выполняли как надводные, так и подводные корабли.

Кстати, тут тоже выявился недостаток нашего флота. БДК, которые были необходимы для транспортировки, у нас попросту отсутствуют.

Фактически с 2017 года грузы перевозили гражданские суда. Транспорты и большие десантные корабли флоту нужны как воздух.

Самой эффектной операцией нашего флота является применение крылатых ракет «Калибр». Помните 14 сентября 2017 года? Тогда «Калибрами» ударили подводные лодки проекта 06363 «Великий Новгород» (Б-268) и «Колпино» (Б-271). Помните 7 октября 2015 года, когда СРК «Дагестан» и МРК «Углич», «Великий Устюг» и «Град Свияжск» из Каспийского моря выпустили 26 ракет по объектам в Сирии? 20 ноября эти же корабли нанесли еще один удар по боевикам. 18 ракет!

А был еще удар «Калибрами» ПЛ «Ростов-на-Дону» из подводного положения в Средиземном море 9 декабря 2015 года. Были МРК «Зеленый Дол» и «Серпухов» там же, но 19 августа 2016 года. Были пуски с фрегата «Адмирал Эссен» и ПЛ «Краснодар» (Б-265) 30 мая 2017 года. Были удары 23 июня 2017 года и 3 сентября 2017 года.

Наверное, впервые стало ясно, что боевые задачи при наличии совершенного вооружения, которые выполняли большие корабли, теперь могут выполнять не только малые корабли, но и ракетные катера. Москитный флот может нанести серьезный урон ВМФ противника, при этом его потери будут минимальны. А дальность стрельбы в несколько тысяч километров делают опасными даже ракетные катера на реках.

Подведем общий итог по флоту. Огромных кораблей нам на сегодня не надо. По вполне меркантильным причинам мы должны сосредоточиться на содержании в боеготовом состоянии имеющихся кораблей. А строить мы должны фрегаты и универсальные десантные корабли. И для сдерживания особо активных любителей пройтись вдоль наших берегов нужны неатомные подводные лодки. Остальное в перспективе…

2. Без ВКС не было бы победы.

Сирия — это триумф ВКС. Сирия — это крупнейшая воздушная операция российских ВКС не только по количеству задействованных машин и экипажей, но и по сложности и интенсивности боевого применения и удаленности ТВД. Аналогов таких операций ВКС просто нет.

Более того, эта операция впервые вывела на первые роли не сухопутные войска, а авиацию. Впервые именно авиация выигрывала сражения. Сухопутные же части выполняли второстепенную роль. Те компоненты, которыми была и остается сильна русская армия (артиллерия, танки, мотострелки) в Сирии оказались не главными[728].

Интенсивность работы авиации доходила до сотни боевых вылетов в сутки! В среднем же каждый самолет совершал 2–3 вылета в день! Каждый самолет! При этом вылеты вертолетов, разведывательной и транспортной авиации в это количество не входят. Попробую удивить даже летчиков одной цифрой — 45000! Именно так, более 45 тысяч боевых вылетов за время проведения операции совершили пилоты российских ВКС.

Налет часов для боевого летчика — один из важнейших показателей его обученности и квалификации как пилота боевого самолета. Есть только один показатель, который, по мнению многих пилотов, важнее налета. Это участие в боевых действиях. Реальная работа по выполнению боевой задачи во время войны. Как сказал один летчик: «Надо пережить боевой стресс, боевую усталость…»

Здесь цифры вообще заоблачные. Практически весь летный состав ВКС побывал так или иначе в сирийском небе. Данные на конец мая 2019 года. Участие экипажей оперативно-тактической и армейской авиации — 90%. Участие экипажей военно-транспортной авиации — 98%. Участие экипажей дальней авиации — 60%. Участие специалистов противовоздушной обороны — 32%.

3. Наземные части.

Использование наземных сил в Сирии было крайне ограниченным. Изначально сухопутные части в Сирии не использовали. Сама концепция операции не предусматривала их ввод. Однако подразделения ССО и разведывательных подразделений частей быстрого реагирования планировалось. Война — это, прежде всего, знание противника, расположения его частей, планов боевых операций. Это разведка.

---

728 *Ставер А.* Некоторые итоги военной операции в Сирии // Военное обозрение 08.11.2019 / URL: https://topwar.ru/164467-nekotorye-itogi-voennoj-operacii-v-sirii.html

Увы, но необходимо отметить, что пока мы явно отстаем от ведущих армий в использовании специальных средств разведки, БПЛА. Героизм наших бойцов ССО просто необходимо подкреплять технически. Необходимо наращивать не только количество и качество средств разведки, но и космическую разведку, авиационную разведку, агентурную разведку. Мне кажется, бойцам ССО хватит работы, где можно проявить героизм и самоотверженность. И если есть возможность не идти в самое пекло, а добыть сведения без особого риска, то ее надо использовать на 100%.

Интересна работа наших военных полицейских. Конечно, можно сказать, что они выполняют несколько несвойственную им функцию. Практически подменяют пока еще слабую полицию Сирии. Однако, на самом деле военная полиция России выполняет именно свою работу. Обеспечивает порядок в зоне боевых действий. И делает это так, что даже западные страны восхищаются.

Очень удачно были выбраны подразделения ВП. Наличие в рядах российской военной полиции мусульман и христиан обеспечило доверие у граждан Сирии. Для Востока это важнейший фактор. Более того, именно это, не говоря о некоторых дополнительных действиях российского и сирийского военного руководства, обеспечило быстрое подавление очагов сопротивления банд боевиков. Без доверия бывшие боевики оружия бы не сложили.

В разговорах с теми, кто побывал в Сирии, странным образом всплывает одно событие, которое у нас многие уже подзабыли, но которое сыграло очень существенную роль именно в прекращении сопротивления боевиками и сдаче оружия. Я о бое взвода нашей военной полиции в районе города Хама 19 сентября 2017 года.

Именно тогда большой отряд боевиков, спровоцированный на нападение американскими спецслужбами, попытался уничтожить наблюдательный пункт наших военных полицейских в зоне деэскалации. Тогда на помощь нашим полицейским пришли местные бойцы из племени муали. Это племя до подписания договора с правительственными войсками активно воевало на стороне боевиков.

Сирийцев из этого племени тогда поразил сам факт того, что командир посылал в самое пекло своих бойцов и оберегал чужих. У тех, кто достаточно долго воевал и знает отношение к туземцам натовских солдат и офицеров, это вызывало шок и желание показать русским, что и они тоже умеют воевать. Лезли сирийцы вслед на полицейскими на самые опасные участки.

А после двухчасового боя, когда подошли бойцы ССО под руководством Героя России генерала Виктора Шуляка, когда позиции боевиков неоднократно обработали штурмовики Су-25, оказалось, что двухсотые были только у бойцов племени муали. Полицейские вышли из боя без потерь. ССО имело троих трехсотых.

Сегодня эта история обросла сказочными подробностями о том, как русские прогоняли бойцов племени, чтобы спасти их жизнь, как спасали и прочее. Любой сирийский мальчишка расскажет свою версию героизма муали и русских полицейских. Но, самое главное, история дошла и до боевиков. И она работает. Она убивает войну. Боевики возвращаются к мирной жизни.

4. Техника и вооружение.

Понятно, что ведущая роль ВКС в военной операции в Сирии обусловила и наибольшие инновации в области техники и вооружения именно ВКС. Но начну опять с ВМФ. Точнее, с цитаты:

«Следующий год должен стать рекордным по количеству заложенных для военно-морского флота боевых и вспомогательных единиц. На судостроительных верфях в различных регионах страны, в том числе в Крыму, планируется заложить в общей сложности 22 надводных корабля и катера, многоцелевых атомных и дизель-электрических подводных лодки, а также судна вспомогательного флота».

Итак, вспоминая то, что написано выше о ВМФ, отметим, что в 2020 году на заводе «Залив» (Крым) будут заложены два универсальных десантных корабля. На «Северной верфи» будут заложены 2 модернизированных фрегата проекта 22350 (по 24 ударных ракеты на каждом). На «Севмаше» будут заложены две атомные подводные лодки проекта 885М шифр «Ясень-М». На «Адмиралтейских верфях» будут заложены три подводные лодки проекта 636.3 «Варшавянка» и лодка проекта 677 «Лада».

Кроме этого, на различных заводах будут заложены корветы, малые ракетные катера, противодиверсионные катера и различные суда вспомогательного флота. Согласитесь, опыт использования флота при проведении военной операции в Сирии учтен. Объемы пока не поражают воображение, но лиха беда начало.

Вернемся к ВКС. И начнем с самолетов. Если честно, сирийское небо стало для нашей авиационной промышленности и конструкторских бюро «золотым дном». Такого объема важнейшей информации о собственных изделиях они не получали никогда. Причем информации из первых рук.

Вспомните самых известных героев неба среди самолетов. Это новые машины на базе платформы Т-10. Су-35С, Су-30СМ и Су-34. Два истребителя и бомбардировщик. Каждый из них сегодня стал совершенно другим. Столько модернизаций в короткие сроки, сколько проведено на этих самолетах, можно было проводить только в период Великой Отечественной… И сегодня в ГОЗ МО заказало именно модернизированные машины.

Кстати, есть и отрицательный опыт. В Сирии никак себя не показал легкий фронтовой многоцелевой истребитель МиГ-29 СМТ. Что довольно странно. Ведь на вооружении в ВКС эта машина стоит.

Следует упомянуть и наших стратегов. Использование стратегических бомбардировщиков Ту-95 и Ту-160 в Сирии фактически открыло для этих машин совершенно новую нишу боевой работы. Мы всегда рассматривали эти самолеты как часть ядерной триады России. Самолеты «судного дня», которые способны самостоятельно нанести ядерный удар по противнику. Сирийское небо стало местом рождения новой авиации России. Стратегической авиации с широким спектром неядерного вооружения. В какой-то степени, это революция.

Есть еще один тип летательных аппаратов, который, по моему мнению, незаслуженно забывают, рассказывая о Сирии. Это БПЛА. Мы привыкли к тому, что импортные беспилотники лучше наших. Что, к примеру, Израиль гораздо лучше умеет делать дроны, чем мы. Но Сирия дала такой мощный пинок для развития наших дронов, что мы выскочили как черт из табакерки в мировые лидеры по разработке и их производству.

Понимаю, что сейчас нарвусь на множество протестов. Потому опять приведу цифры из оперативных сводок по Сирии. Ежедневно (!) в небе Сирии работало до 70 дронов. Общее количество боевых вылетов БПЛА за время операции — свыше 25 000. Всего российские дроны «Форпост», «Орлан-10» и другие вскрыли 47 522 объекта противника[729].

Сегодня в российской армии БПЛА используются не только для разведки и наблюдения, но и для наведения ВТО. Не могу сказать, что мы лучшие по производству и разработке дронов. Такая информация в открытом доступе отсутствует. Но то, что наши операторы и эксплуатационники одни из лучших в мире, — это факт.

Огромные изменения произошли в вооружении ВКС. Точнее, происходят и сегодня. Дело в том, что в условиях частого применения авиации в жилых массивах остро встала проблема высокоточного оружия. В этом компоненте мы традиционно отставали от Запада.

Расписывать все бомбы и ракеты, которые появились на вооружении ВКС, не буду. Перечислю лишь некоторые. Дальнобойные авиационные управляемые бомбы со спутниковым наведением УПАБ-500 (К08БЭ) и УПАБ-1500 (К029БЭ) с проникающей боевой частью. Модульная управляемая авиационная бомба 9-А-7759. Кстати, первые бомбы из упомянутых выше были созданы корпорацией «Тактическое ракетное вооружение» в рекордно короткие сроки.

Сегодня уже на подходе бомбы калибров 50 и 100. Малогабаритные управляемые бомбы для российской армии, как показала Сирия, необходимы как воздух. Также заканчивается разработка боеприпасов для применения с БПЛА.

Еще интереснее ракетное вооружение. Многоцелевые крылатые ракеты оперативно-тактического назначения Х-59 МК2, тактические ракеты Х-38, для вертолетов созданы дальнобойные многофункциональные ракеты. Но главным все же остались КР (крылатые ракеты).

---

729 *Ставер А.* Некоторые итоги военной операции в Сирии // Военное обозрение 08.11.2019 / URL: https://topwar.ru/164467-nekotorye-itogi-voennoj-operacii-v-sirii.html

Выше я упоминал о неядерном вооружении стратегических бомбардировщиков Ту-95 и Ту-160. За время операции в Сирии эти машины неоднократно наносили удары по объектам противника именно неядерными КР. Высокоточные крылатые ракеты стали визитной карточкой стратегической авиации России.

В целом же военную кампанию в Сирии можно считать успешной. И с военной точки зрения, и с политической. Армия показала себя с самой лучшей стороны. У военного руководства появился опыт управления войсками в боевой обстановке. Техника и вооружение проверены боем. Да и понимание того, что нам больше всего необходимо здесь и сейчас, пришло. А значит, появилась уверенность в собственных силах и возможностях. А это уже много…

3.2.г). Выбор стратегии силового противоборства России

Целью государства не может быть одна лишь оборонительная война, так как в таком случае не будет обеспечена та сущность государства, которую Аристотель определил словом самодостаточность[730]

А. Снесарев, военный теоретик

Выбор стратегии безопасности предполагает, прежде всего, выбор политических приоритетов и наиболее эффективных средств их обеспечения. Последние десятилетия военно-политическая мысль в СССР и в России озабочена только тем, какие способы наиболее эффективной обороны могут быть применены в ее военной доктрине[731]. Возможность и даже острая необходимость на-

730 *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2004, с. 188.

731 Надо признать, что и автор этой работы акцентировал свои усилия только на этой форме обеспечения безопасности страны, заведомо ограничив все возможности нашей нации и государства. См., например, одну из таких работ: *Подберезкин А.И.* Политика стратегического сдерживания России. М.: ИД «Международные отношения», 2019. 808 с.

ступательных операций в военно-политической литературе както опускалась.

При этом нельзя игнорировать объективные принципы, лежащие в основе существования наций и государств, например, (как приводилась в преамбуле мысль А.Е. Снесарева), мысль о том, что «реальную самозащиту нельзя мыслить без наступления или без активных мероприятий. Ждать у моря погоды, пока противник соберет свои силы и двинется на вас… — это значит глупо раболепствовать пред Молохом права — не более».

Между тем с конца 90-х годов прошлого века наблюдалась откровенная эскалация силовой политики в отношении России. Усиление давления на правящую элиту России сопровождается ограничениями на ее деятельность, информационно-когнитивным давлением, запугиванием и другими враждебными действиями, интенсивность и спектр которых неизменно расширялся. Происходит усиление давления на российской общество, экономику и информационно-психологическую обстановку, что создает крайне неблагоприятный фон, целью которого является внутриполитическая дестабилизация.

Все это неизбежно ставит элиту перед выбором стратегии ответных действий как в национальном и государственном масштабе, так и в личном и групповом, затрагивающим интересы отдельных социальных групп и личностей. Похоже, однако, что сама мысль об ответных действиях не приемлема для современной политики России, которая крайне ограниченно и осторожно (прагматически — ?!) реализует свое законное право на сохранение суверенитета и национальной идентичности.

Политика «силового принуждения» Запада рассчитана, в конечном счете, на то, что верх в России возьмет та элитная группа, которая будет готова пойти на серьезные уступки и даже капитуляцию. Применительно к России в 2020 году можно теоретически рассматривать следующие варианты поведения правящей элиты:

— **вариант № 1** — «Готовность к капитуляции», вероятность которого достаточна высока в случае прихода к власти тех социальных групп, которые доминировали при М. Горбачеве и Б. Ельцине;

— **вариант № 2** — «Продолжение политики стратегического сдерживания», маневрирование между либеральным и государственно-патриотическим курсом, проводимой В.В. Путиным;
— **вариант № 3** — «Уступки в политике стратегического сдерживания», на который толкает В.В. Путина современная часть либеральной правящей элиты России;
— **вариант № 4** — наступательные и контрнаступательные операции правящей элиты России, как, например, поддержка референдума в Крыму, Сирия и политика в регионе, внешняя политика в отношении Венесуэлы и целого ряда других стран.

В целях настоящей работы принципиально важно попытаться вычленить, какой из вариантов политики правящей элиты будет реализован. От этого прямо зависят не только внешняя и военная политика России, но и ее стратегия, поведение в назревающих военных конфликтах. Так, например, очевидно, что выбор правящей элитой «варианта № 1» приведет к отказу от военных средств в политике, что, естественно, скажется на военной политике и стратегии. «Вариант № 2», существующий сегодня, означает, по сути дела, экстраполяцию нынешней политики на 5–7 лет. «Вариант № 3» предполагает отступление от использования военной силы и смену политического курса. «Вариант № 4» — поиск новых дополнительных решений, усиливающих военные возможности России. Графически этот выбор показан ниже (рис. 35).

В целях настоящей работы рассматриваются варианты № 2 и № 4 как «скромный, ограниченный» вариант ответных силовых действий и «активный» вариант, требующий, естественно, дополнительных усилий.

С моей точки зрения, такие усилия должны приниматься немедленно в области развития средств ВКН и ВКО, концентрируясь на развитии Воздушно-космических сил России, созданных в 2015 году.

Отечественные ВКС должны иметь контроль над множественными целями и функциями, которые, надо признать, не просто очень широки, но и достаточно размыты. Как считают некоторые авторы, эти функции включают в себя:

Рис. 35. Выбор стратегии России.

— Ликвидировать нападения и устанавливать защиту от агрессии со стороны врагов в отношении объектов управления, политических центров, объединений солдат, районов с развитой промышленностью и экономикой, а также важных инфраструктурных территорий.
— Реакции на действия противников разными средствами, даже если это будет ядерное оружие.
— Проведение боевых столкновений с вражескими силами.
— Ликвидация серьезного вооружения противника раньше, чем он успеет его использовать.
— Быстрое и качественно уведомление главных лиц о том, куда движутся ракеты и возможных нападениях со стороны.
— Наблюдение в Космосе за потенциальными врагами РФ и ответные реакции на их действие.
— Отправление в космос различных аппаратов и контроль над спутниками.
— Поддержка, возможность активации действий спутников.
— Вопросы по иным задачам.

3.2.д). Значение воздушно-космических сил и вероятный характер войн и конфликтов

В XXI веке стало очевидным, что с точки зрения видов вооруженных сил, ВВСТ и военного искусства основным видом вооруженной борьбы стали воздушно-космические операции. За исключением некоторых локальных войн и конфликтов, в которых участвовали, как правило, второстепенные в военном отношении субъекты и акторы ВПО, решающий вклад вносили именно силы воздушно-космического нападения (в конфликте на Украине роль ВВС была минимизирована, но реальная роль космических и воздушных средств связи и разведки оставалась огромной). Простой пример. В марте 2020 года США стали размещать несколько батарей ПВО «Патриот» в Ираке на расстоянии порядка 200 км от границ с Сирией. Это немедленно вызвало бурное обсуждение вопроса о том, что вся операция российских ВКС в Сирии будет поставлена под вопрос, т. е. такое решение изменит ВПО, а в перспективе и МО в Сирии в пользу врагов Асада[732].

Как показал беглый мониторинг новостной повестки некоторых военно-аналитических площадок Рунета, анонсированное неделей ранее компетентными источниками в иракской службе безопасности и Центральном командовании ВС США (CENTCOM) развертывание экспедиционным корпусом ВС США зенитно-ракетной системы из нескольких батарей «Patriot PAC-2/3» в окрестностях городка Хит было встречено всплеском паникерских заметок и комментариев со стороны как обозревателей, так и журналистских сообществ, усмотревших в данном событии ни много ни мало «угрозу формирования бесполетной зоны для тактической авиации ВКС России в воздушном пространстве Сирии».

732 *Даманцев Е.* Капкан для авиации ВКС РФ или мнительность СМИ? Длинная рука Patriot PAC-2/3 // Военное обозрение. 28.03.2020 / URL: https://topwar.ru/169475-kapkan-dlja-aviacii-vks-rf-ili-izlishnjaja-mnitelnost-smi-naskolko-dlinnaja-ruka-u-patriot-pac-2-3.html

И действительно, отталкиваясь от фигурирующего в ближневосточном медиапространстве исходного новостного материала, где в качестве основного места дислокации развертываемых зенитно-ракетных дивизионов «Patriot» указывается район иракско-сирийской границы, технически малоосведомленный журналист может прийти к однозначному выводу о том, что беспрепятственное оперирование многофункциональных истребителей-бомбардировщиков Су-34 и многоцелевых истребителей Су-35С в юго-восточных секторах воздушного пространства Сирии поставлено под вопрос. При этом в качестве главного аргумента в пользу подобного рода утверждения будет использоваться лишь один параметр ЗРК «Patriot PAC-2» — дальность перехватываемых посредством ЗУР MIM-104C целей, составляющая порядка 160 км.

На первый взгляд, подобная дальность действия предоставляет боевым расчетам «Пэтриотов» возможность формирования противовоздушной зоны ограничения и воспрещения доступа и маневра A2/AD в сирийском воздушном пространстве вплоть до провинции Хама, препятствуя гипотетическому выходу тактической авиации ВКС России и ВВС Сирии на рубежи огневого воздействия по военной инфраструктуре ВС США, прикрывающей нефтяное поле Аль-Омар, газовое месторождение Хушам, а также ряд нефтяных месторождений и нефтеперерабатывающих комплексов на восточном берегу Евфрата. В реальности же потенциал развернутых в Ираке зенитно-ракетных дивизионов «Patriot PAC-2/3» в возведении противовоздушных «зонтиков» над сирийским ТВД не столь велик[733].

В частности, в случае развертывания зенитно-ракетных батарей «Patriot PAC-2» в районе иракского города Акашат (с целью прикрытия 55-километровой «зоны безопасности» вокруг укрепрайона КМП и ССО США близ Эт-Танфа) возведенный ими противовоздушный «зонтик» будет охватывать исключительно

733 *Даманцев Е.* Капкан для авиации ВКС РФ или мнительность СМИ? Длинная рука Patriot PAC-2/3 // Военное обозрение. 28.03.2020 / URL: https://topwar.ru/169475-kapkan-dlja-aviacii-vks-rf-ili-izlishnjaja-mnitelnost-smi-naskolko-dlinnaja-ruka-u-patriot-pac-2-3.html

средневысотные и высотные сектора воздушного пространства САР над центральными и северными районами провинции Хомс, в то время как низковысотные сектора (70–200 м) будут пребывать вне зоны обзора батарейных многофункциональных РЛС AN/APQ-53/65, дальность радиогоризонта для которых составляет порядка 65 км при работе по целям, оперирующим на высоте 150 м. Следовательно, оснащенные полуактивными радиолокационными головками самонаведения и нуждающиеся в непрерывном подсвете со стороны радаров MPQ-53/65 зенитные ракеты MIM-104C будут представлять определенную угрозу для оперирующей в низковысотном режиме российской тактической авиации лишь на дистанции в 50–60 км (в пределах радиогоризонта МРЛС AN/MPQ-65).

И это, не говоря уже о значительном снижении устойчивости трассового сопровождения и «захвата» на точное автосопровождение наших Су-30СМ, Су-35С и Су-34 посредством РПН MPQ-65 в связи с помеховым воздействием со стороны контейнерных комплексов РЭБ «Хибины», размещенных на узлах подвески «Сушек». Ведь хорошо известно, что представленные пассивными фазированными антенными решетками (с единственным источником СВЧ-усиления на базе клистрона) радары линейки MPQ-53/65 обладают заметно более низкой помехозащищенностью в сравнении с перспективными АФАР-радарами типа 3DELRR и AN/TPS-80 G/ATOR, каждый приемо-передающий модуль которых располагает собственными нитрид-галлиевым СВЧ-транзистором и аттенюатором (данные радары еще не обрели оперативную боевую готовность и не были приданы батареям «Пэтриотов» в качестве дополнительного источника целеуказания).

Что же касается зенитных управляемых ракет-перехватчиков MIM-104F PAC-3MSE, входящих в состав ЗРК «Patriot PAC-3MSE» и способных осуществлять перехват высокоманевренных загоризонтных средств воздушного нападения благодаря оснащению активными радиолокационными ГСН Ка-диапазона (по целеуказанию от самолетов ДРЛОиУ E-3C/G и бортовых радаров тактических истребителей), то и они не позволят расчетам американских «Пэтриотов» закрыть воздушное пространство над южными районами САР для тактиче-

ской авиации ВКС России. И вся загвоздка здесь в том, что дальность действия ЗУР MIM-104F PAC-3MSE по сверхнизковысотным целям не превышает 65—70 км, что обусловлено наличием менее мощного и долгоиграющего заряда РДТТ (в сравнении с MIM-104C/D/E), а также более высокого аэродинамического сопротивления в тропосфере и нижних слоях стратосферы, что накладывает жесткие ограничения на данный перехватчик в ходе работы по аэродинамическим объектам. Напрашивается единственный объективный вывод: даже в случае развертывания в районе иракско-сирийской границы смешанной зенитно-ракетной системы на базе ЗРК «Patriot PAC-2» и «Patriot PAC-3MSE» в распоряжении летного состава ВКС России будет оставаться внушительная низковысотная «непросматриваемая» лазейка для осуществления воздушных операций над центральными и южными районами Сирии. Если же учесть, что «Пэтриоты» будут развернуты исключительно в районе иракского города Хит (более чем в 200 км от иракско-сирийской границы), то средневысотные, а также высотные сектора сирийского воздушного пространства будут оставаться полностью безопасными для оперирования российской тактической авиации, дислоцированной на АвБ «Хмеймим»[734].

Исламабад выразил обеспокоенность в связи с решением Индии закупить российские системы противоракетной обороны С-400, заявив, что это приведет к началу «ненужной гонки вооружений» в регионе. «Мы считаем, что такие дестабилизирующие системы могут подорвать сдерживание и стабильность в Южной Азии и привести к ненужной гонке вооружений. Пакистан предложил обсудить стратегический режим сдерживания для Южной Азии», — заявила журналистам в четверг, 23 января, официальный представитель МИД страны Айша Фаруки[735]. Это заявление было сделано всего через день

734 *Даманцев Е.* Капкан для авиации ВКС РФ или мнительность СМИ? Длинная рука Patriot PAC-2/3 // Военное обозрение. 28.03.2020 / URL: https://topwar.ru/169475-kapkan-dlja-aviacii-vks-rf-ili-izlishnjaja-mnitelnost-smi-naskolko-dlinnaja-ruka-u-patriot-pac-2-3.html

735 Пакистан утверждает, что Индия рискует разжечь гонку вооружений, закупив у России ЗРК С-400/ 24.01.2020 / URL: https://yandex.ru/turbo?text=https%3A%2F%2Fhotgeo.ru%2Fpolicy%2F 62340&d=1&utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews

после того, как Пакистан успешно испытал баллистические ракеты «Газнави» класса «земля-земля» и недавнее испытание Индией своих баллистических ракет средней дальности, способных нести ядерную боеголовку к-4. По контракту, подписанному в 2018 году, Россия должна поставить Индии к 2025 году пять систем С-400 общей стоимостью более $5 млрд. По данным Нью-Дели, системы будут развернуты в стране в 2020 году. Эта сделка сталкивается с претензиями со стороны США. Вашингтон, со своей стороны, предложил Индии вместо этого закупить американские системы вооружений. США также неоднократно угрожали ввести санкции в отношении любой страны, которая покупает оружие у российского оборонного сектора в соответствии с CAATSA, закон «О противодействии противникам Америки через закон о санкциях».

Соответственно те виды и системы ВВСТ, способы их использования, которые объединяются в этом виде вооруженной борьбы (включая информационно-конгнитивные и информационно-диверсионные и кибернетические), становятся решающими. Причем речь идет, прежде всего, о качественно новых средствах боевого управления, связи и разведки и ударных средствах ВКС — ракетах класса «воздух-поверхность», БПЛА, вертолетах и др. средствах ведения вооруженной борьбы.

С этой точки зрения у США есть целый ряд качественных преимуществ:

— Во-первых, огромные по масштабам и организации научные исследования и НИОКР, которые в целом превышают 40% общемировых;
— Во-вторых, еще более крупная промышленная база, превышающая 40% общемировой промышленности, а в некоторых областях (например, телекоммуникационных — более 50%, авиакосмической — более 35%) представляющая собой почти монополию.

Американская компания Raytheon провела испытания радиолокационной станции для зенитного ракетного комплекса Patriot, способной обнаруживать и сопровождать гиперзвуковые цели. Согласно сообщению компании, первые испытания радара, при-

знанные успешными, проводились в лабораторных контролируемых условиях.

Разработка нового радара для комплексов Patriot ведется с осени 2019 года в рамках проекта LTAMDS. Этот проект предполагает создание систем, которые позволят организовать единую систему противовоздушной и противоракетной обороны. По соглашению с военными, Raytheon до конца 2022 года должна собрать и передать на испытания шесть образцов нового радара для Patriot[736].

Зенитные комплексы Patriot способны обнаруживать цели на дальности до 180 километров и вести одновременное сопровождение до 125 из них. При этом Patriot способен обеспечивать одновременный обстрел до шести целей, летящих на высотах от 60 метров до 24 километров на скорости до двух тысяч метров в секунду.

В ходе первых испытаний элементов перспективной радиолокационной станции специалисты Raytheon провели настройку приемо-передающих модулей, а также проверили их работу с помощью симуляции различных целей. Все состоявшиеся проверки признаны полностью успешными.

Теперь специалистам Raytheon предстоит собрать все элементы радара в единый корпус, после чего начнутся полевые испытания прототипа станции в том числе и с использованием реальных мишеней.

Перспективная радиолокационная станция для комплексов Patriot получила активную фазированную антенную решетку и приемо-передающие модули, выполненные на основе нитрида галлия, а не традиционного для современных систем радиолокации арсенида галлия.

Благодаря изготовлению элементов на основе нитрида галлия в радаре удалось организовать избыточность приемо-передающих модулей. Это позволяет не только повысить разрешающую способность станции и дальность обнаружения, но также существенно повысить ее надежность. Радар имеет непрерывный 360-градусный обзор.

---

736 *Сычев В.* Американцы испытали способный обнаруживать гиперзвуковые цели радар / https://rg.ru/2020/03/19/v-ssha-ispytali-sposobnyj-obnaruzhit-giperzvukovye-obekty-radar.html

3.2.е). Соотношение воздушно-космических сил и средств: реальное и желательное

Содержание философии войны не исчерпывается разумением только явления войны, но еще и целого цикла идей, из существа войны вытекающих[737]
А.Е. Снесарев, военный теоретик

Политико-философский подход к стратегической стабильности, которого придерживается сегодня российская правящая элита, совершенно справедливо отличается от подхода к стратегической стабильности времен М. Горбачева, в основе которого лежали идеи сохранения стабильности ядерных вооружений. Эта разница объясняет в том числе и то обстоятельство, что простое соотношение СВКН России и западной военно-политической коалиции не может отражать реальное состояние безопасности для России. Слишком много политических, экономических и технических факторов выходят «за скобки» соотношения СВКН России и ее противников.

Вместе с тем, поскольку мы исходим из положения о том, что именно СВКН будут играть решающую роль в будущем военно-силовом противоборстве, очевидно, что важно определить даже не самое общее возможное соотношение сил России и противостоящей ей военно-политической коалиции во главе с США, а общих военно-политических возможностей, которые могут быть достигнуты применением этого потенциала.

Очевидно, что несопоставимость промышленных потенциалов США и РФ делает бессмысленным простое количественное сравнение. Тем более в связи с резким удорожанием и усложнением ВВСТ в последние десятилетия, когда стоимость одного ЛА может превышать, как это считается с Ф-22, стоимость веса золота[738].

737 *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2004, с. 75.

738 Стоимость Ф-22 оценивалась в 350 млн. долл., что соответствовало стоимости 19,7 тонн золота. При этом бомбардировщик В-2 стоил, по некоторым оценкам, до 2 млрд. долл.

Поэтому изначально стоит вопрос, что включается в соотношение сил и средств, какие именно силы и средства РФ и США.

Самый простой подсчет, сделанный агентством «Fierpower», свидетельствует о явном несоответствии возможностей в этой области. Так, в 2019 году основные страны имели на вооружении следующее количество самолетов:

Соотношение сил в области авиации:

— **США — 13.358**
— **Россия — 4.000**
— Китай — 3.187
— Индия — 2.052
— Ю. Корея — 1.614
— Япония — 1.572

…

— Великобритания — 811
— Германия — 813

Конечно, общая численность не отражает точного соотношения сил боеготовых к использованию и качественных (особенно последних поколений) самолетов. В качестве только одного примера можно привести пример с соотношением сил истребителей 5-го поколения (и 4++) США и России.

Другой пример — количество боеготовых самолетов. Выступая весной 2019 года в Комитете по обороне Госдумы, С. Шойгу сказал, что еще в 2012 году ВТО в РФ почти не имелось: исправленных самолетов-носителей было только 30, авиационных крылатых ракет — 37 (!). Устаревших БПЛА (70-х годов) было 91 комплект. Из-за длительной подготовки полетных заданий (до 44 дней) эффективное применение даже этих средств было невозможно.

За последние 7 лет, по его мнению, ситуация радикально изменилась. Только современных БПЛА было поставлено более 2000 единиц, а подготовка полетных заданий сократилась до 3 часов[739].

739 Курс — лучшая армия в мире // Национальная оборона, 2019, № 3, с. 25–27.

СУ-35С	более 60	Ф-15	218
СУ-30СМ	более 20	Ф-16	855
СУ-57	около 20	F-22	195
	(на конец 2019 г.)	F-35	300 + 130
	К 2020 г. будет введено 850 новых машин		(до 2020 до 2400 ед.)

Рис. 36. Проблема количественного соотношения сил РФ и США.

Одним из наглядных примеров противостояния меча и щита можно считать противодействие средств воздушного нападения (СВН) и зенитно-ракетных комплексов (ЗРК). С самого начала появления ЗРК они стали представлять огромную угрозу для боевой авиации, вынудив самолеты вначале забраться максимально высоко в небо, а затем прижаться к земле. Для противостояния ЗРК разрабатывались специализированные авиационные боеприпасы, такие как ракеты с наведением на излучение радиолокационной станции (РЛС), совершенствовались средства радиоэлектронной борьбы (РЭБ), ну и наконец, были созданы боевые самолеты и авиационные боеприпасы с использованием технологий малозаметности «stealth», позволяющих существенно уменьшить дальность их обнаружения ЗРК.

Одним из наиболее эффективных способов противодействия ЗРК является превышение ее возможностей по перехвату воздушных целей. Ограничением может выступать максимальное количество целей, одновременно обнаруживаемых и отслеживаемых РЛС, ограничение числа каналов наведения зенитных управляемых ракет (ЗУР) или ограничение количества самих ЗУР в боекомплекте ЗРК[740].

740 См. подробнее: *Митрофанов А.* Прорыв ПВО превышением ее возможностей по перехвату целей: пути решения / Эл. ресурс: «Военное обозрение» 19.04.2019 / www.Topwar.ru

Повышение устойчивости ПВО осуществляется путем создания эшелонированной обороны, включающей в себя комплексы большой, средней и малой/ближней дальности. Ввиду того, что границы комплексов малой/ближней дальности в настоящее время размыты, в дальнейшем будем говорить — малой дальности. В России в настоящее время это ЗРК С-400 «Триумф» / С-300В4 большой дальности, ЗРК С-350 «Витязь» / БУК-М3 средней дальности и ЗРПК/ЗРК Панцирь-С1/С2 / Тор-М1/М2 малой дальности.

ВКС РФ по 2020 г включительно должны располагать:

ПАК ФА — 12 шт. Это будут машины для опытной эксплуатации в войсках, так что вряд ли их стоит учитывать в общем количестве.

Су-35С — 98 машин ориентировочно. Контракт на 48 машин уже исполнен, сейчас выполняется второй, на 50 самолетов до конца 2020 г.

Су-30 М2/СМ — по слухам, планируется довести до 180 машин к 2020 г.

Су-33 — непонятно, оставим 14 машин.

Су-27 СМ/СМ3 — 61 машина. Вообще изначально говорили о том, что модернизацию пройдут как минимум 100 машин, но последнее время о Су-27СМ3 что-то не слышно.

МиГ-35 — 30 (?) машин. В 2019 году Воздушно-космические силы получили только четыре легких истребителя данного типа). 22 августа 2018 года военное ведомство подписало контракт с Объединенной авиастроительной корпорацией на поставку ВВС России шести одноместных истребителей МиГ-35 и двухместных МиГ-35УБ. Срок исполнения контракта — с 2018 по 2023 год.

Что касается фронтовой авиации, то тут все сложнее: Су-34 — 124 машины до 2020 г, но возможно, что их количество увеличат еще. С учетом того, что их сейчас производят по 16-18 бортов в год, вполне возможно доведение количества самолетов до 142 самолета. Так и посчитаем. Су-24 — 0 машин. Увы, но по имеющимся планам, Су-24 к 2020 г должны быть полностью списаны из состава ВВС. С другой стороны, в случае обострения международной обстанов-

ки, это решение могут пересмотреть. Да и, собственно, даже в случае принятия решения о выводе, можно предположить, что модернизированные Су-24 будут законсервированы, а не уничтожены. Оставим примерно половину от сегодняшнего количества Су-24 в строю — 120 машин ориентировочно.

Су-25 — может быть до 200 машин.

Ту-22М3М — планируется модернизировать 30 машин. Строго говоря, это самолеты дальней ракетоносной авиации, а не тактической, но они, с высокой долей вероятности, будут использоваться для решения задач тактической авиации, поэтому учтем их здесь.

Есть еще и Ту-95, и Ту-160, которые теоретически могли бы выполнять нестратегические функции, но практически, в случае конфликта с НАТО вряд ли будут выступать в этой роли.

Таким образом, мы насчитали:

Истребителей — 458 шт.

Перехватчиков — 113 шт.

Тактических бомбардировщиков — 262 шт.

Дальних ракетоносцев — 30 шт.

А всего, получается, 863 новых или модернизированных самолетов и, кроме этого, 267 не модернизированных истребителей и перехватчиков и 200 штурмовиков — всего 1 330 машин[741].

Теперь посчитаем европейские страны НАТО.

Германия. Формально — на сегодня в составе ВВС насчитывается 125 «Еврофайтеров» и 93 «Торнадо». По факту — способны выполнять боевые задачи 55 «Еврофайтеров» и 29 «Торнадо». Вообще говоря, Германия планировала приобрести 180 «Еврофайтеров», но в течение какого срока, и сколько их будет «на крыле» к 2020 году? Вряд ли к той дате некогда могучие ВВС смогут похвастаться хотя бы сотней боеготовых или проходящих текущий ремонт самолетов.

Франция. 167 «Миражей–2000» различных модификаций, примерно 115 «Рафалей» в ВВС к 2020 г и 44 «Рафаля» в авиации ВМС.

741 Россия против НАТО: соотношение сил тактической авиации / Эл. ресурс: «Военное обозрение». 05.12.2017.

Всего — 326 самолетов. Вроде бы — большая сила, да только боеготовы из этого числа примерно 40% самолетов.

Англия — 141 «Еврофайтер» (заказано всего 232), 76 «Торнадо». График поставки «Еврофайтеров» автору неизвестен, допустим, дотянут до 160 машин — итого получится 236 самолетов. Но нет никаких оснований считать, что положение с боеготовыми самолетами много лучше, чем во Франции или Германии.

Италия — 83 «Еврофайтера», 68 «Торнадо» в варианте истребителя-бомбардировщика, 82 легких штурмовика AMX ACOL и AMX-T ACOL.

Испания — 86 F-18 и 61 «Еврофайтер».

Греция — 156 F-16, 22– Мираж–2000, 34 «Фантом II» и 34 штурмовика «Корсар».

Турция –260 F-16 различных (в том числе — вполне современных) модификаций, 51 «Фантом II», 35 старичков F-5.

Норвегия — 57 довольно старых F-16.

Нидерланды — 63 старых F-16.

Бельгия — 68 старых F-16.

Дания — имеющиеся на вооружении 30 старых F-16 должны быть списаны к 2020 г. Оставим их все же.

Португалия — 30 старых F-16.

Венгрия и Чехия — по 12 шведских СААБ, всего — 24.

Болгария — 15 МиГ-29 и 14 Су-25.

Румыния — 12 F-16 и 36 МиГ-21.

Словакия — 12 МиГ-29.

Хорватия — 16 МиГ-21.

Польша — 48 F-16. Есть еще МиГ-29 и Су-22, но их как будто бы выводят из состава ВВС.

А всего, получается, 2 177 самолетов, из которых никак не менее 814 (скорее — существенно больше) — уже очень старые машины.

Поскольку 2 177 заметно больше 1 330, то вроде бы получается, что ВВС европейских стран — участников НАТО существенно сильнее ВКС РФ. Но если копнуть чуть глубже, то все становится совсем не так однозначно.

Первое — это, конечно, процент исправных машин в общем их количестве. К сожалению, этот показатель для новых самолетов ВВС РФ неизвестен. В то же время имеются данные по ВВС США, где уровень готовности самолетов F-15 и F-16 составляет 71-74% общей численности, а штурмовиков А-10 — даже 77% и нет никаких оснований считать, что у нас сегодня хуже. Предположим, что % исправности ВКС РФ на уровне 70%. В то же время обладатели наиболее мощных ВВС Европы, оснащенных самыми современными самолетами — Германия, Англия, Франция — имеют крайне низкие проценты исправности на уровне примерно 40%.

Получается, что если сопоставить общую предположительную численность наиболее современных самолетов РФ (Су-35/30, МиГ-35/29СМТ/К), каковых, даже не принимая в расчет модернизированные МиГ-31БМ, к 2020 г должно насчитываться порядка 383 машин с самыми современными машинами НАТО (440 «Еврофайтеров» максимум, плюс 159 «Рафалей», а всего — 599 машин), то получается, что у европейских стран НАТО более чем полуторакратное преимущество. Но если сопоставить количество боеготовых машин (при 70% для ВКС РФ и пусть даже 50% для НАТО), то получается 268 против 299, т. е. практически паритет.

Если предположить, что процент исправных машин в среднем по европейским странам НАТО не превосходит 50–55% против 70-75% РФ, то соотношение боеготовых самолетов составит 1 088 — 1 197 самолетов НАТО против 931–997 самолетов РФ, то есть превосходство европейских стран НАТО минимально. Все вышесказанное приводит нас к тому, что несмотря на списочное превосходство в воздухе европейских стран НАТО над РФ, фактическое соотношение сил во внезапно разгоревшемся конфликте может оказаться для европейцев совсем не таким блестящим, каковым оно выглядит на бумаге.

С учетом всего вышесказанного, автор статьи может сделать вывод, что ВКС РФ (при наличии достаточного количества подготовленных пилотов) в самом ближайшем будущем может получить не просто паритет с ВВС европейских стран НАТО, но даже неплохие шансы на завоевание превосходства в воздухе на начальном

этапе гипотетического военного конфликта. Разумеется, все это верно ровно до того момента, пока мы не вспомним о ВВС США. Даже не беря в расчет F-35, которые, скорее всего, по состоянию на 2020 г. так и останутся в полубоеспособном состоянии, ВВС США располагает 1 560 истребителями (184 F-22; 449 F-15 и 957 F-16 различных модификаций) а также 398 штурмовиками, включая 287 A-10 и 111 AV-8B. И это, не считая 247 F-18, и 131 AV-8 в авиации морской пехоты, и 867 F-18 палубной авиации. **США имеет в своем распоряжении 3203 самолета тактической авиации, и по части воздушной мощи США, пожалуй, превосходит европейские страны НАТО и ВКС РФ вместе взятые**.

Правда необходимо отметить, что огромное значение имеет не только численность и качество ВВСТ, но и их реальная боеготовность. Так, контрольные органы МО США признали 26 апреля 2019 года, что самолеты F-35 не соответствуют требованиям боевой машины по решению военных задач. Об этом заявили в управлении по подотчетности правительства США. Лишь 27% машин находятся в состоянии полной боевой готовности. Такая плачевная картина вызвана нехваткой запасных частей F-35 и сложностью перемещения деталей по всему миру, пишет «Взгляд» со ссылкой на исследование. Напомним, проект стал наиболее масштабным и дорогостоящим в военной авиации в мире. На создание F-35 была направлена рекордная сумма — более $ 1трлн.[742]

В качестве примеров прорывов СВКН можно привести операцию «Каньон Эльдорадо», 1986 год. Воздушное пространство над Триполи прикрывали 60 установок ЗРК «Кроталь» французского производства, семь дивизионов С-75 (42 пусковые установки), двенадцать комплексов С-125, предназначенных для борьбы с низколетящими целями (48 ПУ), три дивизиона мобильных ЗРК «Квадрат» (48 ПУ), 16 мобильных ЗРК «Оса» и 24 пусковые установки развернутых на территории страны зенитных комплексов большой дальности С-200 «Вега». Ударная группа из 40 самолетов прорвалась ко всем назначенным целям, потеряв от огня ЗРК всего один бомбардировщик.

742 Власти США признали, что F-35 не пригоден к боевой службе // ТАСС. 26.04.2019.

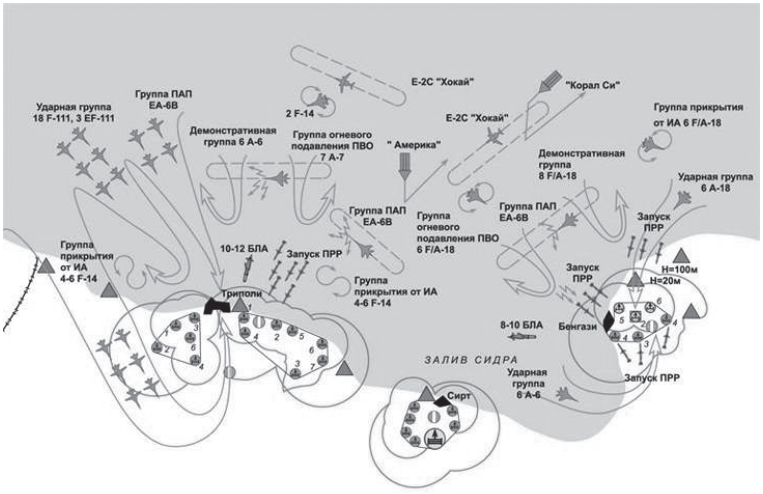

Рис. 37. Операция «Каньон Эльдорадо»

Операция «Буря в пустыне», 1991 год. На вооружении Ирака присутствовало значительное количество ЗРК советского производства, дополненных французскими радарами и ЗРК «Роланд». По мнению американского командования, иракская система ПВО отличалась высокой организацией и сложной системой радарного обнаружения, прикрывающей важнейшие города и объекты на территории страны.

За шесть недель войны иракской ПВО было сбито 46 боевых самолетов, большинство из которых стали жертвами крупнокалиберных пулеметов и ПЗРК. Это дает меньше одной тысячной процента от 144 000 боевых вылетов авиации.

Операция Allied Force, бомбардировки Сербии, 1999 год. На вооружении СРЮ находилось 20 устаревших ЗРК С-125 и 12 более современных «Куб-М», а также около 100 мобильных комплексов «Стрела-1» и «Стрела-10», ПЗРК и системы ствольной зенитной артиллерии.

По данным командования НАТО, их самолеты нанесли 10 484 бомбовых ударов. Единственный громкий инцидент случился на третьи сутки войны: под Белградом был сбит «невидимка» F-117. Вторым подтвержденным трофеем сербской ПВО стал F-16 «Блок 40». Также уничтожено несколько БПЛА RQ-1 Predator и предположительно несколько десятков крылатых ракет.

3.3. Основные угрозы возможного воздушно-космического нападения на Россию

> Основная задача войск Западного фронта. (осенью 1941 г.– *А.П.*) ...заключалась в том, чтобы…, изматывать врага активной обороной на важнейших направлениях, наносить ему частные поражения, остановить его продвижение…, пока не создадутся благоприятные условия для перехода в решительное контрнаступление[743]
>
> *Шапошников Б.М, начальник ГШ РККА*

Сами по себе внешние военные угрозы, как любимая тема многих аналитиков и политиков, на мой взгляд не способствуют пониманию будущего характера развития ВПО и военно-силового противоборства[744]. Они (угрозы и опасности) могут служить лишь иллюстрацией такого возможного характера и особенностей развития ВПО. Учитывая огромную непредсказуемость в развитии любого сценария ВПО, ту энтропию, которая доминирует в формирова-

743 *Шапошников Б.М.* Битва за Москву. М.: Эксмо: Яуза, 2018, с. 31.

744 Так, Ст. № 2 Военной доктрины России формулируется следующим образом: «2. В Военной доктрине на основе анализа военных опасностей и военных угроз Российской Федерации… сформулированы основные положения военной политики и военно-экономического обеспечения обороны государства». *Путин В.В.* Указ № 2976 от 25.12.2014 «Военная доктрина Российской Федерации».

нии реальных сценариев, можно только предполагать самые общие тенденции развития тех или иных сценариев.

Поэтому с практической точки зрения нам важно знать не столько точно будущие планы, будущие виды ВВСТ, системы и виды вооружений и даже возможные способы их использования (что является основой традиционного военно-политического анализа), например, США и их союзников, сколько ответить на вопросы «зачем?» нужно то или иное оружие, система, «каким образом?» ее использование будет служить достижению политического результата.

Как показывает история развития ВВСТ последних десятилетий, военные возможности (количество и качество ВВСТ) и намерения могут и (меняются) достаточно быстро в отличие от национальных и государственных интересов. Так, ЯО СССР и США сменилось уже по 4–5 поколений, скорректировались (даже радикально менялись) и их стратегии использования, но основные интересы (национальные и государственные) за эти годы фактически не изменились. Именно поэтому прогноз и анализ внешней и военной политики должен основываться на национальных и государственных интересах, а не на развитии ВВСТ, их возможностей и оперативных планов использования, которые должны анализироваться соответствующими подразделениями оперативных управлений генеральных штабов. Участие экспертов по военно-политической проблематике в этой работе возможно и даже необходимо, но оно носит вспомогательный характер: конкретным органам военного планирования могут предлагаться самые общие представления (исходные данные), которые наверняка будут отличаться от таких же исходных данных, подготовленных генеральными штабами.

С этой точки зрения полезность экспертов по военно-политической проблематике можно сравнить с использованием прибора наблюдения с очень широким полем обзора, практически на 360 градусов, не исключающим ни один из возможных объектов. Так, например, анализируя возможные угрозы воздушно-космического нападения, необходимо попытаться изначально абстрагироваться от собственно военных (военно-технических и оперативных) угроз,

которые неизбежно будут в центре внимания военных специалистов, но, возможно, и не являются главными приоритетами у противника. В частности, развертывание комплекса программ по противоракетной обороне США в 80-х годах потребовало от СССР самого тщательного анализа этих усилий. По мнению, крупнейшего авторитета в этой области академика А.И. Савина, в развитии вооружений в то время наблюдались следующие закономерности:

— системы нападения и защиты находились в определенной зависимости: быстрее и дешевле создаются системы нападения, которые используются для разрушения средств защиты;
— во-вторых, системы, разрабатываемые для ПРО, имеют глобальный характер;
— в-третьих, ударные средства всегда являются дестабилизирующими.

В итоге из этих принципов следует вывод: с точки зрения эффективности противодействия наиболее важными становятся противоспутниковые средства (как говорил А.И. Савин, «антикосмическая система ПРО»)[745].

Это в полной мере относится и к СВКН и способам их использования в будущем. Эпиграф, приведенный из одной из лучших работ по военной политике и теории, подготовленной под руководством Б.М. Шапошникова, как нельзя лучше характеризует стоящую задачу — определить наиболее приоритетные средства ведения будущей войны, исходя из общего политического и стратегического замысла, а не только из достаточно традиционной оценки перспектив военно-технического развития ВВСТ западной коалиции.

Таким образом, мною подчеркивается вновь основной методологический подход, когда в основе анализа и прогноза внешней политики и стратегии государств находятся их национальные интересы, а не выделение неких потенциальных и наиболее опасных военных угроз нападения. Более того, их анализ — не самый главный и не самый важный этап в развитии анализа и поиске максимально эффек-

745 Неотвратимость сдерживания //Оборона России, 2020. Спецвыпуск, с. 46.

тивных средств противоборства для отражения этих угроз. В этом смысле внешние опасности и угрозы выступают только иллюстрацией и конкретизацией более глубокого понимания в развитии внешней и военной политики государств и их стратегий. Как и прежде в человеческой истории главное — судьба государств и наций, для которых война, как говорил величайший военный теоретик А.Е. Свечин, уникальный инструмент «создания государства, … когда нет для создания государства других способов, кроме крови и железа боевых состязаний», а «другие способы и средства — слово человека, полюбовное улаживание вопросов, договоры, обещания, национальные связи, историческая привычка и т. д. являются слишком слабыми, условными и преходящими.»[746].

Объективная оценка опасностей и угроз, исходящих, например, из тенденций развития ВВСТ и, в частности, СВКН западной коалиции, основывается, прежде всего, не столько собственно на военно-технических и военно-экономических возможностях этой коалиции, сколько на анализе военно-политических интересов западной ЛЧЦ и намерений, имеющих отчетливо выраженный военно-политический характер. Собственно, системы и виды ВВСТ — количественно и качественно — имеют, конечно же, значение, но первичны все-таки **интересы и намерения** западной коалиции, точнее — правящих элит государств этой коалиции.

Главное в этих интересах и намерениях в современный период (о чем откровенно публично признается в официальных документах)[747] — вернуть военной силе западной коалиции функции инструмента силового принуждения, утраченные в период достижения СССР стратегического паритета в 70-е и 80-е годы, а затем с трудом восстанавливаемые Россией в последнее десятилетие. Именно этот процесс, с точки зрения правящих кругов США, в настоящее время необходимо обязательно остановить, что может быть

746 *Снесарев А.Е.* Философия войны. М.: Финансовый контроль, 2003, с. 187.

747 См., например: Обзор военной политики США, подготовленный в 2018 году бывшим министром обороны (и авторитетным военным теоретиком) *Джином Мэттисом*: Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash.: DOD, 2018. pp. 1–11.

осуществлено, если говорить о возможностях применения военной силы в политике — двумя способами: как с точки зрения превращения военного потенциала Запада в реальную военную угрозу, так и с точки зрения возвращения возможности применения оружия в реальном военном конфликте на более низких уровнях.

Надо особенно отметить, что по основным критериям государственной и военной мощи США определенно превосходят своих конкурентов. В частности, по оценке профессора Д.А. Дегтярева, который предложил несколько достаточно объективных критериев, сравнение выглядит следующим образом (что предопределяет необходимость применения военной силы)[748]:

Как видно из приведенных ниже сопоставлений, только США обладают максимально высокими показателями, характеризующими их как мирового лидера. Россия по показателям военного и политико-дипломатического потенциалов может только приближаться к возможностям США, а по важнейшим экономическим, научно-техническим и инфраструктурным показателям качественно отстает. Сказанное означает, увеличение отрыва США по этим показателям и создание такого же отрыва по показателям силовым (военно-техническим и политико-дипломатическим) создает ситуацию, когда лидерство США уже не будет оспариваться и ему не будет предлагаться альтернатив.

Поэтому стратегия США по отношению к России как стратегия «наращивания» отрыва в экономической и научно-технологической области при создании такого отрыва в области военно-политической и военно-технической. Идеальным направлением, в котором эти усилия достигают кумулятивного эффекта, — наращивания экономической и технологической мощи параллельно с увеличением военных возможностей — опережающее развитие средств воздушно-космического нападения, которые объединяют возможности космических, стратегических, высокоточных неядерных вооружений и средств ПРО-ПВО.

748 *Дегтярев Д.А.* Оценка современной расстановки сил на международной арене и формирование многополярного мира: монография. М.: РУСАЙНС, 2020, с. 195–196.

Таблица 13. Позиция в мире РФ, США и КНР по основным показателям.

Группа показателей	Показатель	РФ				США		КНР	
		1990	2000	2010	Н.В.	2010	Н.В.	2010	Н.В.
Демографический потенциал	Численность населения								
	Индекс челов. развития*								
Экономический потенциал	ВВП по ППС								
	Национальное богатство								
	Накопленный объем капитала								
	Доля в мировой торговле								
	Добавленная стоимость в промышленности								
Финансовый потенциал	Приток ПЗИ								
	Исходящие ПЗИ								
	Золотовалютные резервы								
Инфраструктурный потенциал	Производство первичной энергии								
	Торговый флот (судов)								
	Объем авиаперевозок								
	Кол-во пользов. Интернет								
	Доля пользов. моб. связи								
Научно-технический потенциал	Расходы на НИОКР по ППС								
	Кол-во исследователей								
	Высокотехн. экспорт								

Как уже говорилось выше, военная сила вообще и СВКН, в частности, нужны США не «сами по себе», и не как некий атрибут внешней и военной политики, но для вполне определенной, даже конкретной цели — ограничить рост влияния Китая, России и других держав на формирование ВПО в мире, т. е. на возможность изменений финансово-экономической и военно-политической систем, сложившихся в интересах США и под давлением США за последние десятилетия[749].

749 См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2018,. 1596 с.

Таблица 14

Военно-политический потенциал	Расходы на оборону по ППС								
	Численность вооруж. сил								
	Участие в военно-политических блоках								
	Военные базы за рубежом								
	Участие в миротв. операциях								
	Финансирование миротв. операций ООН								
	Участие в военных операциях за рубежом								
	Участие в межгос. вооруженных спорах								
Дипломатический потенциал	Число дип. миссий за рубежом								
	Число аккред. инодипмиссий								
	Международная помощь								
«Мягкосиловой» потенциал	Наличие глобальных медиа								
	Организация международных мероприятий								
	Кол-во ин. студентов								

Источник: составлено на основе данных таблиц 2.1–2.56.
Примечание: За 1990 г. приведены показатели СССР. Везде, кроме (*) цветовые индикаторы имеют следующее значение:

- по данному показателю страна занимает 1–3 место в мире

- по данному показателю страна занимает 4–10 место в мире

- по данному показателю в мире страна не входит в топ-10

Это означает, что нельзя абсолютизировать значение каких-либо ВВСТ, видов и родов войск в политике, даже если их роль и выходит за обычные границы использования вооружений по своему значению. Так, Великобритания не могла до конца абсолютизиро-

вать значение своего флота в 16–19 веках, наполеоновская Франция — артиллерии, а США — атомного оружия. Мировой опыт свидетельствует, что абсолютного оружия не существует. Но в то же самое время есть те или иные виды и системы оружия и вооруженных сил, которые **в конкретные периоды времени** наиболее точно и эффективно соответствуют интересам и стратегии государств. Те же ВМС Великобритании играли важнейшую роль в расширении Британской империи на море (хотя мало могли повлиять на ситуацию на континенте), а прусская пехота и кавалерия не смогли обеспечить победы Пруссии над Францией и Россией.

Именно это соображение относится к современной роли широкого спектра средств воздушно-космического нападения США потому, что они соответствуют, прежде всего, нынешним военно-политическим интересам США и их коалиции, задачам и условиям их реализации. Коротко, они заключаются в следующем:

— Принуждение КНР, России и других «ревизионистских» держав к тем нормам и правилам, которые сформировали США в мире в последние годы неизбежно ведет к нарастанию силового противоборства, которое, по мере эскалации, неизбежно превращается в военно-силовое. Этот процесс, по мнению правящих кругов США, должен находиться под их контролем, с одной стороны, и опираться на те принципы и правила, которые разработаны и выгодны США как в финансово-экономической, так и в научно-технической и политико-административной областях, где они обладают определенным преимуществом, которое собираются увеличить[750].
— Наращивание этих преимуществ должно развиваться одновременно с созданием более существенных преимуществ над Китаем и Россией в тех областях, где их отставание не имеет критического значения. Прежде всего, в области науки, техники, технологий и военно-технической области. Это должно

750 *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции. В кн.: Промышленная политика: монография / кол. авторов; под ред. *А.С. Булатова*. Москва. КНОРУС, 2020. 496 с. (сс. 151–176).

обеспечить США и их союзникам вполне определенные преимущества в области применения военной силы (или угрозы ее применения).

— Угроза и применение военной силы против соперников в настоящее время связана с серьезными военными рисками, которые необходимо минимизировать. Это крайне трудно, практически невозможно, сделать в ходе полномасштабной войны, но можно ограничить на отдельных ТВД. Как это было в войнах второй половины XX века в Корее, Вьетнаме, на Ближнем Востоке, в Югославии, Ираке, Ливии, Сирии и других странах. В таких войнах и конфликтах роль СВКН — исключительна, можно сказать не просто решающая, но и уникальная.
— Военно-технологическое превосходство и мощь ВПК США предоставляют им уникальные преимущества, которые могут быть реализованы в создании мощного потенциала СВКН, который не может создать никакое другое государство. Даже КНР потребуется не одно десятилетие, чтобы выйти на этот уровень США, а современной России необходимо увеличить мощь своего ОПК, как минимум, в 12–15 раз даже в мирных условиях.
— Одновременно необходимо реализовать существенные изменения в когнитивно-информационной области и других областях безопасности правящих элит других государств, которые должны приспособиться окончательно к представлениям западной правящей элиты.

Представления о безопасности не только отличаются у разных представителей научного и политического сообщества, но и меняются, порой очень быстро. Так за последние 15–20 лет доминирующие представления о безопасности нации и государства в России сменились несколько раз — от приоритетов борьбы с международным терроризмом до приоритета противостояния с Западом.

Ключевое значение в военно-техническом противоборстве и обеспечении военной безопасности России имеет способность производить наиболее современные ВВСТ, основанные на новейших достижениях науки, техники и технологиях. По сути

дела, во втором десятилетии XXI века был дан старт новому этапу развития ВВСТ, основанный на новейших достижениях науки и техники. Это означало быстрый рост мировых военных расходов, которые выросли с низшей точки в 1998 году почти на 80% в 2019 году. Военные расходы России в 2018 году, по данным SIPRI, составили 61,4 млрд. долл., что на 3,5% меньше, чем в прошлом году. Таким образом, Россия опустилась в рейтинге института на шестое место[751]

Особенно быстро росли военные расходы США, которые в 2019 году составили столько же, сколько следующие за ними в рейтинге наибольших расходов 8 государств, прежде всего, Китай, Индия, Саудовская Аравия, Франция, Великобритания, Южная Корея, Россия вместе взятые. В этом году США выделили на нужды обороны более 720 млрд. долларов (с сопутствующими расходами более 900 млрд.).

Практически сразу после прихода к власти Д. Трамп дал поручение, в соответствии с которым было создано 300 межведомственных групп, которые в течение 2017–2018 годов занимались всесторонним изучением основных направлений научно-технического,

Рис. 38. Расходы федерального бюджета США на НИОКР и закупки ВВСТ США в 1980 — 2018 годы. Выделение средств МО США (в пост. Ценах 2018г.)

751 SIPRI: Россия не вошла в пятерку стран с наибольшими военными расходами // РИА Новости. 29.04.2019 / URL: https://ria.ru/20190429/1553132982.html

технологического и промышленного развития в мире. В результате осенью 2018 года в США была принята программа по развитию традиционных и смежных отраслей, которая выглядела следующим образом.

Программа развития ОПК США Д. Трампа
Организация деятельности отраслей промышленности и технологий, рассмотренных межведомственной Комиссией США для подготовки доклада президенту США

Традиционные отрасли промышленности	Смежные отрасли промышленности (cross-cutting)
Авиационная	Кибернетика производства
Химическая, биологическая, атомная	
Наземные системы	Электроника
Оборудование и ракеты	
Ядерные боеголовки	Инструменты и приборостроения
РЭБ	Материаловедение
Судостроение	
Обеспечение л/с	Органические основы
Космос	Программное обеспечение
	Рабочие ресурсы

Рис. 39.

Россия является одной из стран с самыми передовыми технологиями, лишь немного уступая Соединенным Штатам. К такому выводу пришло южнокорейское Агентство по вопросам контроля технологии и качества оборонной продукции. Об этом пишет «РГ» со ссылкой на информационное агентство Yonhap.

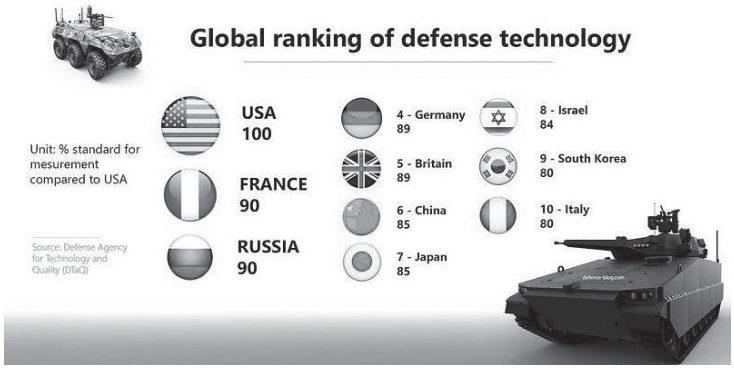

Рис. 40.

Южнокорейское агентство провело исследование уровня развития военных технологий в разных странах и по результатам, полученным в ходе изучения, составило доклад, который позднее был обнародован южнокорейскими СМИ. В докладе не указывается, какие именно технологии помогли тем или иным странам занять свои места, а показывается процентное соотношение от уровня самой высокотехнологичной страны по мнению исследователей — США, — уровень которой взят за сто процентов. По мнению южнокорейских экспертов, первое место рейтинга самых передовых военных технологий занимают Соединенные Штаты. На втором и третьем местах с одинаковым результатом расположились Франция и Россия — эксперты посчитали, что обе страны находятся на одном уровне развития военных технологий и лишь немного уступают США. Также в десятку высокотехнологичных стран вошли в порядке убывания: Германия, Великобритания, Китай, Япония, Израиль, Южная Корея и Италия, замкнувшая список. При чем авторы исследования самокритично отмечают, что Южной Корее помогло закрепиться на девятом месте модернизация самоходной гаубицы K9 Thunder и разработка управляемого наземного оружия. Ранее сообщалось, что, согласно различных рейтингов, ВС России занимают второе место среди сильнейших армий мира, уступая только США.

3.3.а). Развитие средств воздушно-космического нападения западной коалиции и развитие средств противодействия Россией.

В 2020 году стало ясно, что приоритетным направлением в развитии ВВСТ западной военно-политической коалиции стали средства воздушно-космического нападения, спектр которых постоянно расширяется от космических аппаратов (КП) до беспилотников

(БПЛА). В качественном отношении ситуация выглядит очень сложно — вплоть до 2025 года мы наблюдаем потенциалы стремительного роста самых разных систем и видов средств воздушно-космического нападения США и их союзников — от БПЛА до космических вооружений[752]. Эксперты Концерна ВКО «Алмаз-Антей» представляют ситуацию с развитием отдельных видов и систем СВКН в среднесрочной перспективе следующим образом.

Как видно из схемы, основной акцент в США до 2025 года будет делаться на КА и гиперзвуковых ракетах, а также новом поколении КР разных типов базирования (включая гиперзвуковые). Сюда же добавляются новейшие БПЛА, включая ударные, которые могут быть использованы в том числе и «роем». По-прежнему акцент делается на развитии самых разных типов ракет, прежде всего в Европе.

Развитие средств воздушно-космического нападения вероятного противника

Рис. 41.

Именно поэтому противодействие нарастающему валу СВКН западной коалиции предполагает создание достаточно универсальных средств и систем ПВО-ПРО, способных уничтожать как аппараты на космической орбите и гиперзвуковые ракеты и ЛА, так и

752 По материалам офиса Генерального конструктора Концерна ВКО «Алмаз-Антей».

небольшие, и недорогие БПЛА, используемые в огромных количествах. Проблема, таким образом, превратилась из проблемы противодействия большому числу КР всех типов базирования (которых, напомню, предполагалось развернуть более 4000 единиц до 2025 года) в проблему противодействия самому широкому спектру СВКН — от баллистических и гиперзвуковых ракет до ЛА, летящих на высотах в несколько метров.

Одним из средств такого универсального противоборства стала система С-350 и система С-400. Так, в ходе проведения боевых стрельб были уничтожены более десятка целей, имитируемых ракетами-мишенями типа «Армавир» и интеллектуальными гиперзвуковыми ракетами-мишенями типа «Фаворит». Все цели были поражены. С-400 может поражать цели на расстоянии до 400 километров и на высоте до 30 километров под интенсивным огнем противника, в условиях электромагнитных помех. Сегодня, когда потенциальные угрозы достигли гиперзвуковой скорости, возникла потребность в новом обучении и доктрине. В этой связи Россия, руководствуясь девизом «лучшее обучение проводится в максимально приближенных к реальным условиям», оценила имеющиеся возможности и создала «Фаворит-РМ». Гиперзвуковая интеллектуальная мишенная система «Фаворит-РМ» была разработана на основе ракет 5В55, которые используются в зенитных ракетных комплексах С-300. Как сообщает C4Defence, новая система, которая состоит из пусковых установок С-300ПС, позволяет одновременно запускать 16 мишеней. Этим достигается плотность и интенсивность налета, что создает максимально достоверную имитацию воздушных целей. Благодаря ракетному двигателю мишени «Фаворит-РМ» могут на достаточно широком диапазоне высот и скоростей представлять самые разные цели, такие как вертолеты, баллистические ракеты, истребители, беспилотные летательные аппараты, крылатые ракеты. «Фаворит-РМ» в результате проведенных преобразований может за короткое время полета выходить на скорость свыше 7 тыс. км в час.

Спектр таких средств воздушно-космического нападения может быть очень широк и периодически расширяться по мере появ-

ления новых военно-технических возможностей. Эксперты Концерна ВКО «Алмаз-Антей» следующим образом прогнозируют их развитие до 2030 года.

Таким образом создание значительного количества систем и видов средств противодействия СВКН — наиболее приоритетная задача, стоящая перед ОПК РФ. Вместе с тем, учитывая огромный спектр создания таких возможных систем и видов ВВСТ, необходимо выделить наиболее опасные и наиболее приоритетные направленбия создания средств противодействий СВКН[753].

Динамика количественного и качественного изменения арсенала ракет средней и меньшей дальности в европейском регионе

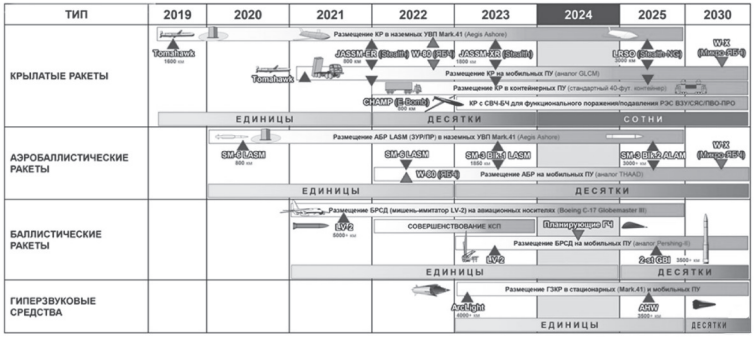

Рис. 42

По оценкам некоторых экспертов Концерна ВКО «Алмаз-Антей», развитие КР МБ в 20-е годы нашего века приведет к созданию такой военно-политической ситуации, когда собственно потенциалы СНВ будут «выведены за скобки» стратегического уравнения отношениях России и США, более того, даже США и Китая. Это позволит, в конечном счете, вернуть военной силе Запада функцию «используемого» инструмента политики, как минимум, в той ее части, которая ассоциируется с реальной военной угрозой.

753 *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции. В кн.: Промышленная политика: монография / кол. авторов; под ред. *А.С. Булатова*. М.: КНОРУС, 2020. 496 с. (сс. 151–176)

В этих целях, как уже говорилось выше, предполагается развернуть широкий спектр СВКН, часть из которых (например, КРМБ) уже в состоянии фактически вести военные действия без применения ЯО на всей территории РФ. Как видно из схемы, подготовленной экспертами Концерна ВКО «Алмаз-Антей», практически вся территория России уже перекрывается КР МБ, которые базируются на морских платформах по периферии границы РФ. До 2025 года, по мере поступления большего количества КР повышенной дальности и точности, США фактически приобретут возможность нанесения удара ВТО по нескольким тысячам объектов с точностью (КВО) до 1–2 метров.

Рис. 43.

Фактически эта стратегия в ограниченных масштабах уже была апробирована США в Сирии. Как видно из прилагаемого рисунка, подготовленного экспертами Концерна ВКО «Алмаз-Антей», КРМБ превратились уже в часть потенциала ВТО, который может быть использован в военных целях. Причем с разных стратегических направлений. Опыт нанесения удара по Сирии США и их союзниками — очень показателен: как минимум, с трех стратегических направлений был нанесен массированный удар КРМБ, аэробаллистическими ракетами по одной-единственной цели на территории Сирии.

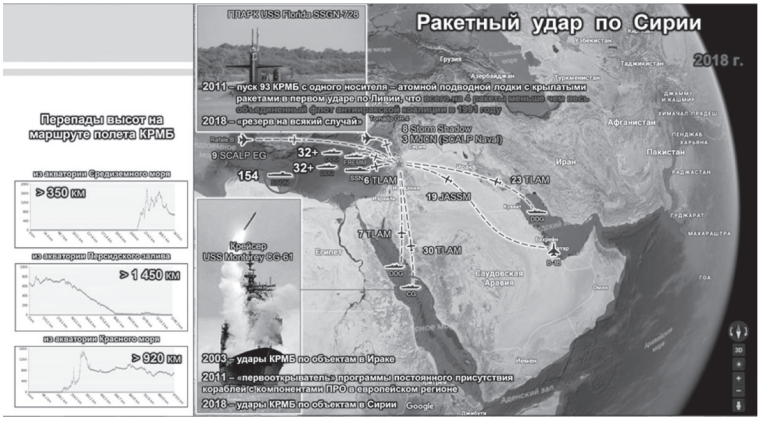

Рис. 44.

Естественно, что этот опыт может быть перенесен на те или иные вероятные ТВД с Россией, например, на Юго-Востоке Европе, где возможный конфликт, где будут использованы ВС Украины, может быть поддержан многочисленными ударами ВТО из бассейнов Черного, Северного, Баренцева и Средиземного морей.

Ситуация для России может быть многократно ухудшена в случае многократного дублирования целей с разных стратегических направлений, например, одновременно с южного, северного и западного. Как показывает опыт Сирии, в этом случае эффективность нанесения такого удара ВТО многократно увеличивается.

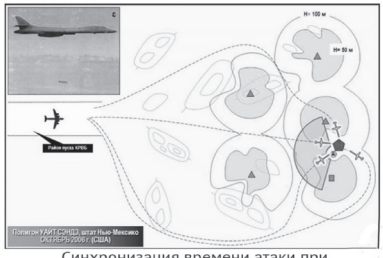
В еще большей степени ситуация осложняется в случае применения в наступательном ударе КР и БР систем ПРО США и их союзников, включая размещенными на базе в Европе, «Иджис».

Естественно, что подобная угроза массированного использования КР разных типов базирования в скоординированном ударе не может игнорироваться ВС России. В частности, разработке средств противодействия групповому применению КР и БЛА было посвящено масштабное командно-штабное учение (КШУ) Центрального военного округа на полигонах Капустин Яр и Ашулук под руководством командующего генерал-полковника А. Лапина. В этих целях были развернуты командные пункты оперативного и такти-

ческого назначения с системами борьбы ЗРК «Тор» и «Оса-АКМ» во взаимодействии с РЭБ, а также системами С-300 и С-400 и самолетами (всего более 700 единиц)[754].

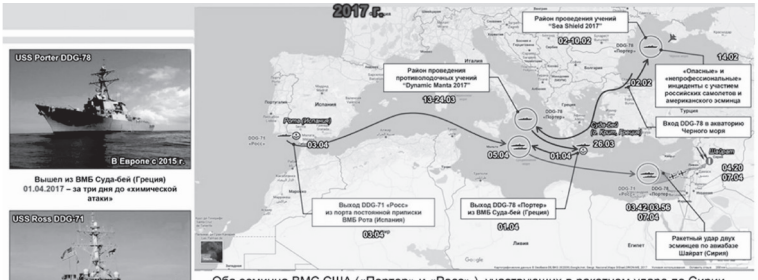
Испытания по синхронизации ударов КР, запущенных с одного носителя, регулярно проводятся на полигонах США начиная с 2006 года. На рисунке 12 представлена схема одновременного «звездного удара» четырьмя КР JASSM, последовательно запущенными со стратегического бомбардировщика B-1B. При ракетном ударе по сирийской авиабазе Шайрат несмотря на то, что пуски 59 крылатых ракет производились с двух кораблей в течение около 1415 минут, продолжительность самой атаки совокупности группо-вых и одиночных целей не превышала 2–3 минут.

Таким образом, без учета синхронных подрывов боевых частей пиковая плотность налета составила от 45 до 53 КР/мин. Необходимо особенно отметить, что такая плотность была **реализована всего с двух носителей**.

Синхронизация времени атаки при пуске с одного носителя

Рис. 45

Оба эсминца ВМС США («Портер» и «Росс»), участвующих в ракетном ударе по Сирии, наряду с эсминцами ВМС США «Дональд Кук» и «Карни» **размещены на постоянной основе** в средиземноморском регионе Европы с 2014-2015 гг. с портом постоянной приписки на ВМБ Рота (Испания).

Вместе с наземными базами ПРО «Иджис Эйшор» в Румынии и Польше **являются составными частями программы построения европейской поэтапной адаптивной системы противоракетной обороны**.

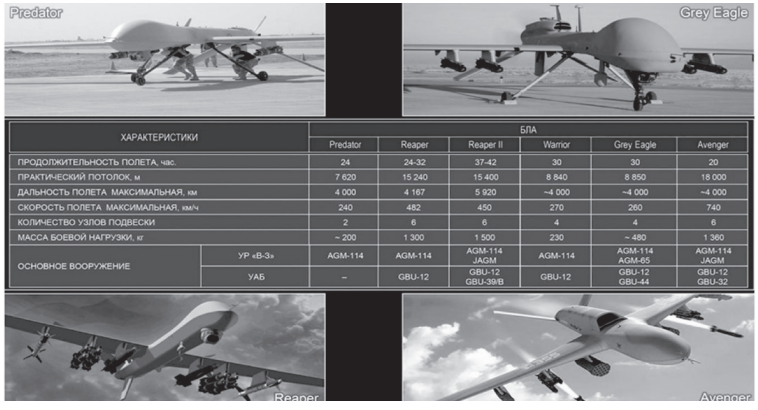
Рис. 46. «Мирные голуби «Евро ПРО»

754 В ЦВО отработали отражение массированного удара крылатыми ракетами // Национальная оборона, 2019, № 5, с. 19.

Эффективность ЗРК «Тор» (прежде всего ЗРК «Тор-М2КМ») чрезвычайно высока. Она определяется алгоритмом «одна цель — одна ракета» (вероятность более 90%) и способностью поражать цели на высотах от 5 метров до 10 000 метров и на дальности от 1000 до 15 000 метров[755].

Складывается впечатление, что России предстоит неизбежное массированное развертывание самых разных систем ПВО-ПРО, способных перехватить в общей сложности более 10 000 летящих ракет всех типов и ЛА — от самолетов и управляемых авиабомб до БПЛА. Масштаб такого наступления с помощью СВКН — вполне реален, если вспомнить опыт США войны против Кореи и Вьетнама, а также более «скромный» опыт бомбардировки Югославии, Ирака, Сирии.

При этом обращает на себя внимание набирающая тенденция ускоренного развития флота БПЛА США и их союзников по коалиции, которая свидетельствует о том, что удельный вес БПЛА, особенно ударных, может вытеснить пилотируемую авиацию до 2030 года.

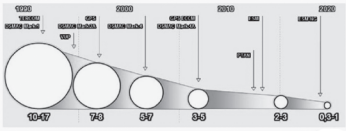
ХАРАКТЕРИСТИКИ		БЛА					
		Predator	Reaper	Reaper II	Warrior	Grey Eagle	Avenger
ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТЬ ПОЛЕТА, час.		24	24-32	37-42	30	30	20
ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОТОЛОК, м		7 620	15 240	15 400	8 840	8 850	18 000
ДАЛЬНОСТЬ ПОЛЕТА МАКСИМАЛЬНАЯ, км		4 000	4 167	5 920	~4 000	~4 000	~4 000
СКОРОСТЬ ПОЛЕТА МАКСИМАЛЬНАЯ, км/ч		240	482	450	270	260	740
КОЛИЧЕСТВО УЗЛОВ ПОДВЕСКИ		2	6	6	4	4	6
МАССА БОЕВОЙ НАГРУЗКИ, кг		~ 200	1 300	1 500	230	~ 480	1 360
ОСНОВНОЕ ВООРУЖЕНИЕ	УР «В-3»	AGM-114	AGM-114	AGM-114 JAGM	AGM-114	AGM-114 AGM-65	AGM-114 JAGM
	УАБ	–	GBU-12	GBU-12 GBU-39/B	GBU-12	GBU-12 GBU-44	GBU-12 GBU-32

Рис. 47. Характеристики беспилотных авиационных систем (класса MALE)

755 Применение ЗРК «Тор-М2КМ» для непосредственной защиты ЗРК большой и средней дальности // Национальная оборона, 2019, № 5, сс. 54–56.

Это направление имеет особенно важное значение в связи с быстрым ростом потенциала ВТО, размещенного на КР и БПЛА, о чем свидетельствуют оценки экспертов Концерна ВКО «Алмаз-Антей»[756].

Разоружающий удар высокоточным оружием в неядерном исполнении рассматривается агрессором **только как внезапный** – из положения «мирного времени», т.е. без выраженного угрожаемого периода.
Отдельные элементы такого внезапного удара также отрабатываются в ходе плановой боевой подготовки ВС США. В США с 2018 года планируется приступить к полномасштабным НИОКР по созданию специализированной версии КР «Томагавк», предназначенной для поражения комплексов баллистических ракет (межконтинентальных, средней дальности и оперативно-тактических), включая движущиеся цели. Основное отличие данной ракеты заключается в использовании в составе ее системы конечного наведения активного радиолокационного канала миллиметрового диапазона, обеспечивающего повышение точности наведения КРМБ – КВО не хуже 1 метра. Считается, что такая модификация ракеты должна обеспечить надежное поражение це-лей, включая малозамет-ные, находящиеся под различными ракурсами и замаскированные на фоне окружающей местности.

Эволюция точности крылатых ракет

Рис. 48.

756 *Подберезкин А.И.* Современная военно-промышленная политика в условиях четвертой промышленной революции. В кн.: Промышленная политика: монография / кол. авторов; под ред. *А.С. Булатова*. Москва. КНОРУС, 2020. 496 с. (С. 151–176)

3.4. Влияние усиления глобального военно-силового противоборства и ограниченного сотрудничества на состояние военно-политической обстановки в мире.

Политика принуждения... может включать экономические санкции, карательные политические меры, кибернетические операции, тайные операции разведки, военную помощь, пропаганду, ограничения или манипуляции в области торговли, препятствия движению людей и товаров, поддержку политической оппозиции, а также другие меры. Эти меры и средства в целом обладают потенциалом слома воли, подчинения политики….[757]

Д. Гомберт и Г. Беннендижик, авторы доклада РЭНД

Характеристика современной ВПО и политика основных держав и акторов не могут быть поняты без осознания радикальных изменений в средствах и способах силовой политики, которые произошли в последние 20 лет, т. е. характере силового противоборства[758] субъектов и акторов МО и ВПО. Более того, можно

757 *Gompert D. C., Binnendijk H.* The Power to Coerce: Counterering Adversaries Without Going to War. Cal., 2016, p. 5.

758 **Силовое противоборство** — *зд.:* форма отношений между государствами и акторами, сочетающая как силовую политику (прямое и косвенное применение военной силы и невоенных средств), так и переговоры, и периодически разные формы сотрудничества.

ожидать, что период развития военно-политической обстановки в мире 2019–2024 годов будет еще более радикально отличаться не только от периода развития ВПО до 2014 года, но и самых последних лет: именно в эти годы эскалация политики «силового принуждения» в отношении России перешла **в качественно новую фазу прямого военно-силового противоборства,** когда доля невоенных силовых средств и мер в политике западной коалиции, с одной стороны, сократилась в пользу смешанных, военно-силовых, или «системно-асимметричных» средств и способов силового принуждения, а, с другой стороны, их значение в политике — усилилось[759].

Эта диалектика развития отношений предполагает, что эффективная политика должна обладать всем набором силовых инструментов и инструментов сотрудничества, которые также могут считаться инструментами силового принуждения, что очень хорошо продемонстрировал в своей политике Д. Трамп. Фактически это означает, что политика «силового принуждения» тождественна политике силового противоборства, сочетая в себе «в разных дозах» все элементы. Она наглядно видна на примере политики США в отношении России последних лет, когда **невоенные** инструменты силового принуждения — от информационно-когнитивных до торгово-экономических и финансовых — постоянно усиливаются **военными** силовыми инструментами — развитием инфраструктуры НАТО, развертыванием ПРО, маневрами, разведывательными полетами и т. п., — одновременно с периодическими попытками политико-дипломатическими средствами и разного рода переговорами также принудить Россию к изменению политической позиции, фактической капитуляции.

Иными словами, переговоры и элементы сотрудничества становятся таким же силовым инструментом политики, как и традиционный набор силовых — военных и невоенных — инструментов

759 Переход политики США в новую фазу описывался мною не раз. См., например: *Подберезкин А.И.* «Переходный период» развития военно-силовой парадигмы (2019–2025 гг.) // Обозреватель, 2019, № 4, сс. 5–26.

политики силы. Формально-логически эту политику можно изобразить следующим образом.

Рис. 49.

История человечества свидетельствует, что, к сожалению, объективно, в отношениях между субъектами МО и ВПО, как правило, **доминирует форма силового противоборства**, когда существует очень широкий выбор силовых средств и мер, разрабатываемых в качестве механизмов принуждения, и практически отсутствует такой набор эффективных мер и средств при партнерско-союзнических отношениях, что вполне соответствует реалиям международных отношений, когда «существуют вечные национальные интересы, но нет вечных союзников, либо врагов». Движущие мотивы — экспансия, захват ресурсов и пр., как правило, одни и те же, но их проявление (состояние отношений) может быть очень разным. Так, экспансия русских на восток в течение нескольких столетий велась, как правило, мирными средствами, а коренное население не столько страдало, сколько приобретало от этого. Совершенно другая история с экспансией империалистических держав в мире, которая изобилует примерами геноцида и уничтожения целых народов.

В новейшее время в отношении внешней экспансии к России очень показательна политика Японии, которая до настоящего времени претендует на «северные территории». Между тем с 1905 года, после русско-японской войны, японская агрессия в отношении России и СССР не прекращалась и была остановлена только в 1945 году: отхватив Южный Сахалин и Курильские острова, Япония в 1910 году оккупировала Корею и стала захватывать Северный и Центральный Китай, а во время гражданской войны в России захватила огромную территорию вплоть до Читы, претендуя на всю Сибирь вплоть до Урала, а в 30-е годы попыталась проверить на эффективность Вооруженные силы СССР на Дальнем Востоке и в Монголии. При этом Япония очень активно вела себя во всех других областях, определявших военную мощь СССР, — от состояния армии и политического руководства до промышленности и полезных ископаемых[760]. В настоящее время Япония не только откровенно претендует на «северные территории», но и быстро наращивает свою военную мощь, превращаясь в ведущую в военном отношении страну на Дальнем Востоке и АТР, чьи военно-технологические возможности нельзя игнорировать. В качестве примера влияния стратегического противоборства на формирование ВПО в последнее десятилетие можно привести отношения США с новым мировым гигантом — Индией, - которые могут радикально изменить не только ВПО в регионе, но и в мире.

Конечно, вступление в объединение типа НАТО означало бы для Индии разрыв с курсом неприсоединения, которого она придерживается в течение более 70 лет, минувших со дня провозглашения независимости. Сделает ли она такой шаг? «Хотя в известной степени изменения во внешней политике Индии имеют место, на столь крутой поворот правящая националистическая партия Бхаратия Джаната вряд ли пойдет» — сказал «НГ» профессор МГИМО Сергей Лунев. — Тем более что в Дели опасаются еще сильнее обострять отношения с КНР, поскольку она самая влиятельная эко-

760 См. подробнее: *Успенский В.* Тайный советник вождя. М., СПб.: Крымский мост, 2017, сс. 526–527.

номическая держава в Восточной Азии. А для Индии этот быстро развивающийся регион тоже стал приоритетом с точки зрения торговли и инвестиций. Индийцы не хотят, чтобы китайцы ставили им там палки в колеса».

По словам эксперта, антикитайские настроения в Индии сильны, но правительство старается не идти у них на поводу. Тем более что индийцы прекрасно понимают: при всех позитивных чертах сотрудничества с США они никогда не будут воспринимать Индию как равного партнера. А для Индии это неприемлемо. То есть сдвиги в политике Дели есть, но они пока не радикальны.

Лунев указал на еще один аспект курса Вашингтона по отношению к Индии. Он хочет выбить Россию с индийского рынка вооружений. Пока этого американцам не удалось. За пять лет — с 2014 по 2019 год — на Россию пришлось более половины поставок оружия Индии из-за рубежа.

«Однако на руку американцам то, что российско-индийские отношения переживают сейчас определенный кризис. В прошлом году впервые за 20 лет не было российско-индийского саммита, даже в формате видеосвязи. Хотя еще осенью его собирались проводить. Причина такого спада в том, что Москва, недовольная сближением Дели с Вашингтоном, стала развивать военно-политические связи с Пакистаном. Россия провела с Пакистаном совместные военные учения, стала поставлять ему оружие. Это оказало на индийцев ужасное впечатление», — заключил эксперт.

К тому же Вашингтон, стремясь скрепить свой неформальный союз с Индией, приготовил для нее еще один гамбит. По сведениям Financial Times, он хочет вовлечь Дели в еще одну геополитическую комбинацию, именуемую «Англосфера (Anglosphere) плюс большие демократические страны Азии». Это не какой-то невиданный зверь, а мутант, в который должны войти пять англоязычных стран — США, Британия, Канада, Австралия, Новая Зеландия, а также Индия и Япония.

Пока что реально существует только «Англосфера». Между пятью англоязычными странами действует соглашение о дележке или обмене разведывательной информацией. Пул называется «Пять

глаз». План состоит в том, чтобы к соглашению присоединить Индию и Японию. То есть «Пять глаз» превратить в «Семь глаз». Замысел отнюдь не из мира фантастики. Ведь новая администрация США, как сказал госсекретарь Энтони Блинкен, собирается следовать тому же подходу к Китаю, которого держался экс-президент Дональд Трамп. Только не выходя за границы дозволенного.

На это представитель МИД КНР Чжао Лицзянь отреагировал следующим образом: «Не важно, будет ли у них пять или десять глаз. Тому, кто покусится на суверенитет Китая, мы глаза выколем».

В силу простой реальности существования силового противоборства государств, их политика в направлении развития ВПО, как правило, направлена на разработку **максимально широкого спектра силовых средств такого противоборства,** когда собственно военно-силовые средства используются в крайнем случае, выступая «материальным активом» обеспечения эффективного применения других силовых инструментов политики. Если к ВПО относиться как к «совокупности межгосударственных отношений»[761], то этот кажущийся парадокс объясняется достаточно просто: военные риски и финансовые издержки прямого использования военной силы оказываются очень высокими, а в ряде случаев (например, военного конфликта с Россией) и неприемлемыми. Поэтому США и их союзники максимально широко и повсеместно начали использовать невоенные средства и меры силового принуждения, эффективность которых, однако, обеспечивается в том числе и военными средствами. Получается, что политика силы должна максимально расширяться с точки зрения подготовки и применения самого широкого спектра невоенных инструментов насилия, но одновременно ее эффективность прямо зависит от военных средств и способов, которые используются как в «чисто» политических целях, так и прямо, и непосредственно в качестве вооруженного насилия.

Те средства и способы силового принуждения, которые разрабатываются сегодня в США и странах-союзниках по военно-по-

761 *Махонин В.А.* К вопросу о понятии «военно-политическая обстановка» // Военная мысль, 2011, № 4, сс. 3–10.

литической коалиции, представляют собой, как правило, *принципиально новые средства и способы их силового принуждения в отношении России*, принуждения ее правящей элиты к политической капитуляции, которая, в конечном счете, должна привести к национальной и государственной, а затем и национальной катастрофе. Очень наглядно это было видно на примере принуждения М. Горбачева и его правящей элиты к внутриполитической деформации и дестабилизации, созданию открытой прозападной оппозиции, которая, в конечном счете, развалила ОВД и СССР[762].

Поэтому необходимо сделать как минимум вывод о том, что средства и способы противодействия со стороны России должны быть **такими же бескомпромиссными и эффективными.** Они представляют собой широкий комплекс средств и мер силовой политики, где акцент концентрируется именно на силовых, но невоенных средствах и мерах, включая силовые, переговорные методы в рамках политики, получившей в последние годы определение «публичной» дипломатии.

Рис. 50. Расширение спектра силовых сил и средств публичной и официальной дипломатии в XXI веке

762 На мой взгляд, очень хорошо этот процесс развития зависимых отношений был описан в работе *Костырченко Г.* Тайная политика: от Брежнева до Горбачева. В двух частях. М.: Международные отношения, 2019. Ч. 1. 592 с.; Ч. 2. 480 с.

Соответственно, что в целом разработка и внедрение со стороны России эффективных средств и способов противодействия политике силового принуждения Запада и составляет суть понятия «эффективное стратегическое сдерживание», которое значительно шире, чем традиционное (и упрощенное) восприятие политики «ядерного сдерживания» («устрашения»)[763].

3.4.а). Новые особенности военно-силовой политики Запада

История показывает преемственность и долгосрочный характер военно-силовой политики Запада в отношении других стран, которая (если и меняется) корректируется достаточно медленно, эволюционно, в деталях. Эти «детали», однако, очень важны с точки зрения формирования конкретной СО.

Такая политика США и созданной ими коалиции в последние годы имеет ряд важных особенностей, которые позволяют говорить о новой стратегии США в мире, адаптированной к возникновению новых центров силы и появлению реальной угрозы их монополии на власть и контролю над развитием МО и ВПО. В целом современную внешнеполитическую стратегию силового принуждения США, которая сформировалась в последние годы при администрациях Б. Обамы и Д. Трампа, можно концептуально описать следующим образом:

Главная цель: сохранение контроля США над созданными финансово-экономическими и военно-политическими системами в мире[764]. Такой контроль важен как сам по себе, предоставляя

763 *Подберезкин А.И., Подберезкина О.А.* Политика санкций как часть политики «силового принуждения» Часть I // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2018, № 11, сс. 6–26.

764 Эта цель двухпартийная, всей правящей элиты США по отношению ко всем странам в мире, сформулирована еще при Б. Обаме и разделяемая в целом Д. Трампом и его администрацией. См., например: National Security Strategy of the USA. Wash., 2010. April; а также: National Security Strategy of the USA. Wash., 2017. December.

США мощные конкурентные преимущества относительно других государств, но он важен и потому, что позволяет контролировать **основные мировые ресурсы,** используемые в том числе и в политических целях. Как правило, политики и эксперты в США к ним относят следующие:

Мировые ресурсы, контролируемые США

— США контролируют более 30% мировых иностранных инвестиций;
— доллар США — основа для мировых финансовых расчетов;
— 4 из 7 крупнейших мировых банков — американские;
— 7 ведущих медиакомпаний и 95% медиаресурсов — американские;
— США продают более 75% ВВСТ и оказывают военную помощь почти на 20 млрд. долл. ежегодно;
— исследования и изобретения в мировой сети информации в основном американские;
— США контролируют основные мировые институты, включая, прежде всего, глобальную экономику;
— ВМС США обладают таким же превосходством на морях, как и британский флот в XIX веке;
— разведывательные возможности США превосходят любые возможности зарубежных государств, предоставляя право знать все о врагах и противниках;
— наконец, силовые возможности США в мире в действительности еще больше потому, что к ним должны быть добавлены возможности союзников США в Европе и Азии[765].

Таким образом, амбиции США имеют под собой не только политическую, но и вполне конкретную материальную основу в форме огромных государственных ресурсов страны и союзников, чья численность в разные годы достигала 60 и более государств, связанных с США разного рода обязательствами. Афганистан и Ирак, а теперь и Сирия демонстрируют, что эти обязательства имеют под собой вполне реальную основу.

765 *Gompert D. C., Binnendijk H.* The Power to Coerce: Counterering Adversaries Without Going to War. Cal., 2016, pp. 6–7.

Сохранению полного контроля США над финансово-экономической и военно-политической ситуацией в мире, по мнению правящей элиты США, угрожают три важнейших мировых тенденции: глобализация, распространение технологий и демографические сдвиги, и несколько государств, прежде всего, Китай, Иран и Россия.

Для того, чтобы обеспечить сохранение такого контроля предполагается использование системно всех имеющихся ресурсов и способов в рамках политики «силового принуждения».

Основные средства и меры политики «силового принуждения»:

Все указанные и иные материальные, информационные и политико-дипломатические ресурсы, используемые системно, в комплексе, при гарантиях военно-силового обеспечения их применения, военного «прикрытия», позволяющего использовать их активно, без оглядки на возможные последствия.

С точки зрения политического и военного искусства можно выделить следующие особенности в способах и мерах политики «Силового принуждения», которые были практически продемонстрированы США, начиная с операции в Афганистане и Ираке. Средства и способы политики «силового принуждения» предполагают **системное сочетание в политике трех групп способов силового принуждения** (в порядке приоритетности):

Во-первых, наращиванием **собственного** научно-технологического и промышленно-технологического превосходства[766]. Так, в частности, рассматривая наиболее эффективные и наименее рискованные средства силового воздействия на Россию, в США пришли к выводу, что таковыми являются, прежде всего, следующие меры и средства:

— **увеличение собственных запасов и переработки углеводородов,** предполагающее развитие собственной базы добычи и переработки углеводородов, что одновременно

766 Assessing the Impact of Cost-imposing options. Cal.: RAND, 2019, p. 50.

предполагает и усилия по препятствию развития такой базы других государств;

— **наращивание потенциала фундаментальной науки, технологий и НИОКР.** В частности, предлагается ускоренное промышленно-технологическое развитие по двум основным направлениям — традиционным технологиям и новым (смежным), которые объединяются в несколько сотен программ:

Таблица 15.

Программа развития ОПК США Д. Трампа
Организация деятельности отраслей промышленности и технологий, рассмотренных межведомственной Комиссией США для подготовки доклада президенту США

Традиционные отрасли промышленности	Смежные отрасли промышленности (cross-cutting)
Авиационная	Кибернетика производства
Химическая, биологическая, атомная	
Наземные системы	Электроника
Оборудование и ракеты	
Ядерные боеголовки	Инструменты и приборостроения
РЭБ	Материаловедение
Судостроение	
Обеспечение л/с	Органические основы
Космос	Программное обеспечение
	Рабочие ресурсы

— **организация дополнительной эмиграции в США качественного человеческого капитала,** предполагающее увеличение отрыва США от других государств в качестве человеческого капитала посредством его скупки из-за рубежа.

Во-вторых, стратегия «силового принуждения» США предполагает ослабление политических, экономических и военных **позиций** как потенциальных противников, так и союзников, т. е. борьбы за относительное усиление позиций США в мире. При этом в отношении:

— противников предполагается использовать весь самый широкий спектр средств силового принуждения — от

санкций и других ограничений и трудностей, а также пересмотр соглашений и договоренностей, а при необходимости и полного отказа от них;

— союзников — ухудшения внешних условий для их развития относительно США, в том числе и с помощью существующих и новых соглашений и договоренностей;

В-третьих, политика «силового принуждения», предполагает при необходимости, что она будет поддерживаться на всех уровнях противоборства превосходящей военной мощью США. Рассматриваются, например, три варианта возможной политики США в области развития ВКС и их возможностей как с точки зрения их последствий для политики «силового принуждения», так и для США и возможных рисков: «Вариант № 1», «Вариант № 2» и «Вариант № 3»[767]. В частности, в соответствии с этими тремя вариантами такая системная политика может быть проиллюстрирована, например, следующим образом:

Таблица 16. Меры в области создания авиационно-космических средств нападения и обороны и их возможные последствия

Мероприятия в области воздушно-космической (ядерной) деятельности	Вероятность ослабления России	Преимущества	Стоимость и риски
Вариант № 1: Изменения в доктрине и стратегии использования воздушно-космических сил			
Перебазирование бомбардировочной авиации за пределы доступа РСМД	высокий эффект (с точки зрения затрат России на ПВО)	средний	небольшой

767 Assessing the Impact of Cost-imposing Options. Cal.: RAND, 2018. November. P. 6.

Перебазирование истребителей бомбардировщиков ближе к границам России	низкий эффект	скромный	высокий
Размещение дополнительного ТЯО	высокий эффект (с точки зрения затрат, России на ПВО)	небольшой	скромный
Развертывание систем ПРО США и союзников	низкий	низкий	скромный

Вариант № 2: Увеличение НИОКР в области ВКС США:

Увеличение инвестиций в технологии «невидимки»	скромный	скромный	скромный
Увеличение инвестиций в автономные ЛА	высокий	скромный	скромный
Увеличение инвестиций в ударную авиацию дальнего действия	высокий	высокий	скромный
Увеличение инвестиций в высокоскоростные ракеты	высокий	средний	средний
Увеличение инвестиций в средства РЭБ	скромный	скромный	низкий

ВТО неядерные ракеты	скромный	скромный	высокий
Инвестиций в оружие в космосе	низкий эффект	скромный	высокий
Инвестиций в «космические самолеты»	скромный	скромный	высокий
Инвестиции акцент на небольших (ИСЗ) спутниках	низкий	скромный	высокий
Вариант № 3: Увеличение возможностей ядерной триады			
Слом режима контроля над вооружениями	низкий	Скромный (незначительный)	высокий

Как видно из приведенных данных, создание тех или иных средств рассматривается, прежде всего, с точки зрения возможностей нанесения максимального ущерба РФ при минимальных издержках для США.

«Системно-ассиметричные» меры — Политические в своей сути меры силового принуждения, которые **сочетают как военные, так и невоенные средства, и меры силовой политики**, используемые одновременно, и как правило, параллельно. Примером могут служить действия США в отношении Ирана в 2019 году, когда США в 2018 году, отказавшись от Совместного всеобъемлющего плана действий[768], предприняли скоординированное системное

768 Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД) — соглашение, достигнутое в 2015 году между Ираном и странами Евросоюза и КНР+США+ России. Основные пункты договоренности]: Большая часть иранского обогащенного урана будет вывезена за границу. Будет вестись наблюдение за достижениями Ирана в сфере ядерного вооружения. Ни один из ядерных объектов в Иране не будет демонтирован. Завод по обогащению топлива Фордо станет научно-исследовательским центром ядерной физики без мощностей по обогащению урана. МАГАТЭ получит доступ ко всем ядерным объектам в стране сроком на 20 лет, что позволит организации следить за тем, чтобы иранская ядерная программа носила исключительно мирный характер. Некоторые ограничительные меры со стороны P5+1 останутся в действии на некоторое время, но потом будут отменены.

силовое давление на Иран с целью принудить его к отказу от всех ядерных программ. США сами инициировали различные меры и санкции, включая военный шантаж, сочетание мер политико-дипломатического и информационного давления с военными угрозами и демонстрацией военной силы.

Коалиция Запада

Важно подчеркнуть, что в настоящее время и в будущем России будет противостоять широкая западная военно-политическая коалиция, включающая уже более 60 государств, причем не только стран-членов НАТО, но и других союзнических государств США «в Европе и Азии». Соответственно и в подготовке, и в выборе средств и мер противодействия их политике «новой публичной дипломатии» и укрепления стратегической стабильности со стороны России предстоит учитывать это негативное обстоятельство. Причем как в политико-дипломатической, так и других областях. Скажем, позиция США в ООН и других международных организациях получает фактически автоматическую поддержку.

С точки зрения политико-дипломатических средств силового противоборства необходимо признать, что США и их союзники фактически начали с 2014 года процесс **демонтажа или, точнее, — приспособления** для своих интересов как традиционные переговоры и международные институты, так и весь набор традиционных политико-дипломатических средств — консультаций, переговоров, передачи информации и санкций: секторальных и персональных.

Эта трансформация хорошо видна на примере их отношений по **трем крупным блокам проблем,** которые традиционно относятся к формам сотрудничества, но превратились в средства политики «силового принуждения»:

1. Ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности, где по всем основным направлениям наметился отказ США от сотрудничества и стремление пересмотреть имеющиеся договоренности с Россией и другими странами — прежде всего Ираном, КНДР и Китаем.

Рис. 51.

2. Политике эскалации санкций, которая после 2014 года приобрела откровенно политико-силовой характер не только в отношении России, но и ряда других стран.

3. Торгово-экономическим отношениям, которые фактически пересматриваются в одностороннем порядке со стороны США. Более того, США активно используют свое влияние в международных экономических, финансовых и торговых организациях для оказания силового давления на оппонентов. Так, в октябре 2019 года они «пригрозили» Узбекистану, что в случае вступления его в ЕАЭС не допустят принятия Узбекистана в ВТО. «**Американо-узбекские отношения развиваются весьма интенсивно, однако, если Ташкент решит стать членом Евразийского экономического союза, то у него возникнут проблемы со вступлением во Всемирную торговую организацию**». Такое заявление сделал министр торговли США Уилбур Росс, выступая на заседании американо-узбекской торговой палаты в Вашингтоне.

При этом американский чиновник подчеркивает, что вступление республики в ВТО является «одной из важнейших целей рыночных реформ». «Мы выражаем решительную поддержку этих усилий и ждем скорейшего ответа правительства на вопросы меморандума Всемирной торговой организации о режиме внешней торговли. Однако, мы вынуждены призвать наших партнеров в Узбекистане детальнее изучить воздействие новых договоренностей на вступление в ВТО. К примеру, членство в Евразийском экономическом союзе на сегодняшний день станет препятствием на пути вступления в ВТО»[769], — заявляет Росс.

Системные меры «силового принуждения» западной военно-политической коалиции в отношении Российской Федерации.

Лучше всего системные меры и средства «силового принуждения» в отношении России видны на примере разработки стратегии западной коалиции (НАТО+) в Европе. Эксперты предлагают четыре варианта подобной стратегии, рассматривая как их положительные, так и отрицательные последствия:

Вариант № 1: Увеличение ВС США и НАТО в Европе.

Вариант № 2: Увеличение количества маневров в Европе.

Вариант № 3: Выход из Договора РСМД.

Вариант № 4: Инвестиции в новые области с целью манипуляций оценками рисков в России.

Таблица 17. Американские эксперты следующим образом оценивают последствия этих вариантов[770]:

Европейские и глобальные последствия	Влияние на ослабление РФ	Преимущества	Издержки и риски
Вариант № 1 Увеличение ВС США и НАТО в Европе			
Увеличение ВС США в Европе	скромное	скромное	скромное

769 США угрожают Узбекистану проблемами, если страна вступит в ЕАЭС / ИА «Ньюсфронт». 23.10.2019 / news-front.info. 23.10.2019

770 Assessing the Impact of Cost-imposing Options. Cal.: RAND, 2018. November, p. 10.

Увеличение сухопутных сил членов НАТО в Европе	небольшое	высокое	небольшое
Размещение сил НАТО у границ РФ	скромное	скромное	высокое

Иными словами, эксперты расценивают увеличение ВС НАТО в Европе как имеющий незначительный эффект на Россию (исключая размещение ВС у границ РФ). Примерно аналогично расценивается и **«Вариант № 2»** в качестве средства влияния на Россию, за исключением признания высокой степени рисков и прочих издержек.

«Вариант № 3» рассматривает создание и размещение РСМД в Европе как «сильный» инструмент влияния, но одновременно признается, что размещение этих ракет чревато высокими рисками. Это может означать следующие наиболее вероятные действия США и их союзников в США и НАТО будут создавать и накапливать средства средней и меньшей дальности, но их развертывание в Европе может быть на какое-то время отложено (что соответствует позиции США в 2018–2019 гг.).

Наконец, **«Вариант № 4»** представляется наиболее перспективным, в особенности, если речь идет о следующих его «подвариантах», которые также рассматриваются с точки зрения, во-первых, ослабления РФ, во-вторых, предоставления преимуществ США, в-третьих, с точки зрения потенциальных рисков:

Таким образом **«Вариант № 4»** рассматривается в целом как наиболее эффективный и наименее рискованный по набору полученных преимуществ и рисков.

Таким образом, можно сделать вывод, что традиционная политико-дипломатическая деятельность России становится только **частью** общей политики развития стратегического сдерживания и усиления системного противоборства с западной коалицией посредством активизации силового противодействия. Западная

Таблица 18. Вариант № 4

Инвестирование в тактические системы «запрета на допуск»	высокий	средний	средний
Инвестирование революционных разработок по созданию средств преодоления систем «запрета на допуск»	высокий	высокий	высокий
Инвестиций в средства борьбы с противотанковыми и др. системами	низкий	низкий	низкий
Инвестиции в революционные роботизированные ВВСТ	средний	средний	средний
Инвестиции в средства, основанные на «новых» физических принципах	средний	высокий	высокий

коалиция рассматривает свою политику в области НИОКР и производства новых средств ведения войны как наиболее перспективное направление политики «силового принуждения», что означает падение значения и роли переговоров

Естественно, что это потребует смену акцентов и постепенного пересмотра внешнеполитической стратегии в российской политике и, как следствие, изменения нормативно-правовых документов, организационных и иных мероприятий, особенно в области информационно-когнитивных средств.

Следует признать, что из этого следует сделать вывод о том, что ожидают трудности и даже вероятное отсутствие перспективы достижения соглашений с западной военно-политической коалицией по тем или иным направлениям в 2019–2024 годы не должны означать отказа России от таких переговоров, а тем более российской инициативы в сокращении контактов или ограничении переговорных площадок. Свертывание политико-дипломатической активности России — очевидно в интересах Запада, который попытается распространить попытки политико-силового давления на нашу страну за пределы членов своей коалиции на более широкий круг участников МО. В этих целях по-прежнему будут использоваться самые разные, в том числе откровенно провокационные, политико-дипломатические меры и санкции.

Тем не менее по-прежнему средством противодействия России в этих условиях остается выдержка и упорное, **даже демонстративное, сохранение любых каналов сотрудничества, даже тех, которые, как может справедливо казаться, себя дискредитировали**. Граница, вместе с тем, должна быть. Она обозначена сохранением уважения, национальной идентичности и суверенитета, но, главное, усилиями по развитию НИОКР. Она также находится на рубеже, когда происходит оскорбление государства или его лидера. Отсутствие такой границы и адекватной реакции с нашей стороны будет только поощрять вседозволенность в выборе средств и мер силового принуждения.

Можно ожидать с высокой степенью вероятности, что политико-дипломатическая деятельность России и ряда других стран будет постоянно сталкиваться с политикой «силового принуждения» США и этих союзников в ближайшие годы по следующим основным векторам, которые можно назвать **стратегическими векторами политико-дипломатического противоборства:**

— **Пересмотру в свою пользу** существующих договоренностей по ограничению и сокращению вооружений и военной деятельности или отказу от них, либо частичному или полному отказу от них;
— **Слому существующих институтов безопасности** (ООН, Сов-

без, ОБСЕ и др.), либо их реорганизация в интересах США, как, например, ЮНЕСКО или Международного уголовного суда;

— **Навязыванию неадекватного, выгодного только Западу отношения к решению глобальных проблем человечества.**

На последнем направлении требуется остановиться подробнее. Не секрет, что все участники формирования современных МО и ВПО так или иначе становятся субъектами решения глобальных проблем, от которых в разной степени (но каждый раз, — в важной степени) зависит будущее всей цивилизации. В целом эти проблемы и угрозы, являющиеся их следствием, являются главным полем для международной деятельности. Они отнюдь не ограничиваются только политическими и военными проблемами. Естественно, что роль того или иного субъекта МО в решении этих проблем будет во многом предопределять его авторитет и место в будущем. Государства-лидеры являются не только самыми мощными субъектами МО, но и их авторитет будет определяться во многом их ролью в решении глобальных проблем в следующих областях, приоритетность которых можно определить на основании экспертных опросов следующим образом:

Таблица 19. Наиболее приоритетные проблемы МО и вытекающие из них угрозы

Вопрос: Какие глобальные угрозы, по вашему мнению, представляют наибольшую опасность для человечества в ближайшие 20 лет? Укажите не более 5 вариантов	
Загрязнение окружающей среды	474 (59,03%)
Терроризм и экстремизм	390 (48,57%)
Неравномерность мирового экономического развития	337 (41,97%)
Глобальный системный кризис	334 (41,59%)
Гонка вооружений	308 (38,36%)
Бедность и голод	272 (33,87%)
Изменение климата	251 (31,26%)
Мировая война	219 (27,27%)
Исчерпание природных ресурсов	212 (26,40%)

Вопрос: Какие глобальные угрозы, по вашему мнению, представляют наибольшую опасность для человечества в ближайшие 20 лет? Укажите не более 5 вариантов	
Деградация человека как биологического вида	182 (22,67%)
Эпидемии	158 (19,68%)
Кибератаки на критическую инфраструктуру	152 (18,93%)
Недружественный искусственный интеллект	74 (9,22%)
Падение астероида	17 (2,12%)
Враждебные инопланетяне	16 (1,99%)
Другое (в комментариях)	10 (1,25%)

3.4.б). Возможные направления военно-политического сотрудничества

Россия должна будет стремиться использовать все, даже самые незначительные, традиционные и иные возможности для продвижения вперед в области ограничения вооружений и военной деятельности в ближайшие годы, которые станут во многом для нее и всего человечества решающими. В то же время Россия должна, прежде всего, сконцентрироваться на решении вопросов национальной безопасности в области укрепления стратегического сдерживания в ядерной области, в частности, по следующим основным направлениям (излагаемым в порядке приоритетности на сегодняшний день):

1. Прекращения гонки вооружений и ограничения военной деятельности на имеющихся направлениях, включая предотвращение гонки вооружений в космосе (ПГВК).

Технологические достижения последних лет создали возможность перехода гонки вооружений на качественно новый, значительно более опасный уровень. Можно с высокой степенью вероятности ожидать, что еще до 2025 года произойдут радикальные изменения в качестве ВВСТ, которые самым решительным образом повлияют на их эффективность после 2025 года. Поэтому ограничение и сокращение стратегических — ядерных и не ядерных — воо-

ружений становится острой актуальной задачей, решение которой в настоящее время пока что не просматривается.

Переговоры и процесс ограничения ВВСТ будут во многом предопределяться:

— логикой эскалации развития военно-силового сценария ВПО;
— военно-технологической революцией, которые в 20-е годы будет развиваться особенно масштабно, выражаясь в «технологических прорывах» как на известных, так и на принципиально новых направлениях.

Самыми очевидными направлениями таких «технологических прорывов» ожидаются изменения в ВВСТ в следующих технологических областях:

— Массового появления в армиях разных государств высокоточного оружия разных типов базирования и самого различного предназначения, обладающих новыми качествами, например, способностью противодействовать средствам ПВО-ПРО и РЭБ.
— Создание и внедрение гиперзвукового оружия различной дальности. Актуальность этой проблемы можно охарактеризовать примером того как мощь кинетического тела может стать оружием для решения стратегических задач, т. е. изменить представления об оружии и военном искусстве.

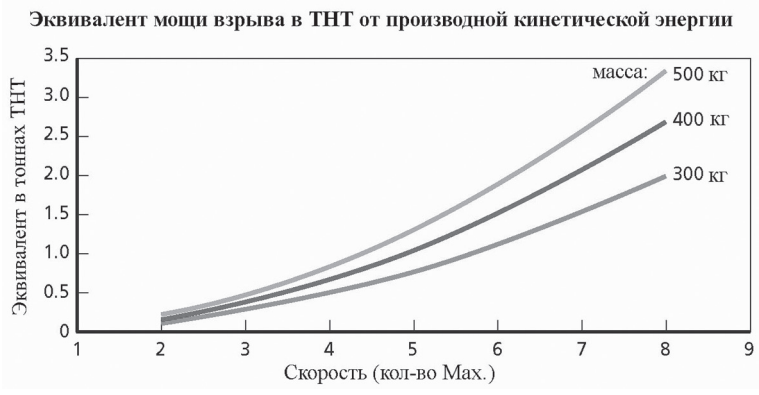

Рис. 52.

— Развертывание ядерного и обычного оружия в космосе и в околоземном пространстве;
— Массовое производство и внедрение робототехники, включая БЛА, бронетанковых и инженерных видов ВВСТ;
— Создание новых типов ЯО, включая миниатюрные боеприпасы;
— Развертывание качественно новых систем боевого управления, связи и разведки;
— Развертывание широкомасштабной системы ПРО США и их союзниками в разных регионах мира.

Сказанное означает, что именно на этих направлениях следует предпринимать серьезные усилия с тем, чтобы политико-дипломатическими средствами и мерами ограничить их развитие. В этих направлениях удается, вероятно, в ближайшие годы сохранить ДР-СМД и ДСНВ, хотя им угрожают достаточно актуальные вызовы со стороны США.

Кроме того, целесообразно попытаться инициировать переговоры по ограничению гонки вооружений на КР и в ООН, а также на любых иных площадках. В том числе следует попытаться активизировать процессы на имеющихся направлениях, в частности ПГВК.

2. Укрепление значения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) как одной из основ международной безопасности, стратегической стабильности и важнейшего элемента режима нераспространения ядерного оружия.

Этот договор включает три составляющие, которые необходимо укреплять:
— ядерное нераспространение,
— ядерное разоружение и
— мирное использование ядерной энергии.

Основой такой работы остается План действий, принятый в 2010 году, а процесс ядерного разоружения должен осуществляться в строгом соответствии со Статьей VI ДНЯО в «контексте всеобщего и полного разоружения» и общего подхода — поэтапного и последовательного создания условий по сокращению ядерных

арсеналов. Важно соблюдение двух условий: соблюдение всеми государствами своих обязательству, а также противодействие радикальным подходам к ядерному разоружению. В этом контексте следует признать опасность принятого 7 июля 2017 года Договора о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), означающего не более чем формальный запрет, когда происходит подмена проблем международной безопасности «гуманитарными стандартами». Так, Статья 18 ДЗЯО вступает в противоречие со Статьей VI ДНЯО, закрепляя преобладание ДЗЯО над другими инструментами, ослабляя тем самым ДНЯО.

Россия способствует созданию зон, свободных от ядерного оружия (ЗСЯО), рассматривая этот процесс как инструмент ядерного разоружения. Она считает, что важную роль продолжают играть рекомендации Комиссии ООН по разоружению, принятые в 1999 году, в деле создания и оформления юридически ЗСЯО. Россия в 2011 году ратифицировала Протоколы 1 и 2 к Договору Пелиндаба и в апреле 2015 года — протокол к Семипалатинскому договору. Россия готова к подписанию Протокола к Бангкокскому договору. Эту позицию России необходимо всячески пропагандировать и продвигать в СМИ. На 2009 год безъядерными зонами были объявлены:

— Район Антарктики (Договор 1959 года);
— Латинская Америка (Договор Тлателолко 1967 года);
— Южная часть Тихого океана (Договор Раротонга 1985 года);
— Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 года);
— Африка (Договор Пелиндаба 1996 года);
— Средняя Азия (Семипалатинский договор 2007 года);

Кроме того, Статус безъядерного государства имеют Монголия и Беларусь.

Позиция России, которую требуется продвигать в СМИ и общественном сознании:

1. Присоединение всей ядерной «пятерки» к протоколам о гарантиях остальных договоров по ДНЯО.

2. Разработка глобальной договоренности о гарантиях ядерной безопасности.

3. Мораторий на производство расщепляющих материалов (РМ).

Целесообразно продолжить дальнейшие усилия России по ограничению распространения ЯО в области ограничения производства ядерных расщепляющихся материалов. Это направление объективно затрагивает интересы многих государств в особенности, когда РМ используются в мирных целях.

В этой области важно настойчиво продвигать тезис о том, что Россия не возражает против переговоров по договору о запрете производства расщепляющих материалов для создания ЯО (ДЗПРМ), однако считает, что:

— во-первых, переговоры должны идти на площадке КР в Женеве в рамках Программы работы и,
— во-вторых, на основе т.н. «мандата Шеннона», который предполагает вывод из сферы охвата уже наработанного РМ.

Таким образом, мы делаем акцент на нераспространенческом, а не на разоруженческом аспекте договора (Пакистан настаивает на зачете уже произведенного РМ).

Россия поддерживает работу ГПЭ ООН в 2014–2015 годах и принятие консеснусного доклада, полагая, что результаты могли бы стать основой для переговоров на КР в Женеве. Есть основания полагать, что работа ГПЭ может быть продолжена в будущем в целях анализа контроля над производством РМ.

Как известно, США пытаются продвинуть идею ДРМ (договор о РМ), втягивая Пакистан, предлагая сделать предметом переговоров отдельные типы наработанного РМ, что абсолютно не устраивает Россию и Китай, чей ядерный оружейный комплекс не позволяет разделить гражданскую и оружейную составляющие.

Важно не допустить, чтобы дискуссия перешла в область американской инициативы, а тем более позволить США фактически взять под контроль производство всех РМ.

3. Укрепление стратегической стабильности в отношениях РФ и США.

Здесь необходимо констатировать, что ситуация ухудшается, а диалог ослабел и превратился в пустую формальность. В июне 2017

года была отложена встреча по этим вопросам между заместителями министров иностранных дел РФ и США, которая состоялась в сентябре 2017 года в Хельсинки. На этой встрече США попытались нас обвинить в «нарушении договора о РСМД (принятии на вооружении КР 9М729 в составе комплекса оперативно-тактического назначения «Искандер», превышающей по дальности 500 км) и принятии опасных доктринальных установок (т.н. концепции эскалации для деэскалации).

От апрельской встречи в Вене США уклонились, а переговоры В. Путина и Д. Трампа в Хельсинки в июне 2018 года эту тему не затрагивали.

Эти претензии абсурдны и США их так и не доказали, а наши претензии — реальны:

— производство и реальное испытание в качестве ракет-мишеней БР с характеристиками РСМД;
— развертывание БРПЛ с характеристиками РСМД;
— развертывание комплексов ПРО «Иджис Эшор» в Румынии, а в перспективе и в Польше;
— оснащение ЛА РСМД.

Россия в феврале 2018 года выполнила обязательства по сокращению СНВ в соответствии с ДСНВ от 2010 года, однако высказала озабоченность в отношении численности развернутых и не развернутых носителей. До 2021 года будет реализовываться контроль над соблюдением договора, но решения о будущих сокращениях нужно принимать уже сегодня, хотя стремления к этому у США не видно.

Диалог по крайне важной проблематике — ПРО — после прекращения диалога США в 2014 году, больше не возобновлялся, более того, видна значительная активизация усилий США по созданию широкомасштабной и глобальной системы ПРО:

— количество перехватчиков GBI достигло 44, а в будущем будет 104.
— перехватчик «Стандарт 3», может создать угрозу для СЯС России.
— развертываются дополнительные системы THAAD и «Патриот», что, естественно, будет встречать ответную реакцию России.

В этих условиях говорить о стратегической стабильности бессмысленно: цель США заключается именно в разрушении стратегической стабильности.

4. Ограничение размещения ЯО США на территории своих стран-союзников, прежде всего, по НАТО.

Особенно опасно делегирование полномочий по применению нестратегического ЯО США их союзникам, которые отрабатываются, например, в ходе учений «Стедфаст Нун — 2017» в октябре 2017 года на авиабазах Бельгии и ФРГ. Следует отметить, что «совместные ядерные миссии» — прямое нарушение ДНЯО.

Необходимо добиться возвращения всего ядерного оружия на территорию США и ликвидировать созданную инфраструктуру.

Опасность, однако, многократно усиливается потому, что США планируют обратное — создание новых типов ядерных боеприпасов, включая малой мощности, и размещение их на территории своих зарубежных баз.

При этом правительства этих государств могут и не знать о наличии на их территории такого оружия.

В этой связи можно было бы инициировать ряд акций на КР и в ООН, специально направленных на запрет на размещение ЯО за рубежом.

5. Противодействие развитию военного искусства в направлении допущения использования ядерного оружия отдельно, либо в комплексе со средствами ПРО, ВТО неядерных вооружений и стратегических неядерных вооружений.

Очень перспективное направление — дискуссия и переговоры о тенденциях в развитии военного искусства и опасных аспектах военного управления. В настоящее время становится очевидным, что эволюция военного искусства в США развивается именно в этом направлении. Развитие именно этих возможностей и является реальными целями американской внешней и военной политики.

При этом в публичном пространстве активизируется критика военной доктрины и стратегии России, которой приписывается изменение характера использования ЯО с точки зрения его

допустимости и даже желательности, хотя оно формулируется предельно точно в военной доктрине и Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: в случае использования против России и его союзников ЯО, либо когда применение военной силы угрожает самому существованию государства (т. е. когда военный конфликт достигнет наивысшего уровня и будет угрожать выживанию страны).

В этой связи можно было бы вернуться к опыту СССР, когда предпринимались попытки сделать вопросы военных доктрин и использования ЯО предметом обсуждения, например, в ООН, либо на крупных международных конференциях. Определенный позитив от проведения таких публичных дискуссий был достигнут, но именно поэтому его ожидать в настоящее время вряд ли стоит.

Актуальность этих вопросов предполагает, что Западу было бы трудно их игнорировать. Тем более, что по инициативе западных стран эта тема стала достаточно часто предметом обсуждения в прессе.

Вместе с тем рассчитывать на внимательное отношение к этим вопросам со стороны Запада не стоит. **Их реальное публичное обсуждение, а тем более заключение договоренностей, не является приоритетом.** Более того, по большому счету, США вообще не заинтересованы в обсуждении этих вопросов публично. Можно предполагать, вместе с тем, что на уровне помощников президентов и начальников Генеральных Штабов (ОКНШ США) эти вопросы могут обсуждаться чаще и более подробно чем сегодня.

Главный вывод относительно современного состояния ВПО заключается в том, что Третья мировая (цивилизационная) война, которая фактически началась, **неизбежно будет расширяться по пространственному охвату и втягивать в свою воронку все больше государств, институтов и ресурсов.**

Этот вывод неизбежно диктует необходимость избавления от иллюзий, которые все еще существуют в российской правящей элите в двух основных трактовках:

Во-первых, иллюзии о готовности Запада смириться с независимым существование России и ее суверенитетом, и националь-

ной идентичностью, которая характерна не только либерально-демократической части общества, но и представляет собой заметный срез массового сознания.

Во-вторых, продолжающейся даже у военных иллюзии невозможности глобального конфликта, которая существует в разных аспектах, но смысл которой остается прежним: ядерная война немыслима, а, значит, и невозможна. Эту разновидность иллюзии можно отнести к «эффекту восприятия РВСН», когда ядерная война мыслится только в одном единственном глобально-самоуничтожительном аспекте.

Между тем силовое противостояние будет нарастать, а его военно-силовая составляющая будет увеличиваться, что, на мой взгляд, вероятнее всего, приведет к полномасштабной войне сразу на нескольких ТВД, а, может быть, и глобальному конфликту. Крайне маловероятно, что даже такое опасное развитие ВПО, как в предыдущие десятилетия, сохранится даже на ближайшие годы, хотя и сегодня в мире одновременно «сосуществуют» более 50 — внешних и внутренних — военных конфликтов.

Можно, конечно, делать вид, что силовое противоборство между ЛЧЦ и центрами силы, отдельными государствами еще не перешло в стадию военного противоборства (сотни тысяч уже убитых и убиваемых ежегодно не в счет), но, как минимум, для себя необходимо понимать, что дальнейшее существование нации возможно только при ее мобилизации и готовности в любое время отразить масштабную военную, а не только информационно-когнитивную и финансово-экономическую агрессию.

Характер и особенности всех этих будущих военных конфликтов до конца не известны, да и вряд ли могут быть известны вообще, — слишком стремительно развиваются ВВСТ и способы их использования, слишком динамична военно-стратегическая обстановка, но уже ясно, что такое военно-силовое противоборство будет:

— с военно-политической точки зрения, — борьбой военно-политических коалиций, представляющих разные локальные человеческие цивилизации, среди которых наибольшее развитие

уже получила западная коалиция, аккумулирующая ресурсы более 60 государств; Россия в этой борьбе может рассчитывать на ограниченный круг союзников по ОДКБ и, возможно, некоторые другие — со стратегической точки зрения, — системной силовой борьбой, в которой будут использованы все средства политики — от когнитивно-информационных до стратегического оружия и оружия массового поражения;

— с политико-цивилизационной точки зрения, — бескомпромиссной схваткой, исключающей промежуточные соглашения, целью которой будет нанесение тотального, цивилизационного, поражения и принуждения противника к отказу от своей идентичности и суверенитета, навязыванию своих норм и правил.

— Поражение может быть только полным и окончательным, а договоренности — бессмысленны потому, что они нужны только как инструмент победы.

— с военно-технической точки зрения, — будут использованы все имеющиеся виды и системы оружия и военной техники, как конвенциональные, так и ОМУ, причем имеющийся опыт говорит в пользу того, что военные действия будут носить длительный характер, который потребует значительных запасов ВВСТ и боеприпасов.

Правящие круги России теоретически могут выбрать три основных варианта, во многом альтернативных, стратегии поведения в области укрепления безопасности на 2019– 2025 годы, учитывая, что в 2014–2018 годы уже сложилась некая практика и инерция поведения, которая задала определенную инерцию и даже традицию поведения:

1. **Стратегия № 1.** («Стратегическое отступление»). Продолжить в будущем «Стратегическое отступление», которое имеет смысл только в том случае, если потом, позже, выигрыш во времени будет капитализирован в некие преимущества. Но мы пока что не знаем какие преимущества могут быть, а главное, мы не можем переломить тенденцию стратегического отступления ни во внешней политике, ни в социально-экономическом и технологическом развитии, которое характеризуется стагфляцией. Пока что говорить

о прекращении «стратегического отступления» не приходится: мы продолжаем сохранять отставание от стран западной коалиции.

Надо честно признать, что продолжение этой стратегии не имеет перспективы и неизбежно приведет к капитуляции, что, впрочем, отнюдь не пугает значительную часть правящей элиты России.

2. **Стратегия № 2.** («Контрнаступление на отдельных участках»). Как разновидность «Стратегии № 1», проявляющаяся изредка в настоящее время. Перейти окончательно к реализации нынешней «прагматической», «адекватной» политики, характеризующейся некоторыми действиями «контрнаступательного» характера (ответные санкции, некоторые активные мероприятия в области политики и экономики, имеющие ограниченный характер). Попытаться использовать «адекватные (симметричные) ответные действия, которые очень слабо повлияют на политику «силового принуждения», переведя окончательно отношения с Западом в состояние прямой военно-силовой конфронтации.

3. **Стратегия № 3.** «Стратегия опережающего развития», предполагающая концентрацию всех национальных ресурсов на внутреннем развитии НЧК, технологий и общества[771]. По сути дела, этот вариант стратегии аналогичен стратегии Д. Трампа, который во внешней политике ориентируется, как правило, на варианты развития национального потенциала США и ослабления потенциала противника и даже союзников. Эта стратегия, как и стратегия Д. Трампа, должна исходить из адекватной оценки преимуществ и рисков тех или иных решений, прежде всего, **с точки зрения научно-технического и социально-экономического ускорения развития России.**

Выбор, как видно, не особенно большой и не традиционен. У этих стратегий есть разные варианты конкретной реализации, но разнообразие этих вариантов не должно вводить в заблуждение — все они суть разновидности трех стратегий.

В самом общем виде эти стратегии противодействия можно представить, как варианты стратегий развития России, которые ве-

771 *Путин В.В.* Указ ««О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», № 204 от 7 мая 2018 г.

дут, в конечном счете, к потере суверенитета и национальной идентичности, ограниченному суверенитету и возвращению России в число государств-лидеров локальных человеческих цивилизаций.

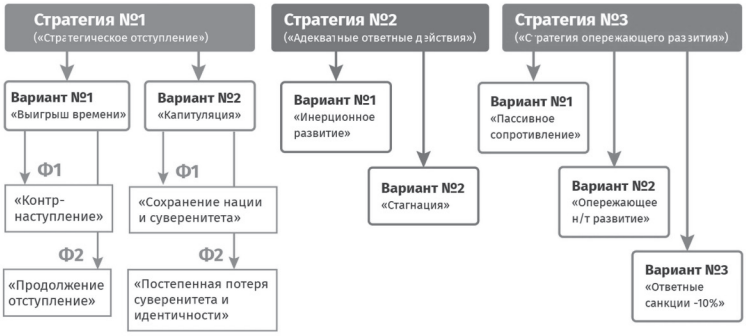

Рис. 53. Стратегии противодействия России.

С точки зрения практической реализации «Стратегии № 3», сказанное означает, что до 2025 года в рамках уже утвержденного правительством РФ в сентябре 2018 года плана мероприятий по национальным проектам и последующим действиям, требуется по сути повторить «маневр Д. Трампа» и сделать акцент на ускоренном научно-технологическом развитии, прежде всего, за счет предприятий ОПК России, способных к опережающему развитию НИОКР и промышленности. «Выжать» аналогичный результат из других отраслей и подотраслей до 2024 года крайне сложно.

Во-вторых, необходимо расширить «горизонт планирования» до 10–15 лет и стабильность в научно-техническом и промышленном развитии успешных отраслей экономики и предприятий, дав им возможность сделать «технологический рывок», опираясь на собственный опыт, риски и кадры, ограничив вмешательство извне.

Понятийный аппарат

Абстрактный патриотизм — зд.: набор патриотических и псевдопатриотических идей, закрепляющих господство одного социального слоя (меньшинства), группы или отдельных лиц над абсолютным большинством нации под предлогом «общих интересов» и «общих целей». Такой подход исключает различия в социальных, классовых, культурных и иных интересах отдельных социальных слоев и групп, противопоставляя их «общие» национальные интересы неких «не общим», «не патриотическим» интересам и целям.

На практике такой патриотизм, как правило, маскирует разные интересы и цели, которые в реальности могут и отличаются, порой радикально, друг от друга.

Авторская гипотеза работы — зд.: авторская гипотеза, являясь основной идеей работы, представляет собой авторское видение способа достижения цели, поставленной в работе. В настоящей работе она заключается в необходимости точного анализа и прогноза развития наиболее вероятного сценария ВПО как важнейшего условия разработки эффективной Стратегии национальной безопасности и развития России, основанной на приоритетах развития национального человеческого капитала.

Авторская концепция — зд.: (от лат. conceptio «система понимания»): комплекс субъективных взглядов на военно-политическую обстановку, образующих взаимосвязанную систему, определенный способ понимания развития МО и ВПО, трактовки каких-либо явлений, руководящая идея их освещения.

Апóкриф — литературное произведение, созданное на основе другого. В отличие от сиквела, представляет собой новый взгляд на мир, описанный в оригинальном произведении

Акторы — зд. и далее в работе имеются ввиду негосударственные участники формирования МО и ВПО, которые в полной

мере — политически и юридически — не могут считаться субъектами МО и ВПО, но практически оказывают на их формирование сильное, а иногда и решающее влияние. Их влияние и возможности носят самый широкий спектр оценок — от виртуально-идеологических до подкрепленных так или иначе международным признанием.

Алгоритм — последовательность четко определенных действий, выполнение которых ведет к решению задачи — *зд.* последовательность действий в интересах проведения политического анализа и прогноза.

Арденнская операция (сражение) — *зд.:* Наступление в Арденнах (англ. Battle of the Bulge — «Битва за Выступ») — операция немецких войск на Западном фронте в ходе Второй мировой войны. Проведена 16 декабря 1944–29 января 1945 в Арденнах (юго-запад Бельгии) с целью изменить обстановку на Западном фронте, разгромив англо-американские вооруженные силы в Бельгии и Нидерландах, по возможности склонить США и Англию к сепаратным переговорам о мире и прекращении боевых действий на Западе, тем самым высвободить силы для Восточного фронта. После начала 12 января 1945 года СССР «Висло-Одерской операции» превратилась в разгром немецкого Западного фронта.

База данных (БД) — совокупность данных, организованных по определенным правилам, предусматривающим общие принципы описания, хранения и манипулирования данными, независимая от прикладных программ.

Безопасность информации — *зд.:* состояние защищенности, при котором обеспечены ее конфиденциальность, доступность и целостность.

Биологическое оружие — *зд.:* Является оружием массового поражения и запрещено согласно Женевскому протоколу 1925 года: патогенные микроорганизмы или их споры, вирусы, бактериальные токсины, заражающие людей и животных, предназначенные для массового поражения живой силы и населения противника, сельскохозяйственных животных, посевов сельскохозяйственных культур, заражения продовольствия и источников воды, а также

порчи некоторых видов военного снаряжения и военных материалов. Биологическое оружие включает также средства доставки патогенных микроорганизмов и животных-переносчиков.

Биологическое оружие применяется в виде различных боеприпасов, для его снаряжения используются некоторые виды бактерий и вирусов, возбуждающие инфекционные заболевания, принимающие вид эпидемий.

Бифуркация — *зд.:* разделение на две («би» — два) ветки чего-либо, что обозначает два качественно отличных варианта развития предстоящих событий. Применяется для определения происходящих изменений, перестроек, метаморфоз. Например — бифуркация рек — разделение устья реки на две ветви.

Блоки (военно-политические) — (не всегда) добровольное объединение, на основе соглашения в нескольких областях — военной, политической, экономической и пр. Степень взаимодействия, доверия для каждого такого блока (союза) по многим причинам индивидуальна. Соглашения или договоренности могли и могут предусматривать совместные военные и политические действия, против соседей (противников) при возникновении любых политических или военных опасностей и предполагают тесное взаимодействие во всех сферах государств блока (союза) в мирное и военное время.

Боевой порядок — *зд.:* построение подразделений для ведения боя.

Валидность — *зд.:* мера (степень) соответствия методик и результатов исследования поставленным задачам.

Валидность (теоретическая) — *зд.:* соответствие качества данных, полученных с помощью данной методики, качеству данных других методик.

Вероятность — *зд.:* степень возможности наступления (реализации) события.

Вероятный сценарий развития ВПО — *зд.:* модель наиболее вероятного (из возможных) сценариев развития ВПО, позволяющая вычленить наиболее общую и вероятную тенденцию развития ВПО, реализуемую в рамках наиболее вероятного конкретного варианта сценария.

Вестфальский мир — *зд.:* важный этап в развитии истории МО. Обозначает два мирных соглашения — Мюнстерское и Оснабрюкское, подписанные, соответственно, 15 мая и 24 октября 1648 года. Ими завершилась Тридцатилетняя война в Священной Римской империи. Вестфальский мир являлся результатом первого современного дипломатического конгресса (собрания). Он положил начало новому порядку в Европе, основанному на концепции государственного суверенитета. Соглашения затронули Священную Римскую империю, Испанию, Францию, Швецию, Нидерланды и их союзников в лице князей Священной Римской империи.

Взаимодействие автоматизированных систем — обмен данными, командами и сигналами между функционирующими автоматизированными системами.

Виртуальная машина — система обработки данных, функциональные возможности которой достигаются путем разделения ее ресурсов с другими пользователями.

Вместе с тем наиболее эффективное использование этих методов для целей военно-политического анализа предполагает применение обоих методов в следующей последовательности: авторская концепция, основанная на дедукции и использовании больших объемов информации, затем применение индукции отдельных примеров, событий и фактов, с помощью которых корректируется принятая концепция.

Внутренний военный конфликт — военный конфликт внутри государства, субъектами которого выступают, как правило, государство и негосударственные акторы.

Внутренний вооруженный конфликт — высшая форма внутригосударственного конфликта.

Военная безопасность — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризуемое отсутствием военной угрозы, либо способностью ей противостоять.

Военная безопасность России, как считается в Военной доктрине страны, — состояние защищенности жизненно важных ин-

тересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения. Это определение, на мой взгляд, нуждается в существенном уточнении как с точки зрения приоритетности (государства, общества и личности), так и с точки зрения характеристики военной угрозы.

Военная доктрина Российской Федерации — является одним из основных документов стратегического планирования в Российской Федерации и представляет собой систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту Российской Федерации.

Военная мощь государства — *зд.:* совокупность всех постоянно задействованных в военное и мирное время материальных и духовных сил государства (точнее — нации), которые оно способно отмобилизовать для ведения войны (отражения агрессии).

Военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое совокупностью факторов, способных при определенных условиях привести к возникновению военной угрозы.

Военная организация государства — *зд.:* совокупность органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований и органов, составляющих ее основу и осуществляющих свою деятельность военными методами, а также тех частей производственного и научного комплексов страны, совместная деятельность которых направлена на подготовку к вооруженной защите и саму военную защиту России.

В военную организацию СССР включались и национальные, в т. ч. общественные организации и структуры, а не только органы исполнительной и законодательной власти. Современная военная организация должна быть общенациональной и включать государственные, общественные и частные органы власти и институты, а также органы, объединяющие отдельные группы и даже отдельных граждан.

В последнее время актуальным стало приобретение способности противостоять военной угрозе не только с помощью военных,

но и не военных средств и способов, т. е. обеспечение военной безопасности не военными средствами и способами.

Военная политика — *зд.:* составная часть общей политики государства, непосредственно связанная с созданием военной организации, подготовкой и применением военных средств, для достижения определенных политических целей по обеспечению военной безопасности страны.

Военная сила в международных отношениях — *зд.:* прямое (вооруженное) и косвенное (политическое — «эксплицитное» и «имплицитное») использование военного насилия в политике государств и отдельных акторов, целью которого является принуждение других субъектов МО к неким действиям (бездействиям).

Военная техника — техника, предназначенная для ведения и обеспечения боевых действий, управления войсками, их обучения, испытания и обеспечения заданного уровня готовности этой техники к использованию по назначению.

Военная угроза — *зд.:* состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуется реальной возможностью военного конфликта.

Военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризуемое реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию).

Военное планирование — *зд.:* составная часть военных мер организации военной политики, развития военной организации, военного строительства и совершенствования органов и способов их применения.

Военное планирование — определение порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил и других войск, их применения и всестороннего обеспечения.

Военное планирование — составная часть военных мер организации военной политики, развития военной организации, во-

енного строительства и совершенствования органов и способов их применения.

Военное планирование в Российской Федерации — составная часть военных мер по организации обороны Российской Федерации, заключающаяся в определении порядка и способов реализации целей и задач развития военной организации, строительства и развития Вооруженных Сил, других войск, воинских формирований и органов, их применения и всестороннего обеспечения.

Военно-политическая коалиция — добровольное объединение государств и других акторов для достижения определенных целей, как правило, противостояния другому государству (коалиции). Эти цели строго определены, а сами участники коалиции остаются (как считается, совершенно) независимыми в своих действиях и самостоятельны.

Военно-политическая коалиция — *зд.:* одна из наиболее «мягких» форм военно-политического сотрудничества (в отличие от блоков и союзов) государств и других акторов ВПО, предполагающая самый широкий спектр сил и средств силового (не всегда военного) взаимодействия в общих интересах. Как правило, формируется на основе ЛЧЦ.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — *зд.:* как состояние субъектов, акторов и тенденций, образующих ВПО, так и их отношений (субъектов политики и их военных организаций), характеризующие конкретную расстановку военно-политических сил, характер их действий и взаимосвязи между ними в реальном масштабе времени.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — *зд.:* основная часть международной обстановки, характеризующая состояние военно-политической системы в мире в определенный период времени, а также состояние и перспективы развития факторов и тенденций, формирующих МО и ВПО. См. подробнее: *Подберезкин А.И.* Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «международные отношения», 2018, сс. 1265–1269.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — *зд.:* производная от МО военно-политическая часть.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — состояние мировой военно-политической системы в определенный период времени (как правило, не очень продолжительный — от нескольких месяцев до нескольких лет), характеризуемое составом субъектов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также конкретным характером и динамикой развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов. ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других.

Военно-политическая обстановка (ВПО) — часть международной обстановки (МО), характеризуемой состоянием мировой военно-политической системы в определенный период времени, составом субъектов и других акторов военной политики, их состоянием и особенностями военно-политических отношений между ними, а также основными мировыми тенденциями развития.

Военно-политические отношения — процесс взаимодействия субъектов военной политики во внешнеполитической, военной, социально-политической, экономической, идеологической и других сферах, в ходе которого проявляются их национальные, государственные, коалиционные и иные интересы. Военно-политические отношения в каждой сфере взаимодействия представляют собой определенную совокупность акций, мероприятий, проводимых субъектами военной политики в целях реализации своих интересов, достижения определенного их баланса, соотношения. Процесс взаимодействия субъектов военной политики имеет определенные фазы (этапы) развития, различающиеся степенью напряженности военно-политических отношений.

Военно-политические отношения — результат взаимодействия субъектов международных отношений в силовых областях (военной и не военной) противостояния.

Военно-политические союзы (блоки) — такие коалиции, чьи совместные действия заранее планируются и оговариваются, а цели

и средства (в отличие от коалиций), как правило, заранее согласовываются.

Военно-политические тенденции — *зд.:* относительно устойчивые возможности, закономерности, а также направления (векторы) развития военно-политической обстановки (ВПО), а также внешней и внутренней политики государств, характеризующие современное состояние и перспективы их безопасности, прежде всего в международной и военной областях.

Военно-политический потенциал — совокупность материальных, нематериальных и духовных возможностей, как задействованных в настоящее время, так и тех, которые потенциально могут быть использованы в военных целях.

Военно-политический характер военной угрозы — анализ не только свойств, но и анализом политических целей возможного военного конфликта и возможностей потенциального противника (коалиции).

Военно-политическая обстановка (ВПО) — *зд.:* как состояние субъектов, акторов и тенденций, образующих ВПО, так и их отношений (субъектов политики и их военных организаций), конкретная расстановка военно-политических сил, характер их действий и взаимосвязи между ними в реальном масштабе времени.

Военно-экономическая мощь государства — *зд.:* реальная способность экономики и социальной системы удовлетворять потребности военной организации государства. В отличие от потенциальной возможности (государственная мощь, потенциал), военно-экономическая мощь является фактором, т. е. уже реализованным потенциалом.

Военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или внутригосударственных противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты).

Военный потенциал государства — совокупность задействованных и потенциальных материальных и духовных возможностей государства, которые могут быть использованы в военных целях

при максимальном и своевременном их раскрытии и применении. Определяется возможностями государства (коалиции государств) содержать и совершенствовать вооруженные силы, повышать их боеспособность, пополнять обученными кадрами, снабжать современным оружием и пр., обеспечить достижение целей войны.

Военный потенциал нации — то же, что и государства, но с дополнительным использованием негосударственных (общественных, предпринимательских, индивидуальных) ресурсов.

Возможность — *зд.:* направление развития, присутствующее в любом явлении в качестве предстоящего. Возможный сценарий развития МО — направление предстоящего развития, которое нельзя полностью исключать.

Война — *зд.*: (традиционное понятие) основной тип военного конфликта между государствами, коалициями и отдельными акторами ВПО, требующий полной мобилизации и напряжения всех сил, средств и ресурсов с целью решительного разрешения возникших между ними противоречий и достижения победы.

Война — *зд.:* высшая форма силового противоборства субъектов МО и ВПО.

Война России с Грузией 2008 года — *зд.:* военные действия после перехода конфликта на военную стадию в августе 2008 года.

Война в Югославии 1999 года — В марте 1999 г. в нарушение Устава ООН НАТО начала «гуманитарную интервенцию» против Югославии. В операции «Союзническая сила» было использовано на первом этапе 460 боевых самолетов, к концу операции цифра возросла более чем в 2,5 раза. Численность сухопутной группировки НАТО была доведена до 10 тыс. человек с тяжелой бронетехникой и оперативно-тактическими ракетами на вооружении. Военно-морская группировка НАТО в течение месяца с начала операции была увеличена до 50 кораблей, снабженных крылатыми ракетами морского базирования и 100 самолетами палубной авиации, а затем увеличена еще в несколько раз (по палубной авиации — в 4 раза). Всего в операции НАТО участвовало 927 самолетов и 55 кораблей (4 авианосца). Войска НАТО обслуживались мощной группировкой космических средств. Югослав-

ские сухопутные войска насчитывали к началу агрессии НАТО 90 тыс. человек и около 16 тыс. человек полиции и сил безопасности. Югославская армия имела до 200 боевых самолетов, около 150 ЗРК с ограниченными боевыми возможностями. Для нанесения ударов по 900 объектам югославской экономики НАТО применили 1200–1500 высокоточных крылатых ракет морского и воздушного базирования. В ходе первого этапа операции этими средствами были разрушены нефтяная промышленность Югославии, 50% индустрии боеприпасов, 40% танковой и автомобильной промышленности, 40% нефтехранилищ, 100% стратегических мостов через Дунай. Выполнялось от 600 до 800 боевых вылетов в сутки. Всего за операцию было совершено 38 тыс. боевых вылетов, применено около 1000 крылатых ракет воздушного базирования, сброшено более 20 тыс. бомб и управляемых ракет. Применено также 37 тыс. урановых снарядов, в результате взрывов которых над Югославией было распылено 23 тонны обедненного урана-238.

Вооружение, военная и специальная техника (ВВСТ) — совокупность оружия и технических средств, обеспечивающих его применение — оружие, боевые и транспортные носители оружия наземного, воздушного, морского и космическою базирования, агрегаты, приборы, устройства и другие технические средства, которыми оснащаются вооруженные силы для обеспечения их боевой и повседневной деятельности. (Словарь «Война и мир в терминах и определениях»).

Вооруженная борьба — *зд.:* основной вид противоборства в войнах, военных конфликтах, вооруженных восстаниях, мятежах, путчах и т. д. с применением сил и средств ведения военных действий в различных масштабах.

Вооруженное противоборство — *зд.:* частный случай силового противоборства с ведением военных действий.

Вооруженный конфликт — вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах одного государства (внутренний вооруженный конфликт).

Вооруженный конфликт — тип военного конфликта, представляющий ограниченный по масштабам, времени, целям, составу сил и средств вооруженное столкновение между участниками и акторами ВПО или противостоящими сторонами внутри одного субъекта МО, не требующий использования всех сил и средств.

ВПО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов военно-политических отношений в отношении других, а также потенциальной способностью и намерениями этих субъектов.

Вызов коллективной безопасности ОДКБ — совокупность условий, потенциально способных перерасти в угрозу коллективной безопасности ОДКБ.

Глобальные тенденции — *зд.:* некоторые наиболее общие тенденции в развитии человечества, сформировавшиеся в XX веке (глобализация, интеграция, демократизация, появления влиятельных многонациональных корпораций, СМИ и НПО и др.), которые, по мнению многих политиков и ученых, ведут к универсализации мира и ЛЧЦ. В начале нового века фактически сложились два политических лагеря, сторонники которых выступали «за» и «против» сохранения и развития процессов универсализации и десуверенизации государств. Соответственно сторонники того или иного лагеря по-разному относились к процессам формирования МО и ВПО в мире и регионах.

Государственная программа Российской Федерации — система мероприятий (взаимоувязанных по задачам, срокам осуществления и ресурсам) и инструментов государственной политики, обеспечивающих в рамках реализации ключевых государственных функций достижение приоритетов и целей государственной политики в сфере социально-экономического развития и безопасности, определенных в концепции долгосрочного социально-экономического развития или Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная программа субъекта Российской Федерации — увязанный по ресурсам, исполнителям и срокам осуществления комплекс мероприятий, направленный на наиболее эффективное решение задач социально-экономического развития субъекта Российской Федерации.

Государственное прогнозирование — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления с участием общественных, научных и иных организаций по разработке научно обоснованных представлений о возможных рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации, направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Государственное стратегическое планирование — *зд.:* важнейшая функция политической власти и органов государственного управления, представляющая собой целенаправленную деятельность, с участием общественных, научных и иных организаций, направленную на решение стратегических задач развития нации, государства и общества.

Государственное стратегическое планирование (стратегическое планирование в Российской Федерации) — регламентируемая законодательством Российской Федерации деятельность федеральных органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, общественных, научных и иных организаций по государственному прогнозированию, программно-целевому планированию и стратегическому контролю, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности.

Государственное управление — *зд.:* деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

Государственное управление — *зд.:* деятельность органов государственной власти по реализации своих полномочий в сфере социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности.

Государственно-частное партнерство (ГЧП) в военно-политической области — долгосрочное взаимовыгодное или вынужденное сотрудничество публичного и частного партнеров в рамках военной организации государства, направленное на реализацию поставленных политических целей (обеспечения безопасности государства).

Государственный оборонный заказ — установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации (Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»).

Данные — информация, обработанная и представленная в формализованном виде для дальнейшей обработки.

Данные об изделии — представление информации об изделии в формальном виде, пригодном для ее передачи, интерпретации или обработки, людьми или компьютерами.

Дедукция (в военно-политической области) — метод анализа, предполагающий построение авторского (субъективного) логического рассуждения, основанного на использовании больших объемов информации, исходя из последовательности «от общего к частному» (противоположен методу индукции).

Диссипативная система (структура), от (лат. *Dissipatio*) — «рассеиваю, разрушаю»), открытая система, которая оперирует вдали от равновесия. Иными словами, это устойчивое состояние, возникающее в неравновесной среде при условии диссипации (рассеивания) энергии, которая поступает извне. Диссипативная система иногда называется еще стационарной открытой системой или неравновесной открытой системой.

Документ государственного стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рас-

сматриваемая и утверждаемая органами государственной власти и иными участниками государственного стратегического планирования в соответствии с требованиями, установленными нормативными правовыми актами.

Документ стратегического планирования — документированная информация, разрабатываемая, рассматриваемая и утверждаемая органами государственной власти РФ и субъектов страны, отвечающих за стратегическое планирование (Совет безопасности, Правительство РФ, министерства), либо не государственными субъектами (акторами), которые могут относиться как к национальным, так и международным организациям, и структурам.

Документированная информация — Зафиксированная на материальном носителе путем документирования информация с реквизитами, позволяющими определить такую информацию или в установленных законодательством Российской Федерации случаях ее материальный носитель (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Документы в сфере обеспечения национальной безопасности — утверждаемые (одобряемые) Президентом России документы стратегического планирования, определяющие стратегические приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующие состояние национальной безопасности.

Долгосрочные сценарии развития стратегической обстановки, войн и военных конфликтов — *зд.:* описание состояния и последовательности развития условий, событий и действий в военно-стратегической области в долгосрочной перспективе.

Доступ к информации — Возможность получения информации и ее использования (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Жизненный цикл изделия (ЖЦ) — совокупность этапов, через которые проходит изделие за время своего существования — маркетинговые исследования, составление технического задания,

проектирование, технологическая подготовка производства, изготовление, поставка, эксплуатация, ремонт, утилизация.

Завершение (*performance of program*) — завершение военных программ в МО США, часть бюджетного процесса в США, связанная с закупками ВВСТ.

Задача социально-экономического развития — ограниченный по времени комплекс взаимосвязанных мероприятий в рамках направления достижения цели социально-экономического развития.

Западная военно-политическая коалиция — *зд.:* широкая коалиция, в которую кроме стран-членов НАТО входят развитые нейтральные государства, Япония, Австралия и целый ряд других стран, имеющих тесные двусторонние военно-политические соглашения с США и их союзниками

Защищенность — обеспеченность средствами поддержания необходимого уровня и (или) качества защиты жизненно важных средств, субъектов от снижения пользы и (или) увеличения вреда.

Значение ЛЧЦ в формировании МО — *зд.:* ЛЧЦ рассматривается в качестве смысла, веса, важности, ценности для всего процесса развития МО.

Зона ответственности ОДКБ — территории государств — членов Организации, ограниченные участками государственной границы с другими государствами, не являющимися членами ОДКБ (внешними границами), включая внутренние воды, территориальное море и воздушное пространство над ними, в пределах которых обеспечиваются интересы национальной и коллективной безопасности государств-членов ОДКБ.

ИД ПСС ПВК — Исходные данные для планирования стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов — всесторонне согласованный информационный массив научно-обоснованных исходных данных, необходимых и достаточных для подготовки документов Плана стратегического сдерживания и предотвращения военных конфликтов в Российской Федерации на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Изоморфизм — *зд.:* (от греч. ἴσος — равный, одинаковый и μορφή — форма) — отношение между какими-либо объектами,

выражающее в некотором (уточняемом ниже) смысле тождество их структуры (строения). Понятие изоморфизма используется при характеристике отношения теории к действительности, при описании переработки информации в процессе познания, при анализе условий достоверности выводов по аналогии и т. д. Системы элементов, находящиеся в отношении изоморфизма, называются изоморфными. Такими изоморфными структурами являются варианты одного и того же сценария развития МО или ВПО.

Индекс страхов — *зд.:* показывает, насколько высокой кажется гражданам вероятность наступления той или иной проблемы. Один из многочисленных индексов, характеризующих состояние общества. Индекс строится на основе вопроса «Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?», измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от –100 до 100.

Институты развития человеческого потенциала (капитала) — *зд.:* важнейший и самый эффективный инструмент внешней политики государства в современный период, самый широкий спектр институтов, обществ, структур и организаций (государственных, международных, общественных, даже семейных), представляющих собой некие формальные или не формальные возможности (интеллектуальные, творческие, физические и др.) развития человеческого капитала и его использования в самых разных (в том числе политических) целях.

Институциональные факторы (формирования МО и ВПО) — *зд.:* группа факторов, влияющая на формирование МО и ВПО, связанная с государственным, общественным, политическим и военным управлением, регулированием отдельных сфер, областей и общественных отношений. Дать точное определение этим факторам совсем не просто. Это связано прежде всего с тем, что они существуют параллельно как в материальной реальности, так и в коллективном сознании общества. Так, к числу институциональных относят научно-технические, финансовые, инвестиционные, социальные факторы и меры по улучшению управления, преобразова-

нию институтов (правил, норм, установлении) управления этими сферами, учреждений управления.

Как правило, эти институты тесно связаны с НЧК и институтами его развития. «Латинское «istitiutum», пишут авторы известной работы, изначально обозначало «обыкновение», «обычай», потом эта трактовка расширилась до понятия «принцип», а затем оно стало означать и организацию», которая этот принцип воплощает.

Интегрированная автоматизированная система (ИАС) — *зд.:* совокупность двух или более взаимоувязанных автоматизированных системы, в которой функционирование одной из них зависит от результатов функционирования другой (других) так, что эту совокупность можно рассматривать как единую автоматизированную систему. Например, ИАС ВКС, включающая системы ПВО, ВВС и Космических сил.

Интегрированная информационная среда (ИИС) — совокупность распределенных баз данных, содержащих сведения о продукции, производственной среде, ресурсах и процессах предприятия, обеспечивающая корректность, актуальность, сохранность и доступность данных субъектов производственно-хозяйственной деятельности, участвующих в осуществлении жизненного цикла продукции.

Интервенция в Ливии — *зд.:* военное нападение «сил международной коалиции» (в основном стран блока НАТО) на законное правительство Ливии, санкционированное Резолюцией Совета Безопасности ООН № 1973, принятой 17 марта 2011 года, декларирующей «защиту мирных жителей как цель вооруженного вмешательства». Демонстративное уничтожение М. Каддафи стало иллюстрацией готовности Запада к радикальным мерам силового давления на политические элиты других государств. Явилось рубежом перехода Запада к сценарию «Военно-силового принуждения» и «переходному периоду» в развитии ВПО в мире.

Информационная безопасность — *зд.:* состояние защищенности общества и государства от угроз суверенитету, ценностям и развитию (См. подробнее: Президент РФ В.В. Путин. Указ 3646 от 5 декабря 2016 г. «Об утверждении доктрины информационной безопасности Российской Федерации»).

Информационная инфраструктура — *зд.:* наиболее общая совокупность информационных центров, банков данных и знаний, систем связи, обеспечивающая хранение, передачу и доступ потребителей к информационным ресурсам.

Информационно-когнитивные факторы влияния на формирование МО и ВПО — *зд.:* средства, методы и технологии влияния, которые ведут к трансформации сознания оппонента и его правящей элиты в необходимом направлении с тем, чтобы добиться его ослабления, поражения и капитуляции до применения физических (экономических, военных и иных) мер.

Информационная система (ИС) — совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информационное обеспечение — совокупность информационных ресурсов и услуг, предоставляемых для решения управленческих и научно-технических задач в соответствии с этапами их выполнения (ГОСТ 7.0-99).

Информационное обслуживание — Обеспечение пользователей необходимой информацией, осуществляемое информационными органами и службами путем предоставления информационных услуг (ГОСТ 7.0-99).

Информационно-телекоммуникационная сеть — технологическая система, предназначенная для передачи по линиям связи информации, доступ к которой осуществляется с использованием средств вычислительной техники (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информационные ресурсы — Совокупность данных, организованных для эффективного получения достоверной информации (ГОСТ 7.0-99).

Информационные технологии (ИТ) — процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и

методов (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информация — сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Информирование — обеспечение информацией заинтересованных пользователей.

Иррегулярная война — *зд.:* война, в которой участвуют не только государства и их институты, но и негосударственные образования, прежде всего, институты развития человеческого потенциала НКО, университеты, СМИ, и отдельные граждане, представляющие собой главную силу развития современного общества и экономики — творческий класс. В фокусе операций в иррегулярной войне находится население и правящая элита страны — объекта нападения. Стратегическая цель направлена на то, чтобы захватить и удержать контроль над правящей элитой, населением через использование политических, психологических, информационных и экономических средств и методов. В ходе иррегулярной войны ВС США используют непрямой подход с целью разложить власть, подорвать ее влияние и волю и лишить власть поддержки народа. Стратегия современной иррегулярной войны, которую ведут США в глобальном масштабе, была закреплена в наставлении по ее ведению, разработанном Пентагоном еще в мае 2010 года. В последующие годы спектр средств, мер и методов иррегулярной войны расширялся как за счет увеличения традиционных силовых и военных средств, так и не традиционных силовых, невоенных средств и методов ведения противоборства.

Испытание — *зд.:* функциональная проверка или обследование одного или нескольких признаков единицы продукции при оказании на нее совокупности воздействий — физических, химических, окружающей среды или условий работы.

Истеблишмент — *зд.:* правящие круги, широкая политическая элита. Совокупность людей, занимающих ключевые позиции в социально-политической системе и формирующих общественное

мнение, а также совокупность институтов, с помощью которых эти люди поддерживают существующий социальный порядок (в данном случае в Конгрессе США и СМИ).

Исходный код — компьютерная программа в текстовом виде на каком-либо языке программирования.

Картирование — *зд.:* один из приемов наглядного представления данных, который включает общие (порядка 165) принципы визуализации, т. е. компактное представление большого объема информации, делающему заметными найденные в ходе анализа закономерности.

Качественные показатели МО и ВПО — *зд.:* оценки состояния МО и ВПО в настоящее время и в будущем, выраженные числом, характеризующим отношения двух однородных показателей. Качественные показатели — субъективные показатели, не поддающиеся количественным измерениям, либо являющиеся производными от таких измерений.

Класс ВВСТ — совокупность образцов ВВСТ, объединенных с учетом их предназначения, функциональных и конструктивных особенностей и значений ТТХ.

Коалиции — коалиция (от лат. *coalitio* — союз) — добровольное объединение нескольких лиц (групп лиц), например, государств, организаций, политических партий для достижения определенной цели. В отличие от других объединений, коалиции могут распадаться после достижения заявленной цели, а их члены не связаны иными обязательствами.

Коалиционный потенциал — способность государств/цивилизаций создавать взаимные коалиции, включая военные, политические, экономические и др. коалиции и союзы, направленные на совместное достижение вполне определенных целей объединенными усилиями.

Количественные показатели — физические, экономические, социологические, математические и иные показатели, предполагающие количественное измерение.

Коллективная безопасность ОДКБ — состояние защищенности коллективных интересов государств-членов ОДКБ, которое по-

зволяет обеспечить независимость, территориальную целостность, суверенитет, обороноспособность и защиту от угроз каждому из государств-членов ОДКБ на основе координации и осуществления совместной деятельности;

Компьютер — функциональный блок, который может выполнять соответствующие вычисления, включая числовые арифметические операции и логические операции без вмешательства человека.

Компьютерная графика — методы и технологии создания, манипулирования, хранения и показа на дисплее нарисованных представлений объектов и данных, выполняемые с помощью компьютера, а также результаты применения таких методов и технологий (ИСО/ МЭК 2382-1–1993).

Конвертирование данных — изменение формы представления данных в соответствии с определенными правилами при сохранении содержащейся в них информации.

Конструирование — стадия конструкторской подготовки производства, в ходе которой создаются 3D-модели всех оригинальных деталей и их 2D-проекции (чертежи), оформляются спецификации и ведомости материалов, комплектующих и нормализованных изделий, выполняются проверочные расчеты и моделирование. Согласно ГОСТ 2.103 результатом этой стадии является рабочая конструкторская документация.

Конструкторские данные об изделии — совокупность информационных объектов, порожденных в процессе проектирования и разработки изделия, содержащая сведения о составе изделия, геометрических моделях изделия, его компонентов и их технических характеристиках, об их отношениях в структуре изделия, о результатах расчетов и моделирования, о допусках на изготовление деталей и т. д.

Конфигурация — термин, объединяющий понятия структуры и состава изделия и предполагающий, что конкретные компоненты в составе обладают определенными значениями описывающих атрибутов.

Конфиденциальность информации — обязательное для выполнения лицом, получившим доступ к определенной информа-

ции, требование не передавать такую информацию третьим лицам без согласия ее обладателя (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Концепция (Стратегия) долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий систему научно обоснованных представлений о долгосрочных целях, внешних и внутренних условиях социально-экономического развития Российской Федерации.

Корректировка документа государственного стратегического планирования — частичное изменение текста документа без изменения периода, на который разрабатывался документ государственного стратегического планирования.

Кризис — *зд.:* комплекс кризисов, отражающий неизбежный переход к социокультурному порядку. См. подробнее: Кравченко С.А. Словарь новейшей социологической лексики: теории, понятия, персоналии (с английскими эквивалентами). М.: МГИМО-Университет, 2011, с. 162.

Кризисная ситуация — нарастающее обострение обстановки в одном или нескольких государствах, которое непосредственно угрожает его безопасности, стабильности, территориальной целостности, суверенитету и способно при отсутствии необходимой помощи государств — членов ОДКБ привести к его (их) неспособности выполнять свои функции и/или дестабилизации региона коллективной безопасности;

Критически важная система информационной инфраструктуры (ключевая система информационной инфраструктуры, КСИИ) — информационно-управляющая или информационно-телекоммуникационная система, которая осуществляет управление или информационное обеспечение критическим объектом или процессом, или используется для официального информирования общества и граждан.

Критическое (пороговое) значение показателя обеспечения национальной безопасности — количественная характеристика угрозы национальной безопасности.

Крупномасштабная война — война между коалициями государств или крупнейшими государствами мирового сообщества, в которой стороны будут преследовать радикальные военно-политические цели.

Крупномасштабная война может стать результатом эскалации вооруженного конфликта, локальной или региональной войны с вовлечением значительного количества государств разных регионов мира. Она потребует мобилизации всех имеющихся мобилизационных ресурсов и духовных сил государств-участников.

Логистика — наука о методах и способах управления материальными и информационными потоками в производстве и бизнесе; в частности, изучает процессы планирования, контроля и управления транспортированием, складированием, переработкой и др. операциями в процессе доставки готовой продукции потребителю.

Локальная война — война между двумя и более государствами, преследующая ограниченные военно-политические цели, в которой военные действия ведутся в границах противоборствующих государств, и которая затрагивает преимущественно интересы только этих государств (территориальные, экономические, политические и другие).

Локальная человеческая цивилизация (ЛЧЦ) — *зд.* один из важнейших субъектов МО и ВПО, участвующих в форме военно-политической коалиции в формировании и реализации современной международной и военно-политической обстановки.

Объединение нескольких наций, государств и сообществ на основе некоторых интересов, идей, ценностей, принципов и норм в некую достаточно устойчивую общественно-политическую общность, контролирующую определенную территорию и деятельность под эгидой одного государства.

Определенная часть человеческого сообщества, проживающая на конкретной территории, объединенное общей системой ценностей, историческим наследием и видением общего будущего. Современная локальная человеческая цивилизация — конкретная часть общества, проживающего на определенной территории в современ-

ный период, объединенные общей культурой, системой ценностей, историей и видением общего будущего.

Локальная человеческая цивилизация в МО и ВПО — один из важнейших субъектов, участвующих в формировании и реализации современной международной и военно-политической обстановки (МО и ВПО), выступающая в качестве важнейшей основы для создания военно-политической коалиции. Уже в последнее десятилетие я активно использовал это понятие в серии работ, посвященных развитию и прогнозу МО и ВПО. См., например: Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография. *А.И. Подберезкин и др.* М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017, 357 с.

Локальный военный конфликт — локальные военные действия между двумя и более субъектами (государствами или акторами), преследующие ограниченные цели, в котором военные действия ведутся в ограниченных границах и затрагивают ограниченные интересы.

Лонгитюдно-сценарный метод исследования — метод анализа и прогноза развития различных сценариев ВПО по отдельным этапам развития. В нашем случае он предполагает:

— во-первых, обязательное предварительное исследование состояния МО, затем ВПО и СО, а также (при необходимости) войн и конфликтов;
— во-вторых, изучение МО, ВПО и СО, а также военных конфликтов в исторической ретроспективе, как минимум, нескольких десятилетий;
— в-третьих, прогноз развития МО, ВПО и СО на ближнесрочную, среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Маастрихтские соглашения — *зд.:* с военно-политической точки зрения, когда 7 февраля 1992 года 12 странами были подписаны соглашения об экономической, финансовой и в последующем политической интеграции, получившие еще и название «критерии конвергенции». В конце 1980-х годов новая геополитическая и экономическая обстановка подтолкнула европейцев к следующему этапу интеграции. Подготовка нового соглашения заняла примерно

три года. Наконец 7 февраля 1992 г. в нидерландском городе Маастрихте министры иностранных дел и министры финансов 12 государств — членов ЕЭС (Бельгии, Дании, Люксембурга, Нидерландов, Италии, Ирландии, Испании, Португалии, Греции, Франции, Германии, Великобритании) подписали Договор о Европейском союзе, предусматривавший поэтапную трансформацию ЕЭС в новый экономический, валютный, а в перспективе и политический союз. В действительности речь уже шла о политической и цивилизационной, а также последующей военно-политической идентичности, которая противопоставлялась российской идентичности — политической и цивилизационной — достаточно активно.

Маневр — организованное передвижение войск в ходе боя в целях занятия выгодного положения по отношению к противнику и создания необходимой группировки сил и средств, а также перенос или перенацеливание ударов и огня для наиболее эффективного поражения противника. Видами маневра являются охват, обход, отход и маневр ударами и огнем. Маневр ударами и огнем заключается в одновременном или последовательном их массировании (сосредоточении) по важнейшим объектам противника, а также в перенацеливании их на новые объекты.

Материал — предмет или вещество, используемое или подвергающееся обработке (переработке) с целью получения изделия или его компонентов.

Мегатренды — *зд.:* главные тенденции мирового развития (особо «крупные» тренды), к которым относятся десятки направлений в развитии современного человечества. См. подробнее: Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке. Под ред. *Шаклеиной Т. А., Байкова А. А*. М.: Аспект Пресс, 2013.

Международные институты — *зд.:* государственные и общественные организации самого широкого спектра — политические, экономические, финансовые, военные, научные, учебные, религиозные и пр.– предназначенные служить это звеном механизма совместного решения проблем, затрагивающих интересы нескольких государств или человечества в целом. Часто используются в

национальных политических целях во вред целям сотрудничества. По своему значению нередко совпадают с понятием «международный актор», но не включают собственно негосударственных внутренних акторов.

Международные институты как идеи и концепции, а также приоритеты — *зд.*: играют огромную роль в формировании современной МО и ВПО, но не столько как культурно-исторические понятия, сколько как инструменты, которые используются в политике теми или иными странами.

Международная обстановка (МО) — *зд.:* состояние отношений между всеми участниками формирования системы международных отношений (субъектами и акторами), а также влияние глобальных, региональных, национальных и иных тенденций и факторов.

Международная обстановка (МО) — состояние мировой системы международных отношений в определенный период времени, характеризуемое составом субъектов (государственных, международных и негосударственных) мировой политики, ведущими мировыми тенденциями и отношениями между ними. МО оценивается совокупностью результатов действий одних субъектов в отношении других.

Международные отношения (МО) — *трад.:* особый вид общественных отношений между субъектами международной деятельности

Международный военный конфликт — военный конфликт, выходящий за территориальные пределы одного государства, в котором участвуют, как правило, субъекты ВПО (но могут участвовать и привлекаться акторы).

Меры сдерживания невоенного порядка — внешнеполитические действия по укреплению системы международной безопасности

Метод дедукции анализа и прогноза ВПО — *зд.:* метод логических умозаключений, основанный на общем анализе МО, и, как следствие его развития, — ВПО, в результате которого выстраивается цепь рассуждений относительно наиболее вероятного конкретного варианта одного из сценариев развития ВПО (иногда СО).

Метод индукции анализа и прогноза ВПО — *зд.:* метод уточнения и конкретизации логических рассуждений, сделанных на основе дедукции и логических заключений, основанный на анализе эмпирических данных и экспертных оценках, с помощью которого вносятся коррективы и другие изменения в разработанный наиболее вероятный из возможных сценарий и его вариант развития ВПО (иногда СО). Этот метод в политическом анализе связан с обобщением наблюдений и экспериментов, представляет собой умозаключение, при котором общее суждение по особым правилам получается на основе единичных или частных посылок. В науке и повседневной жизни многие положения общего характера появляются в результате освоения отдельных фактов.

Объективной основой для получения общих положений с помощью метода индукции при анализе ВПО является повторяемость событий, объединенных общей закономерной связью, благодаря чему по части фактов можно устанавливать общий закон. Вместе с тем, повторение может быть характерно для более узкого круга событий, чем тот, на который претендует обобщение, или может свидетельствовать о случайных совпадениях. Игнорирование данных обстоятельств приводит к ошибкам в процессе применения этого метода, носящих названия «поспешное обобщение» и «после этого значит по причине этого». Вывод с помощью метода индукции имеет вероятностный характер. Он будет более надежным, если: а) число предметов, о которых говорится в посылках, будет большим; б) эти предметы будут более разнообразны; в) они будут характерными, типичными представителями того класса предметов, о котором говорится в заключении; г) субъект заключения будет возможно меньшим, а предикат возможно большим по объему; д) признак, переносимый на совокупность предметов, о которых речь идет в заключении, будет более существенным для них.

Метод моделирования ВПО — метод исследования в форме конструирования модели военно-политических отношений с адекватным отображением их содержания, существенных признаков и характеристик.

Метод оценки критериев и показателей — психофизический метод оценки степени уверенности (5–7) эксперта в правильности того или иного критерия или показателя.

Метод разработки сценариев военно-политической обстановки (ВПО) — метод моделирования развития того или иного сценария развития ВПО, выполненный в соответствии с правилами разработки возможных и наиболее вероятных, а также недопустимых сценариев и их вариантов развития ВПО. Предполагает, что эти сценарии являются частью сценариев развития МО, реализуемые в конкретных вариантах.

Метод экспертных оценок военно-политической обстановки — *зд.:* метод оценивая состояния текущей военно-политической обстановки на основе опыта, знаний и интуиции высококвалифицированных специалистов.

Метод экстраполяции военно-политической обстановки — *зд.:* метод прогнозирования развития военно-политической обстановки, основанный на анализе сложившейся в прошлом и настоящем закономерностей, характера и условий развития ВПО и распространения их на соответствующую перспективу прогноза (планирования) в будущем.

Методическое обеспечение государственного стратегического планирования — требования и рекомендации по разработке документов государственного стратегического планирования.

Методологическая база военного планирования в Российской Федерации — разработанная (уточненная) в ходе подготовки к очередному этапу военного планирования совокупность процедурных знаний, применяемых для обоснования (прогнозирования) на определенный временной период процессов ведения и обеспечения обороны, военного строительства, информационного противоборства и управления обороной Российской Федерации, системы обеспеченных ресурсами мер по подготовке к вооруженной защите и вооруженной защите Российской Федерации.

Методология — тип сознания, направленного на разработку, совершенствование и изучение методов теоретической и практической деятельности в области международных отношений.

Методы сценарного прогнозирования — существует два основных — и при этом очень существенно различающихся между собой — метода сценарного прогнозирования. Это:

1) дедуктивный метод (от общих альтернатив — к частным сценариям; основан на анализе факторов, влияющих на поведение объекта прогнозирования);

2) индуктивный метод (от конкретных ситуаций и действий акторов к сценариям); Он основан на пошаговом анализе поведения акторов в рамках определенной ситуации.

МИГ-35 — высокоманевренный многофункциональный истребитель-бомбардировщик поколения 4++ (по кодификации НАТО: «Fulcrum-F» — «точка опоры»), характеристики которого максимально приближены к пятому поколению, Предназначен для завоевания господства в воздухе и нанесения эффективных ударов высокоточным оружием по наземным и надводным целям из-за пределов зоны противовоздушной обороны (ПВО) противника.

Мировая военно-политическая система (ВПС) — *зд.:* совокупность субъектов, акторов и тенденций военной политики, взаимосвязь между которыми осуществляется посредством военно-политических отношений. В структуре мировой ВПС могут выделяться региональные ВПС и внутригосударственные ВПС.

Мироустройство — *зд.:* современная научная картина мира (НКМ). В философском смысле — существующий порядок, взаимосвязь всех объектов мира, космоса. В политическом смысле — система экономических, военных и политических взаимоотношений между всеми государствами в мире, часть международной обстановка, которая не включает другие ее важнейшие элементы (отношения акторов, тенденции и пр.).

Мирсистема — *зд.:* система МО и ВПО, в которой важную роль играют ЛЧЦ. МО и ВПО, а также другие аббревиатуры и определения, даются в приложениях в конце всей работы.

Модель — *зд.:* самое общее, достаточно абстрактное, представление о структуре, основных факторах формирования и влияния некой сложной системы, состоящей из множества взаимозависимых элементов

Моделирование ВПО — *зд.:* в соответствии с различными назначениями методов моделирования понятие «модель» (М.) используется не только и не столько с целью получения объяснений различных явлений, сколько для предсказания интересующих исследователя явлений. Оба эти аспекта использования М. оказываются особенно плодотворными при отказе от полной формализации этого понятия.

«Объяснительная» функция М. проявляется при использовании их в педагогических целях, «предсказательная» — в эвристических (при «нащупывании» новых идей, получении «выводов по аналогии» и т. п.). При всем разнообразии этих аспектов их объединяет представление о М., прежде всего, как орудии познания, т. е. как об одной из важнейших философских категорий. Для использования этого понятия во всех разнообразных аспектах на современном этапе развития науки характерно значительное расширение арсенала применяемых М. Введение в число параметров, описывающих изменяющиеся (развивающиеся) системы временных характеристик (или использование функций в математическом смысле этого слова в качестве первичных элементов М.), позволяет расширить понятие изоморфизма до т. н. изофункционализма и с его помощью отображать (моделировать) не только «жестко заданные», неизменные системы, но и различные процессы (физические, химические, производственные, экономические, социальные, биологические и др.). Это открывает широкие возможности использования в качестве М. программ для цифровых ЭВМ, «языки» которых можно рассматривать как «универсальные моделирующие системы». То же, конечно, относится и к обычным (естественным) языкам, причем и по отношению к языковым М. претензии на их непременный изоморфизм описываемым ситуациям оказываются несостоятельными и ненужными. К тому же предварительный учет всех подлежащих «моделированию» параметров, нужный для буквального понимания термина «М.» введенного каким-либо точным определением, часто невозможен (что и обусловливает, кстати, потребность в моделировании), в силу чего особенно плодотворным опять-таки оказывает-

ся расширительное понимание термина «М.», основывающееся на интуитивных представлениях о «моделировании». Это относится ко всякого рода «вероятностным» М. обучения (см. также Программированное обучение), «М. поведения» в психологии, к типичным для кибернетики М. самоорганизующихся (самонастраивающихся) систем.

Моделирование изделия — относительно полное, достаточно всестороннее описание как самого изделия (состав и структура, геометрические твердотельные модели, конечно элементные и другие модели для расчетов), так и технологических приемов его производства, особенностей функционирования, режимов эксплуатации и т. д. В отличие от социальных моделей, не исключает, а, наоборот, предполагает детальное описание.

Модель развития человечества и МО — наиболее общая и грубая форма, исключающая детали, представлений о человечестве и МО как системе отношений между ее субъектами.

Модель сценария — сценарное моделирование (планирование) — один из наиболее эффективных системных инструментов стратегического управления вообще и стратегического анализа, и прогноза, в частности. Исторически такие модели и сценарии возникли примерно 30 лет назад в качестве альтернативы одновариантных прогнозов будущего развития конкретных компаний. Одновариантные прогнозы, как правило, довольно жестко задавали, по-существу, единственную траекторию будущего развития организации. На практике они очень часто оказывались ошибочными. Поэтому при сценарном подходе для конкретного субъекта или актора МО, или ВПО можно разрабатывать несколько примерно одинаково вероятных, но значимо контрастных вариантов будущего развития ее внешней среды (в нашем случае вариантов). Они выступают конкретными инструментами именно национальной стратегии, и в них делался акцент как раз на тех позициях, которые являлись объективно значимыми при принятии стратегических решений.

Модификация — утвержденное изменение проекта или изделия.

Мониторинг реализации документов государственного стратегического планирования — деятельность по комплексной оценке основных показателей, а также бюджетных обязательств.

Нарратив — *зд.:* субъективное повествование о чем-то. В данном случае о формировании и развития ВПО. Исследование, рассказ и нарратив близкие по значению слова, но не тождественные. Между двумя этими понятиями есть несколько различий:

— исследование — способ передачи точной (объективной) информации, а рассказ, тем более, нарратив — субъективное повествование о событии с включением эмоций и оценок рассказчика;
— цель рассказа — донести до слушателя информацию, цель нарратива — произвести впечатление, заставить услышать, понять и задуматься о чем-либо или о ком-либо, поэтому некоторые моменты в тексте или речи могут быть приукрашены;
— в нарративном повествовании, как и в любом субъективном рассказе, могут заведомо утаиваться или искажаться какие-либо факты, а также скрываться истинные намерения рассказчика.

История — рассказ, нарратив или исследование.

Национальная идентичность — *зд.:* (англ. Identity) — свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к национальной (и политической) общности.

Национальные интересы — *зд.:* объективно существующие интересы (потребности) нации, отражающие ее осознанные фундаментальные потребности развития и безопасности, согласованные между основными социальными группами и слоями общества.

Национальный человеческий капитал (НЧК) — совокупность национальных возможностей, вытекающих из объема, качества и состояния человеческого капитала нации, которые составляют главную часть национального богатства, основной ресурс развития и безопасности и главную цель развития нации, общества и государства.

Национальный человеческий потенциал — демографические, творческие, интеллектуальные и духовные ресурсы нации, являющиеся основной частью национального богатства и мощи государства, а также главным современным средством социально-экономического развития.

Не декларированные возможности — функциональные возможности средств вычислительной техники и программного обеспечения, не описанные или не соответствующие описанным в документации, которые могут привести к снижению или нарушению свойств безопасности информации.

Неизбежность — *зд.:* такое развитие (сценария МО или ВПО), которое невозможно предотвратить.

Несанкционированный доступ — доступ к информации или к ресурсам автоматизированной информационной системы, осуществляемый с нарушением установленных прав и (или) правил доступа.

Новая парадигма развития (МО-ВПО) — совокупность общепринятых представлений, доминирующих в обществе, о принципах, тенденциях и целях развития, своего рода «универсальный образец», совокупность явных и неявных предпосылок, формирующих общепризнанную модель МО и ВПО, признанных большинством представителей мирового сообщества на данном этапе развития различных ЛЧЦ.

Новая публичная дипломатия (политика) — политика публичной дипломатии, основанная на принципах сотрудничества с негосударственными субъектами, двусторонней коммуникации и использования современных технологий, прежде всего, в области широкого применения социальных сетей в новых геополитических условиях в целях реализации политики «силового принуждения» Западом.

Нормативно-справочная информация автоматизированной системы (НСИ) — информация, заимствованная из нормативных документов и справочников и используемая при функционировании автоматизированной системы.

Носитель информации — средства регистрации, хранения, передачи информации.

Оба метода лежат в основе стратегического прогноза данной работы и взаимно дополняют друг друга.

Обеспечение информационной безопасности организации — деятельность, направленная на устранение (нейтрализацию, парирование) внутренних и внешних угроз информационной безопасности организации или на минимизацию ущерба от возможной реализации таких угроз.

Облик военной организации государства — совокупность количественных и качественных параметров (показателей), характеризующих возможности, состав, структуру, численность, техническую оснащенность, а также системы управления и всестороннего обеспечения военной организации.

Обход — более глубокий маневр, совершаемый подразделениями для удара по противнику с тыла.

Общесистемное программное обеспечение — часть программного обеспечения автоматизированной системы, представляющая собой совокупность программных средств, разработанных вне связи с созданием данной автоматизированной системы и предназначенных для организации вычислительного процесса и решения, часто встречающихся задач обработки информации (ГОСТ 34.003).

Объект информатизации — совокупность информационных ресурсов, средств и систем обработки информации, используемых в соответствии с заданной информационной технологией, а также средств их обеспечения, помещений или объектов (зданий, сооружений, технических средств), в которых эти средства и системы установлены, или помещений и объектов, предназначенных для ведения конфиденциальных переговоров (ГОСТ Р 51275–2006).

Огонь — это одновременное поражение противника стрельбой из различных видов оружия. Он ведется с задачей уничтожения, подавления и изнурения противника или разрушения его объектов.

Онтогенез — *зд.:* индивидуальное развитие организмов, история отдельных видов.

Опасность — наличие и действие сил (факторов), которые являются деструктивными и дестабилизирующими по отношению

к какой-либо конкретной системе и которые способны нанести ущерб данной системе, временно вывести ее из строя или полностью уничтожить.

Оперативное управление и регистрация хода производства — *зд.:* совокупность программных средств и данных, обеспечивающая учет выполнения технологических операций по видам изделий и их компонентов; ведение протоколов работы технологического оборудования и персонала ОПК.

Оператор информационной системы — гражданин или юридическое лицо, осуществляющие деятельность по эксплуатации информационной системы, в том числе по обработке информации, содержащейся в ее базах данных (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Операционная система (ОС) — программное средство, которое управляет исполнением программ и которое может обслуживать выделение ресурсов, планирование, управление вводом-выводом и управление данными

Основа локальной человеческой цивилизации — *зд.:* объединение государств и акторов вокруг одного государства-лидера.

Основные направления деятельности Правительства Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного планирования, определяющий задачи социально-экономического развития Российской Федерации и укрепления национальной безопасности на среднесрочную перспективу.

Основные субъекты МО и ВПО — *зд.:* в работе к ним относятся: государства, акторы (международные и национальные), коалиции и локальные человеческие цивилизации (ЛЧЦ). Могут существовать и другие, не основные, субъекты и факторы, которые могут стать такими субъектами, но они непосредственно в работе не рассматриваются. Так, крупные международные корпорации, социальные сети (такие, как «Фэйсбук», например) и иные акторы фактически превратились в субъекты формирования МО и ВПО.

Основные особенности МО — *зд.:* отличительные черты современной МО как характеристики основных факторов и тенден-

ций, формирующих МО, и отношений между ними. См.: Стратегическое прогнозирование и планирование внешней и оборонной политики: монография: в 2-х т. Под ред. *А.И. Подберезкина.* М.: МГИМО-Университет, 2015, сс. 51–76.

Открытая система — исчерпывающий и согласованный набор национальных стандартов Российской Федерации и международных стандартов информационных технологий и профилей, функциональных стандартов, которые специфицируют интерфейсы, службы и форматы в целях обеспечения переносимости, масштабируемости и взаимодействия приложений, данных и персонала.

Открытые стандарты и спецификации — стандарты и спецификации, являющиеся доступными и не требующими разрешения и оплаты за их использование.

Открытый код — исходный код программного обеспечения, передаваемый разработчиком пользователю на определенных лицензионным договором условиях

Отраслевой документ государственного стратегического планирования — документ, в котором определены цели, приоритеты и задачи развития и обеспечения национальной безопасности, в соответствующей отрасли или сфере социально-экономического развития Российской Федерации.

Отход — маневр, применяемый в целях вывода своих войск из-под ударов превосходящих сил противника, выигрыша времени и занятия более выгодного рубежа. Отход проводится только по разрешению или приказу старшего командира.

Охват — маневр, осуществляемый подразделениями в целях выхода для удара во фланг противнику.

Парадигма — *зд.* наиболее общие фундаментальные научные, общественных и политические представления об основных закономерностях и особенностях развития системы или объекта, воспринимаемых и разделяемых значительной частью или большинством в обществе.

Периферийное оборудование — устройство, которое управляется компьютером и взаимодействуете ним (ИСО/МЭК 2382-1–1993).

Персональные данные — любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному, или определяемому физическому лицу (Федеральный Закон Российской Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»).

Персональный компьютер (ПК) — микрокомпьютер, предназначенный, в первую очередь, для обособленного индивидуального использования.

План обороны Российской Федерации — комплекс взаимосвязанных документов военного планирования в Российской Федерации, разрабатываемый в целях обоснования и нормативного, а также правового закрепления системы согласованных по срокам и обеспеченных ресурсами военных, правовых, политических, экономических и иных мер, реализация которых позволит обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование ведения обороны Российской Федерации — процесс определения военной организацией государства системы мер по защите жизненно важных интересов государства от внешних и внутренних угроз.

Планирование военного строительства в Российской Федерации — процесс определения системы мер по строительству и развитию военной организации государства, направленных на перевод органов государственного и военного управления, Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских формирований, органов, привлекаемых к выполнению задач в области обороны частей производственного и научного комплексов страны, в определенные качественные состояния, позволяющие в условиях планового периода обеспечить оборону и безопасность государства.

Планирование информационного противоборства Российской Федерации — процесс определения и реализации комплекса мер, осуществляемых политической и военной организацией государства в интересах обеспечения национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере и достижения политических, экономических, военных и иных целей.

Планирование обеспечения обороны Российской Федерации — процесс выработки решений и разработки на их основе системы мер,

определяющих цель, задачи, мероприятия обеспечения деятельности военной организации государства при выполнении ею задач по подготовке к вооруженной защите Российской Федерации.

Планирование производства — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая объемное планирование и формирование графиков производства; планирование по группам продукции для основных подразделений; расчет производственных мощностей основных подразделений и определение мер, обеспечивающих соответствие мощностей объемам выпуска; расчет и планирование потребностей в материалах и комплектующих с учетом графиков производства; расчет сменно-суточных плановых заданий для подразделений и технологического оборудования (оперативное производственное планирование) и т. д.

Планирование управления обороной Российской Федерации — процесс определения основ управления деятельностью военной организации государства при выполнении ею задач обороны в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии и в военное время.

Позитивный анализ — *зд.:* анализ, который предполагает объяснение и прогнозирование явлений, как правило, в экономике, а нормативный анализ отвечает на вопрос, как должно быть.

Предположим, правительство США устанавливает квоту на импорт автомобилей. Возникает вопрос что произойдет с ценами на отечественные машины, объемом их производства и сбытом Какое влияние это окажет на американских потребителей и на работающих в автомобильной промышленности. Другое дело — как это сделать. Все эти вопросы — область позитивного и нормативного анализа.

Показатели внутригосударственной военно-политической обстановки — данные, позволяющие оценивать состояние и процессы, происходящие в военно-политической, военно-социальной, военно-экономической, научно-технической, технологической и иных областях жизни страны.

Показатели межгосударственной обстановки — данные, по которым можно судить о состоянии и перспективах развития международной ситуации и положения России в мире.

Показатель эффективности использования продукции — количественная характеристика степени достижения полезных результатов при использовании продукции в конкретной эксплуатационной ситуации с учетом эксплуатационных затрат (ГОСТ 15467-79).

Политика — *зд.* и далее: применение на практике искусства и науки управлять государствами и другими субъектами политического процесса. (См., например: Политика, Толковый словарь: Русско-английский. М.: «ИНФРА-М», 2001, 453 с.).

Политический суверенитет — полное право государств на самоуправление и на принятие политических и иных решений, составляющее основу международных отношений и международного права, в рамках существующих объективных обстоятельств.

Пользователь информационной системы — лицо (группа лиц, организация), пользующееся услугами информационной системы для получения информации или решения других задач (ГОСТ 7.0-99).

Потенциал государства — совокупность материальных и духовных сил государства и общества.

Походный порядок — построение подразделений для передвижения в колоннах. Он применяется на марше при преследовании, при проведении маневра и должен обеспечивать высокую скорость движения, быстрое развертывание в предбоевой и боевой порядки.

Правящая элита — *зд.* имеется ввиду достаточно узкий социальный слой (социальная группа) общества, реально влияющий в решающей степени на формирование политики страны. С точки зрения автора, в России она составляет численность в несколько тысяч человек, а степень ее влияния в некоторые периоды истории оказывается решающей для общества и всей нации. Причем структура этой элиты неоднородна как по идеологическим и политическим, так и функциональным признакам.

Предбоевой порядок — построение подразделений, осуществляемое в целях сокращения времени на развертывание в боевой порядок, меньшей уязвимости от ударов всеми видами оружия.

Предоставление информации — действия, направленные на получение информации определенным кругом лиц или передачу информации определенному кругу лиц (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Представление данных — характеристика, выражающая правила кодирования элементов и образования конструкций данных на конкретном уровне рассмотрения в вычислительной системе (ГОСТ 20886-85).

Пригожинская парадигма — Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М.: Прогресс, 1986, 432 с.

Примеры: Военный конфликт в Южной Осетии, Абхазии, Приднестровье, на Северном Кавказе.

Принципы стратегического прогнозирования — основные правила, объединяющие в действительности известную совокупность идей, связанных со стратегическим прогнозированием.

Приобретение (acquisition prosess) — отдельный этап в поступлении вооружений в ВС США, рассматриваемый, как правило, в качестве процесса, когда в него можно внести изменения в ту или иную сторону.

Приоритет социально-экономической политики — предпочтительные направления и способ действий по достижению целей социально-экономического развития, исходя из целесообразности, рациональности и эффективности.

Провоцирование международного конфликта — использование частной ситуации или искусственное создание такой ситуации в качестве повода для эскалации конфликта.

Прогноз научно-технологического развития России — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений об ожидаемых результатах научно-технологического развития и возможных рисках для национальной безопасности.

Прогноз научно-технологического развития Российской Федерации на долгосрочный период — документ, содержащий си-

стему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах научно-технологического развития РФ и субъектов РФ в долгосрочной перспективе.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных представлений о внешних и внутренних условиях, направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития.

Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о направлениях и ожидаемых результатах социально-экономического развития Российской Федерации, в том числе субъектов Российской Федерации, на долгосрочный или среднесрочный период.

Прогнозирование ВПО — *зд.:* процесс разработки прогноза развития факторов и тенденций, формирующих ВПО, а также возможных и вероятных взаимосвязей между ними.

Прогнозирование социально-экономического развития — *зд.:* деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, определению параметров социально-экономического развития Российской Федерации, достижение которых обеспечивает реализацию целей социально-экономического развития Российской Федерации и приоритетов социально-экономической политики с учетом задач национальной безопасности.

Программа социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на среднесрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели деятельности органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации на среднесрочную перспективу и комплекс мероприятий по их достижению.

Программное обеспечение (ПО) — совокупность программ системы обработки информации и программных документов, необходимых для их эксплуатации.

Программно-технический комплекс автоматизированной системы (ПТК) — Продукция, представляющая собой совокупность средств вычислительной техники, программного обеспечения и средств создания и заполнения машинной информационной базы при вводе системы в действие достаточных для выполнения одной или более задач автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Программно-целевое планирование — деятельность, направленная на определение целей социально-экономического развития и обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, приоритетов социально-экономической политики и национальной безопасности, а также формирование комплексов, направленных на достижение этих целей и приоритетов мероприятий с указанием источников их финансового обеспечения.

Продукция военного назначения (ПВН) — вооружение, военная техника, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) и информация в военно-технической области, за исключением информации, которая может быть опубликована в соответствии с законодательством Российской Федерации в средствах массовой информации, произведениях науки, литературы и искусства, рекламных материалах (Федеральный закон от 19 июля 1998 г. № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами).

Производственные данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая в процессе производства, ассоциированная с информационными объектами, описывающими изделие и его компоненты, содержащая сведения о статусе конкретных экземпляров изделия и его компонентов в производственном цикле (Р 50.1.031–2001).

Производство — совокупность бизнес-процессов, имеющая целью преобразование материальных объектов (материалов, заготовок, полуфабрикатов, комплектующих изделий) в готовое (конечное) изделие надлежащего качества, удовлетворяющее требованиям потребителя (Р 50.1.031–2001).

Проприетарное (закрытое) программное обеспечение (ППО) — программное обеспечение, распространяемое на условиях простой (неисключительной) или исключительной лицензии, ограничивающей использование программы и/или запрещающей пользователю внесение изменений в программу для ЭВМ (переработку) и/или распространение изменений (переработанной) программы.

Прослеживаемость — способность восстановить предысторию использования или местонахождения изделия с помощью регистрируемой идентификации.

Публикация — документ, доступный для массового использования.

Развитие автоматизированной системы — целенаправленное улучшение характеристик или расширение функций автоматизированной системы (ГОСТ 34.003).

Разработка — стадия конструкторской подготовки производства, в ходе которой разрабатывается подробная 3D-модель изделия, а также 3D-модели узлов, агрегатов и основных (базовых) деталей, на базе которых формируются 2D-проекции (чертежи), выполняются уточненные проектировочные расчеты и моделирование. Согласно ГОСТ 2.120 эта стадия называется техническим проектированием, а ее результат — техническим проектом (Р 50.1.031–2001).

Распределенная база данных — совокупность баз данных, физически распределенная по взаимосвязанным ресурсам и доступная для совместного использования в различных приложениях (ГОСТ 20886-85).

Распространение информации — действия, направленные на получение информации неопределенным кругом лиц или передачу информации неопределенному кругу лиц (Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

«Ревизионистские государства» — *зд.:* термин, который стал использоваться в США по отношению к странам и лидерам, не согласившимся на новую систему в МО, установленную после 2000 года, где господствует гегемония США. Формально вошел в поли-

тический оборот при президенте США Б. Обаме, когда в 2015 году объединенный комитет начальников штабов (ОКНШ) США опубликовал «Национальную военную стратегию» 2015, где Россия, Иран, Китай и КНДР названы ревизионистскими государствами и главной угрозой международной безопасности наряду с ИГИЛ. При этом в документе подчеркивается, что вышеуказанная четверка не представляет прямой военной угрозы США и их союзникам, однако ее действия вызывают серьезную озабоченность.

РФ предъявляются претензии в неуважении к суверенитету соседних стран и готовности применить силу для достижения своих целей. В тексте упоминается техника «гибридной войны» в контексте отторжения Крыма от Украины, авторы стратегии обвинили РФ в подрыве региональной безопасности напрямую и через третьи силы. Все это, по их мнению, нарушает «многочисленные договоренности, которые подписала Россия и в которых она обязалась действовать в соответствии с международными нормами, включая Устав ООН, Хельсинкские соглашения, Основополагающий акт Россия — НАТО, Будапештский меморандум и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности.

Региональная война — война с участием двух и более государств одного региона, ведущаяся национальными или коалиционными силами с применением как обычных, так и ядерных средств поражения, на территории региона с прилегающими к нему акваториями и в воздушном (космическом) пространстве над ним, в ходе которой стороны будут преследовать важные военно-политические цели.

Результат социально-экономического развития — фактическое (достигнутое) состояние экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Ремонт — комплекс операций по восстановлению исправности или работоспособности изделий и восстановлению ресурсов изделий или их составных частей.

Риск — сочетания вероятности и последствия наступления неблагоприятных событий.

Роль — *зд.:* рассматривается в широком смысле, как описание ограниченного множества действий, функция, выполняемая ЛЧЦ в рамках формирования МО.

Сбой — самоустраняющийся отказ или однократный отказ, устраняемый незначительным вмешательством оператора (например, в системе управления СЯС).

Сводный индекс национального потенциала (англ. Composite Index of National Capability, CINC) — статистическая оценка национальной мощи, созданная Дж. Дэвидом Сингером для проекта Correlates of War в 1963 году.

Сиквел (англ. «sequel», от лат. «sequella» — «продолжение», «приложение») — книга, фильм или любое другое творческое повествование, по сюжету являющееся продолжением какого-либо произведения.

Силовое противоборство — *зд.:* форма взаимоотношений между государствами и акторами МО и ВПО, сочетающая как силовое принуждение в прямой и косвенной форме, так и элементы сотрудничества.

Силовое противоборство — *зд.:* частный случай войны.

Силы коллективной безопасности ОДКБ — объединения, соединения, воинские части и подразделения национальных вооруженных сил и других войск государств — членов ОДКБ, подразделения специального назначения (группы специалистов) органов внутренних дел (полиции), внутренних войск (национальной гвардии, войск полиции), органов безопасности и специальных служб, формирования органов, уполномоченных в области предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций государств — членов ОДКБ, подчиненные национальным органам управления и используемые по решению органов ОДКБ, а также коалиционные группировки войск (сил), региональные (объединенные) группировки войск (сил), группировки объединенных (совместных) военных систем и Миротворческие силы ОДКБ.

Сингулярность — (математическая) *Singularity* — это английское слово, означающее уникальное в своем роде событие с крайне особенными последствиями. Это слово используется математика-

ми для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой все больше приближается к нулю.

Синоним — военно-силовая политика государства.

Синоним — национальное управление в условиях подготовки и в ходе войны.

Синоним — стратегическое планирование в области обороны.

Синоним — планирование национальной обороны.

Система государственного стратегического планирования — совокупность участников государственного стратегического планирования, взаимоувязанных документов государственного стратегического планирования, характеризующих приоритеты социально-экономического развития Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности, и нормативно-правового, информационного, научно-методического, финансового и иного ресурсного обеспечения государственного стратегического планирования.

Система документов государственного стратегического планирования — совокупность взаимосвязанных по стратегическим целям, задачам, срокам и источникам ресурсного обеспечения документов государственного стратегического планирования.

Система коллективной безопасности ОДКБ — совокупность органов ОДКБ и национальных органов государственного управления, сил и средств государств — членов ОДКБ, обеспечивающих в соответствии с международным правом и национальным законодательством защиту коллективных интересов, суверенитета и территориальной целостности государств — членов ОДКБ на коллективной основе;

Система национальных ценностей — *зд.:* система (базовых) национальных ценностей — совокупность духовных идеалов, присущих определенной этнической общности, которые отражают ее историческое своеобразие, нравственные приоритеты и специфику.

Система стратегического планирования — механизм обеспечения согласованного взаимодействия участников стратегического планирования.

Система управления базами данных (СУБД) — совокупность программ и языковых средств, предназначенных для управления данными в базе данных, ведения базы данных и обеспечения взаимодействия ее с прикладными программами (ГОСТ 20886-85).

Система управления качеством продукции — совокупность управляющих органов и объектов управления, взаимодействующих с помощью материально-технических и информационных средств при управлении качеством продукции (ГОСТ 15467-79).

Совместимость автоматизированных систем — комплексное свойство двух или более автоматизированных систем, характеризуемое их способностью взаимодействовать при функционировании. Совместимость автоматизированных систем включает техническую, программную, информационную, организационную, лингвистическую и, при необходимости, метрологическую совместимость (ГОСТ 34.003).

Совокупный военный потенциал страны — военная мощь государства.

Современная локальная человеческая цивилизация — конкретная часть общества, проживающего на определенной территории в современный период, объединенная общей культурой, системой ценностей, историей, интересами и видением общего будущего

Современный вариант сценария развития ВПО — *зд.:* частный вариант сценария, реализуемый в тактический отрезок времени, как правило, за один-два года.

Сопровождение автоматизированной системы — деятельность по оказанию услуг, необходимых для обеспечения устойчивого функционирования или развития автоматизированной системы.

Состояние. Понятием «состояние» обычно характеризуют мгновенную фотографию, «срез» системы, остановку в ее развитии. Его определяют либо через входные воздействия и выходные сигналы (результаты), либо через макропараметры, макросвойства системы (давление, скорость, ускорение). ... Устойчивость. Под устойчивостью понимают способность системы возвращаться в состояние равновесия после того, как она была из этого состо-

яния выведена под влиянием внешних (или в системах с активными элементами — внутренних) возмущающих воздействий.

Союзы — *зд.:* политическое, экономическое или военное объединение государств и других акторов при формировании МО

Средства информационной поддержки жизненного цикла продукции — аппаратные, программно-аппаратные, программные средства, реализующие процессы сбора, обработки, накопления, хранения и поиска информации в интегрированной информационной среде.

Средства коллективной безопасности ОДКБ — вооружение, военная и специальная техника, специальные средства, технологии, технические, программные, лингвистические, правовые, организационные средства; включая информационно-телекоммуникационные каналы, используемые для обеспечения коллективной безопасности.

Стабильность — динамичное состояние, которое при изменении внешних и внутренних воздействий позволяет системе сохранять свои основные качественные и количественные параметры в установленных пороговых пределах.

Столбовский мирный договор 1617 года — *зд.:* договор России и Швеции в условиях после длительной войны и Смуты, запрещавший торговлю России со странами Европы потому, что часть прибрежной территории (Карелия, Прионежье. Копорье и др.) оставались оккупированными Швецией. В современный период используется в качестве аналога изоляции России от Европы.

Стратегическая оборона — *зд.* вид политических, военных и иных действий, предусматривающий комплекс активных мероприятий по созданию:

— условий для перехода в наступление;
— проведение контрударов и частных активных (в т. ч. наступательных) операций;
— активных мероприятий на разных направлениях и театрах.

Стратегическая обстановка (СО) — вид военно-политической обстановки в определенный (конкретной) период времени в ходе конкретного конфликта или войны с участием конкретных субъек-

тов ВПО (фаза развития военно-политических отношений — военный конфликт). Стратегическая обстановка характеризуется конкретными особенностями, масштабами и ходом военных действий, возможностями и условиями их прекращения или расширения, факторами, влияющими на их ход и результаты. СО характеризуется совокупностью факторов и условий, в которых осуществляется подготовка и ведение военных действий. Определяется ВПО и характером военно-силового противостояния. Характеризуется применяемыми военно-силовыми средствами, ВВСТ, группировками и характером противоборства, решаемыми задачами и условиями ТВД (СН).

Стратегическое противоборство — *зд.:* противоборство между конкретными субъектами и акторами МО, которое характеризуется существенной противоположностью политических и иных целей, долгосрочным характером, бескомпромиссностью и широким спектром средств и способов влияния и использования в отношениях друг с другом.

Стратегическая стабильность (широкое понимание) — такое состояние межгосударственных отношений, при котором сложившееся соотношение военно-политических сил в мире не позволяет ни одному государству (коалиции государств) добиться превосходства над другим государством (коалицией государств) силовыми методами.

Стратегическая стабильность (узкое понимание) — состояние отношений в области стратегических ядерных вооружений, которое «устраняет стимулы одной стороны для ядерного удара первой».

Стратегическая стабильность (узкое понимание) — определенное состояние взаимодействия России и США в стратегической ядерной сфере с учетом фактора стратегической ПРО и стратегического неядерного оружия, а также нестратегического (тактического) ядерного оружия (НСЯО). Понятие «стратегическая стабильность» применимо и к взаимодействию сторон в силах и средствах общего назначения (обычных вооружений).

Стратегические национальные приоритеты — важнейшие направления обеспечения национальной безопасности, по которым

реализуются меры по защите национальных интересов Российской Федерации, а также осуществляются устойчивое социально-экономическое развитие нации.

Стратегический прогноз — *зд.:* важнейшая часть стратегического планирования и государственного управления, предполагающая разработку научно-обоснованных представлений об угрозах национальной безопасности и повышении эффективности способов и средств их преодоления.

Стратегический прогноз — результат деятельности участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации, о направлениях, результатах и показателях социально-экономического развития РФ, субъектов РФ и муниципальных образований.

Стратегический прогноз рисков социально-экономического развития Российской Федерации и угроз обеспечения национальной безопасности — документ, содержащий систему научно обоснованных представлений о возможных стратегических рисках социально-экономического развития и угрозах национальной безопасности Российской Федерации.

Стратегический прогноз Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему научно обоснованных предсказаний о стратегических рисках и угрозах национальной безопасности.

Стратегическое нападение — нападение с использованием ядерного и неядерных вооружений, а также всех других силовых средств, для достижения самых решительных политических целей в войне. Стратегическое нападение должно осуществляться по плану, который должен быть реализован при любом противодействии противника. Сверхзадачей стратегического нападения является на подготовительном этапе исключить огромное множество неэффективных вариантов стратегий, оставив и выбрав только один, наиболее эффективный вариант будущей стратегии нападения.

Стратегическое не ядерное ВТО — высокоточное не ядерное оружие (КР разных типов базирования, аэробаллистические и ги-

перзвуковые ракеты и пр.), способное выполнять стратегические задачи, — удары по центрам политического и военного управления и связи, ШПУ и т. д.

Стратегическое планирование — *зд.:* деятельность участников и органов стратегического планирования по разработке, целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию, а также реализации основных направлений деятельности Правительства и ФОИВ и иных планов в сфере обеспечения национальной безопасности.

Стратегическое программирование — *зд.:* часть процесса стратегического планирования, которая заключается в разработке и реализации участниками государственных и муниципальных программ, содержащихся в документах стратегического планирования.

Стратегическое сдерживание (*трад.*) — способность обеспечения интересов безопасности с помощью угрозы или применения ядерного оружия.

Стратегическое сдерживание (*нов.*) — это способность государства эффективно обеспечивать защиту национальных интересов и ценностей как в периоды относительно мирного развития международной и военно-политической обстановки, так и на любом уровне развития конфликта, в т. ч. без прямого использования военной силы, обладая для этих целей достаточными возможностями, силами и средствами противодействия любым попыткам силового принуждения.

Стратегическое сдерживание (*трад.*) — разработка и системная реализация комплекса взаимосвязанных политических, дипломатических, военных, экономических, информационных и иных мер, направленных на упреждение или снижение угрозы деструктивных действий со стороны государства — агрессора (коалиции государств) в интересах обеспечения военной безопасности страны.

Стратегическая стабильность — *зд.:* состояние ВПО, при котором субъекты и акторы ВПО не могут использовать военную силу в политических целях. Нередко ассоциируется с ядерной стабильностью (стабильностью в области СНВ), что заведомо сужи-

вает это понятие до представления о военно-стратегическом равновесии.

Стратегия (Концепция) социально-экономического развития Российской Федерации — документ стратегического планирования, содержащий систему долгосрочных приоритетов, целей и задач государственного управления, направленных на устойчивое развитие.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ в сфере обеспечения национальной безопасности, который разрабатывается Советом Безопасности совместно с другими участниками стратегического планирования с учетом стратегического прогноза на долгосрочный период, и корректируется каждые шесть лет.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации — документ государственного стратегического планирования, определяющий стратегические национальные приоритеты, цели и меры внутренней и внешней политики, характеризующий состояние национальной безопасности и уровень развития государства на долгосрочную перспективу.

Стратегия социально-экономического развития субъекта Российской Федерации на долгосрочный период — документ государственного стратегического планирования, определяющий цели, приоритеты социально-экономической политики и задачи социально-экономического развития субъекта Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Структура МО — *зд.:* основные субъекты, факторы и тенденции, их системы, формирующие в результате своих взаимоотношений, то или иное состояние МО.

Структура МО и ВПО — *зд.:* системы взаимосвязанных групп факторов — тенденций, субъектов и акторов, формирующих состояния МО и ВПО.

Структура сценариев развития ВПО — последовательная совокупность действий элементов и субъектов ВПО и эволюция их устойчивых взаимосвязей как единой системы, обеспечивающих ее целостность и сохранение основных свойств при самых различных вариантах изменения внутреннего и внешнего характера.

Структура сценария — последовательная и взаимосвязанность совокупность действий (актов, сцен, сюжетов), направленных в соответствии с единой логикой на движение к общей цели.

Су-35 — (по кодификации НАТО: Flanker-E+- «Фланкер») — российский многоцелевой сверхманевренный истребитель-бомбардировщик поколения 4++. Производится с 2008 года. К 2019 году поступило в ВКС 100 единиц.

Субъекты военной политики — государства, коалиции государств (военно-политические союзы), вооруженные силы государств, вооруженные формирования, не имеющие международного правового статуса, способные вырабатывать свою самостоятельную политику и генерировать различные мероприятия и действия, с помощью которых должны решаться политические задачи и достигаться поставленные политические цели.

Субъекты МО и ВПО — *зд.:* суверенные с точки зрения международного права государства, способные к проведению самостоятельной внешней и военной политике.

Суверенитет — *зд.:* государственный — независимость и полная самостоятельность во внешних и внутренних делах; национальный — полновластие нации, ее политическая свобода, обладание реальной возможностью определять характер своей национальной жизни, включая, прежде всего способность политически самоопределяться вплоть до отделения образования самостоятельного государства.

Сущность периода развития ВПО — *зд.:* совокупность существенных свойств и качеств предмета (ВПО в период 2018–2025 гг.). См., например: Новейший философский словарь. М.: Книжный дом, 2003, с. 1008.

Сценарий — детальный план (проект), существующий в виде документа (пакета документов) или логически последовательного набора идей относительно долгосрочных тенденций и политических и иных целей.

Сценарии и варианты развития ВПО — *зд.:* возможные и наиболее вероятные тенденции в развитии конкретного (а не абстрактного) состояния ВПО как действующей системы, а не модели.

Сценарий развития военно-политической обстановки — *зд.* порядок перехода ВПО из одного состояния в другое под воздействием совокупности факторов, определяющих социально-политическое и военно-техническое, а также иное развитие субъектов и тенденций в развитии ВПО.

Сценарий развития военно-политической обстановки — *зд.:* порядок перехода ВПО из одного состояния в другое под воздействием совокупности факторов, определяющих социально-политическое и военно-техническое, а также иное развитие субъектов и тенденций в развитии ВПО

Сценарий развития военно-политической обстановки — описание состояния ВПО как составной части сценария развития МО и следствие одного из сценариев развития ЧЦ, которая характеризует состояние всей системы человеческой цивилизации в определенный период времени как совокупность взаимоотношений субъектов и последствий влияния внешних и внутренних факторов развития.

Сценарии развития международной обстановки — *зд.* относительно детальный план (проект), существующий в виде документа или набора логически последовательных идей по поводу краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных политических и иных тенденций в развитии и взаимодействии витии субъектов, факторов и акторов, формирующих международную обстановку.

Как правило, используется либо дедуктивный, либо индуктивные метод прогноза. Важно отметить, что оба метода позволяют решать оба типа прогнозных задач: построение нормативного и поискового прогноза. Таким образом, на стадии выбора метода у нас имеется четыре альтернативы:

— создание поискового сценарного прогноза дедуктивным методом;
— создание нормативного сценарного прогноза дедуктивным методом;
— создание поискового сценарного прогноза индуктивным методом;

— создание нормативного сценарного прогноза индуктивным методом.

Сценарий текущей и прогнозируемой ВПО — существующий и будущий детальный план с участием основных действующих субъектов развития ВПО.

Теория международных отношений и военная теория — *зд.:* дисциплины, в рамках которых международные и военно-политические отношения рассматриваются с теоретической точки зрения. В современном виде, на взгляд автора, данные дисциплины анализируют наиболее общие закономерности международных и военно-политических отношений, как правило, в виде неких (достаточно субъективных) авторских концепций, которые требуют конкретной адаптации для практического применения в политике.

Техническое обслуживание — комплекс операций или операция по поддержанию работоспособности или исправности изделия при использовании по назначению, ожидании, хранении и транспортировании.

Технологическая подготовка производства — совокупность процессов и процедур, имеющая целью создание комплекта технологических документов — технологических маршрутов и операционных карт механообработки, сборки (монтажа), контроля; норм времени на выполнение технологических операций; управляющих программ для оборудования с числовым программным управлением; проектов оснастки и специального инструмента и т. д. (Р 50.1.031–2001).

Технологические данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая на стадии технологической подготовки производства и ассоциированных с информационными объектами, описывающими изделие и его компоненты. Содержит сведения о способах изготовления и контроля изделия и его компонентов в процессе производства, описание маршрутных и операционных технологий, нормы времени и расхода материалов, управляющие программы для станков с ЧПУ, а также данные для проектирования приспособлений и специального режущего и мерительного инструмента и т. д. (Р 50.1.031–2001).

Тренды — *зд.:* основные тенденции развития, например, «глобализация», «универсализация» и пр., очень любимые современными российскими политологами, которые нередко преувеличивают и даже абсолютизируют их значение.

Угроза коллективной безопасности ОДКБ — совокупность факторов, препятствующих достижению стратегической цели ОДКБ — обеспечение безопасности стран-членов организации.

Удар — одновременное поражение группировок войск и объектов противника путем мощного воздействия на них всеми имеющимися средствами или войсками.

Управление вооруженными силами — разработка и реализация наиболее эффективных способов в деятельности институтов государства по подготовке и обеспечению защиты национальных интересов военными средствами специальными органами.

Управление данными — совокупность функций обеспечения требуемого представления данных, их накопления и хранения, обновления, удаления, поиска по заданному критерию и выдачи данных (ГОСТ 20886-85).

Управление закупками — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение реестра поставщиков, учет их конкурентоспособности, качества и сроков поставок, наличия сертификатов и т. д.; оценка соответствия закупок бюджету предприятия и обязательствам по платежам; оценка соответствия закупок плану материального обеспечения производства.

Управление запасами и складами — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая учет и контроль наличия материальных ресурсов на складах и в производственных подразделениях предприятия; планирование поступления ресурсов на склады; прием ресурсов от поставщиков и выдача их в производство; отгрузка готовой продукции заказчикам; учет остатков незавершенного производства; периодическая инвентаризация содержимого складов

Управление кадрами (персоналом) — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая планирование потребных трудовых ресурсов по профессиям и численности; ведение структуры предприятия, штатного расписания и должностных инструкций; формиро-

вание системы оплаты труда; набор новых сотрудников и повышение квалификации работающих; ведение личных дел сотрудников.

Управление качеством продукции — действия, осуществляемые при создании и эксплуатации или потреблении продукции, в целях установления, обеспечения и поддержания необходимого уровня ее качества.

Управление обслуживанием технологического оборудования — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение базы данных о технологическом оборудовании; планирование и учет профилактического обслуживания и планово-предупредительных ремонтов; ведение статистики отказов и неисправностей; поддержка склада запчастей и расходных материалов; анализ протоколов работы оборудования и т. д.

Управление предприятием — особый вид бизнес-процесса предприятия, в ходе которого определяются цели предприятия, собирается и анализируется информация о ходе производственных процессов, принимаются решения и выполняются действия, направленные на достижение целей.

Управление продажами, заказами и дистрибьюцией — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая ведение списка клиентов (заказчиков); формирование каталогов продукции и запасных частей; формирование цен и прайс-листов; формирование портфеля заказов и плана продаж; подготовка и ведение договоров на поставку продукции; подготовка и рассылка коммерческих предложений на поставку продукции; расчет себестоимости заказов и договорных цен; планирование сроков поставки продукции заказчику; оценка статуса заказа относительно плана производства; планирование потребностей и запасов в системе дистрибьюции и др.

Управление финансовыми ресурсами — совокупность программных средств и данных, обеспечивающая бухгалтерские функции; обобщение результатов расчета себестоимости продукции, уровня оборотных средств и незавершенного производства; учет финансовых средств; поддержку внутрипроизводственного хозрасчета; формирование и анализ выполнения финансовых планов; оценку устойчивости финансового положения предприятия, оборачиваемости средств, рента-

бельности, эффективности инвестиций и т. д.; кредитный менеджмент; управление основными фондами предприятия.

Управленческий потенциал — институциональная сила государства (цивилизации), выраженная в эффективности управления — политического, экономического, военного.

Файл — поименованное множество записей, обрабатываемых как единый блок.

Филогенез (от греч. «phylon» — род, племя и «генез») — *зд.:* историческое развитие организмов, в отличие от онтогенеза — индивидуального развития организмов, — история эволюционного процесса. Можно говорить о филогенезе отдельных признаков: органов, тканей, биохимических процессов, структуры биологических молекул и о филогенезе таксонов (групп дискретных объектов) любого ранга. Цель филогенетических исследований — реконструкция происхождения и последовательных эволюционных преобразований изучаемых структур и таксонов. Филогенез — эволюцию в прошлом — невозможно наблюдать непосредственно, а филогенетические реконструкции невозможно проверить при помощи эксперимента. Поэтому их можно только уточнять и исправлять по мере накопления новых данных.

Флуктуация (от лат. *fluctuatio* — колебание) — *зд.:* любое случайное отклонение какой-либо величины. Применительно к влиянию на ВПО означает, что все конфликты и деятельность в области безопасности в отдельных подсистемах носят не только не предсказуемый, но чаще всего случайный характер.

Формат — способ расположения и представления данных на носителе информации.

Характер внешних угроз — разновидность типов угроз, зависящих от сферы их возникновения: политических, экономических, военных.

Характер войн и вооруженных конфликтов — структура относительно устойчивых связей, определяющих цели войн, средства достижения этих целей масштабы военных действий.

Характер международных войн — совокупность наиболее важных черт и признаков современной войны как конкретного истори-

ческого явления, определяемого конкретными историческими условиями.

Характерные черты и особенности сценария развития МО — *зд.:* общее направление развития сценария МО (как некой основы тенденции), совокупность общих черт, характеризуемое такими качествами (особенностями) как: системностью, последовательностью, целеполаганием, рациональностью, непротиворечивостью и др.

Хремонидова война — *зд.:* «война всех против всех» — война Македонии с широкой коалицией греческих полисов, Спартой и Египтом, закончившаяся в 261 г. до н. э. победой Македонии.

Целеполагание — *зд.:* определение направлений, целей и приоритетов развития нации и обеспечения ее безопасности наиболее эффективными средствами.

Цель социально-экономического развития — достижение состояния экономики, социальной сферы, обороны и безопасности, которое определяется участниками государственного стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями.

Центр обработки данных (ЦОД) — ресурс, который состоит из персонала, аппаратного и программного обеспечения, организованный таким образом, чтобы обеспечивать услуги в виде обработки данных.

Центр силы МО — *зд.:* субъект или коалиция субъектов МО, представляющий самостоятельную и суверенную политику относительно других субъектов и акторов МО, которые сопоставимы с ним по своему могуществу.

Цивилизационные факторы влияния на формирование МО и ВПО — *зд.:* субъекты, акторы, а также объективные и субъективные средства и меры влияния на формирование МО и ВПО с учетом интересов и ценностей ЛЧЦ.

Человеческая цивилизация (ЧЦ) — локализованное по времени и пространству современное человеческое сообщество, объединяющее нации, государства и отдельные социумы. В данной работе рассматриваются две основные формы ЧЦ:

— глобальная ЧЦ, как совокупная современная общность людей, проживающих на планете;

— локальная ЧЦ — часть современной глобальной цивилизации, объединяющая цивилизационно близкие общества, государства и сообщества отдельных групп и людей.

Человеческий капитал (ЧК) — в широком смысле — главный интенсивный производительный фактор социального и экономического развития, обеспечения национальной и государственной безопасности, основное условие развития общества и семьи. Человеческий капитал — главный критерий развития нации, общества и экономики, основной фактор формирования и развития инновационной экономики и экономики знаний. С военно-политической точки зрения ЧК — главный фактор развития военной мощи и обеспечения национальной безопасности. Иногда используют следующую классификацию человеческого капитала:

— Индивидуальный человеческий капитал.
— Человеческий капитал фирмы.
— Национальный человеческий капитал.

Человеческий потенциал — основная часть национального богатства, которая может быть реализована в целях социально-экономического развития и безопасности, превратившись из потенциала в фактор — национальный человеческий капитал.

Чрезвычайная ситуация — обстановка, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей.

Эксплуатационные данные об изделии — совокупность информационных объектов, порождаемая в процессе проектирования и разработки, содержащая сведения, необходимые для организации обслуживания, ремонта и других действий, обеспечивающих работоспособность изделия.

Электронная вычислительная машина (ЭВМ) — вычислительная машина, основные функциональные устройства которой выполнены на электронных компонентах.

Электронное сообщение — информация, переданная или полученная пользователем информационно-телекоммуникационной сети.

Электронный документ — документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Эпифеномен — *зд.:* в политике (от греч. epi — при и phenomenon — являющееся) — побочное явление, сопутствующее другим явлениям, но не оказывающее на них никакого влияния. Эпифеноменом иногда считается сознание, истолковываемое как простое «отражение» внешних событий, никак не воздействующее на них.

Эффективность автоматизированной системы — свойство автоматизированной системы, характеризуемое степенью достижения целей, поставленных при ее создании.

Ad hoc — латинская фраза, означающая «специально для этого», «по особому случаю». Как правило, фраза обозначает способ решения специфической проблемы или задачи, который невозможно приспособить для решения других задач и который не вписывается в общую стратегию решений, составляет некоторое исключение. Например, закон ad hoc — это закон, принятый в связи с каким-то конкретным инцидентом или для решения какой-то особой задачи. Группа, созданная для решения конкретной (научной, организационной, иной) задачи, например, межведомственная группа по оценке и анализу состояния ВПО, созданная на базе Центра МГИМО в 2019 году.

Singularity (англ.) — *зд.:* понятие, означающее уникальное в своем роде событие с крайне особенными последствиями. Это слово используется математиками для обозначения значения, которое превосходит любое конечное ограничение, такое как взрывообразный рост величины, который возникает при делении константы на переменную, значение которой все больше приближается к нулю. Характерно для процесса развития СО.

Источники и литература:

Путин В.В. Стенограмма выступления Путина на онлайн-форуме «Давосская повестка дня 2021». 27.01.2021//president.org//27/01/2021.

Путин В.В. Указ Президента РФ № 683 от 31 декабря 2015 года «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

Путин В.В. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики российской Федерации» 3640 от 30 ноября 2017 г. (Ст. 4–25).

Путин В.В. Указ Президента РФ № 204 от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

Путин В.В. Выступление на расширенном заседании коллегии министерства обороны России 21 декабря 2020 г.//kremlin.ru/21/12/2020

Акиндинова Н.В., Чекина К.С., Яркин А.М. Экономический рост в России с учетом демографических изменений и вклада человеческого капитала // Экономический журнал Высшей школы экономики. 2017, т. 21, № 4, сс. 533–561.

Аникин В.А. Человеческий капитал: становление концепции и основные трактовки // Экономическая социология. 2017, т. 18, № 4, сс. 120–156.

Афиногенов Д.А., Грибин Н.П., Назаров В.П., Плетнев В.Я., Смульский С.В. Основы стратегического планирования в Российской Федерации. М.: Проспект, 2015. 368 с.

Бессонов В.А., Гимпельсон В.Е., Ясин Е.Г., Кузьминов Я.И. Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики // X Международная научная конференция по пробле-

мам развития экономики и общества: В 3-х кн. / под ред. Е.Г. Ясина. Кн. 1. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010, сс. 11–61.

В Академии наук просчитали сценарии распада России / Портал «Научная Россия». 3 декабря 2019 г. / https://scientificrussia.ru/articles/v-akademii-nauk-proschitali-stsenarii-raspada-rossii-na-federalnye-okruga

Военная история / под ред. Н.Б. Ачкасова. Спб.: Питер, 2018. 448 с.

Военно-экономическая безопасность и военно-техническая политика государства: изменение диалектики взаимосвязи в современных условиях. Монография. Под общ. ред. проф. С.Ф. Викулова. М.: АПВЭиФ, ООО «Канцлер», 2020. 438 с.

Вудворд Б. Страх: Трамп в Белом доме. М.: Альпина Паблишер, 2019. 496 с.

Гимпельсон В.Е. Нужен ли российской экономике человеческий капитал? Десять сомнений // Вопросы экономики. 2016, № 10, сс. 129–143.

Грозное небо. Авиация в современных конфликтах / М.С. Барабанов, С.А. Денисенцев, др. под ред. В.Н. Бондарева. М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2018. 256 с.

Громов Б. Ограниченный контингент. М.: Яуза-каталог, 2019. 384 с.

Группа Всемирного банка, 2019. Изменение характера труда. Доклад о мировом развитии.

Гудериан, Гейнц. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне.1939-1945.- М.: Цетрполиграф, 2020.- 574 с.

Денисенцев С. Тенденции роботизации боевых действий в 2020 году: турецкий прорыв и рост внимания к гуманитарным аспектам применения дронов // Экспорт вооружений, 2020, Специальный выпуск, сс. 23–24.

Доклад ЮНЕСКО по науке: на пути к 2030 году. Изд-во ЮНЕСКО, 2019. 45 с. / http://en.unesco_science_report

Долгосрочное прогнозирование развития отношений между локальными цивилизациями в Евразии: монография / А.И. Подберезкин и др. М.: Издательский дом «Международные отношения», 2017. 357 с.

Ильин И.А. Пути России. М.: Вагирус, 2007. 512 с.

Информационное общество и мировая политика / Зиновьева Е.С., Крутских А.В. Отв. ред. О.В. Гаман-Голутвина, А.И. Никитин. М. 2019, сс. 742–758.

Исследовательские университеты США: механизмы интеграции науки и образования / под ред. проф. В.Б. Супяна. М.: Магистр, 2009. 399 с.

Капица Л.М. Индикаторы мирового развития. Второе издание. М.: МГИМО МИД РФ, 2008. - 158 с.

Караганов С.А. Очистительный кризис // Россия в глобальной политике, 2021, №1, СС18-19.

Клаузевиц К. фон. Принципы веления войны. М.: Центрполиграф, 2020. 220 с.

Клаузевиц, Карл фон. О войне. Избранное. М.: АСТ, 2019.

Клеева Л., Клеев И., Никитова А. Управление развитием фундаментальной наукой / Проблемы теории и практики управления, 2014, № 7, сс. 32–37.

Климов М. Наши «Войны Пентагона»-2. Хаос опытно-конструкторских работ // Военное обозрение, 24.12.2020.

Колесников А., Волков Д. «Обнуляй» и властвуй: основные вызовы политическому режиму после 2020 года – Московский Центр Карнеги

Красинский В.В. Международная террористическая организация «Исламское государство»: история, современность: монография. М.: ИНФРА-М, 2017. 108 с.

Кузык Б.Н. Прогнозирование, стратегическое планирование и национальное программирование / Б.Н. Кузык, В.И. Кушлин., Ю.В. Яковец. 4-е изд. перераб. и доп. М.: Экономика, 2011. 604 с.

Кьеза Дж. Цугцванг для человечества М.: Книжный мир, 2019. 414 с.

Манойло А.В., Стригунов К.С., Технологии неклассической войны. Генезис. Эволюция. Практика. - М.: Горячая линия-Телеком, 2020. 378 с.

Мартынов Е.И. Политика и стратегия. Издательский дом «Финансовый контроль», 2003. - 448.

Маслов А. Москва и Пекин закрепили всеобъемлющее партнерство после избрания Байдена. 29.12.2020 //riafam.ru/29.12.2020.

Мегатренды мировой политики и их развитие в XXI веке / под ред. М.М. Лебедевой. Москва, 2019.

Международная научная конференция «Долгосрочное прогнозирование развития международных отношений в интересах национальной безопасности России» (Москва, сентябрь 2016 г.): сб. докладов / под ред. А.И. Подберезкина. М.: МГИМО-Университет, 2016. 169 с.

Мир в XXI веке: прогноз развития международной обстановки по странам и регионам / Подберезкин А.И., Александров М.В., Харкевич М.В., Родионов О.Е., Аватков В.А., Боришполец К.П., Зиновьева Е.С., Булатов Ю.А., Каберник В.В., Кузнецов Д.А., Лещенко П.В., Лунев С.И., Малов А.Ю., Подберезкина О.А., Пономарева Е.Г., Силаев Н.Ю., Сотников В.И., Стрельцов Д.В., Тихова В.В., Юртаев В.И. и др. М. 2018.

Мокрецкий А.Ч. Курс Китая на строительство международных отношений нового типа. М. АДВРАН, 2016. 296 с.

Наговицына Екатерина. Снайпер в Чечне. Война глазами офицера СОБР. СПб.: Питер, 2020. 320 с.

Назаров В., Подберезкин А., Подберезкина О. Выбор наиболее эффективной политики безопасности России: Комментарии по поводу выступления В.В. Путина на заседании Совбеза 22 ноября 2019 года // Научно-аналитический журнал «Обозреватель», 2019, № 12, сс. 6–25.

Наши соседи и другие главнейшие государства. Обзор их военной мощи. М.: Типография окружного штаба, Остоженка, 1913. 603 с.

Неравномерность развития стран мира / Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики. Аналитический центр при Правительстве РФ. Март 2018. - 17 с.

Никитенко Е.Г. Афганистан: от войны 80-х гг. до прогноза новых войн. - АСТ, 2004. - 362.

Подберезкин А.И. Война и политика в современном мире. М.: ИД «Международные отношения», 2020. 312 с.

Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал на перепутье. МГИМО-Университет, 2012. 374 с.

Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2012. Т. 1. 468 с.

Книга первая: «Человеческий капитал и посткоммунистическая идеология».

Книга вторая: «Роль национального человеческого капитала в период «фазового перехода» человечества».

Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2012. Т. II. 400 с.

Книга первая: «Международная безопасность в XXI веке и модернизация России».

Книга вторая: «Международная безопасность как следствие идеологической парадигмы мирового развития».

Подберезкин А.И. Национальный человеческий капитал. М.: МГИМО-Университет, 2011. Т III. 848 с.

Книга первая: «Идеология русского социализма: предпосылки возникновения, основные положения, ценности, принципы и нормы».

Книга вторая: «Идеология русского социализма и стратегия национального развития».

Книга третья: «Креативный класс и идеология русского социализма».

Подберезкин А.И. Роль институтов гражданского общества и потенциала человеческой личности как возрастающих факторов ускорения социально-экономического развития России. М.: РКГ, 2005. 295 с.

Подберезкин А.И. Роль США в формировании современной и будущей военно-политической обстановки: монография / М.: ИД «Международные отношения», 2019. 462 с.

Подберезкин А.И. Состояние и долгосрочные военно-политические перспективы развития России в XXI веке. М.: ИД «Международные отношения», 2018, сс. 1417–1503.

Подберезкин А.И. Человеческий капитал. М.: Европа, 2007. 464 с.

Подберезкин А.И., Соколенко В.Г., Цырендоржиев С.Р. Современная международная обстановка: цивилизации, идеологии, эли-

ты. М.: МГИМО-Университет, 2015 (Раздел «Политическая стратегия западной цивилизации в отношении России, сс. 117–129).

Попов И.М., Хамзатов М.М. Война будущего. Концептуальные основы и практические выводы. 3-е изд. испр. М.: Кучково поле, 2019. 832 с.

Проблемы трансформирования НАТО. Доклад РИСИ // Проблемы национальной стратегии, 2020, № 2, с. 15.

Проект долгосрочной стратегии национальной безопасности России с методологическими и методическими комментариями / А.И. Подберезкин и др. М.: МГИМО-Университет, 2016. 88 с.

Промышленная политика: монография / коллектив авторов: под ред. А.С. Булатова. М.: КНОРУС, 2020. 496 с.

Публичная дипломатия: Теория и практика: научное издание / под ред. М.М. Лебедевой. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2017, с. 6.

Ривера Э., Дэвис М., Буневич Д. «Идентичность и демократия»: ультраправые в Европарламенте. М.: Институт внешнеполитических исследований и инициатив, 2019. 48 с.

Россия в контексте мировой динамики: моделирование и прогноз /Малков С.Ю., Андреев А.И. и др. М.: Учитель, 2016, 2008 с.

Рот Г. Ад Восточного фронта. Дневники немецкого истребителя танков. 1941-1943. М.: Центрполиграф, 2019. 223 с.

Симония Н.А. Избранное. М.: МГИМО-Университет, 2012. 762 с.

Современная политическая наука. Методология / Алексеева Т.А., Байков А.А., Барановский В.Г., Баталов Э.Я., Богатуров А.Д., Водолазов Г.Г., Воскресенский А.Д., Гаман-Голутвина О.В., Дынкин А.А., Зиновьева Е.С., Ильин М.В., Крутских А.В., Лапкин В.В., Лебедева М.М., Мчедлова М.М., Никитин А.И., Никитина Ю.А., Овчарова О.Г., Пантин В.И., Патрушев С.В. и др. Москва, 2017.

Стратегическое сдерживание: новый тренд и выбор российской политики: монография / А.И. Подберезкин, М.В. Александров, К.П. Боришполец и др. М.: МГИМО-Университет, 2019. 656 с.

Стратегия непрямых действий: (пер. с анг.) / Бэзил Лиддл Гарт. М.: АСТ, 2018, сс. 5–6.

Теоретические и математические методы анализа факторов формирования оборонно-промышленного комплекса: монографи-

я/А.И. Подберезкин, М.В. Александров, Н.В. Артамонов и др. М.: МГИМО-Университет, 2021. 478 (1) с.

Э. Фон Манштейн. Утерянные победы / М.: Вече, 2017. 688с.

Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняю будущее. М.: «Классика XXI», 2005. 421 с.

Фонд Карнеги 04.12.2020 / https://carnegie.ru/2020/12/04/ru-pub83338?mkt_tok=eyJpIjoiTUdOak1UWTBOVGRqWldRMiIsInQiOiJ2MEJsNWRkSkIzVFBYWGk2U2YrTHF… 1/15

Фрайтаг-Лорингховен, Гуго, фон. Полководческое искусство. – М.: АСТ, 2019. 416 с.

Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016. 571 с.

* * *

Acemoglu, Daron, and Fabrizio Zilibotti. 2001. "Productivity Differences." The Quarterly Journal of Economics 116 (2): pp. 563–606.

Acemoglu, Daron, and Joshua Angrist. 2000. "How Large are Human-Capital Externalities? Evidence from Compulsory Schooling Laws." NBER Macroeconomics Annual: pp. 9–59.

Bar-El, Ronen, Kobi Kagan, and Asher Tishler. 2010. "Forward-Looking versus Shortsighted Defense Budget Allocation." Journal of Conflict Resolution 54 (4): pp. 638–662.

Barr, Nicholas, and Iain Crawford. 1998. "Funding Higher Education in an Age of Expansion." Education Economics 6 (1): pp. 45–70.

Barro, Robert. 1991. "Economic Growth in a Cross Section of Countries." The Quarterly Journal of Economics 106 (2): pp. 407–443.

Benhabib, Jess, and Mark M. Spiegel. 1994. "The Role of Human Capital in Economic Development Evidence from Aggregate Cross-country Data." Journal of Monetary Economics 34 (2): pp. 143–173.

Bils, Mark, and Peter J. Klenow. 2000. "Does Schooling Cause Growth?" American Economic Review 90 (5): pp. 1160–1183.

Bolten, Joseph. G., Robert S. Leonard, Mark V. Arena, Obaid Younossi, and Jerry M. Sollinger. 2008. Sources of Weapon System Cost Growth: Analysis of 35 Major Defense Acquisition Programs.

Brito, Dagobert L. 1972. "A Dynamic Model of an Armaments Race." International Economic Review 13 (2): pp. 359–375.

Caselli, Francesco, and Wilbur John Coleman. 2006. "The World Technology Frontier." American Economic Review 96 (3): pp. 499–522.

Checchi, Daniele. 2006. The Economics of Education. New York: Cambridge University Press.

Conley, Timothy G., and Christopher R. Udry. 2010. "Learning about a New Technology: Pineapple in Ghana." American Economic Review 100 (1): pp. 35–69.

Deger, Saadet, and Somnath Sen. 1984. "Optimal Control and Differential Game Models of Military Expenditure in Less Developed Countries". Journal of Economic Dynamics and Control 7 (2): pp. 153–169.

Dunne, J. Paul, Sam Perlo-Freeman, and Ron P. Smith. 2008. "The Demand for Military Expenditure in Developing Countries: Hostility Versus Capability." Defence and Peace Economics 19 (4): pp. 293–302.

Dwyer, Morgan, Bruce Cameron, and Zoe Szajnfarber. 2015. "A Framework for Studying Cost Growth on Complex Acquisition Programs." Systems Engineering 18 (6): pp. 568–583.

Foster, Andrew D., and Mark R. Rosenzweig. 1996. "Technical Change and Human-capital Returns and Investments: Evidence from the Green Revolution." American Economic Journal: Microeconomics 86 (4): pp. 931–953.

Galor, Oded, and Omer Moav. 2000. "Ability-biased Technological Transition, Wage Inequality, and Economic Growth."The Quarterly Journal of Economics 115 (2): pp. 469–497.

Gombert D., Binnendijk. The Power to Coerce. Cal., RAND, 2016. 46 p.

Greenaway, David, and Michelle Haynes. 2003. "Funding Higher Education in the UK: The Role of Fees and Loans". The Economic Journal 113 (485): F150–F166.

Hirao, Yukiko. 1994. "Quality versus Quantity in Arms Races." Southern Economic Journal: pp. 96–103.

Human Development Indices and Indicators: 2018 Statistical Update. UNDP, 2018. 110 p.

Intriligator, Michael D. 1975. "Strategic Considerations in the Richardson Model of Arms Races". Journal of Political Economy 83 (2): pp. 339–354.

Jones, Benjamin F. 2014. "The Human Capital Stock: A Generalized Approach". American Economic Review 104 (11): pp. 3752–3777.

Katz, Daniel R., Shahram Sarkani, Thomas Mazzuchi, and Edmund H. Conrow. 2015. "The Relationship of Technology and Design Maturity to DoD Weapon System Cost Change and Schedule Change during Engineering and Manufacturing Development." Systems Engineering 18 (1): pp. 1–15.

Kirkpatrick, David L. I. 2004. "Trends in the Costs of Weapon Systems and the Consequences." Defence and Peace Economics 15 (3): pp. 259–273.

Lucas, Robert E. 2015. "Human Capital and Growth." American Economic Review 105 (5): pp. 85–88.

Machin, Stephen, and John Van Reenen. 1998. "Technology and Changes in Skill Structure: Evidence from Seven OECD Countries." The Quarterly Journal of Economics 113 (4): pp. 1215–1244.

Madsen, Jakob B. 2014. "Human Capital and the World Technology Frontier." Review of Economics and Statistics 96 (4): pp. 676–692.

Manuelli, Rodolfo E., and Ananth Seshadri. 2014. "Human Capital and the Wealth of Nations." American Economic Review 104 (9): pp. 2736–2762.

Middleton, Andrew, Steven Bowns, Keith Hartley, and James Reid. 2006. "The Effect of Defence R&D on Military Equipment Quality." Defence and Peace Economics 17 (2): pp. 117–139.

Moretti, Enrico. 2004. "Estimating the Social Return to Higher Education: Evidence from Longitudinal and Repeated Cross-sectional Data." Journal of Econometrics 121 (1–2): pp. 175–212.

Nikolaidou, Eftychia. 2008. "The Demand for Military Expenditure: Evidence from the EU15 (1961–2005)". Defence and Peace Economics 19(4): pp. 273–292.

Pecht, Eyal, and Asher Tishler. 2015. "The Value of Military Intelligence." Defence and Peace Economics 26 (2): pp. 179–211.

Pecht, Eyal, Asher Tishler, and Nir Weingold. 2013. "On the Choice of Multi-task R&D Defense Projects: A Case Study of the Israeli Missile Defense System." Defence and Peace Economics 24 (5): pp. 429–448.

Richardson, Lewis Fry. 1960. Arms and Insecurity: A Mathematical Study of the Causes and Origins of War. ed. Pittsburgh, PA: Boxwood Press.

Simaan, Marwan, and J. B. Cruz. 1975. "Formulation of Richardson's Model of Arms Race from a Differential Game Viewpoint." The Review of Economic Studies 42 (1): pp. 67–77.

Smith, Ron. 1980. "The Demand for Military Expenditure." The Economic Journal 90 (360): pp. 811–820.

The National Military Strategy of the United States of America 2015. Joint Chiefs of Staff. June 2015, p. 17.

The Power to Coerce: Countering Adversaries Without Going to War/ D/C/ Gompert, H. Binnendijk. Wash., Cal., 2016, RAND. 42 p.

The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2018. Portland, 2019, p. 174.

Summary of 2018 National Defense Strategy of the United States of America. Wash., 2018, p. 11.

World Bank / esearch.worldbank.org/PovcalNiret/index.htm https://data.worldbank.org/

Научное издание

Подберезкин Алексей Иванович

СОВРЕМЕННОЕ МИРОУСТРОЙСТВО,
СИЛОВАЯ ПОЛИТИКА И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Согласно Федеральному закону РФ от 29.12.2010 № 436-ФЗ
данная продукция не подлежит маркировке

Редактор *О.Е. Родионов*
Компьютерная верстка *Е.В. Лабыгина* Художественное
оформление обложки *Е.С. Игнатова*

Подписано в печать 26.11.2021. Формат $70\times100^{1}/_{16}$.
Уч. изд. л. 37,13. Тираж 300 экз. Заказ 2057

ИД «Международные отношения»
125481, г. Москва, ул. Свободы, д. 91/2

Отпечатано в АО "Первая Образцовая типография"
Филиал "Чеховский Печатный Двор"
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

ISBN 978-5-906367-98-3

